Т3(2)
И90

Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова

История России

с древнейших времен до конца XVII века

Под редакцией
Л.В.Милова

- История России с древнейших времен до начала XVII века
  - Предисловие
  - Раздел I. Древнейший период в истории нашей страны. Формирование человеческого общества. Появление первых политических образований
    - Глава 1. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ
    - Глава 2. ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА И СИБИРЬ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ
  - Раздел II. Восточные славяне и другие народы Восточной Европы и Сибири в эпоху раннего Средневековья
    - Глава 3. ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН
    - Глава 4. ДРЕВНЕРУССКИЕ ЗЕМЛИ В ЭПОХУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ
    - Глава 5. ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
  - Раздел III. Восточная Европа и Сибирь под властью Золотой Орды. Борьба русского народа за освобождение от иноземного господства и политическое объединение
    - Глава 7. МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ И СУДЬБЫ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В XIII в.
    - Глава 8. РУССКИЕ КНЯЖЕСТВА В ЭПОХУ МОНГОЛЬСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА. ВОЗРОЖДЕНИЕ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
    - Глава 9. ДВА ПУТИ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ОБЩЕСТВ В XIV—XV вв.
    - Глава 10. КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ В XIII—XV вв.
    - Глава 11. НАРОДЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И СИБИРИ В ЭПОХУ ГОСПОДСТВА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (XIII СЕРЕДИНА XV в.)
  - Раздел IV. Русское государство во второй половине XV — начале XVII в.
    - Глава 12. РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV —XVI в.
    - Глава 13. РУССКОЕ ОБЩЕСТВО ПЕРЕД СМУТОЙ
    - Глава 14 «СМУТНОЕ ВРЕМЯ»
    - Глава 15. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РУССКОГО ГОСУДАРСТВА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XV НАЧАЛО XVII в.)

        - Глава 16. РУССКАЯ КУЛЬТУРА КОНЦА XV—XVI в.
        - Глава 17. НАРОДЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV—XVI в.
    - Раздел V. Российская монархия в XVII в.
        - Глава 18. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В XVII в.
        - Глава 19. ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVII в.
        - Глава 20. ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО В XVII в.
        - Глава 21. СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ
        - Глава 22. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В XVII в.
        - Глава 23. РУССКАЯ КУЛЬТУРА В XVII в.
    - Хронологическая таблица
- notes
    - 1
    - 2

История России с древнейших времен до начала XVII века

Под редакцией академика РАН Л.В.Милова

Предисловие

Автор этих строк, посвятивший немало лет изучению массовых источников по аграрной истории России, со временем обнаружил четкие контуры существенного влияния природноклиматического фактора на российский исторический процесс. С выходом ряда публикаций по этой проблеме появились и ученые, в свою очередь обнаружившие проявления этого фактора. В итоге был создан коллектив, предпринявший разработку нового курса российской истории.

В последние десятилетия в историографии отечественной истории наблюдается резкое повышение интереса к концептуальным построениям курса русской истории. Выходит огромное количество книг. Однако многие из них по-прежнему создаются в традиционном плане, молчаливо исходя из отрицания какой-либо существенной роли в развитии российского социума природно-климатического фактора. В то же время современная публицистика с недавних пор довольно часто подчеркивает суровый, холодный климат нашей страны. Правда, дальше констатации этого факта дело не идет. Да и в курсах отечественной истории фиксация суровых природных условий не сопряжена с выявлением особенностей российского исторического процесса.

В предлагаемой вниманию читателей «Истории России с древнейших времен до начала XXI века» в трех книгах предпринята попытка анализа как непосредственных, так и опосредованных проявлений воздействия природно-климатического фактора на исторический процесс в нашей стране.

Общеизвестно, что на заре человечества природа и климат сыграли громадную роль в становлении рас и народов. Мыслители западного Средневековья отчетливо сознавали, что деятельность людей, их жизненные потребности обусловлены средой обитания, а условия географической среды во многом определяли психический склад народов и их исторические судьбы. Влияние природно-климатического фактора ярко прослеживается не только в том случае, когда сопоставляются, с одной стороны, страны Двуречья и Нила, а с другой — страны севера Европы, но и в том случае, когда сравниваются исторические судьбы и темпы развития запада и востока Европы.

Важнейшей особенностью экономики Российского государства всегда был необычайно короткий по времени для земледельческих обществ

рабочий полевой сезон. На западе же Европы, благодаря теплым течениям Атлантики и влиянию атлантических циклонов, этот сезон был примерно вдвое длиннее, а «мертвым сезоном», когда львиная доля работ на полях прекращалась, были лишь декабрь и январь. Эта не бросающаяся горожанину в глаза деталь носит между тем фундаментальныйхарактер. так как столь кардинальное различие в производственных условиях функционирования земледельческих обществ радикальным образом влияло на экономическое, политическое и культурное развитие запада и востока Европы. В основных европейских странах благоприятные природно-климатические условия способствовали не только росту совокупного прибавочного продукта в виде высоких урожаев, но и развитию широкого спектра неземледельческих занятий, росту городов, промышленности, культуры и т.д., создавали более комфортные условия быта. При таком типе развития роль государства в создании так называемых всеобщих условий производства была всегда минимальна, а центр тяжести развития был «внизу»: в крестьянском хозяйстве, в хозяйстве горожанина ремесленника и купца. Феодальной сеньории и городской коммуне была свойственна максимальная активность их административной, социальной и социокультурной функций. В конечном счете отсюда проистекало удивительное богатство и разнообразие форм индивидуальной деятельности, бурное развитие промышленности и торговли, культуры, науки, искусства.

На просторах Восточно-Европейской равнины с ее резко отличными от Запада природно-климатическими условиями ситуация была совсем иной. Преобладание неплодородных почв и необычайная кратковременность рабочего цикла земледельческих работ делали индивидуальное крестьянское хозяйство не только малоэффективным, но и напрямую зависимым в критические моменты производства от помощи крестьянской общины Даже в этих условиях, требующих величайшего напряжения сил и мобилизации всех ресурсов семьи, — русский крестьянин не достигал необходимой степени концентрации труда. Отсюда невысокая агрикультура, низкая урожайность, скудная кормовая база скотоводства, отсутствие удобрений, что в конечном счете приводило к низкому объему совокупного прибавочного продукта в масштабах целостного социума. Подобная ситуация, казалось бы, должна была обречь нашу страну на многовековое существование лишь примитивного земледельческого общества. Однако потребности более или менее гармоничного развития общества вызывали к жизни и в конце концов порождали своего рола компенсационные механизмы, помогавшие преодолеть отрицательное

воздействие неблагоприятных условий жизнедеятельности. Одним из таких механизмов была просуществовавшая целое тысячелетие община, выручавшая каждое индивидуальное крестьянское хозяйство в критические моменты производства. Другим механизмом явилось, по завершении объединения русских земель, создание жестких рычагов власти по изъятию необходимого обществу совокупного прибавочного продукта, обеспечивающего в первую очередь функционирование самого государства. Это выразилось в становлении российского самодержавия и неотделимого от него режима крепостного права. Созданное на востоке Европы Русское самодержавное государство, как показано в данном курсе, отличалось целым рядом институциональных особенностей, вызванных опосредованным влиянием окружающей среды. Самой трудной для него была задача создания крупной промышленности. Слабая продуктивность российского земледелия заставляла включаться в него практически весь социум. И только усилиями государства в XVII—XVIII вв. в России была создана крупная промышленность, правда, большей частью на основе подневольного крепостного труда. Но, тем не менее, она была создана. Были сооружены оборонительные системы, обеспечивающие освоение южных и юго-восточных пространств страны. Посредством подневольной мобилизации огромных масс народа была создана и необходимая инфраструктура (дороги, гавани, верфи, сама блистательная столица Российской империи). В итоге многовековых усилий держава достигла грандиозных успехов, став сильнейшим европейским государством. Однако итог такого развития был асимметричным, ибо подавляющее большинство населения страны попрежнему продолжало заниматься земледелием, экстенсивный характер которого и низкая урожайность постоянно требовали все новых рабочих рук и роста эксплуатации крестьянства. В XIX столетии европеизация дворянской элиты и разночинной интеллигенции достигла высокого уровня. Географическая близость России и Европы резко усиливала в обществе иллюзии близости путей развития. Между тем вопиющий контраст с Западом — отсталость деревни и огромного большинства населения — будоражил общественную мысль, заставлял ее искать выход из создавшегося положения, в том числе посредством радикальных левых идей. К середине этого века, когда промышленность России достигла внушительного развития, компенсационные механизмы общинного уклада жизни крестьянства и жесточайший режим крепостничества лишились энергии своего поступательного развития. Российское общество было обречено на мучительные поиски новых путей, средств и способов развития, которые

дали бы мощный импульс аграрному развитию.

Реформа 1861 г., ликвидировав в основном крепостное право и положив начало буржуазным реформам, дала простор, хотя и ограниченный, капиталистическому развитию страны. Тем не менее аграрный вопрос тяжелейшими веригами лежал на плечах общества. Земля по-прежнему цепко держала огромнейшую часть населения. Парадоксальное аграрное перенаселение старого земледельческого центра сдерживалось организацией массовых переселений на восток страны. В свою очередь, российская промышленность, пережив в 1890-е гг. стремительный подъем, тем не менее, была не в силах поглотить этот «излишек» населения, поскольку по-прежнему общий объем реальной продукции земледелия был далек от необходимой нормы. Прогрессивные попытки П. А. Столыпина создать крупное товарное крестьянское хозяйство за счет ликвидации общины в течение примерно 20 лет не учитывали повседневную острую актуальность архаичной общины в выживании российского крестьянства. Итог известен — три революции начала XX века.

* * *

Советская власть, совершая в феноменально короткие сроки гигантский скачок в развитии промышленности, совсем не учитывала многовековых особенностей российского земледелия и скотоводства. Эта власть кардинально перекачала ресурсы деревни в строительство фабрик и заводов. Укрупнив аграрные производственные структуры и добившись известных успехов, она, угнетая личный интерес земледельца, по сути, за ничтожную цену получала сырьевые ресурсы земледелия и животноводства. В предгрозовой обстановке конца 20—30-х гг. это могло восприниматься как чрезвычайная временная политика. Однако после Великой Отечественной войны, подняв на ноги истощенное сельское хозяйство, государство так и не добилось гармонии личных и общественных интересов. В постсоветской России решение аграрной проблемы еще предстоит.

* * *

В первой книге данного курса отечественной истории, охватывающей период с древности до конца XVII века, наряду с солидным корпусом фактических данных уложен материал, свидетельствующий о весьма существенном влиянии на жизнь страны и общества условий природы и климата. В первую очередь это низкая эффективность ключевого звена

экономики — земледелия, что сказалось на замедленном темпе создания предпосылок государственности. Мигрировавшие на восток Европы славянские племена лишь через длительный период пришли к возможности становления государства. Причем его общественный строй был основан на централизованной эксплуатации населения страны корпорацией профессиональных воинов в лице княжеской дружины. Низкий объем совокупного прибавочного продукта имел своим результатом упрощенную систему обеспечения дружинников за счет государственных доходов, ибо длительное время на Руси не было условий для появления крупной частной земельной собственности. За счет получения доли государственных доходов существовала и церковь. Лишь с распадом Древнерусского государства на ряд княжений появляются условия для становления в рамках описанной структуры частной феодальной земельной собственности. В XIII— XV вв. русской истории эта собственность духовных и светских феодалов развивается в достаточно замедленных темпах, при одновременном сосуществовании новых и старых форм общественного устройства, когда господствующий класс, участвуя в государственном управлении, продолжал получать существенную долю своих доходов из государственной казны, используя систему наместничеств и кормлений. Лишь в XVI в. в руки отдельных феодалов перешла большая часть земельного фонда в главных регионах страны.

С появлением единого Русского государства и созданием разветвленной системы центральных и местных органов управления действующие механизмы, компенсирующие ущербность доходов из-за природно-климатических условий, в XVI— XVII вв. дополняются рядом новых институций. В числе их следует отметить несение государственных функций управления торговлей и финансами «гостями» и членами «гостиной» и «суконной» сотен, т. е. верхушкой привилегированного купечества, а также многовековая практика привлечения к этой службе посадской черной общины. Следует отметить и институт «посохи», заключавшейся в экстренной мобилизации населения в период войны, а иногда и в мирное время на проведение оборонных работ, участие в тыловых операциях, строительство крепостей, тюрем, казенных зданий и т.д. Наконец, к специфичным проявлениям исторического процесса в России следует отнести создание в целях сплочения светских землевладельцев вокруг самодержца, их консолидации в единый элитный слой, служащий опорой государства, системы условных держаний в виде так называемых поместных владений конца XV — XVII в. Выражением стремления центральной власти к жесткому контролю над обширной

территорией государства и усилению полномочий царя с середины XVI в. становится обусловленное государственной службой вотчинное владение.

В числе примечательных особенностей регионального характера следует отметить разделение, на основе новейших исследований, истории средневекового Новгородского государства на два принципиально разных этапа. В XI—XIII вв. Новгород как город-государство осуществлял централизованную эксплуатацию населения Новгородской земли, а полученные доходы в той или иной мере распределялись между членами городской общины. В XIV-—XV вв. фонд государственных земель в своей огромной части перешел в руки новгородских бояр, ставших крупными землевладельцами и присвоивших себе доходы с них. Это стало одной из главных причин внутреннего кризиса города-государства, оказавшегося неспособным противостоять Москве.

С конца XVI в. вновь получила развитие так называемая служебная организация, с помощью которой особые разряды населения из поколения в поколение специализировались в области разнообразнейших ремесленных и иных занятий в пользу государства. Специфика общества с ограниченным прибавочным продуктом отразилась и на организации военной, пограничной и городовой служб. В XVII в. именно государство организует с помощью привлечения зарубежных специалистов особого рода концессии крупного промышленного железоделательного производства в виде доменных и молотовых комплексов. Разумеется, многовековой путь развития Русского государства, несмотря на войны, монгольское иго и социальные конфликты, имел поступательный характер благодаря многотрудным усилиям всего общества, начиная с горемыки-земледельца и кончая служилым дворянством.

Академик РАН Л. В. МИЛОВ

Раздел I. Древнейший период в истории нашей страны. Формирование человеческого общества. Появление первых политических образований

Глава 1. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

§ 1. КАМЕННЫЙ ВЕК. ЗАРОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА. НАЧАЛО ПЕРЕХОДА ОТ ОХОТНИЧЬЕ-СОБИРАТЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА К ПРОИЗВОДЯЩЕМУ

Исследования последних десятилетий, принадлежащие ученым ряда смежных специальностей, окончательно установили, что родиной человека является Африка. Именно на территории Восточной Африки в районе Восточно-Африканского рифта 2,5 млн лет назад далекие предки современного человека стали изготовлять первые самые примитивные каменные орудия, что означало решительный шаг к выделению человека из животного мира, к которому он до этого принадлежал. Первая, древнейшая волна миграции с территории прародины в Евразию, когда продолжалось изготовление тех же самых примитивных орудий, которые изготовлялись и в Африке, имела место около двух миллионов лет назад. Эта первая волна миграции достигла Центральной Азии, а около 600—500 тыс. лет назад произошло первоначальное заселение Горного Алтая.

Вторая волна миграции, связанная с распространением появившихся на Ближнем Востоке более совершенных каменных орудий, начавшаяся около 450—350 тыс. лет назад, привела со временем к появлению первых стоянок человека на территории Восточной Европы и Сибири.

Палеолит. Наиболее древние стоянки человека раннего палеолита на территории современной Украины и Молдавии относятся к так называемой ашельской эпохе, начавшейся около 300 тыс. лет назад. Исследователи полагают, что сюда, в южную часть Восточной Европы, древний человек пришел с запада, из центральной части Европы. Большие скопления на ашельских стоянках костей млекопитающих говорят о том, что главным занятием человека этой эпохи была охота. Он уже умел пользоваться огнем и изготовлять разные виды каменных орудий — ножи, скребки для сдирания и очистки шкур, которые использовались в качестве одежды. Большие трудности для расселения человека по территории Восточной Европы создало начавшееся в конце ашельской эпохи днепровское оледенение. Льды на территории Восточной Европы достигали районов современных Днепропетровска и Калача. Льды покрывали и Западно-

Сибирскую равнину, а более южные, соседствующие с ледниками земли представляли собой безлесную тундростепь.

Более широкое расселение человека по территории северной части Евразии началось в эпоху мустье, около 130— 90 тыс. лет тому назад. Стоянки человека этой эпохи встречаются как на Северном Кавказе, так и в южной части Восточно-Европейской равнины от Приазовья до бассейна Десны и в южной части Сибири. Люди этой эпохи были также охотниками, но в их жизни известное место стало занимать уже и собирательство, и приготовление растительной пищи, о чем говорят находки каменных пестов и ступок. Человек эпохи мустье изготовлял уже более сложные и разнообразные каменные орудия и начал изготовлять орудия из кости. К этому времени относятся и первые погребения человека — свидетельство существования каких-то религиозных представлений. Эти погребения позволяют судить о физическом типе человека этого времени — неандертальца (от названия местечка Неандерталь, где в 1856 г. были обнаружены его останки). По своим физическим особенностям неандерталец значительно отличался от современного человека. Исследователи в настоящее время полагают, что неандерталец представлял своего рода тупиковую ветвь в процессе формирования человека. В эпоху позднего палеолита на смену неандертальцу пришли другие антропоиды — прямые генетические предки современных людей. К этой эпохе исследователи относят формирование трех главных рас, на которые делится человечество: европеоидной, негроидной и монголоидной.

Эпохой мустье завершился на территории Восточной Европы период раннего палеолита — той исторической эпохи в развитии человечества, когда люди умели изготавливать только каменные орудия. Примерно 40— 35 тыс. лет тому назад здесь начался период позднего палеолита. Климат в эту эпоху продолжал оставаться суровым, ледники на территории Восточно-Европейской равнины еще достигали Верхней Волги. Несмотря на это, в период позднего палеолита появились стоянки на Печоре и в Приуралье, было заселено Забайкалье, поселения этого времени обнаружены и на территории Якутии. Каменные орудия становились в этот период все более многочисленными и разнообразными, появились и составные, в которых каменные детали соединялись с деревянными или костяными. Главным источником пищи и одежды оставалась охота. Появились мотыгообразные орудия, которыми могли рыхлить землю. Поскольку охота продолжала оставаться главным занятием человека позднего палеолита, люди предпочитали селиться в местах, наиболее удобных для охоты, — у воды, чтобы подстерегать идущих на водопой

животных. Поэтому следы поселений этого времени обнаруживаются в долинах рек Днестра, Днепра, Дона, Енисея и Ангары. Люди этого времени уже стали строить искусственные жилища, используя для этого черепа и кости мамонтов — древних слонов, на которых они охотились. Безраздельное господство охотничье-собирательского хозяйства не требовало развития тесных связей между сравнительно небольшими по размеру коллективами людей (большими семьями), однако определенные связи существовали, о чем говорит распространение на обширных территориях одинаковых приемов обработки камня. Для этой эпохи можно уже отметить наличие определенных различий между группами археологических памятников на определенной территории. На территории Восточной Европы выделяют десять таких групп. Археологические данные говорят о появлении в позднем палеолите первых произведений искусства — вырезанных из кости фигурок людей и животных. Среди них важное место занимали изображения обнаженных беременных женщин свидетельство особого почитания женщины-матери, продолжательницы человеческого рода. Появление этих изображений — свидетельство развития, формирования духовных потребностей людей этой далекой эпохи. Об этом же говорит появление погребений, в которых вместе с умершими археологи находят украшения и оружие. К этой же эпохе относится и появление на территории Восточной Европы древнейшего памятника живописи — фресок на стенах Каповой пещеры (на территории совр. Башкирии). На стенах пещеры минеральными красками нарисованы мамонты, лошади, носорог — появление этих изображений, очевидно, было связано с тем местом, которое занимала охота в жизни людей позднего палеолита.

Эпоха мезолита. В новую эпоху — мезолита (8— 5,5 тыс. лет до н.э.) произошли весьма существенные изменения климатических условий: таяние ледника, формирование нового растительного покрова на ранее холодных степях в южной части Восточной Европы, формирование лесов в ее северной части. Перемены в животном мире, связанные с исчезновением крупного зверя, на которого охотились люди палеолита, требовали перехода к иным способам охоты. С поисками этих способов связано крупнейшее изобретение мезолита — лук и стрелы. О новых способах говорит и появление в эту эпоху первых находок орудий рыболовства (рыболовных крючков из костей, сетей и др.). Особенно разнообразными становятся каменные орудия — от наконечников для стрел до массивных каменных топоров, еще более широкое распространение получают составные орудия. Изучение характера орудий труда и поселений позволило археологам

разделить территорию Восточной Европы на три зоны: южную (Крым, Кавказ, Прикаспийская область, Южный Урал), лесостепную и лесную. Очевидно, уже в эту эпоху зародились различия в ведении хозяйства и образа жизни, связанные с разным характером природно-климатических условий в этих зонах.

К этому времени исследователи относят существование так называемой ностратической макросемьи — языковой общности, распад которой привел в дальнейшем к образованию индоевропейской, уральской, алтайской и некоторых других языковых семей. Реконструкция ностратического праязыка показала, что он не включал понятия, связанные с земледелием и скотоводством, а только те, что были связаны с охотой, рыболовством и собирательством. Носителями ностратического праязыка было, по-видимому, все древнейшее население Передней и Южной Азии, Европы и Северной Евразии. Не случайно характерные для этой зоны приемы обработки камня существенно отличаются от приемов обработки камня в восточной зоне — сфере обитания предков носителей сино-тибетских языков.

В эпоху мезолита завершилось заселение человеком северной части Евразии: человек дошел до берегов Северного Ледовитого и Тихого океанов. К этой же эпохе следует отнести и начало заселения Америки людьми, переправившимися через Берингов пролив.

Эпоха неолита. Огромный скачок в развитии человеческого общества произошел в эпоху неолита (примерно 5500— 2000 гг. до н.э.), когда при сохранении еще каменных орудий труда постепенно начался переход от охотничье-собирательского хозяйства к производящему. Продолжалось совершенствование каменных орудий, археологами открыты целые шахты, где добывали и обрабатывали камень. К традиционным способам обработки камня добавились такие, как шлифование, пиление и заточка. Большое значение имело появление настоящего каменного топора, что дало возможность на севере Восточной Европы рубить лес и строить жилища. В эпоху неолита стали повсеместно изготовлять глиняные сосуды для приготовления пищи. К этой эпохе относится и зарождение ткачества.

Главный, определивший все последующее развитие человечества процесс перехода от охотничье-собирательского хозяйства к хозяйству производящему развивался на территории Восточной Европы неравномерно: более быстро на южных территориях, испытывавших сильное влияние первых очагов цивилизации, возникших на Ближнем Востоке, более медленно на удаленных северных и восточных территориях. Переход к земледелию наметился на Кавказе и в Бугско-Днестровском

регионе, на территории лесостепной Украины, Южной Белоруссии и Верхнего Поднепровья. В лесной зоне Восточной Европы продолжало сохраняться охотничье-собирательское хозяйство.

Охотничье-собирательское хозяйство сохранялось на территориях, обозначаемых условными терминами, — «уральский неолит» (Прикамье и бассейн северного течения Оби) и «ангарский неолит». Здесь наряду с охотой значительным был удельный вес рыболовства.

Таким образом, уже в эпоху неолита наметилась неравномерность развития различных регионов северной части Евразии. Если в южной части Восточной Европы намечается переход к новым орудиям труда и новым формам хозяйства, то в лесной зоне Восточной Европы традиционный характерный для эпохи неолита образ жизни населения с набором соответствующих орудий сохранялся до I тысячелетия до н.э., на территории Сибири — еще дольше.

К эпохе неолита, когда на отдельных территориях складываются заметно отличные друг от друга археологические культуры, лингвисты относят и распад характерных для более раннего времени больших языковых общностей и формирование современных языковых семей. Тем самым есть основания полагать, что носители отдельных археологических культур эпохи неолита принадлежали одновременно и к отдельным формирующимся этноязыковым общностям. К сожалению, по отношению к этой эпохе нет оснований пойти дальше такой общей постановки вопроса.

§ 2. БРОНЗОВЫЙ ВЕК. ФОРМИРОВАНИЕ РАЗНЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТИПОВ

Бронзовый век. Наметившиеся перемены, начавшаяся выработка способов хозяйствования, соответствовавших разным природно-климатическим условиям, завершились в последующую эпоху человеческой истории, получившую условное название «бронзовый век», когда на смену орудиям и изделиям из камня пришли орудия и изделия из бронзы — сплава меди и олова. Их появление явилось свидетельством зарождения древнейшего в мире металлургического производства. Зародившись на Ближнем Востоке, это производство стало распространяться по территории Восточной Европы в V—IV тысячелетиях до н.э.

На территории Молдавии и Правобережной Украины сложился очаг земледельческой трипольской культуры. Развивавшееся постепенно мотыжное земледелие сочеталось здесь со скотоводством и охотой, характер хозяйства вел к быстрому истощению плодородия обрабатываемых участков, и это заставляло трипольцев часто менять места своих поселений. В степях Причерноморья и Северного Кавказа как главный вид производственной деятельности человека утверждается скотоводческое хозяйство. На территории восточноевропейских степей следы деятельности этого населения нашли свое отражение в памятниках сформировавшейся к середине III тысячелетия до н.э. так называемой ямной культуры (от характерного для всей ее территории обряда погребения умерших в ямах, над которыми возводились курганы). Ряд исследователей, сопоставляя данные археологии и лингвистические реконструкции, основанные на сравнительном изучении языков индоевропейской семьи, пришли к выводу, что именно восточноевропейские степи были в III тысячелетии до н.э. очагом обитания племен индоиранской языковой группы, именно отсюда происходила миграция этих племен на территорию Индии (так называемые племена ариев) и Ирана. С этого времени и в течение очень длительного периода скотоводы восточноевропейских степей были иранцами по своему языку. Это ираноязычное население, скорее всего, и оставило памятники более поздних археологических культур, которые пришли в степях на смену памятникам ямной культуры.

Вместе с тем лингвистические исследования говорят об очень древних, до миграции скотоводческих племен степной зоны в Иран и Индию, контактах древних индоиранцев с носителями финно-угорских языков. Очевидно, среди соседей населения, оставившего памятники ямной культуры, были племена финно-угорской языковой семьи. Данные лингвистической реконструкции позволяют говорить, что прародина носителей языков этой группы находилась в таежной зоне — области распространения ели, сосны, пихты, а также северного оленя, соболя, куницы. Господствовало у них охотничье-рыболовное хозяйство. Их связывают с культурами позднего неолита, сохранявшимися здесь до II тысячелетия до н.э.

Есть также основания для того, чтобы говорить о достаточно раннем появлении на территории Восточной Европы племен, принадлежавших к древнеевропейской ветви индоевропейской языковой семьи, которая в историческом развитии разделилась на славянские, балтские, германские и другие племена. На пространстве между Вислой и Днепром сложилась,

распространившись на огромной территории от Южной Скандинавии и Рейна до Камы и Волги, так называемая культура шнуровой керамики и боевых топоров, которую связывают с племенами, принадлежащими к этой ветви индоевропейской языковой семьи. Часть таких племен вторглась с запада на территорию Среднего Поднепровья, ассимилировав население, принадлежавшее к трипольской культуре. Другая волна этих племен вторглась на территорию Восточной Европы через Прибалтику, охватив большие пространства от Псковского озера на западе до Камы на востоке, оставив памятники так называемой фатьяновской культуры. Эта ветвь древних индоевропейцев вела комплексное хозяйство, в котором особое значение имело скотоводство того типа, который был характерен для лесных районов. Обилие на стоянках «фатьяновцев» находок боевого оружия говорит о большой роли, которую в их жизни играла война, прежде всего с местным финно-угорским населением. Преемственная связь между этими древними индоевропейцами и славянскими и балтскими племенами на территории Восточной Европы более позднего времени пока не устанавливается.

Полное развитие характерные для бронзового века процессы в степной зоне Сибири получили с середины II тысячелетия до н. э. с появлением здесь памятников так называемой андроновской культуры на территории от Урала до Енисея и от тайги до Тянь-Шаня. У носителей этой культуры уже господствовало скотоводческое хозяйство. Началась интенсивная разработка находившихся на этой территории рудных месторождений. В их жизненном обиходе широко использовались металлические изделия: оружие, орудия труда, предметы быта.

Позднее на смену андроновской пришли другие культуры, сходные с ней по основному хозяйственному типу. В лесной зоне Сибири сохранялось сложившееся здесь ранее охотничьерыболовецкое хозяйство, в котором продолжали преобладать каменные орудия.

Появление более совершенных орудий труда, переход от охотничье-собирательского хозяйства к производящему, выработка в разных природных зонах разных типов хозяйства, которые им в наибольшей степени соответствовали, — все это вело к росту производительных сил, к накоплению разного рода материальных ценностей в распоряжении сформировавшихся человеческих обществ.

Нет возможности судить о социальной организации людей на самых ранних этапах развития человечества. Лишь аналогии, сопоставление с данными этнографии о наиболее отсталых народах на территории земного шара позволяют заключать, что древнейшей формой человеческого

объединения был коллектив людей, связанных между собой кровным родством. Об одной из важных сторон жизни такого первобытного коллектива данные археологии дают достаточно полное и точное представление: в условиях, когда скромных возможностей такого коллектива хватало только на воспроизводство условий существования, распределение благ между членами коллектива было строго уравнительным, и в его составе не выделялись какие-либо группы, занимавшие особое, привилегированное положение. С ростом производительных сил (с ростом эффективности всех способов улучшения материальных и духовных условий жизни), с накоплением в распоряжении общества не только необходимого, но и прибавочного продукта, с выделением групп населения с особой специализацией (примером могут служить первобытные металлурги), с объединением отдельных родовых общин в более широкие общности — племена, где все дела уже не могли решаться на общем собрании всех членов коллектива, это первоначальное равенство нарушилось, и из общества стала выделяться верхушка, в руках которой оказывалось право распоряжения все большей частью производимых обществом или получаемых им в порядке обмена материальных ценностей. Как показывают наблюдения этнографов, пути формирования такой верхушки были многообразными даже у племен, принадлежавших к одному хозяйственному типу. Данные археологии, конечно, не позволяют реконструировать ход развития такого процесса, но они позволяют определенно утверждать, что в эпоху бронзового века такая верхушка уже существовала и в ее распоряжении сосредотачивались уже значительные материальные ценности. Естественно, что наиболее ощутимыми были сдвиги в этом направлении в южных районах, где были более благоприятные условия для накопления прибавочного продукта и ощущалось воздействие мощных очагов цивилизации Ближнего Востока, в которой уже существовали и общество, разделенное на классы, и государственная власть, и города. Примером может служить богатое захоронение кургана у г. Майкопа на Северном Кавказе, где были обнаружены золотые и серебряные украшения, две золотые диадемы, золотые и серебряные сосуды.

§ 3. ЗАРОЖДЕНИЕ КЛАССОВ И ГОСУДАРСТВА. ПЕРВЫЕ ПРОТОГОСУДАРСТВА И ГОСУДАРСТВА. ПЕРЕХОД К ПРОИЗВОДЯЩЕМУ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ В ЛЕСНОЙ

ЗОНЕ

Греческие города-государства Северного Причерноморья. С VIII в. до н.э. в письменных источниках появляются сведения о племенах, обитавших на территории Восточной Европы. Так, в сочинении «отца истории» Геродота (в V в. до н.э.) сохранились сведения о том, что его современникам — скифам — в степной зоне Восточной Европы предшествовали племена киммерийцев. Киммерийцы упоминаются в клинописных надписях VIII—VII вв. до н.э., когда их набеги разоряли богатые страны Ближнего Востока. Круг сведений о них очень ограничен, в частности он не позволяет решить вопрос об этнической принадлежности этих племен. Напротив, сохранился довольно широкий круг сведений о племенах скифов, которые в VII в. до н.э. пришли на смену киммерийцам и уже в это время совершали набеги на страны Передней Азии. Скифы господствовали в южной части Восточной Европы вплоть до III в. до н.э.

Сравнительно обширные сведения о скифах, имеющиеся в распоряжении исследователей, связаны с тем, что расселение скифов на юге Восточной Европы совпало с греческой колонизацией северного побережья Черного моря. Наиболее ранняя из греческих колоний появилась в середине VII в. до н.э. в устье Днепро-Бугского лимана на современном острове Березань. За ней возник целый ряд других поселений, со временем превратившихся в города, — на берегу Бугского лимана, на южном побережье Крыма, Таманском полуострове и затем близ устья Дона.

Так как материковая Греция была не в состоянии прокормить всю массу проживавшего там населения, местные городские центры предпринимали походы в соседние регионы, чтобы найти там территорию, пригодную для основания колоний. Много греческих городов возникло в Южной Италии, на Сицилии, на берегах Пиренейского полуострова и Южной Франции, Африки, севера Эгейского и Мраморного морей. На новую почву колонисты переносили порядки, характерные для городов-государств материковой Греции, где шел процесс формирования рабовладельческого общества античного типа. Наиболее значительными среди греческих колоний на северном побережье Черного моря были Ольвия (недалеко от Николаева), Херсонес (на месте совр. Севастополя), Пантикапей (на месте совр. Керчи), Керкинитида (на месте совр. Евпатории), Фанагория на Таманском полуострове, Танаис (недалеко от Ростова-на-Дону). Каждая колония представляла собой город-государство, которым управляли власти, выбиравшиеся членами полиса — городской

общины. В таком городе только члены городской общины обладали всей полнотой гражданских и политических прав, проживавшие в городе чужеземцы — метэки — были ограничены в своих правах, а принадлежавшие членам городской общины рабы были полностью бесправными, рассматривались в правовых текстах как «говорящие орудия». Труд рабов использовался в ремесленных мастерских и пригородных хозяйствах членов общины. Колонии были крупными центрами торговли, выступавшими в роли посредников между скифами и материковой Грецией. При их посредничестве из Восточной Европы в города материковой Греции поступали необходимый им хлеб, пушнина, мед и т.п., а в обратном направлении двигались разнообразные ремесленные изделия, ткани, предметы роскоши, в которых нуждалось скифское общество, особенно его социальные верхи. Греческие города-государства на Черноморском побережье существовали с VI в. до н.э. в течение ряда столетий, с образованием Римской империи они вошли в ее состав и пришли в упадок с упадком этой державы.

Протогосударство скифов. Благодаря многообразным контактам греческих колоний со скифами, сведения о них становились достоянием греческого общества. Обширный раздел со сведениями о территории расселения, хозяйстве, общественном строе и обычаях скифов поместил в составе своей «Истории» Геродот. Немногие сохранившиеся данные о языке скифов говорят о том, что они были иранцами, как и более ранние племена, заселявшие южную часть Восточной Европы. Их появление ученые обычно относят к IX—VIII вв. до н.э. Здесь объединение скифских племен охватывало обширную территорию от нижнего течения Дуная до Дона. За Доном начинались земли ираноязычных племен сарматов. В состав скифского объединения входили племена, заметно различавшиеся по образу жизни и хозяйству. Часть племен, живущих в бассейне Южного Буга, вблизи Ольвии, занималась производством зерна на продажу. Это были, судя по известиям Геродота, каллипиды (эллино-скифы). На север от них были алазоны, далее к северу — скифы-пахари, занимавшие лесостепь между Днестром и Днепром. На нижнем правобережье Днепра и в степях Крыма находились скифы-кочевники, а местами и земледельцы. Скифы-земледельцы обрабатывали землю уже не мотыгой, а более совершенным орудием — плугом (в легенде о появлении у скифов царской власти упоминается упавший с неба золотой плуг). Плуг этот, по-видимому, был деревянным и не имел железных частей. Использование новых орудий способствовало росту производительности земледелия, так что из земледельческих районов Побужья хлеб поступал не только в греческие

колонии, но позднее и в материковую Грецию.

Большая же часть скифских племен, занимавшая в объединении доминирующее положение, вела кочевой образ жизни, постоянно перемещаясь по степи в кибитках с большими стадами лошадей и овец. Как предметы их обычного питания Геродот упоминает кобылье молоко и мясо животных.

От Геродота мы знаем, что в VII в. до н.э. скифы господствовали в Передней Азии, воевали с Ассирией, были в Закавказье. В VI в. до н.э. далекие походы прекратились, так как началось хозяйственное сотрудничество с греческими городами Причерноморья. Глубокий след в истории скифов оставила война с Дарием I Гистаспом. Военные силы скифов разделялись на три войска, каждое из которых возглавлял «царь». Главным из них был Идамфирс, а два других — Скопасис и Таксасис — подчинялись ему. При приближении врагов вожди обратились к соседям, и на помощь скифам пришли савроматы, будины и гелоны. Однако многие отказали в помощи (андрофаги, агафирсы, тавры и др.). Когда в 512 г. до н.э. персидский царь Дарий направился походом на скифов и, перейдя Дунай, вступил на их землю, скифы со своими повозками стали уходить в степь, и против такой тактики персидская армия оказалась бессильной. Кочевья скифов были для нее недоступны, а скифские конники — прекрасные стрелки из лука — постоянно тревожили ее своими нападениями. В жизни скифов-кочевников война занимала большое место: те, кто не принес с войны головы убитых врагов, становились предметом общественного презрения.

Большие различия в способе хозяйствования и утвари разных племен, входивших в скифское объединение, неоднократно приводили исследователей к заключению, что скифы-пахари и скифы-кочевники — это два разных этноса, объединенных в одном союзе. В настоящее время такое заключение нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Важно отметить мирный характер сосуществования кочевого и земледельческого населения в южной части Восточной Европы, что в последующем, начиная с эпохи Великого переселения народов, в лесостепной зоне Восточной Европы сменяется враждебным противостоянием.

Процесс разложения первобытно-общинных отношений и формирования классового общества у скифских племен зашел уже достаточно далеко. Из совокупности скифских племен, по свидетельству Геродота, выделились «храбрейшие и многочисленнейшие скифы, прочих скифов почитающие своими рабами». Владения этих «царских скифов» находились к востоку от Днепра и охватывали территорию между рекой

Молочной и Доном. К числу «царских скифов» принадлежали правители, стоявшие во главе всего скифского объединения. Эти правители избирались из членов одного царского рода, но, вызвав недовольство соплеменников, они могли потерять власть. Так, Геродот рассказывает о том, как скифы низложили своего правителя Скила (начало V в. до н.э.), который пытался жить по греческим обычаям, так как с началом контактов с греческими городами Причерноморья часть представителей скифской знати воспринимала и элементы эллинской культуры.

Вместе с тем положение правителей на лестнице социальной иерархии было весьма высоким. Судя по рассказам Геродота, на похоронах скифского правителя убивали десятки людей — природных скифов, десятки лошадей, «первенцев» всякого другого скота и хоронили вместе с правителем, очевидно, чтобы они служили ему в загробном мире. В царскую могилу, над которой насыпалась высокая земляная насыпь, клали и золотые чаши, из которых правитель пил на пирах. Свидетельства Геродота нашли подтверждение при раскопках больших (иногда высотой до 20 м и в диаметре до 400 м) курганов IV в. до н.э., таких как Чертомлык, Толстая Могила, Куль-Оба, Солоха и других, в которых было обнаружено множество золотых и серебряных чаш, кубков, блюд, ожерелий, браслетов, колец, золотых чеканных блях, не говоря уже о мечах и луках в золотых ножнах, костях десятков людей и лошадей. Найденные в курганах изделия созданы греческими мастерами и отчасти скифскими ремесленниками. Шедеврами ювелирного искусства являются знаменитая чертомлыцкая серебряная чаша с изображениями обрядовых эпизодов из жизни скифов, ваза из Куль-Обы с изумительными «жанровыми картинками» скифской боевой жизни, костяной гребень с золотой обкладкой, насыщенной «звериным» орнаментом, и, наконец, изумительная пектораль с ее тончайшими изображениями символов животного мира. Для скифского прикладного искусства в целом характерен так называемый звериный стиль. В частности, известны изображения зверей, как бы застывших в движении, будь то олени, или козлы, или барсы, львы, медведи, или кони. Так как захоронения — глубокие и сложные по конструкции — в курганах царей располагались, по свидетельству Геродота, у днепровских порогов, то в курганах, расположенных около Никополя и Керчи, были, видимо, похоронены представители скифской знати. А это еще одно свидетельство глубокого социального расслоения скифского общества.

На рубеже V—IV вв. до н.э. внутреннее развитие скифского общества достигло такого уровня, что стало формироваться классовое общество, а вслед за тем было положено начало образованию государства. На

территории степной Скифии, на нижнем Днепре около Никополя образовался крупный протогородской центр, так называемое Каменское городище. Поселение занимало очень большую площадь — 12 кв. км. Большая часть городища была занята людьми, изготовлявшими разные изделия из кости и глины, ткани, обнаруживаются здесь и многочисленные остатки металлургического производства, в частности горнов. По-видимому, жители городища снабжали железными изделиями значительную часть степной Скифии. Особыми укреплениями от остальной территории городища была отделена его центральная часть, где находились жилища скифской знати.

Временем расцвета скифской державы исследователи согласно считают IV в. до н.э., к которому относится правление царя Атея, который к 40-м гг. IV в. до н.э. завершил объединение всей страны от Азовского моря до Дуная. Двигаясь за Дунай, 90-летний Атей вступил в войну с Филиппом, отцом Александра Македонского, но потерпел поражение и был убит. С этого времени прекратилось господство скифов в восточноевропейских степях, а размеры скифского царства сократились и за скифами остались лишь низовья Днепра и степной Крым с центром в Неаполе (на месте современного Симферополя). Во II в. н.э. крымские скифы стали угрожать греческим городам, в частности Херсонесу. Однако они потерпели поражение от Митридата Евпатора. Окончательно скифы сошли с политической сцены во второй половине III в. под напором готов.

В рассказах Геродота о скифах сохранился ряд сведений о племенах, которые были северными и северо-восточными соседями скифов.

О племенах, живших на север от скифов, — неврах, андрофагах и граничивших с территорией «царских скифов» меланхленах Геродот записал, что их обычаи и образ жизни близки к обычаям и образу жизни скифов-кочевников. Замечания Геродота позволяют локализовать эти племена в северной части лесостепной зоны Восточной Европы, где сохранились археологические памятники, близкие к тем, которые мы находим на более южных территориях.

Сарматы. К востоку от скифских пределов жили близкие скифам по языку племена савроматов, или сарматов. Их жизнедеятельность была основана на скотоводстве, что в ту эпоху было типичным для родоплеменных социумов бескрайних степей Подонья, Поволжья и Южного Урала. Наряду со скотоводством у сарматов были развиты гончарное производство, ткачество, резьба по кости, литейное и кузнечное ремесло, достигшие высокого уровня и некоторой специализации, когда речь идет о разработках богатейших медных руд Южного Урала.

В конце IV — III в. до н.э. родоплеменной строй сарматов претерпевал стадию разложения, появления бедных и богатых и, вероятнее всего, собственности отдельных семейств на скот, хотя земля и медные рудники, скорее всего, были родовой или племенной собственностью.

Особенностью раннего этапа развития сарматского общества было особое положение женщин. Они участвовали в войнах и охотах, владея оружием наравне с мужчинами. В курганных захоронениях погребение женщины располагалось в центре, в окружении погибших членов ее рода. Из двух больших племенных союзов один был поволжский, а другой — самароуральский. Это были весьма воинственные сообщества, для которых война была средством накопления богатства верхушкой общества. Сарматы участвовали в борьбе скифов с персидским войском Дария, хотя нападали и на самих скифов, захватывая скот и рабов. Рост населения, включение в союзы новых племен способствовали захвату новых территорий.

Переход к производящему земледельческому хозяйству в лесной зоне. О племенах, занимавших северную, лесную зону Восточной Европы, у греческих авторов V в. до н.э. и более позднего времени сохранились лишь неясные, полулегендарные сведения. О положении дел в северной части Восточной Европы судим по-прежнему по данным археологии. В VII —VI вв. до н.э. здесь сформировался ряд археологических культур, просуществовавших почти до эпохи переселения народов. По числу важных особенностей археологические памятники этого времени в северной части Восточной Европы можно разделить на две части: к западу от линии Рижский залив — озеро Селигер — Тула — Киев и к востоку от нее. Эти различия в характере археологических памятников исследователи соотносят с областями распространения балтской и финно-угорской гидронимий, одна из которых — балтская — также находится к западу от этой линии, а другая — финно-угорская — к востоку. Это позволяет связывать носителей более западных культур с балтскими, а восточных — с финно-угорскими племенами.

С племенами восточных балтов исследователи связывают днепро-двинскую культуру, занимавшую междуречье Днепра и Двины (VIII в. до н.э. — IV в. н.э.). В хозяйстве носителей этой культуры важную роль играло скотоводство и, что особенно важно, земледелие. Таким образом, и в этой части Восточной Европы наметился важный переход от охотничье-собирательского хозяйства к производящему. Земледелие было, по-видимому, подсечно-огневым, с ручной обработкой земли, в которой принимало участие все население. Если на раннем этапе существования этой культуры ее носители пользовались почти исключительно костяными

изделиями, то затем их сменили железные орудия — серпы, ножи, топоры и др. Так производство и обработка металла стали характерной чертой жизни населения лесной зоны Восточной Европы. Еще одна важная особенность жизни носителей днепро-двинской культуры — появление поселений, окруженных земляными валами и рвами. Это указывает на частые столкновения между отдельными группами населения, рост роли войны в жизни общества.

На востоке поселения днепро-двинской культуры граничили с поселениями носителей дьяковской культуры (VII в. до н.э. — VII в. н.э.), которых исследователи считают возможными предками таких угро-финских племен на северо-востоке Восточной Европы, как меря и весь. По характеру своего хозяйства носители дьяковской культуры отличались от носителей культуры днепро-двинской. В их хозяйстве роль земледелия была второстепенной, ведущей отраслью являлось скотоводство — разведение лошадей, служивших прежде всего пищей и не использовавшихся как тягловая сила. Как и носители днепро-двинской культуры, носители культуры дьяковской перешли постепенно от использования изделий из кости к изготовлению изделий из железа. Поселения носителей дьяковской культуры были также окружены земляными валами и рвами, иногда укреплениями из деревянных срубов. Судя по находкам вещей, поселения в южной части ареала дьяковской культуры поддерживали контакты со скифским миром.

Между лесной и лесостепной зонами Восточной Европы обозначилась в эту эпоху существенная разница в уровне развития. В более суровых, неблагоприятных условиях лесной зоны ни переход к производящему хозяйству, ни использование более совершенных железных орудий не привели в эту эпоху к такому накоплению прибавочного продукта, который сделал бы возможным появление серьезных имущественных различий в среде носителей этих культур.

Сказанное об этих культурах можно в значительной мере отнести и к памятникам городецкой культуры (VII в. до н.э. — IV в. н.э.), охватывавшей территорию между реками Окой, Цной и Волгой. Некоторые исследователи считают носителей этой культуры предками мордвы. Занятиями населения здесь также было коневодство и примитивное земледелие. Железные изделия появились, но были еще немногочисленны.

Территорию Заволжья и Приуралья занимают памятники ананьинской культуры (VII—II вв. до н.э.). Носителей этой культуры считают предками коми, удмуртов и угорских племен. В их хозяйстве преобладало скотоводство, здесь разводили лошадей, коров, овец, свиней. Наряду с этим

заметную роль играла охота, особенно на пушных зверей. Существовало здесь и подсечное земледелие, на что указывают находки серпов и мотыг. У носителей этой культуры основные изделия были железными. Созданные здесь железные изделия получили распространение и за пределами ареала памятников ананьинской культуры. Городища здесь были также укреплены валами и рвами. О росте роли войны в жизни общества говорят многочисленные находки оружия — боевых топоров и железных кинжалов. Такое оружие часто хоронили вместе с его владельцем. В V—IV вв. до н.э. в некоторых поселениях ананьинской культуры появляются каменные стелы на могилах с изображением знаков оружия, а затем и изображения вооруженных мужчин. Появление таких изображений над наиболее богатыми погребениями говорит о выделении в обществе племенной верхушки, которая начинает присваивать себе часть произведенного прибавочного продукта. Накоплению богатства, вероятно, способствовало ее участие в межплеменном обмене, где могли найти применение произведенные в этом ареале железные изделия и шкурки пушных животных. Во II в. до н.э. — V в. н.э. на смену ананьинской пришла на этой территории пьяноборская культура. Жизнь населения в эпоху существования этой культуры не подверглась существенным переменам. Лишь заметно увеличилось количество городищ, что говорит о растущей плотности населения в этом регионе.

Сибирь в I тысячелетии до н.э. К тому времени, когда утвердилось господство скифов в восточноевропейских степях, в степной зоне Сибири не только получили широкое распространение железные изделия, но и сложилась археологическая культура, в ряде аспектов очень сходная со скифской. Большое сходство обнаруживают между собой вооружение, элементы конского убора, так называемый звериный стиль, в котором выполнены произведения искусства, обнаруживается сходство и ряда других предметов инвентаря. Антропологические данные говорят о европеоидном облике населения большей части этой зоны (монголоидным было в этот период лишь население Забайкалья). Учитывая соседство обитателей этой зоны не только с ираноязычными сарматами, но и ираноязычными народами Средней Азии, некоторые из которых, как, например, саки, также были кочевниками, ряд исследователей полагают, что это население степной зоны Сибири было близко к скифам не только в культурном, но и в этноязыковом отношении.

Подобно скифскому обществу, в обществе степной зоны Сибири обнаруживаются черты заметного социального расслоения. Об этом наглядно свидетельствуют захоронения вождей в Пазырыкских курганах на

территории Горного Алтая.

Погребенных вождей сопровождало большое количество посуды и одежды, украшенной золотыми вышивками, бронзовые и серебряные зеркала, музыкальные инструменты, фрагменты золотых изделий, похищенных в древние времена грабителями. Вместе с вождями были похоронены лошади в богато украденной конской сбруе.

В некоторых районах Южной Сибири, в удобных для этого местах (в частности, на Верхнем Енисее) наметился переход к поливному земледелию, которое сочеталось со скотоводческим хозяйством.

Если положение в лесной зоне Европы в конце I тысячелетия до н.э. и в первые века н.э. было более или менее стабильным, если не считать постоянных мелких конфликтов между отдельными локальными группами населения, то в лесостепной зоне Европы происходили значительные перемены, начавшиеся с упадка скифского объединения.

Сарматы Причерноморья и Подонья. По сведениям греческого историка Диодора Сицилийского, скифское объединение распалось с вторжением на его территорию с востока, из-за Дона, ираноязычных племен сарматов. Археологи относят эти события к III—II вв. до н.э. Лишь часть сарматских племен разместилась на землях скифов, другая продолжала оставаться на территории степного Предкавказья. Хотя Диодор писал о всеобщем истреблении скифов пришельцами, судя по данным археологических исследований, имело место скорее смешение местного населения с пришельцами, близкими к ним по языку и образу жизни. Как и скифы, сарматы вели скотоводческое хозяйство, разводя главным образом лошадей и овец. Походы сарматов достигали римских придунайских провинций.

Античные авторы приводят названия ряда племен, на которые делилась сарматская общность. Эти сведения подкрепляются наблюдениями археологов о различиях погребальных обрядов в разных частях территории расселения сарматов. По общему мнению исследователей, сарматское общество было более архаическим, чем скифское. Сравнительно высокое положение в этом обществе занимали женщины, которые наравне с мужчинами участвовали в войне (во многих женских погребениях находят лук и стрелы). К I—II вв. н.э. и здесь есть основания говорить о достаточно далеко зашедшей социальной дифференциации общества. В богатых погребениях этого времени археологами обнаружены золотые и серебряные изделия, художественные изделия из бронзы, привозные сосуды, большое количество золотых бляшек, нашивавшихся на одежду. С I в. н.э. для обозначения

ираноязычных племен в южной части Восточной Европы античные авторы все чаще начинают использоваться название «аланы», что, возможно, связано с притоком новой волны ираноязычных кочевников с востока. К IV в. н.э. это название утвердилось как общее обозначение ираноязычных племен, заселявших Подонье и Предкавказье.

Сарматы заселили большую часть Скифии, они постепенно вливались в состав населения античных городов Причерноморья. Этот процесс сопровождался развитием оседлости, переходом к земледелию и занятиям ремеслами. В античных городах все более заметную роль начинала играть сарматская знать.

В IV в. н.э. ираноязычные племена Причерноморья и Южного Приуралья подверглись нашествию гуннов. Часть из них была увлечена гуннами на запад, часть — ассимилирована славянами и тюрками. На Северном Кавказе сарматы-аланы стали предками осетинского народа.

Контакты с сарматами и скифами имели большое значение для племен горных районов Северного Кавказа, где в эпоху поздней бронзы и раннего железа сложилась своеобразная кобанская культура (XI—VII вв. до н.э.). Главным занятием носителей этой культуры было овцеводство. Лошадь использовалась для верховой езды, земледелие значительной роли не играло. Памятники этой древней культуры отличались высоким мастерством, с которым изготовлялись здесь изделия из бронзы — пояса, браслеты, кинжалы, изогнутые боевые топоры. Позднее потомки носителей кобанской культуры испытали на себе сильное влияние культуры скифов.

В сочинениях античных авторов племена, которые жили по среднему и нижнему течению Кубани и в Восточном Приазовье, фигурируют под названием меотов, производным от античного названия Азовского моря — Меотиды. Эти племена исследователи рассматривают как предков племен абхазскоадыгской языковой группы. Они испытывали на себе сильное культурное влияние со стороны скифов и сарматов.

Боспорское царство. Важную роль в жизни Северного Причерноморья играло Боспорское царство, возникшее в V в. до н.э. и просуществовавшее до IV в. н.э. В состав царства входили территории Керченского и Таманского полуостровов, низовьев Дона, а к IV в до н.э. и земли по нижнему течению Кубани. Его столицей был основанный милетцами на месте древнего эмпория в первой половине VI в. Пантикапей (совр. Керчь).

Первоначально Боспорское государство объединило несколько независимых греческих городов-полисов. Однако выгодное географическое и стратегическое положение города способствовало стремительному росту

его экономического и политического могущества. Помимо приморской части с глубокой бухтой, город располагался на склонах знаменитой горы Митридат, на вершине которой был акрополь с храмами и общественными сооружениями. Город был обнесен крепостными стенами. Поблизости от него по берегам пролива и Черного моря располагалось много мелких поселений, а на восточном берегу пролива (уже в Азии) появились крупные города: Фанагория, Гермонасса, Корокондама, Кепы, а позднее Горгиппия (на месте современной Анапы), ставшая крупнейшим экономическим центром государства.

К середине IV в. до н.э. Боспор превратился в большую державу, возглавлявшуюся единоличными правителями, сначала династии Археанактидов (из знатного греческого рода), а потом династии Спартокидов, вышедшей, как полагают ученые, уже из «варварской» племенной знати.

Экономика Боспора опиралась на развитое земледелие восточной оконечности крымских черноземных степей, приносивших обильные урожаи, развитое скотоводство, виноградарство, виноделие и рыболовство. Огромную роль играл экспорт зерна прежде всего в Афины, а в поздний период истории Боспора (с III в. до н.э.) вывоз скота, рыбы и рабов был ориентирован на Родос, Пергам, Кос, Синопу.

В целом же экономика Боспора основывалась на взаимовыгодных связях греческих колонистов и социальной верхушки местного «варварского» населения. В обмен на хлеб, соленую и вяленую рыбу, скот, кожи, меха и рабов из Греции в Боспор везли вино, оливковое масло, дорогие ткани, изделия из металла, мрамор, статуи, художественные вазы. Кроме того, в боспорских городах одним из главных ремесел было изготовление разнообразнейшей керамики (амфоры, пифосы, посуда, черепица и т.д.). Особенно развито было ювелирное производство. В мастерских боспорских ювелиров были созданы многие шедевры ювелирного искусства, обнаруженные в скифских захоронениях и погребениях меотской знати.

В период своего расцвета Боспорское государство вело длительные и ожесточенные войны с местными (скифскими, меотскими, а позднее сарматскими) племенами, что не могло не подорвать его могущества. В III—II вв. до н.э. внутри династии Спартокидов идет борьба за власть, города Боспора проявляют стремление к автономии. Все это вызвало длительный упадок Боспорского государства и лишь в начале I в. н.э. положение Боспора стабилизируется, вновь крепнут торговые связи теперь уже с малоазийскими городами, островом Самос, Египтом. Связи с Римом и

Италией не обрели постоянного характера. Наоборот, резко активизируются экономические отношения с племенами Крыма, Подонья и Прикубанья, большую роль стали играть Фанагория и Горгиппия. Танаис стал главным транзитным пунктом потока товаров на север и восток черноморских степей вплоть до Приволжья. В города проникает местное население.

Менялся и политический строй Боспора. Его цари сосредоточили огромную власть, вплоть до жреческих функций. Они были богатейшими землевладельцами, владельцами промыслов и крупнейшими купцами. Система управления государственной территорией основывалась на полномочиях наместников. Боспорская аристократия имела теперь местные, в частности сарматские, корни. Но силы Боспора были уже не те, учитывая резкое усиление варварского нажима в III в. н.э. на Римскую империю вообще и Боспорское царство и греческие города-полисы в частности. В связи с этим римские гарнизоны для борьбы с варварами при Нероне появились уже и в Боспорском государстве, а боспорский царь, хотя и формально, стал именоваться «другом кесаря». Тем не менее в середине III в. гибнет Танаис, отряды северных племен проникают в степной Крым и захватывают скифский Неаполь. Упадок, был неизбежен.

Начало миграций кочевых племен Сибири на запад. В лесостепной зоне Сибири также происходили перемены, связанные с передвижениями кочевых племен. В конце III — начале II в. до н.э. союз кочевых племен хунну (сюнну китайских источников), обитавший ранее на границах с Китаем, переместился на территорию Южной Сибири. Здесь они одержали ряд побед над народом «юэчжи» и рядом других племен. О народе «юэчжи» сохранились и другие сведения. Известно, что он участвовал в разгроме Греко-Бактрийского царства в Средней Азии. Ряд исследователей отождествляет «юэчжи» с носителями пазырыкской культуры. С поражением «юэчжи» в борьбе с хунну хронологически совпадают перемены в составе населения степной зоны, на смену европеоидному приходит здесь монголоидное население — очевидно, племена, пришедшие вместе с хунну из Центральной Азии. Это население оставило памятники так называемой таштыкской культуры (I в. до н.э. —

IV— V вв. н.э.) на территории Минусинской котловины. К этому времени относятся важные перемены в хозяйственной жизни региона. Начинается переход к пашенному земледелию, о чем говорят находки железных лемехов от несохранившихся деревянных пахотных орудий, и одновременно на соседних территориях скотоводство из придомного становится полукочевым. Тесная связь «таштыкской культуры» с

археологическими культурами на этой территории в последующее время позволяет видеть в носителях этой культуры предков тюркских народов (в частности, хакасов), живущих в настоящее время на территории Южной Сибири.

Духовная жизнь общества лесостепной воны Северной Евразии в I тысячелетии до н.э. Данные археологии позволяют судить не только о развитии производительных сил и (в какой-то мере) о социальной организации общества, они дают и определенный материал для характеристики духовной жизни общества в I тысячелетии до н.э. Это прежде всего касается данных об обрядах погребения на территории отдельных археологических культур. Об этих обрядах отчасти речь уже шла выше в связи с характеристикой предметов, находившихся в погребениях. Бронзовый век (преимущественно в южных частях Восточной Европы) принес появление погребений с богатым набором разнообразных предметов, с останками убитых жен и слуг. Это говорит о формировании представлений о существовании загробного мира, где захороненные в этих погребениях вожди будут продолжать вести жизнь, подобную той, которую они вели в этом мире.

Сообщения Геродота о скифах позволяют судить о том, что современное ему скифское общество V в. до н.э. обладало уже достаточно сложной и развитой системой религиозных воззрений. Хотя скифы Геродота не строили храмов, у них существовали представления о том, что порядком в окружающем мире управляет пантеон богов, которых Геродот отождествлял с разными богами греческого пантеона. Этим богам приносили обильные жертвы главным богатством скифов — скотом, а скифскому богу войны жертвовали и часть захваченных пленных. Важной частью представлений скифов о мире были предания о появлении человека и создании человеческого общества. Первый человек Таргитай появился на свет благодаря браку главы скифского пантеона богов с женским божеством, обитавшим в водах Днепра, т.е. брачному союзу между небесной и земной стихией. Другое предание об упавших с неба золотых предметах — плуге и ярме, секире и чаше — отражает древние представления, восходящие к эпохе упоминавшейся выше древней индоиранской общности, для которой было характерно трехчленное деление общества на жрецов, воинов и земледельцев в соответствии с тремя важнейшими функциями общества — установление связи с богами, война, хозяйственная деятельность, впоследствии вылившееся в систему каст древнеиндийского общества. Согласно записанному Геродотом преданию тот из сыновей Таргитая, кто сумел овладеть этими предметами,

стал царем скифов. Реальное деление скифского общества не соответствовало этим представлениям, которые сохранялись в сознании лишь как часть древнего культурного наследия. Анализ этих свидетельств Геродота наглядно показывает, какой сложной духовной жизнью жило общество I тысячелетия до н.э. и как ограничены наши знания о ней.

В заключение укажем еще один потенциальный источник сведений о духовной жизни человека столь далеких времен — это созданные им памятники искусства. Первые памятники искусства, отражавшие начальные шаги осознания человеком своего места и его восприятие этого мира, относятся, как уже отмечалось, еще к эпохе палеолита. В эпоху бронзового и раннего железного века многие окружавшие человека предметы его быта и орудия изготовлялись настолько тщательно, что превратились в настоящие произведения искусства. Богатство и разнообразие форм и мотивов всех этих предметов является наглядным доказательством богатства и интенсивной духовной жизни человека того времени. Однако расшифровка образного языка всех этих памятников при отсутствии столь же богатых параллельных источников информации, характеризующих другие стороны духовной деятельности человека, является нелегкой задачей. Хорошо известно, что на ряде сосудов, найденных в погребениях, помещены изображения сцен из жизни скифов — укрощение лошадей (разные стадии этого процесса), изображение мужчин, которые шьют меховую одежду, помещенное между изображениями лошади и коровы, изображение скифов, которые лечат друг друга, и т.д. Хотя эти сцены выполнены с большой жизненной конкретностью, исследователи полагают, что они имели символическое значение. В пользу этого говорит тот факт, что многие из этих изображений помещены на сосудах, игравших важную роль при осуществлении жертвоприношений. Согласно одному из толкований на этих предметах изображены важные сюжеты скифской мифологии. Так, по гипотезе Д. С. Раевского, на знаменитой вазе из КульОбы изображен ряд сюжетов сохранившейся у Геродота одной из легенд о происхождении царской власти у скифов. Согласно этой легенде Геракл (под именем которого скрывается один из богов скифского пантеона) имел трех сыновей от брака с змееногой богиней. Когда они подросли, им было предложено натянуть лук Геракла. Двое старших не сумели натянуть лук и были изгнаны из страны, а младший, Скиф, выдержал испытание и стал предком скифских царей. В соответствии с этим сюжетом на вазе (согласно Раевскому) изображены: Геракл, показывающий лук одному из сыновей; сын, успешно натягивающий тетиву; два других сына, помогающих друг другу после

ранений, полученных при неудачном исполнении испытания. Однако далеко не все изображения можно объяснить, основываясь на сохранившихся текстах. Еще большие сложности возникают при интерпретации памятников, связь которых с конкретной действительностью не столь очевидна, не говоря уже о богатом и разнообразном орнаменте, который покрывает предметы быта и орудия. В этой области сохраняются широкие возможности для будущих исследований.

В I тысячелетии до н.э. и начале н.э. на территории Восточно-Европейской равнины и Сибири процессы поступательного развития, ведущие к образованию классового общества с присущими ему развитыми формами организации жизни и культуры, протекали всего быстрее и интенсивнее в южной части, лесостепной и степной зоне, в мире кочевых ираноязычных племен. Их северные соседи, племена, занимавшие лесную зону Восточной Европы и Сибири, заметно отставали от них по уровню своего развития. С эпохи Великого переселения народов такое положение в Восточно-Европейском регионе стало постепенно меняться.

Глава 2. ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА И СИБИРЬ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

§ 1. ЭТНОГЕНЕЗ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ СЛАВЯН НА ТЕРРИТОРИИ ИХ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО РАССЕЛЕНИЯ

Славяне (первоначально «словене» — от «слово» — говорящие на понятном языке, в отличие от «немцев») входят в состав языковой семьи индоевропейских народов и пришли в Европу из Малой Азии вместе с предками индоевропейцев в III тысячелетии до н.э. Праславянский язык, как он реконструируется на основе сопоставления между собой данных всех славянских языков, из всех языков индоевропейской семьи обнаруживает наиболее тесные связи с языками германцев и балтов. Следовательно, прародину славян следует искать на территории, где возможен был тесный контакт с теми и другими.

Этим определяется ареал поисков тех археологических культур, которые можно было бы связать с древними славянами.

Уровень развития древнеславянского общества. О принадлежности тех или иных археологических культур древним славянам идут споры. Ряд ученых (например, Б. А. Рыбаков) начинают историю праславян на территории Восточной Европы с так называемой чернолесской культуры VIII—VII вв. до н.э., равно оценивая как праславянскую и милоградскую культуру. Наиболее обоснованной, учитывающей новейшие исследования, представляется гипотеза, разработанная В. В. Седовым.

Первая археологическая культура, которую предположительно можно связывать с древними славянами — праславянами, — это культура так называемых подклошовых погребений. Ее характерной особенностью было то, что погребальные урны покрывали колоколовидным сосудом — клошем. Главные памятники этой культуры (IV—II вв. до н.э.) концентрировались в бассейне Средней и Верхней Вислы, на востоке границы ее распространения включали Припятское Полесье и Волынь. Предполагается, что в это время славяне еще представляли собой единую языковую общность, говорившую на разных диалектах праславянского языка. На этой территории складывается в конце II в. до н.э. и существует здесь до начала Vb. н.э. пшеворская культура. Сфера ее распространяется из первоначального очага заселения далеко на юго-восток, достигая

Верхнего Поднестровья, и на запад. Соседствует с ней во II в. до н.э. — II в. н.э. близкая ей зарубинецкая культура, занимая Припятский район и Поднепровье, включая реки Сож и Сейм. Памятники восточного (Висленского) региона пшеворской культуры обнаруживают много черт преемственной связи с более поздними, уже достоверно славянскими памятниками. Носители пшеворской культуры были земледельцами, на их поселениях обнаружены железные сошники — части несохранившихся орудий, использовавшихся при вспашке земли. Сохранились на поселениях и обугленные зерна возделывавшихся ими сельскохозяйственных культур — пшеницы, ржи, овса, проса, гречихи. Оружие, многие орудия труда и бытовые предметы носители пшеворской культуры изготавливали из железа. Существовали специальные центры, изготавливавшие такие изделия для целой округи. С III в. н.э. было освоено производство посуды на гончарном круге. Появление на территории пшеворской культуры богатых погребений с неизвестным ранее обрядом трупоположения в курганах, по мнению исследователей, стало результатом контактов носителей пшеворской культуры со скифо-сарматским населением Причерноморья.

Славяне и их соседи в Причерноморье. В IV—III вв. до н.э. сарматы, двигавшиеся на запад из-за Волги, громя скифов, достигли Днепровского левобережья. А на правобережье Днепра они уже засвидетельствованы античными авторами в I в. до н.э. Видимо, здесь сарматы постепенно смешались с пшеворским населением. Двигаясь далее на запад, к Днестру и нижнему Дунаю, сарматы потеснили даков, отчасти смешиваясь и с ними. На севере Причерноморья сарматы проникали и в лесостепь, вступая в контакт с земледельцами так называемой позднезарубинецкой культуры. На юге Причерноморья шел процесс смешения сарматов с осколками позднескифских племен.

Основу населения восточных районов бытования пшеворской культуры составляли славяне, в жизненное пространство которых (Мазовия, Подляшье, Волынь) вторглись готы, пришедшие сюда с севера. В свою очередь, покидая этот регион, готы мигрировали в междуречье Днепра и низовьев Дуная (конец II—III в. н.э.). Здесь готы частично смешались с гето-дакийским населением и остатками сарматов. Другая часть готов устремилась в низовья Днепра, а в середине III в. н.э. — в район нижнего Дона и Меотиды.

Наивысшего могущества союз готов достиг в правление вождя Германариха в середине IV в. н.э. В эпических песнях, прославлявших его подвиги, приводился перечень народов Восточной Европы, подчинявшихся

якобы его власти. Перечень этот сохранился в сочинении историка VI в. Иордана. Среди этих народов упоминаются даже эсты на побережье Балтийского моря — предки современных эстонцев. Ясно, что перед нами характерные для эпических песен преувеличения. Важно, однако, что в этом перечне обнаруживаются названия некоторых угро-финских племен, хорошо известных по источникам более позднего времени. Так, «mordens» этого перечня — это древнейшее упоминание мордовских племен, а «merens» — меря, угро-финские племена, проживавшие в районе будущего Ростова Великого. Это позволяет предполагать, что к этому времени в лесной зоне Восточной Европы уже шел процесс формирования известных нам по более поздним источникам угро-финских племен (предков современных марийцев, мордвинов, удмуртов, вепсов и др.). Часть этой лесной зоны занимали балтские племена (предки современных латышей и литовцев, а также та ветвь балтов, которая расселялась по территории современной Белоруссии).

Во II—IV вв. н.э. на огромном пространстве Северного Причерноморья складывается полиэтничная, поскольку она включала и сарматский, и готский, и славянский компоненты, Черняховская культура. Черняховцы испытали огромное влияние римской цивилизации, большая часть использовавшихся в этом ареале изделий довольно точно следовали образцам позднеримской провинциальной культуры. В захоронениях этой культуры встречаются и римские монеты, и римские украшения, римские изделия из стекла и глиняные подражания стеклянным сосудам, и, конечно, римская, провинциальная по своему типу лощеная керамика. Перемежающиеся захоронения готов, сарматов, славян наводят некоторых исследователей на мысль о смене родовой общины на территориальную. Это согласуется и со свидетельствами высокого уровня земледелия (сошники тяжелого типа с плужным ножом для вспашки целины), а также высокоразвитых ремесел — металлургического, ювелирного, гончарного и др.

По мнению ряда исследователей, в лесостепной зоне междуречья Днестра и Днепра, включая и его левобережье, там, где до формирования Черняховской культуры жили сарматы, в

II—IV вв. н.э. резко возрастает роль славянского компонента. Об этом говорит, в частности, появление здесь характерных для пшеворской культуры и неизвестных ранее местному ираноязычному населению погребений по обряду трупосожжения.

Наибольшее количество таких погребений обнаруживается в Среднем Поднепровье и верховьях Днестра. На его основе сложился славяно-

иранский симбиоз, давший начало антскому периоду в истории восточных славян (археологи идентифицируют поздних антов и их потомков с так называемой пеньковской культурой VI—VIII вв. н.э.).

Уровень социального развития древних славян. К сожалению, весь период славянского этногенеза является временем бесписьменной жизни этносов и до нас сохранилось ничтожное количество свидетельств. Исключением являются материалы археологических раскопок. Однако памятники материальной культуры не позволяют в полной мере охарактеризовать условия хозяйственной жизни населения, подчас не в силах дать достаточный материал об этнической природе населения тех или иных регионов, не говоря уже об уровне социально-политического развития.

Впрочем, у ученых есть возможность хотя бы примерного решения вопросов, связанных с изучением, в частности, социальной истории славян. Ею является изучение лексики той эпохи, которая связана с праславянским периодом их жизни — периодом относительного единства диалектов.

Если выясняется, что в лексическом фонде большинства славянских языков (а их было около полутора десятков) то или иное слово сохранилось в одной и той же функции, то с большой вероятностью, а иногда и точностью можно полагать, что оно было в праславянском языке.

Так, например, общеславянскими являются такие земледельческие термины, как «целина», «борозда», «гонъ» (расстояние прохода плугом по полю без отдыха лошади или вола, участок пашни определенной длины и т.д.), «лехъ» — вспаханная полоса поля шириной в 4—8 борозд (загонов) или полоса поля шириной в разброс вручную сеяного зерна, а также производные лексемы: «леха», «лешить», «лешка» и т.д. Общеславянской является лексема «плуг» и обозначения его деталей («лемеш», «чертадло», «чересло» и др.). Для всех славянских языков общими являются такие термины, как «рожь», «ярь», «бор» (разновидность проса), «гной» (навоз) и др.

Общеславянскими являются и обозначения жилища и его деталей — «истьба» (изба), «дверь», «двор», «дым» (и дым, и дом). Весьма важно наличие общеславянского термина, «кут» (печной угол в избе, запечье), что предполагает существование жилища с печью-каменкой или глиняной печью в одном из его углов. Именно такие жилища обнаружены археологами на тех территориях, где, по данным письменных источников, жили славяне. Такие лексемы, как-«хижа» (хижина), «халупа», по всей вероятности, говорят о легкости и бедности жилых построек. Не менее важны и следующие термины социального характера: «господин» (хозяин),

«господарь» и, с другой стороны, такие лексемы, как «беда», «беден», «худоба», «бездомовен», означающие бедность и нищету в качестве свидетельства имущественного расслоения. Важнейшую информацию несут общеславянские лексемы «грабеж», «крадение», «красть», означающие наличие социальных антагонизмов, «мзда» (неофициальное вознаграждение). Принципиально важны лексемы «наимник» (наемник), глаголы «наимати», «наяти», «нанята», означающие существование социального расслоения, а также такие лексемы, как «корысть» (трофей), «добыток», глаголы «добыти», «делба» (дележ), «дел» (доля). Более того, общеславянскими были такие термины, как «гость» (в значении «тот, кто угощает», а в сербохорватском и древнерусском — пришлый торгующий чужестранец), а также «купець» (тот, кто покупает), «купити», «купья» (купля), «цена» (в значении «стоимость»). Эти лексемы отражают резкое усложнение структуры и функции общества на пути к обретению критерия трудовых затрат на создание предметов жизнеобеспечения.

Наконец, упомянем такие общеславянские лексемы, как «князь» (сохранившаяся в начальном значении «военный вождь», «глава»). Важнейшее значение имеют общеславянские «дружина», а также «наместник», т.е. заместитель, преемник, наследник. Вполне возможно бытование лексемы «держава» (власть, сила, господство). У праславян бытовало и понятие «мыто» в значении «подарок, вознаграждение, взятка, пошлина, налог»; термин «дань» в значении «налог, подать», что причастно уже к понятию политического управления социумом. Лексема «корчма», означающая «угощение, винная лавка, постоялый двор с вином», позволяет предположить наличие системы, напоминающей обмен потребительными стоимостями, и т.д. В довершение можно упомянуть такие термины, как «город», «крепость», «граница», «дорога», которые завершают своего рода эскиз сложного в социальном и политическом плане общества с явными чертами социального расслоения, наличия политической власти, внедрившихся элементов торговых отношений, формирующих понятие стоимости и повлекших появление своего рода эмбрионов налоговых сборов. Вряд ли такое общество находилось на стадии племенного строя в традиционном его понимании. Его явное активное разложение и создание политических общественных организмов вполне очевидно.

Уровень развития древних славян на территории их первоначального очага расселения был настолько высок, что есть основания полагать, что в славянском обществе уже в то время низшей социальной ячейкой его организации стал не коллектив родственников (большая семья из нескольких поколений), а соседская община, организация людей,

объединенных не родственными связями, а прежде всего необходимостью совместно решать хозяйственные вопросы, связанные с огромным трудом по освоению целины.

Таким образом, уже ко времени миграции из первоначального очага расселения на территории Восточной Европы древние славяне по уровню развития стояли значительно выше, чем проживавшие здесь угро-финские и балтские племена.

Думается, что период Великого переселения народов в VI вв. заметно активизировал эту тенденцию. В частности, минимальная возможность убедиться в реальности такой тенденции появляется при изучении лексики, общей для южных славян и славян восточных, при том что функции этой лексики у западных славян уже резко отличны от двух первых групп. Подобная ситуация поддается довольно уверенному осмыслению при допущении, что эта лексика, вероятно, фиксирует уже состоявшееся разделение западных и восточных славян, но весьма недавнее отчленение славян южных от восточных (приднепровских). Возможно, что эти процессы связаны, во-первых, с отрывом от основной своей части и дальнейшим движением большой совокупности носителей пшеворской культуры на юго-восток с последующим включением их в полиэтничную Черняховскую культуру, а во-вторых, с движением антского населения в V—VI вв. в Подунавье и позже из Балканский полуостров. Частичные следы этого передвижения фиксируют некоторые названия балканских общностей (дугувиты), схожих с поднепровскими славянами (дреговичи). Скорее всего, эта миграция «унесла» с собой тот лексический фонд, который, по мнению ряда ученых, сформировало черняховско-антское население лесостепи междуречья Днестра и Днепра. В свою очередь, этот лексический фонд опирался на праславянское наследие.

Во всяком случае, общие элементы лексики, свойственные южным и восточным славянам, свидетельствуют об уже довольно резком социальном размежевании. Прежде всего термин «глота», в древнейшей функции означающий «сорняк, мусор», но, вместе с тем, имеющий уже и оценочный высокомерный смысл социального плана, «толпа, сброд». Во-вторых, четырем южнославянским языкам и древнерусскому присущ термин «имовит», что означает «зажиточный, состоятельный» (у западных славян этой функции лексемы нет). Далее, македонскому, сербохорватскому, словенскому и древнерусскому языкам общей является лексема «госпуда» (женский род), что означает «совокупность господ», а старославянский язык сохранил лексему «госпуда» лишь в наиболее древней функции — «гостиница, постоялый двор», как и во всех западнославянских языках.

Весьма интересно, что термин «мытарь» в значении сборщика пошлин сохранился в старославянском, болгарском, сербохорватском, словенском, чешском и древнерусском. Общим для старославянского, старосербохорватского, старочешского и древнерусского языков является слово «цята», означающее мелкую монету. Термин «начальник» фигурирует в старославянском, болгарском, македонском, сербохорватском и древнерусском. В болгарском, сербохорватском, чешском и древнерусском есть лексема «даньник» в значении «вассал, подданный». Следовательно, даже на основе этой, далеко не полной информации можно предполагать, что в лесостепном междуречье Днепра и Днестра восточные славяне антской эпохи в период Великого переселения народов достигли уровня, при котором оказалось возможным возникновение протогосударства.

Вторжения кочевых племен и славяне. Во второй половине IV в. южные территории Восточной Европы были охвачены волной миграций кочевых племен теперь уже из Центральной Азии, которые стали характерной приметой региона на протяжении длительного хронологического периода. Речь идет о кочевых племенах гуннов (хунну). Это были типичные кочевники-скотоводы. Стремительное разложение родового строя привело к появлению племенной аристократии и социальному расслоению. Острота внутренних противоречий повлекла за собой создание сильной власти, сплотившей хуннский социум и открывшей путь к захватническим войнам. Как уже упоминалось, в середине I в. до н.э. хунны распались на две части, и одна из них откочевала в Семиречье и Приуралье. Аммиан Марцеллин, описавший события гуннского нашествия в 90-х гг. IV в. н.э., характеризует их как людей коренастого сложения, «чудовищной и страшной» внешности. «Все они, не имея ни определенного места жительства, ни домашнего очага, ни законов, ни устойчивого образа жизни, кочуют по разным местам... с кибитками, в которых они проводят жизнь... гоня перед собой упряжных животных и стада, они пасут их». Главная забота хунну-скотоводов лошади.

Как известно, скотоводы-кочевники самой логикой жизни вынуждены были вести экстенсивное хозяйство, постоянно нуждаясь в новых пастбищах, часто захватываемых силой. К тому же кочевой образ жизни стал предпосылкой к созданию воинской организации, охватывающей практически весь социум. Как и всегда в таких случаях, рано или поздно «народ-воин» превращается в страшную агрессивную силу. Союз кочевых племен хунну, потерпевший поражение в борьбе за власть на сибирских

степях, двинулся на запад, вовлекая в свои ряды попадавшиеся на дороге кочевые племена. В 70-х гг. IV в. племена хунну появились на Северном Кавказе, разорив кочевья алан в придонских степях. В борьбе с ними потерпели поражение и бежали к границам Римской империи готы Германариха, были взяты и разрушены города Боспорского царства, включая его столицу Пантикапей, разграблены многие греческие города Северного Причерноморья. Дикие орды кочевников «все наполняли резней и ужасом». Подверглись разгрому и поселения носителей Черняховской культуры. Гунны вскоре ушли на земли Нижнего, а потом и Среднего Подунавья, откуда стали нападать на земли сначала Восточной, а затем — Западной Римской империи. Объединивший все гуннские орды в мощный союз их вождь Аттила (445—454 гг.) подчинил себе некоторые соседние германские племена, а также славян верховьев Вислы и Одера. Гунны контролировали через сына Аттилы Элака и славян Северного Причерноморья. Вторжение гуннов в Европу имело важные последствия. После разгрома объединение носителей Черняховской культуры распалось, и славяне, ряды которых постоянно пополнялись за счет миграции с севера, стали главным земледельческим этносом на юге Восточной Европы. Со смертью Аттилы гуннская держава распалась и началась великая славянская миграция. Вслед за гуннами в середине V в. в восточноевропейских степях появились новые кочевые племена, тюркские по языку. Племена кутургуров и утургуров поселились в бассейне Дона и Приазовья, а протОболгары — в Прикубанье. Для VI—VII вв. нам ничего неизвестно о каких-либо конфликтах между ними и славянами.

§ 2. ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ И ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ

Климат и миграции славян на юг и восток. Великое переселение народов создавало грандиозные критические ситуации в ряде европейских регионов. Более того, они были усугублены резким изменением климата в Европе. С конца IV в. н.э. происходит сильное похолодание; особенно суровым был Vb. (самый холодный за прошедшие две тысячи лет). Похолодание вызвало интенсивное увлажнение и стремительный рост количества осадков. Ученые полагают, что эти изменения сопровождались трансгрессией Балтийского моря, т. е. наступлением моря на сушу, поднятием грунтовых вод, повышением уровня рек и озер, заболачиванием больших пространств, затоплением полей и поселений, вымыванием

плодородного слоя почв и т.п. Огромные бедствия постигли, в частности, Ютландию, ряд германских племен вообще покинул родные места.

Эти грозные процессы вызывали постоянный отток населения из Висло-Одерского региона. Среднеевропейское население сдвигалось на юг и восток. Миграция населения из районов пшеворской и вельбарской (готской) культур, помимо движения к среднему Дунаю и далее на юг, перемещалась и на восток, в частности в будущие северорусские земли. Если в первой половине I тысячелетия н.э. развитие балтских и финских этносов находилось все еще на стадии раннего железного века и охотничье-собирательских форм деятельности, то с конца IV — V в. на территориях их расселения под воздействием миграции славян происходят постепенные изменения материальной культуры, нарастают количество и ассортимент предметов быта пшеворской и даже вельбарской культур (например, появляются более совершенные по форме серпы, каменные ручные жернова и др.). Именно с этого времени в дополнение к таким зерновым культурам, как пшеница, ячмень, просо, появляются рожь и овес из Висло-Одерского региона.

Мигрирующие славянские переселенцы постепенно осваивали верховья Днепра, район озер Ильмень и Чудского, междуречья Волги и Клязьмы, районы Верхней Волги.

В итоге нашествия гуннов достижения черняховцев были уничтожены, как и часть полиэтничного населения. Вместе с тем значительные группы населения лесостепных пространств левобережья Днепра уцелели и стали основателями новой жизни, следы которой получили у археологов название пеньковской культуры, имеющей признаки преемственности с Черняховской культурой. Это были анты-пеньковцы, жизнедеятельность которых прослеживается до конца VII в. н.э.

Вместе с тем еще в период бытования Черняховской культуры в III—IV вв. в междуречье Дуная и Прута начинают проникать славяне. На относящейся к этому времени «Певтингерове карте» отмечено, что здесь обитают «венеды» — этим именем авторы поздней античности и раннего Средневековья обозначали славян. Вместе с гуннами часть черняховцев (видимо, анты) проникают и на среднее течение Дуная. В V—VI вв. происходит массовое расселение славян-антов в левобережье нижнего Дуная. По мнению ряда исследователей, импульсы миграции в пределы среднего Дуная исходили из среднего Повисленья, из районов пшеворской и отчасти вельбарской (готской) культур. В VI-—VII вв. славяне уже преобладали и в Нижнем, и в Среднем Подунавье. А Среднее Подунавье стало исходным центром движения на Балканы.

Вторжения славян в Подунавье и на Балканы. Важным явлением европейской истории VI—VII вв. стали вторжения славян на территорию Восточной Римской империи, которые привели к крушению рабовладельческого строя на огромной территории Балканского полуострова.

До начала VI в. в сочинениях византийских авторов славяне не упоминаются, но в VI в. положение резко изменилось. Первые нападения славян на территорию Восточной Римской (Византийской) империи начались в начале третьего десятилетия VI в. и к середине VI в. приобрели широкий размах. Нападения происходили на всем протяжении северной границы империи, проходившей по Дунаю. Нападая на византийские земли, славяне не могли в то время захватывать укрепленные крепости, их набеги имели поначалу грабительский характер. Захватывая добычу и пленных, славяне уводили и уносили их на свои земли к северу от Дуная. Положение осложнилось, когда в 565— 567 гг. на Среднем Подунавье поселился пришедший из Центральной Азии через степи Северного Причерноморья союз аварских племен, создавших здесь свое государство — Аварский каганат. Правители каганата подчинили своей власти славянское население Среднего Подунавья. Начались походы на Балканы, в которых совместно участвовали авары и славяне. В этих условиях византийским военачальникам становилось все труднее удерживать линию обороны на Дунае. Пытаясь избавиться от набегов, византийские императоры были вынуждены уплачивать дань аварам. Вместе с аварами славяне Подунавья добивались значительных успехов, но в битвах авары посылали их вперед и отбирали лучшую часть добычи. Восточные славяне-анты аварам не подчинялись и предпринимали нападения на Восточную Римскую империю самостоятельно.

В начале VII в. наступил перелом — система византийской обороны на Дунае рухнула, но это не привело к установлению власти аваров на Балканах. Восстание славян Подунавья во главе с Само в 30-х гг. VII в. привело к ослаблению Аварского каганата. В этих условиях происходило заселение Балкан массами передвигавшегося с севера славянского населения. На огромных территориях Балканского полуострова (за исключением укрепленных городов на морском побережье) византийская власть перестала существовать, славянские племена поселились даже на Пелопоннесе. Лишь к началу IX в. ценой больших усилий византийским императорам удалось установить свою власть над территорией материковой Греции. Одновременно с улучшением к V—VIII вв. климатических условий часть славянских племен двинулась на запад,

заселив оставленные ранее германскими племенами земли между Одером (Одрой) и Эльбой (Лабой). Так обозначилось разделение славян на три ветви: западных, восточных и южных.

Общественный строй древних славян в VI—VII вв. Сочинения византийских авторов, писавших о борьбе славян с Восточно-Римской империей, сохранили ряд важных свидетельств о политическом строе древних славян. Согласно их сообщениям, носящим общий характер, у границ империи располагались два больших объединения славян — славян (носителей пражско-корчакской культуры) и антов. По свидетельству византийского историка VI в. Прокопия Кесарийского, славяне и анты ничем не отличались друг от друга по языку и обычаям. Объединение антов охватывало лесостепную территорию между Днепром и Днестром, объединение славян располагалось на запад от этой территории. Как установлено исследователями, название «ант» — иранского происхождения и расшифровывается как «конец», «край» (очевидно, в значении «житель окраинной области»). Поскольку само объединение находилось на той территории, где проживало ранее ираноязычное население, то есть основание полагать, что оно сложилось как симбиоз пришедших с севера славян с местными иранцами. Свидетельством такого смешения могут служить иранские заимствования, характерные только для древнерусского языка (такие слова, как топор, хата, собака). Об этом же говорит и присутствие в восточнославянском языческом пантеоне таких богов иранского происхождения, как Хоре, иранский бог Солнца и

Семарл — священная птица иранской мифологии — Симург. Возможно, иранского происхождения и название славянского божества Стрибог.

Оба этих обширных объединения — славяне и арты — определяются обычно как племенные союзы (наиболее распространенная форма организации общества в догосударственный период). Более подробная характеристика таких структур будет дана ниже, здесь же пока отметим, что эти охватывающие обширную территорию структуры были рыхлыми по своему характеру. Показательно, что в нападениях на Византию люди, принадлежавшие и к одному и к другому объединению, ни разу не выступили как единое целое. Более того, в 30-х гг. VI в. между ними шла война. Византийские авторы, и в частности Прокопий Кесарийский, не знают у них каких-либо особых органов управления; как место, где решаются все дела, постоянно выступает Народное собрание. Все это характеризует общество древних славян в качестве общества, стоявшего на догосударственной стадии развития. Социальная дифференциация также

еще не получила сильного развития. Об этом говорит и патриархальный характер рабства — обращенные в рабство пленники после определенного срока получали свободу, т. е. отсутствовал значительный слой, заинтересованный в систематическом использовании чужого труда. Впрочем, ряд исследователей считает, что миграция на Балканы осуществлялась главным образом из малоразвитых, с менее благоприятным климатом районов днепровского Полесья. Этой точки зрения придерживаются и некоторые лингвисты. В то же время мощные удары по Византии совершались многочисленными княжескими дружинами поднепровского лесостепья, где жили потомки пеньковцев-антов и где археологами обнаружено в кладах наибольшее количество трофеев, захваченных в Византии. Это были наиболее развитые районы Поднепровья, и, возможно, уровень политической организации был там более высоким.

Как сказались вторжения славян на Балканы и последовавшие затем массовые переселения на уровне развития славянского населения Восточной Европы? Сам размер миграций, хотя на этот счет не имеется каких-либо точных подсчетов, должен был быть весьма значительным, так как в противном случае славяне не смогли бы быстро ассимилировать местное фракийское и иллирийское население. Некоторые указания на то, что переселения охватили даже достаточно удаленные от Балкан территории, имеются. Так, в византийском источнике VII в. «Чудеса Св. Димитрия» неоднократно упоминается славянское племя «драгувитов», проживавшее недалеко от побережья Эгейского моря. Это название исследователи справедливо сближают с известным по древнерусским свидетельствам восточнославянским племенным союзом дреговичей, обитавшим на болотистых землях Полесья, откуда и его название — жители болот (от слав, дрягва — болото). На юге в местах обитания драгувитов никаких болот нет, поэтому есть все основания видеть в них часть племени дреговичей, переместившуюся в процессе миграций далеко на юг. По отношению к таким далеко отстоявшим от границ античного мира территориям последствия перемен были скорее негативными — уход, отток на юг значительной части населения.

Существенно иначе обстояло дело на более близких к территории Византийской империи славянских землях Юго-Восточной Европы. Хотя общественный строй восточных славян лесной зоны в эпоху вторжений сохранял первоначально, как уже отмечалось, свой традиционный характер, резкое увеличение роли войны в жизни общества закономерно вело к росту роли и значения военных предводителей, носивших, по-видимому, с

праславянских времен название «князь». В уже упоминавшихся «Чудесах Св. Димитрия» неоднократно говорится о князьях отдельных славянских племен на территории Македонии, возглавлявших эти племена не только в военное, но и в мирное время. Это явление в жизни древних славян приобретает особое значение, если учесть, что у ряда соседствовавших со славянами этнических общностей (эстов, ливов, прусов) еще и в XIII в. институт княжеской власти отсутствовал, и войну вели вожди, избиравшиеся на время похода. Очевидно, уже в это время славяне по уровню общественного развития опережали ряд других этносов на территории Восточной Европы.

Есть основания полагать, что подобные князья появились и у славян на севере от Дуная. Так, византийский автор конца VI в. Менандр упоминает «Мезамера, сына Идаризия, брата Келагаста», который «приобрел величайшую силу у антов». Он, вероятно, уже обладал властью, передававшейся по наследству. Опасаясь, что он может стать во главе всех антов, авары убили Мезамера, когда он ездил послом к аварскому кагану. На этих близких к Византии землях, откуда долгое время предпринимались нападения и куда привозили богатую добычу (часть ее дошла до нашего времени в составе богатых кладов, найденных на юге современной Украины), создавались благоприятные условия для консолидации и выделения из общества социальной элиты, в руки которой попадала значительная часть захваченных ценностей.

На перемены такого рода указывает появление на территории антов в VI в. поселений нового типа — протогородских центров. Их в настоящее время известно два — у села Зимно в бассейне реки Южный Буг и так называемое Пастырское городище в районе реки Тясмин на территории Черкасской области современной Украины. От окружающих сельских поселений эти центры отличало прежде всего наличие укреплений (в Пастырском городище были использованы укрепления скифского времени). Археологи обнаружили на их территории целый ряд кладов и многочисленные следы ремесленной деятельности. Все это позволяет рассматривать эти два центра как поселения выделившейся из общества социальной элиты, где вместе с ней проживало обслуживавшее ее нужды зависимое население.

В VII в. жизнь в обоих центрах была насильственно прервана и более не возобновилась. Объяснение находим в сообщениях византийских авторов.

Анты и авары во второй половине VI — начале VII в. В 60-х гг. VI в. на Дунае под властью хана Баяна образовался Аварский каганат и

начались ожесточенные войны аваров с Византией. В тот же период, когда был убит Мезамир, стали подвергаться набегам аваров, постоянно завершавшимся захватом и угоном пленных, и земли антов. Стремясь воспрепятствовать набегам славян на земли империи, византийская дипломатия разжигала конфликты между славянскими племенами и аварами. В конце 70-х гг. VI в. византийские власти дали возможность войскам аварского кагана Баяна неожиданно напасть со своей территории на союз склавинов, который отказывался платить дань аварам. К началу VII в. авары настолько усилились, что империя стала искать у антов помощи против них. Тогда каган в 602 г. послал своего полководца Апсиха «истребить племя антов». По мнению ряда ученых, именно тогда были разрушены протогородские центры антов, их военно-племенной союз распался, после 602 г. имя «анты» исчезает со страниц греческих авторов. Конечно, все местное население не было уничтожено, ибо селения пеньковцев-антов существовали в течение всего VII в. н.э.

Исчезновение протогородов не означало всеобщего регресса. Для пеньковской культуры поздних антов характерно сравнительно быстрое возрождение кузнечного ремесла за счет сохранения традиции провинциально-римской культуры. Ряд вскрытых археологами железоделательных центров позволяет предположить развитие территориальной специализации в черной металлургии. Железо плавили в стационарных наземных горнах, на высоком уровне была ковка железа и сырцовой стали. Активно развивалось бронзолитейное дело и ювелирное ремесло. Разумеется, основу экономики по-прежнему составляли земледелие и приселищное скотоводство.

В сочинении византийского историка VI в. Прокопия Кесарийского сохранились свидетельства о славянах и антах. Существеннейшая подробность касается единого языка: «У тех и других единый язык, совершенно варварский» (Прокопий не поясняет, что же означает «варварский»), «Внешностью, — пишет историк, — они друг от друга ничем не отличаются, ибо все они высоки и очень сильны телом...» Жителю Средиземноморья жилища антов показались «жалкими хижинами», хотя это были, скорее всего, полуземлянки срубного типа с печью-каменкой в углу. Прокопий подчеркивает, что «все они часто меняют место жительства», что может быть объяснимо экстенсивным характером земледелия с периодическим обновлением пашенных угодий. В конце VI в. император Маврикий составил некий портрет славян и антов. «Племена славян и антов... многочисленны и выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище. К прибывающим к ним иноземцам они

относятся ласково... Находящимся в плену они... ограничивая [срок рабства] определенным временем, предлагают им выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси, или остаться там... на положении свободных и друзей».

Небезынтересны и древнейшие из известных нам свидетельства Прокопия Кесарийского о религиозных верованиях древних славян. Согласно его сообщениям их религия была уже достаточно сложной. Наряду с верованиями в божеств низшего порядка, которые отождествлялись с теми или иными конкретными объектами природы (например, с реками), существовала вера в управляющих миром богов высшего порядка, из которых главным был Бог — «создатель молний». Вероятнее всего, Перун.

§ 3. МИГРАЦИИ КОЧЕВЫХ ПЛЕМЕН СИБИРИ. ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ

IV-VII вв. в степной зоне Сибири также были временем больших перемен. Эти столетия ознаменовались и рядом массовых миграций — перемещений значительных масс населения на новые места обитания, а также были временем появления и распада крупных политических объединений.

После ухода гуннов на запад в Центральной Азии утвердилось господство племен, которые назывались в китайских источниках жуань-жуанями, а в европейских — аварами. Их этническая принадлежность вызывает споры между исследователями. Утверждая свое господство, глава жуань-жуаней, первым из известных нам кочевых правителей носивший титул кагана, обрушил удары на своих соседей на западе и северо-западе — кочевые тюркоязычные племена, и последние были вынуждены уйти на запад, за Волгу.

Главе жуань-жуаней, кагану, подчинялись многие кочевые племена. Он претендовал на равноправное положение с правителями царств, на которые к VI в. разделился Китай. Стремясь ослабить жуань-жуаней, китайские политики стали побуждать к выступлению против них находившийся в сфере их влияния союз двенадцати племен, вошедшии в историю под самоназванием «тюрки».

Тюркский союз племен сложился во второй половине V в. н.э. на территории Алтая. Глава союза «великий ябгу» (великий князь) признавал

себя вассалом кагана и давал ему дань железом с расположенных на территории племенного союза рудников. Подчинив себе ряд кочевых племен и заключив союз с китайским царством Западная Вэй, глава тюрок Бунын поднял восстание. В развернувшейся войне жуань-жуани (авары) потерпели поражение и вместе с союзными племенами бежали на запад. Бунын в 551 г. был провозглашен каганом — главой нового политического объединения — Тюркского каганата.

Благодаря завоеваниям его брата Истеми и сыновей образовалась огромная «кочевая империя», границы которой простирались от Тихого океана до Волги. Правители тюрок поставили в зависимость от себя царства Северного Китая, заставив их выплачивать дань. Захватив обширные территории в Средней Азии, они вышли к границам Ирана. Более поздняя тюркская традиция связывала с первыми правителями тюрок — Буныном и Истеми — и создание административного устройства, и установление законов. Преобразования состояли прежде всего в создании на основе традиционного племенного деления десятеричной военной организации. Каждое из таких племен должно было выставлять на войну отрад из 10 тыс. всадников. С этими политическими событиями были связаны крупные перемены в культурной жизни тюркских народов. Тюркские правители стали привлекать к себе на службу выходцев из Согда (одна из областей Средней Азии) и использовать для своих нужд согдийскую письменность, а в первой половине VII в. на основе согдийского письма был создан алфавит, точно соответствовавший фонетическим особенностям тюркского языка. В дальнейшем это новое письмо широко использовалось целым рядом тюркских народов в эпоху раннего Средневековья.

Огромная «кочевая империя» была внутренне непрочной. Что касается входивших в ее состав земледельческих территорий и городов, в их внутреннюю жизнь правители тюрок не вмешивались, ограничиваясь сбором дани. В среде кочевого населения сохранялось традиционное племенное деление. Не случайно Истеми назывался «каганом десяти племен». Данные археологии показывают, что, хотя на всей территории каганата и распространились некоторые общие формы предметов материальной культуры (седла, луки, стрелы, украшения), одновременно четко выделяются три археологические культуры, отличающиеся друг от друга, в частности по характеру погребального обряда, что предполагает и определенные различия в верованиях (их связывают с енисейскими кыргызами, алтайскими тюрками и племенами кимаков — кипчаков). Очевидно, под властью тюркских каганов племена сохраняли внутреннюю

самостоятельность. К этому следует добавить, что в среде самой верхушки тюрок не было единства. Традиционное деление войска на два крыла, за которым последовало и соответствующее разделение территории, привело к концу VI в. к разделению Тюркской державы на Восточный и Западный каганаты, между которыми стали возникать конфликты. В 603 г. единая держава окончательно распалась. Кочевые племена объединяла вокруг тюркских каганов перспектива удачных походов в соседние богатые страны, захвата богатой добычи и получения дани. Если Западный каганат в первой половине VII в. еще располагал определенными возможностями экспансии на территории Средней Азии, то Восточный с конца VI в. сталкивался на своих границах уже с единым и все более усиливавшимся Китаем. Каганат втягивался в длительные и тяжелые войны, не приносившие добычи. Началось отпадение зависимых племен. Правитель тюрок Эль-каган попытался опираться не на традиционные органы управления, находившиеся в руках родоплеменной знати, а на служивших ему китайцев и согдийцев, что стало источником серьезных социальных конфликтов. В итоге Эль-каган потерпел поражение и попал в плен к китайцам (630). В конце 50-х гг. VII в. аналогичная судьба постигла и ослабленный межплеменными распрями Западный каганат. История быстрого усиления и последовавшего за ним быстрого упадка Тюркского каганата явилась как бы прообразом судьбы целого ряда возникавших в степной зоне Сибири и Центральной Азии крупных политических объединений кочевников.

§ 4. СЛАВЯНЕ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В VII—IX вв.

С начала VII в. и до начала IX в. в нашем распоряжении отсутствуют письменные источники, которые сообщали бы нам что-либо о том, что происходило в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Лишь ретроспективный анализ более поздних источников и данные археологических исследований позволяют составить общее представление о том, что происходило в этой части Восточной Европы в VII—-VIII вв.

Расселение славян в Восточной Европе. Эти столетия были временем, когда интенсивно продолжалось расселение славян в лесной и лесостепной зоне Европы. Его осложняли и усиливали миграции в Восточную Европу с других частей заселенного славянами ареала, начало которым было положено с середины I тысячелетия н.э. Расселение славян

сопровождалось ассимиляцией живущих на этих территориях угро-финских и балтских племен, впрочем, к VII—VIII вв. можно отнести лишь начало этого процесса. Более быстро ассимиляция протекала там, где земледельцы-славяне сталкивались с племенами, ведущими охотничье-собирательское или скотоводческое хозяйство. При таком ведении хозяйства плотность населения была невелика, поэтому славяне без больших препятствий могли осваивать здесь под пашню новые земли, а немногочисленные местные жители вливались в их ряды.

В новейшей литературе предприняты попытки реконструировать генезис восточнославянских «племенных» союзов, связав его с общей картиной генезиса праславян. Одна из таких реконструкций выглядит следующим образом.

Как уже указывалось, предшественниками восточных славян на территории Восточной Европы были представители ряда крупных праславянских групп населения. Локализацию первичной совокупности праславян ученые расценивают по-разному. Одни считают прародиной регион Дуная, другие — земли между Западной Двиной и Припятью. Новейшие изыскания определяют, что исходным плацдармом миграционной волны

IV— VII вв. были места обитания суково-дзедзицких (ляшских) славян Эльбо-Вислинского междуречья, эволюционировавших на основе северной части пшеворской культуры. Около середины I тысячелетия и в третьей его четверти на территорию Подвинья, Смоленского Поднепровья и далее на восток в лесную зону, вплоть до Волго-Клязьминского междуречья, двигалась переселенческая волна этих праславянских племен, важным индикатором праславянской основы которых ученые-археологи считают, в частности, наличие женских «браслетообразных» височных колец с «не завязанными концами». К сожалению, история не сохранила этнонима этих групп населения, осваивавших территорию Волго-Клязьминского междуречья.

С рубежа VII—VIII вв. в Полоцко-Витебском Подвинье и Смоленском Поднепровье на этой же древней основе идет процесс становления смоленско-полоцких кривичей. С древней основой связаны и иные переселенцы. В первую очередь это словене ильменские и псковские кривичи. С конца VII — VIII в. в Приильменье формируется тип захоронений — так называемая культура сопок. Постепенно ильменские словене укоренились в бассейне Ильменя (Илмера) с реками Шелонью, Ловатью, Метой, а также частью Полужья и землями на восток до рек Молога и Чадогоща. Кривичи, как считают некоторые исследователи,

получили свой этноним от балтского Kreio — *отделяю, отрезаю*, что означало также окраинную область славянского мира (впрочем, латыши до сих пор называют русских *kries)*. Псковские кривичи компактно располагались вблизи Псковского озера. Древний Изборск несколько позже, возможно, был племенным центром одной из общностей кривичей. Маркером псковских кривичей археологи считают захоронения в виде «длинных курганов».

В материальной культуре праславян и их потомков было много схожего. Это неукрепленные селища на возвышенных пространствах по берегам рек, речек и водоемов, расположенных в удобных для устройства пашни и выпаса скота местах. Они были небольшими, в 5—20 дворохозяйств, расположенных бессистемно отдельными группами дворов. Между ними располагались хозяйственные постройки и ямные сооружения. Иногда селения имели рядную застройку. Типичные славянские жилища —полуземлянки квадратной или прямоугольной конфигурации, углубленные в грунт на 0,5—1 м, со стенами срубной или столбовой конструкции и двускатной крышей. В одном из углов однокамерного жилища была каменная или глинобитная печь, по стенам вырезаны лежаки из грунта, иногда застеленные деревянным покрытием. Пол был земляной, изредка покрыт досками. В жилище вели вырезанные в грунте ступеньки.

Следующей крупной племенной группой, ставшей основой формирования большой совокупности восточнославянских племен, являлись носители так называемой пражско-корчакской культуры, восходящей в свою очередь к южной части древних пшеворцев. Выше уже упоминалось, что пространство пражско-корчакской культуры, сложившееся в итоге длительных миграций, огромно: от Верхней Эльбы и Среднего Дуная на западе до Киевского Поднепровья на востоке; от Средней Вислы на севере до Прикарпатья на юге. Восточная оконечность ее локализуется Волынью, югом Припятского Полесья и правобережьем Киевского Поднепровья. По мнению В. В. Седова, на этой территории в V—VII вв. обитали дулебы, разобщенные после покорения аварами на несколько групп, давших основу для развития в VI—IX вв. целого ряда восточнославянских новообразований: бужан (волынян), древлян, дреговичей и полян. Раннее местоположение бужан находилось в верховьях Буга, а также рек Стыри и Горыни, а позднее они переместились на Волынь. В Припятском Полесье в округе будущего города Турова локализовались дреговичи, а в районе правых притоков Припяти — Ужа и Тетерева была основная территория древлян. Наконец, среднее

Поднепровье занимали поляне.

В левобережье лесостепного Поднепровья в V—VII вв. жили, как говорилось выше, потомки антов-черняховцев, создавших пеньковский тип материальной культуры. С конца VII в. под влиянием пришлого, по всей вероятности также славянского, населения здесь развивается волынцевский тип материальной культуры, постепенно трансформировавшийся в роменскую (левобережье Днепра), боршевскую (верховья Дона) и окскую (верховья Оки) культуры. Памятники этих культур обнаружены на территории Подесенья, бассейна Сейма, Сожа, верховьев Окского бассейна, а также поречий Сулы, Пела,

Ворсклы и верховьев течений Северского Донца и Дона. Именно в этом регионе потомки антов образовали широко известные общности северян, радимичей, вятичей, а также славянского населения в верховьях Дона, соседившего с салтовской культурой Хазарии.

Другая ветвь потомков антской группы праславян локализуется на юго-западе. Это уличи, первоначально располагавшиеся по Днепру чуть южнее полян, затем оттесненные в район междуречья Днестра и Буга, и тиверцы, локализуемые во второй половине I тысячелетия в бассейне Днестра. Есть предположения, что теснимые с конца IX в. волнами тюрок-кочевников (печенегов и половцев) тиверцы ушли в Закарпатье. Еще одна ветвь антских потомков — восточные хорваты, — точнее, один из четырех разбросанных по разным регионам осколков большой этнической общности, — располагалась в верховьях Днестра в Прикарпатье.

Приход славян на территорию Восточной Европы из разных частей славянского ареала, их взаимодействие с иными этническими общностями способствовали появлению у отдельных объединений славян присущих только им материальных предметов, обычаев и, возможно, особенностей религиозных верований. Вместе с тем весьма вероятно, что взаимодействие с разными этническими общностями ускоряло распад родовых связей, закладывало основы становления соседских земледельческих общин. К концу VIII в. славяне занимали уже весьма значительные территории в лесной и лесостепной части Восточной Европы. Именно в VII—VIII вв. славяне широко расселились по территории Восточной Белоруссии и прилегающих областей России, поселились в бассейне Оки и в районе озера Ильмень. К VI в. относится начало заселения славянами Волго-Клязьминского междуречья. Примерно в VIII в., сменив антов-пеньковцев, иная волна славян заселила территорию Левобережной Украины, и славянская колонизация достигла Северского Донца и Дона. Миграция в область более суровых природно-климатических условий могла сказаться

на динамике развития формирующихся общностей лесной зоны Восточной Европы.

Объединения восточных славян в VII—VIII вв. Сохранился ряд свидетельств о сложившихся на территории Восточной Европы объединениях славян, существование которых, вероятно, относится уже к этому времени. Перечень таких объединений сохранился в написанном в середине X в. сочинении византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении государством». Однако само их образование относится к более раннему времени, так как названия некоторых из них читаются уже в тексте «Баварского географа», составленного в Баварии сочинения середины IX в., содержавшего перечень народов, живших на восток от границ Франкской империи.

В пределах лесной и лесостепной зоны Восточной Европы размещалось 12 восточнославянских объединений. На обширной территории такого объединения не могло проживать какоето одно племя. Отсутствие на территории расселения восточных славян в VII—VIII вв. протогородских центров не позволяет видеть в этих объединениях просто политические образования. Напротив, есть основания полагать, что в жизни их членов большую роль играло представление о кровнородственной связи. Представление об общем родстве подкреплялось преданиями о происхождении всех членов объединения от одного общего родоначальника. Так, в «Повести временных лет» происхождение радимичей и вятичей возводилось к основателям родов — двум родным братьям Радиму и Вятко.

Однако названия многих объединений передают отличительные черты среды обитания: древляне (жители лесов), дреговичи (жители болот — дрягвы), поляне (жители полей), уличи (жители территории крутого поворота реки Днепр — «угла»), бужане (жители района реки Буг) и т.д. Видимо, восточнославянские объединения имели различные темпы разложения родоплеменных традиций. Автор «Повести временных лет» явно выделяет из всех славянских групп Восточной Европы чистоплотных полян, отмечая у них единобрачие и существование большой патриархальной семьи, так как отмечаются контакты трех поколений. Подчеркнута стыдливость, проявлявшаяся, видимо, в тесном бытовом общении мужчин и женщин перед снохами, сестрами, матерями, родителями, а также свекровями и деверями. Отсюда следует, что состав семьи — это мать, отец, сыновья и их жены (с детьми), а также дочери с мужьями (и детьми). Такая семья составляла, по-видимому, целое село. И наоборот, изображая быт вятичей, северян и радимичей, живущих также

селами, летописец подчеркивает отсутствие у них публичной процедуры бракосочетания (вместо этого — похищение на игрищах между селами невест с их Согласия), наличие многоженства (две-три жены) и грубость в общении. Он также подчеркивает наличие у ряда общностей особого обряда захоронения (они после сожжения умершего, «собравше кости, вложаху в судину малу и поставляху на столпе на путех»), замечая при этом, что у вятичей данный обычай сохранялся вплоть до начала XII в. Это дает основание видеть в объединениях восточных славян этого времени племенные союзы — объединения ряда родственных племен, форму организации общества, которая возникла на последнем этапе разложения родового строя.

Несмотря на активно идущий процесс размывания племенного строя и становления соседских связей, несущими конструкциями политических структур все еще служили родовые связи. Впрочем, ряд исследователей считают, что племенные союзы были уже территориальными объединениями.

В древнерусских источниках о восточнославянских племенных союзах сохранились лишь самые общие сведения. Гипотетически представить себе характер образований такого типа можно по более поздним данным о племенном союзе пруссов (балтские племена, проживавшие на территории современной Калининградской области Российской Федерации и смежных с ней областей современной Польши) конца XII—XIII вв.

Прусский союз складывался из более десятка племен, делившихся в свою очередь на ряд более мелких единиц, которые исследователи условно называют «волостями». В политическом отношении союз был структурой достаточно рыхлой и непрочной. Когда прусский союз подвергся в XIII в. нашествию немецких крестоносцев, ни одного раза дело не дошло до совместного выступления всех прусских племен против захватчиков. Не только отдельные племена, но подчас и отдельные «волости» самостоятельно вели военные действия и заключали соглашения. По существу, единственной связью, объединявшей всех пруссов, были межплеменные собрания, созывавшиеся вокруг наиболее почитаемых центров языческого культа; здесь, однако, не столько принимались важные политические решения, сколько выполнялись обряды, которые должны были снискать благоволение богов для всей общности пруссов.

Единственным по-настоящему прочным объединением была низшая общественная ячейка — волость, коллектив свободных, равноправных людей, которые были одновременно и членами народного собрания, решавшими все важные, касающиеся интересов коллектива вопросы, и

членами ополчения, созывавшегося для защиты своей территории. Этих людей объединяли между собой и прочные хозяйственные связи. Анализ данных о прусских «волостях» показал, что размерами занимаемой территории одна «волость» могла значительно отличаться от другой, но численность населения была стабильной, не превышавшей цифры 1000 взрослых мужчин — глав семей. В условиях, когда все население «волости» должно было участвовать в решении всех важных вопросов, количество населения в таком объединении не могло превышать данной цифры. С увеличением на территории «волости» населения происходило ее разделение на несколько частей, каждая из которых организовывала свою жизнь таким же образом, как и первоначальная «волость». Путем такого длительного процесса «отпочкования» и складывался племенной союз, состоявший из достаточно слабо связанных между собой однородных самоуправляющихся структур.

Историческая память восточных славян относила к этому времени и появление в ряде восточнославянских племенных союзов княжеской власти. Так, у полян сохранялась память о Кие, который вместе с двумя братьями основал на среднем течении Днепра «град» и назвал его своим именем: город Кия — Киев. О нем рассказывали, что он путешествовал в Константинополь — столицу Византийской империи, где «честь велику прия от царя». Сохранялась и память о том, что после смерти Кия и его братьев «держати почаша род их княженье в полех», т.е. у полян. К сожалению, этим и ограничиваются все наши сведения о восточнославянских князьях этого времени.

Все сказанное об основных чертах племенного союза пруссов есть основание относить и к восточнославянским племенным союзам VII—VIII вв. Ряд факторов, о которых речь пойдет ниже, способствовал тому, что в восточнославянских племенных союзах общественные ячейки низшего уровня отличались особой прочностью. Связано это было с особыми условиями, в которых велось земледельческое хозяйство на территории Восточной Европы.

Особенности земледелия восточных славян в VII—VII вв. Как показывает анализ лексики праславянского языка, славяне были земледельческим народом еще на территории первоначального очага расселения. Этим они отличались от некоторых других этнических общностей в этой части Европы, у которых преобладало скотоводство и охотничье хозяйство. На севере и юге Восточной Европы первоначально использовались две разные системы земледелия. В лесостепных районах господствовал перелог как средство очистки пашни от сорняков, а

обработка участков могла продолжаться в течение ряда лет. На севере, в лесной зоне, наряду с перелогом использовалась подсечно-огневая система земледелия. Посев производился на участках, где предварительно выжигался лес, а зола использовалась как удобрение. Первые два-три года на росчистях 10—15 -летнего леса можно было получить сравнительно хороший урожай, но затем земля истощалась. В 2—3 раза более высокий урожай давали росчисти 40—50-летних лесов, но их сведение было чрезвычайно сложной задачей, требовавшей длительных совместных усилий большого количества людей, не говоря о сведении столетних и двухсотлетних лесов. К такому трудоемкому способу получения урожая нельзя было прибегать постоянно. Обе системы земледелия следует охарактеризовать как экстенсивные и приносившие в итоге достаточно скромный урожай.

Значение VII—VIII вв. в истории восточнославянского земледелия заключается в том, что именно в это время земледелие стало главной, господствующей отраслью хозяйства, по сравнению с которой скотоводство, охота, бортничество имели гораздо меньшее значение. Сложилось положение, при котором плохой урожай зерновых означал голод. Не случайно зерновые культуры в языке славян обозначались словом «жито» — жизнь.

В эти же века наметился переход от охарактеризованных выше систем земледелия к примитивному двухполью с озимым и яровым полем (сведения о посеве славянами зерновых два раза в год встречаются уже в источниках X в.). При такой системе земледелия объем производившегося продукта должен был заметно возрасти, причем в зависимости от ситуации размеры яровых полей могли резко отличаться от размеров полей озимых. Важно, однако, принять во внимание, что развитие земледельческого хозяйства на территории Восточной Европы происходило в природных условиях, гораздо менее благоприятных, чем в других частях Европы. Во-первых, следует отметить неблагоприятные климатические условия. Так, для земледельческих работ оставался очень короткий рабочий сезон — с начала мая до начала октября, что требовало от земледельца крайне напряженных усилий на небольшом отрезке времени, но и при этом не всегда удавалось добиться такой степени обработки земли, которая была возможна при более длительном сезоне работ. Кроме того, отметим, что и на протяжении этого отрезка времени климатические условия не были стабильными. Открытость Восточно-Европейской равнины для суровых северных ветров приводила к гибели растений и во время суровых, но бесснежных зим, и во время весенних и осенних заморозков. На юге

противоположную опасность создавали вторжения сухих юго-восточных ветров, приводящих к губительным засухам. Во-вторых, земледелец сталкивался здесь (это прежде всего относится к лесной зоне) с низким плодородием подзолистых почв, более плодородные почвы встречались на Восточно-Европейской равнине лишь южнее условной линии Киев — Калуга — Нижний Новгород. К тому же со времен Великого переселения те, кто пришли из центра Европы и пережили катастрофические заводнения низменных площадей, предпочитали теперь земли на возвышенных водоразделах, что усложняло условия производства. Воздействие этих факторов приводило к тому, что, несмотря на все усилия земледельца, урожайность зерновых в среднем даже в XVIII в. оставалась крайне низкой — сам-3, а при неблагоприятных условиях — сам-2. Неудивительно, что и при переходе к двухполью земледельцы часто забрасывали через определенный срок свои наделы, чтобы использовать плодородие новых неистощенных участков земли.

Все это делало отдельное хозяйство неустойчивым перед лицом этих неблагоприятных факторов. Для преодоления трудностей земледелец постоянно нуждался во взаимодействии с соседями. И это делало объединение соседей — соседскую общину у восточных славян, во многом аналогичную общине других европейских народов, — особенно прочной.

Хазарский каганат и славяне. В степной части Восточной Европы в VII—VIII вв. сложилось положение, существенно отличавшееся от того, что было в VI—VII вв. Постоянные передвижения кочевых племен через территорию этого региона в Европу прекратились. Барьером для их движения стало объединение хазарских племен, обосновавшееся на Нижней Волге к началу VII в. В середине VII в. в борьбе с ними потерпели поражение племена болгар. Часть из них ушла на север, на земли в среднем течении Волги, другая, во главе со своим вождем Аспарухом, — на запад, на Балканы, где в конце VII в. образовалось Первое Болгарское царство. С этого времени хазары стали на длительный период времени полными хозяевами восточноевропейских степей. Первоначально объединение это входило в состав Тюркского каганата, а с его распадом в первой половине VII в. стало самостоятельным. Образовалась особая держава — Хазарский каганат, правитель которого принял высший в кочевой иерархии титул кагана. Главный господствующий этнос каганата, хазары, кочевал в основном в степях Придонья, Прикубанья, на Нижнем Поволжье. Когда к IX в. положение каганата осложнилось, границы этой территории на западе были защищены рядом крепостей в нижнем течении Дона. Одна из них, Саркел, была поставлена на левом берегу Дона в устье Цимлы в 30-х гг. IX

в. византийскими мастерами. Поскольку через территорию <•

каганата проходили важные торговые пути, здесь возник ряд городов — важных центров международной торговли. Главным из которых был Итиль, основанный в середине VIII в. в низовьях Волги. Зимой после летнего кочевья там останавливался каган со своей свитой. Торговые пошлины приносили значительные доходы, что давало возможность принимать на службу отряды мусульманских наемников. Верховная власть кагана распространялась на обширные территории Восточной Европы и Предкавказья. На территории Северного Кавказа разворачивались войны хазар с правителями Арабского халифата, и правители княжеств в горной части Дагестана меняли свою ориентацию исходя из того, на чьей стороне был перевес. В зависимости от хазар находились племенные объединения угро-финских народов Среднего Поволжья, лежавшие на север от хазарских владений на Волге (буртасы, мордва, марийцы) и волжские болгары. В древнерусском летописании сохранились сведения о том, что граничившие с Хазарским каганатом восточнославянские племенные союзы (поляне, радимичи, северяне, вятичи) в IX в. уплачивали дань хазарам. Как и в других объединениях кочевников, верховные правители не вмешивались во внутреннюю жизнь территорий с земледельческим населением, ограничиваясь взиманием дани. Разумеется, уплата дани, когда в руки хазар переходила существенная часть произведенных жителями этих союзов материальных ценностей, должна была тормозить поступательное развитие этих объединений восточных славян, но это было меньшим злом, чем постоянные вторжения кочевников, характерные для предшествующего периода. Установление гегемонии Хазарской державы в степной зоне Восточной Европы способствовало тому, что восточные славяне (прежде всего та их часть, которая граничила со степью) могли в течение длительного времени жить в сравнительно мирных условиях. Имело значение и то, что, благодаря установлению на достаточно длительное время политической стабильности, установились и стали функционировать торговые пути, связавшие земли Восточной Европы, заселенные восточными славянами, с такой высокоразвитой областью средневекового мира, как Арабский халифат, что способствовало ускорению развития как восточнославянской, так и ряда других этнических общностей на территории Восточной Европы.

Раздел II. Восточные славяне и другие народы Восточной Европы и Сибири в эпоху раннего Средневековья

Глава 3. ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

§ 1. ПЕРВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА ЗЕМЛЯХ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Ряд важных объективных фактов, полученных археологами, говорят о том, что с начала IX в. в жизни населения лесной и лесостепной зоны Восточной Европы стали происходить важные перемены.

Образование протогородских центров. Два «центра власти». Первым наиболее важным свидетельством перемен стало появление на территории этого региона после длительного хронологического перерыва протогородских центров и не только на юге, но и на севере Восточной Европы. Примерами таких центров IX в. могут служить Труворово городище в районе Пскова, Хотомель на Волыни, Сарское городище недалеко от Ростова Великого.

В центре обширного селища с. Хотомель, датируемого VIII—IX вв., располагалось небольшое городище, внутри укреплений которого находились жилища, отличающиеся от построек самого селища. Главное, на городище сосредоточено большое количество оружия и серебряных изделий, что позволяет говорить о нем как о месте пребывания правящей богатой верхушки.

Особенности протогородского центра, отличавшие его от окружающих сельских поселений, можно охарактеризовать также и на примере Сарского городища, являвшегося центром проживавшего в восточной части лесной зоны угро-финского этноса — мери. Городище было единственным укрепленным центром на всей территории земли мерян. Разделение территории городища на три части заставляет предполагать какое-то социальное деление проживавшего на нем населения. На городище были обнаружены обильные следы ремесленной деятельности, связанной, в частности, с литьем и ювелирным делом. При его раскопках обнаружено большое количество импортных вещей, среди которых значительную часть составляло оружие. На окружающих поселениях подобные находки не обнаружены.

Все это позволяет сделать вывод, что протогородской центр

образовался потому, что из состава населения выделилась заметно отличающаяся от него по образу жизни социальная элита, которая поселилась в укрепленном поселении с группой подчиненных людей, обслуживавших ее нужды.

Второе важное материальное свидетельство перемен — появление в первых десятилетиях IX в. в различных частях лесной и лесостепной зоны Восточной Европы многочисленных кладов арабских монет. Появление таких находок связано с заинтересованностью формирующейся социальной элиты в накоплении серебра (не случайно на территории Сарского городища был найден целый ряд таких кладов). Уже в первой половине

VIII в. клады куфических монет закапывались и на территории Среднего Поднепровья, и в Волго-Окском междуречье, и в Приильменье. Восточное серебро было в руках представителей элиты атрибутом общественного престижа, возвышавшим его обладателя над окружающими. Ибн Фадлан, арабский путешественник, встречавшийся в начале X в. в Болгаре на Волге со знатными людьми, приезжавшими туда с соседних территорий, записал, что их жены носят на шее ожерелья из золотых и серебряных монет, количество которых соответствует размерам богатства мужей.

Разумеется, привозившие серебро восточные купцы не отдавали его даром. Что же могла местная элита предложить взамен? Ответ дают свидетельства арабских авторов IX—X вв.: арабские купцы везли из Восточной Европы меха (соболей, чернобурых лисиц и др.) и рабов. Что касается мехов, то и в гораздо более позднее время жители Новгорода добывали их, организуя военные походы в богатые пушниной земли Севера.

Соплеменников местная элита не могла порабощать, на невольничьих рынках могли продавать только пленных, захваченных в набегах на другие племена. Походы на другие племена за мехами и рабами организовывала социальная элита, и эти походы способствовали её обогащению и возвышению.

Действие каких факторов вызвало к жизни процессы социальной дифференциации в славянском обществе и что представляла собой формировавшаяся в нем социальная элита?

Во-первых, на протяжении VII—VIII вв. как результат успешного развития земледельческого хозяйства при отсутствии постоянной внешней угрозы в обществе накопился прибавочный продукт, достаточный для содержания групп населения, непосредственно не занятых в производстве. Не будь этого, выделения из местного общества социальной элиты вообще

бы не произошло. Однако накопление прибавочного продукта создавало лишь определенные материальные предпосылки для процессов социальной дифференциации; чтобы они пришли в движение, потребовалось действие других факторов. В течение длительного времени исследователи полагали, что прогресс земледелия привел к образованию отдельных самостоятельных крестьянских хозяйств, каждое из которых сумело закрепить за собой права на свой надел. Затем те, кому удавалось лучше вести хозяйство, сумели завладеть наделами менее удачливых соседей, и так наметилось деление общества на более богатых и более бедных, социальная дифференциация внутри общины стала толчком для дифференциации общества в целом. Создатели этой схемы механически переносили в эпоху раннего Средневековья европейские процессы, характерные для разложения общины в эпоху перехода от феодализма к капитализму.

При характере и особенностях ведения земледельческого хозяйства на территории Восточной Европы здесь не было условий для появления самостоятельного крестьянского хозяйства и закрепления за ним прав на надел, а поэтому не могло происходить и серьезной социальной дифференциации в рамках объединения соседей.

Такие возможности появлялись в обществе под воздействием иных факторов. По мере того как продвигался процесс заселения лесной и лесостепной зоны Восточной Европы, все чаще должны были возникать столкновения между отдельными племенами из-за тех или иных территорий. Неосвоенной земли было еще очень много, но речь шла об обладании землями *лучшего* качества и наиболее удобно расположенными.

Структуры родоплеменного общества не были рассчитаны на частое повторение конфликтных ситуаций и с ростом межплеменных конфликтов неизбежно деформировались. С одной стороны, возникала необходимость в объединении для борьбы с врагом, для принятия важных сразу для нескольких племен решений и их проведения в жизнь. Так на территории племенного союза постепенно возникает «центр власти», связанный с определенным укрепленным пунктом, где сосредотачивается племенная знать, представлявшая интересы союза перед лицом внешних сил и подготавливавшая решения, которые принимались затем на межплеменных съездах. Эта знать уже следит за выполнением лежащих на населении обязанностей, в частности по содержанию в порядке дорог и мостов и устройству лесных завалов на границах, она же начинает вводить практику разного рода сборов на нужды союза в целом. Так постепенно обособлялась от общества и становилась делом особого рода людей

функция управления.

Во -вторых, рост роли и значения войны в жизни общества вел к росту роли и значения тех, в руках кого находилось руководство военными действиями. Уже на исторической прародине у славян существовал постоянный военный предводитель — князь. В условиях войны роль и значение власти князя должны были возрастать. Вокруг него формируется и становится его постоянной опорой дружина — принципиально новое для родоплеменного общества явление. Дружина со временем представляла сообщество людей самой разной родовой принадлежности, которых объединяла с их главой — князем — взаимная клятва верности. Это было сообщество людей, занимавшихся войной и живших для войны. С появлением дружины произошло и определенное выделение в рамках общества группы людей, социально связанной с осуществлением военной функции. За выполнение своих обязанностей по защите территории союза дружина также могла рассчитывать на определенные сборы с населения. Кроме того, ей доставались добыча и пленные во время войн с соседями.

Изучение таких предгосударственных племенных объединений, как федерация племен на территории Швеции X— XI вв. или Поморский союз на южном побережье Балтийского моря (северная часть современной Польши), показало, что там параллельно действовали два разных центра власти — родоплеменная знать в главном укрепленном центре объединения и князь со своей дружиной в особой, находившейся в его владении крепости. Если руководство военными действиями находилось в руках князя, то судебная и законодательная власть осуществлялась на народных собраниях знатоками права — «законоговорителями», принадлежавшими к кругу племенной знати. Зарождение государства — власти, отделенной от общества и господствующей над ним, происходило в обстановке постоянной борьбы и соперничества этих двух центров власти.

Протогосударство на севере Восточной Европы. IX веком датируются известия письменных источников о появлении первых крупных политических образований на восточнославянских землях, где такая потребность давно назрела, но объективный процесс зарождения государства был осложнен воздействием внешних сил. К IX в. для жизни Европы раннего Средневековья приобрел важное значение поиск новых торговых путей на Восток, так как с утверждением на восточном, южном и западном побережье Средиземного моря Арабского халифата (вторая половина VII — начало VIII в.) резко ухудшились условия торговли в этом регионе, где пролегали старые, традиционные торговые пути. В поиски таких путей активно включилась часть населения Скандинавии, также

переживавшей в то время кризис родового строя, вызвавший на целые столетия нескончаемую агрессию на запад Европы отрядов грозных викингов. Те группы населения, которые не находили возможностей для социального возвышения, ухватились за шанс добиться его, приняв участие в поиске торговых путей на Восток, ведущих через территорию Восточной Европы. Для скандинавских торговцев и пиратов это была единственная перспектива, так как путь на запад в конце VIII — первой половине IX в. закрывала могущественная Каролингская империя с хорошо налаженной организацией береговой охраны.

О контактах жителей Скандинавии — норманнов с восточными славянами, находившимися в этот период, как показано выше, на стадии формирования политических образований и протогосударств, важные сведения содержит так называемая варяжская легенда, или «Сказание о призвании князей», дошедшее до нас в составе древнейших сохранившихся древнерусских летописных сводов (Начального свода конца XI в. — в тексте Новгородской I летописи младшего извода и в «Повести временных лет» начала XII в.). «Сказание» в легендарной форме сохранило сведения об образовании в лесной зоне Восточной Европы крупного политического объединения. В нем рассказывается о появлении в этой части Восточной Европы варягов — военных дружин жителей Скандинавии (норманнов), взимавших дань с восточнославянских племенных союзов кривичей и словен и соседних с ними угро-финских племен — мери и чуди. Они «дань даяху варягом от мужа по белей веверице» (т.е. по шкурке белки). Варяги «насилье деяху словеном, кривичем и мерям и чуди». Объединившись, они «всташа на варягы и изгнаша я за море и начаша владети сами собе». Обращают на себя внимание большие размеры возникшего политического объединения, внутри которого, несомненно, действовал управленческий механизм. Кривичи летописного рассказа — это славянское население района Пскова, словене — славянское население Приильменья, чудь — угро-финское население Приладожья, меря, по свидетельству летописи, жила в районе Ростовского озера, ее главным центром было уже упоминавшееся Сарское городище. Таким образом, в состав этого разноэтничного объединения входили территории и на северо-западе, и на северо-востоке Европейской России.

Далее предание говорит о том, что между участниками объединения начались раздоры («всташа град на град и не беше в них правды»), и выход был найден в том, чтобы пригласить «из-за моря» князя, «иже бы владел нами и судил ны по праву» (в ином варианте — «по ряду», т.е. по договору). Из Скандинавии прибыли по приглашению с дружиной три

брата — варяги. Старший из них — Рюрик — сел князем племенном центре словен в районе будущего Новгорода и стал родоначальником правившей затем в России княжеской династии.

Определенный комментарий к этим сообщениям и возможность определить, когда происходили описанные в них события, позволили дать результаты раскопок, произведенных на территории «Рюрикова городища» -— поселения на острове у выхода реки Волхова из озера Ильмень в 2 км от Новгорода. Это поселение существовало примерно с середины IX в. и обладало всеми признаками протогородского центра. При его раскопках в толще славянского инвентаря были обнаружены многочисленные предметы скандинавского происхождения (оружие, украшения), в том числе и такие, которые связаны с отправлением характерных для Скандинавии религиозных культов (например, молоточки Тора на шейных гривнах). Есть основания видеть в этом поселении укрепление, резиденцию приглашенного племенами севера Руси князя и его норманнской дружины, хотя ряд ученых полагают, что поначалу недолгое время такой резиденцией была Старая Ладога. Древнерусские летописные своды однозначно утверждают, что центром жизни объединения словен издревле был Новгород. Исследователи выражают в этом сомнение, так как столь же ранних слоев, как на территории «Рюрикова городища», на территории Новгорода не обнаружено. Поэтому образование Новгорода относят к более позднему времени — X в. Почти полное отсутствие в ранних археологических слоях города скандинавских вещей (в отличие от «Рюрикова городища») говорит о том, что центр общественной жизни словен и их союзников формировался самостоятельно, независимо от княжеской резиденции, а это в свою очередь говорит об их самостоятельной позиции по отношению к князю. Тем самым получает подтверждение сообщение «Сказания», что князь поселился на «Городище» «по ряду», т.е. по соглашению с местным населением. В «Сказании» Рюрик выступает как настоящий правитель, обладающий полнотой судебно-административной власти. Но гораздо более вероятно, что он был в рамках этой государственной структуры военным вождем союза, чьей обязанностью было организовать защиту его территории, в том числе и от единоплеменников — варягов. В старых племенных центрах, таких как Сарское городище или Изборск, по-прежнему распоряжалась родоплеменная знать.

В исторической литературе вокруг легендарного материала о призвании варягов начиная с XVIII в. ведется оживленная дискуссия. В ряду так называемых норманнистов, утверждавших, что государство в

Древней Руси создали шведы-норманны, именуемые русскими летописями варягами и давшие этому государству название «Русь», мы видим, в частности, немецких членов Петербургской Академии наук З. Байера, Г. Миллера, А. Шлёцера, русских историков Н. М. Карамзина, А. Куника, М. П. Погодина, С. М. Соловьева, А. А. Шахматова. Антинорманнистами были М. В. Ломоносов, Г. Эверс, Ю. П. Венелин, С. А. Гедеонов, Д. И. Иловайский и другие. В последние три десятилетия спор разгорелся с новой силой.

Политическое объединение народа «Рос». В этой связи важно отметить, что наука располагает сведениями о появлении крупного политического образования на юге Восточной Европы в первой половине IX в. В «Бертинских анналах» — официальной летописи Каролингской империи — отмечен приезд в 839 г. ко двору императора Людовика — сына Карла Великого — вместе с послами византийского императора Феофила послов некоего «народа Рос, правитель которого называется хаканом». Послы (этнические «свеоны» — шведы), посетившие Константинополь, не могли вернуться домой обычным путем, и Феофил просил Людовика помочь им вернуться на родину.

Этому сообщению посвящена большая и разноречивая литература. Ряд исследователей считают, что во главе этого политического формирования, получившего в историографии наименование «Русский каганат», стояли шведы («свеоны»). Отсюда легко предположить, что и народ там был неславянский. Однако в итоге попыток более тщательного перевода текста каролингского летописца капеллана Пруденция ключевая фраза выглядит следующим образом: «Он [император Феофил] также послал с ними [послами Византии] неких людей, которые говорили, что их, то есть их народ, называют Рос». Следовательно, налицо оговорка, открывающая этническое несоответствие посланных Феофилом людей и собственно народа «Рос». Есть еще, правда, одно довольно глухое известие, датируемое тремя десятилетиями позже. Это беглое замечание, сделанное в письме франкского императора Людовика II византийскому императору Василию I от 871 г. о том, что франкская власть признает титул кагана только за когда-то могучими главами авар, но не хазар или норманнов. Если хазары подразумеваются здесь в качестве народа, то таким же народом должны считаться в данном тексте и норманны. Однако нет никаких следов пребывания в это время отрядов или групп скандинавов в пространстве Восточной Европы, кроме Старой Ладоги и Рюрикова городища, т. е. на юге Восточной Европы такого народа, правитель которого мог бы претендовать на титул кагана, не было. Замечание Людовика II, видимо,

было основано на весьма туманной информации о далеком востоке Европы. Немаловажно и другое наблюдение, но уже арабского историка и географа ал-Якуби, автора труда «Китаб ал-булдан» (Книга царств), написанного в 891 г. Характеризуя ситуацию в 40—50-х гг. IX в. возле Дарьяльского ущелья, когда арабские отряды обрушились на жителей этих мест — ценар, — историк сообщает, что они обратились за помощью к трем известным властителям того времени, возглавляющим Византию, Хазарию и Государство славян («сахиб-ар-Рум», «сахиб-арХазар» и «сахиб-ас-Сакалиба»). Видимо, этим государством славян и был «Русский каганат» народа «Рос», расположенный на юге Восточной Европы. Наконец, еще одним подтверждением сказанному является упоминание этого народа в памятнике середины — второй половины IX в., именуемом «Баварским географом». В нем в перечне народов Восточной Европы обозначены рядом хазары и русы (Caziri, Ruzzi). Стремление правителя народа «Рос» установить связи с Византийской империей говорит также о том, что земля, заселенная этим народом, находилась сравнительно недалеко от Византии. Эти факты помогают принять как наиболее вероятную версию о местонахождении «Русского каганата» в районе Среднего Поднепровья.

Сообщение «Вертинских анналов» содержит важные сведения о взаимоотношениях этого политического объединения с его главным соседом на востоке -— Хазарией. Принятие его главой титула «каган», который до этого носили только правители Хазарии, говорит о притязаниях на равноправное положение и независимость от главы Хазарии, бывшей в VII—

VIII вв. главной, могущественной державой на юге Восточной Европы. Такой акт положил начало противостоянию между русами и хазарами. О нем говорят и данные археологии. К этому времени относится строительство на западных границах Хазарского каганата на берегах Дона, Тихой Сосны и Северского Донца целой сети крепостей (семи новых и четырех возобновленных старых), что трудно объяснить иначе, чем появлением у Хазарии опасного врага к западу от ее территории. Все это позволяет сделать вывод, что к концу 30-х гг. IX в. союз полян-русов в Среднем Поднепровье разорвал отношения зависимости с Хазарским каганатом, и во главе стал правитель, претендовавший на равноправное положение с правителем хазар.

Кроме археологических данных, границы этого объединения, получившего позже название «Русской земли», позволяет установить анализ терминологии русских летописных сводов XI—XII вв. В текстах сводов название «Русская земля» использовалось в более широком и в

более узком значении. В более широком значении это название относилось ко всем восточнославянским землям, объединившимся в границах Древнерусского государства, в более узком значении оно относилось лишь к территории Среднего Поднепровья с такими городами, как Киев, Чернигов и Переяславль. Границы этой территории, очерченные по данным письменных источников, совпадают с границами племенной территории полян-руси, как она очерчивается по данным археологии.

Происхождение названия «Русь». В научной литературе уже более 200 лет идут споры о происхождении названия «Русь», «Русская земля», которым уже в IX в. обозначалось политическое объединение восточных славян в Среднем Поднепровье. Объясняет эти споры прежде всего скудость древнейших исторических источников, их фрагментарность и лаконизм, наличие в них недостоверных сообщений, основанных на информации, многократно искажавшейся при устной передаче, и т.д. Кроме того, в первом тысячелетии нашей эры в Европе, судя по известиям источников, было много этносов с названиями, очень близкими или созвучными названию «Русь» («русы», «Руссия» и т.п.). Это и руги I в. н.э., и раны, рены, рутены

VI—IX вв. н.э. Отсюда при пристрастном подходе в литературе рождаются гипотезы об «Аланской Руси», «Руси-тюрк», «Балтийской Руси» и т.д., чем проблема не только осложняется, но и искажается.

Ряд исследователей выступают за скандинавское происхождение этого термина, рассматриваемого как производное от древнескандинавского «robs» — гребец, участник морского похода, перешедшего в западнофинское «routsi» — швед (хотя этимология такого перехода не доказана). Другие исследователи, основываясь на том, что уже в византийских источниках

IX в. присутствует форма «Рос» (pwk), «Росиа», связывают ее происхождение с широко засвидетельствованным в топонимике причерноморского ареала иранским корнем «рос» (города у Керченского пролива Корусиа, Герусиа, Астарусиа, Русиа) и ономастике с корневым «у» — «рус» (ruksa, russa, ruksi, russi, russia). Напомним, что целый ряд других славянских этнонимов имеет индоарийские или иранские корни: анты, сербы, север (северяне), хорваты. Не лишним будет сказать, что некоторые южные реки имеют в названиях корень «рос» (приток Днепра — Рось, приток Нарева — Рось, Роска на Волыни).

Политическое объединение, сложившееся в Среднем Поднепровье, представляло собой серьезную военно-политическую силу. В 860 г. 200 кораблей народа «Рос» совершили нападение на столицу Византийской

империи —одного из самых могущественных государств того времени. Не позднее 867 г. к «русам» византийский император направил посольство, чтобы, поднеся щедрые дары, добиться заключения мира и уговорить их принять крещение.

Успешному освобождению союза полян от хазарской власти и его превращению в серьезную военно-политическую силу способствовали перемены, происходившие в первой половине IX в. в степной зоне Восточной Европы. Передвижения кочевых племен из Центральной Азии в восточноевропейские степи снова возобновились, и эти племена стали вступать на земли, находившиеся в зоне хазарского влияния. Если племена мадьяр хазарским каганам удалось подчинить своему политическому влиянию, то с преследовавшими мадьяр их противниками — печенегами — у правителей хазар сложились враждебные отношения, им пришлось силой отстаивать свои земли от вторжения этих племен. Кроме того, социальные изменения, приводившие к образованию новых политических объединений, происходили и в других соседних с каганатом областях. К началу X в. от власти хазар освободились аланские племена на Северном Кавказе. В это время аланы создали свое государство, принявшее крещение из Византии. Волжские болгары на территории Среднего Поволжья создали свое государство, граничившее с Хазарским каганатом с севера. Население этого государства приняло ислам, и его правитель в начале второго десятилетия X в. обратился к самому багдадскому халифу с просьбой о присылке законоучителей.

Однако имело место и воздействие другого фактора. Освобождение полян от хазарской власти, по-видимому, не случайно совпало с появлением в Среднем Поднепровье норманнов. Как уже упоминалось, в записи «Вертинских анналов» под 839 г. отмечено, что послы правителя народа «Рос» были по происхождению шведами. Древнерусская летописная традиция говорит и о скандинавском происхождении киевских князей IX в., один из которых (Аскольд) носил действительно типично скандинавское имя. Приход норманнской дружины должен был усилить позиции полян в их борьбе с хазарами. Характерно, что резиденция киевских князей Аскольда и Дира находилась в урочище Угорском недалеко от Киева, а не в самом этом городе. В византийском рассказе о переговорах по поводу крещения «русов» фигурирует народное собрание во главе со старейшинами, которое обсуждает предложения византийцев и само принимает решение. Очевидно, положение князя в союзе полян было сходно с положением князя, сидевшего на «Рюриковом городище». Оба объединения, возникшие на территории

Восточной Европы в IX в. были еще предгосударственными структурами, в которых князья не были еще настоящими правителями.

Зарождение древнерусской государственности и норманны. Присутствие на территории Восточной Европы в IX в. норманнов, их участие в создании здесь новых политических образований заставляет поставить вопрос, какова была роль норманнов в зарождении'и формировании государственности на землях восточных славян и тесно связанных с ними в историческом развитии угро-финских племен. Этот вопрос был предметом долгих и ожесточенных дискуссий в научной литературе XVIII—XX вв. Выдвигались полярные точки зрения — от утверждения, что Древнерусское государство образовалось благодаря завоеванию восточнославянских земель норманнами, до утверждения, что на территории Восточной Европы в IX в. норманнов вообще не было.

Выше были очерчены те перемены в социально-экономической жизни региона, которые создали предпосылки для социальной дифференциации общества и зарождения политических институтов. Эти сдвиги были результатом внутреннего развития местного общества, и норманны не имели к ним никакого отношения.

Нельзя утверждать и того, что норманны принесли в Восточную Европу представления о более развитом общественном устройстве, которые способствовали ускорению процессов внутреннего развития. Скандинавское общество и на исходе раннего Средневековья было гораздо более архаичным, сохранило намного больше черт родоплеменных отношений, чем общество древнерусское.

Роль норманнов станет понятнее, если принять во внимание, что зарождение новой социально-политической организации общества происходило в условиях острого соперничества двух «центров власти» — родоплеменной знати, обосновавшейся в центре племенного союза, с одной стороны, и военного предводителя — князя, опиравшегося на дружину, — с другой. Однако в суровых природно-климатических условиях, в отличие от центра Европы, процесс политико-экономического усиления того и другого центра власти был слишком замедленным. В условиях, когда ни одна из борющихся сил не могла одержать решающей победы, процесс становления нового общественного строя мог затянуться на длительное время, как это произошло в самой Скандинавии в эпоху раннего Средневековья. Приход отрядов норманнских воинов способствовал усилению роли и значения дружины в восточнославянском обществе, и благодаря этому на территории Восточной Европы этот конфликт в достаточно короткие исторические сроки был решен в пользу княжеской

власти и дружины. Но сформировавшаяся в ходе этой борьбы княжеская дружина лишь частично была норманнской.

Следует иметь в виду, что во второй половине IX в. с распадом Каролингской империи основная масса выходцев из Скандинавии, стремившихся к социальному возвышению и получению добычи, устремилась в богатые страны Западной Европы. В этих условиях дружины норманнских предводителей могли пополняться только за счет местного славянского населения. Кроме того, дружина вовсе не была замкнутой группой, организованной по этническому принципу. Она являлась содружеством воинов, открытым для всех, кто был способен храбро сражаться на поле боя под руководством вождя. Судя по сообщениям саг, скандинавские правители, стремясь укрепить свою власть, добивались у представителей местной верхушки отдельных областей, чтобы те присылали к ним в дружину своих сыновей. Норманнские военные вожди в Восточной Европе, чтобы завоевать авторитет и влияние в обществе, должны были действовать аналогичным образом. Княжеская дружина стала той силой, к которой начали присоединяться все общественные элементы, заинтересованные в изменении традиционного общественного строя, основанного на сосуществовании большого количества равноправных объединений соседей. Превращение дружины в господствующую социальную группу древнерусского общества имело важные исторические последствия. Только власть, опирающаяся на большую, хорошо организованную военную силу — дружину, могла решить задачу изъятия части ограниченного по своему объему прибавочного продукта для содержания непроизводительных групп населения у столь прочно консолидированных объединений соседей, которые сложились к этому времени в лесной и лесостепной зоне Восточной

Европы. Концентрация прибавочного продукта в руках дружины, использование его для решения различных важных не только для дружины, но и для общества в целом вопросов открыло перспективу для формирования на восточно-славянских землях более сложного общественного организма — государства.

§ 2. ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА. РУСЬ В СЕРЕДИНЁ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ X в.

Образование Древнерусского государства. Как сообщают

древнерусские летописи, в конце IX в. (летописи датируют это событие 882 г.) сидевший на «Рюриковом городище» князь Олег, собрав ополчение северных племен, направился на юг, устранил князей, сидевших в земле полян, и поселился в главном центре «Русской земли» — Киеве.

С именем Олега древнерусская традиция связывала подчинение власти князя, сидевшего в Киеве, соседивших с «Русской землей» восточнославянских племенных союзов— древлян, а также северян и радимичей, которые стали теперь платить дань Киеву, а не хазарам. Летописи сообщают также о предпринятом им большом походе на Византийскую империю. По преданию, когда Олег с 2000 кораблей подошел к Константинополю, греки оказались не в состоянии дать ему отпор и вынуждены были уплатить дань. В знак победы Олег водрузил свой щит на воротах византийской столицы. Сохранился и текст договора, который в сентябре 911 г. Олег заключил с византийским императором Львом VI. Преемником Олега стал Игорь, которого древнерусская традиция считает сыном Рюрика. После продолжавшейся несколько лет войны он сумел подчинить своей власти племена уличей. По-видимому, в его княжение власть киевского князя распространилась и на землю бужан. В 941 г. Игорь предпринял большой поход на Византию, который закончился поражением русского войска в морском сражении с судами, вооруженными «греческим огнем» (горючим веществом на основе нефти). Сохранился и текст договора, который Игорь заключил в 944 г. с византийским императором Романом I Лакапином.

Хотя при занятии Киева Олег приказал убить местных князей, летописное предание ничего не говорит о его конфликте с полянами, раскопки также не выявили каких-либо следов разорения Киева на рубеже IX—X вв. Очевидно, в Киеве Олег утвердился в результате соглашения с местным населением. Однако власть Олега и его преемника Игоря была более значительной, чем власть военных предводителей IX в. Характерно, что, в отличие от своих предшественников, князь с дружиной поселился прямо на территории киевского «града». Договор с византийским императором в 911 г. заключался от имени «Олга, великого князя руского и от всех, иже суть под рукою его». К началу X в. власть киевского князя распространилась на большую часть восточнославянских земель. Так образовалось Древнерусское государство.

О том, что представляло собой Древнерусское государство в середине X в., позволяют судить не только немногие, достаточно краткие известия летописи и тексты договоров с Византией, но и описание Руси в сочинении византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении

империей», написанном в 40—50-х гг. X в.

В структуре этого политического образования четко выделяются три разных части. Первая из них — это «Русская земля», в главном центре которой — Киеве находилась резиденция «великого князя русского», стоявшего во главе Древнерусского государства. Вторую часть образовывал комплекс земель в северной части Восточной Европы, на которых располагались племена, заключившие в середине IX в. ряд — договор с предком правившего в Киеве князя. В середине X в. на «Рюриковом городище» сидел как наместник князя Игоря его сын Святослав. Условия ряда, заключенного еще в IX в., по-видимому, соблюдались, подчинявшиеся Святославу племена должны были выплачивать дань Киеву, которой он делился с отцом. Дань собирали и передавали наместнику — сыну киевского князя новгородские бояре — господствующая верхушка Новгорода, главного центра этих земель. Одним из условий ряда было участие ополчений северных племен в военных походах киевских князей. Третью часть составляли подчиненные верховной власти киевского князя восточнославянские племенные союзы. В их внутреннюю жизнь киевские князья не вмешивались. Вероятно, здесь по-прежнему распоряжались делами местные князья и родоплеменная знать. Однако их население должно было участвовать в военных походах киевских князей и давать им дань.

Княжеская дружина и ее роль в обществе. Как рассказывает Константин Багрянородный, поздней осенью, в ноябре князь вместе с дружиной направлялся из Киева в объезд (называвшийся полюдьем) «кормиться» по землям своей страны. Вплоть до начала апреля дружина объезжала эти земли. Поскольку Константин Багрянородный называет полюдье *кружением* (уора), то процедура объезда могла и не сводиться к однократному объезду территории страны. Да и само полюдье длилось пять месяцев (до начала апреля). В «кружение» отправлялся не только князь, но по стране кружили и его воеводы, т. е. объезд был явно неоднократным и одним кормлением их действия, видимо, не ограничивались. Автор труда «Об управлении империей» разъясняет, что князь и дружинники объезжали земли восточнославянских племен — древлян, кривичей и т.п. Константин Багрянородный поясняет, что они являются «пактиотами» киевского князя, т. е. данниками Киева. Таким образом, во время полюдья, вполне возможно, не только кормились представители власти, но и изымались средства, составляющие своего рода бюджет государства. Конечно, основу «бюджета» составляли ценные шкуры пушных зверей (как сказано в летописи, дань брали «от дыма», т. е. очага, по «черне куне» — шкурке

куницы).

В конце весны значительная часть собранной дани доставлялась в Киев, откуда направлялась на судах (у которых килем и нижней частью бортов служил ствол целого дерева, отсюда их греческое название — моноксилы) по Днепру, а затем по Черному морю в столицу Византийской империи — Константинополь. Путь был долгим и трудным. Через днепровские пороги на почти стокилометровом промежутке суда проводили с большим трудом, высаживая людей и складывая товар на берег. Этим обстоятельством пользовались кочевники, нападавшие на караваны. Поэтому их постоянно сопровождали отряды дружинников. Константин Багрянородный называл такое путешествие «мучительным и страшным, невыносимым и жестоким плаванием». Договора, заключенные с византийскими императорами, обеспечивали посланцам князя, доставившим в Константинополь меха, мед, воск и челядь (рабов, захваченных в военных походах), благоприятные условия для торговли в этом одном из крупнейших центров цивилизованного мира той эпохи. Для их проживания был выделен квартал у монастыря Св. Маманта в городском предместье. Они снабжались продовольствием на время пребывания и на обратный путь («емлють месячину на 6 месяць, хлеб, вино, мясо, рыбы и овощь»), а также могли получать недостающие детали корабельного снаряжения и освобождались от уплаты пошлин. Здесь в обмен на привезенные товары приобретали вино и фрукты, «драгое каменье и узорочье», драгоценные шелковые ткани, которые в то время делались только в Византии. Путь, ведущий в Византию, привлекал к себе главное внимание киевских князей, а затем и древнерусских летописцев, но наряду с ним важное значение имел другой сухопутный путь, который вел через Краков и Прагу в страны Западной Европы. Здесь в обмен на меха и рабов приобретали для дружинников франкские мечи, многие десятки которых найдены в ходе археологических раскопок на территории Восточной Европы. Арабское серебро, драгоценности и ткани из стран Востока приходили также в обмен на меха и рабов по Волжскому торговому пути.

Эта «далекая» торговля должна была снабдить формирующуюся социальную элиту древнерусского общества всем тем, что ей не могло предоставить местное население.

Вся сумма фактов позволяет дать характеристику социального строя древнерусского общества того времени. Сложившееся на территории Восточной Европы политическое образование есть все основания охарактеризовать как государство, где правитель-князь выступает как равноправный партнер византийского императора. Общество это социально

неоднородно. Как господствующая социальная группа в нем выступает дружина — сообщество вооруженных воинов, связанных с правителем клятвой верности. В осуществлении своей власти правитель опирается на дружину, а одной из важнейших задач его политики является удовлетворение потребностей дружинников.

Между интересами дружины и ее главы — князя существовала тесная неразрывная связь, скреплявшаяся не только клятвой верности. Князя и дружину объединяла и далеко заходящая имущественная общность — общность группы людей, живущих совместно у одного очага — «огнища» (отсюда одно из наименований дружинников — «огнищане»). От князя Дружинники получали одежду и оружие, питались с ним за одним столом в особом помещении — «гриднице» (от другого наименования дружинников —«гриди»). Остатки этой гридницы

IX в. обнаружены археологами в Киеве у здания Государственного исторического музея Украины. Сюда постоянно доставлялись «множества от скота, мяс и от зверины». Дружина резко отличалась от остального населения не только своим питанием, в котором постоянно присутствовала редко доступная для обычных сельских жителей мясная пища, но и всем своим обликом и уровнем жизни. Арабский дипломат Ибн-Фадлан, посетивший в 20-х гг. X в. г. Болгар на Волге, описал похороны скончавшегося там богатого «руса». Он лежал на скамье, покрытой драгоценной византийской тканью, в кафтане из парчи с золотыми пуговицами и в собольей шапке.

В погребениях княжеских дружинников середины — второй половины X в. в так называемых срубных гробницах киевского некрополя обнаружены богатые наборы оружия и конской упряжи, в некоторых из них находились богато украшенные (в частности ожерельями из монет) скелеты женщин, убитых на могиле покойного. Весь этот образ жизни обеспечивал дружинникам князь, отсюда их заинтересованность, чтобы его власть была как можно более сильной, а казна как можно более полной.

Кажущаяся самодовлеющей сила княжеской власти и полная зависимость от него дружины по сути являются итогом более широкого и фундаментального механизма власти, когда множество общинных миров, консолидирующихся в процессе самоорганизации в некий социум, передают все функции управления и защиты этих миров в руки высшей власти — власти князя.

В середине X в. дружина представляла собой довольно сложное целое. Так, известно, что у второго лица в государстве, воеводы Свенельда, была своя дружина, на содержание которой князь Игорь отдал было дань,

собиравшуюся с земли древлян. Не все дружинники находились на пиру с князем в его гриднице. Часть дружины постоянно находилась в других укрепленных «градах» на территории «Русской земли», в частности в Чернигове. Погребения таких дружинников, аналогичные «срубным гробницам» киевского некрополя, обнаружены в Шестовицком могильнике, расположенном в 16 км от Чернигова. Кроме того, часть дружины располагалась в отдельных стратегически важных пунктах за пределами «Русской земли» — в Гнездове (в районе Смоленска) и в Тимиреве (в районе Ярославля). Эти отряды, очевидно, должны были обеспечить контроль киевских князей над путем «из варяг в греки» и Волжским торговым путем. Однако то, что княжеская дружина постепенно начала размещаться по различным центрам на территории Восточной Европы, не влияло на общий характер отношений дружинников и князя. Он оставался источником достававшихся им материальных благ и их опорой в окружении враждебного населения.

В составе дружины в первой половине X в. было еще много норманнов (примером может служить воевода Свенельд). Князь Игорь, его жена и племянники носили скандинавские имена. Но эти люди, уже долго жившие на Руси, были, по существу, частью русского общества. Характерно, что при заключении договора с Византией дружинники Олега клялись соблюдать договор именем не скандинавских, а славянских богов — Перуна и Волоса. В договоре Игоря с греками его послы носят не только скандинавские имена, но, предположительно, иранские, болгарские, тюркские, финские, славянские. О постепенной ассимиляции, в частности норманнов, местным славянским обществом говорит и появление славянских имен у ряда членов княжеской семьи — Володислав, Предслава, сын Игоря также носил славянское имя Святослав.

Дружина и население «Русской земли». К сожалению, наши источники почти не содержат сведений о взаимоотношениях князя и дружины с населением «Русской земли» — центральной части Древнерусского государства, и здесь приходится основываться на некоторых косвенных указаниях. Так, разбор сообщений Константина Багрянородного показывает, что значительная часть княжеской дружины находилась в Киеве с конца весны до начала осени. Очевидно, в это время дружину должно было содержать население «Русской земли». Некоторые важные сведения содержит летописный рассказ о действиях, предпринятых на этой территории княгиней Ольгой после смерти ее мужа Игоря. Летописец отметил, что она устроила «по всей земли» по Днепру и Десне (рекам, протекавшим через «Русскую землю») «ловища», «знаменья» и

«перевесища». «Ловища» — места для ловли крупного зверя, «перевесища» — места для устройства перевесов — сетей для ловли птицы и мелкого зверья, «знамения» — пограничные межевые знаки. Очевидно, из состава земель, которыми ранее распоряжались местные общины соседей, были выделены пригодные для охоты земли, на которых могли охотиться лишь князь и его дружинники, либо, что особенно важно, люди, специально выбранные для того, чтобы доставлять дичь для пиров в княжеской гриднице. Таким образом, к середине X в. княжеская власть стала уже настолько сильной, чтобы вмешиваться в своих интересах в повседневную жизнь населения «Русской земли».

При всей неполноте и отрывочности этих данных они дают основание полагать, что по отношению к «ядру» государства — «Русской земле» власть киевского князя выступала как государственная власть, сила, регулировавшая отношения в обществе и организующая его защиту, а дружина была, по существу, одновременно и ядром военной силы, и административным аппаратом, вероятно, уже в то время осуществлявшим функции суда и управления. Иное следует сказать об отношениях между Киевом и плативши ему дань племенами.

Во внутреннюю жизнь подчиненных Киеву восточнославянских племенных союзов княжеская дружина не вмешивалась. Она сталкивалась с местным населением лишь во время полюдья. Размеры дани, вероятно, еще не были четко определены и во многом зависели от желания князя и его «мужей». Иногда это приводило к прямому насилию. Так, известно, что князь Игорь с дружиной собирал дань с древлян, хотя ранее она уже была собрана воеводой Свенельдом. Князь и дружинники явно смотрели на подчиненные племена как на источник средств на свое содержание, не считаясь с их собственными интересами. Неудивительно, что племенные союзы тяготились своей зависимостью от Киева и пытались воспользоваться любой ситуацией, чтобы отложиться от него. Как видно из сообщений летописи, каждая смена на киевском столе сопровождалась отпадением от Киева одного или нескольких племенных союзов. Во время восстания древлян, доведенных до отчаяния неоднократными поборами, был убит в 945 г. князь Игорь.

Восстание древлян было жестоко подавлено вдовой Игоря, княгиней Ольгой. Центр земли древлян — Искоростень был взят штурмом и сожжен, местная знать уведена в плен, часть древлян истреблена, часть обращена в рабство. Ольга с дружиной объехала землю древлян, «уставляющи уставы и уроки», под последними следует понимать размеры дани и других повинностей. Были установлены «становища» — места, куда следовало

свозить дань, и выделены «ловища» — охотничьи угодья, как это было уже сделано Ольгой на территории «Русской земли». Упоминания об «уставах» — нормах, регулировавших отношения, очень важны, есть все основания полагать, что такие «уставы» существовали в «Русской земле». Земля древлян была присоединена к ядру Древнерусского государства, но каких-либо изменений общего характера отношений между Киевом и подчиненными ему землями не произошло.

Князь-воин Святослав и его походы. Время правления сына Ольги Святослава (конец 50-х годов X в. — 972 г.) стало временем резкого усиления внешнеполитической активности Древнерусского государства. Далеко не самые благоприятные объективные условия существования древнерусского социума вынуждали правящую элиту принимать меры к расширению подвластной территории и увеличению массы налогоплательщиков. Расширение границ Древнерусского государства на восток привело к войне Святослава с хазарами в середине 60-х гг. Хв.

В VIII—IX вв. основная территория Хазарского государства располагалась в низовьях Волги, где была его столица Итиль, и Дона. Владения хазар охватывали побережье Азовского моря, часть Крыма и Северный Кавказ. Одно время хазарам платили дань поляне, северяне, радимичи и вятичи, а также камские болгары, буртасы, черемисы и мордва. Хазары

контролировали и Закаспий от Мангышлака до Аральского моря, то есть путь в Хорезм.

Во главе государства стоял хан (каган), вторым лицом был «малик», или «хаканбег», обладавший сильной властью. Оба поста передавались по наследству. Привилегированным классом были беги и тарханы. Войско формировалось из людей, подвластных богатейшим членам социума. Конное войско доходило до 10 тыс. всадников, не считая наемной гвардии из мусульман. Хазарское общество характеризовалось веротерпимостью. В стране были и мусульмане, и христиане, и язычники. Верхушка общества исповедовала иудаизм.

Полуоседлое полиэтничное население Хазарии занималось и земледелием, используя плодороднейшие заливные пространства левобережья дельты Волги. Однако большая часть населения занималась скотоводством, собираясь в города лишь на зимний период. Важным подспорьем было рыболовство на Волге и Каспии. В ряде городов развивалось садоводство и виноградарство. Так, в Семендере было до 40 тыс. виноградников. Важнейшую роль играла городская торговля в Итиле, Саркеле и Семендере. Сюда «из страны русов и болгар» доставлялись

пушнина, мед. В Хазарию весь этот товар, включая и рабов, привозили на судах по Волге русские купцы. С юга и востока в Хазарию привозили ткани и многие другие предметы ремесла.

Могущество Хазарии ослабло к середине X в. Поэтому поход Святослава в конце 60-х гг. на Хазарию был успешным. Хазарское войско было разбито. По свидетельству летописи, Святослав разорил хазарскую столицу. Взяли русские войска и хазарскую крепость Саркел на Дону. Вероятно, тогда же в состав Древнерусского государства вошли земли на Таманском полуострове вместе с хазарской крепостью Таматархой, полу г чившей в Древней Руси название Тмутаракани. Скорее всего, именно утверждая свою власть на Таманском полуострове, Святослав воевал с «ясами» — аланами и «касогами» — предками адыгских племен. После побед Святослава власти киевского князя подчинились и жившие в долине Оки вятичи, которые ранее платили дань хазарам. Хазарский каганат распался и перестал существовать. Оборотной стороной этих побед стало усиление главных противников хазар — печенегов, которые стали вскоре опасными соседями Древнерусского государства.

Столь широкомасштабные и успешные действия князявоина способствовали его славе. Древнерусский летописец дал ему примечательную характеристику: «...легко ходя, аки пардус [барс], воины многи творяше, ходя воз по себе не возяше, ни котьла, ни мяс варя, но потонку изрезав конину ли, зверину ли или говядину на углях испек ядяше, ни шатра имяше, но подклад постилаше и седло в головах; тако же и прочии вой его вси бяху». Византийский хронист Лев Диакон, лично наблюдавший князя, описал и его яркую внешность: «Умеренного роста... с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Г олова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клок волос — признак знатного рода; крепкий затылок, широкая грудь... но выглядел он угрюмым и диким. В одном ухе у него была вдета золотая серьга: она была украшена карбункулом и обрамлена двумя жемчужинами. Одеяние его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой».

Византийский император Никифор Фока решил использовать мастерство и отвагу русского князя-воина против своего северного соседа, Болгарского государства. Болгария при царе Симеоне (893—927) стала сильнейшим в военном отношении государством, едва не взявшим штурмом Константинополь. При преемнике Симеона Петре Кротком Болгария ослабла, но была еще для Византии довольно опасной. В Киев Никифором Фокой было послано посольство во главе с Калокиром,

предложившее Святославу отправиться с войском против придунайских болгар, и князь согласился.

В 968 г. Святослав появился на Дунае с десятитысячным войском. Болгары потерпели поражение. Войско Святослава заняло города на Дунае, сам Святослав поселился в Переяславце — Малом Преславе. У Византийской империи появился сосед, более могущественный и сильный, более опасный, чем болгарский царь. С этим византийские правители не могли примириться. Началась война между киевским князем и Византийской империей, находившейся в зените своего могущества.

Даже для такого государства, одной из великих держав тогдашней Европы, борьба с киевским князем оказалась достаточно сложным и трудным делом. Для ведения войны пришлось мобилизовать основные военные силы империи, перебросив в Европу войска из малоазийских округов. Но и в этих условиях византийский император Иоанн Цимисхий смог взять верх над противником, лишь внезапно нарушив заключенное перемирие и осадив весной 971 г. Святослава в городе Доростоле на Дунае. После долгих ожесточенных боев по договору, заключенному в июле 971 г., Святослав обязался покинуть Болгарию. По одному из условий соглашения византийская сторона снабдила хлебом 22 тыс. воинов киевского князя. На обратном пути войско Святослава разделилось. Основная часть во главе со Свенельдом направилась в Киев сухопутьем, а Святослав с небольшой дружиной — на лодьях вверх по Днепру. У днепровских порогов Святослав погиб в бою с печенегами, которых на него натравили византийцы. По преданию, глава печенегов князь Куря заказал из черепа князя кубок для вина.

В летописи приводится рассказ о планах Святослава сделать столицей своего государства Переяславец на Дунае. Свое решение князь обосновывал тем, что сюда, на Дунай приходит из разных стран все, в чем нуждается дружина: «из Грек» — золото, шелковые ткани, вина и фрукты, из Венгрии — серебро и лошади, «из Руси же скора (т.е. меха) и воск, мед и челядь (рабы)».

Во второй половине X в. дружина киевского князя, его зарождавшийся аппарат управления стали столь серьезной военно-политической силой, что оказались способными вести большую и длительную войну с самой Византийской империей, мобилизовав для участия в ней войско, насчитывавшее несколько десятков тысяч человек. Но связь дружины с «землей», страной, во главе которой она стояла, была еще недостаточно прочной, она могла еще серьезно обсуждать вопрос о своем переселении на другую территорию с более благоприятными условиями существования.

§ 3. ДРЕВНЯЯ РУСЬ ПРИ ВЛАДИМИРЕ И ЯРОСЛАВЕ МУДРОМ

Отправляясь во второй поход на Балканы, Святослав посадил в Киеве своего старшего сына Ярополка, а второго сына, Олега, «посадил в деревех», т. е. в Древлянской земле. Третий сын Святослава, Владимир, несмотря на то, что был рожден ключницей Ольги Малушей, т. е. был «робичичем», был посажен в Новгород — важнейший экономический и стратегический центр государства. По мнению ряда исследователей, это «посажение» объясняется тем, что мать Владимира была из знатной семьи, попавшей когда-то в плен к Рюриковичам. Брат Малуши Добрыня был влиятельной фигурой даже в Новгороде и, по преданию, расположил новгородцев к посажению у них Владимира. Известен по имени и отец Малуши — Малко Любечанин.

Раздел страны между сыновьями — свидетельство несомненной сильной власти киевского князя на землях, прямо ему подчинявшихся. После гибели Святослава между его сыновьями началась борьба за власть. Начало этой драмы связано со случайной встречей на охоте Олега со знатным киевлянином Лютом Свенельдичем, которого Олег убил. По словам летописца, его поступок вызвал яростный гнев Ярополка. Фольклорная основа описанного эпизода несомненна. Однако несомненно и намерение Ярополка стать единым владетелем страны, не считаясь с княжескими правами братьев-наследников, которые между тем укрепляли свою власть. Борьбу за единовластие Ярополк начал с похода на Олега, воины которого были разгромлены, а сам Олег погиб при бегстве. Владимир, сознавая неизбежность нападения Ярополка, бежал за море, а киевский князь тут же прислал в Новгород своих посадников. Владимир вновь овладел Новгородом с помощью наемных варягов. Вскоре, согласно литературной традиции, состоялось его неудачное сватовство к дочери полоцкого князя Рогволода Рогнеде, по всей вероятности, продиктованное желанием овладеть в будущем Полоцком. Отказ Владимиру, видимо, был связан с планом женитьбы на ней Ярополка. Новгородский князь отвечает на это захватом Полоцка, убийством Рогволода и двух его сыновей. Рогнеда становится одной из его жен. Трагическая борьба сыновей Святослава завершается длительной осадой и взятием Владимиром Киева, бегством и убийством Ярополка. Владимир становится киевским князем (978).

Таков был итог почти восьмилетней борьбы сыновей (Святослава за власть над всей Русской землей, хотя каждый из них был обеспечен устремившимся на Дунай отцом княжением-посадничеством в выделенных им частях государства. Вероятнее всего, движущей силой в этой борьбе, и

прежде всего для Ярополка и Владимира, было желание поставить под единый контроль взаимосвязанные между собой торговые трансконтинентальные магистрали от Балтики до Каспийского и Черного морей. Деление их на зоны экономически и политически не устраивало в ту эпоху ни того, ни другого князя.

Замечательный исследователь русского Средневековья академик А. А. Шахматов назвал Владимира «настоящим основателем» Древнерусского государства. Для такого утверждения были серьезные основания.

В правление Владимира, скончавшегося в 1015 г., был завершен процесс объединения восточнославянских племен под властью киевских князей. Если кривичи, жившие в районе Пскова и около Смоленска, довольно рано подчинились киевским правителям, то ветвь кривичей, заселявшая территорию современной Белоруссии (главным центром этой ветви был Полоцк) оставалась независимой. Как уже указывалось, Владимир сумел завоевать Полоцкую землю до своего вступления на киевский стол. Во время походов, предпринятых в 981 г., а затем в 992 г., власть Киева распространилась на население наиболее западных областей современной Украины вплоть до границы с Древнепольским государством (территория Червенских городов, включая Восточное Прикарпатье, где тогда жило одно из хорватских племен). Еще отец Владимира Святослав подчинил своей власти племенной союз вятичей в бассейне реки Оки, но Владимиру пришлось в 981 г. снова ходить на них, когда они отделились от Киева после очередной смены на киевском столе. В 984 г. киевский князь усмирил радимичей.

Реальное слияние всех земель в единое целое. Еще более важно, что в княжение Владимира произошли качественные перемены в отношениях между Киевом и подчиненными ему землями. Внешне перемены нашли отражение в том, что на рубеже X—XI вв. многочисленные сыновья Владимира стали его наместниками на этих землях. Тем самым высший суд и управление переходили здесь в руки киевских наместников, которым должна была подчиняться местная верхушка. Важно, что посылке сыновей Владимира на княжение предшествовало решение о принятии Русью новой, христианской религии.

О значении этого события для международного положения Древнерусского государства и перемен в духовной жизни русского общества речь пойдет в другом месте. Здесь же важно отметить, что в языческой Руси (как и в других языческих странах Европы раннего Средневековья) религия была тесно связана со всей жизнью общества, так как все наиболее существенные ее проявления нуждались в религиозной

санкции. Места совершения языческого культа были одновременно теми местами, где в присутствии богов, гарантировавших мир между участниками, собирались племенные собрания. Здесь племенная знать приносила богам жертвы, которые должны были обеспечить племени мир и урожай. Обладание этим правом было одним из источников ее силы и могущества. Поэтому утверждение на племенных территориях новой религии должно было привести к важным переменам в их жизни.

Конкретно представить себе, как протекали эти перемены, позволяют некоторые сведения о деятельности сына Владимира — Ярослава, которого отец послал в земли, расположенные на северо-востоке. Так, в сохранившемся в поздних списках сказании об основании Ярославля говорится о том, что на месте будущего города находился почитаемый окрестным населением «лютый зверь» — медведь. Люди, его почитавшие, «многи грабления и кровопролитие верным (т.е. христианам) твориша». Ярослав убил медведя, усмирил язычников и поставил на этом месте крепость, назвав ее своим именем. Сообщения «Сказания» получают определенное подтверждение в данных археологии, свидетельствующих о существовании почитания медведя в этих местах в эпоху раннего Средневековья.

Очевидно, на месте Ярославля находился центр языческого культа и племенных собраний местного населения. Местная верхушка не захотела принять христианство и подверглась репрессиям. На месте племенного центра появился опорный пункт княжеской власти — крепость Ярославль. Именно в это время, в начале XI в., прекратилась жизнь на поселении княжеских дружинников у Тимерева. Они, очевидно, переселились в новую крепость, откуда стали управлять окружающей территорией.

Не случайно именно в этот же период и в ряде других мест прекратилась жизнь старых племенных центров, на смену которым стали приходить новые центры — основанные княжеской властью крепости. Так, в начале XI в. прекратилась жизнь на Сарском городище и началось быстрое развитие нового центра — Ростова, по имени которого земли со славянским и угро-финским населением на северо-западе Восточной Европы получили название Ростовской земли. Разумеется, смена старых центров новыми не была жестко детерминированной закономерностью, но проявляла себя как довольно явственная ведущая тенденция развития. В иных случаях старый центр сохранялся, но наместник киевского князя поселялся прямо на его территории. Так обстояло дело в Новгороде, где перемены были связаны с деятельностью Ярослава, перемещенного отцом с северо-востока на северо-запад. В отличие от своих предшественников

Ярослав уже не жил на «Рюриковом городище», а устроил себе резиденцию в самом Новгороде, на «Ярославле дворище».

Все это означало важный шаг на пути к превращению слабо связанных с Киевом племенных территорий в единое государство с единой системой управления, подчиненной единому главе — киевскому князю.

На всей территории Древней Руси теперь существовали опорные пункты его власти — крепости, в которых размещались дружинники. Местная верхушка, вероятно, частично была уничтожена, частично влилась в ряды княжеской дружины. На рубеже X—XI вв. княжеская дружина стала господствующей социальной группой на всей территории Древнерусского государства.

Все эти перемены привели к изменению политики киевских правителей по отношению к племенным Территориям, находившимся под их властью. Эти изменения можно проследить, рассматривая политику Владимира по отношению к тем из них, которые граничили с кочевым миром.

Меры Владимира по защите от кочевников. Вторая половина IX—X в. стали временем больших перемен в степной зоне Восточной Европы. Хазарский каганат сошел с исторической сцены. Под давлением племен узов печенежский союз племен, кочевавший за Волгой, в конце IX—первой половины X в. занял большую часть восточноевропейских степей между Волгой и Дунаем. По свидетельству Константина Багрянородного, печенежские племена, кочевавшие за Днепром, с наступлением весны перекочевывали на запад.

Первым следствием перемен стало затруднение связей между Древнерусским государством и Византией. Направлявшиеся в Константинополь суда с мехами, воском, рабами подвергались нападениям печенегов на всем пути от днепровских порогов до Дуная. Отношения печенегов с восточнославянскими землями не всегда были враждебными. По свидетельству Константина Багрянородного, «росы» покупали у печенегов коров, коней и овец. И все же такое соседство часто было опасным. По свидетельству того же автора, писавшего в середине Хв., печенеги «грабят Росию, наносят ей значительный вред и причиняют ущерб». Набеги сопровождались захватом пленных и их продажей в рабство. И дело не ограничивалось отдельными набегами. В 968 г. печенеги попытались овладеть самим Киевом.

В княжение Владимира были приняты важные меры для борьбы с набегами кочевников: построены «грады» — крепости по рекам Десне, Трубежу, Суле, Стугне, протекавшим в значительной части по племенной

территории северян. Для их заселения Владимир «поча нарубати мужи лучшие от словень и от кривичь и от вятич», т.е. из северо-западных и северо-восточных областей Древнерусского государства. Одновременно со строительством «градов» были построены протянувшиеся на сотни километров укрепленные линии — «валы» высотой около 3,5—4 м, окруженные глубоким, рвом. Немецкий миссионер Бруно Кверфуртский, направлявшийся в начале XI в. проповедовать христианство печенегам, записал, что он вышел в степь через ворота «в сильном и длинном ограждении, которым правитель русов окружил свою страну». Над созданием этих укрепленных линий должны были трудиться большие массы людей в течение длительного времени.

Как показывает этот пример, по отношению к земле северян Владимир выступает уже не как вождь дружины, озабоченный лишь ее пропитанием, а как правитель, организующий защиту живущего здесь населения. Очевидно также, что власть князя оказалась достаточно сильной, чтобы по своему усмотрению перемещать значительные группы населения (и в их числе представителей местной верхушки) из одного региона в другой и одновременно организовывать строительные работы большого размаха.

Вместе с тем вновь отметим проявление закономерности, о которой уже была речь при анализе событий эпохи Великого переселения народов. Значительную часть своих достаточно ограниченных ресурсов древнерусское общество было вынуждено расходовать на организацию защиты от соседствовавшего с ним кочевого мира.

Законодательная деятельность Владимира. Важные сведения о социально-политическом устройстве древнерусского общества содержат известия о законодательной деятельности Владимира.

В дохристианском языческом праве славян (как и в праве других варварских народов Европы) лицо, совершившее уголовное преступление, вплоть до убийства, наказывалось за это уплатой большого штрафа. Когда, после принятия Древней Русью христианства, количество таких преступлений стало возрастать, прибывшие из Византии епископы, носители иных правовых традиций, как рассказывается в летописи под 996 г., советовали Владимиру карать «разбойников» смертной казнью и членовредительскими наказаниями (отсечение носа, руки и др.), как это было принято в Византии. Владимир так и поступил, и, очевидно, в связи с этим решением был выполнен древнерусский перевод «Эклоги» — византийского свода законов VIII в., содержавшего соответствующие нормы. Однако в дальнейшем, как рассказывает летопись, княжеская власть оказалась в трудном положении, так как в княжескую казну перестали

поступать штрафы, на которые князь приобретал коней и оружие для дружинников. Тогда Владимир отказался от принятых решений и стал жить «по устроенью отню и дедню». Он мог по своему усмотрению отменять старые, традиционные нормы права и устанавливать вместо них новые. Это показывает, что Владимир был уже не военным вождем племенного союза, а правителем *народа*, обладавшим всей полнотой власти. Кроме того, из этого рассказа ясно, что штрафы за преступления поступали в княжескую казну, а это значит, что и само отправление суда находилось в руках князя или назначенных им лиц. Так обстояло дело на территории «Русской земли» — Среднего Поднепровья уже при отце и деде Владимира, а в его княжение такой порядок распространился на всю территорию Древней Руси.

Этим положение на Руси существенно отличалось от порядков, существовавших в Швеции того же времени. Здесь хранителями права и судьями были так называемые лагманы (законоговорители), избиравшиеся из числа племенной знати на народных собраниях — тингах, а князь — конунг только получал в свою пользу 1/3 штрафов (и то, если лично присутствовал на тинге).

Важная часть законодательства Владимира была посвящена решению вопросов, возникших в связи с принятием новой христианской религии. С появлением такой новой для древнерусского общества социальной группы, как христианское духовенство, необходимо было установить источники его содержания и определить его положение в обществе. С деятельностью Владимира исследователи связывают принятие двух важных установлений. По первому из них на содержание церкви выделялась десятая часть княжеских доходов от дани, судебных и торговых пошлин. Второе передавало в ведение церкви все те дела, которые подлежали юрисдикции духовного суда по установлениям церковных канонов. Особо при этом подчеркивалось, что на суд церкви передаются дела о браке, нарушениях принятых в христианском обществе норм семейных отношений. Эти установления сохранились в составе так называемого «Устава Владимира», текст которого дошел до нас в поздних обработках XIII—XV вв., где законы Владимира были дополнены установлениями его не названных по имени преемников. Законы эти Владимир установил, «сгадав... со своею княгинею Анною и со своими детми», т.е. не советуясь даже с дружиной.

Княжеская власть и крещение Руси. Важные сведения о положении княжеской власти в Древней Руси на рубеже X—IX вв. содержит и летописное повествование о крещении Руси. В предгосударственных структурах смена религии могла произойти лишь по решению высшего

органа власти — народного собрания. Только по решению такого собрания произошло, например, в VI в. крещение франков. Одной воли военного главы для этого было недостаточно. Так, современник Владимира, принявший христианство в Англии норвежский конунг Хакон не только не смог добиться решения народного собрания о смене религии, но по требованию его участников был вынужден приносить жертвы богам, чтобы обеспечить стране мир и плодородие. В обширном рассказе о крещении Руси народное собрание вообще не упоминается. Решение принимает князь вместе с дружиной, а население Киева идет креститься на реку по его приказу.

Все сказанное позволяет сделать общий вывод, что в конце XI—начале XI в. Древняя Русь из совокупности территорий, слабо связанных со своим центром, стала превращаться в относительно единое государство с единой общественной организацией, едиными порядками управления и нормами права на всей его территории.

Понятие «Русская земля», относившееся ранее только к политическому центру государства — Среднему Поднепровью, теперь все чаще начинает обозначать совокупность всех земель, находящихся под прямой властью киевских правителей.

В этот период времени произошла ликвидация (или существенное ослабление) находившихся на этих землях традиционных догосударственных институтов и окончательно утвердилась власть правителя, не зависевшего от широких масс населения — членов сельских соседских общин, а господствовавшего над ними, опираясь на поддержку дружины, осуществлявшего управление страной, опираясь на сеть укрепленных крепостей-«градов».

Рубеж X—XI вв. — это также время, когда определилось положение Древней Руси в мире в связи с принятием новой христианской религии из Византии. В первые годы княжения Владимир попытался приспособить к новым общественным условиям традиционную языческую религию. В Киеве на холме «у двора теремного» были поставлены статуи ряда языческих богов. Вероятно, выбрав этих богов из совокупности божеств, почитавшихся разными восточнославянскими племенами, киевский князь хотел утвердить их почитание на всей территории Древнерусского государства. Особое место в этом пантеоне занял Перун, статуя которого была украшена серебряной головой с золотыми усами, который к этому времени приобрел черты бога — покровителя князя и его дружины, приносившего победу их оружию. Однако держаться старого вероисповедания было невозможно, когда в соседних государствах

утверждались мировые религии — ислам и христианство в двух сложившихся к тому времени вариантах, восточном, православном, и западном, католическом.

По свидетельству древнерусской традиции, которая находит подтверждение в некоторых известиях, исходящих из мусульманского мира, Владимир и его дружина в конце 80-х гг. X в. приняли решение о смене веры после длительного обсуждения и переговоров со странами, принадлежащими к разным вероисповеданиям.

Решение принять христианство в его восточном, православном варианте из Константинополя, несомненно, было связано с желанием сохранить важные для социальной элиты связи, установившиеся в предшествующие годы, но не меньшее значение имел престиж Византийской империи, находившейся в то время в зените могущества и являвшейся носителем наиболее высоких в христианском мире культурных традиций. Наиболее могущественные государи католической Европы — правители восстановленной Римской империи Оттоны добивались в это время заключения брачных связей с византийским двором и стремились подражать византийским традициям.

Сведения о событиях, предшествовавших крещению Руси при Владимире, и о самом крещении сохранились в ряде различных источников — не только в рассказах древнерусских летописей, но и в таком древнем памятнике, как «Память и похвала Владимиру» мниха Иакова. Особую ценность представляют сообщения близкого современника событий правосудного арабского священника Яхьи Антиохийского. Ряд важных деталей сохранился в «Житиях» Владимира.

Сопоставление между собой этих источников, их критический анализ позволили исследователям восстановить картину событий, предшествовавших крещению Руси, и обстоятельства, при которых имело место само крещение.

В середине 80-х гг. X в. Византийская империя и ее глава император Василий II оказались в сложном и опасном положении. Византия потерпела ряд серьезных неудач в борьбе с Первым Болгарским царством, а в Малой Азии начались мятежи недовольной императором крупной знати. Особенно опасным было восстание Варды Фоки, войска которого, заняв большую часть Малой Азии, угрожали Константинополю. Яхья Антиохийский записал о положении императора: «И стало опасным дело его... истощились его богатства, и побудила его нужда послать к царю руссов... чтобы просить их помочь ему». Византийское посольство прибыло в Киев в 987 г. По соглашению между киевским князем и императором их союз

скреплялся браком Владимира и сестры Василия II Анны, а Владимир и все жители Руси должны были принять христианство. Во исполнение условий договора Владимир послал в Константинополь шеститысячное войско, которое помогло Василию II победить мятежников.

В следующем, 988 г. Владимир ходил к днепровским порогам, очевидно, чтобы встретить там невесту из Византии. Долгое время 988 год считался тем годом, когда произошло крещение Руси. В действительности это событие состоялось годом позже. Император, когда критическая ситуация миновала, не стал торопиться с исполнением условий соглашения. Тогда в 989 г. Владимир направился с войском в Крым и осадил главный опорный пункт византийской власти на полуострове — Херсонес. Согласно русской летописи, город упорно сопротивлялся, но вынужден был сдаться, когда были разрушены подземные трубы, снабжавшие его водой. После этого Василий II вынужден был прислать сестру в Херсонес. Здесь состоялось крещение Владимира и его дружинников, а затем и его брак с Анной.

Тот факт, что крещение из Византии произошло на почетных для киевского князя условиях, так как сопровождалось заключением в 989 г. брака Владимира с принцессой Анной, недвусмысленно свидетельствует о силе и значении Древнерусского государства в Европе. Тем самым Владимир сразу занял высокое место в иерархии правителей византийского круга. На чеканенных им монетах — «серебрениках» Владимир изображен в императорских одеждах и с нимбом вокруг головы, как обычно изображали императоров.

Принятое решение имело ряд важных последствий. Так, оно способствовало дальнейшему укреплению и расширению уже традиционных связей с Византией, а также развитию связей с южнославянскими народами, находившимися в орбите византийского культурного влияния. Вместе с тем, поскольку соседствующие с Русью кочевые племена сохраняли приверженность своим языческим верованиям, антагонизм между Киевской Русью и кочевым миром, сложившийся на иной почве, приобрел дополнительно религиозную окраску. Походы против нападавших на русские земли кочевников стали рассматриваться как проявление борьбы между христианским и языческим миром. Принятие Русью христианства наложило свой отпечаток и на ее взаимоотношения с миром ислама, но проявилось это лишь в достаточно отдаленном будущем, так как единственным мусульманским государством, с которым граничила Киевская Русь, была принявшая ислам в первой половине X в. Волжская Болгария.

Принятие христианской религии было важным шагом не только в культурной (о чем речь пойдет ниже), но и в социальной жизни древнерусского общества. Важнейший постулат христианства исходил из принципа божественной природы земной власти («нет власти не от Бога»). Постулат православия о «симфонии властей» превращал церковь в сильную опору власти, давая возможность духовного объединения всего государства и освящения всей системы общественных отношений («Всякая душа да будет покорна высшим властям»). Новая религия, сформировавшаяся в условиях развитого классового общества, пришла на смену языческим верованиям и обычаям, в которых сохранялись еще многие традиции, характерные для догосударственного родоплеменного общества. Это способствовало более быстрому укреплению и государственных институтов, и нового общественного строя, для которого было характерно подчинение сельских общин власти дружины. Принятие христианства способствовало и укреплению государственного единства, так как на смену пестрому многообразию локальных языческих культов пришла одна, определяемая четкой системой единых норм религия, а ее служители в своей деятельности подчинялись единому центру, тесно связанному с княжеской властью.

Русь и ее соседи при Владимире. К княжению Владимира относятся первые свидетельства о контактах с целым рядом стран и народов — соседей Древнерусского государства. Этим временем датируются первые свидетельства об установлении зависимости угро-финских и балтских племен Прибалтики от Древнерусского государства. Так, в саге о современнике Владимира Олафе Трюгвассоне, попавшем в плен к разбойникам, говорится, что его освободил княжеский муж, ездивший для сбора дани в землю эстов. Со стремлением укрепить влияние Древнерусского государства в этом регионе был связан поход, предпринятый Владимиром в 983 г. против ятвягов.

С западными соседями — Венгрией и Польским государством отношения были мирными. Сына Святополка около 1009—1010 гг. Владимир женил на дочери польского короля Болеслава Храброго. Позднее, когда Святополк был заподозрен в заговоре против отца и заключен в тюрьму, эти отношения осложнились.

После крещения Владимира и его брака с Анной между Византией и Русью на длительный период установились союзные отношения. Херсонес был возвращен императору, а присланное Владимиром войско участвовало затем в целом ряде войн, которые вела Византия. Об удельном весе этого войска в составе византийской армии говорит тот факт, что после одной из

побед русский корпус получил треть военной добычи.

На восточных границах продолжалась борьба с кочевниками. В летописях сохранился целый ряд рассказов о сражениях войска Владимира с печенегами. С утверждением власти киевского князя над землями вятичей встал вопрос об укреплении позиций Руси на Волжском торговом пути. В 985 г. Владимир, посадив войско на суда, предпринял поход на волжских болгар. Судя по сообщению летописи, поход был удачным, но войско Владимира столкнулось с сильным противником. Вероятно, стороны разграничили сферы своего влияния, и в дальнейшем долгое время отношения Руси и Волжской Болгарии оставались мирными.

Борьба за киевский стол после Владимира. Еще задолго до своей кончины Владимир, как сообщает летопись, посадил большинство своих сыновей по городам: старшего Вышеслава — в Новгороде (потом его сменил Ярослав, первоначально посаженный в Ростове), Изяслава — в Полоцке, Святополка — в Турове, Бориса — в Ростове, Глеба — в Муроме, Святослава — в Древлянской земле, Всеволода — во Владимире, Мстислава — в Тмутаракани. Как и во времена Святослава, они были князьями-посадниками, выполняя роль наместников. Как и Святослав, Владимир не оставил официального завещания, но фактически он обеспечивал им будущее.

После смерти Владимира 15 июля 1015 г., через 37 лет после вокняжения в Киеве, между его сыновьями началась борьба за власть. Старший из братьев, Святополк, сумел после смерти отца захватить власть в Киеве, стремясь стать единовластным правителем, стал убивать своих братьев — Бориса, Глеба, Святослава, но потерпел поражение в борьбе с сидевшим в Новгороде Ярославом. Эта победа не положила конца усобице, так как изгнанный из Киева Святополк стал искать поддержки у печенегов и польского короля Болеслава Храброго, который в 1018 г. снова вернул его на киевский стол. Лишь в 1019 г. Ярославу удалось утвердиться на киевском столе. В условиях усобиц отложилась как особое княжество Полоцкая земля, в которой стали править потомки сына Владимира, Изяслава. Подчинить Полоцкую землю своей власти Ярославу не удалось. А затем с притязаниями на киевский стол выступил сын Владимира Мстислав, княживший в Тмутаракани. Нанести поражение Мстиславу Ярослав не смог, и в 1026 г. братья поделили между собой территорию Древнерусского государства, границей между их владениями стал Днепр. Лишь в 1036 г. после смерти Мстислава Ярослав сумел собрать под своей властью все основные территории Древнерусского государства. Ярослав не был талантливым полководцем, в борьбе с противниками он неоднократно

терпел поражения. В историю Древней Руси он вошел как выдающийся государственный деятель, законодатель, строитель, украсивший Киев новыми стенами и многими храмами, покровитель книжников и собиратель книжных богатств.

«Русская Правда». По инициативе Ярослава был создан первый письменный сборник законов — «Русская Правда» (по мнению одних исследователей, это была первая часть «Краткой Правды», по мнению других — ко времени Ярослава восходит весь основной текст «Краткой Правды», в котором содержится ряд вставок, восходящих к законодательству его сыновей).

При сопоставлении со сходного характера памятниками других европейских народов («варварскими правдами») выявляются важные особенности древнерусского сборника законов. Если «варварские правды» представляют собой запись норм традиционного обычного права, хотя и осуществленную при участии носителей власти, то «Русская Правда» выступает перед нами как памятник княжеского законодательства («Суд Ярославль Володимерича»). Обращает на себя внимание и очень небольшой объем сборника по сравнению с другими «варварскими правдами», очевидно, в его состав входили лишь новые нормы права, установленные княжеской властью, или те традиционные нормы, которые по каким-то причинам нуждались в особой санкции со стороны этой власти.

Уже в первой статье сборника устанавливалось, что одинаковый штраф за убийство следует уплачивать и если убитый — «русин» (житель «Русской земли» — Среднего Поднепровья), и если он «Словении», т.е. принадлежит к союзу «словен» на севере Восточной Европы. Если нормы традиционного племенного права распространялись только на членов данного племенного союза, то законодательство Ярослава устанавливало единые нормы права для всего населения Древнерусского государства.

Устанавливавшиеся в сборнике княжеских законов нормы штрафов за увечья и телесные оскорбления определяли размер сумм, которые вносились преступником в княжескую казну. Штрафы были значительными — за убийство следовало платить 40 гривен, такой же штраф назначался, если после удара мечом «отпадеть рука любо усохнеть», за удар рукою или палкой следовало уплатить 12 гривен. Размеры наиболее крупных штрафов были так значительны, что обыкновенный человек — член соседской общины выплатить их был не в состоянии. Возмещение в пользу потерпевшего, судя по более поздним данным, было гораздо более скромным. Важной частью законодательства Ярослава стал так

называемый «Покон вирный», в котором определялись размеры корма, который население должно было давать сборщикам княжеских штрафов. Сборщик штрафов — вирник должен был получать в неделю 7 ведер солода, тушу барана, по две курицы в день, а хлеба «по кольку могут ясти». Принятие такого установления говорит, что носитель государственной власти стремился сохранить социальную стабильность в обществе, не допускать возникновения острых конфликтов между собиравшими штрафы дружинниками и подчиненным им населением.

Став киевским князем, Ярослав продолжал свои усилия по распространению христианской религии по всей территории государства. Составители летописного некролога этому правителю видели в этом его основную заслугу. В главных центрах страны — Киеве и Новгороде были построены сохранившиеся до наших дней каменные соборы, посвященные св. Софии, как и главный христианский храм столицы Византийской империи — Константинополя. По свидетельству летописи, Ярослав строил христианские храмы «по градом и по местом, поставляя попы и дая им от именья своего урок, веля им учити люди». Им были основаны и первые монастыри.

В конце своего правления Ярослав издал «Устав», в котором за нарушение церковных канонов устанавливались значительные денежные штрафы в пользу епископа; кроме того, в ряде случаев нарушители должны были подвергаться наказаниям и со стороны светской власти. Кары устанавливались прежде всего за нарушение норм семейных отношений, принятых в христианском обществе: за похищение будущей жены по языческому обычаю, за самовольный развод, за брак между близкими родственниками. «Устав» запрещал мужу оставлять больную жену. Текст «Устава Ярослава» сохранился лишь в поздних обработках XIII—XV вв.

При Ярославе весьма значительно увеличились размеры Киева, разросшийся город был обнесен новыми стенами, главный въезд в него вел через каменные Золотые ворога, как в Константинополе.

Ярослав выступал и как продолжатель усилий отца по организации обороны страны от нападений кочевников. Так, в 1032 г. он «поча ставити городы» по реке Рось, у южных границ Киевской земли. Когда печенеги все же сумели прорвать оборонительные линии и в 1036 г. подойти к Киеву, Ярослав у стен города нанес им тяжелое поражение. Объектом активной внешней политики великого князя Ярослава были балтские и угро-финские племена у северо-западных границ Древнерусского государства. Он ходил в походы на ятвягов и «на Литву», его сын Владимир, сидевший в Новгороде, предпринял поход на финское племя емь. Во вводной части «Повести

временных лет» упоминаются как данники Руси емь, литва, эсты (чудь), земгаллы, курши, ливы. Зависимость этих прибалтийских племен от Руси (от Древнерусского государства или от Полоцкой земли), вероятно, установилась именно в княжение Ярослава. На земле эстов в 1030 г. им был поставлен город Юрьев — опорный пункт русской власти в этом крае.

Во время правления Ярослава Русь окончательно заняла видное, почетное место в содружестве государств христианской Европы. Об этом наглядно говорят брачные связи самого Ярослава Мудрого и членов его семьи. Женой Ярослава была дочь шведского короля Ингигерд — Ирина, его старший сын Изяслав был женат на сестре польского короля Казимира, другой сын, Всеволод — на дочери византийского императора Константина IX Мономаха, дочери Ярослава вышли замуж за королей Венгрии, Норвегии и Франции.

§ 4. РАСПАД ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Древнерусское государство, как оно сложилось при Владимире, просуществовало недолго. К середине XI в. начался его постепенный распад на ряд самостоятельных княжеств.

В древнерусском обществе эпохи раннего Средневековья отсутствовало общее понятие «государство». В общественном сознании, конечно, существовало представление о «Русской земле» как особом политическом целом, но такое «государство» неразделимо сливалось с физической личностью носителя высшей власти — князя, являвшегося по сути монархом. Монарх и был для людей того времени реальным воплощением государства. Такое представление, вообще характерное для обществ раннего Средневековья, было особенно прочным в Древней Руси, где князь-правитель выступал как организатор и распределитель производившихся обществом материальных благ. Монарх распоряжался государством, как отец семьи распоряжается своим хозяйством. И как отец делит свое хозяйство между сыновьями, так киевский князь делил между сыновьями территорию Древнерусского государства. Так поступил, например, отец Владимира, Святослав, разделивший свои земли между своими тремя сыновьями. Однако не только в Древней Руси, но и в ряде других государств раннего Средневековья такие распоряжения первоначально не вступали в силу и всей полнотой власти овладевал обычно самый сильный из наследников (в конкретном случае с

наследниками Святослава — Владимир). Не исключено, что на том этапе становления государства экономическая самодостаточность могла быть лишь при условии единого контроля Киевом всех основных путей трансконтинентальной торговли: Балтика — Ближний и Средний Восток, Балтика — Черное море. Поэтому княжеская дружина, от которой в конечном итоге зависела судьба Древнерусского государства, выступала за сильную и единоличную власть киевского князя. С середины XI в. развитие событий пошло в другом направлении.

Благодаря сообщениям древнерусских летописцев XI— XII вв., уделявших огромное внимание политическим судьбам Древнерусского государства, мы хорошо представляем себе внешнюю сторону происходивших событий.

Соправители-Ярославичи. После смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. сложилась довольно сложная политическая структура. Главными наследниками князя стали три его старших сына — Изяслав, Святослав и Всеволод. Между ними были поделены главные центры исторического ядра государства — «Русской земли» в узком смысле слова: Изяслав получил Киев, Святослав — Чернигов, Всеволод — Переяславль. Под их власть перешел и ряд других земель: Изяслав получил Новгород, Всеволод — Ростовскую волость. Хотя в летописях рассказывается, что Ярослав сделал главой княжеской семьи своего старшего сына Изяслава — «в отца место», в 50-—60-х гг. три старшие Ярославича выступают как равноправные правители, совместно управляющие «Русской землей». Вместе на съездах они принимали законы, которые должны были действовать на всей территории Древнерусского государства, вместе предпринимали походы на соседей. Другие члены княжеского рода — младшие сыновья Ярослава и его внуки сидели в землях наместниками старших братьев, которые перемещали их по своему усмотрению. Так, в 1057 г., когда умер Вячеслав Ярославич, сидевший в Смоленске, старшие братья посадили в Смоленске его брата Игоря, «выведя» его из Владимира Волынского. Ярославичи совместно добились некоторых успехов: они нанесли поражение узам — «торкам», сменившим в .восточноевропейских степях печенегов, сумели завоевать Полоцкую землю, отложившуюся от Древнерусского государства при Ярославе под властью потомков другого сына Владимира — Изяслава.

Борьба между членами княжеского рода. Однако сложившееся положение вызывало недовольство обделенных властью младших членов рода. Убежищем недовольных все чаще становилась крепость Тмутаракань на Таманском полуострове. К этому добавились конфликты между старшими братьями: в 1073 г. Святослав и Всеволод согнали Изяслава с

киевского стола и поделили по-новому территорию Древнерусского государства. Количество недовольных и обиженных росло, но имело значение то, что они стали получать серьезную поддержку населения. Корда в 1078 г. ряд младших членов княжеского рода подняли мятеж, они сумели занять один из главных центров Древнерусского государства — Чернигов. Население «града» даже в отсутствие своих новых князей отказалось открыть ворота войскам киевского правителя. В битве с мятежниками на Нежатиной ниве 3 октября 1078 г. погиб Изяслав Ярославич, сумевший к этому времени вернуться на киевский стол.

После смерти Изяслава и Святослава, скончавшегося в 1076 г., киевский стол занял Всеволод Ярославич, сосредоточивший под своею непосредственной властью большую часть земель, входивших в состав Древнерусского государства. Политическое единство государства тем самым сохранилось, но через все правление Всеволода протянулся ряд мятежей его племянников, добивавшихся для себя княжеских столов или стремившихся ослабить свою зависимость от Киева, обращаясь подчас за помощью к соседям Руси. Старый князь неоднократно посылал против них войска во главе со своим сыном Владимиром Мономахом, но в конце концов был вынужден пойти на уступки племянникам. «Сей же, — записал о нем летописец, — омиряя их, раздаваше власти им». Киевский князь был вынужден идти на уступки, так как выступления младших членов рода встречали поддержку населения на местах. Однако племянники, даже получив княжеские столы, оставались наместниками дяди, который мог эти столы и отобрать по своему усмотрению.

Новый, еще более серьезный кризис традиционных политических структур разразился в начале 90-х гг. XI в., когда после смерти в 1093 г. Всеволода Ярославича Олег, сын Святослава Ярославича, потребовал возвращения наследия его отца — Чернигова и обратился за помощью к кочевникам — половцам, вытеснившим торков из восточноевропейских степей. В 1094 г. Олег пришел с «Половецкой землей» к Чернигову, где после смерти Всеволода Ярославича сидел Владимир Мономах. После 8-дневной осады Владимир с дружиной вынужден был покинуть город. Как он вспоминал впоследствии, когда он с семьей и дружиной ехал через половецкие полки, половцы «облизахутся на нас акы волци стояще». Утвердившись с помощью половцев в Чернигове, Олег отказывался участвовать вместе с другими князьями в отражении половецких набегов. Так создавались благоприятные условия для половецких вторжений, усугублявших бедствия междоусобной войны. В самой Черниговской земле половцы беспрепятственно брали полон, и, как замечает летописец, Олег

им не препятствовал, «бе бо сам повелел им воевати». Под угрозой нападения оказались главные центры «Русской земли». Войска хана Тугоркана осаждали Переяславль, войска хана Боняка разорили окрестности Киева.

Княжеские съезды. Единство Руси при Владимире Мономахе. В 1097 г. в Любече на Днепре собрался съезд князей — членов княжеского рода, на котором были приняты решения, означавшие важнейший шаг на пути к разделу Древнерусского государства между членами княжеской династии. Принятое решение — «каждо да держить отчину свою» означало превращение земель, находившихся во владении отдельных князей, в их наследственную собственность, которую они могли теперь свободно и беспрепятственно передавать своим наследникам.

Характерно, что в сообщении летописи о съезде было подчеркнуто, что «вотчиной» становятся не только земли, полученные сыновьями от отцов, но и «городы», которые «раздаял Всеволод» и где младшие члены рода были до этого лишь княжескими наместниками.

Правда, и после решений, принятых в Любече, определенное политическое единство земель, входивших в состав Древнерусского государства, сохранялось. Неслучайно на Любечском съезде говорилось не только о признании за князьями прав на их «вотчины», но и об общей обязанности «блюсти» Русскую землю от «поганых».

Сохранившиеся еще традиции политического единства находили выражение на собиравшихся в первые годы XII в. междукняжеских съездах — на съезде 1100 г. в Витичеве за совершенные преступления по общему решению участников съезда был лишен стола во Владимире Волынском князь Давыд Игоревич, на съезде 1103 г. в Долобске было принято решение о походе русских князей на половцев. Во исполнение принятых решений последовал целый ряд походов с участием всех главных русских князей (1103, 1107, 1111 гг.). Если во время междукняжеских смут 90-х гг. XI в. половцы разоряли окрестности Киева, то теперь, благодаря совместным действиям князей, половцам были нанесены серьезные поражения, а русские князья сами стали предпринимать походы в степь, дойдя до половецких городов на Северском Донце. Победы над половцами способствовали росту авторитета одного из главных Ьрганизаторов походов — переяславского князя Владимира Мономаха. Таким образом, в начале XII в. Древняя Русь по отношению к соседям еще выступала как единое целое, но уже в это время отдельные князья самостоятельно вели воины с соседями.

Когда в 1113 г. киевский стол занял Владимир Мономах, под властью

которого оказалась значительная часть территории Древнерусского государства, была предпринята серьезная попытка восстановить прежнее значение власти киевского князя. «Младших» членов княжеского рода Мономах рассматривал как своих вассалов — «подручников», которые должны были ходить в походы по его приказу и в случае неповиновения могли лишиться княжеского стола. Так, князь Глеб Всеславич Минский, который «не покаряшеться» Мономаху даже после похода войск киевского князя на Минск, в 1119 г. утратил княжеский стол и был «приведен» в Киев. Утратил свой стол за неподчинение Мономаху и владимиро-волынский князь Ярослав Святополчич. В Киеве в правление Мономаха был подготовлен новый сборник законов «Пространная Правда», столетиями действовавший на всей территории Древнерусского государства. И все же реставрации прежних порядков не произошло. В княжествах, на которые разделилось Древнерусское государство, правило уже второе поколение правителей, на которых население уже привыкло смотреть как на наследственных государей.

Политику Мономаха на киевском столе продолжал его сын Мстислав (1125—1132). Он еще более сурово карал членов княжеского рода, отказывавшихся выполнять его приказы. Когда полоцкие князья не захотели принять участие в походе на половцев, Мстислав собрал войско со всей территории Древнерусского государства и в 1127 г. занял Полоцкую землю, местные князья были арестованы и сосланы в Константинополь. Однако достигнутые успехи были непрочны, так как основывались на личном авторитете обоих правителей, отца и сына.

Завершение политического распада Древнерусского государства. После смерти Мстислава на киевский стол вступил его брат Ярополк, распоряжения которого натолкнулись на противодействие черниговских князей. Ему не удалось привести их к покорности. Мир, заключенный после продолжавшейся несколько лет войны, отразил упадок значения власти киевского князя как политического главы Древней Руси. В конце 40-х — начале 50-х гг. XII в. киевский стол стал объектом борьбы двух враждебных союзов князей, во главе которых стояли Изяслав Мстиславич волынский и правитель Ростовской земли Юрий Долгорукий. Коалиция во главе с Изяславом опиралась на подддержку Польши и Венгрии, а другая, во главе с Юрием Долгоруким, искала помощи у Византийской империи и половцев. Известная стабильность междукняжеских отношений под верховным руководством киевского князя, относительно единая политика по отношению к соседям ушли в прошлое. Междукняжеские войны 40—50-х гг. XII в. стали завершением политического распада Древнерусского

государства на самостоятельные княжества.

Причины феодальной раздробленности. Древнерусские летописцы, рисуя картину политического распада Древнерусского государства, объясняли происходящее кознями дьявола, которые привели к падению норм морали между членами княжеского рода, когда старшие стали угнетать младших, а младшие перестали почитать старших. Историки, пытаясь найти ответ на вопрос о причинах распада Древнерусского государства, обращались к историческим аналогиям.

Особый период феодальной раздробленности имел место не только в истории Древней Руси. Через такой этап исторического развития прошли многие страны Европы. Особое внимание ученых привлекал к себе политический распад Каролингской империи — наиболее крупного государства в Европе раннего Средневековья. Западная часть этой державы на протяжении второй половины IX—X в. превратилась в пеструю мозаику из многих слабо связанных между собой крупных и мелких владений. Процесс политического распада сопровождался крупными социальными сдвигами, превращением ранее свободных общинников в зависимых людей крупных и мелких сеньоров. Все эти мелкие и крупные владетели добивались и успешно добились от государственной власти передачи им административно-судебной власти над зависимыми людьми и освобождения своих владений от уплаты налогов. После этого государственная власть оказалась фактически бессильной, и сеньоры-землевладельцы перестали ей подчиняться.

В отечественной историографии длительное время полагали, что распад Древнерусского государства произошел в результате аналогичных социальных сдвигов, когда дружинники киевских князей стали землевладельцами, превратившими свободных общинников в зависимых людей.

Действительно, источники конца XI—XII в. свидетельствуют о появлении у дружинников своих земельных владений, в которых жили их зависимые люди. В летописях XII в. неоднократно говорится о «боярских селах». В «Пространной Правде» упоминаются «тиуны» — лица, управлявшие хозяйством бояр, и работающие в этом хозяйстве зависимые люди — «рядовичи» (вступившие в зависимость по ряду — договору) и «закупы».

К первой половине XII в. относятся и данные о появлении земельных владений и зависимых людей у церкви. Так, великий князь Мстислав, сын Мономаха, передал Юрьеву монастырю в Новгороде волость Буице с «данию и с вирами и с продажами». Таким образом, монастырь получил от

князя не только земли, но и право собирать с живущих на ней крестьян дань в свою пользу, вершить над ними суд и взимать в свою пользу судебные штрафы. Тем самым игумен монастыря стал настоящим государем для живущих в волости Буице общинников.

Все эти данные свидетельствуют о том, что начался процесс превращения старших дружинников древнерусских князей в феодалов-землевладельцев и формирования основных классов феодального общества — феодалов-землевладельцев и зависимых от них общинников.

Однако процесс становления новых социальных отношений находился в русском обществе XII в. лишь в самом зачатке. Новым отношениям было далеко до того, чтобы стать главным системообразующим элементом общественного устройства. Не только в это время, но и гораздо позже, в XIV—XV вв. (как показывают данные источников, относящиеся к Северо-Восточной Руси — историческому ядру Русского государства) большая часть земельного фонда находилась в руках государства, а большую часть средств приносили боярину не доходы от собственного хозяйства, а поступления от «кормлений» при управлении государственными землями.

Таким образом, становление новых, феодальных отношений в их наиболее типичной сеньориальной форме шло в древнерусском обществе гораздо более замедленными темпами, чем на западе Европы. Причину этого следует видеть в особо сильной сплоченности и крепости сельских общин. Солидарность и постоянная взаимопомощь соседей не могли препятствовать начавшемуся разорению общинников в условиях усиления государственной эксплуатации, но они способствовали тому, что это явление не приобрело сколько нибудь широких размеров и лишь сравнительно небольшая часть сельского населения — «закупы» — находилась на землях дружинников. К этому следует добавить, что само изъятие сравнительно ограниченного по объему прибавочного продукта у сельских общинников было делом нелёгким, и, вероятно, неслучайно и князья, и социальная ; верхушка древнерусского общества в целом в течение длительного хронологического периода предпочитала получать свои доходы за счет участия в централизованной системе эксплуатации. В древнерусском обществе XII в. просто не было таких сеньоров, как на западе Европы, которые захотели бы отказать в повиновении государственной власти.

Ответ на вопрос о причинах политического распада Древнерусского государства следует искать в характере отношений между разными частями господствующего класса древнерусского общества — «большой дружины», между той ее частью, которая находилась в Киеве, и теми, в руках которых

находилось управление отдельными «землями». Сидевший в центре земли наместник (как показывает пример Ярослава Мудрого, наместника своего отца Владимира в Новгороде) должен был передавать в Киев 2/3 собранной дани, лишь 1/3 использовалась на содержание местной дружины. Взамен ему гарантировалась помощь Киева при подавлении волнений местного населения и при защите от внешнего неприятеля. Пока шло формирование государственной территории на землях бывших племенных союзов, и дружины в градах ощущали себя находящимися постоянно во враждебном окружении местного населения, которому силой навязывались новые порядки, такой характер отношений устраивал обе стороны. Но по мере того, как положение и княжеских наместников и дружинной организации на местах укреплялось и она становилась способной решать самостоятельно многие задачи, она все менее была склонна отдавать в Киев большую часть собранных средств, делиться с ним своего рода централизованной рентой.

При постоянном пребывании дружин в определенных градах у них должны были возникнуть связи с населением градов, в особенности градов — центров «волостей», в которых находились и центры местной дружинной организации. Следует учитывать, что эти «грады» часто были преемниками старых племенных центров, население которых обладало навыками участия в политической жизни. За размещением дружин в градах последовало появление в них «сотских» и «десятских», лиц, которые от имени князя должны были управлять городским населением. Во главе такой организации стоял «тысяцкий». Сведения о киевских тысяцких второй половины XI — начала IX в. показывают, что тысяцкие были боярами, принадлежавшими к близкому окружению князя. Одной из главных обязанностей тысяцких было руководить городским ополчением — «полком» во время военных действий.

Само существование сотенной организации вело к установлению связей между дружиной и населением центра «земли», те и другие были в равной мере заинтересованы в ликвидации зависимости от Киева. Член княжеского рода, желавший стать самостоятельным правителем, т.е. присвоить часть централизованного фонда государственных доходов, мог в этом отношении рассчитывать на поддержку и местной дружины, и городского ополчения. При господстве в Древней Руси XI—XII вв. натурального хозяйства, при отсутствии прочных экономических связей между отдельными «землями» не было каких-либо факторов, которые могли бы противодействовать этим центробежным силам.

Особые черты политической раздробленности в Древней Руси.

Распад Древнерусского государства принял иные формы, чем распад Каролингской империи. Если ЗападноФранкское королевство рассыпалось на множество больших и малых владений, то Древнерусское государство разделилось на ряд сравнительно крупных земель, устойчиво сохранявшихся в своих традиционных границах до самого монголо-татарского нашествия в середине XIII в. Это Киевское, Черниговское,

Переяславское, Муромское, Рязанское, Ростово-Суздальское, Смоленское, Галицкое, Владимиро-Волынское, Полоцкое, Турово-Пинское, Тмутараканское княжества, а также Новгородская и Псковская земли. Хотя территория, на которой жили восточные славяне, оказалась разделенной политическими границами, они продолжали жить в едином социокультурном пространстве: в древнерусских «землях» действовали во многом сходные политические институты и общественный строй, сохранялась и общность духовной жизни.

XII— первая половина XIII в. —время успешного развития древнерусских земель в условиях феодальной раздробленности. Наиболее убедительно говорят об этом результаты археологических исследований древнерусских городов этого времени. Так, во-первых, археологи констатируют значительное увеличение количества поселений городского типа — укрепленные крепости с торгово-ремесленными посадами. На протяжении XII — первой половины XIII в. количество поселений такого типа увеличилось более чем в полтора раза, ряд городских центров при этом был создан заново на незаселенных местах. Одновременно значительно расширилась и территория главных городских центров. В Киеве огражденная валами территория увеличилась почти втрое, в Галиче — в 2,5 раза, в Полоцке — вдвое, в Суздале — втрое. Именно в период феодальной раздробленности укрепленный «град»-крепость, резиденция правителя или его воинов в эпоху раннего Средневековья, окончательно превратился в «город» — не только место пребывания власти и социальной элиты, но и центр ремесла и торговли. На городских посадах к этому времени находилось уже многочисленное торгово-ремесленное население, не связанное со «служебной организацией», самостоятельно производившее изделия и самостоятельно торговавшее на городском торгу. Археологи установили существование на Руси в то время многих десятков ремесленных специальностей, количество которых постоянно увеличивалось. О высоком уровне мастерства древнерусских ремесленников говорит освоение ими таких сложных видов византийского ремесла, как изготовление смальты для мозаик и перегородчатых эмалей. Интенсивное развитие городов вряд ли было бы возможно без

одновременного оживления и подъема хозяйственной жизни деревни. В условиях поступательного развития общества в рамках традиционных социально-экономических и социально-политических структур шел медленный, постепенный рост новых отношений, характерных для феодального общества.

Достаточно хорошо известны и негативные последствия, которые принесла с собой феодальная раздробленность. Это ущерб, который наносили древнерусским землям достаточно частые войны между князьями и ослабление их способности противостоять наступлению со стороны соседей. Эти негативные последствия особенно сказывались на жизни тех земель Южной Руси, которые граничили с кочевым миром. Отдельные «земли» уже не были в состоянии обновлять, поддерживать и создавать заново систему оборонительных линий, созданную при Владимире. Положение усугублялось тем, что сами князья в конфликтах между собой обращались за помощью к восточным соседям — половцам, приводя их с собой на земли своих соперников. В этих условиях наметился постепенный упадок роли и значения южно-русских земель в Среднем Поднепровье — исторического ядра Древнерусского государства. Характерно, что в первых десятилетиях XIII в. Переяславское княжество было владением младших родственников владимиро-суздальского князя Юрия Всеволодовича. Постепенно росли политическая роль и значение таких удаленных от кочевого мира регионов, как Галицко-Волынская и Ростовская земли.

Глава 4. ДРЕВНЕРУССКИЕ ЗЕМЛИ В ЭПОХУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

§ 1. РОСТОВО-СУЗДАЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ В XII—XIII вв.

Границы. Население. Ранняя история. Киевский летописец начала XII в. воспринимал земли в Волжско-Клязьменском междуречье как страну, заселенную неславянскими племенами: «На Белеозере седеть весь, а на Ростовьском озере меря, а на Клещине озере меря же». Эти угро-финские племена — мерю и вепсов (весь) он внес в свой перечень народов, «иже дань дають Руси». К началу XII в. такая характеристика уже мало соответствовала действительности.

Уже с конца IX в., судя по результатам исследований археологов, началось заселение этой территории восточными славянами, искавшими на этой, еще достаточно редко заселенной территории, новых земель для распашки. Особенно, вероятно, привлекали их плодородные земли Суздальского ополья. И данные диалектологии, и наблюдения археологов говорят о том, что в IX—X вв. главный поток славянской колонизации направлялся в этот ареал с территории новгородских «словен». Возможно, с этим связано, что исторические судьбы населения Волго-Окского междуречья в это время тесно переплелись с историческими судьбами «словен», вместе с ними оно вошло в состав Древнерусского государства. С конца X в. можно говорить о начале нового этапа в этнической истории региона, когда восточнославянские пришельцы начинают оказывать все более сильное влияние на образ жизни местного мерянского населения. На мерянских поселениях появились древнерусские орудия труда и бытовые предметы. Тесные контакты привели затем к смешению восточнославянского населения с угро-финским и к ассимиляции последнего. На территории, занимаемой «мерей», этот процесс завершился в XII столетии. К этому времени к движению населения с территории «словен» прибавился приток смоленских кривичей и ряда групп южнорусского населения, искавшего здесь убежища от набегов кочевников. Процесс славянизации края развивался неравномерно. Этническая обособленность более северных вепсов — «веси» сохранялась еще в течение длительного времени.

Южнее, в бассейне Оки и ее притоков располагались земли вятичей, в

X—XI вв. еще слабо связанные с Древнерусским государством. В конце XI в. у них был собственный князь Ходота, на которого ходил походом Владимир Мономах. Долгое время путь из Киева на северо-восток «сквозе вятиче» был трудным и опасным. Связи центра Древнерусского государства с землями в Волго-Клязьминском междуречье поддерживались через Смоленск (по Волге) и через Новгород. В составе

Древнерусского государства эти земли были далекой периферийной окраиной, привлекавшей к себе внимание киевских князей главным образом потому, что через них проходил Волжский торговый путь, который они стремились контролировать.

Хотя Владимир в начале XI в. держал какое-то время в Ростове своего сына Ярослава, сам Ярослав не послал на стол в Ростов никого из своих сыновей. После его смерти Ростовская волость вместе с рядом других территорий досталась его третьему сыну Всеволоду, который, по-видимому, ни разу там не бывал. Больше внимания уделил этому краю Владимир Мономах. Известно, что он четыре раза посещал Ростовскую волость и построил в Ростове Успенский собор по образцу Успенского собора Киево-Печерского монастыря. Им был основан в 1108 г. город Владимир на Клязьме, сыгравший позднее большую роль в исторических судьбах Ростовской земли. Но передача Мономахом Ростовской волости одному из младших сыновей — Юрию показывает, что эту часть своих владений он не считал особо ценной. К середине XII в. роль и положение этих земель изменились, край экономически окреп. В итоге Юрий, получивший прозвище Долгорукого, смог выступить с притязаниями на киевский стол.

Первоначально малое внимание киевских правителей к Ростовской волости, видимо, объяснялось тем, что территория, подчинявшаяся здесь киевским князьям, была сравнительно невелика. Малоплодородная, как и другие земли на севере Руси (исключением были плодородные почвы Владимирского ополья), редко заселенная далекая окраина, население которой в то время было еще в значительной мере угро-финским и упорно сопротивлялось новым порядкам, не была для них особо привлекательным объектом. Именно с этой территорией связаны сообщения летописных источников XI в. о выступлениях населения в поддержку приверженцев языческой веры — волхвов. В 1024 г. «въсташа волъсви» в Суздале, и потребовалось вмешательство прибывшего из Новгорода Ярослаба. В 70-х гг. X в. волнения, вызванные волхвами, охватили территорию от Ярославля до Белоозера. Тогда же был убит язычниками первый ростовский епископ Леонтий. Характерно, что после короткого промежутка в 70-х гг. XI в. епископская кафедра стала постоянно действовать в Ростове лишь с

середины XII в. Сбор дани в этом крае был, по-видимому, делом достаточно трудным и опасным, особенно в земле вятичей. Не случайно Владимир Мономах отметил в своем «Поучении» как достойное упоминания событие — свою поездку в Ростов «сквозе вятиче». Вятичи убивали приходивших к ним христианских миссионеров. Еще в XII в. в долине реки Москвы сохранялись языческие погребальные обряды.

X век принес значительные перемены. Уже в правление Юрия Долгорукого на территории Ростовской волости заметно расширилась сеть княжеских «градов». Среди них были такие, положившие начало известным затем городским центрам Северо-Восточной Руси, как Юрьев Польский, Дмитров, Кснятин. Это означало укрепление на указанной территории институтов управления и социальных порядков, характерных для Древнерусского государства. Сама Ростовская волость заметно расширилась прежде всего далеко на север. Здесь, на притоках Северной Двины во второй половине XII в. ростовские сборщики дани сталкивались с новгородскими. В 1178 г. был основан Устюг, который стал форпостом ростовского влияния на севере Восточной Европы. На юге в состав Ростовской волости вошла северная часть земливятичей. Одним из опорных пунктов государственной власти на этой территории стала крепость Москва, заложенная в 1156 г. на устье реки Неглинной (ранее на этом месте стоял княжеский двор, где в 1147 г., как зафиксировала летопись, Юрий Долгорукий принимал своего союзника — князя Святослава Ольговича). Продвижение границ Ростовской земли на восток и юго-восток привело к столкновению интересов правителей этой земли с интересами Волжской Болгарии, также стремившейся укрепить свое влияние в районе Верхнего Поволжья. После ряда войн второй половины XII — первых десятилетий XIII в. в состав Ростовской земли вошли земли по течению Волги вплоть до впадения в нее Оки. На Волге были также поставлены крепости — опорные пункты княжеской власти: Городец (упоминается в 1172 г.) и Нижний Новгород (основан в 1221 г.). В отличие от южнорусских земель Ростовская земля не подвергалась в то время набегам кочевников, ее население увеличивалось за счет притока населения с юга. Все это способствовало тому, что, располагая значительными и все более возраставшими с течением времени силами и средствами, правители Ростовской земли оказывали весьма значительное влияние на исторические судьбы Древней Руси в XII—XIII вв.

По своему общественному строю Ростовская земля никак существенно не отличалась от других древнерусских земель. И здесь главной господствующей социальной группой была дружина, прежде всего та ее

часть, которая сидела в центре земли — Ростове и опиралась на поддержку его населения. Ее руководству подчинялись дружины, сидевшие в других «градах» и также сумевшие завязать связи с их населением. Эта дружинная организация в условиях долгого отсутствия носителей высшей власти, вероятно, превратилась в самостоятельную политическую силу, с которой правители вынуждены были серьезно считаться.

Юрий Долгорукий. Андрей Боголюбский: князь и местное боярство. Юрий Долгорукий, первый самостоятельный правитель Ростовской земли, жил не в ее центре — Ростове, а в Суздале. Предполагают, что он стремился возвысить местную верхушку, чтобы ослабить роль и значение сидевшей в Ростове «старшей» дружины. Этой цели ему, однако, добиться не удалось, что показали события, последовавшие после его смерти. Первый правитель Ростовской земли, он считал главной своей целью овладеть киевским столом, принадлежавшим его отцу Владимиру Мономаху. К 1154 г. ему после ряда войн удалось овладеть Киевом, и он стремился удержать Киев и Киевскую землю за своими потомками. По завещанию Юрия Долгорукого Киев и Киевская земля должны были перейти к его старшим сыновьям, а Ростовская земля предназначалась младшим сыновьям — Михалку и Всеволоду. Дружина принесла присягу, обязавшись выполнить завещание князя, но после его смерти в 1157 г. «Ростовци и Суждальци, здумавше вси, пояша Андрея сына его старейшаго и посадиша и (его. — *Авт.)* в Ростове на отни столе и Суждали». Таким образом, совместное решение «старшей» дружины и населения двух главных центров земли оказалось сильнее распоряжений князя.

Пришедший к власти таким способом старший сын Юрия Долгорукого Андрей стремился в дальнейшем укрепить свою власть. Так, в 1162 г. он выгнал из земли трех своих младших братьев и двух племянников, а вместе с ними «передних мужей» своего отца, «хотя, — как говорится в летописи, — самовластець быти всей Суждальской земли». Тем членам семьи, клму он позволил остаться, Андрей давал лишь отдельные поручения, не выделяя уделов. Когда ростовский епископ Леон вызвал недовольство князя, он также был изгнан.

Андрей Юрьевич был одним из самых могущественных правителей Древней Руси второй половины XII в. Его брат Глеб сидел в Переяславле Южном, его политическому руководству подчинялись смоленские и черниговские князья. В 1169 г. союз этих князей во главе с Андреем выгнал из Киева князя Мстислава Изяславича, но в отличие от отца Андрей не захотел править в Киеве, а передал его своему младшему брату Глебу, а

после его смерти — смоленскому князю Роману. В этих событиях нашел свое выражение упадок роли и значения Киева как главного политического центра Древней Руси. Еще более обширный союз князей (вместе с ростовской ратью шли смоленские, полоцкие и рязанские князья) принял участие в организованном Андреем в 1170 г. походе на Новгород, чтобы заставить новгородцев принять ставленника Андрея — князя Святослава Ростиславича, но под Новгородом войско этих князей потерпело поражение.

Стремясь создать в Ростовской земле опору собственной власти, Андрей сделал.своей постоянной-резиденцией г. Владимир-на-Клязьме. Здесь им была построена сильная крепость с каменными Золотыми и Серебряными воротами и Успенский собор, которому в будущем предстояло стать на длительное время главным церковным храмом Руси. Однако ослабить положение ростовского боярства ему не удалось. В исторической традиции князь Андрей получил прозвище Боголюбского — от названия расположенного недалеко от Владимира поселения Боголюбово где князь создал для себя резиденцию — каменный дворец и храм, окруженные каменными же укреплениями. Укрепления эти, однако, не помогли князю. Он стал жертвой заговора близких доверенных слуг, которые напали на него в его спальне. Андрей Юрьевич был убит 28 июня 1174 г. После его смерти «старшая» дружина в Ростове снова стала распоряжаться судьбами Ростовской земли.

Борьба за власть в Ростово-Суздальской земле. Великий князь Всеволод Юрьевич. Вопрос о том, кто займет княжеский трон после смерти Андрея, решался на съезде, где собрались «Ростовци, и Суждальци и Переяславци и вся дружина от мала до велика». Здесь, по решению дружин и населения трех главных центров земли, на княжеский трон были приглашены племянники Андрея, Мстислав и Ярополк Ростиславичи. Этих князей «старшая» дружина главных центров земли рассматривала как своих ставленников, которые должны были выполнять их волю. Когда в начавшейся войне старший из князей выразил желание заключить мир с противником, то ему было определенно заявлено: «аще ты мир даси ему, то мы не дамы». С притязаниями на отцовское наследство, не считаясь с волей «старшей» дружины, выступили младшие сыновья Юрия Долгорукого Михалко и Всеволод, и они нашли сторонников среди местного населения. В разгоревшейся войне решался вопрос о характере политического строя Ростовской земли в будущем. Война, в которой ростовских бояр поддерживали рязанские князья, а Михалко и Всеволод нашли себе опору в Чернигове, растянулась на несколько лет. Уже после смерти Михалки, в

1177 г. в битве у Юрьева-Польского ростовская «старшая» дружина потерпела поражение в борьбе с войсками Всеволода. Многие ростовские бояре были убиты, другие оказались в тюрьме, победители «села боларьская взяша, и кони, и скот».

Два важных обстоятельства сыграли свою роль в победе сыновей Юрия Долгорукого. Во-первых, они сумели использовать в своих интересах противоречия между «старшими» и «младшими» городами земли. «Старшая» дружина в Ростове и Суздале считала, что может самостоятельно распоряжаться судьбами земли, направляя дружинам, сидящим в «младших» городах, свои приказы и не привлекая при этом ни дружинников, ни население этих городов к принятию решений («на что стареишии здумають, на томь же и пригороди стануть»). Особенно активно на стороне Михалки и Всеволода выступило население Владимира. Признав своим князем Михалка, владимирцы, даже в условиях, когда местная дружина отсутствовала, в течение 7 недель выдерживали осаду войска всей Ростовской земли. В войне ростовское боярство могло опираться на поддержку дружины «старших» городов, но постепенно теряло поддержку их простого населения, видевшего в сильной «княжеской власти защитника от притеснений со стороны боярства. Так, жители Суздаля дали знать Михалку, что против него выступают только бояре, а вовсе не простые жители города. Именно во время этой борьбы в летописи появляются первые упоминания о «купцах» как особой группе населения. В частности, после одержанной Всеволодом победу «купцы» требовали от него казнить или ослепить захваченных в плен противников.

Таким образом, попытки «старшей» дружины Ростова распоряжаться судьбами земли, поставив князей в зависимость от себя, потерпели неудачу. «Старшая дружина» Всеволода и его преемников по традиции подчинялась руководящей роли княжеской власти. Главным центром земли и постоянной резиденцией князя стал город Владимир, и со временем Ссверо-Восточная Русь стала называться Владимирским великим княжением. Княжеская власть извлекла уроки из происшедших событий и стремилась в дальнейшем подчеркивать свою роль защитника общественных низов от произвола вышестоящих. Не случайно в летописном некрологе Всеволода указывалось, что он вершил «суд истинен и нелицемерен, не обинуяся лица сильных своих бояр, обидящих менших и работящих и насилье творящих».

Всеволод Юрьевич был одним из наиболее могущественных правителей Древней Руси последних десятилетий XII — начала XIII в. Он первым из древнерусских князей принял титул «великого князя».

Поскольку Всеволод был предком всех многочисленных князей, правивших на землях Северо-Восточной Руси в последующие столетия, в исторической традиции он получил прозвище Большое Гнездо. В отличие от старшего брата Андрея он не организовывал грандиозных военных походов, но часто добивался поставленных целей с помощью искусной дипломатии. Ему удалось добиться взаимопонимания с влиятельными группировками новгородского боярства, и большую часть времени его княжения на новгородском столе сидели его ставленники. Его вассалами были рязанские князья, ходившие в походы по его приказу, а он обеспечивал защиту их владений от нападений со стороны волжских болгар. Всеволод выступал в качестве арбитра в спорах между ними, распределяя «волости». Его политическому руководству подчинялись и смоленские князья, один из которых, Рюрик Ростиславич, благодаря поддержке Всеволода длительное время удерживал в своих руках киевский стол. Он сумел присоединить к своим владениям Переяславль Южный, куда направил в 1201 г. на княжение сына Ярослава. Не случайно в некрологе Всеволоду говорилось: «не токмо единои Суждальскои земли заступник бе, но и всем странам земля Роусьскыя». С непокорными Всеволод обращался сурово. Узнав, что рязанские князья ведут переговоры о союзе с его врагами — черниговскими князьями, он прибег к суровым мерам. Заподозренные в измене рязанские князья были заключены в тюрьму, а в Рязани Всеволод посадил своего сына Ярослава (1208 г.), а когда в следующем году рязанцы стали выступать против нового князя, то Всеволод сжег и разрушил этот город, а его жителей «розосла... по своим городам». Арестованные князья были освобождены из тюрьмы лишь после смерти великого князя.

Начало феодальной раздробленности в Ростово-Суздальской земле. После смерти Всеволода в 1212 г. в СевероВосточной Руси опять начались смуты. Связано это было с началом феодальной раздробленности в самой Ростовской земле, территория которой была поделена на ряд княжеств между сыновьями Всеволода. Между ними началась борьба за власть и влияние. В 1216 г. в битве на Липице встретились войска его старшего сына Константина, которого поддерживали новгородцы, с войсками его младших братьев — Юрия и Ярослава. Все же, несмотря на эти усобицы, определенное единство земли сохранялось. Постепенно установился порядок, по которому во главе «земли» стоял старший среди членов княжеского рода — великий князь, сидевший в ее столице — Владимире. Младшие члены рода, сидевшие на княжеских столах в Ростове, Переяславле-Залесском, Юрьеве и других городах, подчинялись

его руководству и ходили в походы по его приказу. Преемники Всеволода уже не пользовались столь большим влиянием на общерусские дела, но все же им удалось сохранить тесные связи с Новгородом, где на столе в первой половине XIII в. часто сидели Ярослав Всеволодович и его сын Александр. Члены княжеского рода продолжали сидеть и в Переяславле Южном.

§ 2. НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ В XII-XIII вв.

Княжеская власть и Новгород в IX—XI вв. Уже в период пребывания в составе Древнерусского государства Новгородская земля обладала важными отличиями от других древнерусских земель. Местная верхушка словен, кривичей и чуди, пригласивших в IX в. варяжского конунга стать военным вождем союза, не была в X—XI вв. ни уничтожена, ни включена в состав княжеской дружины. Условия «ряда» IX в., по-видимому, в определенной мере соблюдались обеими сторонами, хотя позиция князя, представлявшего здесь интересы Киева, к началу XI в. явно усилилась, о чем говорит его переезд с Рюрикова городища в сам центр земли — Новгород.

В событиях, связанных с борьбой новгородского князя Ярослава за киевский стол после смерти Владимира в 1015 г., население Новгорода во главе с «лучшими мужами» выступало как самостоятельная сила наряду с князем и его дружиной. Когда, потерпев поражение в борьбе со своим братом Святополком, Ярослав хотел бежать «за море», новгородцы рассекли его суда и заставили продолжать борьбу. Упоминается в летописи и «вече» — собрание населения Новгорода, которое князь собрал «на поле», чтобы заручиться поддержкой новгородцев в борьбе за киевский стол.

О социальном делении в среде новгородского населения говорит летописное свидетельство о добровольном самообложении населения города для найма «за морем» варягов в помощь Ярославу: собирали «с мужа по 4 куны, а от бояр по 18 гривен». Поскольку гривна того времени состояла из 25 кун, то взнос боярина в сто с лишним раз превышал взнос простого новгородца. Очевидно, что местная верхушка — бояре — уже достаточно четко отделилась от остального населения, и в руках бояр находились большие денежные средства. Эти средства накапливались благодаря тому, что бояре, наряду с княжеской дружиной, играли важную роль в сборе дани с Новгородской земли. Об этом говорят находки

археологами на боярских усадьбах Новгорода замков от мешков для сбора дани. Управление Новгородской землей в XI в. осуществляли совместно верхушка местной городской общины и сидевший в Новгороде наместник киевского князя — его сын с дружиной, но главная роль при этом принадлежала князю-наместнику, опиравшемуся на поддержку могущественного отца в Киеве.

Возникновение новгородского посадничества. Первый важный шаг к изменению этих отношений в свою пользу новгородская община предприняла в 80-х гг. XI в., когда уже ясно обозначился глубокий внутриполитический кризис Древнерусского государства. В 1088 г. киевский князь Всеволод Ярославин прислал на княжение в Новгород своего малолетнего внука Мстислава, сына Владимира Мономаха. В это время рядом с малолетним князем появился своеобразный соправитель — «посадник», избиравшийся самими новгородцами. Посадники продолжали избираться и тогда, когда князь достиг совершеннолетия. Новгородская городская община явно стремилась усилить свою роль в управлении Новгородской землей. После смерти Всеволода Ярославича новгородцы добились того, что Мстислав остался на новгородском столе вопреки желанию нового киевского князя Святополка.

Борьба новгородской городской общины с княжеской властью. В конце второго десятилетия **XII** в. стремление новгородской городской общины к большей самостоятельности столкнулось с политикой Мономаха, направленной на восстановление сильных позиций киевского князя как главы Древнерусского государства. Мономах, не спрашивая мнения новгородцев, посадил в 1117 г. в Новгороде своего внука Всеволода Мстиславича, а недовольных новгородских бояр вызвал в Киев и заключил в тюрьму. Формально двоевластие в Новгороде сохранялось, но посадников стали присылать из Киева. Политику Мономаха продолжал его сын Мстислав. Всеволода он рассматривал как своего наместника, который ходил по приказу отца в походы с новгородским войском.

Положение резко изменилось, когда после смерти Мстислава в 1132 г. власть киевского князя ослабла, и Всеволод

Мстиславич остался без внешней поддержки. Уже в 1134 г. новгородцы «выгониша князя» Всеволода из города. Князю удалось вернуться на новгородский стол, лишь заключив «ряд» — договор с новгородцами, определявший условия, на которых они допускали князя к управлению Новгородской землей. С этого момента началось ослабление позиций княжеской власти за счет расширения участия городской общины в управлении Новгородской землей.

28 мая 1136 г. Всеволод Мстиславич, ряд действий которого вызвал недовольство новгородцев, по приговору веча был заключен под стражу и через два месяца выслан из города. На новгородский стол был приглашен один из черниговских князей, Святослав Ольгович, но через год и он был изгнан. В дальнейшем, успешно лавируя между враждебными княжествами и союзами княжеств, новгородцы добились того, что во второй половине XII в. все древнерусские князья признали за ними право приглашать на новгородский стол князя по собственному желанию (так называемая вольность в князьях). Высшим органом власти в Новгородской земле стало собрание жителей города — вече, которое решало, какого князя пригласить на новгородский стол и на каких условиях он будет управлять Новгородской землей. Без согласия веча князь не мог принимать важных политических решений. Внешним выражением перемен в отношениях между княжеской властью и Новгородом стала установившаяся не позднее середины XII в. практика созыва веча на «Ярославовом дворище» — территории княжеской резиденции в городе, а постоянным местопребыванием князя снова стало Рюриково городище.

Ограничения власти князя в Новгороде. На протяжении XII в. князь в Новгороде утратил целый ряд прерогатив, которые в других древнерусских землях были тесно связаны с институтом княжеской власти. Первоначально основанная в конце X в. новгородская епископская кафедра была тесно связана с княжеской властью и содержалась за счет поступлений из княжеской казны. Князь был патроном кафедры. Еще в 1137 г. князь Святослав Ольгович самостоятельно наделил ее десятиной от даней с погостов по Двине и Пинеге, но с 1156 г. епископов стали выбирать на вече, а «полаты у Св. Софии» становятся местом хранения новгородской казны. Избиравшийся на вече епископ стал высшей церковной инстанцией для жителей Новгорода. Позднее вече упорно отказывалось позволить митрополиту осуществлять церковный суд во время посещения им города. Если посадник избирался новгородцами (практика таких выборов была восстановлена уже в начале 30-х гг. XII в.), то глава городского ополчения — тысяцкий назначался князем из числа своих мужей. Но с 80-х гг. XII в. и тысяцкий стал избираться на вече.

В эти же годы из рук князя в руки Новгорода перешел торговый суд и доходы от пошлин, взимавшихся при взвешивании меда и воска и измерении тканей — важнейших предметов средневековой торговли.

Почему новгородское боярство сумело добиться успеха там, где «старшая» дружина Ростова потерпела поражение? Одна из причин успеха заключалась в том, что новгородские бояре сумели добиться единства

действий с другими важными центрами Новгородской земли. Так, в вече, принявшем в 1136 г. решение об изгнании Всеволода Мстиславича, участвовали вместе с новгородцами жители двух других главных центров земли — Пскова и Ладоги. На том же вече было принято решение о посылке посадников в эти города. Когда позднее, пытаясь использовать противоречия между разными центрами Новгородской земли, Всеволод Мстиславич обосновался во Пскове, новгородцы не стали форсировать события, не желая проливать крови «своею братьею», и добились соглашения со своим пригородом.

В XII—XIII вв. Новгородская земля имела черты своеобразного федеративного устройства, основанного на соглашении между новгородским боярством и местной верхушкой двух главных центров земли. Известно, какое место занимал в таком устройстве Псков. Когда тот или иной князь садился на стол в Новгороде, он получал право по соглашению с псковичами сажать на стол во Пскове одного из членов своей семьи.

Во-вторых, имело значение то, что широкие круги населения Новгорода во вспыхнувшем конфликте поддержали не князя, а свое местное боярство. В событиях, связанных с изгнанием Всеволода Мстиславича, впервые в политической борьбе выступали «купцы» как особая группа новгородского населения. Когда Всеволод, засев во Пскове, пытался собрать войско, чтобы вернуть себе новгородский стол, его сторонники среди боярства были обложены контрибуцией и собранные средства «даша купцем крутитися на войну». Поддержка, оказанная простыми новгородцами своему боярству в борьбе с княжеской властью, не была случайной. Причины их поведения находят объяснение в особенностях общественно-политической организации Новгородской земли.

Общественно-политическая организация Новгородской земли. Несмотря на существование в земле своеобразного политического строя, когда высшим органом государственной власти было вече, а не князь, по общему типу отношений между верхами и низами общества Новгородское государство ничем не отличалось от других древнерусских княжеств. И в нем град-крепость (в данном случае — Новгород) господствовал над подчиненной ему сельской округой, и здесь проживавшая в граде социальная элита жила за счет сбора даней и кормлений за счет сельского населения. Не случайно вопросу о раздаче кормлений отведено столь значительное место в договорах, которые Новгород заключал с князьями. Наиболее ранние сохранившиеся тексты таких договоров относятся к 60-м

гт. XIII в., но лежащий в их основе формуляр сложился в гораздо более раннее время. Соглашение предусматривало, что князь должен был раздавать волости в кормление не своим дружинникам, а новгородским мужам, производить такие раздачи лишь вместе с посадником; он не должен был лишать мужа волости без вины. Кормление в подчиненных Новгороду волостях здесь ясно выступает как один из главных источников доходов для новгородских мужей, а посадник, как представитель Новгорода, должен был следить за тем, чтобы кормления доставались именно новгородцам.

Как и другие древнерусские земли, Новгородская земля была покрыта сетью погостов — мест для сбора дани, куда ездили из Новгорода данщики. В 1169 г. на Северной Двине на спорных территориях дело дошло до настоящей битвы между новгородскими и ростовскими данщиками. Победившие новгородцы «взяша всю дань, а на суждальскых смердех другую».

Кроме того, к Новгородскому государству на северо-востоке и западе примыкали территории подчиненных угро-финских племен (территории современной Эстонии, Финляндии, Приуралья), куда для сбора дани также регулярно посылалось новгородское войско. Новгородские порядки отличались от порядков в других древнерусских землях тем, что вместо княжеской дружины в качестве господствующей социальной группы выступала новгородская городская община, делившаяся частью своих доходов с городскими общинами Пскова и Ладоги. Разумеется, ведущую роль в сборе дани играли новгородские бояре, присваивавшие себе значительную часть собранных средств, но и в организации вооруженных отрядов, направлявшихся из Новгорода за сбором дани, и в распределении собранных средств принимала участие вся городская община как коллективный государь Новгородской земли. Именно поэтому вся новгородская городская община была заинтересована в переходе власти в земле из рук князя в руки верхнего слоя общины — новгородских бояр.

Хотя и в урезанном виде, институт княжеской власти в Новгороде все же сохранился. Князю и сопровождавшей его дружине выделяли определенные земли для кормления. Князь во время войны предводительствовал новгородским войском, вместе с посадником он выступал в роли верховного судьи и участвовал в раздаче волостей в кормление новгородским мужам.

Сохранение княжеской власти в Новгороде объяснялось двумя причинами. Во-первых, предлагая новгородский стол князю, связанному с одной из древнерусских земель, Новгород обеспечивал себе ее поддержку в

борьбе с другой землей, правители которой угрожали Новгороду. Такая политика давала возможность Новгороду сохранять свою самостоятельность, используя соперничество между соседними политическими центрами.

Во-вторых, внутренняя структура новгородской городской общины была достаточно сложной. Новгород делился на территориальные объединения — «концы», во главе которых стояли боярские кланы. Кланы боролись между собой за власть и влияние, вовлекая в эту борьбу связанное с ними население концов. Такими конфликтами была переполнена внутриполитическая жизнь Новгорода XII—XIII вв. В этих условиях для сохранения единства городской общины новгородцы нуждаюсь в существовании некоего арбитра, который мог бы регулировать спорные вопросы в отношениях между концами. Вместе (тем этот арбитр не должен был стать настолько сильным, чтобы встать над общиной и подчинить ее своей власти. Выход был найден в установлении практики совместного правления князя и выборного главы городской общины — посадника. Они должны совместно вершить суд и раздавать в кормление новгородским мужам земли. Посадник, как представитель новгородцев, следил за тем, чтобы князь не усилил свою власть в ущерб Новгороду, а участие князя было определенной гарантией того, что посадник не превратит государственную власть в орудие защиты интересов того боярского клана, к которому он принадлежал.

Первая половина XII в. — время, к которому относятся первые свидетельства о появлении в Новгородской земле крупного феодального землевладения. Как уже упоминалось, около ИЗО г. князь Мстислав Владимирович, сын Мономаха, передал старейшему в Новгороде Юрьеву монастырю волость Буице в Деревской пятине. Монастырской братии была передана большая часть доходов, поступавших ранее в княжескую казну (дань и половина полюдья), а также административносудебная власть над крестьянами, для которых игумен монастыря становился настоящим «государем». Тогда же, в 30-х гг., князь Всеволод Мстиславич пожаловал этому монастырю погост Ляховичи на реке Ловати в Деревской пятине. В XV в. в этих волостях насчитывались сотни крестьянских дворов. Хотя Юрьев был старейшим монастырем Новгорода, находившимся под коллективным патронатом города, пожалования ему не были исключением. В то же время новгородский Пантелеймонов монастырь получил от Новгорода село Витославицы с жившими в нем смердами. Смерды были освобождены от даней и повинностей в пользу князя и «от городцких потугов» и должны были «потянута к святому Пантелеймону в монастырь».

Однако нет оснований относить к этому же времени образование хорошо известных по более поздним источникам крупных земельных владений новгородских бояр. Среди берестяных грамот XIV—XV вв. обычными являются грамоты о земельных спорах, челобитные крестьян землевладельцам, но среди берестяных грамот XI—XII вв. текстов с таким содержанием нет.

Постепенно земельные владения у новгородских бояр стали появляться. В 1209 г., когда по решению веча было конфисковано имущество посадника Дмитра Мирошкинича и его родственников, а их имущество распределено между новгородцами, «села их распродаша и челядь». В 1230 г. новгородцы также разграбили села посадника Семена Борисовича и двух других бояр. В одной из берестяных грамот первой половины

XIII в. читаем жалобу на продажу села с «челядью», скотиной и хлебом без ведома адресата.

К концу XIII — началу XIV в. рост землевладения новгородского боярства привел к серьезным переменам и социальной структуры новгородского общества, и характера его государственных институтов.

Положение купцов и ремесленников в Новгороде. Отношения верхов и низов новгородского общества не исчерпывались их общей заинтересованностью в сборе и распределении даней с подчиненных Новгородскому государству территорий. В сборе дани простой новгородец участвовал, как член своего конца, подчиняясь руководству стоявшего во главе конца боярского клана (в 1169 г. для сбора дани на Северную Двину послали «от конца по 100 муж»). Однако у простых жителей Новгорода — торговцев и ремесленников были как у производителей, продававших свои изделия на новгородском торгу, свои особые интересы, не совпадавшие с интересами бояр. Новгород в XII—XIII вв. был уже крупным центром ремесла и торговли. На территории города археологами найдены изделия десятков ремесленных специальностей. Развитию ремесла и торговли способствовало выгодное географическое положение города на торговых путях, связывавших восток и запад Европы. Новгородские купцы везли на запад меха и воск из русских земель и Приуралья. В середине Балтийского моря на острове Готланд находился новгородский купеческий двор. Уже в первой половине XII в. в своих поездках новгородские купцы добирались до Дании. Для защиты своих интересов новгородские купцы и ремесленники использовали «сотенную организацию», созданную княжеской властью для управления городским населением и организации городского ополчения. Деление на сотни не совпадало с делением города на

концы.

Когда в 80-х гг. XII *в.* князь уступил Новгороду торговый суд и сбор пошлин при продаже ряда важнейших товаров, то во главе торгового суда встал глава сотенной организации — выборный тысяцкий. Если посадник избирался из числа новгородских бояр, то тысяцкие в XII—XIII вв. из числа бояр не выбирались. Посаднику и новгородским боярам запрещалось «вступаться» в торговый суд и «всякаа дела торговаа». Вероятно, тысяцкий был в этот период главой торгово-ремесленного населения Новгорода и отстаивал его интересы. В руки сотских был передан контроль над мерилами и весами на городском торгу. Сотские получили даже право «строить дом святой Софии» вместе с новгородским епископом. Таким образом, заинтересованное в поддержке широких кругов городского населения в деле управления Новгородским государством новгородское боярство было вынуждено согласиться на предоставление ему определенной автономии в сфере торгово-ремесленной деятельности.

По сведениям второй половины XIII в., тысяцкий Новгорода вершил торговый суд совместно с купеческими старостами. Новгородским источникам XII—XIII вв. известны два объединения новгородских купцов. Первым из них было объединение торговцев воском — одним из главных предметов экспортной торговли Новгорода, которое по названию своего патронального храма — церкви Ивана на Опоках называлось «иванским купечеством». В руках «иванских» купцов находились городские весы для взвешивания воска и доход от взимавшихся при этом пошлин. Другим было объединение «заморских купцов», патрональным храмом которых являлась церковь Параскевы Пятницы на новгородском торге. Судьба этих объединений оказалась различной. Объединение «заморских» купцов пришло в упадок, когда торговлю на Балтийском море в XIII в. захватил в свои руки Ганзейский союз немецких городов, а «иванские» купцы стали главным объединением новгородских купцов. В состав этих объединений входили весьма состоятельные люди. Так, для вступления в ряды «иванских» купцов необходимо было сделать взнос в 50 гривен и поднести тысяцкому отрез дорогого фландрского сукна. Участие в «торговом суде» вместе с тысяцким купеческих старост говорит о том, что этот суд защищал в первую очередь интересы богатого купечества.

Устойчивость Новгородского государства обеспечивали два вида соглашений — между Новгородом и другими центрами Новгородской земли и между верхами и низами новгородской городской общины. Пока они действовали, та часть населения Новгородской земли, которая принимала участие в политической жизни, выступала единым фронтом и

против попыток князя усилить свою власть, и против попыток могущественных соседних правителей подчинить себе Новгородское государство.

§ 3. КНЯЖЕСТВА ЮЖНОЙ И ЗАПАДНОЙ РУСИ

В своем историческом развитии в XII—XIII вв. РостовоСуздальская и Новгородская земли были тесно связаны с другими землями Древней Руси, с которыми их объединяли этническое родство, единство социальной организации общества и политических институтов, общая культурная традиция и историческая память. Вместе с тем княжества Южной и Западной Руси имели свои особенности, отличавшие их от восточных и северных соседей. Сохранившиеся источники позволяют составить достаточно полное представление об особенностях развития таких древнерусских земель, как Киевская, Полоцкая и, для конца XII — первой половины XIII в., Галицкая и Волынская земли.

Киевская земля. Такие, отмеченные выше, черты развития древнерусского общества, как превращение «старшей» дружины, опирающейся на поддержку населения града (политического центра земли), в самостоятельную политическую силу, противостоящую княжеской власти, нашли яркое воплощение в истории Киевской земли середины XII в. Усилению самостоятельной роли киевской «старшей» дружины — киевского боярства — способствовало то, что за главный город Древнерусского государства боролись князья, принадлежавшие к разным ветвям рода Рюриковичей, поэтому в Киеве, в отличие от других древнерусских центров, не было наследственной княжеской династии. У киевского боярства не было прочной связи с каждым очередным правителем Киева. Не было такой связи со сменявшимися правителями и у широких кругов населения Киева. Кроме того, стремясь утвердиться в Киеве, сами претенденты на киевский стол искали поддержки местного боярства и готовы были идти навстречу его пожеланиям. К середине XII в. сложилась практика, когда каждый новый киевский князь заключал с «киянами» (боярством и населением Киева) договор, определявший условия, на которых он будет управлять Киевской землей. В летописных известиях 40-х гг. XII в. неоднократно упоминается киевское вече, собиравшееся у собора Св. Софии.

Положение изменилось, когда в 1169 г. Андрей Боголюбский при

поддержке своих союзников силой занял Киев и, не считаясь с волей киевлян, посадил на киевский стол своего младшего брата Глеба, а потом передал его смоленскому князю. Установился новый порядок отношений, когда князья садились на киевский стол при поддержке своих покровителей или союзников — наиболее могущественных правителей Древней Руси, родственникам которых киевскому князю неоднократно приходилось отдавать в держание города на территории Киевской земли. Попытки местного боярства и населения Киева вмешаться в борьбу за город и поддержать угодного им претендента привели к новому штурму и разорению Киева в 1203 г. Упадку роли Киева, некогда главного центра Древней Руси, способствовало не только падение его политического значения, но и упадок торговли по пути «из варяг в греки», ведущему по Днепру в Византию. Во второй половине XII в. путь этот стал особенно опасным из-за постоянных набегов половцев. В 70— 80-х гг. XII в. южнорусские князья, собрав войско, неоднократно ходили к днепровским порогам, чтобы купцы-«гречники» смогли проехать в Киев, а в начале XIII в. начался упадок главного южного торгового партнера Руси — Византийской империи.

Полоцкая земля. По-иному развивалась Полоцкая земля. В ее историческом развитии обнаруживается ряд черт, сближающих его с развитием Новгородской земли. Столица земли Полоцк был крупным центром ремесла и торговли, также лежавшим на важном пути, связывавшем восток и запад Европы. В зависимости от Полоцкой земли находились обширные территории Прибалтики: ей уплачивали дань литовские племена, племена куршей, латгалов, ливов. На нижнем течении Западной Двины полоцкими князьями были поставлены крепости Кокнезе и Ерсике.

Развитие отношений полочан с княжеской властью во многом напоминает развитие отношений между княжеской властью и новгородцами. Хотя на полоцкий стол садились, как правило, князья, принадлежавшие к особой ветви рода Рюриковичей, — потомки Изяслава, сына Владимира и брата Ярослава Мудрого, но кто из членов этой ветви княжеского рода станет полоцким князем, уже в конце 20-х гг. XII в. стало решать полоцкое вече. В середине XII в. полоцкое вече неоднократно призывало и изгоняло князей, не останавливаясь перед арестом и заключением в тюрьму неугодного правителя. Здесь также сложилась практика заключения между полочанами и князем договора, определявшего условия, на которых князь управлял Полоцком и Полоцким княжеством. Местная традиция связывала начало полоцких «вольностей» с именем

князя БорисаРогволода, занявшего полоцкий стол в 1128 г.

Исследователям удалось выделить нормы такого «ряда»договора из состава более позднего «привилея» — жалованной грамоты Полоцкой земле, составленной после ее вхождения в Великое княжество Литовское. Нормы этого договора находят ряд аналогий в сохранившихся договорах Новгорода с князьями. Вступивший на стол князь обязывался «без исправы (расследования) полочанина не казнити ни в чем», не сажать в тюрьму тех, кто имеет поручителей, не принимать во внимание показания, данные под пыткой, вершить суд при участии представителей местного населения. Князь отказывался от прав на выморочное имущество, а при объезде княжества он не мог брать ни у городских, ни у деревенских жителей коней под свои подводы и население освобождалось от обязанности подносить при этом ему дары («ино по станом не дарити»).

Особенностью, отличавшей Полоцкую землю от Новгородской, было то, что жители Полоцка не нашли общего языка с жителями других крупных центров Полоцкой земли, таких, как Витебск, Минск, Друцк. В XII в. они стали центрами самостоятельных княжеств,' неоднократно враждовавших с Полоцким княжеством. Междоусобные войны полоцких князей привели к тому, что зависимость прибалтийских племен от Полоцкой земли заметно ослабла. Литовцы во второй половине XII в. уже не подчинялись правителям Полоцка.

Галицкая и Волынская земли. Юго-западную часть древнейшей Руси занимало Галицко-Волынское княжество. Оно состояло из двух земель — Галицкой и Волынской, объединившихся в самом конце XII в. под властью правнука Мономаха, князя Романа Мстиславича. Положение социальных верхов в этих двух землях было различным. На Волыни местное боярство сохраняло традиционный характер, черпая доходы, главным образом, за счет кормлений. Оно тесно сотрудничало со своими князьями, активно поддерживая, в частности, их внешнюю политику. Иное положение сложилось в наиболее западной части Древней Руси — Галицкой земле, непосредственно соседившей с Польшей и Венгрией, где со второй половины XII в. развернулся процесс формирования крупного феодального землевладения. Положение, которого достигли представители польской или венгерской знати, стало образцом для подражания для галицких бояр. Ради приобретения собственных земель они проявляли готовность подчиниться иноземным правителям — неоднократно принимали в первых десятилетиях XIII в. на Галицкий стол Коломана, сына венгерского короля Эндре II. В Венгрии и Польше XII—XIII вв. создание крупного феодального землевладения вызвало к жизни попытки ослабления

княжеской власти, связанной с более ранней моделью общественного устройства, причем активно участвовали в этом вместе со светскими феодалами и крупные церковные землевладельцы-епископы. В Галицкой земле вместе с боярами против княжеской власти также выступали епископы Галицкий и Перемышльский.

В первой четверти XIII в., пользуясь смутами после смерти Романа Мстиславича, многие галицкие бояре сумели превратиться в землевладельцев. На страницах летописи неоднократно упоминаются расположенные в их владениях укрепленные грады, которые брало штурмом княжеское войско. С правителями, вызвавшими их недовольство, бояре сурово расправлялись: так, они повесили сыновей Игоря Святославича (главного героя «Слова о полку Игореве»), которых было пригласили править Галицко-Волынской землей после смерти Романа Мстиславича. О силе галицкого боярства красноречиво говорит и тот факт, что в 1213 г. боярин Владислав Кормиличич сел на Галицком столе — факт для истории Древней Руси беспрецедентный.

Когда в 1199 г. Роман Мстиславич занял галицкий стол, его попытки укрепить княжескую власть столкнулись с упорным сопротивлением со стороны галицких бояр. Сведения о жестоких казнях и конфискации владений бояр сохранились в хронике современника Романа, польского хрониста Винцента Кадлубека. «Не подавив пчел, не попробуешь меду», — говорил князь. После гибели Романа в сражении с поляками в 1205 г. его малолетние сыновья Даниил и Василько утратили почти все владения отца. Только к концу 20-х гг. XIII в. Даниил, опираясь на поддержку бояр отца, сумел объединить под своей властью Волынь, что было началом его длительной борьбы с галицким боярством, которое, чтобы противостоять Даниилу, приглашало на галицкий стол самых разных князей. Став землевладельцами, галицкие бояре ослабили или утратили свои связи с населением городов Галицкой земли, которые, будучи недовольными постоянными смутами, стали поддерживать Даниила. Пешие ополчения горожан стали важной опорой княжеской власти в борьбе за Галицкую землю. Горожане не только поддерживали Даниила, но и призывали его к расправе с боярами. Летопись цитирует слова галицкого сотского Микулы, повторявшего слова князя Романа — «не погнетши пчел, меду не едать». Переломным моментом в борьбе за Галич стали события 1238 г., когда «мужи градстии» заставили представителей местного боярства и епископа Артемия открыть Даниилу ворота Галича. Возникшее таким образом объединение Галицкой и Волынской земель оказалось на этот раз устчйчивым и продолжало сохраняться даже после татаро монгольского

нашествия.

Глава 5. ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

§ 1. ДРЕВНЕРУССКОЕ ОБЩЕСТВО XI—XII вв.

Вопрос о характере общественного строя Древней Руси в XI—XII вв. в течение долгого времени обсуждался учеными, выдвигавшими существенно различные точки зрения. Если, согласно одной, в Древней Руси уже к IX в. сложился класс феодалов-землевладельцев, то в соответствии с другой точкой зрения у восточных славян вплоть до XIII в. отсутствовало деление общества на классы и отделенная от общества государственная власть. Споры эти во многом были связаны с тем, что круг источников, содержащих сведения об общественном строе Древней Руси, очень ограничен и их свидетельства в ряде случаев можно толковать по-разному.

Положение помогли изменить исследования общественного строя западных соседей Древней Руси, находившихся в X—XII вв. на сходной стадии общественного развития. Более многочисленные (прежде всего документальные) источники позволили исследователям определить главные черты социальной организации общества и характер социально-политических институтов этого времени. Эти исследования дали возможность в свою очередь выявить в древнерусских источниках XIV—XV вв. следы существования и у них в более ранний период аналогичных отношений и институтов. [Тем самым была создана основа для более обоснованной, научно доказательной реконструкции общественного строя домонгольской Руси.

Административная структура и органы власти. Если в X в. большую часть лесной и лесостепной зоны Восточной Европы занимали подчиненные Киеву племенные территории, то в X—XII вв. им на смену пришли частично совпадавшие по своим очертаниям со старыми образованиями, частично образованные заново большие административные округа — «земли», называвшиеся по имени «градов» — их главных центров (Ростовская земля, Новгородская земля и др.). В известиях летописей XI—XII вв. живущие на таких территориях люди все чаще

обозначались не по их принадлежности к племенному союзу, а по тому, с каким центром они были связаны (ростовцы, новгородцы и др.). И действительно, не принадлежность к племени, а подчинение определенному центру оказывало теперь воздействие на их жизнь.

Земли делились на более мелкие административные единицы, названия которых нам неизвестны, но их характер вырисовывается в источниках вполне определенно. В центре такого небольшого округа находилась крепость — град (чаще всего из деревянных срубов — «городен», наполненных камнями и землей). В нем находился посадник, представлявший здесь власть киевского князя (посаженный князем в этом граде). Посадник принадлежал к числу «старших» дружинников князя. Посадник должен был следить за состоянием укреплений града — опорного пункта княжеской власти, привлекать в случае необходимости население на работы по их ремонту, организовывать его оборону в случае нападения неприятеля. Вместе с посадником в граде находились княжеские дружинники — «отроки», опираясь на которых посадник управлял сельским населением округи.

В граде посадник, сосредоточивавший в своих руках и военно-административную и судебную власть, вершил суд. Суд посадника охватывал достаточно широкий круг дел — не только уголовные преступления (убийства, членовредительства, кражи), но и ряд других дел (например, дела о наследстве, выплате долгов и др.). Суд был источником немалых доходов для княжеской казны: штраф, поступавший в пользу князя (вира, взимавшаяся за убийство, и продажа — за другие преступления), был значительно выше, чем возмещение потерпевшему. Часть судебных штрафов шла в пользу посадника и тех дружинников, которые помогали ему в проведении суда. Население должно было также снабжать кормом посадника и отрока, когда они объезжали округ для сбора судебных штрафов.

Посадники и отроки стремились разными способами увеличить этот источник своих доходов. Не случайно в предисловии к Начальному своду — летописному тексту, созданной в 90-х гг. XI в. в Киево-Печерском монастыре, княжие мужи обвинялись в том, что они собирают с людей «творимые» виры и продажи, т.е. искусственно возбуждают судебные дела ради получения штрафов. Злоупотребления судебной властью вызывали резкое недовольство населения, которое в отдельные моменты, когда по каким-то причинам отсутствовала верховная власть, могло прорываться с большой силой. Так, в Ростовской земле после смерти князя Андрея Боголюбского в 1174 г. «посадников и тивунов домы ограбиша, а самех

избища, и детьские его, и мечникы, и домы их пограбиша, не ведущее глаголемого, идеже закон, ту и обид много». Последние слова летописного сообщения ясно указывают на причину волнений.

Судебная деятельность посадника прекращалась, когда в соответствующий град во время объезда страны прибывал глава государства — князь и сам вершил здесь суд. Такой объезд назывался по-старому «полюдьем». По свидетельствам летописей, древнерусские князья ездили в полюдье еще и в конце XII в. Но полюдье носило теперь совершенно иной характер, чем в X в. Конечно, дружинники, сопровождавшие князя, продолжали кормиться за счет населения, но главное содержание полюдья состояло теперь в том, что князь как верховный представитель власти вершил суд по делам, требовавшим его участия, принимал жалобы на действия своих подчиненных, решал различные вопросы управления.

Налоги и пошлины. Важнейшей обязанностью посадников и отроков было обеспечить сбор дани с населения. Сохранилось очень мало данных о системе налогообложения и размерах собиравшихся налогов. Средства, которые получались из этого источника, уже в начале XI в. были немалыми. В начале X в. Ярослав Мудрый, как наместник своего отца в Новгороде, собирал здесь с Новгородской земли 3 тыс. гривен (1 гривна — кусок серебра весом в 50 г), но в эту общую сумму могли входить и отчисления от судебных штрафов.

Более конкретные данные содержит грамота 1136 г., написанная в связи с основанием епископской кафедры в Смоленске. По грамоте епископу передавалась десятая часть «всех даней смоленских». В грамоте перечислялось 28 округов с указанием размера десятины в пользу епископа. Размеры дани с отдельных округов колебались от 400 до 10 гривен, что говорит об отсутствии в Смоленской земле единообразной административной структуры, она, очевидно, складывалась стихийно под воздействием разных факторов. Общий размер дани со Смоленской земли, согласно этому документу, составлял 2250 гривен. Данью поступления в княжескую казну не ограничивались. Наряду с ней при объезде князем территории продолжало взиматься полюдье. Еще одним важным источником доходов были торговые пошлины («гостиная дань», «перевоз», «торговое», платежи «с корчмы» и др.). Сборщики таких пошлин — мытник и осмник упоминаются в источниках XII в.

В результате в руках князей скапливались весьма значительные средства. Так, в начале XII в. князь Глеб Всеславич Минский дал вкладом в Киево-Печерский монастырь 1100 гривен, во второй половине XII в.

галицкий князь выплатил нанятым на военную службу польским отрядам 3000 гривен серебра.

Если дань исчислялась в гривнах — определенном количестве серебра, то это не означает, что она и уплачивалась серебром. В условиях раннего Средневековья с характерным для этого времени господством натурального хозяйства сбор с сельских жителей дани серебром был на практике малореальным, тем более что серебра на Руси не добывали. Известно, когда в середине XII в. один из князей действительно потребовал дани серебром, то ее собирали, «емлючи серебро изо ушью и с шии». Реально поэтому большую часть дани составляли игравшие роль эквивалента денег шкурки пушных зверей, различные ремесленные изделия и продукты. На населении лежала обязанность доставлять все это на «княж двор». Эта повинность называлась «повозом». Такие дворы находились во многих местах, где постоянно стояли отряды дружинников и которые посещал князь во время объезда страны. На их территории размещались кладовые, амбары, хранилища вина и бортного меда, конюшни, бани, погреба и даже тюрьмы. Дворы эти были подчас весьма большими, как «великий Ярославль двор» в Киеве, на территории которого был в середине XII в. устроен рыцарский турнир (гостившие у князя Изяслава венгры организовали конный турнир: «на фарех и на скокох играхуть на Ярославли дворе многое множество»). В них находилось такое количество серебра, мехов и всяких изделий, что, по выражению летописца, «иже бе не мочно двигнути».

Система обеспечения дружины. Как использовались княжеской властью эти доходы? Часть из них использовалась для оплаты мастеров, руководивших работами по строительству крепостных сооружений, укладке деревянных мостовых, строительству мостов (сами эти работы были повинностью, лежавшей на населении), часть шла на оплату строительства церковных зданий (так, Ярослав Мудрый нанимал рабочих для строительства церкви Св. Георгия в Киеве). Расходов (и немалых) требовала отправка посольств в соседние страны. Главная часть доходов шла на содержание княжеской дружины — административного аппарата и главной военной силы Древнерусского государства. Немалые силы и средства расходовались на то, чтобы обеспечить боеготовность и высокий жизненный стандарт для дружинников.

К XII в. дружина уже давно перестала быть небольшим коллективом воинов, постоянно окружавших князя и питавшихся с ним у одного очага — огнища. Дружина XI—XII вв. представляла собой достаточно сложный организм. Она делилась на «старшую» и «младшую» дружину. Члены

«старшей» дружины — «бояре» — были ближайшими приближенными и советниками князя, с ними в первую очередь князь «думал» о всех делах, решал наиболее важные вопросы. Бояр князь назначал и посадниками в градах, они ведали отдельными отраслями княжеского хозяйства. «Младшая» дружина состояла из рядовых воинов — «отроков» (или «детских»), которые, как уже отмечалось выше, были военной опорой власти посадников и помогали им в несении административных обязанностей.

Лишь небольшая часть дружинников находилась постоянно рядом с князем, большая же их часть располагалась отдельными отрядами в укрепленных градах по всей территории Древнерусского государства. В работах исследователей раннего Средневековья западнославянских государств такая дружина получила наименование «большой дружины» — это было уже большое войско, состоявшее из тысяч воинов. На территории градов у дружинников были свои дворы и семьи. Однако все эти перемены не сказались на характере отношений дружины и князя. Как и раньше, дружинники получали от князя коней, оружие и все, что нужно для жизни.

Обеспечить целому войску высокий жизненный стандарт, сделать так, чтобы оно ни в чем не нуждалось и было постоянно готово к исполнению своих обязанностей, было для зарождающейся государственной власти сложной и трудной задачей. Продукты, собранные с сельского населения, использовались на пирах, которые посадники устраивали для дружинников в градах. Многое, как и ранее, добывалось благодаря «далекой» торговле, прежде всего с Византией. Но не все растущие потребности дружинников можно было удовлетворить таким способом.

Эту задачу государственная власть попыталась решить, создав совокупность институтов, получивших в научной литературе название «служебной организации». Характер этих институтов реконструируется при сопоставлении более поздних свидетельств русских источников с более ранними свидетельствами польских и чешских источников. Из подчиненного власти населения были выделены особые группы людей (как свободных, так и несвободных), наследственно прикрепленные к выполнению тех или иных «служб» для удовлетворения потребностей дружинников, за это им предоставлялись земельные наделы, свободные от уплаты дани.

Часть этого служилого населения занималась ловлей пушного зверя — важного предмета международной торговли (теперь только служилые люди могли этим заниматься) и охотой в охотничьих угодьях, где также не могли охотиться простые люди. Добытое на охоте поставлялось к столу

дружинников. Особая группа людей занималась выпасом конских табунов, в которых выращивали для дружинников боевых коней. Значительная часть служилого населения располагалась в непосредственной округе градов. Это были люди, занятые приготовлением пищи и обслуживанием дружинников, а также мастера, изготовлявшие разнообразные нужные дружинникам изделия (от одежды, оружия и конской упряжи до разнообразных предметов, необходимых в быту).

Поскольку дружина была одновременно и аппаратом управления и главной военной силой государства, то организацию, созданную для обслуживания ее разнообразных потребностей, можно рассматривать как своеобразную форму «государственного» хозяйства, необходимую в условиях, когда в обществе господствовало натуральное хозяйство и отсутствовала сколько-нибудь развитая хозяйственная специализация.

Концентрация в предместьях градов ремесленного населения, обслуживавшего потребности дружины, имела важное объективное значение для последующего развития древнерусского общества. «Град»-крепость, местопребывание дружины, стал постепенно превращаться в «город»-поселение, в котором основным занятием значительной части жителей стали ремесло и торговля. Здесь же стали селиться торговцы, рассчитывавшие, что дружинники купят привезенные ими товары. В ряде статей «Пространной Правды» — нового кодекса законов, который в первой четверти XII в. сменил «Правду» Ярослава, уже фигурирует и «торг», как место заключения сделок, и купец — «гость», который отправляется в самостоятельные поездки ради получения прибыли.

Дружина — господствующая элита общества. Все сказанное позволяет сделать определенные выводы и о характере общественного строя Древней Руси в XI—XII вв. Господствующим классом древнерусского общества была дружина, в своем развитии уничтожавшая или включавшая в свой состав верхушку местного населения. Она осуществляла управление этим обществом, которое было объектом коллективной эксплуатации с ее стороны. О силе ее власти над обществом наиболее показательно говорит тот факт, что определенные виды деятельности (например, ловля дорогих пушных зверей) дружина смогла сделать монополией назначенных ею лиц, в то время как простым людям такие занятия были запрещены. Такое состояние общества, когда основная масса населения — члены деревенских соседских общин — являлась объектом коллективнои эксплуатации со стороны княжеской власти, опиравшейся на дружину, есть основания оценивать как особый, характерный для эпохи раннего Средневековья вариант «государственного

феодализма».

Особенность положения дружинников заключалась в том, что, резко отличаясь от окружающего населения и своим положением в обществе, и всем своим образом жизни, в правовом отношении они не были четко от него отделены. «Правда Ярослава» устанавливала за убийство рядового дружинника такой же штраф — в 40 гривен, как за убийство обыкновенного свободного человека. Лишь жизнь «старших» дружинников ограждалась двойным штрафом. Однако за дружинника виру платил князь, а обыкновенный свободный должен был выплачивать ее сам, что на практике могло приводить к его полному разорению, если бы не поддержка членов общины.

Князь и дружина. Как уже отмечалось, все добывавшиеся в обществе доходы стекались в руки князя, который был физическим воплощением государства, и он играл решающую роль в их распределении между дружинниками, которые не имели каких-либо других источников доходов. Это, однако, не означало, что князь был по отношению к дружине ее полновластным господином и мог распоряжаться ею по своему усмотрению. Если дружина зависела от князя, то и князь зависел от дружины — без дружины управлять обществом он не мог. Как и в более раннюю эпоху, князя и дружину связывал своего рода неписаный контракт: дружинник должен был верно служить князю мечом и советом, в случае необходимости жертвуя даже своей жизнью, а князь — советоваться с дружиной, принимая важные решения, не жалеть средств на содержание своих воинов и щедро награждать их за заслуги, давая им богатые подарки и поручая им управление градами.

Описывая деяния Владимира как своего рода идеального правителя, который должен служить образцом для своих преемников, древнерусский летописец подчеркивал, что Владимир любил дружину, «думал» вместе с ней «и о ратех и о уставе землянем», т. е. обсуждал с ней все важные вопросы внутренней и внешней политики и стремился удовлетворить все пожелания своих воинов. Так, однажды дружинники не захотели есть деревянными ложками, а потребовали серебряные, и Владимир поспешил удовлетворить их пожелание.

Духовенство XI—XII вв. Духовенство занимало в древнерусском обществе особо видное, почетное место как слой людей, обладающих особой связью с высшим, сверхъестественным миром, благодаря которой может быть обеспечено спасение и вечная жизнь всех остальных членов общества. В соответствии с предписаниями церковных канонов духовенство должно было подчиняться суду и руководству только

церковных иерархов. Церкви принадлежала важная функция воспитания всего общества, включая и носителей высшей власти, в духе предписаний новой для этого общества христианской религии. Церкви принадлежал и суд по делам, связанным с нарушением этих предписаний.

Вместе с тем это идеальное положение, которым церковь формально обладала и которое делало ее одной из главных сил общества, не вполне соответствовало реальному положению церкви в древнерусском обществе. Большое значение имели особенности материального обеспечения церкви в первые столетия после крещения. Их определили главные черты социальной организации древнерусского общества.

Материальное обеспечение духовенства в эти годы было принципиально таким же, как обеспечение дружины: в пользу церкви поступала десятина от княжеских доходов. Так, Ярослав Мудрый, основав в Вышгороде под Киевом храм в честь первых русских святых Бориса и Глеба, приказал местному посаднику выделить этому храму «от дани... десятую часть». В грамоте новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г. упоминался «устав, бывшии преже нас в Руси от прадед и от дед наших — имати пискупом десятину от дани, от вир и от продаж, что входит в княж двор всего». Еще и в XII в. эта десятина оставалась главным источником материального обеспечения церкви. В 1136 г. при основании епископии в Смоленске новая кафедра получила вместе с десятиной от смоленских даней лишь два села, несколько озер и сенокосных угодий.

Верхушка русского духовенства в XI в. в значительной мере состояла из приезжих греков, хорошо знакомых с порядками в Византийской империи, где церковь давно имела крупные земельные владения с большим количеством подданных. Однако греческие иерархи не смогли добиться того же в условиях существовавшего в Древней Руси общественного строя.

Это делало церковь зависимой от наделявшей ее доходами государственной власти. Кроме того, церковь, в особенности в XI— начале XII в., сильно нуждалась в поддержке государственной власти в борьбе с язычниками, которых в то время было достаточно много, особенно на севере Руси.

Зависимость эта находила свое выражение в том, что настоятелями монастырей или приходских храмов, наделенных князем соответствующими доходами, становились прежде всего люди, угодные князю. Епископские кафедры также часто занимали либо духовные отцы князей, либо настоятели близких к княжескому двору монастырей. Попытки митрополита распоряжаться епископскими кафедрами не имели успеха. Когда в 1185 г. митрополит Никифор II попытался поставить на

ростовскую кафедру своего кандидата вопреки воле князя Всеволода Юрьевича, то «неволею великого Всеволода» (выражение летописи) он был вынужден поставить кандидата, предложенного князем.

Особенности положения церкви наложили отпечаток и на характер участия церковных иерархов в общественной жизни. Митрополитами, стоявшими во главе древнерусской церкви, были, как правило, греки, присылавшиеся из Константинополя. Некоторые из них были высокообразованными людьми, авторами богословских полемических сочинений, как, например, митрополит Ефрем, сидевший на кафедре в 50-е гг. XI в. Сохранился ряд посланий и наставлений митрополитов второй половины XI — начала XII в.: Георгия, Иоанна II, Никифора I, свидетельствующих об их усилиях внедрить в древнерусском обществе новые для него нормы христианской религии. И с этими выступлениями митрополитов приходилось серьезно считаться, хотя русские князья и не во всем следовали их указаниям: так, призывы митрополитов не заключать браки с семьями «латинских» правителей остались не услышанными.

Вместе с тем ни митрополит, ни епископы не пытались оказать воздействие на ход политических конфликтов, разрывавших древнерусское общество во второй половине XI— XI в. Хотя они участвовали в урегулировании ряда политических конфликтов, но делали это по инициативе князей той или другой стороны. Иной характер носило участие в общественной жизни настоятелей ряда монастырей, более тесно связанных с русским обществом и остро реагировавших на междоусобные войны и бедствия, которые они приносили. В особенности это относится к Печерскому монастырю, основанному в середине XI в. в пещерах около Киева по инициативе подвижника Антония, вернувшегося с Афона и хотевшего, чтобы монастырь не уступал знаменитым центрам византийского монашества. Монастырь не располагал «златом» и «сребром», жизнь первых монахов в нем была бедственной, но в него принимали, не требуя от поступающих вклада. В повести «Чего ради прозвася Печерьскый монастырь» ее автор, говоря о своем монастыре, писал: «Мнози бо монастыри от цесарь и от бояр и от богатьства поставлени, но не суть таци, каци суть поставлены слезами, пощеньем, молитвою, бдением». Благодаря Антонию, его преемнику на игуменстве Феодосию и их ученикам Киево-Печерский монастырь во второй половине XI — начале XII в. стал центром, оказывавшим важное духовное влияние на общественное сознание своих современников. (Более подробно об этом будет рассказано в главе, посвященной общественной мысли и культуре Киевской Руси.) Печерские старцы стремились к утверждению в жизни

общества норм христианской морали, обличали несправедливость общественных порядков, боролись за прекращение княжеских усобиц.

Но не только печерские старцы обладали в то время большим общественным авторитетом. Так, известно, что в 1128 г. игумен монастыря Св. Андрея Григорий, пользовавшийся большим авторитетом в Киеве, созвав «собор иерейский», сумел предотвратить войну между сыном Владимира Мономаха Мстиславом и черниговским князем Всеволодом Ольговичем.

При рассмотрении положения общественных низов в их составе выделяются три неравные по численности и положению в обществе группы: торгово-ремесленное население города, «холопы»-рабы и крестьяне — члены объединений «соседей» — сельских общин.

Население города. В положении населения города и сельских жителей было много общего. Население города образовывало большую самоуправляющуюся общину, во внутреннюю жизнь которой княжеская администрация не вмешивалась. Жители города, как и деревни, подчинялись суду посадников и должны были уплачивать дань в княжескую казну. Но их положение в обществе в некоторых отношениях существенно отличалось от положения сельских жителей. Городские ополчения составляли важную часть вооруженных сил государства, и в сложных напряженных ситуациях правитель-князь искал их поддержки.

Население города отнюдь не было покорной массой, готовой подчиняться любым решениям власти. Доказательством этого являются события, происходившие в Киеве в 1068 г. Население столицы было недовольно князем Изяславом Ярославичем, проигравшим сражение с половцами. Собравшееся на торгу вече киевлян требовало от князя оружия и коней, чтобы возобновить борьбу. Когда Изяслав отказал, киевляне освободили сидевшего в Киеве в тюрьме полоцкого князя Всеслава и посадили его на киевский стол, Изяслав бежал. Когда через несколько месяцев он вернулся с польским войском, а Всеслав бежал, бросив киевлян на произвол судьбы, горожане, собравшись на вече, заявили, что готовы принять Изяслава, если он отошлет польское войско, в противном случае они подожгут город и уйдут в «греческую землю». Князь был вынужден согласиться с этим требованием.

Чтобы подчинить горожан своему контролю и руководству, княжеская власть стремилась использовать деление городского населения на сотни. Сотни были ячейками их социальной организации, и одновременно из них формировались отряды, на которые делилось городское ополчение. Во главе сотен стояли сотские, а во главе всего объединения городских сотен

— тысяцкий. В походе тысяцкий командовал городским ополчением. В конце 80-х гг. XI в. тысяцким Киева был киевский боярин Ян Вышатич, потом его сменил его брат Путята. Сотскими князь тоже стремился назначить своих людей. В рассказе о пирах Владимира Святославича сотские упоминаются как их участники вместе с княжеской дружиной.

Между сотскими и тысяцкими, назначенными князем, и простыми горожанами отношения не всегда складывались мирно. Когда в 1113 г. умер киевский князь Святополк Изяславич и в Киеве временно не стало правителя, киевляне напали на тысяцкого Путяту и сотских и разграбили их дворы. Волнения прекратились, лишь когда «лучшие мужи» поспешно призвали на киевский стол прославленного своими победами над половцами Владимира Мономаха.

Все это показывает, что управление городскими общинами было для княжеской власти серьезной проблемой и требовало от нее немалых сил и умения.

Рабство (холопство) в древнерусском обществе. Рабство, существовавшее в смягченной форме еще у восточных славян в эпоху Великого переселения народов, стало получать все более широкое распространение, когда начались частые войны между племенами, сопровождавшиеся обращением в рабство иноплеменников. Первоначально рабы (древнерусские «холопы») были прежде всего предметом торговли, за них можно было получить различные материальные блага. Но постепенно владельцы рабов стали использовать их труд в своем хозяйстве. В XI—XII вв. появились и новые источники рабства, связанные с углублением социального неравенства. В рабство (холопство) стали продавать себя сами люди, не имевшие средств к существованию, в него стали обращать должников, неспособных выплатить долги, и преступников.! Особенно много таких холопов было в княжеском — «государственном» — хозяйстве, прежде всего из их числа частично пополнялись, о чем уже говорилось выше, ряды служилого населения. Другая часть пахала землю под присмотром «сельских» и «ратайных» старост. Были свои холопы и у дружинников, в особенности у членов «старшей» дружины. Такие люди были слугами, сопровождавшими господина и выполнявшими его поручения, или были заняты трудом в его домашнем хозяйстве.

Холоп был полной собственностью господина (за его похищение уплачивался такой же штраф, как за украденное имущество), и господин нес ответственность за совершенные им проступки, если не хотел холопа выдать. Несмотря на единство правового статуса, реальное положение холопов было неодинановым. Несвободные княжеские слуги,

пользовавшиеся доверием князя, могли получить от него важные должности в княжеском хозяйстве и пользовались немалой властью и влиянием. Их положение резко отличалось от положения обычных холопов, занятых подневольным трудом в хозяйстве господина. По мере того как «старшие» дружинники стали создавать собственное хозяйство с зависимыми людьми, у них стали также появляться привилегированные холопы, управлявшие их хозяйством.

В «Пространной Правде» отмечено появление еще одного типа холопов — холопа, которого господин посылал на «торг» продавать принадлежавший ему товар.

Среди населения, подчиненного власти социальных верхов, холопы составляли сравнительно немногочисленную прослойку, подавляющее его большинство — это лично свободные люди — члены общин.

Сельская община раннего Средневековья. Немногочисленные свидетельства письменных источников в сочетании с данными археологии и ретроспективным анализом более позднего материала позволяют реконструировать характерные черты общины раннего Средневековья, отличавшие ее от более поздней классической формы русской общины.

На территории, являвшейся объектом хозяйственной деятельности общинников, лишь небольшая часть была хозяйственно освоена и распахана; поселения располагались в наиболее удобных для земледелия местах, чаще всего — на террасных площадях речных долин. В этих условиях в жизни общинника охота, собирательство и промыслы играли гораздо большую роль, чем в более поздние времена. Крупные поселения были редкостью. По территории общины были разбросаны мелкие поселения из нескольких дворов. Более крупным поселением среди них был погост, где стояла приходская церковь. На погосте члены общины собирались для решения общих дел.

Община состояла из малых семей, каждая из которых самостоятельно вела хозяйство, обрабатывая земельный надел, примыкавший к ее поселению. Взрослые сыновья могли отделяться от отца, заводя самостоятельное хозяйство — «а двор ... отень всяк меншему сынови» говорилось в «Пространной Правде».

При большом количестве свободной земли сделать это было нетрудно. Хотя в «Пространной Правде» говорится о «малой» семье как нормальном, типическом явлении, это не означает, что это была единственная форма семейной организации. Судя по данным источников более позднего времени, достаточно широко распространена и такая семья, где неразделенные братья вели совместное хозяйство. Сохранение таких семей

было связано с тем, что им было легче противостоять суровым климатическим условиям. В эпоху раннего Средневековья крестьянин, когда его надел переставал давать урожаи, расчищал из-под леса новый участок с помощью соседей-общинников, что давало возможность на время поднять низкий уровень урожайности. С помощью общины осваивалась и степная целина. Однако то, что крестьяне обрабатывали свои окультуренные наделы самостоятельно, вовсе не исключало существования между ними и иных разнообразных прочных соседских связей. Всех членов общины объединяло совместное владение обширной не поделенной территорией, на которой лишь они могли пасти скот, охотиться на зверя, ловить рыбу, выделять в случае необходимости новые земельные наделы. Каждая община хорошо знала свои границы и упорно защищала их от посягательств соседей. В неблагоприятных природных условиях, которые существовали в Восточной Европе, взаимопомощь соседей была необходимым условием для сохранения отдельного крестьянского хозяйства. В отношениях с государственной властью одним из проявлений взаимопомощи было участие членов общины в выплате штрафов за преступление, совершенное одним из них. Совместно выплачивалась и «дикая вира», когда преступление было совершено на территории общины, а преступник не был найден.

В своих интересах государственная власть использовала роль общины, как общественной ячейки низшего уровня, возлагая на нее коллективную ответственность за розыск и поимку преступников. Человек, по каким-то причинам оказавшийся за пределами своей общины, утративший поддержку товарищей, становился одиноким и беспомощным «изгоем» (изгнанником из общины). Такие люди одними из первых попадали в зависимость от княжеских дружинников.

Община раннего Средневековья существенно отличалась от объединения соседей более ранней эпохи тем, что она была подчинена власти государства в лице посадника близлежащего града и сопровождавшего его отряда дружинников. Как видно из сказанного выше, вмешательство власти в жизнь общины осуществлялось в трех разных формах. Во-первых, с членов общины требовали различные поборы и повинности в пользу государства. Во-вторых, в случае совершения достаточно серьезных проступков членов общины вызывали в находившийся на «граде» княжеский суд, где налагали на них значительные по размерам штрафы. В-третьих, из числа членов общины забирали людей, отличавшихся особыми познаниями в каком-либо деле, чтобы определить их в нужные государственной власти службы. Во внутренний распорядок

жизни общины государственная власть не вмешивалась. Многие дела общинники постарому решали между собой, не обращаясь в княжеский суд.

Об условиях жизни сельского населения известно преимущественно по материальным остаткам, найденным археологами, их жизнь не привлекала к себе внимания летописцев.

Главным видом хозяйства у восточных славян к XI—X вв. уже давно было земледелие. Неурожай зерновых становился причиной голода. Тягловой силой для обработки земли служила лошадь. Деревянные пахотные орудия были уже снабжены металлическими частями — железными наральниками и сошниками. Урожай собирали с помощью серпов, близких по форме к современным. Собранный урожай на юге хранился в зерновых ямах, на севере — в специально созданных для его хранения постройках или в скирдах на гумне. Для изготовления из зерна муки использовались жернова, а хлеб выпекался в печах на глиняных сковородках. Возделывался достаточно широкий ассортимент зерновых и бобовых культур. На протяжении раннего Средневековья характерная для эпохи раннего земледелия роль проса заметно уменьшилась. Главной зерновой культурой стала рожь. Количество семян ржи, найденных в раскопках на поселениях XIII в., равно общему количеству семян других зерновых культур: пшеницы, проса и ячменя.

В период раннего Средневековья восточным славянам были хорошо известны и главные огородные культуры: репа, капуста, морковь, лук, чеснок. Для обработки огородных участков использовались деревянные лопаты, лезвия которых часто оковывались железом, деревянные вилы и грабли. Вилы и коса с железным полотном использовались при заготовке сена для скота.

Среди найденных археологами на поселениях костных останков домашних животных свыше 50% принадлежало крупному рогатому скоту. Он использовался главным образом для получения молока и молочных продуктов. Мясо коровы или быка редко присутствовало в рационе питания крестьянина, что резко отличало его от пищи дружинника. На мясо разводили свиней. Их кости занимают второе место среди костных останков, найденных археологами.

Найденные остатки костей, наконечники стрел, железные рыболовные крючки говорят о том, что в эпоху раннего Средневековья охота и рыбная ловля занимали в хозяйстве крестьянина достаточно заметное место.

Обнаруженные при раскопках остатки ткацких станов и пряслиц говорят о распространении ткачества. Жены крестьян сами изготавливали

одежду для своей семьи. Они использовали льняные и шерстяные ткани, которые уже умели окрашивать в разные цвета, а для более теплой одежды — шкуры овец и диких животных.

На обширной территории Восточной Европы существовали первоначально два разных типа жилища. На юге был распространен тип, условно называемый «полуземлянкой», с полом, пониженным по отношению к поверхности земли, а также характерные первоначально для новгородско-псковского региона наземные жилища с полом на уровне земли или несколько поднятым над ним. В деревянных полуземлянках пол был земляным, иногда подмазанным глиной. В домах имелись печи двух типов — каменные и глиняные. Своды печей обычно не имели отверстий, и дым выходил из печи через топку. Крыша этих жилищ промазывалась глиной. В наземных домах пол был деревянным. Постепенно на большей части восточнославянской территории наземные дома вытеснили полуземлянки. Печь в этих домах ставили обычно рядом со входом. В темное время дом освещала лучина. Скот зимой размещался в хлевах, построенных рядом, а порой и в самом доме, который для этого разгораживался перегородкой, отделявшей помещение для семьи от помещения для скота. При недостатке корма зимой приходилось забивать молодых животных. Зимой же забивали свиней, коптили их мясо и заготавливали мясные изделия. «Колбаса» упоминается уже в берестяной грамоте XII в.

Фискальный гнет и разорение общинников. «Закупы». Дани, поборы и разорительные штрафы, вызывавшие особенно резкое недовольство населения, способствовали усилению трудностей, с которыми сталкивалось крестьянское хозяйство в своей борьбе за существование с суровыми природными условиями. Именно с воздействием этого фактора, а не с процессами разложения общины, следует связывать появление в источниках второй половины XI—XII в. свидетельств, указывающих на разорение части общинников. Некоторые из них, утратив всякие средства к существованию, чтобы спастись от голодной смерти, сами продавались в рабство. Другие, сохранив личную свободу, утрачивали свою самостоятельность и вынуждены были работать на чужой земле и в чужом хозяйстве. Одной из таких групп были «смерды». Сведения о них в древнерусских источниках скудны и противоречивы, поэтому вопрос о том, кто такие смерды, был предметом долгих споров между исследователями, не законченных до сих пор. Наиболее серьезно обоснованной представляется точка зрения, согласно которой смерды — это лично свободные крестьяне, посаженные на княжеской земле и занятые трудом в

княжеском хозяйстве. Как часть княжеских людей, смерды находились под защитой князя, а в случае смерти смерда, не имевшего сыновей, его движимое имущество — «статки» — отходило князю. По мере усиления зависимости крестьянских общин от государственной власти в текстах, отражавших взгляды социальных верхов, смердами все чаще стали называть всех жителей деревни.

Другую группу таких разорившихся людей составляли так называемые закупы, ряд сведений о которых сохранился в «Пространной Правде». «Закупом» был обедневший, утративший средства производства крестьянин, который, чтобы обеспечить существование своей семьи, был вынужден брать у более состоятельного человека в долг коня, плуг, борону и «копу» (в ряде случаев стоит вариант «купу»). Под «копой», скорее всего, понимается большое количество (60) необмолоченных снопов для посева. Таким образом, закуп работал в хозяйстве кредитора, на его земле, с его скотом и орудиями и по его сказаниям. Такой человек находился уже в определенной зависимости от господина, отрабатывая свой долг. Закуп сохранял еще ряд черт прежней свободы: закон запрещал господину посягать на его имущество, требовать возврата ссуды в повышенном размере, но при этом господин мог бить закупа «про дело», а за самовольный уход ему грозило превращение в раба.

Появление у княжих «мужей»-дружинников зависимых людей, поселенных на их земле и работавших на них, означало новый важный шаг в развитии древнерусского общества. Противостоящие друг другу социальные типы раннего Средневековья — княжеский дружинник и свободный общинник — входили в систему отношений, которую исследователи склонны определять, как «государственный феодализм», когда господствующий слой живет за счет распределения и потребления государственных доходов. Им на смену стали постепенно приходить типы, характерные уже для развитого феодального общества: господин-феодал и сидящий на его земле зависимый крестьянин. На вторую половину XI—XII в. приходится лишь начальный момент в формировании этого общества, а ведущим типом остается общинник на государственной земле.

§ 2. ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ И КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ

Духовная жизнь древнерусского общества перед крещением. В X в. в культурном отношении древнерусское общество было еще достаточно

однородным, несмотря на выделение княжеской дружины с ее особым образом жизни, резко отличным от образа жизни остального населения, и особыми интересами. Всех восточных славян объединяли традиционные уже к этому времени представления об устройстве мира, тесно связанные с их религиозными верованиями. Мир заполняло большое количество богов, больших и малых, которые управляли различными силами природы, поддерживая порядок в мире природы и обществе и влияя на жизнь людей. При соблюдении определенных норм поведения по отношению к богам можно было добиться их поддержки. Особое значение имел культ предков — Рода и Рожаниц, которые почитались населением еще долгое время после принятия христианства. Среди божеств выделялись те, которые управляли главными природными стихиями. Во главе восточнославянского пантеона стоял, как и в VI в., «творец молний» Перун. Богом огня был Сварог. Огонь в очаге, также служивший предметом почитания, называли Сварожичем — сыном Сварога. Сыном Сварога было и Солнце, почитавшееся под именем Дажьбога. Особое место занимал в этом пантеоне Велес. Если от Перуна — бога грозы — зависело успешное произрастание злаков, то Велеса древнерусские летописцы называют «скотьим богом», т. е. от него зависело сохранение и размножение скота. Перуном и Велесом клялась княжеская дружина при заключении договоров с греками. Какого-либо особого слоя жречества, обладавшего особыми тайнами, недоступными для непосвященных знаниями, не существовало. Функций жрецов часто выполняли сами правители, приносившие богам жертвы, которые должны были обеспечить стране мир и урожай. Не существовало языческих храмов, упоминаемые в источниках изображения (статуи) богов, иногда богато украшенные (статуя Перуна в Киеве имела серебряную главу и золотые усы) стояли на открытом воздухе. Каких-либо других памятников изобразительного искусства, связанных с языческим культом, по-видимому, у восточных славян не существовало.

Христиане на Руси до крещения страны. Важной гранью в духовной жизни древнерусского общества стало принятие Древней Русью в конце 80-х гг. X в. христианской религии. Правда, сведения о крещении русов еще в 60-х гг. IX в. сохранились в ряде византийских источников, но этот шаг не имел в то время никаких последствий. В середине X в. христиан в Киеве было довольно много. При заключении договора с Византией в 944 г. часть дружины князя Игоря приносила присягу не перед статуей Перуна, а в церкви Ильи Пророка в Константинополе. После смерти Игоря приняла христианство его вдова Ольга. Киевская княгиня даже посетила один из главных центров христианского мира — Константинополь. В соборе Св.

Софии в этом городе в конце XII в. показывали «блюдо велико злато», подаренное Ольгой этому храму. В конце 50-х гг., вероятно, после какого-то осложнения отношений с Константинополем, Ольга направила послов к германскому королю Оттону I с просьбой прислать в Киев епископа. Теперь, очевидно, речь должна была идти о крещении не княгини, а населения страны. Однако поездка епископа на Русь закончилась неудачей. Сын Ольги Святослав и его дружина отказались принять христианство.

Вероятно, благодаря первым христианам еще до крещения стала известна на Руси славянская письменность (архаический язык славянских текстов договоров Руси с греками, резко отличный от языка летописи, в которой тексты этих договоров помещены, указывает на то, что эти переводы с греческого современны заключению самих договоров), но лишь после официального принятия христианства Древней Русью как государственной религии христианское учение смогло получить здесь широкое распространение, занять ведущие позиции в религиозном сознании общества, а славянская письменность стать важным орудием в руках христианских миссионеров.

Причины принятия христианства. Для правильного понимания событий, последовавших за крещением Руси, следует остановиться на мотивах, побудивших правящую верхушку Древней Руси принять решение о смене веры. В советской историографии было распространено представление, что такое решение было связано с необходимостью идеологической санкции для новых общественных отношений, сложившихся с образованием государства и выделением в обществе господствующей социальной группы. Такое мнение представляется односторонним. Древняя история знает такие крупные государства со сложным по своему социальному составу обществом, как эллинистические царства или Римская империя, которые успешно развивались при господстве языческого политеизма. Дело было в другом. Языческая государственность не могла успешно функционировать в мире, где господствовали такие монотеистические религии, как христианство и ислам. Лишь принятие христианской веры дало возможность правителям Древней Руси поддерживать равноправные отношения с могущественными соседями — правителями империи Оттонов на западе и правителями Византийской империи на востоке Европы. Сами ценности христианского учения, первоначально достаточно далекие от образа жизни и идеалов киевской дружины, решающей роли в этом выборе не играли. Дружина выбрала христианского бога не потому, что он был воплощением христианского идеала, а потому что христианский бог — покровитель

богатой и могущественной Византийской империи представлялся ей более могучим, чем языческий Перун.

Христианство и элита. Однако после того, как соответствующее решение было принято, христианское учение стало оказывать все более сильное воздействие на образ мыслей древнерусской правящей верхушки и ее поведение по отношению к подданным. Изменилось само представление об устройстве общества, его институтах и обьгчаях. В языческом обществе и само его устройство, и нормы, регулирующие его жизнь, воспринимались как нечто вечное, неизменное, созданное при непосредственном участии богов. С принятием христианства стало утверждаться представление, что общественный порядок — создание людей, как и другие их создания — несовершенный и его можно совершенствовать и изменять к лучшему. Не случайно за принятием христианства последовал целый ряд памятников законодательства древнерусских правителей. Именно под влиянием христианства у правителей Древней Руси стало складываться представление, что правитель является не просто вождем дружины, но главой государства, который должен поддерживать порядок в обществе и проявлять заботу обо всех своих подданных, а не только о дружине. Под влиянием христианства стало формироваться и представление, что, поддерживая общественный порядок, правитель должен проявлять особую заботу о слабых, незащищенных членах общества. На страницах летописи при создании образа Владимира, который как идеальный правитель должен был служить примером для потомков, подчеркивалось, что он не только кормил всех убогих и нищих на княжеском дворе, но и велел возить телеги с пищей по Киеву, чтобы накормить тех, кто не в состоянии был туда дойти. Формировалось и представление о том, что правитель должен защищать слабых, незащищенных членов общества от произвола со стороны сильных. В начале XII в. в своем

«Поучении», адресованном сыновьям, Владимир Мономах писал: «убогых не забывайте, но елико могуще по силе кормите, и придайте сироте и вдовице, оправдите сами, а не вдавите силным погубити человека».

Свидетельства о распространении христианства. Для простых людей, которые были вынуждены креститься по приказу князя и дружины, крещение было лишь началом длительного процесса усвоения христианской иерархии ценностей и христианского мировоззрения. Прослеженные археологами изменения погребальных обрядов восточных славян позволяют судить о том, как шел процесс подчинения широких кругов населения формальным предписаниям христианской религии. В

языческие времена славяне сжигали своих покойников на погребальных кострах, с принятием христианства такую практику, резко противоречившую предписаниям новой религии, стало вытеснять захоронение покойников в земле. В древнерусских городах старый языческий обряд был вытеснен к концу XI в. В сельской местности на юге Руси языческие погребальные обряды были изжиты к концу XII в., на севере — к концу XIII столетия. Особенно долго сохранялись языческие погребальные обряды в земле вятичей.

Данные археологии находят подтверждение в свидетельствах письменных источников, которые показывают, что именно на севере Руси, на землях, наиболее удаленных от Византии, где славянское население соседствовало с долго сохранявшими языческие верования угро-финскими племенами, распространение христианства шло медленнее и сталкивалось с серьезными трудностями. Выше уже приводились данные о выступлениях «волхвов» в Ростово-Суздальской земле. Но и в Новгороде в 70-е гг. XI в. также появился волхв, который сумел привлечь на свою сторону население города, так что «вси яша ему веру и хотяху погубити епископа», которого сумел защитить лишь князь с дружиной. В земле вятичей на рубеже XI—XII вв. был убит отправившийся их крестить монах Киево-Печерского монастыря Купша. В тексте новгородского владычного летописания сохранились свидетельства о строительстве христианских храмов в Новгороде: в XI в. их было построено два, в XI в. — 68, в XIII в. — 17. Очевидно, именно XII век был тем столетием, когда христианство по-настоящему укоренилось в Новгороде.

Особенности древнерусского христианства в X—XII вв. Формировавшееся в сознании широких кругов населения Древней Руси христианство было своеобразным сплавом взглядов и представлений, пришедших из христианского мира, с теми традиционными представлениями, с помощью которых человек в языческом мире определял свое место на свете и свои отношения с соседями и природой. Для сельских жителей особое значение имел комплекс обрядов аграрной магии, обеспечивавших, по их убеждению, естественную смену времен года, при которой земля исправно отдавала человеку свои плоды. Хотя сложилось и было достаточно прочно усвоено христианское представление о едином всемогущем Боге — творце мира, окружающий мир продолжал быть заполнен множеством разных сил, в общении с которыми по-прежнему во многом приходилось использовать традиционные способы воздействия на них. В роли патронов главных из этих сил вместо богов восточнославянского языческого пантеона выступали христианские святые.

Так, вместо языческого Перуна теперь посылал на землю дождь и молнии Илья Пророк. Другими такими силами по-прежнему ведали языческие божества низшего уровня (русалки, лешие), которые продолжали почитаться наряду со святыми. Старое и новое в сознании русских людей того времени могло тесно переплетаться самым причудливым образом. Так, известно, что в середине XII в. жительницы Новгорода, ставя по обычаю трапезу духам предков — Роду и Рожаницам, сопровождали эту процедуру пением тропаря Богородице.

Своеобразный сплав старого и нового, когда новое религиозное учение наслаивалось на мощный пласт традиционных представлений, определял облик народной культуры вплоть до вторжения в традиционный деревенский мир капитализма. В эпоху раннего Средневековья и позднее христианская церковь, добившись прекращения практики открытого почитания персонажей языческой мифологии, в целом мирилась с таким положением вещей, и лишь с середины XVII в. высшая церковная и светская власть стала предпринимать планомерные попытки очистить обычаи русских христиан от языческих наслоений.

Особенность эпохи раннего Средневековья состояла в том, что в то время такое смешение в полной мере было присуще и людям, принадлежавшим к общественным верхам. Показательным примером может служить обнаружение археологами горшков с пищей (деталь языческого обряда похорон) в могилах новгородских посадников **XII—XIII** вв., похороненных в Юрьеве монастыре. Яркой параллелью к такому сплаву христианства и язычества могут служить зародившиеся в эту эпоху новгородские былины (подлинное народное название — «старины») о замечательно игравшем на гуслях новгородском купце Садко. Ему покровительствует морской царь, которому Садко играет на гуслях на пиру в подводном царстве. Когда царь начинает плясать и на море начинается буря, игру гусляра прерывает своим чудесным вмешательством христианский святой Николай Мирликийский, покровитель мореплавающих. Таким образом, в мире создателей этих былин действовали одновременно и языческие и христианские силы.

Сходная ситуация обнаруживается и в таком древнерусском памятнике, созданном в конце **XII** в., как «Слово о полку Игореве». Автор его — убежденный христианин, призывающий читателя к войне с «погаными» — язычниками-половцами, но за явлениями окружающего его мира еще ощущается присутствие языческих богов: ветры для него — внуки Стрибога, после поражения русского войска вестница беды — Жля мчится по Русской земле, сея горе из огненного рога.

«Слово о полку Игореве». «Слово о полку Игореве» — уникальный в древнерусской литературе памятник, отражающий взгляды и интересы светских верхов древнерусского общества. Во взглядах и представлениях автора о прошлом и современности много общего со взглядами древнерусских летописцев, скорбевших о распаде Древнерусского государства и вспоминавших о былых временах расцвета в годы правления «старых князей», но его художественный язык основан на традициях народной героической поэзии, видоизменившихся в ходе длительного бытования в дружинной среде. В своем произведении автор «Слова» упоминает одного из предшественников — певца Бояна, в своих песнях прославлявшего подвиги князей второй половины XI в. и скорбевшего об их поражении. Произведения этой традиции до нас не дошли. Но об этом поэтическом языке дает представление «Слово о полку Игореве», когда его автор прославляет умение и мужество своих героев в борьбе с врагами или скорбит об их поражении. И крут понятий, характеризующий этику воина-дружинника и воина-князя, и поэтические формулы, в которых находило выражение характерное для этой среды одобрение или осуждение определенных поступков, нашли в тексте «Слова» необыкновенно яркое выражение. Эта сторона творчества автора «Слова» получила продолжение в воинских повестях последующего времени. Уже говорилось о том, что культура дружинной среды не была отделена от культуры широких кругов народа какими-либо четкими барьерами. Текст «Слова о полку Игореве» показывает тесную свя!ь поэтического языка автора с традициями устного народного творчества, как они выступают перед нами в записях собирателей фольклора. Так, черты народного причитания ярко выступают в плаче жены главного героя произведения — Игоря — Ярославны о судьбе его и других участников похода.

Связью с традициями народного творчества следует объяснять и отношение автора «Слова» к природным стихиям, которые выступают как активные участники действия, то вторящие происходящему, то вмешивающиеся в ход событий.

(Об отражении в «Слове о полку Игореве» традиций общественной мысли его времени речь пойдет в другом месте.)

Культура элиты. Реконструкция культурного облика светских верхов древнерусского общества представляет собой сложную, до сих пор не решенную исследователями задачу. Определенный материал для ее решения содержится в источниках разного происхождения, но извлечь его из них далеко не просто. Прежде всего назовем древнерусские летописи, составители которых именно из этой среды черпали свои сведения. Так, по

признанию одного из них, он много общался с киевским боярином Яном Вышатичем и от него «многи словеса слышах, еже и вписах в летописаньи сем». Эти высказывания дошли до нас в интерпретации, которую им придали составители сводов — духовные лица.

Важнейшим источником, позволяющим судить о культуре светских верхов древнерусского общества, является «Поучение детям» Владимира Мономаха, написанное им в конце жизни, когда он занимал уже киевский стол, и обращенное к его сыновьям. «Поучение» начинается выписками из Псалтири, поучения Василия Великого и ряда других текстов, откуда хорошо знающий их князь выбирает то, что понадобится сыновьям, когда они станут править землей: они не должны завидовать творящим беззаконие и покушаться на чужое имущество, так как их покарает Бог, а праведных возвысит; не следует злоупотреблять едой и питьем, беседовать с «нелепыми» женами, а следует «премудрых слушати, старейшим покарятися»; уметь управлять своими чувствами, совершать добрые дела, защищать убогих и обиженных.

Дальше Мономах описывает деяния своей жизни как человека, стремившегося следовать этим началам. Советы, содержащиеся в «божественных» словах, он повторяет от себя, но присоединяет к ним многие наставления, отражающие не общие нормы христианской морали, а его личный опыт. И здесь уже речь идет о знаниях и понятиях, сложившихся в дружинной среде. Так, на войне всегда следует быть бдительным, самому проверять стражу, не снимать оружия, не убедившись в отсутствии опасности. При движении с дружиной по территории княжества нельзя давать «пакостить» «отрокам»-дружинникам. Г остей надо принимать хорошо (но не потому, что так надо поступать христианину): такие люди «мимоходячи, прославять человека по всем землям», создадут ему определенную репутацию. Князь должен, не полагаясь на подчиненных, устраивать «весь наряд в дому своемь» и даже заботиться о «наряде» церковном.

Поместив в «Поучении» длинный перечень своих военных походов и подвигов на войне и на охоте, Мономах пишет, что он, почитая Бога, благополучно прошел все испытания и потому обращается к сыновьям: «смерти бо ся, дети, не боячи, ни рати, ни от звери, но мужьское дело творите», т. е. храбро сражайтесь.

Мономах — приверженец христианских нравственных идеалов, он хочет жить в соответствии с ними, быть гуманным и справедливым, но вместе с тем в его сознании прочное место занимают представления об отношениях князя и дружины, когда князь должен быть храбрым и хорошо

командовать войском.

Другой вид источников, который должен быть назван в этой связи, это народный героический эпос, нашедший свое отражение в очень немногих и отрывочных средневековых текстах, а главным образом — в записях собирателей XVIII—XIX вв. В них традиция, истоки которой ведут в дружинную среду, подвергалась трансформации вследствие длительного бытования в низовой народной среде.

Главная тематика записанных текстов — рассказы о «богатырях» (в домонгольской Руси их звали «храбры»), которые совершают свои подвиги на службе князю, или добывая ему невесту, или защищая его страну от врага, или доказывают свое военное превосходство в спорах с другими богатырями, — указывает определенно на ту среду, в которой эта традиция сформировалась.

О существовании у восточных славян такой эпической традиции сохранились и прямые свидетельства в тексте так называемой «Тидрек саги» — повествования о герое немецкого эпоса Тидреке Бернском, записанного в XIII в. по рассказам «мужей немецких» из городов Северной Германии. В ряде эпизодов этого произведения фигурируют киевский князь Владимир и богатырь «Илья русский», его дядя по матери, который добывает Владимиру невесту. Так как подобного сюжета с такими персонажами записи эпических текстов, сделанные в XVII— XIX вв., не знают, очевидно, в то время эпическая традиция серьезно отличалась от более поздних форм ее бытования. Не находят соответствия в записях собирателей фольклора и сохранившиеся в текстах XV—XVI вв. рассказы о боевых подвигах Александра Поповича, впоследствии одного из главных героев русского героического эпоса. Александр Попович выступает в этих рассказах, формировавшихся в дружинной среде, как дружинник ростовского князя Константина Всеволодовича, совершающий свои воинские подвиги в войне с его братом Юрием, участник битвы на Липице 1216 г. В дошедших до нас былинах Александр (Алеша) Попович выступает совершенно в другой роли. В дошедшем до нас виде древнерусский эпос сформировался в XIV—XV вв. — эпоху борьбы за освобождение от ордынского ига и объединение русских земель, но повторяющиеся в разных былинах устойчивые ситуации, характеризующие отношения богатырей с князем, подвиги, которые они совершают, отражают, вероятно, традицию, сложившуюся в более раннюю эпоху.

С особыми интересами дружинной среды связано и появление древнерусского перевода византийского рыцарского эпоса о Дигенисе Акрите. Этот пример показывает, что на формирование культуры верхов

светского общества Древней Руси оказывали свое влияние контакты со светской верхушкой соседних стран. Другим примером такого влияния со стороны Византии могут служить фрески лестничной башни собора Св. Софии в Киеве, связывавшей храм с княжеским дворцом, где помещены изображения византийского императора и его двора, наблюдающих за играми на ипподроме в Константинополе. О контактах с формирующейся на западе Европы рыцарской культурой говорят сообщения Ипатьевской летописи середины XII в. о рыцарском турнире, устроенном на «Ярославле дворище» в Киеве, и о том, что находившийся в Киеве польский князь «пасаше сыны боярьски мечем многы», т.е. посвятил их в рыцари.

Письменность в Древней Руси. Берестяные грамоты. Важной особенностью образа жизни верхов светского общества Древней Руси было знакомство с искусством письма и его довольно широкое использование в повседневной жизни. Объяснялось это тем, что на Русь, еще до ее крещения, пришла из Первого Болгарского царства письменность на понятном славянском языке, овладение которой не требовало специальных долгих усилий. Первоначально для обучения письму использовалась, как в Средиземноморском регионе, деревянная доска, покрытая воском, на которой записывали слова, которые затем можно было стереть. Такая доска недавно была найдена в Новгороде в слоях конца X — начала XI в. На ней были записаны стихи из Псалтири — книги, по которой в Средние века учили грамоте. Был найден и дешевый материал для письма — березовая кора (береста), на которой буквы процарапывались особым орудием — писалом. Такие процарапанные на бересте тексты — берестяные грамоты — найдены во время археологических раскопок в целом ряде древнерусских городов (Торжок, Старая Русса, Смоленск, Звенигород — т. е. не только на севере, но и на юге Руси). К настоящему времени найдено более тысячи разнообразных текстов XI — первой половины XV в., дающих уникальный материал о жизни наших предков. Подавляющее большинство найденных берестяных грамот происходит из раскопок в Новгороде, где они хорошо сохранились в насыщенной водой почве этого города. Если тексты XI в. сравнительно малочисленны, то к XII в. относятся уже многие десятки текстов. Часть этих текстов связана с нуждами управления — записи неплательщиков подати, административные распоряжения, жалобы, обращенные к судьям, самые ранние сохранившиеся крестьянские челобитные. Но значительная часть текстов — это частные письма, в которых люди обсуждают самые разные вопросы. Здесь встречаем и жалобы на несправедливость мужа, и объяснения в любви. Исследователей-филологов особенно привлекает живой

разговорный язык писем, на котором говорили новгородцы, заметно отличающийся от литературного языка летописи и от канцелярского языка документов.

О достаточно широком распространении письменности в древнерусском обществе говорят и многочисленные надписи на ремесленных изделиях, и граффити на стенах христианских храмов. В этом отношении положение на Руси отличалось от положения в странах Западной Европы, где языком письменности была латынь, язык, освоение которого требовало долгой и тщательной подготовки, поэтому знание письма, грамотность долгое время была там монополией духовных лиц — клириков.

Следует иметь в виду, что в эпоху раннего Средневековья в культуре дружинной среды и широких кругов населения было много общего, одна не была отделена от другой какими-либо непреодолимыми барьерами. Об этом лучше всего говорит проникновение в народную среду традиций героического эпоса, созданного в среде дружинной.

«Ученая» культура духовенства. Наряду с традиционной народной культурой в ее христианизированном виде и близкой к ней культурой дружинной среды в Древней Руси существовали и традиции христианской культуры в том виде, в каком они были перенесены на древнерусскую почву из Византии. Носителем этой культуры было духовенство (прежде всего образованные верхние слои) и некоторые образованные представители верхушки светского общества, подобные Ярославу Мудрому, который, по свидетельству летописи, «Собра писце многы и прекладаше от грек на словеньское писмо, и списаша книгы многы».

Первоначально в среде духовенства преобладал пришлый, греческий элемент. В первом христианском храме, построенном Владимиром, — Десятинной церкви служили «попы корсуньскыя», греческие священники, приведенные из Корсуни — Херсонеса, византийского города в Крыму на месте современного Севастополя. Но с самого начала княжеская власть была озабочена подготовкой образованных людей из собственной среды. Так, Владимир, по сообщению летописи, «нача поимати у нарочитые чади (т.е. у лучших людей) дети и даяти нача на учение книжное». Для обучения этой молодежи уже при Владимире мог быть использован обширный круг христианских памятников. Они были переведены на славянский язык после создания Кириллом и Мефодием славянского алфавита в других славянских государствах — в Великой Моравии и главным образом в Первом Болгарском царстве. Значительная часть этих переводов дошла до нас благодаря древнерусским спискам. К ним добавились созданные уже в

Болгарии оригинальные произведения, такие, как «Слова» на христианские праздники Климента Охридского или Азбучная молитва и «Учительное евангелие» Константина Болгарского. Новые переводы были сделаны книжниками, окружавшими Ярослава Мудрого. С их деятельностью исследователи связывают перевод такого крупного памятника античной литературы, как «История Иудейской войны» Иосифа Флавия.

Памятники древнерусской литературы. Уже в середине — второй половине XI в. в Древней Руси появились образованные духовные люди, способные создавать собственные произведения, лежащие в русле христианской традиции.

Самым ранним произведением древнерусской христианской литературы, показывающим мастерское освоение древнерусским книжником богатых традиций византийского богословия и искусства проповеди, является «Слово о Законе и Благодати» Илариона, прочитанное автором в Софийском соборе Киева в присутствии Ярослава Мудрого и членов его семьи. Провозглашая превосходство христианского учения — «Благодати» над обветшавшим, уходящим с исторической сцены иудейским Законом, автор одновременно противопоставляет этот «Закон», который сохранялся только иудеями, христианскому учению, которое распространяется «на вся края земленые». Иудеи, первыми получившие от Бога «Закон», не приняли «Благодати», и христианское учение распространилось на новые «языки» — народы, ранее вообще не знавшие Бога. В семью этих, исповедующих христианское учение народов вошла теперь и Русь («и мы со всеми христианами славим Святую Троицу»). Раскрыв все значение того, что Русь приобщилась к христианскому учению, пришедшему на смену языческому многобожию и обветшавшему «Закону», Иларион закончил свою проповедь похвалой Владимиру, благодаря которому Русь приобщилась к истинной вере, и Ярославу, достойному продолжателю его дела. Противопоставление «Закона» и «Благодати», прославление новых ценностей христианского учения создается в проповеди по всем правилам византийской риторики благодаря постоянному противопоставлению и сопоставлению сложных символических образов. Иларион был уверен, что слушатели могут понять и оценить его искусство, так как он обращается не к «неведящим», а к «преизлиха насыиггьшемся сладости книжныа». В «Слове» Илариона отразилась и его гордость за свою землю. Говоря о предках Владимира, он записал, что они «не в худе бо и неведоме земле владычьствоваша, но в Руськe, яже ведома и слышима есть всеми четырми конци земли».

Традиции Илариона получили продолжение в творчестве писателей

XII в.: жившего в середине века Климента Смолятича и занимавшего во второй половине XII в. епископскую кафедру Кирилла Туровского. Климент Смолятич в послании пресвитеру Фоме выступил как приверженец «ученого», аллегорического толкования Священного Писания, когда в тех или иных конкретных сообщениях Ветхого или Нового Завета обнаруживается тайный смысл. Хорошо знакомый с греческой образованностью своего времени, он стремился следовать толкованиям писателя XI в. Никиты Гераклийского на сочинения Григория Богослова. Климент отвергал обвинения Фомы в том, что он делает что-то дурное, используя в своих символических толкованиях, подобно Никите Гераклийскому, образы античной мифологии.

Блестящее ораторское мастерство Илариона получило продолжение в написанных Кириллом Туровским «похвальных словах» на главные христианские праздники. Пользуясь всем разнообразием приемов, выработанных античной, а затем византийской риторикой, Кирилл Туровский создавал яркие эмоциональные образы тех событий евангельской истории, которым посвящен соответствующий праздник, строил свои речи таким образом, чтобы вызвать у слушателей ликующее, праздничное настроение. Его слова очень рано получили высокую оценку, и их стали включать в состав сборников вместе с произведениями Иоанна Златоуста и других выдающихся греческих проповедников.

Не все образцы древнерусской проповеди были на столь же высоком уровне. Многие из них достаточно просты по своему построению и словарному составу, в них неоднократно повторялись одни и те же положения, изложенные по возможности более просто, — они обращались к аудитории, которая нуждалась в самых начальных знаниях о христианском вероучении.

Другой литературный жанр, в котором уже во второй половине XI в. были созданы оригинальные произведения, ни в чем не уступающие византийским образцам, — это агиография, жития святых. Первые древнерусские жития святых были созданы выдающимся древнерусским книжником, монахом Киево-Печерского монастыря Нестором. Им было написано житие Феодосия Печерского — игумена Киево-Печерского монастыря в Киеве. Оно стало образцом для создававшихся в последующие века житии святых — подвижников, основателей монастырей и организаторов монастырской жизни. Используя в качестве образца житие Саввы Освященного, одного из основателей палестинского монашества, Нестор создает оригинальный образ человека, который сначала всеми силами стремится принять постриг, порвав ради этого даже с собственной

матерью, а затем целеустремленно борется с пороками не только монашеской братии, но и окружающего общества. При этом его не останавливало и высокое положение носителей верховной власти. Как рассказывается в житии, когда Святослав Ярославич согнал с киевского стола своего старшего брата Изяслава, Феодосий отказался поминать нового князя на службе и послал ему «великую епистолию», в которой сравнивал его с Каином-братоубийцей.

Совсем далеки от византийских образцов произведения, посвященные первым русским святым — Борису и Глебу, сыновьям Владимира. Это «Чтение о Борисе и Глебе» Нестора, написанное в 80-х гг. XII в., и «Сказание о Борисе и Глебе», созданное в среде клира посвященной этим святым церкви в Вышгороде под Киевом в связи с перенесением в 1072 г. их останков в новый храм. И сама проблема, которая находится в центре внимания авторов произведений — какими должны быть справедливые отношения между членами княжеского рода, и прославление героев произведения — князей за то, что они не подняли оружия против «брата старейшего», покушавшегося на их жизни, предпочли умереть, но не ввергнуть Русскую землю в ужасы междоусобной войны, — все это не имеет ни параллелей, ни образцов в памятниках византийской агиографии.

Первыми памятниками древнерусской гимнографии стали «службы» Борису и Глебу, в которых святые прославляются не только как мученики, но и как чудесные защитники, покровители Русской земли, ограждающие ее своим чудесным вмешательством от внешних врагов и княжеских усобиц.

Христианская культура древнерусского общества и духовное наследие Византии. Чтобы определить своеобразие древнерусского варианта христианской культуры, следует выяснить, в каком объеме было усвоено образованными кругами древнерусского общества культурное наследие Византии.

Наследие Византии, как известно, включало в себя не только памятники собственно христианской культуры, но и очень значительный круг памятников, принадлежавших более ранней античной цивилизации. Как и в более раннее время, традиционная система обучения строилась здесь (как и на западе Европы) на изучении текстов античных авторов.

Этот важнейший компонент византийского культурного наследия не был перенесен на древнерусскую почву — древнерусскому человеку остались неизвестными и тексты античных авторов, и основанная на их изучении система обучения. Сведения об античности древнерусский читатель мог черпать лишь из пояснений византийских книжников к тем

местам в сочинениях отцов церкви, в которых упоминались языческие боги или обычаи, и из византийских исторических хроник, созданных в монашеской среде, таких, как хроники Иоанна Малалы или Георгия Амартола, в которых рассказывалось о верованиях язычников. «Хроника» Георгия Амартола была хорошо известна древнерусскому летописцу начала XII в. — создателю «Повести временных лет», цитаты из «Хроники» Иоанна Малалы находим в Галицко-Волынской летописи XIII в.

Собственно христианская литература также перешла на древнерусскую почву из Византии далеко не в полном объеме. Так, очень рано были переведены некоторые важные руководства с изложением христианской догматики (прежде всего наиболее авторитетное руководство,.. Иоанна Дамаскина), но подавляющая часть византийской богословской литературы осталась древнерусскому читателю неизвестной.

Наоборот, широко переводились и распространялись в многочисленных списках памятники, содержащие характеристики истин христианского вероучения и христианских этических норм, данные в более доступном для читателя и слушателя виде в живых, ярких образах на страницах проповедей, поучений и похвальных слов. Особенно широким признанием пользовались сочинения знаменитого проповедника IV в. Иоанна Златоуста. Из его сочинений состоял уже сборник «Златоструй», переведенный в Болгарии в первой половине X в. при царе Симеоне. Обильными и многочисленными были переводы житий святых, в которых христианский идеал раскрывался на ярком конкретном примере жизни человека, в действиях которого он нашел свое воплощение. На древнерусскую почву жития святых переходили в виде целых собраний текстов, предназначавшихся для чтения за монастырской трапезой в течение года. Это собрания кратких житий — так называемый Синаксарь (или Пролог) и собрания житий полного состава — так называемые Четьи минеи. Ряд собраний житий святых известен также в составе патериков — собраний житий святых определенной местности или страны. Именно создавая похвальные слова и жития святых, древнерусские книжники наиболее успешно соревновались со своими византийскими учителями.

Очень рано был переведен и сразу стал широко использоваться круг текстов, необходимых для совершения богослужения (в их числе большое количество поэтических текстов). Наиболее ранние сохранившиеся рукописи собраний таких текстов, читавшихся в течение года, — новгородские служебные Минеи 1095—1097 гг. Характерно, что сами тексты Священного Писания распространялись прежде всего как выборки фрагментов, читавшихся во время богослужения. В богослужении

использовались прежде всего книги Нового Завета, из Ветхого Завета — Псалтирь и книги пророков. Не связанные с богослужением книги Ветхого Завета, содержащие описание предписаний иудейской религии и событий истории древнееврейского народа, были гораздо менее известны, и не все из них были переведены на славянский язык. Первый полный славянский текст Библии (так называемая Геннадиевская Библия 1499 г., созданная по инициативе новгородского архиепископа Геннадия) появился лишь в конце XV в. в Новгороде, и для его создания ряд книг пришлось переводить с латинской Вульгаты, так как переводов этих книг с греческого в древнерусской письменной традиции не было.

Древнерусские рукописи. К числу книг, предназначенных для богослужения, относятся наиболее ранние древнерусские рукописи. Самая ранняя точно датированная древнерусская рукопись, так называемое Остромирово Евангелие, написанная в 1056-—1057 гг. дьяконом Григорием для новгородского посадника Остромира — родственника киевского князя Изяслава Ярославича, представляет собой сборник текстов из Евангелий, расположенных в том порядке, в каком они читались во время службы. Рукопись украшена великолепными миниатюрами с изображениями евангелистов и богатым орнаментов заставок и инициалов, которые средствами живописи создают подобие драгоценных византийских эмалей. «Остромирово Евангелие» показывает, какие высокие требования предъявляли к оформлению рукописей лица, близкие к двору киевского князя.

«Остромирово Евангелие» послужило образцом для другой замечательной древнерусской рукописи — «Мстиславова Евангелия», которое написал Алекса, сын попа Лазаря, для новгородского князя Мстислава, сына Владимира Мономаха. Сохранился даже ее древний оклад, украшенный эмалями. Для нужд княжеской семьи переписывались не только большие богато украшенные Евангелия, читавшиеся во время богослужения. По заказу князя Святослава, сына Ярослава Мудрого, в 1076 г. был переписан «Изборник» — собрание извлечений из сочинений Отцов Церкви. Рукопись была украшена не только символическими изображениями церкви как храма, под сводами которого собрались святые отцы, но и изображением самого заказчика — князя Святослава в кругу членов его семьи.

Если рукописи XI в. в стиле и оформлении достаточно точно следовали византийским образцам, то в рукописях XII в. оформление заметно меняется, в нем все более заметно проявляется влияние местной среды. Уже в Юрьевском Евангелии, написанном в Новгороде начала XII в.,

появляются инициалы с изображениями реальных и чудовищных зверей, которые не имеют аналогий в византийских образцах. Эти изображения сплетаются в единое целое с лентами плетеного орнамента. Постепенно такие мотивы начинают занимать все большее место в оформлении рукописей, когда миниатюры, следующие традиционным нормам византийского христианского искусства, оказываются окруженными орнаментальными рамами, где из плетеных лент вырастают и переплетаются с ними и между собой фигуры фантастических зверей. Такой стиль орнаментального оформления называют «тератологическим» (от греч. «терас» — чудовище). Подобные изображения обнаружены археологами также на многих изделиях из дерева и металла, найденных во время раскопок. В мире этих образов следует искать отражение неизвестных нам по другим материалам черт духовной жизни дохристианского восточнославянского общества, сохранявшихся и в обществе христианском.

Тематика христианских текстов, ставших доступными восточным славянам после крещения, находит довольно точные соответствия в репертуаре византийской монастырской библиотеки. Это показывает, что именно византийские монахи направлялись на Русь как христианские миссионеры и именно в древнерусских монастырях прежде всего воспринимались и осмысливались пришедшие из Византии христианские тексты.

Важной чертой, отличавшей христианскую культуру Древней Руси домонгольского периода, была ее определенная открытость к контактам с западным, латинским миром, несмотря на происшедший в середине XI в. разрыв между православной и католической церквями и появление на Руси уже во второй половине XI в. антилатинских полемических сочинений. Агиографические памятники, связанные с культом патрона чехов св. Вацлава, послужили образцом для создания цикла памятников, связанных с культом первых русских святых — Бориса и Глеба. Реликвии этих святых, присланные из Киева, были объектом почитания в бенедиктинском монастыре на реке Сазаве в Чехии. В домонгольской Руси нашел признание и широко отмечайся не признававшийся византийским миром праздник перенесения мощей св. Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Малой Азии в г. Бари в южной Италии, из Византии в латинский мир.

Архитектура и изобразительное искусство. С крещением Руси на древнерусскую почву пришла христианская архитектура и христианское изобразительное искусство. Одним из первых каменных христианских храмов, построенных еще в конце X в., была двадцатипятиглавая церковь

Богородицы в Киеве, так называемая Десятинная церковь, рухнувшая после взятия города татаро-монголами. Наиболее ранние сохранившиеся христианские храмы относятся к середине XI в. — храмы Св. Софии в Киеве, Новгороде и Полоцке (сохранившийся в сильно перестроенном виде) и храм Св. Спаса в Чернигове.

Храмы украшались мозаиками и фресками. В соборе Св. Софии в Киеве находятся наиболее ранние сохранившиеся мозаики в алтарной части и фрески (среди последних — фрагменты композиции с изображением Ярослава Мудрого и его семьи). Особенностью первых древнерусских храмов было существование в западной части храма больших хор, на которых присутствовал во время богослужения князь со свитой. В ряде случаев храм соединялся с княжеским дворцом переходом, по которому князь прямо из дворца шел на хоры. На рубеже XI—XII вв. началось строительство каменных храмов в разных областях Руси. В настоящее время ученые располагают сведениями о двух сотнях каменных построек домонгольской Руси, из которых подавляющая часть — это христианские храмы. В отдельных землях стали формироваться свои архитектурные школы и свои направления изобразительного искусства. Такие школы сложились, в частности, на территории Новгородской земли. Наиболее выдающийся памятник новгородской архитектуры начала XII в. — собор Юрьева монастыря в Новгороде (1119), построенный мастером Петром и воспроизводящий традиционный тип большого соборного храма с таким лаконизмом и строгостью (характерные черты новгородской школы), что мощный массив здания выступает перед зрителем как монолитное, законченное целое.

В избежавшем татаро-монгольского разорения Новгороде сохранилось большое количество храмов, что позволяет проследить пути развития местной архитектурной традиции в XII— первых десятилетиях XIII в. Во второй половине XII в. здесь строятся один за другим небольшие храмы по заказу боярского клана или жителей улицы, воспроизводящие своего рода сокращенный вариант крестово-купольного храма (т.е. постройки кубического типа, почти квадратной в плане), при котором внутреннее пространство храма становилось более целостным, вид храма — монолитнее и проще. Характерные для более ранних храмов большие хоры в этих храмах отсутствовали.

Конец XII—XIII вв. в древнерусской архитектуре отмечен попытками переосмыслить традиционную конструкцию крестово-купольного храма. Благодаря созданию новой конструкции верха здания с трехлопастным завершением фасадов, на смену замкнутому в себе «кубическому» храму

приходила композиция, проникнутая сильно выраженными мотивами вертикального движения. Эти искания получили дальнейшее развитие в древнерусской архитектуре XIV—XV вв. Первым памятником нового направления в Новгороде стала церковь Параскевы Пятницы на торгу, построенная в 1207 г.

Черты новгородской школы живописи, с характерным для нее упрощением сложных приемов византийского письма и сильно выраженной экспрессией образов, нашли наиболее яркое выражение в ансамбле церкви Спаса на Нередице, построенной в 1198 г. (большая часть этих фресок погибла в годы Великой Отечественной войны).

Своя архитектурная школа сложилась и в Северо-Восточной Руси. Ее первый сохранившийся памятник — Спасский собор в Переяславле-Залесском, построенный при Юрии Долгоруком, а наиболее значительное произведение — Успенский собор во Владимире (построенный в 1158—1167 гг. при Андрее Боголюбском и перестроенный при Всеволоде), который стал для русских мастеров последующего времени образцом большого соборного храма. Из всех храмов Северо-Восточной Руси домонгольского времени фресковая роспись второй половины XII в. сохранилась лишь в построенном Всеволодом Юрьевичем Дмитриевском соборе г. Владимира. Эти фрески выполнены выдающимся греческим художником. В отличие от архитектуры и живописи скульптура на древнерусской почве не получила самостоятельного развития.

Изучение сохранившихся памятников архитектуры и изобразительного искусства показало, что связи этих памятников с византийским художественным наследием были сложными и многосторонними. На Руси возникали памятники, отражавшие и направления, характерные для столичного константинопольского искусства, связанного с императорским двором (примерами могут служить уже упоминавшийся собор Спаса в Чернигове или выполненные в начале XII в. мозаики Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве), и более грубоватое и выразительное искусство византийской провинции (примером может служить фресковый ансамбль в церкви Спаса на Нередице в Новгороде конца XII в.).

Храмы украшали не только фрески и мозаики, но и иконы. Сохранилась лишь одна икона, которая, по мнению исследователей, может быть современна мозаикам и фрескам Софии Киевской. Это изображение апостолов Петра и Павла из Софийского собора в Новгороде. Сохранился даже украшавший!эту икону драгоценный серебряный оклад. Всего до нас дошло около трех десятков икон, созданных в домонгольской Руси. *Лучшие* из них ни в чем не уступают самым выдающимся образцам византийского

искусства своего времени. Среди них можно назвать «Богоматерь Великую Панагию» из Спасского Ярославского монастыря, икону Георгия из Успенского собора Московского Кремля, икону «Спас Нерукотворный», написанную для церкви Св. Образа на Добрыниной улице в Новгороде, икону Дмитрия Солунского из Успенского собора г. Дмитрова, изображающую святого патрона великого князя Всеволода Юрьевича. В истории Северо-Восточной Руси особое место заняла икона Владимирской богоматери. Произведение неизвестного византийского художника XII в., она была увезена из Вышгорода под Киевом во Владимир на Клязьме, когда Андрей, старший сын Юрия Долгорукого, самовольно ушел на Север, не считаясь с волей отца. Икона стала затем самой почитаемой святыней Ростовской земли.

Как показало обследование этих икон, многие из них были покрыты окладами из золота и серебра, украшенными драгоценными камнями. В таком виде эти памятники по осязаемости, весомости своих форм должны были вызывать аналогии с миром романского искусства средневекового Запада, что объясняется не влияниями, а некоторым типологическим сходством.

Памятники архитектуры и изобразительного искусства Древней Руси приносят дополнительные свидетельства ее достаточно оживленных связей с художественным миром латинского Запада. Примером могут служить заимствованный из современной архитектуры латинского мира тип храма-ротонды, такие храмы Северо-Восточной Руси, как Дмитриевский собор во Владимире или Георгиевский собор в Юрьеве Польском, где византийский крестовокупольный храм украшен вовсе не характерным для византийской традиции «романским» скульптурным декором, находящим аналогии в памятниках романского искусства Германии и западной Франции. В раскопках были обнаружены и многие памятники сакрального искусства из стран Западной Европы. Большая часть найденных предметов датируется первыми десятилетиями XIII в.

Греческое духовенство принесло из Византии также достаточно древние традиции церковного хорового пения. В древнерусских рукописях XII в. представлены обе системы записи мелодии, которые известны византийским рукописям. Вероятно, уже в домонгольскую эпоху должен был начаться сложный процесс взаимодействия византийского наследия с кругом традиционных для восточных славян напевов. К сожалению, об этом приходится высказывать лишь предположения, так как обе системы записи не расшифрованы.

Ряд общих черт с культурой романской Европы обнаруживается и в

мировосприятии, характерном для русского монашества. О характерных чертах этого мировосприятия можно судить по циклу рассказов о монахах наиболее известной обители домонгольской Руси — Киево-Печерского монастыря. Рассказы эти сохранились частично в составе летописей XI—XII вв., написанных в монастыре, частично в составе созданного в XII в. Киево-Печерского патерика (сборника преданий о Печерских святых). Мир выступает в них как наполненный действием злых сил, принимающих разные обличил, чтобы сбить христианина с правого пути, не дать ему достигнуть спасения. Для борьбы с грозящими искушениями монаху требуется не только напряжение всех его сил, но и помощь всей монашеской общины. Монаха Исаакия-торопчанина, самонадеянно укрывавшегося в затворе, чтобы только своими силами искать спасения, бес сумел соблазнить, явившись к нему в образе самого Христа.

Первые русские святые — Борис и Глеб. Об общественном сознании русского общества, его реакции на начавшийся распад Древнерусского государства позволяют судить памятники, связанные с культом святых Бориса и Глеба, и тексты древнерусских летописей XI—XII вв. Но надо учитывать, что эти проблемы отражались в данных текстах через призму восприятия духовных лиц — клириков храма Бориса и Глеба в Вышгороде и монахов Киево-Печерского монастыря, в стенах которого эти летописи писались.

Первыми русскими людьми, причисленными к лику святых и ставшими затем небесными покровителями Русской земли, были сыновья Владимира — Борис и Глеб. Во время начавшейся после смерти Владимира борьбы за киевский стол Борис и Глеб были убиты по приказу захватившего Киев их старшего брата Святополка. К лику святых убитые князья были причислены в конце правления Ярослава Мудрого, тексты посвященных им житий, похвальных слов и служб написаны в последних десятилетиях XI — начале XII в.

Борис и Глеб прославлялись за то, что они предпочли погибнуть, чем поднять оружие против замышлявшего против них зло старшего брата, предпочли умереть, чтобы избежать братоубийственной войны. Их поведение должно было послужить примером для младших членов княжеского рода, постоянно поднимавших восстания против киевского князя. В одном из памятников цикла — «Чтении о Борисе и Глебе» Нестора прямо указывалось, что такие князья, в отличие от Бориса и Глеба, не могут надеяться на то, что они попадут в рай. Вместе с тем текст памятника содержит и предостережение старшим князьям: убийца Святополк не смог удержать под своей властью Древнерусское государство, он потерпел

поражение в борьбе с Ярославом Мудрым, выступавшим как мститель за братьев, и бесславно погиб в изгнании, получив прозвище Окаянный.

Создатели этих текстов считали, что если младшие князья будут повиноваться старшим, а те отнесутся с уважением к младшим членам рода и не станут посягать на их жизнь и имущество, то при таком взаимоуважении сохранится единство княжеского рода, подчиненного его главе — киевскому князю, прекратятся войны между князьями, и Древнерусское государство сможет успешно отражать натиск кочевников. Создатели текстов возлагали свои надежды и на святых патронов Русской земли, которые должны были своим чудесным вмешательством прекратить усобицы и защитить страну от внешних врагов.

Древнерусское летописание. Стремления предотвратить распад Древнерусского государства, выраженные в иной форме, нашли свое отражение и при создании главных памятников древнерусского летописания. По-видимому, первые письменные тексты исторического содержания — предания о первых киевских князьях и рассказы о принятии Русью христианства — были записаны в Киеве еще в конце X в., но в первоначальном виде до нас не дошли. Наиболее ранние известные нам памятники древнерусского летописания, так называемый Начальный свод 90-х гг. XI в. (нашедший отражение в Новгородской I летописи младшего извода) и «Повесть временных лет» монаха Киево-Печерского монастыря Нестора, написанная в начале второго десятилетия XII в., представляли собой уже летописные своды, в которых были соединены в одно целое летописные записи из Киева и Новгорода с известиями византийских источников, в частности о русско-византийских отношениях. Оба свода были созданы в Киево-Печерском монастыре. В них нашли свое отражение не только взгляды киевопечерских монахов, но и реакция киевской дружины на идущий распад Древнерусского государства. Не случайно под 1106 г. в «Повести временных лет» Нестор отметил смерть одного из главных лиц киевской дружины Яна Вышатича, со слов которого он многое записал в летопись. Тексты договоров Руси с греками, помещенные в этом своде, были получены летописцем, конечно, из княжеского архива.

Летописные своды, ставя своей целью дать ответ на вопрос, «откуду есть пошла Руская земля и кто в ней почал первее княжити», содержали изложение событий от первых известных им сведений о князьях, правивших восточными славянами, до событий, современных времени создания сводов. Если о событиях IX—X вв. сохранились лишь предания, а от правления Владимира и Ярослава сравнительно краткие погодные записи, то с середины XI в. мы встречаемся уже с подробным погодным

изложением событий. Повествование о том, как трудами предков княжеского рода было создано огромное государство Русская земля, описание его могущества и славы во времена Владимира и Ярослава, по мысли создателей летописных сводов, должно было побудить членов княжеского рода и их дружинников прекратить раздоры, жить в согласии и защищать эту землю от опасных внешних врагов — половцев.

Что этот круг идей имел своих приверженцев и в светской среде, показывает сопоставление этих летописных сводов со «Словом о полку Игореве». Рассказав о печальном примере новгород-северского князя Игоря, который, не договорившись с другими князьями, в 1185 г. отправился в поход против половцев и потерпел поражение, вспоминая о временах славы и тяжелых временах усобиц, автор призывал всех русских князей объединить силы для борьбы с угрожающими Русской земле врагами.

Как показывает знакомство с летописными сводами, их создателей волновали не только княжеские усобицы и набеги кочевников. Резкое недовольство вызывал растущий произвол дружинников, их стремление любыми способами умножать свои доходы. В предисловии к Начальному своду «несытству» современников противопоставлялись «древние князи и мужи их», которые «не збираху много имения, ни творимых вир, ни продаж вскладаху на люди». Бедствия, постигшие в конце XI в. Русскую землю, объяснялись Божьим гневом, который вызвали произвол и насилия дружинников. В основу предисловия была положена публичная проповедь игумена Киево-Печерского монастыря Иоанна, который поплатился за это ссылкой в Туров. Элементы «критики власти» обнаруживаются и в рассказах о чудесах Бориса и Глеба, когда святые своим чудесным вмешательством освобождали из тюрьмы узников, заточенных туда послушавшими клеветников князьями.

Надежды древнерусских книжников на то, что удастся предотвратить распад Древнерусского государства с помощью установления «правильных» отношений между старшими и младшими членами княжеского рода, были нереальными, но создание первых памятников общерусского летописания имело важные объективные последствия. Памятники, созданные в конце XI— начале XII в., легли затем в основу летописных сводов, создававшихся в разных древнерусских княжествах. Тем самым у восточных славян сохранялась историческая память об их общей родине — Русской земле.

В сфере общественного сознания древнерусских людей в XII—XIII вв. протекал еще один важный процесс — у представителей разных

восточнославянских племен, объединенных киевскими князьями в одно Древнерусское государство, постепенно складывалось сознание принадлежности к единой этнической общности — древнерусской народности. Представление, что все восточные славяне, живущие на территории Древнерусского государства, образуют один народ, нашло яркое выражение уже в начале XII в. на страницах написанной Нестором «Повести временных лет». В то время такое представление разделяли по преимуществу социальные верхи древнерусского общества, связанные с киевским княжеским двором, но в дальнейшем такие представления получали все большее распространение. К концу XII в. определения населения отдельных территорий по их прежней племенной принадлежности перестали встречаться на страницах летописей. В XIII — первой половине XIV в. жители разных восточнославянских земель, ранее входивших в состав Древнерусского государства, повсеместно называли себя «русинами» или «русскими», а свою землю считали частью (волостью) Русской земли. Процесс формирования единой народности протекал в домонгольской Руси гораздо интенсивнее и быстрее, чем в современной ей Германии, где в общественном сознании долго сохранялись представления о серьезных различиях между отдельными областями, сформировавшимися на основе отдельных племенных союзов и сохранявшими сознание преемственной связи с ними.

Глава 6. НЕСЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И СИБИРИ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Как бы ни было значительно по своим размерам Древнерусское государство, оно занимало лишь часть лесной зоны в северной части Восточной Европы. На севере и северо-западе с ним граничили многие угро-финские и балтские племена, находившиеся в той или иной степени зависимости от киевских князей. Во вступительной части «Повести временных лет» приводится перечень таких племен, «иже дань дают Руси».

Ряд таких племен занимал южную часть Прибалтики. Это— Литва, племена куршей, живших по Балтийскому побережью к югу от Рижского залива, ливов — по нижнему течению Западной Двины и побережью Балтийского моря, Ближе к русским землям, в бассейне Западной Двины располагались племена земгалов и на севере от них латгалов. На севере от этих балтских племен находились угро-финские племена эстов,

обозначавшиеся в русских летописях названием «чудь». В перечне племен, граничивших с Русской землей с запада, упоминается и племя «емь» — на запад и север от Онежского озера. Данные об общественных отношениях у этих племен, относящиеся к первым десятилетиям XIII в., позволяют охарактеризовать их как догосударственные образования, в которых уже существовала зажиточная, выделявшаяся из среды остального населения племенная верхушка и появились укрепленные городища, но отсутствовала профессиональная военная сила и институт княжеской власти. Эти общества знали лишь вождей, выбиравшихся на время войны. Какие-либо крупные политические объединения здесь отсутствовали.

Иное положение с последних десятилетий XII в. складывалось в Литве. С этого времени соседние русские земли стали подвергаться набегам литовских дружин, к концу второго десятилетия XIII в. наряду с князьями отдельных земель (Жемайтии, Деволтвы) здесь были уже «старшие» князья, стоявшие во главе всей Литвы.

Наши источники, откуда можно почерпнуть сведения об этих племенах, содержат преимущественно сведения об их взаимоотношениях с Древнерусским государством. В целом древнерусские князья довольствовались взиманием с этих племен дани, не вмешиваясь в их внутреннюю жизнь. Но и при этом степень зависимости указанных племен от Древнерусского государства, а затем отдельных древнерусских княжеств была различной. В южной Прибалтике — зоне влияния Полоцкой земли — наиболее непрочной была зависимость Литвы, дань с нее собиралась нерегулярно, а со второй половины XII в. она вообще перестала поступать. Более прочной была зависимость балтского населения в бассейне Западной Двины, где были основаны опорные пункты влияния Полоцка — крепости Кукенойс и Герцике. О достаточно тесном подчинении власти Полоцка ливов и латгалов говорит появление в их языке слова pagast (от др.-рус. «погост») для обозначения пункта сбора дани.

В северной части Прибалтики, в зоне политического влияния Новгорода племена эстов настойчиво сопротивлялись попыткам подчинить их власти Новгородского государства. Чтобы добиться уплаты дани, новгородским князьям постоянно приходилось предпринимать на эти земли военные походы. Иногда племенам эстов удавалось объединиться для ответных совместных действий. Так, в 1176 г. «вся Чудская земля» приходила походом ко Пскову.

Однако не со всеми угро-финскими племенами, находившимися в сфере влияния Новгородского государства, у Новгорода сложились подобные отношения. В частности, с такими племенами у его западных

границ, как «ижора», «водь», «карела», Новгород связывали союзные отношения. На страницах новгородских летописей XII — первой половины XIII в. эти племена не выступают как объекты походов новгородского войска. Напротив, «карела» вместе с ним неоднократно участвовала в военных походах не только против западных соседей, но и против ростовских князей, а ижеряне и вожане — в войске Александра Невского в войне с немецкими крестоносцами. Сближение с Новгородом вело к распространению у этих племен христианства. Так, в 1227 г. крестилась «карела», «мало не все люди».

На Русском Севере, на землях, лежавших на север и северо-восток от Новгорода, данниками Руси были, по свидетельству «Повести временных лет», «заволочьская чудь», «пермь» и «печера». Заволочьской чудью называлось угро-финское население бассейна Северной Двины. Термином «пермь» обозначалась целая группа угро-финских племен, предков таких народов, как коми-пермяки, коми-зыряне и удмурты. Термин «печера» относился, по-видимому, к части коми-зырян, заселявших бассейн реки Печоры. Если у балтских и угро-финских племен Прибалтики, как и у восточных славян, основным занятием было земледелие, то в хозяйстве населения Севера не меньшее, а может быть, и большее значение имели охота, рыболовство и промыслы, что было связано с достаточно неблагоприятными для земледелия природными условиями. Предки коми-зырян, проживавшие в бассейне реки Вымь, были охотниками и скотоводами, предки коми-пермяков, заселявших верховье Камы, занимались подсечным земледелием, охотой и рыбной ловлей, и только у удмуртов основным занятием было земледелие. Об общественном строе этих племен в XII—XIII вв. никаких определенных свидетельств письменных источников не сохранилось, но очевидно, что у них в то время не существовало даже зачаточных форм государственной организации. Обнаруженные археологами остатки укрепленных поселений — городищ, погребений, отличающихся от других более богатым инвентарем, говорит о том, что и здесь начинался процесс социальной дифференциации населения.

Судьба этих групп населения Русского Севера в XII—XII вв. оказалась различной. Территория «заволочской чуди» сравнительно рано была включена в состав Новгородского государства. В 30-е гг. XII в. по Северной Двине и ее притокам уже размещалась сеть новгородских погостов, доходивших до самого впадения реки в Белое море, на побережье которого из морской воды выварили соль. Одновременно на эти земли направлялась идущая из Новгорода славянская колонизация. Почвы

Новгородской земли отличались особенно низким плодородием, и умножавшееся население для своего пропитания должно было все время искать новые территории. Немногочисленное местное население смешивалось с пришельцами, постепенно усваивая их язык и обычаи. В XIII в. на погостах уже строились христианские храмы, куда посылались из Новгорода богослужебные книги. Однако и в XIII в. здесь еще сохранялись большие группы угро-финского населения, не принявшие христианства — в «Слове о погибели земли Русской», памятнике, написанном в Ростовской земле сразу после татаро-монгольского нашествия, упоминаются «тоймичи поганые», жившие на север от Устюга в верхнем течении Северной Двины. Что касается «перми» и «печоры», то отношения с ними складывались так же, как и с племенами Прибалтики, с тем отличием, что дань взималась мехами дорогих пушных зверей (прежде всего соболя). Для сбора дани отправлялись «данники» с военными отрядами. Такие походы далеко не всегда заканчивались удачно. Под 1187 г. в Новгородской I летописи было отмечено, что «печерские данники» были на Печоре перебиты.

На восток от Перми и Печоры в Зауралье и нижнем течении Оби находилась Югра — племена приобских угров, ханты и манси — родственники переселившихся в Центральную Европу венгров, охотники и рыболовы. В начале XII в. новгородские дружинники, ходившие за данью на Печору, знали, что дальше на восток лежит Югра, которая в то время к числу данников Руси не принадлежала. Но уже под 1187 г. в Новгородской I летописи упоминаются «югорские данники». Сбор дани в Югре был делом трудным и опасным. В 1193 г. здесь погибло посланное туда для сбора дани все новгородское войско. В рассказе о событиях 1193 г. упоминаются «грады», их укрепленные поселения, которые осаждали новгородцы. И много позже для сбора дани приходилось посылать в Югру целое войско. В 1445 г. такое войско снова понесло серьезные потери от местных жителей.

В «полунощных странах» с Югрой соседствовала «самоядь» — племена ненцев-оленеводов. В начале XII в. в Новгороде была известна явно восходящая к их фольклору легенда о чудесном месте, в котором сходят с неба молодые белки и олени. Но эти племена в то время не вошли в зону новгородского влияния. Иной оказалась судьба другой группы населения Крайнего Севера — оленеводов-саамов (лопари русских источников). Уже в первых десятилетиях XIII в. новгородская дань распространилась на саамов, живших на западном и южном побережье Кольского полуострова («Терский берег», «волость Тре» новгородских источников). В 1216 г. упоминается о гибели «терского данника» в битве на Липице. Здесь при продвижении на запад новгородские сборщики дани

столкнулись со сборщиками дани из Норвегии. В 1251 г. новгородский князь Александр Невский заключил договор с норвежским королем Хаконом, установивший границы обоих государств в этом районе. На той части земли, заселенной саамами, которая была расположена в районе этих границ, могли одновременно взимать дань сборщики, приходившие и из Новгорода, и из Норвегии.

На территории Северо-Восточной Руси как ее данники во вводной части «Повести временных лет» упоминаются «меря», «весь» и «мурома». Упоминания первых двух этнонимов вызывает удивление, так как и «меря» и «весь» очень рано вещий в состав Древнерусского государства. На земле «мери» был поставлен главный административный центр края — Ростов, а позднее — другой крупный центр — Переяславль-Залесский. Территория, занимаемая этой ветвью угро-финнов, очень рано стала заселяться приходившими с северо-запада, а затем и с юга восточными славянами. Еще во второй половине XI в. ростовский епископ Леонтий учил «мерянский язык», чтобы проповедовать христианство среди местного населения, но позднее упоминания о нем в источниках не встречаются, что говорит о достаточно быстрой ассимиляции этого угро-финского этноса восточными славянами.

«Весь» (предки угро-финского народа вепсов) также достаточно рано вошла в состав Древнерусского государства. Уже в X в. центром княжеской власти здесь стало Белоозеро, основанное там, где из Белого озера вытекает река Шексна. В 70-х гг. XI в. по Шексне уже располагались погосты, в которых собиралась дань в пользу князя. В этот край также постепенно проникало восточнославянское население, но «весь» в течение долгого времени продолжала сохранять свой особый язык и обычаи. Рано вошла в состав Древнерусского государства и «мурома», о которой, кроме названия, практически ничего не известно. Мурома жила вокруг г. Мурома на Оке. В Муроме уже в начале XI в. сидел сын Владимира Святославича Глеб.

Как данники Руси в «Повести временных лет» упоминаются также «черемисы» и «мордва». Термином «черемиса» в древнерусских источниках называются предки марийцев, угрофинского народа, заселявшего Среднее Поволжье по обеим сторонам Волги («горная черемиса» на правобережье Волги и «луговая» на левобережье). Марийцы вели, главным образом, скотоводческое хозяйство, земледелие имело для них меньшее значение. Их общество подвергалось сильному культурному влиянию соседившей с марийцами Волжской Болгарии. Мордва — угро-финский этнос, разделяющийся на две этнографические группы — эрзя и мокша, занимал обширную территорию в междуречье Волги, Оки, Цны и

Суры. Земля мордвы как особая страна «Мордия» упоминается в сочинении византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.).

В IX—X вв. «черемисы» и мордва находились в зависимости от Хазарского каганата, а после его падения на них стало распространяться влияние Руси. Что касается «черемисы», то все сведения о ее отношениях с Древней Русью в X—XI вв. ограничиваются приведенным выше ее упоминанием. Очевидно, ее связи с Древней Русью не были особенно прочными. Можно сомневаться и в прочной зависимости от Древней Руси «Мордовской земли». Знакомство с записями летописцев, работавших на северо-востоке Руси, показывает, что для правителей Ростовской земли задача подчинения мордовских земель стала актуальной лишь после закладки в 1221 г. Нижнего Новгорода у впадения Оки в Волгу. Сообщения о походах этих князей на мордву содержат важные сведения о хозяйстве и общественном строе мордовских племен. Стремясь сломить сопротивление мордвы, русские войска «пожгоша жита и потравиша». Это показывает, что главным хозяйственным занятием мордвинов в XIII в. было земледелие. Сопротивление, оказанное войскам русских князей, было упорным, они неоднократно несли серьезные потери. В 1228 г. в поход на мордву выступил сам великий князь владимирский Юрий Всеволодович, но военные действия с переменным успехом продолжались и после этого. Во главе мордовских племен к этому времени уже стояли князья, занимавшие разные позиции. Князь Пуреш был «ротником» — принесшим «роту»-присягу вассалом великого князя владимирского, а князь Пургас был его противником и нападал на Нижний Новгород. Князья вели войны между собой. Так, сын Пуреша напал на Пургаса вместе с половцами.

Все же определенных успехов в подчинении земель Среднего Поволжья великим князьям владимирским удалось добиться. Автор «Слова о погибели Русской земли» вспоминал, что до монголо-татарского нашествия «Буртаси, Черемиси, Вяда и Мордва бортьничаху на князя великого». Вяда — это так называемая вадская мордва, заселявшая долину реки Вада. Буртасы в источниках X в. упоминаются как одно из племен

Среднего Поволжья, которые подчинялись в то время Хазарскому каганату. По мнению некоторых исследователей, так могли называть тюркоязычных соседей мордвы — чувашей. «Слово о погибели Русской земли» — первый памятник, в котором отмечается роль «бортничества» — пчеловодства в качестве одного из основных занятий этих племен Среднего Поволжья. Поэтому и дань с них взимали медом.

По своему образу жизни от соседей отличались племена башкир,

которые были скотоводами, разводившими лошадей и овец. Кочуя летом на территории Южного Урала, они перемещались зимой на юг — в долину реки Яик, прикаспийские и приаральские степи. С башкирами у Древнерусского государства в период раннего Средневековья каких-либо контактов на было.

Сказанное о населении, проживавшем в лесной зоне Восточной Европы, позволяет сделать два важных вывода. Во-первых, Древнерусское государство с момента своего образования было полиэтничным, а с расширением его границ в его составе оказывались все новые группы неславянского населения, вливавшиеся в ходе исторического развития в состав древнерусской народности. Во-вторых, при оценке состояния древнерусского общества в домонгольский период следует принимать во внимание, что недостаточный прибавочный продукт, производившийся этим обществом, существенно пополнялся за счет даней с племен на западных, северных и восточных границах Древнерусского Государства. Особенно значительными были доходы, поступавшие в эти века в Новгород Великий.

Из народов, соседивших с Древнерусским государством на территории Восточной Европы, особое место принадлежало Волжской Болгарии. Хотя тюркоязычные болгары были первоначально кочевниками, отошедшими в лесостепные районы Среднего Поволжья из лежавших южнее владений хазар, уже в X в. произошел переход основной массы населения к земледелию. По свидетельствам арабских авторов, они возделывали пшеницу, ячмень, просо и другие сельскохозяйственные культуры. Созданное здесь политическое объединение представляло собой настоящее государство, правитель которого был вассалом хазарского кагана. Его столица — город Болгар был важным центром торговли, где арабские купцы встречались с русами, привозившими с Севера меха и рабов. Здесь чеканилась серебряная монета, подражавшая арабским диргемам. В первых десятилетиях X в. население Волжской Болгарии приняло ислам. С ослаблением, а затем и упадком Хазарского каганата Болгарское государство стало самостоятельным.

Правящая верхушка Древнерусского государства понимала, что Болгария среди ее соседей занимает особое место. Об этом говорит читающийся в «Повести временных лет» фольклорный рассказ, как после победы Владимира над болгарами его дядя Добрыня, обнаружив, что взятые пленные все в сапогах, пришел к выводу, что дани здесь собрать не удастся и лучше поискать тех, кто ходит в лаптях. В этом рассказе отразилось представление и о богатстве Волжской Болгарии, по сравнению

с соседившими с ней племенами, и о том, что с ней следует обращаться как с серьезным политическим партнером.

Это сильное государство стремилось расширить свои границы на Севере, распространив свое влияние на Верхнее Поволжье. По свидетельствам арабских авторов X в., правителям Волжской Болгарии выплачивала дань часть башкирских племен. В состав Болгарского государства к XII в. вошли и земли южной ветви удмуртов — ара в низовьях Камы. Арабский путешественник Абу Хамид ал-Гарнати писал, что болгарские правители взимали дань с веси. Здесь интересы болгарских правителей сталкивались с интересами правителей Ростовской земли. Сохранились известия о нападениях болгар на Суздаль и Ярославль.

С 60-х гг. XII в. начались походы русских князей на Среднюю Волгу, рассказы о которых содержат ряд важных сведений о Волжской Болгарии. Во главе этого государства стоял «князь болгарский», которому подчинялись другие «князи». Во время военных действий болгары выставляли конное и пешее войско, упорно сражавшееся с русскими ратями. На страницах летописей неоднократно встречаются упоминания о столице государства — «славном великом граде болгарском», в котором находится множество товаров. Болгарское государство было опасным соперником князей, сидевших во Владимире на Клязьме, но борьбу за Верхнее Поволжье оно проиграло с основанием Нижнего Новгорода. Неудачи, по-видимому, компенсировались расширением границ Болгарского государства на юге. Болгарские «сторожи» встретили двигавшиеся в Восточную Европу войска Батыя на реке Яик.

В степной зоне Восточной Европы с ослаблением Хазарского каганата начались перемещения союзов кочевников из-за Каспийского моря в Причерноморье. К концу IX в. хозяином восточноевропейских степей стал союз печенежских племен. По свидетельствам Константина Багрянородного, печенежский союз состоял из восьми племен, четыре из них кочевали на восток, а четыре — на запад от Днепра. На западе земли, на которых кочевали печенеги, выходили за пределы Восточной Европы. Их кочевья доходили до северных границ Первого Болгарского царства и до восточных границ формирующегося Венгерского государства. Подробные сообщения Константина Багрянородного позволяют судить о характере отношений печенегов со своими соседями. О постоянных набегах печенегов на русские земли и мерах, принимавшихся для организации обороны от них, уже говорилось выше, но и об отношениях дунайских болгар и печенегов Константин сообщает, что болгары «многократно были побеждены и ограблены ими». Печенеги поддерживали оживленные

сношения с византийскими городами в Крыму, куда они приносили на продажу захваченную добычу и приводили пленных, получая взамен драгоценные ткани и пряности. Набегами и нападениями на торговые караваны, которые русы отправляли в Константинополь, эти отношения не исчерпывались. Русы покупали у печенегов коней и овец, а печенеги приобретали воск, который продавали византийским купцам. В результате постоянных набегов и торговли в руках печенежской знати скапливались большие богатства. Персидский историк Гардизи записал о печенегах: у них «много золотой и серебряной посуды, много оружия. Они носят серебряные пояса»/

Во главе отдельных племен стояли выборные вожди. Они избирались из одного определенного рода, но переход поста вождя от отца к сыну не допускался, наследовать должен был представитель другой ветви рода. Никакого одного верховного главы у печенегов не было, и отдельные племена — орды были совершенно самостоятельны. Несмотря на это печенеги были грозной силой, способной своим вмешательством нанести серьезный вред любому из соседей. Не случайно один из наиболее могущественных правителей того времени — византийский император считал необходимым ежегодно посылать к печенегам послов с богатыми дарами.

Серьезные неудачи в борьбе с Древнерусским государством (в 1036 г. Ярослав Мудрый нанес печенегам серьезное поражение под Киевом, а линии обороны, созданные при Владимире, были отодвинуты на восток) ослабили печенегов. В итоге их оттеснили в середине XI в. на запад племена торков (узы или огузы восточных источников). Однако господство торков в восточноевропейских степях продолжалось недолго. По свидетельству древнерусских летописей, их орда понесла большие потери от голода и эпидемий и вынуждена была уступить свое место пришедшим с Южного Урала племенам половцев (кипчаки — восточных, куманы — западных источников). Часть торков откочевала на русские земли и перешла на службу к русским князьям, расселявшим их по восточным границам Южной Руси, чтобы они защищали их от набегов из степи. Особенно значительное количество торков было поселено в Киевской земле в районе реки Рось, где в конце XI в. был основан их центр — город Торческ. Перейдя на новых местах от кочевания к пастушеству, торки и другие приходившие на службу к русским князьям кочевники (печенеги, берендеи и др.) продолжали заниматься скотоводством, сохраняли свои обычаи и верования («свои поганые» древнерусских летописей).

В 60—70-х гг. XI в. племена половцев расселились по

восточноевропейским степям. Печенежская орда, переместившись на запад, стала постоянно вторгаться на земли завоевавшей к этому времени Первое Болгарское царство Византии. В 1091 г. орда была разгромлена войсками византийского императора Алексея I Комнина и половами. С этих пор и вплоть до середины XIII в. половцы были полными хозяевами в восточноевропейских степях. Половцы заняли ту территорию, которую прежде занимали печенеги. Как и печенеги, они совершали постоянные набеги на соседей — древнерусские княжества, Византию, Венгрию для захвата добычи и пленных, большая часть которых продавалась в рабство. Как и печенеги, половцы поддерживали связи с торговыми городами в Крыму, где обменивали добычу и пленных на нужные им товары. Как и печенеги, половцы не имели единого главы и разделялись на несколько самостоятельных орд, которые время от времени могли объединяться для совместного участия в набегах. Первоначально, как и печенеги, половцы делились на два больших объединения, кочевавших одно — на запад, другое — на восток от Днепра.

В XII в. на востоке в придонских и предкавказских степях наиболее крупным было объединение половцев во главе с потомками хана Шарукана. Часть этих половцев после ударов, нанесенных этой орде Владимиром Мономахом в начале XII в., перешла на территорию Грузии, поступив на службу к грузинскому царю Давиду Строителю. Рядом с ней кочевало несколько более мелких орд (Токобичи, Ончерляевы и др.). В низовьях Днепра кочевала орда Бурчевичей, в степях, прилегавших к Крыму и Азовскому морю, кочевали «Лукоморские» половцы; существовало и еще одно, наиболее западное объединение половцев, кочевавшее в степях от бассейна Западного Буга до границ Византии и Венгрии.

По оценке исследователей, половецкое общество достигло более высокого уровня развития, чем печенежское. Если во второй половине XI в. это общество находилось еще на стадии таборного кочевания — круглогодичного постоянного перемещения по степям, без выделения постоянных участков для отдельных родов или племен, то к XII в. уже определились постоянные территории обитания отдельных орд с устойчивыми маршрутами перекочевок и постоянными местами для зимних и летних становищ. В хорошо увлажняемых в тот период, обильных травой восточноевропейских степях были благоприятные условия для ведения скотоводческого хозяйства — разведения коней, крупного рогатого скота, овец. В условиях перехода к новому способу кочевания в половецком обществе усилилась социальная дифференциация. Выделявшаяся социальная верхушка — знать использовала в своих

интересах традиционную родовую организацию общества, которую она возглавляла, и, в частности, особенно присущий половцам культ предков. Как таких предков особенно почитали покойных представителей знати, на могилах которых воздвигались курганы, украшенные их каменными изображениями. Они были объектом поклонения, и им приносились жертвы. Об усилении социальной дифференциации говорит и появление у половцев наследственных ханских династий. Так, наиболее крупное объединение половцев в придонских степях последовательно возглавляли хан Шарукан, его сыновья Сырчан и Атрак, его внук Кончак и правнук Юрий Кончакович. В рассказах о походах русских князей на половцев во втором десятилетии XII в. упоминаются расположенные на территории половецких кочевий «города» — город Шарукана на берегу Северского Донца и находившиеся сравнительно недалеко от него Сугров и Балин. Это были места постоянных «становищ», где находилось оседлое население, обслуживавшее потребности половецких ханов и знати. Новые явления в жизни половецкого общества делали его более уязвимым для нападений противника, но не вели к существенному изменению его отношений с соседями. Постоянные набеги на их земли оставались частью образа жизни половецкого общества.

Отношения половцев с Византией и Венгрией ничем существенно не отличались от таковых в более раннее время с печенегами. Напротив, в отношениях между древнерусскими княжествами и половцами произошли определенные изменения. С распадом Древнерусского государства и возникновением сражающихся между собой союзов князей все чаще возникали ситуации, когда те или иные князья обращались за поддержкой к главам отдельных орд, вовлекая их в междукняжеские конфликты. Половцы все чаще стали появляться на Руси как участники княжеских усобиц, что облегчало условия захвата добычи. Это была лишь одна из тенденций развития отношений между древнерусскими княжествами и половцами. Ей противостояла другая — периодически возникали союзы князей для совместной борьбы с набегами кочевников. Однако именно вовлечение половцев в междукняжескую борьбу привело к переменам в характере отношений — заключение союзов между князьями и половецкими ханами вело к появлению брачных союзов — русские князья брали в жены ханских дочерей. Так, в 1107 г. Владимир Мономах женил своего сына Юрия на дочери половецкого князя Аепы, от этого брака родился Андрей Боголюбский; на дочери Кончака был женат Владимир — сын Игоря Святославича, героя «Слова о полку Игореве». Это способствовало определенно развитию этнокультурных контактов между

народами. Одним из его результатов стало появление половецкого предания об Атраке и Сырчане на страницах древнерусской летописи: довольный своей жизнью в Грузии Атрак не захотел возвращаться на родину, брат прислал к нему певца, который дал ему понюхать степной травы, и Атрак вернулся в придонские степи, сказав: «луче есть на своей земле костью лечи, нели на чюже славну быти».

На протяжении всего периода X—XIII вв. земли юга Руси, граничившие со степной зоной, постоянно утрачивали существенную часть прибавочного продукта и самих его производителей, и то, и другое становилось добычей кочевников. В лучшем положении были земли севера Руси, они набегам кочевников не подвергались, а их правящая верхушка умножала свои доходы за счет дани с соседних племен, находившихся на более низкой ступени общественного развития.

Конфликты с кочевниками на территории Восточной Европы были характерны не только для Древней Руси. Сохранившееся в летописи известие под 1117 г., что «князь болгарский» отравил пришедших к нему на переговоры половецких ханов, показывает, что и для Волжской Болгарии соседство с кочевниками было тяжелым бременем.

Важные перемены произошли в эпоху раннего Средневековья в жизни племен алан — потомков ираноязычных скифов и сарматов. Главным из них стал переход в предгорных районах от скотоводства к оседлому земледелию (основные зерновые культуры — просо и пшеница). Об этом свидетельствуют находки археологами железных лемехов и сошников, а также зерна. Это же время отмечено и развитием ремесла, связанного с изготовлением керамики, оружия, конской упряжи, разнообразных украшений. Накопление прибавочного продукта, ставшее возможным благодаря этим сдвигам, создало предпосылки для социальной дифференциации аланского общества. Уже в VIII—IX вв. на землях алан появляются богатые погребения конных воинов — дружинников и «рядовые» погребения, лишенные богатых вещей и оружия. На рубеже IX—X вв. на землях алан сформировалось особое государство, игравшее в X—XII вв. важную роль в политической жизни на Кавказе. Арабский писатель первой половины X в. ал-Масуди писал о «царе» алан как о могущественном правителе, который мог вывести на войну 30 тыс. всадников. В VII—IX вв. аланские племена находились в зависимости от хазар (ряд аланских племен уплачивал им дань), совместно с которыми они боролись против вторжений арабских войск. И аланское государство, первоначально находившееся в зависимости от Хазарского каганата, к середине X в. стало самостоятельным. В отличие от хазар печенеги и

половцы не пытались включить народы Северного Кавказа в сферу своего влияния. X—XII вв. стали временем расцвета материальной культуры и военного могущества аланов.

В этот период в границы Алании входила обширная территория от верховьев Кубани до пределов современного Дагестана. Это было настоящее государство эпохи раннего Средневековья, входившее в зону византийского влияния. К X в. относится строительство на территории Алании сети каменных крепостей с использованием византийской строительной техники. Еще во время зависимости от Хазарии аланы приняли христианство из Византии. В конце X в., почти сразу вслед за киевской, была создана особая аланская митрополия. Греческий алфавит стал использоваться для записи текстов на местном языке. Столицей государства было, вероятно, городище Нижний Архыз в верховьях Кубани. Правитель Алании поддерживал дружественные отношения с княжествами на территории Дагестана, а с племенами адыгов отношения были враждебными, против них аланы предпринимали походы, доходя порой до побережья Черного моря. Конец существованию Аланского государства положило монголо-татарское нашествие.

На территории Дагестана главным занятием населения было пастбищное скотоводство, связанное с разведением мелкого скота. Земледелие было также важной отраслью хозяйства, но в существовавших в регионе природных условиях не могло играть главную роль. Довольно рано здесь получила развитие плавка и обработка железа, выделились специальные центры, занятые изготовлением разнообразных железных изделий. Накопленный прибавочный продукт оказался достаточным для заметной социальной дифференциации общества, но в силу природных условий Дагестана, где разные части страны отделены друг от друга труднопреодолимыми природными препятствиями, здесь постепенно возник целый ряд политических центров. Уже в источниках IV—V вв. упоминались «одиннадцать царей горцев» на этой территории. В VII—VIII вв. правители княжеств на территории Дагестана находились в зависимости от хазарского кагана. Вместе с хазарами они упорно сражались против вторгшихся на Северный Кавказ арабских войск. К концу VIII в. местные князья были вынуждены принять ислам, и с этого времени мусульманство стало распространяться по территории Дагестана. Первоначально, правда, мечети были поставлены только в резиденциях правителей, а основная масса населения продолжала придерживаться языческих верований. Князья были вынуждены также уплачивать дань арабскому халифу, но с ослаблением халифата в IX в. стали

самостоятельными. К этому времени, вероятно, следует относить окончательное формирование наиболее крупных княжеств на территории Дагестана — нусальства (Авария), шамхальства (на земле кумыков) и княжества уцмия кайтагского.

Накопленных природных ресурсов оказалось достаточно, чтобы выделившаяся социальная элита подчинила себе окрестное население и обосновалась в укрепленных центрах — крепостях. Основными источниками существования этой элиты — княжеских родов и их дружинников был труд захваченных на войне рабов и дань с общинников, вносившаяся частотно монетами, но главным образом скотом, зерном, ремесленными изделиями. Достаточно изолированное существование на ограниченной территории, ограниченный объем прибавочного продукта, который не мог существенно увеличиться при данных природных условиях, — все это способствовало тому, что социальные отношения, сложившиеся здесь в эпоху раннего Средневековья, продолжали сохраняться в течение ряда столетий.

Северо-западную часть Северного Кавказа занимали адыгские племена. Природные условия и способ хозяйства были близки к тому, что имело место в то же время на землях Дагестана. Социальные отношения у адыгских племен были более архаическими, процесс выделения социальной верхушки находился на начальной стадии.

Народы Сибири в эпоху раннего Средневековья. В эпоху раннего Средневековья важные социальные и политические перемены происходили в степной полосе Сибири, где в условиях оживленных и многообразных контактов с Китаем и государствами Средней Азии создавались крупные политические объединения.

Падение Тюркского каганата в борьбе с Китаем (середина VII в.) способствовало освобождению многочисленных племен степной полосы Сибири от власти тюркских каганов. Эти племена создали целый ряд политических объединений, игравших важную роль в историческом развитии региона. Наиболее крупным среди них стало объединение, созданное енисейскими кыргызами (предками современных хакасов).

Первые упоминания о «кыргызах», живущих на реке Енисей, встречаются в сочинениях китайского историка Сыма Цяня (I в. н.э.). Позднее, в VI в., они упоминаются в числе народов, подчиненных тюркским каганам. В период наивысшего могущества в IX—X вв. объединение кыргызов охватывало территорию от озера Байкал на востоке до Алтайских гор на западе. Центром земли кыргызов была Хакасско-Минусинская котловина. Эта этническая общность образовалась в

результате смешения пришлого монголоидного и местного европеоидного населения.

Главным занятием кыргызов было кочевое скотоводство (разведение лошадей, коров, овец), сочетавшееся с охотой на пушного зверя и рыболовством на больших реках. В соответствии с этим главной военной силой кыргызов была конница. Вместе с тем в некоторых районах Хакасско-Минусинской котловины, на территории Тувы прослеживается существование орошаемого земледелия: находки железных лемехов свидетельствуют о том, что земля уже обрабатывалась плугом. Поэтому кыргызы жили не только в юртах, но и в постоянных поселениях, в срубных домах, крытых берестой. На территории земли кыргызов, в Кузнецком Алатау, на Алтае существовали центры железоделательного производства, где изготавливались самые разнообразные изделия.

В обществе кыргызов было налицо заметное социальное расслоение, о чем говорит различие между богатыми погребениями знати в курганах, окруженных стоячими камнями — чаатасах, и расположенными вокруг них погребениями рядовых кыргызов. Археологами был обнаружен и деревянный городок с остатками зданий из сырцового кирпича — очевидно, резиденция верховного главы кыргызов. В зависимости от кыргызской знати находились соседившие с их землей таежные племена, уплачивавшие дань соболями и белками; здесь во время военных походов захватывали пленных, которые работали затем в хозяйствах знатных людей.

Знать управляла отдельными племенами, опираясь на своих родственников и дружины. Она вела торговлю с Китаем и странами Средней Азии, посылая туда меха и железные изделия и получая в обмен шелковые ткани, украшения, зеркала.

Кыргызы использовали для своих нужд созданную в Тюркском каганате руническую письменность. На земле кыргызов найдено к настоящему времени свыше 150 надписей, большая часть из них — эпитафии с похвалами покойному на каменных стелах, поставленных на могилах представителей знати.

После падения Тюркского каганата объединение кыргызов стало самостоятельным и их глава принял, подобно тюркским правителям, титул кагана. В 649 г. его посол посетил двор китайского императора.

После восстановления Восточнотюркского каганата в последних десятилетиях VII в. кыргызы оказали упорное сопротивление попыткам его правителей подчинить их своей власти. Позднее они вели упорную борьбу и с объединением уйгурских племен, которое пришло в VIII в. на смену Восточнотюркскому каганату. После длительных войн, растянувшихся на

несколько десятилетий, кыргызы около 840 г. взяли штурмом столицу уйгуров на реке Орхон (территория современной Монголии), и государство уйгуров распалось. Глава кыргызов даже перенес свою резиденцию на реку Орхон, но в начале X в. эта территория была потеряна. С образованием на территории Северного Китая и Монголии державы кара-китаев енисейские кыргызы в середине XI в. оказались в зависимости от них, а в первой половине XII в. были включены в состав этого объединения.

Много черт, схожих с обществом енисейских кыргызов, обнаруживает общество их восточных соседей — куруканов, заселявших территорию Прибайкалья и соседние районы Забайкалья (бассейн Ангары, верхнее течение Лены). С ними связывают памятники так называемой курумчинской культуры VI—X вв. Период раннего Средневековья был временем больших перемен в хозяйстве куруканов — произошел их переход от занятий охотой и рыбной ловлей к производящему хозяйству. Главным занятием куруканов было скотоводство (прежде всего разведение лошадей), как у енисейских кыргызов. Скотоводство также сочеталось с орошаемым земледелием (археологи обнаружили на ряде территорий остатки сетей оросительных каналов), но сами поля были довольно скромными по размерам, пригодными скорее для огородов, чем для посевов, а отсутствие в находках железных лемехов говорит за то, что эти поля обрабатывались с помощью мотыги. На земле куруканов также существовали центры, где выплавлялось железо и изготавливались разнообразные железные изделия. Здесь археологами обнаружены остатки постоянных (в ряде случаев — укрепленных) поселений, что свидетельствует о полуоседлом образе жизни населения. У куруканов также выделялась определенная социальная верхушка: в источниках упоминаются и вожди отдельных племен и «главный (или великий) старейшина» — глава всего объединения куруканов. Куруканы также пользовались тюркской рунической письменностью, но на их территории известны выполненные руническим письмом только краткие надписи на предметах.

Первое упоминание о куруканах в письменных источниках относится к 552 г., когда их послы вместе с послами других подчиненных народов присутствовали на похоронах тюркского кагана Бумыня. После падения Тюркского каганата куруканы также вступили в сношения с Китаем. В 647 г. их послы привезли в китайскую столицу как дары императору лошадей разных пород, которых выращивали в их земле. В конце VII в. куруканы вместе с енисейскими кыргызами давали отпор попыткам правителей восстановленного Восточнотюркского каганата подчинить их своей власти.

С куруканами связывают создание знаменитых памятников древнего наскального искусства — так называемых ленских писаниц, рисунков на скалах по берегам реки Лены. С миграцией куруканов на север, в бассейн среднего течения Лены, связано образование тюркоязычного народа якутов. Это была наиболее крупная, но не единственная миграция тюркских племен на север в таежную зону. Под влиянием контактов с более развитыми народами степной зоны у охотников и рыболовов южной части тайги постепенно стали распространяться навыки производящего (скотоводческого) хозяйства.

К VII в. относятся первые упоминания китайских хроник о живущих к востоку от Енисея, в восточносибирской тайге, племенах оленеводов «увань» — по-видимому, самоназвание тунгусов — «эвенки». Если эти племена вели своеобразное, приспособленное к очень суровым природным условиям, но все же производящее хозяйство, то у других племен Сибири и Дальнего Востока главными занятиями оставались охота и рыболовство, а где это было возможно — ловля морского зверя. Эти племена продолжали пользоваться каменными орудиями. Ценой больших усилий они смогли выработать тип хозяйства, позволявший существовать в таких природных условиях. Получавшийся при этом прибавочный продукт был минимальным, поэтому у всех этих племен продолжал безраздельно господствовать родовой строй.

Иные, гораздо более благоприятные природные условия существовали на землях к югу от Амура, занятых тунгусоманьчжурскими племенами мохэ. В эпоху раннего Средневековья главными отраслями хозяйства были земледелие (с использованием плуга и других земледельческих орудий) и скотоводство — разведение лошадей и свиней. Они овладели искусством изготовления керамики на гончарном круге и научились плавить железную руду. В этих условиях накопление прибавочного продукта создавало необходимые предпосылки для социальной дифференциации общества. Уже к VI в. здесь образовался слой «богатых» людей и начались набеги племен мохэ на соседние страны. Контакты с такими развитыми странами, как Китай и государства Корейского полуострова, способствовали ускорению социального развития племен мохэ. В конце

VI в. в ходе борьбы объединения племен мохэ с Китаем образовалось государство Бохэй. В период своего расцвета оно охватывало северную часть Корейского полуострова, Приморье, значительную часть Маньчжурии. Племенное деление сменилось здесь территориальным. Образовались города как укрепленные резиденции элиты и центры ремесленного производства. Стали строиться буддийские храмы, получила

распространение иероглифическая письменность, заимствованная из Китая.

Эти важные хозяйственные и социальные сдвиги затронули прежде всего южную группу племен мохэ. Именно на ее территории находились основные центры государства Бохэй и основные очаги земледелия. Что касается северной группы племен, заселявшей бассейн р. Уссури и земли по нижнему течению р. Амур, то здесь в хозяйстве гораздо больший удельный вес занимали охота и рыбная ловля, сохранялись более архаические социальные отношения. С образованием государства Бохэй и на эти земли распространилась деятельность созданных в нем органов государственного управления. Здесь были построены и укрепленные городские центры, остатки которых в долине р. Уссури были обнаружены археологами.

В начале X в. государство Бохэй потерпело поражение в борьбе с державой кара-китаев. В 926 г. они взяли штурмом столицу Бохэй, но на северные окраины государства их власть не распространялась. В XII в. на смену кара-китаям пришла созданная объединением племен чжурчженей империя Цзинь, охватившая значительную часть Северного Китая и Монголии. Земли по р. Уссури вошли в состав этого государства. Вместо крепостей, разрушенных кара-китаями, были построены новые городские центры, создана сеть дорог, введено действие обширного законодательства по китайскому образцу. Земли Приморья потеряли свое значение с переносом центра государства чжурчженей на юг Маньчжурии. Начался постепенный упадок новых форм социальной организации и городской жизни, которые были окончательно разрушены нашествием монголов.

Положение в западной части степной зоны отличалось рядом важных особенностей. Именно в этот район направлялись миграции кочевых племен, потерпевших поражение в борьбе за власть в Центральной Азии. Поселившись здесь, они затем под давлением новых волн переселенцев перемещались на запад, в восточноевропейские степи. Поэтому здесь происходила неоднократно смена населения, т. е. на смену одним политическим объединениям приходили другие.

Из недр Тюркского каганата вышли тюркоязычные племена, заселившие эту часть степной зоны во второй половине VII— первой половине IX в. Именно в это время на территории Северного Алтая и Прииртышья получают широкое распространение характерные для тюркских древностей погребения с конем. Источники IX—X вв. отмечают существование на этой территории двух крупных племенных объединений — тузов и кимаков.

В IX в. племена гузов вытеснили печенегов из заволжских степей и заняли их место у восточных границ Хазарского каганата. В X в. они кочевали в степях к северу от Аральского моря по рекам Эмбе и Уралу. При подходе к Волге они нападали на земли Хазарии, а позднее участвовали в походах Владимира на Волжскую Болгарию. Яркое описание образа жизни и обычаев гузов сохранилось в сочинении Ибн Фадлана.

В Прииртышье на рубеже VIII—IX вв. сложилось сообщество тюркских племен, носивших общее название кимаков. В его состав входили и племена кипчаков (позднее известных древнерусским источникам как половцы). Племена, принадлежавшие к ядру союза (собственно кимаки), расселились по обоим берегам Иртыша, кипчаки — западнее, в районе Южного Урала. Занятая этими племенами территория граничила на востоке с землей енисейских кыргызов, на западе и юго-западе — с племенами гузов. С гузами отношения в целом были мирными, гузы и кипчаки часто кочевали на одних и тех же пастбищах. С кыргызами и южными соседями на территории Средней Азии они вели постоянные войны.

В середине IX в. верховный глава кимаков принял титул кагана, заявив тем самым о своей самостоятельности и равноправном положении с соседними правителями. Земля кимаков делилась на И «владений», во главе которых стояли наследственные правители. Занятием основной массы населения было кочевое скотоводство, но на главной земле кимаков, в Прииртышье, наметился переход части населения к оседлому образу жизни. Оно занималось земледелием, выращивая пшеницу и ячмень. Постепенно наряду с появлением постоянных поселений стали формироваться и «города» — укрепленные центры пребывания социальной элиты, где появились и скопления торгово-ремесленного населения. Арабский географ XII в. Идриси писал о наличии в земле кимаков 16 таких «городов», из их числа выделялась резиденция кагана — город Имакия, где имелись базары и храмы. Эти перемены не касались территории, занятой кипчаками, где археологами не обнаружены следы оседлых или полуоседлых поселений.

На рубеже X—XI вв. в этой части степной зоны произошли значительные перемены. Толчком для них стало образование в Центральной Азии новой большой кочевой державы — киданьской империи Ляо на территории Северного Китая и Монголии. Это привело к миграции на запад целого рада тюркских племен, утративших свои пастбища и боявшихся преследований со стороны победителей. Главную роль среди них играли тюркские племена куны и каи, двинувшиеся с востока на территорию Западной Сибири и северной части Средней Азии,

вовлекая в свой состав по пути движения другие тюркские племена. Их попытки поселиться на землях туркменских племен, обитавших южнее и принявших ислам, привели к большой войне, в которую оказались вовлеченными и гузы, территорию кочевий которых заняли туркмены. К середине XI в. началось переселение гузов в восточноевропейские степи. Несколько позже началась миграция на запад пришельцев, потерпевших поражение в войне с туркменами. В своем движении они захватили и увлекли с собой племена кипчаков. В восточноевропейских степях из объединившихся между собой тюркоязычных племен, близких по языку и образу жизни, сформировалась новая этническая общность, которая называлась в древнерусских источниках половцами, а в источниках иного происхождения — куманами, названием, производным от названия племени кунов — куманов, сыгравшего в переселении на запад особо активную роль.

На оставленных кипчаками землях стали расселяться тюркоязычные племена канглы. К началу XIII в. степь к западу от Иртыша называли «страной канглийцев».

Раздел III. Восточная Европа и Сибирь под властью Золотой Орды. Борьба русского народа за освобождение от иноземного господства и политическое объединение

Глава 7. МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ И СУДЬБЫ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В XIII в.

§ 1. МОНГОЛЬСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ

В середине XIII в. территорию Северной Азии охватили события, которые привели к коренным переменам в развитии как всего региона в целом, так и Древней Руси.

Образование Монгольского государства. Во второй половине XII в. на землях многочисленных монгольских племен (кэритов, тайджунов, монголов, меркитов, татар, ойратов, онгутов и др.), кочевавших от Байкала и верховьев Енисея и Иртыша до Великой Китайской стены, активизировался процесс разложения родового строя. В рамках родовых связей происходило имущественное и социальное расслоение с выдвижением на первый план такой хозяйственной ячейки, как семья. У степных монголов в основе хозяйства было скотоводство. В условиях, когда степи были общими, складывался обычай перехода в собственность пастбищ по праву первичного захвата их теми или иными семьями. Это давало возможность выделения богатых семей, владеющих несметными табунами коней, крупного и мелкого скота. Так формировалась знать (нойоны, багатуры), создавались новые объединения — орды, появлялись всесильные ханы, формировались дружины нукеров, являвшиеся своего рода гвардией ханов.

Особенностью существования монголов-кочевников был походный образ жизни, когда человек с детства не расставался с лошадью, когда каждый кочевник был воином, способным к мгновенным перемещениям на любые расстояния. Плано Карпини в «Истории монголов» (1245—1247) писал: «Дети их, когда им 2 или 3 года от роду, сразу же начинают ездить верхом и управляют лошадьми и скачут на них, и им дается лук сообразно их возрасту, и они учатся пускать стрелы, ибо они очень ловки, а также смелы». Науку сражаться они проходили само собой. Неприхотливость в быту, выносливость, способность к действию, не имея в течение трех-четырех дней ни минуты сна и ни крошки пищи, воинственный дух — все это характерные черты этноса в целом. Поэтому социальное расслоение, формирование знати, появление ханов плавно сформировали зарождающееся государство как военизированное. К тому же основа жизни

кочевников — скотоводство — органично предполагало экстенсивный характер использования пастбищ, их постоянную смену, а периодически — захват новых территорий. Примитивность быта кочевников приходила в противоречие с запросами сформировавшейся элиты, что потенциально готовило социум к захватническим войнам.

К концу XII в. межплеменная борьба за главенство достигла апогея. Создавались межплеменные союзы, конфедерации, одни племена подчиняли или истребляли другие, превращали их в рабов, заставляли служить победителю. Элита племени-победителя становилась полиэтничной.

Так, в середине XII в. вождь из племени тайчиутов Есугей объединил большинство монгольских племен, однако враждебные ему татары сумели его уничтожить, и едва возникшее политическое объединение (улус) распалось. Однако к концу века старший сын Есугея Темучжин (названный так по имени вождя татар, убитого Есугеем) сумел снова подчинить часть монгольских племен и стать ханом. Отважный воин, отличавшийся и смелостью, и жестокостью, и коварством, он, мстя за отца, разгромил племя татар. «Сокровенное сказание» сообщает, что «все татарские мужчины, взятые в плен, были перебиты, а женщины и дети розданы по разным племенам». Часть племени уцелела и использовалась как авангард в последующих грандиозных военных акциях.

На курултае, съезде, собравшемся на реке Онон в Монголии в 1206 г., Темучжин был провозглашен правителем «всех монголов» и принял имя Чингисхан («великий хан»). Как и предшествующим объединениям кочевников, новой империи было присуще соединением родоплеменного деления с крепкой военной организацией, основанной на десятичном делении: отряд в 10 тыс. всадников («тумен») делился на «тысячи», «сотни» и «десятки» (а эта ячейка совпадала с реальной семьей — аилом). От предшествующих кочевых армий монгольское войско отличалось особенно суровой и жесткой дисциплиной: если из десятка бежал один воин, убивали весь десяток, если отступал десяток — наказывалась вся сотня. Обычная казнь — перелом позвоночника или изъятие сердца провинившегося.

Одним из первых объектов экспансии стали народы, живущие в степной и (частично) лесной зоне Сибири: буряты, эвенки, якуты, енисейские кыргызы. Завоевание этих народов завершилось к 1211 г., и начались походы монгольских войск в богатые земли Северного Китая, завершившиеся взятием Пекина (1215). Под властью монгольской кочевой знати оказались обширные территории с земледельческим населением. С

помощью своих китайских советников Чингисхан приступил к созданию организации их управления и эксплуатации, которая затем была использована на других покоренных землях. Захваты на территории Китая дали в распоряжение монгольских правителей стенобитные и камнеметные машины, которые позволяли разрушать крепости, недоступные для монгольской конницы. Армия Чингисхана значительно увеличилась в размерах за счет принудительного включения в ее состав воинов из числа подчинившихся монголам кочевых племен. В начале 20-х гг. XIII в. войска Чингисхана, насчитывавшие 150— 200 тыс. человек, вторглись в Среднюю Азию, опустошив основные центры Семиречья, Бухару, Самарканд, Мерв и другие и подчинив своей власти весь этот обширный регион. В Северной Евразии складывалось огромное, многоэтничное государство, во главе которого стояла монгольская знать, — Монгольская империя.

Первая война между монголами и Русью. После завоевания в течение 1219—-1221 гг. Средней Азии 30-тысячное монгольское войско во главе с военачальниками Джебе и Субедеем пошло в разведывательный поход на Запад. Разгромив в 1220 г. Северный Иран, монголы вторглись в Азербайджан, часть Грузии и, разорив их, обманом проникли через Дербентский проход на Северный Кавказ, где нанесли поражение аланам, осетинам и половцам. Преследуя половцев, монголы вошли в Крым. В борьбе с ними придонское объединение половцев во главе с Юрием Кончаковичем потерпело поражение, и побежденные бежали к Днепру. Хан Котян и главы других половецких орд запросили поддержки у русских князей. Галицкий князь Мстислав Удатный (т.е. удачливый), зять Котяна, обратился с призывом ко всем князьям. В итоге собравшееся войско возглавил киевский князь Мстислав Романович. В походе приняли участие смоленские, переяславские, черниговские и галицко-волынские князья. Для борьбы с монгольской ратью была собрана большая часть тех военных сил, которыми располагала в начале XIII в. Древняя Русь. Но участвовали в походе не все, в частности не пришли суздальские полки. На Днепре русские войска соединились у Олешья со «всей землей Половецкой». Но в этом большом войске не было единства. Половцы и русские не доверяли друг другу. Русские князья, соперничая между собой, стремились каждый одержать победу собственными силами. Передовой полк монголов разбили Мстислав Удатный и Даниил Волынский, но когда монголы 31 мая 1223 г. встретили войско союзников в приазовских степях на реке Калке, Мстислав Галицкий вместе с половцами вступил в битву, не поставив в известность других князей, а половцы, обращенные в бегство монголами, «потопташе бежаще станы русских князь». Глава похода Мстислав Романович вообще

не принял участия в битве, окопавшись со своим полком на холме. >Оосле трех дней осады войско сдалось при условии, что воины получат возможность выкупиться из плена, но обещания были нарушены и воины жестоко перебиты, уцелела едва десятая часть войска. Монголы ушли прочь, но эти события показали, что военные силы разрозненных русских княжеств вряд ли будут в состоянии дать отпор главным силам монгольской армии. На многие столетия русский народ сохранил в памяти горечь этого поражения.

Монголо-татарское нашествие. Решение о походе Монгольских войск на Запад было принято на съезде монгольской знати в столице Монгольской империи — Каракоруме в 1235 г. уже после смерти Чингисхана, хотя предварительное обсуждение было в 1229 г. Во главе этих войск стал старший внук Чингисхана Бату (Батый древнерусских источников), его главным советником стал Субедей, выигравший битву на Калке. Огромное войско (по оценке Плано Карпини, в 160 тыс. монголов и 450 тыс. из покоренных племен) в основной своей части состояло из конницы, делившейся на десятки, сотни и тысячи, объединенной под единым командованием и действовавшей по единому плану. Оно было усилено огнеметными и камнеметными орудиями, а также стенобитными машинами, против которых не могли устоять деревянные стены русских крепостей.

В 1236 г. монгольский полководец Бурундай напал на Волжскую Болгарию. Столица государства — «великий град Болгарский» — была взята штурмом и разрушена, а ее население истреблено. Затем пришла очередь половцев. В 1237 г. один из главных половецких ханов Котян с 40-тысячной ордой, спасаясь от монголов, бежал в Венгрию. Половцы, оставшиеся в степи и подчинившиеся новой власти, вошли в состав монгольского войска, увеличив его силы. Осенью 1237 г. монголо-татарские войска подошли к территории Северо-Восточной Руси.

Хотя о надвигавшейся опасности было известно заранее, русские князья не заключили между собой соглашения о совместных действиях против монголов. Первыми столкнулись с ними рязанские князья, которым поначалу был предъявлен ультиматум: откупиться десятиной в людях, конях и доспехах. Однако князья решили защищаться и обратились за помощью к великому князю владимирскому Юрию Всеволодовичу. Но тот «сам не поиде, ни послуша князей рязанских молбы, но сам хоте особь брань створити». Отказал в помощи и черниговский князь. И потому, когда войска Бату зимой 1238 г. вторглись в Рязанскую землю, рязанские князья после поражения в бою на реке Воронеж были вынуждены укрыться в

укрепленных городах. Русские люди храбро защищались. Так, шесть дней продолжалась оборона столицы Рязанской земли — г. Рязани. Неся серьезные потери, монгольские военачальники прибегли к обману. По свидетельству Ипатьевской летописи, главного рязанского князя Юрия Игоревича, укрывшегося в Рязани, и его княгиню, находившуюся в Пронске, они из этих городов «изведше на льсти», т.е. выманили обманом, обещав почетные условия сдачи. Когда цель была достигнута, обещания были нарушены, главные центры Рязанской земли были сожжены, их население частью перебито, частью угнано в рабство. Впоследствии, когда не удавалось преодолеть оборону русских городов, монголы неоднократно прибегали к такому приему. И «ни един же от князей... не поиде друг другу на помощь».

Часть рязанских войск во главе с князем Романом Ингваревичем сумела отойти к Коломне, где соединилась с ратью воеводы Еремея Глебовича, подошедшей из Владимира. Под стенами города в начале 1238 г. «бысть сеча велика». Русские люди «бишася крепко», в бою погиб один из «царевичей» — внуков Чингисхана, участвовавших в походе. От захваченной Коломны монголо-татары двинулись к Москве. Москвичи во главе с Филиппом Нянкой проявили мужество, но силы были неравные, город был взят, «а люди избиша от старьца до сущаго младенца». Тотчас же монголо-татары вторглись на земли владимирского великого княжения. Юрий Всеволодович выехал на север к Ярославлю собирать новую рать, а монголы 3 февраля 1238 г. осадили столицу края — Владимир. Через несколько дней стены града были разрушены, 7 февраля город был взят и разорен, население угнано в рабство, в Успенском соборе в огне погибли жена великого князя Юрия, его дети, снохи и внучата и владимирский епископ Митрофан со своим клиром. Ворвавшись в горящий храм, супостаты главную «чюдную икону одраша, украшену златом и серебром и каменьем драгим». Был разорен дотла Рождественский монастырь, а архимандрит Пахомий и игумены, монахи и жители города убиты или взяты в полон. Погибли и сыновья Юрия.

Монголо-татарские отряды разошлись по всей Северо-Восточной Руси, дойдя на севере до Галича Мерского (Костромского). На протяжении февраля 1238 г. было разорено и сожжено 14 городов (среди них Ростов, Ярославль, Суздаль, Твёрь, Юрьев, Дмитров и др.), не считая слобод и погостов: «и несть места, ни веси, ни сел тацех редко, идеже не воеваша на Суждальской земле». На реке Сить 4 марта 1238 г. погиб великий князь Юрий, его спешно собранные, но отважные полки, отчаянно сражаясь, не могли сломить силу огромного монгольского войска. В бою был взят в плен

племянник Юрия Василько Константинович. Монголы долго принуждали его в Шеренском лесу перейти в стан врага и «быти в их воли и воевати с ними». Молодой князь отверг все предложения и был убит. Летописец писал о нем: «Бе же Василко лицом красен, очима светел и грозен, храбр паче меры на ловех, сердцемь легок, до бояр ласков». Другая часть войска Батыя двинулась на запад.

5 марта 1238 г. был взят и сожжен Торжок, но город задерживал монгольское войско целых две недели, и его героическая оборона спасла Новгород. Из-за предстоявшей весенней распутицы монголо-татары были вынуждены повернуть, не дойдя до города. Через восточные земли смоленских и черниговских княжеств они двинулись в «землю Половецкую» — восточноевропейские степи. На этом пути монголы столкнулись с упорным сопротивлением небольшого городка Козельска, осада которого продолжалась 7 недель. Когда городские укрепления были разрушены, жители на улицах «ножи резахуся» с монголами. Козляне порубили их стенобитные орудия, убили, как сообщает летопись, четыре тысячи, и сами были перебиты. При взятии города погибли сыновья трех темников — крупных монголо-татарских военачальников. И вновь воины Батыя стерли город с лица земли и перебили его жителей, вплоть до «отрочат» и «сосущих млеко».

В следующем, 1239 году монголы завоевали Мордовскую землю, и войска их дошли до Клязьмы, снова появившись на территории Владимирского великого княжения. Охваченные страхом люди бежали куда глаза глядят. Но главные силы монголо-татар были направлены на Южную Русь. Под впечатлением того, что произошло на севере Руси, местные князья даже не пытались собрать силы, чтобы дать им отпор. Наиболее могущественные среди них — Даниил Галицкий и Михаил Черниговский, не дожидаясь прихода монголов, ушли на запад. Каждая земля, каждый город отчаянно сражались, полагаясь на собственные силы. 3 марта был взят штурмом и разрушен Переяславль Южный, где Бату перебил всех жителей, разрушил церковь Михаила Архангела, захватив всю золотую утварь и драгоценные камни и убив епископа Симеона. В октябре 1239 г. пал Чернигов. Поздней осенью 1240 г. войско Батыя «в силе тяжьце» «многомь множеством силы своей» осадили Киев. Летописец пишет, что «от скрипания телег его, множества ревения вельблюд его и ржания от гласа стад конь его» не слышно было голосов людей, оборонявших город. В летописи также отмечено, что монгольский военачальник, посланный за год до осады «сглядать» Киев, «видев град, удивися красоте его и величеству его». Исходившие от военачальника предложения о сдаче

киевляне отвергли. Здесь монголов встретило особо упорное сопротивление, хотя еще в конце 1239 г. Киев остался без князя, так как сидевший в Киеве Михаил Черниговский бежал к венграм, а занявший киевский стол Ростислав Смоленский попал в плен к Галицкому князю Даниилу. Даниил же посадил в Киеве воеводу Дмитра. Начав осаду, Бату сосредоточил стенобитные орудия, бившие дни и ночи, в районе Ляшских ворот. Горожане отчаянно защищались на стенах. Когда стены города были разрушены стенобитными машинами, жители Киева во главе с воеводой Дмитром поставили новый «град» вокруг Десятинной церкви и продолжали сражаться там. Своды, рухнувшие от тяжести множества взбежавших на церковь людей, стали могилой для последних защитников столицы Древней Руси.

Взяв Киев, монголы двинулись в Галицко-Волынскую землю и взяли штурмом Галич и Владимир Волынский, жителей которых «изби не щадя». Разорены были «инии грады мнози, им несть числа».

Весной 1241 г. армия Батыя двинулась дальше — в Польшу, Венгрию, балканские страны, дойдя в итоге до границ Германской империи и Адриатического моря. Выдохшись, монголы в конце 1242 г. повернули на восток.

Уже это достаточно краткое описание событий показывает, чем монгольское нашествие с его огромной, великолепно оснащенной армией отличалось от тех традиционных набегов кочевников, которым древнерусские земли подвергались в предшествующие столетия. Во-первых, эти набеги никогда не охватывали столь обширную территорию, ведь были разорены огромные регионы (как, например, Северо-Восточная Русь), которые ранее набегам кочевников не подвергались. Печенеги и половцы, захватывая добычу и пленных, не ставили своей целью захват русских городов, да у них и не было для этого соответствующих средств. Лишь иногда им удавалось овладеть той или иной второстепенной крепостью. Теперь же были полностью разрушены и лишились большей части своего населения главные города многих древнерусских земель. Ныне в культурных отложениях многих древнерусских городов середины XIII в. археологами обнаружены слои сплошных пожарищ и массовые захоронения погибших. Из 74 изученных археологами древнерусских городов 49 было разорено войсками Батыя, в 14 из них жизнь вообще прекратилась, 15 превратились в поселения сельского типа. Нещадное истребление и угон в плен массы квалифицированных ремесленников привели к тому, что ряд отраслей ремесленного производства прекратил свое существование. В частности, огромный недостаток средств и

квалифицированной рабочей силы привел к прекращению в стране на целый ряд десятилетий каменного строительства. Первой каменной постройкой, появившейся в Северо-Восточной Руси после монгольского нашествия, стал поставленный только в 1285 г. собор Спаса в Твери. Процесс восстановления после грандиозных разрушений силами общества с традиционно ограниченным совокупным прибавочным продуктом был растянут на многие десятилетия и даже века.

Обескровив, лишив древнерусские земли значительной части населения, разрушив города, монгольское нашествие отбросило древнерусское общество назад в тот самый момент, когда в странах Западной Европы начинались прогрессивные общественные преобразования, связанные с развитием внутренней колонизации и подъемом городов.

§ 2. ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ ПОД ВЛАСТЬЮ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И ИХ ОТНОШЕНИЯ С ЗАПАДНЫМИ СОСЕДЯМИ

Установление ига Золотой Орды. Этим, однако, отрицательные последствия произошедших перемен далеко не ограничивались. После возвращения монгольского войска из похода в страны Западной Европы древнерусские земли стали частью «улуса Бату» — владений, подчинявшихся верховной власти внука Чингисхана и его потомков. Центром улуса стал г. Сарай («сарай» в переводе на русский — «дворец») в низовьях Волги, к середине XIV в. насчитывавший до 75 тыс. жителей. Первоначально улус Бату был частью гигантской Монгольской империи, подчинявшейся верховной власти великого хана в Каракоруме — старшего среди потомков Чингисхана. В ее состав входили Китай, Сибирь, Средняя Азия, Закавказье, Иран. С начала 60-х гг. XIII в. владения преемника Бату, Берке, стали самостоятельным государством, которое по традиции в отечественной литературе носит название Золотой Орды (иные названия: «Улус Джучи», «Белая Орда», «Дешти Кыпчак»). Золотая Орда занимала гораздо более обширную территорию, чем кочевья печенегов и половцев — от Дуная до впадения Тобола в Иртыш и низовьев Сыр-Дарьи, включая Крым, Кавказ до Дербента. Вместе со степями — традиционными местами кочевий — в состав улуса Бату входил и ряд земледельческих территорий с развитой городской жизнью, таких, как Хорезм в Средней Азии, южное побережье Крыма. К числу подобных земель принадлежала и Русь. Опорой

власти хана были кочевники восточноевропейских и западносибирских степей, выставлявшие войско, с помощью которого он держал в повиновении зависимых земледельцев. Уже в войске, пришедшем с Бату, значительную часть составляли тюркоязычные племена Центральной Азии, к ним затем присоединились подчинившиеся власти монголов половцы. В конце концов монголы растворились в массе тюркоязычных кочевников, усвоив их язык и обычаи. По мнению ученых, даже придворные круги уже с конца XIV в. заговорили по-тюркски. На тюркском языке составлялись и официальные документы. Образовавшийся таким образом новый народ получил в древнерусских и других источниках название «татары». Связь с монгольскими традициями сохранялась лишь в том отношении, что право занимать ханский трон имели лишь потомки Чингисхана, народ впоследствии и заложил основу формирования основных тюркских этносов нашей страны.

Каковы были главные проявления зависимости древнерусских земель от Орды? Во-первых, русские князья стали вассалами хана, и, чтобы править своим княжеством, князь должен был получать у хана в Сарае «ярлык» (грамоту), дающий право на княжение. Первым поехал к Батыю за ярлыком в 1243 г. новый великий князь владимирский Ярослав Всеволодович, за ним в Орду двинулись и другие князья. Поездка за ярлыком была делом достаточно опасным. В непростой ситуации Ярославу пришлось оставить в Орде своего сына Святослава в качестве заложника. И заложничество отныне стало довольно частым явлением. А в 1245 г. Ярослав вновь был вызван Батыем в Сарай и оттуда отправлен в Каракорум, где в 1246 г., после трапезы у великой ханши Таракины, по дороге домой умер. Виною, видимо, были подозрения в контактах с католиками Запада. В 1246 г. князь Михаил Черниговский, отказавшийся при посещении ханской ставки пройти через очистительный огонь, был убит татарами. Отныне в спорах между князьями хан выступал в качестве верховного арбитра, решения которого были обязательны. После отделения улуса Бату от Монгольской империи его глава — хан — на страницах древнерусских летописей стал называться «цесарем», как ранее называли только главу православного христианского мира — византийского императора.

Русские князья должны были со своими войсками участвовать в походах по приказу хана. Так, во второй половине XIII в. болыцая группа князей из Северо-Восточной Руси участвовала в походах на алан, не желавших подчиняться власти Золотой Орды.

Другой важной обязанностью была постоянная уплата дани («выхода»)

в Орду. Первые шаги по учету населения и организации сбора дани были сделаны сразу же после захвата Киева. Хан Гуюк распорядился переписать всех жителей для их частичной продажи в рабство и сбора дани натурой. В 1252— 1253 гг. монголы провели переписи в Китае и Иране. Для лучшей организации сбора дани в конце 50-х гг. XIII в. была проведена поголовная перепись населения («число») и на подвластных Золотой Орде древнерусских землях. Дальновидные монгольские власти, стремясь разобщить завоеванное общество, освободили от уплаты дани только православное духовенство, которое должно было молиться за благополучие хана и его государства. По некоторым данным, первоначально описаны были Суздальская, Рязанская и Муромская земли. По свидетельству францисканца Плано Карпини, посетившего древнерусские земли на пути в Орду, размер «выхода» составлял 1/10 часть имущества и 1/10 населения, что за какие-нибудь 10 лет в совокупности было равноценно исходному количеству *всего* имущества и *всего* населения. В рабство обращались люди, которые были не в состоянии уплатить дань, а также не имевшие семьи и нищие. В случае задержки с уплатой дани немедленно следовали жестокие карательные акции. Как писал Плано Карпини, такую землю или город разоряют «при помощи сильного отряда татар, которые приходят без ведома жителей и внезапно бросаются на них». Во многих русских городах появились особые представители хана — «баскаки» (или даруги), их сопровождали вооруженные отряды, и они, реализуя политическую власть на месте, должны были наблюдать за тем, как выполняются приказы хана. На них поначалу был возложен и сбор дани. Со временем он был передан на откуп. В XIV в. в итоге вспышек бунтов и волнений, прокатившихся по русским землям во второй половине XIII в. (восстания 1259 г. в Новгороде, 1262 г. в Ярославле, Владимире, Суздале, Ростове, Устюге), дань монголам стали собирать русские князья.

Таким образом, древнерусские княжества не только лишились политической самостоятельности, но и должны были noli стоянно уплачивать с разоренной нашествием страны огромную дань. Тем самым резко сокращался объем и так ограниченного в силу неблагоприятных природно-климатических условий совокупного прибавочного продукта, и крайне затруднялись возможности поступательного развития.

Тяжелые отрицательные последствия монгольского вторжения в разных регионах Древней Руси сказывались с неодинаковой силой. Князья Северо-Восточной Руси должны были, как и зья других древнерусских земель, ездить за ярлыками в Орду и уплачивать тяжелый «выход». Они утратили и дани с племен Среднего Поволжья, которые были подчинены

теперь власти хана в Сарае. Тем не менее удалось сохранить традиционные формы общественного устройства и традиционную организацию Владимирского великого княжения, когда князь — обладатель ярлыка на великое княжение — получал во владение город Владимир с окружающими территориями, пользовался своего рода почетным старшинством среди русских князей и мог созывать князей на съезды для решения вопросов, касавшихся всей «земли» (например, для обсуждения того, как следует выполнить приказы хана). Такому положению дел немало способствовало то обстоятельство, что на севере Руси в лесной зоне Восточной Европы не было территорий, пригодных для кочевого скотоводства, т. е. не было условий для режима постоянной оккупации монголами этих земель.

Иное положение сложилось на юге Руси, в лесостепной зоне Восточной Европы. На некоторых территориях, как, например, в бассейне Южного Буга, размещались сами ордынские кочевья, на других территориях ордынцы устанавливали свое прямое, непосредственное управление. Так, по свидетельству Ипатьевской летописи, Болоховская земля в южной части Галицко-Волынского княжества не подверглась разорению во время нашествия — «оставили бо их татарове, да орють пшеницу и просо». Когда Плано Карпини в 1245 г. ехал в Орду, то он заметил, что город Канев, расположенный на Днепре ниже Киева, находится «под непосредственной властью татар». Ехавшего в это же время в Орду Даниила Галицкого татары встретили даже под Переяславлем. Уже вскоре после монгольского нашествия перестали существовать княжеские столы в Киеве и Переяславле Русском, а в Черниговской земле Роман, сын убитого в Орде Михаила, перенес столицу княжества из Чернигова в Брянск, в район знаменитых Брянских лесов, туда же переместилась и епископская кафедра. Сыновья Михаила, судя по их наименованиям в родословной традиции, перешли в ставшие их уделами городки по Верхней Оке в северной части Черниговской земли. Митрополит, в предшествующие годы редко покидавший Киев, теперь начинает проводить все больше времени на севере Руси, а в 1300 г., когда, по свидетельству летописи, «весь Киев разбежалъся», то есть стал пустым городом, митрополит Максим, «не терпя татарьского насилья», перенес митрополичью резиденцию во Владимир на Клязьме.

Все эти конкретные факты были внешним отражением более глубоких, подспудных процессов — миграции населения из лесостепной зоны — района непосредственного присутствия ордынцев — в более удаленные от их кочевий, менее доступные для них по условиям местности лесные районы.

Трудности, с которыми столкнулись древнерусские земли после монголо-татарского нашествия, оказалось преодолевать тем тяжелее, что одновременно они подверглись враждебным действиям со стороны и других внешних сил.

Литва и русские земли в XIII в. Начавшийся в южной Прибалтике процесс формирования раннефеодального Литовского государства сопровождался уже в последних десятилетиях XII — начале XIII в. резким усилением литовских набегов на соседние земли. Прошло то время, когда, как говорилось в «Слове о погибели Русской земли», «Литва из болот на свет не выникиваху». Литовские дружины не только систематически опустошали соседние с Литвой Полоцкую и Смоленскую земли. Во втором десятилетии XIII в. литовские дружины уже совершали набеги на Волынь, Черниговскую и Новгородскую земли. Под 1225 г. владимирский летописец записал: «Воеваша Литва Новгородьскую волость и поимаша множество много зело христиан и много зла створиша, воюя около Новагорода и около Торопча и Смоленска и до Полтеска, бе бо рать велика зело, аки же не было от начала миру». В годы, последовавшие за монгольским вторжением, эти набеги еще более усилились. Плано Карпини, ехавший в 1245 г. из Волыни в Киев, записал: «Мы ехали постоянно в смертельной опасности из-за литовцев, которые часто делали набеги на земли Русии, и так как большая часть людей Русии была перебита татарами и отведена в плен, то они поэтому отнюдь не могли оказать им сильного сопротивления». В середине XIII в., когда литовские племена объединились в одно государство во главе с Миндовгом, начался переход от набегов для захвата добычи и пленных к занятию русских городов литовскими дружинами. К концу 40-х гг. XIII в. власть Миндовга распространилась на территорию современной Западной Белоруссии с такими городами, как Новогрудок и Гродно. С 60-х гг. XIII в. зависимые от Литвы князья утверждаются и в главном центре на территории современной Восточной Белоруссии — в Полоцке.

Крестоносцы в Прибалтике. Наступление немецких и шведских рыцарей на русские земли. Ко времени монгольского нашествия до границ древнерусских земель докатилась волна внешней экспансии, которая началась на севере Европы во второй половине XII в. Это была экспансия рыцарства Северной Германии, Дании и Швеции в форме крестовых походов на земли «языческих» народов на южном и восточном побережье Балтийского моря. Эту экспансию поддерживало купечество портовых городов Северной Германии, которое рассчитывало поставить под свой контроль торговые пути по Балтийскому морю, связывавшие Восток и Запад Европы. Если древнерусские княжества довольствовались

сбором дани с подчиненных племен, не вмешиваясь в их внутреннюю жизнь, то крестоносцы ставили своей целью их превращение в зависимых крестьян. На занятых территориях систематически строились каменные крепости (Рига, Таллинн — в дословном переводе «датский город», и др.), которые становились опорными пунктами новой власти. Одновременно местных жителей насильно заставляли принимать католическую веру. Наиболее эффективным орудием экспансии стали в этом районе рыцарские ордена. Объединявшие в своих рядах рыцарей, принесших монашеский обет, ордена сумели создать сильное, хорошо организованное и хорошо вооруженное, подчинявшееся единому руководству войско, которое, как правило, одерживало верх над выступавшими разрозненно племенными ополчениями.

Первые походы шведских крестоносцев на территорию современной Финляндии начались уже в середине XII в. Первоначально их объектом была удаленная от русских границ территория в юго-западной части страны, но, закрепившись на этих землях, шведские рыцари с 20-х гг. XIII в. стали пытаться подчинить себе племя емь, лежавшее в зоне новгородского влияния.

В самом конце XII в. на Западной Двине высадились немецкие крестоносцы. В 1201 г. в ее устье они основали свой опорный пункт — г. Ригу. Главной военной силой крестоносцев в Прибалтике стал учрежденный в 1202 г. орден меченосцев (позднее получивший название Ливонского ордена). Полоцкий князь Владимир, правивший землей, опустошенной набегами литовцев и распавшейся на ряд небольших княжеств, в 1213 г. был вынужден заключить с крестоносцами мир, по которому отказывался от притязаний на земли племен, уплачивавших ранее дань Полоцку. В 1223 г. ослабленный борьбой с рыцарями и литовцами Полоцк был захвачен Смоленском. Начались вторжения крестоносцев на земли эстов. В 1224 г. после жестокого штурма пал Юрьев, под угрозой был Изборск. Это уже к середине второго десятилетия XIII в. привело к конфликту между крестоносцами и Новгородом. Военные действия, развернувшиеся одновременно на территориях Эстонии и Финляндии, имели одну общую особенность. Новгородское государство (в частности, в те годы, когда на княжении в Новгороде сидел Ярослав, младший брат великого князя владимирского Юрия Всеволодовича) неоднократно предпринимало военные походы, чтобы восстановить свои позиции, и в 1236 г. достигло мира с меченосцами. Но последние вскоре привлекли к экспансии Тевтонский орден из Палестины. Новгородские войска неоднократно одерживали победы в открытом поле, на территории Эстонии

они могли опираться на поддержку местных племен, искавших в Новгороде поддержки против крестоносцев. Однако результаты этих побед закрепить не удалось. В отличие от крестоносцев новгородцы не создавали на контролируемых территориях сеть укрепленных опорных пунктов, а ни эсты, ни новгородцы не располагали необходимой техникой для взятия и разрушения рыцарских замков. К тому же вслед за немецкими крестоносцами в зону новгородского влияния вторглась и Дания. Войска датского короля заняли северную часть Эстонии, основав здесь свой опорный пункт г. Ревель (современный Таллинн) (1219).

К середине XIII в. новгородская зона влияния в Прибалтике и в **Финляндии** перестала существовать. Новгородское боярство и городская община утратили дани, которые поступали в Новгород от проживавших там племен. Немецкое купечество, получив в свои руки опорные пункты на торговых путях, вытеснило новгородских купцов с Балтийского моря.

Страшное опустошение русских земель в годы монгольского нашествия подтолкнуло западных соседей Новгорода к нападениям на новгородскую территорию. Летом 1240 г. большое шведское войско высадилось в устье Невы. Шведские военачальники рассчитывали, построив в устье Невы крепость, поставить под свой контроль важнейший водный путь, ведущий с Балтийского моря в новгородские земли, и подчинить своей власти расположенную вокруг землю союзного Новгороду племени ижора. План этот был сорван благодаря быстрым и решительным действиям сидевшего на княжении в Новгороде сына великого князя Владимирского Ярослава Всеволодовича, Александра. Быстро выступив в поход с небольшими военными силами, он сумел 15 июля внезапно напасть на расположившееся на отдых шведское войско и разгромил его. Шведы бежали, погрузив мертвых на свои корабли. Яркое описание битвы сохранилось в созданном после смерти Александра его «Житии», при составлении которого были использованы рассказы воинов — участников сражения. Один из воинов, Гаврила Алексич, преследуя шведов, ворвался верхом на коне на шведский корабль. Один из «молодых людей» по имени Сава, пробившись в разгар битвы к «великому златоверхому» шатру шведских военачальников, обрушил его, вызвав ликование русского войска. Сам Александр сразился с предводителем шведов и «възложи печать на лице острымь своим копиемь». За эту победу Александр Ярославич был прозван Невским.

Еще более опасными оказались для Новгородского государства действия немецких крестоносцев. Летом того же 1240 г. они сумели захватить псковский пригород Изборск и нанесли поражение выступившей

против них псковской рати. Позднее из-за предательства части псковских бояр они заняли Псков. Затем крестоносцы заняли землю союзного Новгороду племени води и поставили там крепость. Отдельные отряды крестоносцев опустошали села в 30 верстах от Новгорода. В следующем, 1241 г., Александр Ярославин освободил от крестоносцев захваченные ими земли. Александр Ярославич, усилив свою новгородскую рать полками, присланными отцом, предпринял поход на земли подвластной Ордену чуди и встретил войска Ордена на льду Чудского озера на Узмени «у Вороньяго камени». Немецкое войско представляло собой мощную силу. В начале битвы оно «прошибошася свиньею через полк» новгородцев, но «великая сеча» завершилась победой русского войска. В битве, происшедшей 5 апреля 1242 г., тяжело вооруженное рыцарское войско было разгромлено. Русские воины преследовали бегущих 7 верст до западного берега Чудского озера. После этого был заключен мир, по которому Орден отказался от всех захваченных ранее новгородских земель. Нападения на Новгород закончились полной неудачей, но у западных границ новгородского государства стояли сильные враждебные соседи, и новгородцы должны были быть постоянно готовы к отражению нападений с их стороны.

Все происходившее способствовало изменению представления русских людей об окружающем внешнем мире, он стал восприниматься по преимуществу как чуждая, враждебная сила, от которой постоянно исходит опасность. Отсюда — стремление отгородиться от этого мира, ограничить свои контакты с ним. Антагонизм Древней Руси с кочевым миром к XIII в. был традиционным, но бедствия монгольского нашествия способствовали его дальнейшему обострению. Вероятно, именно в то время борьба богатырей за освобождение Руси от ордынского ига стала одной из главных тем русского героического эпоса. Новым стал острый антагонизм с западным, «латинским» миром, не характерный для более ранних столетий, который для древнерусского общества был естественной реакцией на враждебные действия со стороны западных соседей. С этого времени разнообразные связи со странами Западной Европы резко сокращаются, ограничиваясь по преимуществу сферой торговых отношений.

Одним из важных негативных последствий перемен в положении древнерусских земель в XIII в. стало ослабление, а то и разрыв связей между отдельными землями Древней Руси. Сопоставление летописных известий первой и второй половины XIII в. наглядно показывает, что памятники летописания, созданные в Ростово-Суздальской земле, в Новгороде, в Галицко-Волынском княжестве в первой половине XIII в. содержат сообщения о событиях, происходивших в разных землях Древней

Руси, а во второй половине XIII в. кругозор летописца ограничивается рамками своего княжения. Все это создавало предпосылки для особого, самостоятельного развития разных частей Древней Руси, но в XIII в. до этого было далеко. Все восточные славяне, несмотря на ослабление связей между ними, продолжали жить в едином социокультурном пространстве.

Сложившееся положение создало большие трудности для новгородского боярства, строившего свою политику на использовании соперничества между разными центрами Древней Руси. Возможности для такого лавирования резко сократились с запустением Черниговской земли и вовлечением Смоленской в борьбу с литовцами. Вместе с тем в условиях серьезных конфликтов с западными соседями Новгород нуждался во внешней поддержке. Постепенно на протяжении второй половины XIII в. сложилась традиция, по которой новгородским князем становился главный из князей Северо-Восточной Руси — великий князь владимирский, присылавший в Новгород своих наместников. Для формирования в исторической перспективе единого Русского государства такое установление постоянной связи между Северо-Восточной Русью и Новгородом имело большое значение.

Русские земли и Золотая Орда во второй половине XIII в. Если для Новгорода в XIII в. особо важное значение имели отношения с западными соседями, то положение дел в княжествах Северо-Восточной Руси целиком зависело от их отношений с Ордой. Не все древнерусские князья готовы были мириться с установлением ордынского господства над русскими землями. Наиболее могущественный из правителей юга Руси галицко-волынский князь Даниил Романович вынашивал план освобождения от власти ордынцев при поддержке государств Западной Европы, прежде всего его соседей — Польши и Венгрии. Получению помощи должен был способствовать папский престол, которому Даниил обещал подчиниться. К осуществлению этих планов был привлечен и великий князь владимирский Андрей Ярославич, и сидевший в Твери его младший брат Ярослав. Заметим, что по воле вдовы великого хана Гукжа в 1249 г. сыновья отравленного Ярослава Всеволодовича получили ярлыки на княжение: Андрей — на Владимирское, а снискавший славу в боях Александр — на Киевское. В 1250 г. союз Даниила с владимирским князем был скреплен брачными узами: Андрей женился на дочери князя Даниила. В 1252 г., рассчитывая на скорое получение помощи, Даниил отказал Орде в повиновении и начал военные действия. Когда кочевавшие в Поднепровье орды Куремсы двинулись в Галицко-Волынские пределы, против него пошел войной Даниил и отбил у монголов ряд городов. Жители Владимира

Волынского и Луцка самостоятельно отбили отряды Куремсы. Так же поступили Андрей и Ярослав Ярославичи, выступив против татар в том же году. Тогда хан Бату направил в Северо-Восточную Русь войско во главе с полководцем Неврюем. Однако князья не решились вступить в сражение и бежали. Страна была снова опустошена. Ордынское войско увело с собой «бесчисленное», по выражению летописца, количество пленных и скота. Наиболее влиятельный из князей Северо-Восточной Руси Александр Невский не принял участия в подобных планах, считая их нереальными. Ход событий подтвердил правильность его соображений. Даниил Романович несколько лет сражался с ордынскими полководцами, но никакой помощи от своих западных соседей так и не получил. В 1258 г. он был вынужден подчиниться власти Орды и срыть все главные крепости на территории своего княжества. Его войско было вынуждено принять участие в организованных Ордой походах на Литву и Польшу.

Занявший в 1252 г. владимирский великокняжеский стол Александр Невский проводил политику строгого исполнения обязательств перед Ордой. В 1259 г. он специально посетил Новгород, чтобы убедить жителей города согласиться на проведение переписи и уплату дани в Орду. Так Александр Невский рассчитывал избежать повторных карательных походов и создать минимальные условия для возрождения жизни в разоренной стране. Благодаря своему личному авторитету он сумел подчинить своей власти других князей Северо-Восточной Руси, ходивших по его приказу в походы, в частности против немецких рыцарей. Однако вскоре после его смерти владимирское великое княжение оказалось охвачено длительными смутами.

При всем жестоком и грабительском характере установленных Ордой порядков можно было бы ожидать в этих условиях хотя бы прекращения усобиц, поскольку все княжеские столы занимались теперь по решению хана, выступление против которого грозило самыми суровыми последствиями. Прекращение усобиц могло бы способствовать восстановлению, хотя бы постепенному и медленному, хозяйственной и общественной жизни на территории владимирского великого княжения, но получилось иначе. В начале 80-х гг. XIII в. в Золотоордынском государстве произошел раскол. От Орды отделилась ее западная часть — улус одного из дальних родственников Б ату — Ногая, занимавший земли от Нижнего Дуная до Днепра. Ногай стремился сажать своих ставленников на ханский трон, что вызвало враждебную реакцию со стороны сидевшей в Сарае знати. Установление двоевластия в Орде способствовало вспышке борьбы за владимирский великокняжеский стол между сыновьями Александра

Невского — Дмитрием и Андреем. В 80-х гг. XIII в. князья Северо-Восточной Руси раскололись на два враждебных союза, каждый из которых обращался за поддержкой к «своему» хану и приводил на Русь татарские войска. Если Дмитрий Александрович и его союзники Михаил Тверской и Даниил Московский, самый младший сын Александра Невского, были связаны с Ногаем, то Андрей Александрович и поддерживавшие его ростовские князья и Федор Ярославский искали помощи у ханов, сидевших в Сарае. Разорявшие страну княжеские усобицы в последние десятилетия XIII в. сопровождались постоянными вторжениями ордынцев. Наиболее крупным из них была так называемая Дюденева рать — войско во главе с царевичем Туданом, братом сидевшего на Волге хана Тохты, который должен был привести к повиновению Дмитрия Александровича и его союзников. Было разорено, как и при нашествии Батыя, 14 городов, среди них Москва, Суздаль, Владимир, Переяславль. Тудан не решился напасть на Тверь, где находились войска Ногая. Смерть Дмитрия Александровича не положила конца усобицам. Теперь

Даниил Московский в 1296 г. выступил с претензиями на великокняжеский стол и послал наместником в Новгород своего сына Ивана. В ответ на это Андрей Александрович привел из Волжской орды новое войско во главе с Неврюем. Лишь в 1297 г. между соперничавшими группировками был заключен мир. Таким образом, к концу XIII в. тяжелые последствия монгольского нашествия не только не были изжиты, но и усугублены новыми бедствиями.

Глава 8. РУССКИЕ КНЯЖЕСТВА В ЭПОХУ МОНГОЛЬСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА. ВОЗРОЖДЕНИЕ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

§ 1. РУССКИЕ ЗЕМЛИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIV в. ВОЗВЫШЕНИЕ МОСКВЫ

Первая половина XIV в. — время после прекращения смут в ордынском улусе — стало временем наивысшего могущества Золотой Орды. Принявшая ислам в правление хана Узбека (1312—1342) Золотая Орда была одной из наиболее могущественных держав мусульманского мира. Правители Орды вели активную внешнюю политику, стремясь укрепить свои позиции на Кавказе и овладеть богатыми землями Азербайджана, а также расширить свои владения на Балканах. В этих условиях ханы были заинтересованы в том, чтобы в подчиненном им «русском улусе» была стабильность и оттуда исправно поступала дань. Созданная в середине XIII в. для достижения этих целей «баскаческая» организация во время смут 80—90-х гг.

XIII в. перестала существовать, и ханы не стали ее восстанавливать. Они нашли другое решение: избрать среди князей Северо-Восточной Руси одного, который бы поддерживал порядок на территории владимирского великого княжения и нес ответственность за сбор выхода в Орду. Это должен был быть кто-нибудь из числа наиболее сильных и влиятельных князей, способных справиться с такими задачами. При выборе подходящего кандидата хан должен был считаться с переменами, происшедшими в жизни Северо-Восточной Руси во второй половине XIII в. Вторая половина XIII в. стала временем усиления феодального дробления Северо-Восточной Руси. К концу столетия здесь появилось 14 княжеств, некоторые из которых делились на более мелкие владения. Такое дробление поощряла Орда. Давая ярлыки на те или иные земли младшим членам княжеского рода, она тем самым гарантировала сохранность их владений. Все это делало задачу управления «русским улусом» достаточно сложной. Во главе должен был быть поставлен достаточно авторитетный правитель, обладатель достаточно крупного и сильного центра. В этом отношении к концу XIII в.

также произошли существенные изменения. Старые центры земли, такие, как Ростов и Суздаль, постепенно приходили в упадок, а усиливалось значение таких политических центров, как Тверь и Москва, их князья играли все более заметную роль в княжеских смутах последних десятилетий XIII в. Особенно быстро развивалась Тверь. С 60-х гг. XIII в. она стала центром самостоятельной епархии. Здесь, как уже отмечалось выше, впервые возобновилось каменное строительство. В 1293 г. рать Тудана не решилась штурмовать город, куда, спасаясь от нашествия, укрылось население «из иных княжений и волостей». Подобных сведений относительно Москвы не имеется, но о силе этого центра уже в конце XIII в. говорит успешное расширение территории Московского княжества при его первом правителе Даниле Александровиче, младшем сыне Александра Невского (начало 70-х гг. XIII в. — 1303 г.). Он сумел отобрать у соседних князей и присоединить к своим владениям такие крупные города, как Коломна и Можайск. По мнению исследователей, благодаря миграции населения территории Тверского и Московского княжеств оказались более населенными, чем другие, отчего князья могли располагать более крупными средствами и содержать более значительное войско.

Борьба Твери и Москвы за великокняжеский стол. В 1305 г. хан Тохта передал владимирский великокняжеский стол тверскому князю Михаилу Ярославину. Михаил Ярославин, считавший себя законным обладателем великокняжеского стола как старший из потомков Всеволода Юрьевича, был высокого мнения о своей власти. «Царь, еси, господине княже, в своей земле», — писал князю Михаилу тверской книжник Акиндин. С планами реставрации традиционно значительного объема великокняжеской власти было связано составление при его дворе летописного свода 1305 г., который дошел до нас в копии монаха Лаврентия 1377 г. (так называемая Лаврентьевская летопись). Михаила поддерживали великокняжеские бояре. Стремление укрепить великокняжескую власть в Новгороде привело к ряду конфликтов великого князя Михаила с Новгородским государством. Наконец, разгромив новгородское войско 10 февраля 1316 г. в битве под Торжком, он не только взыскал с Новгорода большую контрибуцию и заставил новгородцев срыть укрепления Торжка, но и дал им посадника «из своей руки». Стремился великий князь Михаил подчинить своему влиянию и церковь. Когда в 1305 г. скончался митрополит Максим, великий князь отправил в Константинополь своего кандидата игумена Геронтия для поставления на митрополичью кафедру. В Константинополе отдали предпочтение кандидату галицко-волынского князя Юрия Львовича игумену Петру. Тогда Михаил добился созыва собора

в Переяславле, на котором новый митрополит был обвинен в «симонии» — продаже церковных должностей.

Сильные и резкие действия великого князя Михаила привели к умножению числа его противников, и Новгород, и многие князья Северо-Восточной Руси стали поддерживать главного соперника Михаила Тверского — московского князя Юрия Даниловича. Они обвиняли Михаила в том* что он утаивает часть собранной для Орды дани. Первоначально Орда поддерживала Михаила, ему неоднократно посылались на помощь ордынские войска, они, в частности, участвовали в битве под Торжком. Нового хана Узбека беспокоили продолжавшиеся смуты в «русском улусе», что отрицательно влияло на сбор дани. Кроме того, Орда не желала усиления такого сильного самостоятельного правителя, как Михаил Ярославич. В 1317 г. хан Узбек передал ярлык на великое княжение князю Юрию Даниловичу. Михаил уступил великое княжение, но Юрий с ордынским послом Кавгадыем решил выгнать Михаила и из Тверского княжества. 22 декабря 1317 г. Михаил разбил войско Юрия и союзных ему князей. После этого Михаил был вызван в Орду, где при активном участии его противников был осужден на смерть и казнён. В Твери вскоре после смерти он был причислен к лику святых как мученик, который поехал в Орду и пожертвовал жизнью, чтобы спасти от разорения Тверскую землю.

Юрий Данилович также не оправдал возлагавшихся на него ханом надежд. Собрав в 1321 г. ордынский выход, он не передал «серебро» ордынскому послу, а уехал с деньгами в Новгород. В результате в следующем 1322 г. хан послал рать во главе с Ахмылом, которая разорила значительные территории в Северо-Восточной Руси.. Столкнувшись с неповиновением, хан Узбек дал ярлык на владимирское великое княжение Дмитрию, старшему сыну Михаила Ярославича. Он и его брат Александр занимались в 1322—1326 гг. сбором дани для хана. Когда Юрий, наконец, приехал в Орду, он был убит Дмитрием Михайловичем 21 ноября 1325 г. Убийца, совершивший этот поступок «без цесарева слова», т.е. без санкции хана, был казнен, но ярлык на великое княжение получил его младший брат Александр Михайлович.

В 1327 г. в Тверь прибыл ханский посол Чолхан с большим отрядом татар. По свидетельству тверской летописи, татары вели себя в городе, как хозяева (Чолхан сам поселился на дворе великого князя), оскорбляя и обирая его жителей. В этих условиях оказалось достаточно небольшой искры, чтобы вспыхнул огонь. Утром 15 августа, когда некий дьякон Дюдко повел на водопой «кобылицу младу и зело тучну», татары стали ее отнимать. Дьякон закричал: «Мужи тферстии, не выдавайте», и это стало

толчком для стихийно начавшегося восстания. Тогда «удариша во все колоколы и сташа вечем», и все население Твери поднялось против татар. Чолхан и весь его отряд были перебиты. Князь Александр не смог помешать восстанию жителей Твери.

На этот раз принятые меры оказались особенно жестокими — из Орды было послано пять темников с войском (так называемая Федорчукова рать), которые сожгли Тверь и разорили Тверскую землю. Епифаний Премудрый, рассказывая об отце святого Сергия Радонежского, ростовском боярине Кирилле, записал, что тот был совершенно разорен «частыми хоженьями со князем в Орду, частыми ратьми татарскими, еже на Русь, частыми послы татарскими, тяжкими даньми и выходы еже в Орду... Надо всеми же сими паче бысть, егда великая рать татарская Федорчюкова». Этот частный пример отражает общее положение русских земель в конце 20-х гг. XIV **В.**

После того, что произошло в Твери, хан Узбек дал ярлык на великое княжение приехавшему в Орду брату Юрия Даниловича Ивану. Вместе с татарским войском он участвовал в походе на Тверскую землю, а позднее, собрав князей СевероВосточной Руси, ходил ко Пскову, требуя выдачи укрывшегося там Александра Михайловича. Заняв великокняжеский стол в начале 1328 г., Иван Данилович, прлучивший в исторической памяти русских людей прозвище Калита («денежная сума», «кошель», из которого, по преданию, он щедро раздавал деньги нищим), занимал этот стол до самой своей смерти в 1340 г. Затем владимирский великокняжеский стол занимали его сыновья Семен Иванович (1340—1353) и Иван Иванович (1353—1359). Очевидно, деятельность этих великих князей отвечала интересам Орды.

Закрепление великокняжеского стола за московскими князьями. Отношения с Ордой. Укреплению своих отношений с Ордой Иван Калита и его сыновья придавали большое значение: за время своего княжения Иван Калита побывал в Орде пять раз, Семен Иванович — шесть. Чтобы добиться уплаты выхода, они прибегали к суровым мерам. Так, известно, что незадолго до своей смерти в 1339 г. Иван Калита, когда новгородцы отказались платить «запрос царев», разорвал отношения с Новгородом, а в следующем, 1340 г., его сын Семен пришел в Торжок с большим войском и заставил новгородцев выплатить выход. Важно было, что великие князья обладали достаточным авторитетом, чтобы добиться общей поддержки своим действиям. Так, Семен Иванович в 1340 г. созвал в

Москву «всех князей русских» и добился их участия вместе с войсками в походе на Новгород. Можно полагать, что в основе такой политики лежал расчет на «фактор времени». Экономика Северо-

Восточной Руси возрождалась слишком медленна, и мир на длительный срок «требовал жертв».

Литовское наступление на русские земли в первой половине XIV в. Была еще одна важная причина для правителей Орды для того, чтобы'содействовать появлению в СевероВосточной Руси достаточно сильного и авторитетного носителя верховной власти. С началом XIV в. наметилось опасное для интересов Орды усиление позиций Великого княжества Литовского в Восточно-Европейском регионе. Сосуществование в рамках одного государства древнерусских и литовских земель способствовало более быстрому формированию на территории Литвы классового общества и политических институтов. Здесь были созданы органы управления, во многом близкие органам управления на древнерусских землях. Великие князья литовские второй половины XIII в. Тройден и его преемники сумели окончательно объединить литовские племенные княжества под своей властью и дать успешный отпор наступлению немецких крестоносцев. При великом князе литовском Гедимине в первых десятилетиях XIV в. в состав Великого княжества Литовского вошли земли современной Восточной Белоруссии с такими городами, как Полоцк и Витебск, Берестейская земля (ранее — часть Галицко-Волынского княжества), вассалом — «младшим братом» Гедимина стал смоленский князь. Успехи Гедимина вели к сокращению размеров «русского улуса», с которого в Орду поступала дань. Великий князь владимирский должен был организовать отпор литовскому наступлению. Незадолго до смерти Иван Калита «по цареву повелению» посылал рать к Смоленску с ордынским военачальником Товлубием, а в 1352 г. ходил к Смоленску «в силе тяжце и велице» его сын Семен. В обоих случаях великому князю удалось собрать для этого немалые силы с территории владимирского великого княжения. В походе с Товлубием, помимо войск великого князя, участвовали суздальский и ярославский князья, в походе 1352 г. вместе с Семеном Ивановичем участвовали «все князи».

Союз московских князей и церкви. В отличие от Михаила Тверского московские князья сумели установить близкие отношения с митрополитами, стоявшими во главе русской церкви. Митрополит Петр, поддержанный московскими князьями в борьбе с великим князем Михаилом, стал охотно посещать Москву, заложил в ней главный храм — Успенский собор, скончался здесь в декабре 1325 г. и был похоронен в этом храме. Вскоре после смерти он был признан святым и стал патроном Московского княжества. Близкие отношения установились у Ивана Калиты и с его преемником — приехавшим из Константинополя греком

Феогностом. Этот митрополит часто и подолгу находился в Москве, которая постепенно становилась фактической церковной столицей Руси. По просьбе Ивана Калиты митрополит отлучил от церкви жителей Пскова, которые дали у себя приют Александру Тверскому. В 1340 г. он сопровождал войско Семена Ивановича в походе на Новгород. По просьбе великого князя митрополит назначал его ставленников на епископские кафедры. Так, в 1346 г. епископом в Ростов был поставлен Иван, архимандрит основанного Иваном Калитой Спасского монастыря в Москве. Новый важный шаг, скреплявший тесные связи между великокняжеской властью и митрополичьей кафедрой, был предпринят в 1352 г., когда митрополит Феогност поставил своего наместника Алексея, сына Федора Бяконта, боярина Юрия Даниловича и Ивана Калиты, епископом владимирским и «благословил его в свое место на митрополию». Благодаря хлопотам в Константинополе послов великого князя и митрополита после смерти Феогноста Алексей в июне 1354 г. был поставлен на митрополичью кафедру. Так во главе русской церкви встал выходец из среды московского боярства, тесно связанный с московским княжеским домом.

Особенности аграрного производства и оживление экономики в середине XIV в. Принимая жесткие меры для исправной выплаты ордынского выхода, выполняя другие требования хана, поднося постоянно щедрые дары хану, его сановникам и послам, сидевшие на великокняжеском столе московские князья добились установления длительного прочного мира, прекращения ордынских карательных походов на земли Северо-Восточной Руси. Оценивая в некрологе Ивану Калите наиболее важные перемены, происшедшие в годы его великого княжения, летописец записал: «и бысть оттоле тищина велика 40 лет и престаша погании воевати Русскую землаю и заколати христиан и отдохнуша и опочинуша христиане от великия истомы и многия тягости и от насилиа татарьского». В этих условиях на территории владимирского великого княжения наметилось явное вживление хозяйственной жизни.

Здесь уместно охарактеризовать особенности основного занятия крестьянского населения — земледелия. Как известно, к северу от условной линии Киев — Калуга — Нижний Новгород — Казань простираются неплодородные подзолы и только к югу от нее начинается чернозем. Континентальный климат с добирающимися сюда атлантическими циклонами приводит к тому, что в холодный период года 77% времени приходилось здесь на сплошную облачность. Летом же облачных дней примерно 43%. Вместе с тем для центра Восточной Европы было характерно мощное влияние Арктики, что приводило к частым

суровым зимам. Снег ложился здесь примерно с 30 октября — 20 декабря. Сильные морозы не выдерживали такие деревья, как клен, ясень, орешник, дуб. Потепление наступало примерно с третьей декады марта, когда в глубину континента прорывался теплый воздух со Средиземноморья, хотя довольно часто ему препятствовал холод Арктики. В силу этого весна здесь бывала и ранняя, и поздняя. Ранняя весна «компенсировалась», как правило, холодным июнем. Практически ежегодно в первой декаде мая были ночные заморозки. Лето в центре Восточной Европы наступало примерно с середины июня и завершалось в середине сентября. Весьма часто оно было холодным и дождливым, и тогда на полях рост растений заметно замедлялся — не хватало тепла. При длительном летнем антициклоне наступал дефицит влаги, хотя в лесной зоне испарения могли дать небольшие осадки. Общее количество летних осадков колебалось в районе 240 мм, а годовых — 600 мм. Лето нередко завершалось ранними заморозками в конце августа — начале сентября.

Важно дополнить эти сведения изысканиями исследователей о глобальных колебаниях климата. В частности, установлено, что с VII по X в. в Европе в целом было характерно потепление, и, наоборот, примерно с XI в. начинался переход к так называемому малому ледниковому периоду, длившемуся приблизительно с XV вплоть до XIX в.

В первой половине II тысячелетия н.э. распространяется обработка земли архаическими моделями плуга и сохи, а с XII—XIII вв. орудия пахоты уже обретают и местные особенности. В лесной зоне это сохи разного типа. Соха — легкое деревянное устройство, рыхлящее землю острыми металлическими наконечниками — сошниками, насаженными на деревянную основу. Важнейшей модификацией была соха с сошниками, дополненными боковыми оперениями. Возможно, уже с XIV в. у сохи появилась перекладная полица — устройство в виде плоской широковатой плашки, расположенной над сошником и улучшающей оборот пласта и его падение вправо в борозду. Пройдя гон, т. е. всю длину поля, земледелец поворачивал лошадь с сохой в обратную сторону и менял положение полицы на оборот пласта уже влево, что давало большую экономию и труда, и времени. Такая соха имела возможность более углубленной вспашки на легких почвах. Как выяснили ученые, в древности в лесной зоне плодородной («доброй») считалась земля, прежде всего легкая для обработки, но дающая неплохой урожай.

Постепенная смена ассортимента культур с XI в. заключалась в том, что вместо традиционного набора зерновых (пшеница, ячмень, просо, полба с добавлением льна и конопли) на первое место выходят озимая рожь

и яровой овес, занимающие иногда до 70—80% площади озимого и ярового полей, а остальной клин ярового поля делили между собой ячмень, греча, горох, лен и некоторые иные культуры (репа и т.п.). Причина такой смены кроется не только в изменении климатических условий, но и в самой эволюции системы земледелия. В первых главах уже отмечалось, что понятия «озими» (т. е. зерновой культуры, сеющейся осенью и уходящей всходами под снег) и «яри» (культуры весеннего сева, быстро созревающей к концу лета) известны еще со времен праславян. Бытование этих типов посева означало существование двуполья. Однако при этом озимое и яровое поля функционировали независимо друг от друга, не образуя единой системы. Когда же земледельцы стали сеять озимое и яровое по очереди в одном и том же поле, то появилась необходимость после осенней уборки яровых ждать следующей осени, чтобы посеять озимую рожь. Таким образом, поле зиму и лето «отдыхало» — *парилось*. Появление такой системы, получившей название *трехпольного севооборота*, означало грандиозный прогресс, так как появление однолетнего пара означало возможность сохранения на многие годы за одним и тем же участком земли способности плодоносить. Вместо необходимости постоянно, через 1—3 года, «сечь лес» и готовить новую пашню отныне трехполье позволяло непрерывно использовать старую пашню. По оценке ученых, экономия труда была более чем десятикратной. Однако в лесной зоне трехпольный севооборот на практике на малоплодородных подзолах быстро приводил к резкому падению урожайности. Поддержать ее могло только навозное удобрение. По чисто климатическим причинам его у земледельцев было явно недостаточно. Ведь рабочий период для земледелия был ограничен примерно 130 днями. Из них на сенокос можно было уделить около 30 дней. Для необычайно длительного стойлового содержания рабочего и продуктивного скота такой срок заготовки кормов был слишком мал. В итоге нехватка кормов существенно ограничивала возможность развития животноводства в нечерноземном регионе. Отсюда острый дефицит жизненно необходимого удобрения для парового поля.

И все же грандиозная экономия труда заставляла земледельца смириться с такой урожайностью. Тем более что выход был найден, во-первых, в увеличении площади пашни за счет поверхностного ее рыхления, во-вторых, в поддержании и применении практики временных посевов на лесных росчистях. На них применялись сохи с круглыми (коловыми) сошниками. Ими рыхлили поверхность земли на очень небольшую глубину, не задевая при этом остатков корней выжженного леса. Первые 1—3 года такая чистая, без сорняков пашня давала очень высокий для этого региона

урожай (сам-8, сам-10 и выше). Затем продуктивность резко падала, что вынуждало земледельца к новой росчисти, а к старой, заросшей лесом пашне возвращались лишь через 20—40 лет. За счет росчистей, видимо, периодически обновлялся и основной массив регулярной пашни. Естественно, это была работа невероятной трудоемкости, и выполнять ее периодически всю жизнь можно было лишь усилиями целых коллективов (общин). Вместе с тем сельское население обустраивалось, создавая маленькие, в 1—3 двора, деревеньки. Одной из причин такого расселения и была необходимость непрестанного перемещения пашни на обширном пространстве вокруг этой деревеньки. А ее укрупнение сделало бы размер хозяйственной округи настолько громоздким, что повело бы к резкому увеличению бесполезных затрат труда.

Какова же в итоге была урожайность на регулярных пашнях? В некоторых случаях материал новгородских писцовых книг конца XV в. позволяет установить среднюю урожайность. Ряд исследователей, проделав необходимые расчеты, поразились их результату: урожайность была необычайно низкой (сам-1,3, сам-1,5, сам-2, сам-2,3, сам2,75 и сам-3). Поясним на примере: посеяв на десятину (что чуть больше гектара) озимого 12 пудов ржи, при урожае сам-1,5 крестьянин получит 18 пудов, и, оставив на семена 12 пудов, на жизнь он имеет всего 6 пудов. При урожае сам-2 на жизнь остается 12 пудов. А при посеве 7 пудов на десятину на питание оставалось соответственно 3,5 пуда и т.д. В то же время по средневековым нормам питания в России в год на одного человека с учетом расхода на скот требовалось 24 пуда (это около 3 тыс. килокалорий в сутки — норма, скажем, служащего в конторе). Часть исследователей не приемлет подобные результаты и считает, что урожайность была выше (по ржи сам-4, по овсу сам-3). Между тем есть данные примерно XIII—XIV вв., подтверждающие свидетельства новгородских писцовых книг, и данные эти тоже новгородского происхождения. Речь идет о статьях Карамзинского списка Пространной Русской Правды «О ржи», «О немолоченой ржи» и других. Вторая статья, в частности, гласит: «А ржи (для посева. — *Лет.)* немолоченые 40 копен, а на ту рожь прибытка на одно лето 20 копен». Таким образом, урожай за вычетом семян для следующего посева составлял половину посеянного зерна, т. е. сам-1,5. И это был урожай в среднем за 12 лет! Такая же урожайность характерна и для полбы («а полбы немолоченые 15 копен, а на то прибытка на одно лето 7 копен»), и для овса («а овса молоченого 20 половник и един, а на то прибытка на одно лето 11 половник»), и для ячменя («а ячменя молоченого 6 половник, а на то прибытие на едино лето 3 половникы»). В реальности,

видимо, были и вовсе голодные годы, когда на постоянных полях не получали и семян, но были и урожайные, когда собирали и сам-3 и сам-4.

Таков был противоречивый прогресс в развитии земледелия на Руси. Огромная экономия труда в итоге применения трехполья давала лишь очень скромные результаты и вела к господству на полях неприхотливых, так называемых серых хлебов (ржи и овса).

В этих объективных суровых условиях политика Ивана Калиты и его преемников давала единственный шанс возродить хозяйственную жизнь, создав возможность снова вкладывать громадный труд в развитие земледелия.

Одним из первых проявлений хозяйственного подъема в период замирения при Иване Калите стало усиление процессов внутренней колонизации, когда стали вновь осваиваться заброшенные после монгольского нашествия земли. Яркие характеристики перемен характера сельской местности на территории Московского княжества в середине XIV в. сохранились в «житии» Сергия Радонежского. В 30-х гг. XIV в., ища уединения, святой поселился в пустынном месте, «не бе окрест пустыня тоя близ тогда ни сел, ни дворов, ни людей... ни пути людскаго ниоткуда же», но уже к середине XIV в. положение изменилось: «начаша приходити христиане и обходить сквозь все лесы оны ... и начаша сещи лесы оны... и сотвориша пустыню яко поля чиста многа... и съставиша села и дворы многа, и населиша села и сотвориша плод житен». Сообщения «жития» Сергия нашли себе полное подтверждение при обследовании археологами ряда территорий Подмосковья. Во второй половине XIV в. численность поселений здесь была значительно больше, чем в домонгольское время. Если ранее поселения располагались по преимуществу в удобных для земледелия речных долинах, то теперь началось хозяйственное освоение водоразделов. На ряде ранее совсем не освоенных территорий первоначально развивалось промысловое хозяйство, но затем ему на смену также приходило земледелие.

Процессу колонизации активно способствовали московские великие князья, давая первопоселенцам различные льготы (в частности, освобождение от податей на длительный срок). Такая политика способствовала перемещению населения других земель на территорию Московского княжества. Так, родители и родственники Сергия переселились из Ростовской земли в волость Радонеж, потому что Иван Калита «лготу людем многим дарова и ослабу обещал тако же велику дата». Именно в это время на территории Московского княжества стали появляться многочисленные «слободы», население которых освобождалось

от уплаты податей на 10—20 лет.

Вслед за развитием внутренней колонизации, расширением ареала пахотных земель и возрастанием общего объема прибавочного продукта, производившегося в сельском хозяйстве, наметилось оживление хозяйственной жизни и в городских центрах. Косвенным, но несомненным свидетельством подъема и в этой сфере хозяйственной жизни может служить превращение в середине XIV в. целого ряда сельских поселений Московского княжества в города. Завещание Ивана Калиты знает на территории этого княжества лишь три города — Москву, Коломну и Можайск. Ко времени правления его внука Дмитрия Донского упомянутое в завещании Ивана Калиты «село Радонежское» превратилось в город Радонеж, «село Рузское» в городок Рузу, «село Серпуховское» в град Серпухов. Эти наблюдения над изменениями терминологии в княжеских завещаниях нашли также подтверждение при обследовании таких поселений археологами. Так, раскопки на территории Радонежа показали, что именно во второй половине XIV в. село Радонежское превратилось в поселение городского типа.

О достижении определенной степени благосостояния говорят и обширные работы по укреплению и украшению Москвы, развернутые Иваном Калитой и его сыновьями. Иваном Калитой была поставлена новая крепость из больших дубовых бревен (1339), остатки которой были обнаружены археологами в XIX в. Вслед за главным городским храмом — каменным Успенским собором на главной площади Кремля были построены один за другим каменные храмы Ивана Лествичника и Архангела Михаила.

Тогда же на княжеском дворе Иван Калита устроил новую обитель — Спасский монастырь, в котором также поставил каменный храм Св. Спаса, наделив его «иконы и книгами и съсуды и всякими узорочии».

При Семене Ивановиче все эти храмы были расписаны русскими иконописцами и греческими мастерами, приглашенными митрополитом Феогностом, и для этих храмов отлиты колокола. Эти храмы были сравнительно небольшими постройками, возводившимися в течение одного строительного сезона, но само их строительство и украшение говорит об очевидных позитивных переменах, о появлении определенных накоплений, которые можно было расходовать на такие цели. Хотя Владимир на Клязьме продолжал оставаться столицей великого княжения и в Успенском соборе этого города происходило «посажение» нового правителя на великокняжеский стол, реальным центром Северо-Восточной Руси все более становилась Москва.

Благами длительного мира пользовалось не только Московское, но и другие древнерусские княжества. Так, даже в маленьком Муроме местный князь Юрий Ярославич «обнови град свою отчину Муром, запустевшии издавна от пръвых князей», поставил в нем свой двор, местные церкви «обновили» и снабдили иконами и книгами.

Расширение сферы власти московских князей. Развитие и укрепление государства зависело не только от прочного мира, но и от увеличения источников государственных доходов. Одним из путей такого увеличения в условиях низкого плодородия почв нечерноземного края и экстенсивного характера земледелия было расширение территории государства и рост численности подданных. В условиях отсутствия суверенитета это было труднейшей задачей. В этой связи весьма знаменательно, что Иван Калита сумел не только подчинить своему руководству других князей Северо-Восточной Руси, но и существенно расширить свои владения. Так, он купил в Орде ярлыки на такие княжества, как Галицкое (близ Костромы), Углицкое, Белозерское и половину Ростовского княжества. В «житии» Сергия рассказывается, с помощью каких жестоких мер посланные Иваном Калитой бояре Василий Кочева и Мина утверждали в Ростове московскую власть. Возможно, в то же время ему удалось получить в Орде ярлык и на Дмитровское княжество. Иван Калита возобновил и борьбу с Новгородом за земли Европейского Севера. В 1332 г. он потребовал от Новгорода «закамского серебра» — дани, которая поступала в Новгород с Вычегды и Печоры, а в 1337 г. послал войско «на Двину за Волок». В результате всех этих действий «с тех времен князь московский почал взимати дани с пермские люди».

Семен Иванович продолжил политику отца. При нем к владениям московских князей были присоединены рязанские земли в бассейне Оки и, возможно, Юрьевское княжество. Используя противоречия между Литвой и Ордой, Семен Иванович добился заметного успеха на западном направлении. Уже при Иване Калите боровшиеся с Литвой члены смоленского княжеского рода находили приют и поддержку в Москве. Один из этих князей, Федор Фоминский, участвовал в походе русской рати на Смоленск. Этим князьям, переходившим на московскую службу, давали земли в Волоке Ламском — общем владении великого князя Владимирского и Новгорода. Здесь они не только должны были вести борьбу с Литвой, но и стать опорой московского влияния на этой территории. О том, какое значение придавали в Москве укреплению своего влияния в Смоленской земле, говорит женитьба Семена Ивановича в 1345 г. на дочери одного из смоленских князей Федора Святославича. После

похода против великого князя литовского Ольгерда в 1352 г. Брянское и Смоленское княжества прервали свои связи с Литвой и подчинились верховной власти Семена Ивановича. Так впервые верховная власть великого князя владимирского распространилась на княжества, лежавшие за пределами владимирского великого княжения. На печатях Семена Ивановича появился титул: «великий князь всея Руси». Это было первое проявление притязаний московских князей на объединение под своей властью не только владимирского великого княжения, но и вообще всех древнерусских земель.

Попытки Орды препятствовать возвышению Москвы. Правители Орды с настороженностью следили за постепенным усилением московских князей. Заинтересованные в их авторитетном руководстве «русским улусом», ханы вовсе не желали превращения князей в серьезную самостоятельную политическую силу. Поэтому в Сарае неоднократно принимали меры для того, чтобы ослабить позиции московских князей и, наоборот, усилить их возможных соперников в борьбе за власть. Так, в 1328 г., передав Ивану Калите великокняжеский сан, хан Узбек одновременно поделил великокняжеские владения между ним и суздальским князем Александром Васильевичем. Колите были переданы Новгород Великий и Кострома, а Александру Васильевичу — Владимир и Нижний Новгород. Лишь в 1332 г., после смерти Александра, Ивану Даниловичу удалось собрать под своей властью все великокняжеские владения.

Когда после смерти Калиты великокняжеский стол был передан его сыну Семену, хан Джанибек отобрал у него Нижний Новгород и Городец, передав их суздальскому князю Константину Васильевичу. Местные бояре, направившиеся в Орду, чтобы поддержать притязания московского князя, были жестоко наказаны. Основанный лишь в 1221 г. Нижний Новгород стал к этому времени крупным торговым центром на пути, связывавшем Северо-Восточную Русь со странами Востока. Размеры его были также весьма значительными: во время пожара в 1377 г. здесь сгорело 32 церкви. Передача суздальским князьям Нижнего Новгорода, куда они сразу перенесли столицу своего княжества, заметно усиливала их позиции. Правители Орды явно рассматривали суздальских князей как возможных руководителей «русского улуса» в случае, если московские князья по каким-либо причинам перестанут их устраивать. Так и случилось в 1360 г., когда после смерти Ивана Ивановича владимирский великокняжеский стол был передан не сыну Ивана Ивановича Дмитрию, а князю Дмитрию Константиновичу Нижегородскому. Одновременно ряду князей были выданы ханские ярлыки на княжества (Галич, половина Ростова), которые

некогда присоединил к своим владениям Иван Калита. В ханской ставке явно были намерены отодвинуть московских князей на второе место в политической жизни Северо-Восточной Руси, но начавшиеся смуты в Орде помешали исполнению этих ханских распоряжений.

§ 2. СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РУСЬ В ЭПОХУ ДМИТРИЯ ДОНСКОГО

Вторая половина XIV в. стала тем временем, когда определились исторические судьбы не только Северо-Восточной Руси, но и всей Восточной Европы на несколько ближайших веков. С происходившими в то время событиями неразрывно связаны имена нового московского князя Дмитрия Ивановича и митрополита Алексея, взявшего в свои руки дела по управлению Московским княжеством в малолетство нового правителя.

Начало распада Золотой Орды. Важнейшим событием в истории Восточной Европы, оказавшим влияние на все стороны жизни региона, стала «великая замятия» в Орде, которая привела в начале 60 **-Х** гг. XIV **В.** к распаду Ордынского государства. Обособилась в самостоятельное государство его восточная часть — Кок Орда со столицей в Сыгнаке на Сырдарье. Раскололась и центральная часть Ордынского государства. В степях на запад от Волги кочевала «Мамаева орда», названная так по имени ее фактического правителя эмира Мамая, управлявшего ею через своих ставленников — Чингизидов. Другая самостоятельная Орда занимала степь на восток от Волги, в ее руках находилась сама ордынская столица — Сарай. И Мамай, и правители Кок Орды пытались овладеть ордынской столицей, что вызывало сопротивление местной аристократии. Кроме того, на окраинах государства образовались фактически независимые владения ряда представителей ордынской аристократии. Так, один из них, Булак-Тимур, захватил г. Болгар и поставил под свой контроль Волжский путь. Боровшиеся между собой ханы, стоявшие во главе отдельных улусов, продолжали выдавать русским князьям «ярлыки» на княжения, но направлять ход событий на Руси Орда уже была не в состоянии.

Москва во главе Северо-Восточной Руси. Все это дало возможность московскому боярству и митрополиту Алексею возобновить борьбу за владимирский великокняжеский стол. Они получили ярлык от одного из боровшихся за власть ханов, и московское войско в 1363 г. выгнало суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича из Владимира. Двенадцатилетний Дмитрий Иванович был посажен на

великокняжеском столе. Дмитрий Константинович, оказавшийся в конфликте со своим братом Борисом, князем Городца, скоро отказался от притязаний на великое княжение и заключил с Дмитрием Ивановичем союз, скрепленный браком московского князя со своей дочерью Евдокией.

Гораздо более опасным противником московского князя оказался князь Михаил Александрович Тверской. Попытки московского правительства во главе с митрополитом Алексеем подчинить Тверскую землю своему влиянию, предпринятое в 60-х гг. XIV в., встретили сильное сопротивление.

Когда в 1368 г. московское войско предприняло поход на Тверь, Михаил Александрович ушел за помощью в Литву к своему зятю, великому князю Ольгерду. Ольгерд, собравший для похода все свои военные силы (в походе участвовали «вси князи литовьстии»), сумел неожиданно напасть на Московское княжество. Литовское войско подошло к Москве, но не решилось штурмовать только что построенный каменный Московский Кремль. Простояв трое суток под стенами крепости, литовское войско ушло, разорив окрестные села, захватив добычу и пленных. Но Дмитрий Донской не испугался конфликта с этим могущественным правителем. Его войско воевало «волости» смоленского князя — союзника Ольгерда, ходило походом на Брянск, не заключал он мира и с тверским князем.

В 1370 г. Михаил Александрович посетил орду Мамая и получил от него ярлык на владимирское великое княжение, но здесь не только не приняли его, но и пытались арестовать. Михаилу Александровичу пришлось бежать. Одновременно московское войско предприняло новый поход на Тверскую землю. Михаил был вынужден снова искать поддержки у Ольгерда. В начале декабря 1370 г. Ольгерд снова, собрав все военные силы своего государства, начал поход на Москву. Ему снова удалось дойти до Москвы, где находился Дмитрий Иванович. Восемь дней литовское войско стояло под Москвой, а тем временем двоюродный брат Дмитрия, Владимир Андреевич, собрал войско, к нему присоединился князь Владимир Пронский с рязанской ратью. Ольгерд, как отмечает летописец, «убояся и начат мира просити», было заключено перемирие и начаты переговоры о «вечном мире».

Потеряв на время поддержку Ольгерда, князь Михаил снова направился в Орду и в апреле 1371 г. вернулся оттуда с ярлыком на великое княжение в сопровождении ханского посла. Но новая попытка занять великокняжеский стол опять закончилась неудачей. Дмитрий Иванович «по всем городам бояре и люди привел к целованию не датися князю великому Михайлу, а в землю его на княжение на великое не пустити». Михаилу

пришлось силой захватывать земли великого княжения. Некоторые земли, как, например, Бежецкий Верх, он захватил, но этим его успехи ограничились. В июне 1371 г. молодой великий московский князь отправился в Орду Мамая и добился того, что Мамай перестал поддерживать тверского князя и выдал ему ярлык на великое княжение. В 1372 г.-великий князь Ольгерд в третий раз выступил в поход, чтобы поддержать тверского князя. На этот раз Дмитрий Иванович с войском встретил их войска у южных границ, у г. Любутска. По заключенному в июле 1372 г. соглашению тверской князь обязался вернуть имущество, захваченное им на территории великого княжения, и вывести оттуда своих наместников. В случае, если бы Михаил снова выступил с притязаниями на великокняжеский стол, Ольгерд обязался не вмешиваться в его спор с московским правителем. В январе 1374 г. Михаил заключил мир с Москвой и отказался от притязаний на великокняжеский стол.

В следующем, 1375 г. тверской князь, рассчитывая на поддержку Мамая, послал за ярлыком на великое княжение и, получив его, разорвал мир с Москвой. Но на этот раз уже в конце июля в Тверскую землю вступило войско, объединившее военные силы всех князей Северо-Восточной Руси. По выражению летописца, Дмитрий Иванович повел с собою «всю силу русских городов и совокупяся со всеми князи рускими». Тверской князь даже не пытался оказать сопротивление и укрылся за стенами тверской крепости. Осада Твери продолжалась месяц. Здесь «надеялися помочи от Литвы и от татар», но помощь не пришла, и Михаил Тверской был вынужден не только отказаться от притязаний на великокняжеский стол, но и признать себя «братом молодшим» — вассалом Дмитрия.

Анализ истории борьбы за великое княжение в конце 60-х — начале 70-х гг. XIV в. позволяет сделать ряд важных выводов. Так, очевидно, что к этому времени прочно утвердилось верховенство Москвы в политической жизни СевероВосточной Руси. Упорно пытался противостоять московскому правителю только тверской князь, но и он сумел добиться каких-либо успехов, лишь опираясь на поддержку внешних сил — Литвы и Орды. Второй вывод состоит в том, что эти достаточно могущественные внешние силы оказались не в состоянии направлять ход событий по своей воле.

Своей победой Москва великого князя Дмитрия Ивановича была обязана поддержке со стороны и населения территории владимирского великого княжения, и князей Северо-Восточной Руси. В такой их позиции несомненно нашел отражение рост патриотических настроений в русском обществе того времени.

Борьба русских земель за освобождение от татарского ига. Куликовская битва. Вторая половина XIV в. стала временем важных перемен в отношениях между русскими землями и Ордой.

После разделения Ордынской державы на враждебные, сражающиеся между собой объединения отношения с ними русских князей приобрели существенно разный характер. Ханов Заволжской Орды, сидевших в Сарае, русские князья довольно скоро перестали признавать, а со временем даже стали организовывать походы на их владения, используя при этом межордынские конфликты. Так, в 1370 г. Дмитрий Константинович ходил походом на болгар вместе с послом Мамая и выгнал оттуда местного князя Асана, очевидно, ставленника сарайских ханов.

Более сложный характер носили отношения русских князей с более сильной и непосредственно граничившей с юга с русскими землями ордой темника Мамая, правившего от имени подставных ханов-Чингизидов. Именно в эту орду направился Михаил Тверской хлопотать о ярлыке на великое княжение. Это заставило и Дмитрия Ивановича в 1371 г. также направиться в Орду, чтобы добиться подтверждения своих прав на великокняжеский стол. Оттуда великий князь вернулся «с многыми длъжникы и бышет от него по городом тягость даннаа велика людем». Но выплата выхода в Орду продолжалась недолго. Уже в 1374 г. «князю великому Дмитрию московскому бышеть розмирие с татары и с Мамаем». Впервые в истории русско-ордынских отношений зависимость русских земель от Орды была открыто разорвана. К тому же времени, когда началось «розмирье», относится известие о торжествах в Переяславле по поводу рождения второго сына Дмитрия Ивановича, Юрия, куда «отовсюду съехашася князи и бояре». По мнению ряда исследователей, именно здесь было принято коллективное решение русских князей о разрыве с Ордой. Начались нападения мамаевых татар на Нижегородскую землю и союзные Москве черниговские княжества на верхней Оке. В 1376 г. Дмитрий Иванович «ходил за Оку ратию, стерегася рати татарьское». Так определился способ действий, избранный великим князем — предводителем русских войск: не ждать пассивно нападения Орды, организуя оборону, а предпринять собственные активные действия.

Правда, первый опыт такого рода оказался неудачным. Против войск пришедшего из Кок-Орды царевича Араб-шаха (Арапши) в 1377 г. была выслана московская и нижегородская рать. Узнав в походе, что царевич находится далеко, войско утратило бдительность: воины сложили доспехи на телеги, расстегивали одежды, разопрев от жары, пили мед и пиво. Внезапный набег татар Мамаевой Орды привел к поражению захваченного

врасплох русского войска. После этого ордынцы разорили Нижний Новгород. Уроки были учтены, когда в 1378 г. Мамай послал большое войско во главе с мурзой Бегичем «на князя великого Дмитрия Ивановича и на всю землю Русскую». Дмитрий Иванович своевременно собрал войско и двинулся навстречу ордынцам. Перед походом он посетил знаменитого подвижника Сергия Радонежского и получил от него благословение. Перейдя Оку, русское войско остановило ордынцев в Рязанской земле на реке Воже. И августа 1378 г. войско Бегича перешло реку и напало на русских, но потерпело полное поражение и было опрокинуто в реку. В сражении погибло пять ордынских князей, что говорит о немалых размерах пришедшего с Бегичем войска.

Для нового похода на Русь Мамай не только собрал все свои силы, но и усилил свое войско отрядами наемников из числа жителей итальянских колоний в Крыму и народов Северного Кавказа. Кроме того, он вступил в союз с великим князем литовским Ягайло, сыном Ольгерда, и рязанским князем Олегом. Была достигнута договоренность о соединении сил союзников для совместного похода на Северо-Восточную Русь.

Положение было опасным. Дмитрий Иванович принял смелое решение выступить против Мамая и нанести ему поражение до того, как он успеет соединиться со своими союзниками. Пактом сбора войск стала Коломна, куда пришли со своими войсками все князья Северо-Восточной Руси. Как записал автор «Летописной повести» — одного из наиболее ранних и достоверных рассказов о походе Дмитрия Ивановича, «от начала миру не бывала такова сила русских князей». Узнав о сборе такого большого войска, Мамай заявил, что готов отказаться от похода на Русь, если ему выплатят выход в том же размере, как при хане Джанибеке, т. е. в эпоху высшего могущества Золотой Орды, но русские князья отклонили его предложение. Из Коломны, где коломенский епископ Герасим благословил собравшееся войско, Дмитрий Иванович двинулся через Рязанскую землю к Дону, где стоял Мамай, ожидая вестей о приближении союзников. Некоторые из русских военачальников предлагали не переходить Дон, но Дмитрий Иванович принял решение перейти реку и вступить в сражение с ордынцами. Здесь ему принесли грамоту от Сергия Радонежского с «благословением». Битва русского войска и ордынцев произошла на Куликовом поле у устья реки Непрядвы. Борьба была долгой и упорной, обе стороны несли большие потери: «чрез весь день сечахуся и падоша мертвых множество бесчисленно от обоих». Дмитрий Иванович сражался в первых рядах своего войска, как записал летописец, «бяше видети, весь доспех его бит и язвен». Исход сражения, по свидетельству «Сказания о

Мамаевом побоище», решил неожиданный удар стоявшего в засаде полка во главе с князем Владимиром Андреевичем Серпуховским и московским воеводой Дмитрием Боброком. Остатки ордынского войска беспорядочно бежали, бросив свой обоз. После этого выступивший было в поход Ягайло спешно увел свое войско, а Олег Рязанский бежал, бросив свое княжество.

В сознании русского общества победа на Куликовом поле стала одним из главных событий его средневековой истории. Не случайно ему был посвящен целый ряд повестей и сказаний, в которых снова и снова рассказывалось, как была одержана великая победа. Сражение на Куликовом поле было первой победой не над отдельными отрядами ордынцев, а над главными силами Орды. Эта победа показывала, что вековое жестокое иго завоевателей может быть свергнуто. Одновременно стало ясно, что такая победа может быть достигнута лишь после объединения сил всех русских княжеств под единым руководством. В роли такого руководителя выступила Москва и ее глава, великий князь Дмитрий Иванович, получивший в русской исторической традиции прозвище Донского. Тем самым Москва окончательно утвердилась как центр политической жизни Северо-Восточной Руси.

В истории взаимоотношений кочевого и земледельческого мира на территории Восточной Европы Куликовская битва также стала переломным событием. С этого времени начался постепенный упадок располагавшихся в этом регионе объединений кочевников и начался длительный, охвативший несколько веков процесс земледельческого освоения огромных восточноевропейских степей. Перемены эти постепенно привели к тому, что странам Европы перестала угрожать опасность со стороны кочевников, которые, начиная с эпохи Великого переселения народов, постоянно вторгались в эти страны, проходя через восточноевропейские степи. Поэтому есть основания считать Куликовскую битву важным событием не только древнерусской, но и общеевропейской истории.

Можно считать своеобразной иронией судьбы, что победа на Куликовом поле способствовала восстановлению единства Ордынского государства. Еще весной 1380 г. правитель КокОрды Тохтамыш захватил владения сарайских ханов в бассейне Волги. После поражения Мамая на Куликовом поле его воины, оставив своего правителя, перешли на сторону «настоящего царя» — Тохтамыша, под властью которого оказалась большая часть земель, входивших в состав Золотой Орды. Отправили послов к новому царю многие русские князья.

В 1382 г. новый хан предпринял большой поход на Русь, чтобы восстановить зависимость русских земель от Орды. По своему характеру

поход Тохтамыша заметно отличался от более ранних ордынских походов на русские земли. Хан приложил максимум усилий для того, чтобы его нападение было неожиданным для противника, задержав в Орде русских купцов и послов. Благодаря этому войска Тохтамыша смогли скрытно перейти Оку и подойти к Москве, не встречая серьезного сопротивления. При появлении сильного ордынского войска между русскими князьями не обнаружилось единства. Дмитрий Константинович Нижегородский изъявил покорность и прислал к Тохтамышу своих сыновей. Олег Рязанский указал хану броды на Оке. Захваченный врасплох Дмитрий Иванович уехал на север собирать войско, поручив защиту Москвы служилому литовскому князю Остею. Татарские войска несколько дней безуспешно осаждали Москву (тогда для защиты Кремля были впервые использованы пушки). Потерпев неудачу, Тохтамыш стал уверять жителей Москвы, что он воюет только с Дмитрием Ивановичем и, если они поднесут хану дары, он отойдет от Москвы. Сыновья нижегородского князя, бывшие с Тохтамышем, заверили в искренности ханских обещаний. Когда жители Москвы открыли ворота и вышли с дарами, татары ворвались в город, разграбили его и подожгли. По стране распространялись татарские отряды, сжигавшие дома и угонявшие пленных, но когда они стали сталкиваться с собиравшимися русскими войсками, хан созвал их и «въскоре отъиде». Все эти факты показывают, что целью ордынцев было разорение страны противника, чтобы принудить его к выгодному миру, а не уничтожение вражеских сил. Эти черты станут в дальнейшем типичными для ордынских набегов на русские земли.

После похода Тохтамыша зависимость княжеств СевероВосточной Руси от Орды была восстановлена. В 1383 г. Дмитрий Иванович был вынужден после восьми лет паузы отправить в Орду с собранной данью старшего сына Василия. Тохтамыш задержал его в Орде как заложника — гаранта лояльности отца. Лишь в 1386 г. Василию удалось бежать и вернуться на родину. Под 1384 г. летописец записал: «бысть великая дань тяжка по всеку княжению великому, всякому без отъдатка». Однако ярлык на владимирский великокняжеский стол Тохтамыш выдал Дмитрию Ивановичу. Орда оставалась опасным противником Руси, способным серьезно затруднить ее поступательное развитие, но перекраивать политическую карту Руси по своему усмотрению ее правители уже не были в состоянии.

Москва и Литва в борьбе за объединение русских земель. Вторая половина XIV в. стала особым, очень важным периодом и в истории отношений Северо-Восточной Руси и Литвы. Ослабление, а затем распад

Ордынского государства открыли путь для литовской экспансии на юг Руси. В 40-х гг. XIV в. после смерти последнего галицко-волынского князя Болеслава-Юрия литовские князья утвердились на Волыни. Временной потерей московскими князьями владимирского великокняжеского стола воспользовался Ольгерд, чтобы снова подчинить своей верховной власти Смоленск. Под властью Ольгерда оказался и главный центр Черниговской земли Брянск. Ряд черниговских князей стали вассалами и союзниками Ольгерда. Заключенные соглашения были закреплены брачными союзами. Так, зятем Ольгерда стал князь Иван Новосильский. С началом «великой замятии» в Орде власть Ольгерда утвердилась и в Киеве. Даже в такой южной области, как Подолия, вокняжились племянники Ольгерда — Кориатовичи, выгнав оттуда ордынских князей. Великое княжество Литовское превратилось в огромное государство, в границы которого вошла большая часть древнерусских земель.

Ольгерд стремился вовлечь в орбиту своего влияния и Северо-Восточную Русь, с рядом князей которой он также вступил в соглашения, скрепленные брачными союзами: он был женат на сестре Михаила Тверского, а свою дочь выдал за Бориса Константиновича, князя Городца на Волге. Вслед за заключением соглашений великий князь литовский стал все более энергично вмешиваться в политическую жизнь региона. В 1367 г. литовское войско помогло Михаилу Тверскому взять верх над противниками — Василием Кашинским и Еремеем Клинским из числа тверских князей, которых поддерживала Москва. Возникала перспектива возможного объединения всех восточнославянских земель под верховной властью великого князя литовского.

В Москве не испугались конфликта с Ольгердом и стали готовиться к большой войне с ним. Были заключены скрепленные присягой соглашения с великим князем смоленским Святославом и черниговскими князьями о совместном выступлении против Ольгерда. Таким образом, в самом начале конфликта

встал вопрос не только об отражении литовского наступления, но и об освобождении других древнерусских земель от литовской власти. Однако задуманный план осуществить не удалось. Союзники не выполнили своих обещаний, а «смоленская сила» даже приняла участие в начавшейся войне на литовской стороне.

Как уже говорилось, помогая своему зятю Михаилу Тверскому, Ольгерд трижды ходил походом в Северо-Восточную Русь и дважды его войско осаждало Москву. Предпринимая такие походы, великий князь литовский рассчитывал устрашить противников и добиться утверждения

своего ставленника как главы владимирского великого княжения, первого по значению среди князей Северо-Восточной Руси.

Ольгерд столкнулся, однако, с упорным сопротивлением со стороны московского князя. На его походы Дмитрий Иванович отвечал нападениями на владения Ольгерда и его союзников. Под его власть перешли такие важные пограничные крепости, как Ржев и Калуга, на его сторону перешел целый ряд черниговских князей, а зять Ольгерда князь Иван Новосильский лишился своего княжества. Когда в 1372 г. Ольгерд направился в свой третий поход на Москву, Дмитрий Иванович встретил его с собранными им полками у южных границ своих владений, и Ольгерд был вынужден заключить с ним мирное соглашение. Международное положение Великого княжества Литовского не было легким. Имея такого серьезного противника, как стремившийся завоевать Литву Тевтонский орден, Великое княжество Литовское не было в состоянии одновременно вести серьезную и долгую войну на нескольких фронтах. Столкнувшись с серьезным сопротивлением, Ольгерд не только отказался от планов подчинения княжеств Северо-Восточной Руси, но и бросил на произвол судьбы своего тверского союзника.

Планы объединения восточнославянских земель под властью Литвы, их подчинения центру, лежавшему за пределами древнерусской этнической территории, потерпели неудачу. Государственность, формировавшаяся на землях Северо-Восточной Руси на своей, местной основе, сумела дать отпор литовскому натиску. Так был сделан важный шаг на пути самостоятельного, не зависящего от внешних сил развития. Более того, обозначилась другая перспектива — объединения этих земель вокруг Москвы. На сторону Дмитрия Ивановича, порвав отношения с Литвой, встали не только черниговские княжества, но и Смоленск: в 1375 г. племянник великого князя смоленского участвовал в походе на Тверь вместе с черниговскими князьями.

Смерть Ольгерда в 1377 г. стала началом серьезного внутреннего кризиса в Великом княжестве Литовском. Несмотря на свои огромные размеры, это государство во второй половине XIV в. оставалось достаточно непрочным объединением разнородных территорий, подчинявшихся верховной власти великого князя литовского. В древнерусских землях, вошедших в его состав, сохранялись традиционные общественные институты и местная верхушка, только древнерусских князей сменили члены литовского княжеского рода, присылавшиеся в качестве наместников из Вильно. Они должны были ходить в походы и уплачивать дань главе рода — великому князю. Долго находясь на местных княжениях, литовские

князья, подпадая под влияние социально более развитого древнерусского общества, принимали православие и вообще проникались местными интересами, часто не совпадавшими с интересами Вильно. Сама же Литва — центр государства — оставалась языческой. Окружавшее здесь великого князя литовское боярство распоряжалось судьбами великого княжества, не привлекая к принятию важных решений «земли». Между отдельными группировками литовской знати также имели место противоречия. В таких условиях каждая смена на великокняжеском столе вызывала к жизни серьезные внутренние конфликты, а они были особенно опасны для государства, которому угрожал столь серьезный противник, как Тевтонский орден. Чтобы преодолеть кризис и найти союзников против ордена, языческой Литве необходимо было принять христианство и занять свое признанное место в христианской Европе.

Первоначально великий князь Ягайло и литовское боярство рассчитывали преодолеть кризис с помощью Москвы. В начале 80-х гг. XIV в. был подготовлен текст соглашения, по которому Ягайло должен был жениться на дочери Дмитрия Донского и принять православную веру. Тем самым Великое княжество Литовское оказалось бы в орбите московского политического и культурного влияния, и объективно был бы сделан шаг к утверждению ведущей роли Москвы не только в Северо-Восточной Руси, но и во всей Восточной Европе. Соглашение, однако, не было выполнено. В Литве было принято решение искать союза с западным соседом — Польшей. В 1385 г. была заключена так называемая Кревская уния — соглашение, по которому великий князь Ягайло женился на польской королеве Ядвиге и стал польским королем, а язычники-литовцы приняли католическую' веру. Литовская великокняжеская власть преодолела внутренний кризис и дала отпор ордену, опираясь на польскую поддержку.

В новых сложившихся условиях великие князья московские уже не имели возможностей для того, чтобы отрывать от Великого княжества Литовского входившие в его состав или подчиненные ему древнерусские земли, как это делал Дмитрий Донской. Некоторые из завоеванных ранее позиций были утрачены. Так, в 1386 г., после поражения смоленского войска в сражении с литовцами, была восстановлена зависимость Смоленска от Литвы.

С конца XIV в. развитие земель Северо-Восточной и части Северо-Западной Руси (будущей Великороссии) пошло по одному особому историческому пути, а развитие земель Западной и Южной Руси (будущих Украины и Белоруссии), вовлеченных вместе с Великим княжеством Литовским в орбиту польского культурного влияния, — по другому.

Сложение союза московской великокняжеской власти и православной церкви. Вторая половина XIV в. принесла с собой также значительные перемены и в положении православной церкви на территории Восточной Европы, и в характере ее отношений со светской властью.

Со времени крещения Руси и вплоть до XIII в. на всех восточнославянских землях православие являлось единственной официально признанной религией, а территория киевской православной митрополии совпадала с границами Древнерусского государства.

Монгольское нашествие сопровождалось разрушением многих христианских храмов и убийствами большого количества духовных лиц, но положение православной церкви в обществе не изменилось. При установлении ’«числа» православное духовенство было освобождено от уплаты дани, хотя митрополиты были вынуждены хлопотать о подтверждении этого права и для этого ездить в Орду и давать подарки ханам и вельможам.

К серьезным переменам привело подчинение ряда земель Западной Руси власти литовских князей. Литовские князья были язычниками — «чтителями огня», и хотя они не преследовали православных, все же в их владениях православие стало уже не единственной признанной, но лишь терпимой религией. Относясь подчас весьма благожелательно к православным, литовские князья одновременно решительно препятствовали переходу в православие своих подданных — литовцев. Так, известно, что в 1347 г. Ольгерд казнил трех перешедших в православие литовских бояр («виленские мученики» — Евстафий, Антоний и Иоанн).

Наиболее значительные последствия имел захват польским королем Казимиром в 40-х гг. XIV в. Галицкой земли. Польский король был католиком и сразу стал содействовать распространению на этой территории католической религии. На древнерусских землях стали создаваться католические епископства. В 1375 г. была создана особая провинция польской католической церкви с центром во Львове. Католическое духовенство получило здесь не только крупные пожалования, но и такие права и привилегии, которых православное духовенство не имело.

Так в середине XIV в. территория киевской православной митрополии оказалась поделенной между православными древнерусскими княжествами, из которых наиболее сильным было Московское, литовскими князьями-язычниками и польским королем-католиком. Положение усугублялось тем, что и литовские князья, и польский король не хотели, чтобы центр, управлявший православным духовенством в их владениях,

находился за пределами их границ. Поэтому литовские князья уже в правление Гедимина добились создания особой литовской митрополии с центром в Новогрудке, а польский правитель добивался восстановления созданной в начале XIV в. по желанию галицко-волынских князей особой галицкой митрополии.

В этих условиях вопрос о сохранении единства митрополии и позиций православной церкви на территории Восточной Европы приобрел особую остроту для людей, стоявших у руководства русской церкви. Если митрополиты домонгольского времени крайне редко покидали Киев, то во второй половине XII—XIV в. правилом стали длительные, продолжавшиеся иногда по несколько лет поездки митрополитов по территории митрополии. Постоянное появление митрополита перед паствой различных епархий, его непосредственное воздействий на состояние церковных дел на местах было одним из способов удержать эту паству в орбите своего влияния.

В сложившейся ситуации для руководства митрополии были возможны две линии поведения. Одна — всячески поддерживать status quo, лавируя между интересами различных политических центров. В таком духе старался действовать митрополит Феогност. Другая — найдя подходящую точку опоры, помогать утверждению на территории Восточной Европы власти православного правителя, который содействовал бы восстановлению традиционных позиций православия как господствующего вероисповедания на территории региона. Эта линия нашла свое отражение в действиях преемника Феогноста митрополита Алексея, поддержавшего всем своим авторитетом своего малолетнего воспитанника, великого князя Дмитрия Ивановича. Он отлучил от церкви тех русских князей, которые, как Михаил Тверской, выступали против Москвы в союзе с язычниками-литовцами. Вместе с Михаилом Тверским был отлучен от церкви и тверской епископ, поддерживавший своего князя. Не менее решительно поступил митрополит и с другим противником Москвы — князем Борисом Константиновичем. Когда Борис отказался ехать в Москву по предложению послов митрополита, они «затворили церкви» в Нижнем Новгороде.

В ответ на действия митрополита Ольгерд закрыл ему доступ в свои владения, а затем последовали жалобы Ольгерда и его союзников на действия Алексея константинопольскому патриарху. Тянувшиеся ряд лет споры закончились тем, что патриарх поставил для западных епархий митрополии другого митрополита — Киприана, который должен был после смерти Алексея занять его кафедру, а отлучения от церкви были отменены. Эти решения ясно показывают, что действия Алексея не получили

одобрения в Константинополе. Однако у русского общества было иное отношение к действиям митрополита, и оно по-иному оценивало их. Вскоре после смерти Алексея в 1378 г. он был причислен к лику святых и стал в дальнейшем одним из главных патронов московской митрополичьей кафедры.

После смерти митрополита Алексея Дмитрий Иванович не стал подчиняться решениям, принятым в Константинополе, отказался принять Киприана и выдвинул кандидатом на митрополичью кафедру своего «печатника» (начальника великокняжеской канцелярии) священника Михаила Митяя. По требованию великого князя в течение одного дня он был посвящен в монахи и сделан архимандритом придворного Спасского монастыря, после смерти Алексея он стал управлять делами митрополии, а в 1379 г. направился для посвящения в Константинополь. Митяй скончался на пути в византийскую столицу. После его смерти Дмитрий Донской пригласил в Москву Киприана, но вскоре изгнал, недовольный его сближением с Михаилом Тверским. Принятое решение привело в дальнейшем к ряду осложнений в отношениях и с Константинополем, и с «законным», признанным патриархией митрополитом, сидевшим в Киеве. Споры завершились лишь с приездом Киприана в Москву и его вступлением на митрополичью кафедру в 1390 г., уже после смерти Дмитрия Донского.

Таким образом, на протяжении 80-х годов XIV в. великий князь неоднократно менял свои пристрастия, то приглашая на митрополичью кафедру желательного кандидата, то изгоняя его, и епископы и духовенство Северо-Восточной Руси (за отдельными исключениями) каждый раз оказывали поддержку великому князю. В таком поведении духовенства находило выражение его убеждение, что только сильная великокняжеская власть может способствовать сохранению традиционных позиций православия на землях Северо-Восточной Руси. Экспансия католицизма на территории Восточной Европы, заметно усилившаяся после принятия католической веры литовцами в 1387 г., давала ему все новые доказательства правильности такой позиции.

Политическая гегемония Москвы в конце XIV в. На Северо-Востоке прочно утвердилась политическая гегемония Москвы. Никто из князей не выступал больше с притязаниями на владимирский великокняжеский стол. Со времени Дмитрия Ивановича утвердилось представление о великокняжеской территории как части наследственных владений московских князей. «А се благославляю сына своего Василия своею отчиною великим княженьем», — читаем в завещании Дмитрия

Ивановича, составленном перед его смертью в 1389 г.

По договору, заключенному под стенами Твери в 1375 г., Михаил Тверской признал себя «молодшим братом», т.е. вассалом Дмитрия Ивановича, обязался ходить в походы вместе с великим князем, вести согласованную с ним политику по отношению к Орде и к Литве. Очевидно, по аналогичным нормам строились отношения великого князя и с другими князьями Северо-Восточной Руси, не столь сильными и влиятельными, как Михаил Тверской. Выполнением вассальных обязанностей было их участие в походе на Тверь в 1375 г., а затем в походе на Новгород в 1386 г.

Таким образом, по отношению к соседям Северо-Восточная Русь уже во второй половине XIV в. стала выступать как единое политическое целое, хотя в собственных владениях князья оставались самостоятельными правителями.

Сфера политического влияния московских князей при Дмитрии Донском распространилась на черниговские княжества на верхней Оке. Если ранее речь шла о приобретении московскими князьями каких-то владений в этом районе, то теперь целый ряд местных князей подчинился политическому руководству Москвы. Как союзники (если не вассалы) Дмитрия Ивановича в походе на Тверь в 1375 г. участвовали князья Новосили, Оболенска и Тарусы. В 1385 г. князья Новосили и Тарусы участвовали в походе московского войска на князя Олега Рязанского.

В политике Дмитрия Донского обозначилась тенденция к подчинению московскому влиянию Рязанской земли. Все это привело к ряду серьезных конфликтов между Москвой и Рязанью, начиная с 1371 г. Рязанскому князю Олегу Дмитрий Иванович пытался противопоставить князя Владимира Пронского, владельца второго по значению удела в Рязанском княжестве. По договору, заключенному в 1381 г., Олег Иванович признал себя «братом молодшим» Дмитрия, обязался не заключать союзов с противниками Москвы, вести согласованную с ней политику по отношению к Литве и Орде.

При Дмитрии Донском были предприняты первые шаги и для укрепления власти великого князя в Новгороде. Важной вехой в этом отношении стал поход Дмитрия Ивановича на Новгород в 1386 г., когда собранные им войска русских княжеств подошли к самой столице Новгородского государства и осадили ее. Это был не первый поход объединенных сил русских княжеств на Новгород, но ранее такие походы предпринимались, чтобы заставить Новгород платить «выход» в Орду, а теперь шла речь о выплате «княжчин» — тех доходов, которые полагались Дмитрию как новгородскому князю и которые присваивало себе

новгородское боярство. Новгородские бояре были вынуждены дать обязательство впредь «княжчин не таити» и выплатить великому князю в возмещение ущерба 8000 руб.

Таким образом, во второй половине XIV в. были сделаны первые важные шаги для объединения под политическим верховенством Москвы не только земель, входивших в состав владимирского великого княжения, но и всей территории будущей Великороссии.

Войны второй половины XIV в. с Литвой и Ордой неоднократно приводили к массовой гибели не только материальных ценностей, но и людей. Скромный объем прибавочного продукта в этих условиях должен был заметно сократиться, а начавшийся в первой половине столетия хозяйственный подъем — замедлиться. Но объединение русских земель вокруг Москвы, позволившее занять твердую позицию по отношению к соседям и заставившее считаться с интересами этих земель, создавало надежную основу для самостоятельного поступательного развития.

§ 3. ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В КОНЦЕ XIV ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV в. ФЕОДАЛЬНАЯ ВОЙНА

В главных своих чертах политический строй русских земель в конце XIV — первой половине XV в. не отличался от того, что мы наблюдаем во второй половине XIV в. Как и раньше, первым и главным среди князей Северо-Восточной Руси оставался московский князь, занимавший владимирский великокняжеский стол. Другие князья признавали его верховенство над собой и ходили в походы по его приказу. Так, зимой 1411 г. в поход против нижегородских князей вместе с?московской ратью ходили ростовские, ярославские и суздальские князья, в аналогичном походе 1414 г. участвовали ростовские и ярославские князья.

Процессы дробления и объединения в конце XIV — первой половине XV в. Вместе с тем налицо были и некоторые новые явления. Для целого ряда княжеств — Ростовского, Ярославского, Стародубского, некоторых из черниговских княжеств на верхней Оке конец XIV — первая половина XV **В.** стали временем дальнейшего усиления феодальной раздробленности. Княжества стали постепенно делиться на десятки владений, размер некоторых из таких уделов стал приближаться к размерам крупных вотчин. Московские князья пользовались затруднениями мелких владельцев, чтобы приобретать их земли. К примеру, княгиня Мария

Ярославна, жена великого князя Василия II Темного, купила у ярославских князей город Романов на Волге и земли в устье Шексны. С другой стороны, члены княжеских родов, размеры владений которых постоянно уменьшались в земельных разделах, все чаще начинают искать карьеры на службе у великого князя московского: получаемые от него доходные кормления приносили, вероятно, больше дохода, чем небольшие родовые владения. Так, в 30— 40-е гг. XV в. видное положение в московском великокняжеском дворе занимали наравне с воеводами и наместниками великого князя члены черниговского рода князей Оболенских (владельцев городка Оболенска в бассейне верхней Оки) и князья Ряполовские (одна из ветвей многочисленного рода стародубских князей).

Вместе с тем в конце XIV — первых десятилетиях XV в. получили развитие и противоположные процессы. Не только в Московском великом княжестве, но и в некоторых других крупных княжествах усиливалась власть великого князя, подчинявшего себе других членов княжеского рода и вообще местную знать. Укрепляя свою власть на территории Московского великого княжества, сын Дмитрия Донского, Василий Дмитриевич, наоборот, поддерживал выступления недовольных князей на землях сильных соседей Москвы, но попытки эти не увенчались успехом. Тверским князьям, принявшим великокняжеский титул, Михаилу Александровичу (1368—1399) и его сыну Ивану Михайловичу (1399—1425) удалось значительно укрепить великокняжескую власть. Наиболее крупные уделы были уничтожены, владельцы других жестко подчинены верховной власти великого князя. В договоре, заключенном тверским великим князем Борисом Александровичем в 1427 г. с великим князем литовским Витовтом, читаем слова, исходящие от тверского великого князя: «...братьи моей, и племени моему князем, быти в моем послусе, я, князь великий Борис Александрович, волен, кого жалую, кого казню». Тот же договор предусматривал, что любой из членов княжеского рода, кто хотел бы «отъехать» к другому государю, лишится своих владений. В истории Рязанского княжества важное место занял конфликт между рязанскими и пронскими князьями. Еще в первой четверти XV в. пронский князь Иван Владимирович, присвоивший себе великокняжеский титул, вел себя как совершенно самостоятельный правитель, не подчинявшийся рязанскому великому князю, но в 30—40-е гг. XV в. пронские князья были сначала подчинены верховной власти рязанского сюзерена, а затем вообще изгнаны из Рязанской земли.

Отношения Москвы с Рязанью и Тверью. С сильными правителями этих княжеств великий князь московский должен был считаться. Тверское

княжество, опираясь на союз с усилившейся Литвой, фактически выделилось из структуры владимирского великого княжения. Признав права московских князей на «великое княжение» и новгородский стол, правители Твери в конце XIV в. добились признания их равноправными партнерами правителей Москвы (великий князь тверской был уже «братом», а не «братом молодшим» великого князя московского). В соответствии с этим, начиная войну, великий князь московский должен был просить о помощи тверского, а тот ее мог дать, а мог в ней и отказать.

Больших успехов удалось добиться относительно Рязанской земли. Рязанские князья Федор Ольгович (1402—1427), женатый на дочери Дмитрия Донского, и его сын Иван Федорович (1427—1456) признавали себя «младшими братьями» великого князя московского, обязывались вести согласованную с ним политику по отношению к Орде и Литве, признавали его арбитром в спорах с пронскими и черниговскими князьями.

Главные проблемы, с которыми сталкивалась московская великокняжеская власть в своей внешней политике, были проблемы отношений с Ордой и Литвой.

Москва и Орда в конце XIV — первой половине XV в. После Куликовской битвы освобождение от власти Орды стало осознаваться как близкая и конкретная задача московской политики. «А переменит Бог Орду, дети мои не имут давати выхода в Орду», — писал в своем завещании Дмитрий Донской. Период усиления Золотой Орды под властью Тохтамыша оказался кратковременным. Вторжения ордынских войск на территории Средней Азии привели к столкновению Ордынского государства с могущественной державой Тимура. В начавшейся с ней в конце 80-х гг. XIV в. войне войска Тохтамыша понесли ряд тяжелых поражений, а в 1395 г., после разгрома войск Тохтамыша на Тереке, армия Тимура вторглась на территорию Ордынского государства, разорив его главные центры в нижнем течении Волги. Тем самым объективно был дан новый важный толчок для развития центробежных процессов в восточноевропейских степях. Началась борьба за власть над Ордой между Тохтамышем, его сыновьями, которых поддерживал великий князь литовский Витовт, и могущественным эмиром Едигеем, правившим, подобно Мамаю, с помощью подставных ханов.

Василий I Дмитриевич использовал те возможности, которые давала ему обстановка «смут» в Орде — после 1395 г. он перестал сам туда ездить и не посылал послами «старейших» бояр, ордынским послам не оказывали в Москве надлежащей чести. Дань великий князь обязался выплачивать, но в течение ряда лет не вносил, ссылаясь на то, что «ся улус истомил, выхода

взяти не на чем». Стремясь восстановить прежний порядок отношений, Едигей в ноябре 1408 г. напал на Москву. В действиях эмира было много общего с действиями Тохтамыша в 1382 г. Едигей также принял максимум мер к тому, чтобы нападение было неожиданным. Москва была хорошо укреплена, и ордынское войско даже не пыталось штурмовать ее. Как отметил летописец, ордынцы даже не решились стать в поле близко от Кремля, «пристроя ради граднаго и стреления из града». Разосланные по стране ордынские отряды захватывали добычу и пленных, не пытаясь разыскать и уничтожить русские войска. Затем, получив известия о новых «смутах» в Орде, Едигей поспешно увел свое войско в степь. Ущерб русским землям был нанесен значительный: были разорены Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, ордынцы увели с собой множество пленных. Однако никаких важных политических результатов нападение Едигея не принесло. Василий I Дмитриевич направился в Орду лишь в 1412 г., когда на ханском троне утвердился противник Едигея и ставленник Витовта, сын Тохтамыша Джелаль-эд-дин. В этом году имела место последняя коллективная поездка русских князей в Орду для получения ярлыков от нового хана. Тогда же возобновилась уплата «выхода». В последующие годы смуты в Орде усилились до такой степени, что, как в калейдоскопе, сменявшие друг друга правители уже не были в состоянии предпринять поход на Русь, подобный походу Едигея. Орда еще способна была наносить русским землям серьезный ущерб, замедляя их развитие, но зависимость русских земель от Орды заметно ослабла.

Русские земли и Литва в конце XIV — первой половине ХУв. На западных границах положение было явно неблагоприятно для московского князя. Конец XIV — первые десятилетия XV **В.** стали временем резкого усиления роли Великого княжества Литовского в политической жизни Восточной Европы. После объединения в 1385 г. Великого княжества Литовского и Польского королевства под властью единого монарха — Владислава-Ягайло вес и значение обоих государств заметно возросли, в особенности после того, как союзники в битве под Грюнвальдом в 1410 г. нанесли поражение войскам своего наиболее опасного противника — Тевтонского ордена. Между союзниками существовали противоречия, подчас довольно серьезные, однако попытки великого князя литовского Витовта, сидевшего на литовском троне под верховной властью своего двоюродного брата — польского короля, усилить позиции Великого княжества Литовского на Востоке, постоянно встречали поддержку в Польше. Витовт, пользуясь смутами в Орде, расширил границы Великого княжества Литовского на юге вплоть до побережья Черного моря. Под его

властью (оказалось большое количество ордынцев, искавших спасений от смут за пределами ордынской территории. Он энергично вмешивался в борьбу за ханский трон, пытаясь посадить в Орде своих ставленников — сыновей Тохтамыша, и ему неоднократно это удавалось. В окружении Витовта вынашивались планы подчинения всех древнерусских земель верховной власти князя литовского.

В условиях, когда соотношение сил в Восточной Европе складывалось не в пользу Москвы, Василий Дмитриевич был вынужден вести очень осторожную политику по отношению к Витовту, на дочери которого Софье женился в 1390 г. Он уклонялся от оказания помощи противникам Витовта и старался не создавать острых ситуаций во взаимоотношениях с могущественным тестем. Так, Василий Дмитриевич не оказал помощи выступившему против Литвы смоленскому князю (1404), не смог он помочь и выступлениям против Витовта в восточных землях Великого княжества Литовского. Василий Дмитриевич лишь предоставил в своих землях приют выступившим против Витовта князьям и черниговским и брянским боярам (1408). Вместе с тем он оказывал упорное сопротивление попыткам Витовта вторгнуться в традиционную сферу влияния московских правителей. Сильные опасения великого князя и его советников вызвала уже предпринятая в 1399 г. попытка Витовта посадить на ханский трон Тохтамыша, нашедшего приют в Литве. Судя по высказываниям московских летописей, в Москве опасались, что, подчинив своему влиянию Орду, Витовт попытается воспользоваться этим, чтобы подчинить своей власти русские земли. Не случайно незадолго до его выступления в поход Василий Дмитриевич и тверской князь Михаил Александрович заключили между собой союз, предусматривавший совместные действия против Литвы и татар. Опасность временно отпала, когда армия Витовта была разбита войсками Едигея в битве на реке Ворскле 12 августа 1399 г. Выступление Василия Дмитриевича в защиту Пскова привело к трехлетней (1406—1408) московско-литовской войне. Опасность и на этот раз была серьезной. Витовт сумел получить военную помощь не только от Польши, но и от Тевтонского ордена, которому он уступил Жемайтию. Для отпора войску Витовта и его союзников Василий Дмитриевич сумел собрать военные силы со всей территории владимирского великого княжения, на начальном этапе войны даже Тверь оказала ему поддержку. Сумел он получить и военную помощь от враждебного Витовту Едигея. После ряда военных столкновений, не решившись на генеральное сражение с противником, Витовт заключил мир, по которому на долгие годы границей между Литвой и Великим княжеством Московским стала река Угра. Вплоть

до конца своего княжения Василию Дмитриевичу удалось удержать в сфере своего влияния не только владимирское великое княжение, но и черниговские княжества на верхней Оке. Одно из этих княжеств (Тарусское) даже вошло в состав Великого княжества Московского.

Борьба Москвы с Новгородом за Европейский Север. Осторожная внешняя политика Василия Дмитриевича во многом объяснялась тем, что все его усилия были направлены на изменение традиционного политического строя русских земель в пользу Москвы. Одной из важных целей, которые он ставил перед собой, было серьезное ослабление Новгородского государства, в частности вытеснение его с богатых пушниной земель Европейского Севера. В этом отношении политика Василия I была продолжением политики его предшественников. Вслед за аналогичными шагами Ивана Калиты Дмитрий Донской отобрал у Новгорода земли в бассейне реки Печоры.

Утвердилось московское влияние и в земле коми-зырян по рекам Выми и Вычегде. Здесь в 1383 г. была создана новая Пермская епархия, первым епископом которой стал Стефан Пермский, обративший коми-зырян в христианство и создавший для них алфавит и письменность на их языке. Архиепископ новгородский в 1385 г. пытался выгнать Стефана из его епархии, но нападение было отбито с помощью жителей Устюга.

Василий Дмитриевич предпринял против Новгорода более радикальные и решительные действия. В 1397 г., вступив в соглашение с местными двинскими боярами, он взял под свою защиту отпавшую от Новгорода Двинскую землю, послав туда своих наместников. Двинянам была выдана уставная грамота, определявшая положение Двинской земли в составе владений великого князя московского. Переход Двинской земли под власть Москвы определил бы судьбу и ряда других северных владений Новгорода, которые оказались бы отрезанными от основной территории Новгородского государства. Одновременно московская рать заняла пограничные «волости», бывшие «сместными» — общими владениями великого князя и Новгорода: Торжок, Бежецкий Верх, Волок Ламский, Вологду. Все это могло бы привести к серьезному ослаблению Новгородского государства и к усилению позиций великокняжеской власти в Новгороде, но удержать все эти земли под своей властью великому князю не удалось. Новгородское войско подавило восстание двинян и серьезно разорило соседние Белозерские (входившие в состав Великого княжества Московского) и Ростовские земли. Предпринимавшиеся в последующие годы попытки с помощью двинских эмигрантов, обосновавшихся в Устюге, вернуть Двинскую землю под власть великого князя оказались

безуспешными. Новгородское государство оказалось достаточно сильным, оно сумело не только отразить нападения, но и отвечало на них сильными контрударами, от которых, правда, больше страдали Ростовские земли вокруг Устюга, а не великокняжеские территории. Закрепить за собой Торжок Василию Дмитриевичу также не удалось, но другие новгородские волости (Бежецкий Верх, Волок Ламский, Вологду) он удержал под своей властью, и уже после его смерти, в 30-х гг. XV в., новгородские власти тщетно добивались от его сына Василия Васильевича их возвращения.

Борьба за присоединение Нижнего Новгорода. Другой важный шаг, предпринятый Василием Дмитриевичем, касался Нижнего Новгорода. В 1392 г., воспользовавшись затруднениями Тохтамыша в войне с Тимуром, великий князь московский добился от него ханского ярлыка на этот крупный центр. После этого нижегородские бояре отказали в поддержке своему князю Борису Константиновичу и Нижний Новгород с прилегающими волостями вошел в состав владений Москвы. Нижегородско-Суздальское княжество в последних десятилетиях XIV в., подобно Тверской и Рязанской земле, имело ранг «великого княжения», а его правители Могли претендовать на формальное равенство с правителями Москвы. Теперь это «великое княжение» перестало существовать, а его столицей завладел великий князь московский. Присоединение Нижнего Новгорода можно рассматривать как своего рода знаковое событие, обозначившее начало перехода от первого этапа объединения княжеств Северо-Восточной Руси, когда они подчинились руководящей политической роли Москвы, ко второму, когда встал вопрос об их включении в состав владений великого князя московского.

Правда, само присоединение Нижнего Новгорода прошло мирно и спокойно, но последующие события показали, что окончательно овладеть Нижним Новгородом оказалось нелегко. Потерявшие Нижний Новгород суздальские князья нашли поддержку в Орде, прежде всего у татарских и мордовских князей Среднего Поволжья, которые постепенно становились серьезной самостоятельной силой в условиях начинавшегося распада Ордынского государства. Уже в 1395 г. один из суздальских князей, Семен Дмитриевич, с их помощью сумел овладеть Нижним Новгородом. Василию Дмитриевичу пришлось послать брата Юрия с большим войском, которое не только восстановило московскую власть в Нижнем Новгороде, но также разорило Болгар, Джукетау и другие города Среднего Поволжья. Во время набега Едигея в 1408 г. к Нижнему Новгороду пришли «мнози татарове и Болгарская сила и Мордва», и при их поддержке здесь на княжеский стол сели сыновья Бориса Константиновича Иван и Даниил. В 1411 г. они

разбили у Аыскова посланное против них московское войско во главе с братом великого князя Петром. Лишь в 1415 г. Юрию Дмитриевичу удалось изгнать из Нижнего Новгорода суздальских князей. Однако московская власть оставалась здесь непрочной. С суздальскими князьями, нашедшими приют в Орде, постоянно велись переговоры, и в 1419 г. Василий Дмитриевич передал Нижний Новгород одному из них, Александру Ивановичу, женив его на своей дочери. После его смерти Нижний Новгород вернулся под власть великого князя, но ненадолго. В 1424 г. на нижегородском столе снова сидел Даниил Борисович. Лишь после его смерти Нижний Новгород прочно вошел в состав владений московского великого князя. Таким образом, борьба за присоединение Нижнего Новгорода растянулась на несколько десятилетий.

В общественном мнении того времени действия великого князя московского в отношении суздальских князей неоднократно получали отрицательную оценку. Так, в тверской редакции общерусского свода начала XV в. читаем, что Василий Дмитриевич добивался в Орде нижегородского княжения «на кровопролитие, на погыбель христианскую» и «взя Нижнии Новгород златом и сребром, а не правдою». В том же источнике резко осуждались нижегородские бояре, не сохранившие верности своему князю. Один из наиболее авторитетных духовных лиц — современников Василия Дмитриевича, Кирилл Белозерский обратился к великому князю с посланием, в котором призывал его примириться с суздальскими князьями. Все это показывает, с какими серьезными трудностями столкнулась московская великокняжеская власть, когда она предприняла первые попытки объединить земли Северо-Восточной Руси под властью одного правителя. Новое препятствие на пути к объединению русских земель возникло с началом феодальной войны в Великом княжестве Московском.

Борьба внутри московского княжеского рода за великокняжеский стол. Феодальная война. Для «великих княжений», образовавшихся на русских землях во второй половине XIV в., были характерны острые конфликты, борьба за обладание великокняжеским троном между представителями разных ветвей княжеского рода и даже между членами одной семьи. Так, соперник Дмитрия Донского Михаил Александрович завоевал тверской стол в напряженной борьбе со своим дядей Василием I. Для московского княжеского рода такие конфликты первоначально не были характерны. Ряд важных обстоятельств способствовал единству московского княжеского рода: центр княжества — город Москва был их коллективным владением; у московских бояр были крупные владения и на

территории великого княжения, и на землях уделов; наконец, удельные князья, действовавшие совместно с великим князем, получали часть его «примыслов». Так, после присоединения Нижегородского княжества дядя Василия I Владимир Андреевич присоединил к своему уделу Городец на Волге. Солидарность членов рода в борьбе за великокняжеский стол стала одним из важных условий их успеха. Однако когда цель была достигнута и руководящее положение великого князя московского в Северо-Восточной Руси уже никто не оспаривал, противоречия, подспудно существовавшие и ранее, вышли наружу.

После смерти Василия I (27 февраля 1425 г.) его брат Юрий стал претендовать на великокняжеский стол, не желая признавать новым великим князем молодого племянника Василия, сына Василия Дмитриевича. Однако он не сразу решился открыто оспаривать право племянника на власть. Василий Дмитриевич отдал сына под опеку его могущественного деда — Витовта. Во второй половине 20-х гг. Софья Витовтовна с малолетним сыном неоднократно навещала отца, прося его о помощи и поддержке. В условиях, когда к власти в Орде пришел ставленник Витовта Улу-Мухаммед, у Юрия Дмитриевича не было шансов для успешной борьбы за престол, и в 1428 г. он заключил договор с племянником, признав его «старшим братом» — сюзереном.

Однако сама возможность внутренних смут в Великом княжестве Московском, необходимость для великокняжеской семьи искать поддержки Витовта способствовали ослаблению внешнеполитических позиций Москвы. Витовт воспользовался ситуацией, чтобы расширить зону литовского политического влияния в Восточной Европе. Прежде всего он постарался подчинить себе Новгород и Псков, лишившиеся московской поддержки. В 1426 г. он предпринял лоход на Псков, а в 1428 г. — на Новгород. Оба государства были вынуждены выплатить крупные денежные контрибуции и принять литовских наместников. В 1427 г. Витовт предпринял поездку на восток, во время которой правители княжеств на верхней Оке, а также рязанский и пронский князья признали себя его вассалами. Заключенные соглашения обязывали князей выступать на стороне Витовта даже в том случае, если начнется война между ним и его внуком Василием. Опасное развитие событий было прервано смертью Витовта в октябре 1430 г. С приходом к власти в Великом княжестве Литовском нового правителя Свидригайлы, сына Ольгерда, начались серьезные осложнения в отношениях между Польшей и Литвой, а затем многолетняя «гражданская» война в Великом княжестве Литовском.

Смерть Витовта послужила для Юрия Дмитриевича, которого

связывали с новым литовским правителем близкие дружеские отношения, толчком, чтобы выступить открыто с притязаниями на верховную власть. Он направился в Орду ходатайствовать у хана о выдаче ему ярлыка на великое княжение. Дядя и племянник почти год пробыли в Орде, но ярлык на великое княжение получил Василий. 5 октября 1432 г. ханский посол посадил его на великокняжеский стол во Владимире. Но Юрий Дмитриевич не согласился с ханским решением и, выждав благоприятный момент, начал военные действия против племянника.

Война, в которой против молодого великого князя выступали сначала Юрий Дмитриевич, а затем его старший сын Василий Косой, продолжалась с перерывами с весны 1433 г. до весны 1436 г. В борьбе с дядей молодой великий князь неоднократно терпел поражения, но бояре и дети боярские продолжали сохранять ему верность. Так, когда в 1433 г. Юрий Дмитриевич, заняв великокняжеский стол, дал в удел племяннику Коломну, то, по свидетельству Ермолинской летописи, «москвичи же вси, князи, и бояре, и воеводы, и дети боярскые, и дворяне от мала и до велика, вси поехали на Коломну к великому князю, не повыкли бо служите уделным князем». Благодаря этому великокняжеский стол остался за Василием Васильевичем. В эти годы военные действия охватили практически всю Северо-Восточную Русь. В войну оказались вовлечены отнюдь не только члены московского княжеского дома. Так, сама междоусобная война началась с разграбления сыновьями Юрия Дмитриевича Ярославля — столицы самостоятельного княжества, а когда Василий Косой выступил с притязаниями на великокняжеский стол, он ограбил ростовского архиепископа. Решающее сражение последней военной кампании, когда Василий Косой потерпел поражение и попал в плен к великому князю, произошло 14 марта 1436 г. в Ростовской земле. Связанные с военными действиями разорения и грабежи усугубляли массовые кровавые расправы с людьми, не желавшими признать притязания того или иного претендента на великокняжеский стол. Так, Василий Косой, захватив в марте 1436 г. сопротивлявшийся Устюг, приказал казнить многих жителей города, находившиеся в нем великокняжеский наместник и митрополичий десятильник были повешены. Стремясь лишить противников поддержки, великий князь Василий Васильевич был вынужден жаловать другим членам московского княжеского дома города и волости. Так, братья Василия Косого Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный получили от великого князя первый — Углич и Ржев, второй — Бежецкий Верх.

В 1441—1442 гг. произошло столкновение великого князя с другим сыном Юрия Дмитриевича, Дмитрием Шемякой, но оно не имело

серьезных последствий. Дмитрия Шемяку, пришедшего с войском к Москве, и великого князя примирил игумен Троице-Сергиева монастыря Зиновий. Однако союзнику Дмитрия Шемяки, Ивану Можайскому, участвовавшему вместе с ним в походе, пришлось пожаловать только что присоединенный к владениям великого князя Суздаль.

Новая вспышка междоусобной войны произошла в середине 40-х гг. XV в. 7 июля 1445 г. под Суздалем великий князь Василий Васильевич потерпел поражение в битве с войсками одного из ханов, боровшихся за власть в Орде, Улу-Мухаммеда, попал в плен к ордынцам и освободился, лишь обещав выплатить огромный выкуп. С возвратившимся великим князем прибыли многочисленные ордынские сборщики дани. Эти события нанесли сильный удар по престижу Василия II, чем воспользовался Дмитрий Шемяка. Он доказывал, что, устранив Василия Васильевича от власти, можно избавиться от тяжелых обязательств по отношению к Орде, и находил поддержку. Активными участниками заговора, направленного против великого князя, стали прежний союзник Шемяки князь Иван Можайский, некоторые бояре и «гости» — богатые московские купцы, и даже некоторые монахи Троице-Сергиева монастыря. В результате поехавший на богомолье в Троице-Сергиев монастырь великий князь Василий II был захвачен и в ночь на 14 февраля 1446 г. ослеплен (отсюда его прозвище Темный в русской исторической традиции). С выступлений сторонников низложенного великого князя против Дмитрия Шемяки началась новая феодальная война, продолжавшаяся с перерывами до начала 1450 г., но главные, решающие события, определившие ее исход, имели место в 1446—1447 гг. После заката Шемякой великокняжеского стола он столкнулся с проявлениями массового недовольства бояр и детей боярских, сохранявших верность низложенному правителю. Многие из них бежали на территорию соседнего Великого княжества Литовского. Среди беглецов был даже серпуховский князь Василий Ярославич, внук Владимира Андреевича. Столкнувшись с такими проявлениями недовольства и под давлением духовенства, Дмитрий Шемяка в сентябре 1446 г. освободил Василия из тюрьмы и дал ему в удел бывшее общее владение великого князя и Новгорода — Вологду. Василий дал клятву не добиваться великокняжеского стола.

После этого события стали развиваться очень быстро. Игумен Кирилло-Белозерского монастыря Трифон освободил Василия Васильевича от клятвы, данной по принуждению. Из Вологды Василий II переехал в Тверь, правитель которой великий князь Борис Александрович заключил с ним союз, скрепленный браком дочери тверского князя Марии и старшего

сына Василия, Ивана. Василий II выступил в поход с тверским войском, к которому стали присоединяться отряды сторонников и беглецы, возвращавшиеся из Литвы. Дмитрий Шемяка собрал войско у Волоколамска, но бояре и дети боярские из этого войска стали перебегать на сторону законного великого князя. В результате он даже не решился вступить в сражение с войсками противников и ушел на север, в Галич. 17 февраля 1447 г. Василий II въехал в Москву.

Дмитрий Шемяка пытался продолжать борьбу, побуждая к выступлению против великого князя то Новгород, то казанского хана Махмутека, но лишь терял постепенно свои владения и союзников. В январе 1450 г. капитулировал осажденный войсками Василия II Галич — столица владений Шемяки.

Утратив свои владения, Дмитрий Шемяка бежал за пределы великого княжения, и на великокняжеском престоле окончательно утвердился Василий Васильевич. Найдя приют в Новгороде, который признал его своим князем, Шемяка еще в течение двух лет совершал нападения на великокняжеские земли, пока его смерть в начале 1453 г. не положила окончательно конец смутам.

Феодальная война прервала на время начавшийся в первой четверти XV в. процесс присоединения княжеств Северо-Восточной Руси к владениям великого князя московского. Длительный политический кризис привел к определенному ослаблению позиций московской великокняжеской власти как внутри страны, так и на международной арене. На заключительном этапе феодальной войны, стремясь ослабить и изолировать Шемяку, великий князь снова жаловал членам московского княжеского рода города и волости. Так, целый ряд владений (и в их числе такой крупный центр, как Дмитров) получил князь Василий Ярославич. Ивану Андреевичу Можайскому, чтобы он оставил своего союзника — Шемяку, был отдан Бежецкий Верх. Из-за продолжительных внутренних конфликтов правители Москвы не сумели использовать благоприятные условия, складывавшиеся с происходившим распадом Ордынского государства на ряд враждебных, постоянно воюющих между собой улусов. Именно из-за раздоров между русскими князьями, когда Шемяка не привел на поле битвы свои полки, Василий II потерпел поражение от войск Улу-Мухаммеда. По этой же причине они не смогли использовать в своих интересах и феодальную войну 30-х гг. XV в. в Великом княжестве Литовском, чтобы раздвинуть границы своих владений на западе. Не удалось вернуть в сферу московского влияния черниговские княжества на Верхней Оке, подчинившиеся при Витовте верховной власти великого

князя литовского. Эти перемены Василий Васильевич должен был признать, заключая еще до окончания феодальной войны в 1449 г. мирный договор с королем польским и великим князем литовским Казимиром, сыном Ягайло. По этому договору он вынужден был одобрить и особый статус Твери как княжества, находящегося «в стороне» Казимира. Более того, он обязался не препятствовать, если великий князь рязанский Иван Федорович «усхочет служити» Казимиру. Борьба за престол заставляла соперников искать поддержки у других членов московского княжеского рода, покупать эту поддержку пожалованиями городов и волостей.

«Уроки» феодальной войны. Вместе с тем события феодальной войны показали устойчивость того политического строя русских земель, который сложился в годы княжения Дмитрия Донского. Даже наиболее сильный и самостоятельный из князей Северо-Восточной Руси великий князь тверской Борис Александрович (1425—1461) не предпринял каких-либо попыток захватить владимирский великокняжеский стол. Другие князья Северо-Восточной-Руси не пытались ослабить свою зависимость от Москвы и послушно ходили с войсками в походы по приказу великого князя, в том числе и против его соперников из числа членов московского княжеского рода. Лишь суздальские князья Василий и Федор Шуйские попытались после поражения Василия **II** под Суздалем при активной поддержке хана Улу-Мухаммеда восстановить суздальско-нижегородское княжение, но оно просуществовало всего несколько месяцев.

События феодальной войны показали и наличие прочных связей между законным носителем великокняжеской власти и его военными вассалами — боярами и детьми боярскими. Хотя в борьбе с соперниками Василий **II** неоднократно терпел неудачи, их поддержка в конечном итоге обеспечила его победу. На заключительном этапе феодальной войны в поддержку великого князя решительно выступила церковь. В декабре 1447 г. собор епископов обратился к Шемяке с посланием, в котором, резко порицая его действия, потребовал прекратить враждебные выступления против Василия Васильевича. Когда Дмитрий Шемяка не последовал этим советам, он был отлучен от церкви. Митрополит Иона и епископы в 1449 г. даже сопровождали войско Василия II в его походе на главного врага.

Все это показывает, что в Северо-Восточной Руси по существу не было сил, способных выступать против политического главенства Москвы, а великокняжеская власть, особенно на последних этапах феодальной войны, опиралась на широкую поддержку господствующих социальных слоев на территории Великого княжества Московского. Все это создавало объективную основу для продолжения начатой Василием I политики

собирания княжеств Северо-Восточной Руси. Некоторые шаги в этом направлении предпринимались и во второй четверти XV в. Так, не позднее начала 40-х гг. XV в. к владениям великого князя московского был присоединен такой важный центр, как Суздаль. Расширились и владения великого князя московского на Севере. В правление Василия II вслед за комизырянами приняли христианство живущие в верховьях Камы коми-пермяки — жители так называемой Великой Перми. В 1451 г. Василий II прислал на Вычегду и Великую Пермь своего наместника Михаила Ермолича. С окончанием феодальной войны у правителей Москвы появились возможности для более широкого и последовательного проведения такой политики.

Заметное увеличение владений московских князей во второй половине XIV — первой половине XV в. не сопровождалось какой-либо серьезной перестройкой управления ими. Оно оставалось во многом традиционным. За службу великий князь давал своим военным слугам «в кормление» города и волости, где в их руках находилась одновременно и военная, и административная, и судебная власть. Предпринимались лишь первые шаги к тому, чтобы выделить в этой системе управления главные, руководящие центры. Так, уже в конце XIV в. наместники удельных князей в Москве были подчинены верховной власти великокняжеского наместника. Верховным органом управления была Боярская дума, в состав которой входили ближайшие советники великого князя, наместники главных городов и обладатели главных должностей в княжеском хозяйстве. Отношения великих князей со своими военными вассалами — боярами и слугами, как и ранее отношения дружинников и князя, были основаны на своего рода неписаном договоре — те служат великому князю, не щадя жизни, а он награждает их за службу богатыми кормлениями. Потребности власти в письменном документе удовлетворяла великокняжеская канцелярия во главе с канцлером — «печатником», скреплявшим выходившие из канцелярии документы великокняжеской печатью. Все это мало отличалось от порядков, существовавших во времена Киевской Руси.

Вторая половина XV в. принесла в этом отношении большие перемены.

Глава 9. ДВА ПУТИ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ОБЩЕСТВ В XIV—XV вв.

§ 1. ОБЩЕСТВО СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XIV—XV вв.

Одним из многих последствий монгольского нашествия и последовавших за ним нападений ордынских войск стала массовая гибель не только людей и ценностей, но и документов. Поэтому мы крайне мало знаем о характере древнерусского общества конца XIII — первых десятилетий XIV в. Лишь с середины XIV в. в распоряжении исследователей появляются документы, позволяющие судить о характере общества того времени и установить, чем оно отличалось от общества времен «Русской Правды».

Сословное деление древнерусского общества XIV— XV вв. В древнерусском обществе XI—XII вв., как уже отмечалось, господствующей социальной группой была княжеская дружина, жестко подчинявшая остальное население своей власти и сурово каравшая за неповиновение, но нормы права того времени не отделяли резко дружинников от остального населения. По нормам «Русской Правды» штраф за проступки по отношению к рядовому дружиннику — «отроку» не отличался от штрафа за проступки по отношению к рядовому свободному человеку, лишь проступки по отношению к членам «старшей» дружины карались двойной вирой.

Иная картина отношений вырисовывается при обращении к источникам XIV—XV вв. Характерная для этого времени система норм нашла свое отражение в церковном «Уставе Ярослава». Древний текст сохранился в обработке времени великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана, и ряд его норм отразил порядки, существовавшие на рубеже XIV— XV вв.

В этом источнике штраф за оскорбление, нанесенное замужней женщине, устанавливался в соответствии с социальным положением ее мужа. Женам «великих бояр» полагалось за «сором» 250 гривен серебра, женам «меньших бояр» — 150 гривен серебра, жене из «городских людей» выплачивалось 3 гривны серебра, жене крестьянина — только 1 гривна серебра.

Таким образом, в XIV—XV вв. русское общество делилось на ряд

слоев, различавшихся между собой не только фактически, но и в правовом отношении. Статус этот был наследственным, что дает основание рассматривать эти группы лиц как сословные, социальные слои, характерные уже для нового, феодального общества. Для этого общества была характерна и своеобразная социальная иерархия, где расстояние между верхами и низами было гораздо более значительным, чем во времена «Русской Правды».

Господствующей социальной группой в этом обществе были бояре, делившиеся на два слоя — «великих» и «меньших», а им противостояли низы, делившиеся также на два слоя — городских и сельских людей. Городские люди — торгово-ремесленное население городов — занимали на лестнице социальной иерархии несколько более высокое положение, чем люди сельские — крестьяне.

Несколько иную картину деления общества рисуют так называемые кормленые грамоты — документы, предлагавшие населению повиноваться присланному к нему представителю княжеской власти: «И вы, бояре, и слуги, и все люди тое волости, чтите его и слушайте».

Бояре и слуги — военные вассалы князей и их землевладение. В обоих перечнях социальных групп, из которых складывается общество, налицо одно принципиальное совпадение: высший слой общества обозначается термином «боярин». В документах XIV—XV вв. так назывался всякий землевладелец, обладавший наследственной родовой собственностью — вотчиной. Таким образом, господствующий слой русского общества XIV—XV вв. по своему характеру существенно отличался от господствующего слоя времен «Русской Правды». Дружинники, живущие за счет княжеских доходов, превратились в бояр, обладавших своими владениями, которыми они в полной мере могли распоряжаться — передавать по наследству, продавать, обменивать, давать вкладом в монастырь. Да и при отъезде на службу к другому князю боярин мог рассчитывать на сохранение родовых вотчин на земле прежнего государя.

Слуга в отличие от боярина сидел не на своей земле, *а* на земле, пожалованной князем, и владел ею лишь до тех пор, пока нес соответствующую службу. Он также мог отъехати на службу к другому князю, но в этом случае утрачивал свое владение. «Служние земли» составляли часть государственного земельного фонда, и их отчуждение на сторону было возможно лишь с разрешения князя.

В соглашениях князей XIV в. неоднократно указывалось: «А боярам и слугам вольным воля». Это подтверждает то, что на «служних землях»

сидели и несвободные слуги — княжеские холопы, которые исполняли важные для князя службы. Даже у знатных лиц, близких к самому могущественному из государей — великому князю московскому, земельные владения по своим размерам не были особенно велики. К тому же эти владения были разбросаны на обширной территории, не образуя компактного целого. Так, у сподвижника Дмитрия Донского боярина Федора Свибла было 15 владений, расположенных в 7 уездах.

Население владений в социальном отношении было неоднородным. Часть его составляли холопы — лично зависимые люди, рассматривавшиеся как имущество господина наравне с принадлежавшим ему скотом. Одни холопы жили в центре владения — на господском дворе, обслуживая господина, работая в его хозяйстве. При этом некоторые из них получали от него содержание — месячину, другие — наделы земли для самостоятельного хозяйствования. Однако холопы составляли сравнительно небольшую прослойку во владении боярина, а основная масса была лично свободными людьми — крестьяне, члены сельских общин.

Землевладение светских вассалов князей зародилось в условиях политической раздробленности: при борьбе с другими претендентами на престол князья, заинтересованные в поддержке и верности своих военных слуг, стали передавать им земли с крестьянами в постоянное пользование. Первоначально такое пожалованье представляло собой нечто вроде постоянного кормления, когда крестьянская община должна была постоянно содержать одного и того же кормленщика, который не вмешивался в ее внутреннюю жизнь. В XIV—XV вв. характер отношений между землевладельцем и крестьянином поднялся на качественно иной уровень. В господствующем праве утвердилось представление о том, что собственником земли является землевладелец — боярин, а крестьянин лишь ее временный владелец. Об этом говорит существующая уже в эти столетия практика крестьянских переходов. Крестьянин, недовольный характером своих отношений с господином, мог оставить его владение и перейти к другому господину или на государственную землю. Такой переход происходил обычно поздней осенью по окончании сельскохозяйственных работ. Во второй половине XV в. время перехода было ограничено двумя неделями — до и после Юрьева дня (праздновался 26 ноября). Исследователи справедливо видели в такой практике свидетельство личной свободы крестьянина XIV—XV вв. Однако у этого явления была и другая сторона. Разрывая отношения с господином, крестьянин должен был оставить свой земельный надел. Это и показывало,

что земля рассматривается как собственность господина. Теперь именно за право пользоваться «основным условием труда» — землей крестьянин должен был давать господину оброк продуктами и нести в его пользу различные повинности.

Нормы господствующего права находились в глубоком противоречии с сознанием членов крестьянской общины, традиционно рассматривавших ее территорию как объект своего совместного, общего пользования с незапамятных времен. И это создавало источник постоянной напряженности в отношениях между господином и сильной и сплоченной крестьянской общиной, с интересами которой он был вынужден считаться.

Вместе с тем в XIV—XV вв. господин был не только собственником земли, но и обладал над крестьянами своего владения административно-судебной властью, был для них своего рода «государем». Такие отношения получали санкцию со стороны государственной власти. Особым документом — жалованной грамотой правитель-князь предоставлял данному владению податной и судебный иммунитет, т.е. отказывался от своих прав на сбор государственных налогов или их части (такие владения считались «белыми» — освобожденными) и от суда и управления живущими в нем крестьянами. Обычно государственная власть оставляла за собой суд лишь по тяжелым уголовным преступлениям. В этих условиях оброки и повинности в пользу землевладельца были одновременно и платой за право пользования землей, и выполнением обязательств по отношению к носителю власти. Такой характер отношений землевладельца и крестьянина не был особенностью русского исторического процесса. Он был присущ и другим странам средневековой Европы. Объясняется это тем, что в условиях, когда крестьяне вели самостоятельно свое хозяйство с помощью собственных средств производства и располагали собственной организацией в виде общины, землевладелец мог изымать у них прибавочный продукт лишь с помощью средств внеэкономического принуждения.

Таким образом, в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. складывалось характерное для средневековой Европы феодальное общество с его главными социальными типами — феодала-землевладельца и противостоящего ему зависимого крестьянина.

Положение господствующего социального слоя в русском феодальном обществе обладало рядом важных особенностей.

В некоторых европейских странах при формировании феодального землевладения светские и церковные сеньоры получали для своих земель столь значительные податные и судебные привилегии, что они

превращались буквально в «государство в государстве», фактически независимое от центральной власти. Это стало одной из главных причин политического распада такой крупной средневековой державы, как Каролингская империя. В научной литературе можно встретить утверждения, что в период феодальной раздробленности на Руси податной и судебный иммунитет духовных и светских землевладельцев достиг весьма широких размеров, и борьба за его ограничение стала одной из главных задач центральной власти после объединения русских земель.

Исследователи исходили из того, что наиболее ранние сохранившиеся жалованные грамоты XIV в. таким монастырям, как Отрочь в Твери или Спаса в Ярославле, действительно содержат широкие податные и судебные привилегии — освобождение от уплаты основных налогов, полная судебная власть настоятеля над населением его владений. Объяснение того, почему эти церковные учреждения получили такие привилегии, будет дано ниже, при рассмотрении положения церкви в русском обществе XIV—XV вв. Жалованные грамоты светским землевладельцам сохранились лишь начиная с княжения Василия I Дмитриевича, и их анализ не дает каких-либо оснований для такого вывода.

Владения светских собственников обычно освобождались от транспортных повинностей, работ в княжеском хозяйстве, связанных с заготовкой сена для княжеских коней, во многих случаях от расходов на содержание кормленщиков, но их население должно было уплачивать в казну главный государственный налог — дань и выполнять «городовое дело» — работы по укреплению городов. Что касается административно-судебной власти, то суд по наиболее важным уголовным преступлениям, таким, как воровство, разбой, убийство, в общем порядке находился в руках представителей государственной власти. Таким образом, до положения самостоятельных «государей» светским собственникам Северо-Восточной Руси было весьма далеко.

«Черные земли» и управление ими. Важная особенность положения господствующего слоя заключалась в том, что в XIV—XV вв. владения светских землевладельцев охватывали сравнительно небольшую часть земельного фонда. Земли, находившиеся под непосредственным управлением княжеской власти, так называемые черные, т.е. не имевшие каких-либо освобождений от налогов и повинностей, по своим размерам в эти столетия явно превышали частновладельческий сектор. Этот земельный фонд находился под жестким управлением государственной власти, следившей за его сохранностью и за тем, чтобы эти земли были в достаточном количестве обеспечены рабочей силой. Известно, что в

середине XV в. великий князь московский Василий II неоднократно запрещал духовным и светским землевладельцам принимать в их владения «данских» (обязанных платить дань) или «письменных» (внесенных в «письмо» — податное описание) людей с «черных земель». Княжеской власти удалось в период феодальной раздробленности удержать в своих руках и города (отдельные «частновладельческие» города, в особенности на землях к югу от Оки, известны и в XVI—XVII вв., но сколько-нибудь широких размеров это явление не приобрело).

Городами и «черными» землями» князья управляли традиционным образом, отдавая их в кормление верхнему слою своих вассалов, которые в «Уставе Ярослава» выступают как «великие бояре». На переданных им на время городах и землях они вершили суд и управление и одновременно кормились за счет населения. Это была старая, традиционная система отношений, восходившая ко временам Киевской Руси, с той лишь разницей, что теперь представитель княжеской власти именовался не посадником, а наместником, если получал в кормление «город» с прилегающей округой, или волостелем, если получал в кормление волость. Вместе с тем неоднократные выступления населения против произвола и злоупотреблений кормленщиков привели к тому, что княжеская власть прибегла к ряду мер, которые если и не исключали, то по крайней мере ограничивали возможность таких конфликтов. Нормы отношений между кормленщиком и населением теперь фиксировались письменно в особых документах: «кормленной грамоте», передававшей в управление кормленщику ту или иную территорию, и «доходном списке» — перечне доходов, которые имел право собирать на этой территории кормленщик, а также в «уставной грамоте» — документе, передававшемся населению и перечислявшем его права и обязанности в отношениях с кормленщиками. Точная фиксация в этих документах размеров «кормов», которые население должно было предоставлять наместнику (или волостелю) и его слугам, должна была ограничить кормленщиков в их стремлении вымогать у населения все новые поборы. Кроме того, теперь наместнику запрещалось ездить по территории для сбора «кормов» с населения, их должны были собирать и доставлять в город представители местного крестьянского самоуправления — сотские. Слуги наместника при выполнении поручений должны были укладываться в краткие сроки, в суде наместника должны были обязательно участвовать «лучшие мужи» из числа местного населения, а когда наместник оставлял должность, можно было обращаться с жалобами на него в княжеский суд.

При обширных размерах государственного земельного фонда доходы

от кормлений, которые предоставляла и распределяла государственная власть, играли в XIV—XV вв. часто большую роль, чем доходы от сравнительно небольших владений «великих бояр». Характерно, что еще и в середине XVI в. размер возмещения за оскорбление, нанесенное лицу такого ранга, определялся размером дохода от предоставлявшегося ему кормления. Сохранение системы кормлений продолжало, как и во времена Киевской Руси, связывать князей и верхний слой их вассалов прочными взаимными интересами, подчиняя этих вассалов руководству распоряжавшейся кормлениями государственной власти.

Духовенство в древнерусском обществе XIV—XV вв. Значительные перемены к XIV—XV вв. произошли и в положении другого слоя древнерусского общества — духовенства. Перемены эти в наибольшей степени касались епископских кафедр и монастырей. Если в Древнерусском государстве епископские кафедры существовали главным образом за счет десятины от княжеских доходов, то к XIV в. и митрополия, и епископские кафедры владели уже целыми волостями, в которых насчитывались сотни крестьянских дворов. Епископ управлял своими владениями с помощью двора, состоявшего из военных слуг, который повторял в миниатюре устройство княжеского двора. На войну светские вассалы такого церковного иерарха ходили особым полком во главе с воеводой. Владения таких иерархов составляли подчас настоящее «государство в государстве». Из договора митрополита Киприана с великим князем московским Василием Дмитриевичем видно, что обязанности населения митрополичьих владений перед государством ограничивались уплатой «выхода» в Орду и участием военных вассалов митрополита в походах великокняжеского войска.

Крупными землевладельцами становились и монастыри, владения которых быстро увеличивались на протяжении XIV—XIV вв. за счет дарений владельцев вотчин, рассчитывавших на то, что благочестивый акт дарения земли и вследствие этого «вечная» заупокойная служба монахов по своим благодетелям обеспечит им расположение Бога в их загробной жизни. Такие условия в ту эпоху являлись довольно популярными, и земельные владения духовенства неуклонно росли. Троице-Сергиев монастырь, не имевший в конце XIV в. еще никаких земель, в конце XV столетия владел имениями во многих уездах Русского государства. Важно отметить, что монастырские имения также пользовались значительными податными и судебными привилегиями. Так, монастырь Спаса в Ярославле, патрональная обитель ярославских князей, был освобожден от всех налогов и повинностей, замененных двухрублевым оброком, а настоятель получил

всю полноту судебной власти над подданными, вплоть до права суда за убийство. Тверской монастырь Отрочь, патрональная обитель тверских князей, был вообще освобожден и от повинностей, и от взносов в княжескую казну.

Сама численность духовенства значительно возросла, страна была покрыта сетью приходских храмов, которые жители регулярно посещали. Церковь уже не нуждалась в поддержке государственной власти в борьбе за обращение язычников в христианство.

Церковь уже теперь не была в такой зависимости от княжеской власти, как во времена Киевской Руси. Она стала самостоятельной силой, способной отстаивать свои интересы, что нашло свое выражение в деятельности митрополитов Киприана, а затем — Фотия. Они добились от великого князя московского заключения соглашений, обеспечивавших права митрополичьей кафедры, и подтверждения текстов уставов Владимира и Ярослава с изменениями, отражавшими перемены в положении и церкви и общества, произошедшие в XII—XIV вв.

Вместе с тем ряд факторов способствовал тому, что определенная зависимость духовенства от светской власти и светских собственников продолжала сохраняться.

Во-первых, следует учитывать, что крупными землевладельцами с собственными владениями и доходами стали только епископские кафедры и известные и почитаемые монастыри. Даже городские соборы в XIV—XV вв. не имели собственных земельных владений и жили за счет дохода от торговых и других пошлин, пожалованных княжеской властью. Главный московский храм Успенский собор в Кремле первые земельные владения приобрел лишь в конце XV в.

Во-вторых, в XIV—XV вв. ктитор (князь или боярин), основавший на своей земле монастырь или церковь и наделивший их имуществом, обладал по отношению к ним верховными правами собственника. Он мог в случае необходимости распоряжаться имуществом церковного учреждения по своему усмотрению, брать ценности из его казны или распоряжаться его землями. От него зависело, и кто будет настоятелем монастыря или священником церкви. Одной из постоянных обязанностей настоятеля монастыря и братии было принимать ктитора со свитой и угощать его столько времени, сколько потребуется. Приходской священник также находился в зависимости от строителей храма, вотчинника или крестьянской общины. Строители храма распоряжались церковным имуществом, выделяя из него священнику ту часть, которую считали нужным.

При таких условиях предоставление широких привилегий монастырям, находящимся под княжеским патронатом, ни в чем не ущемляло интересов князей, так как они всегда могли использовать в своих интересах ценности, скапливавшиеся благодаря привилегиям в монастырской казне. Поэтому настоятель монастыря или священник в гораздо большей мере зависели от светских патронов, чем от своего церковного главы — епископа. Зависимость части духовенства от светской власти усиливалась в результате практики выдачи князьями так называемых несудимых грамот, по которым братия монастыря или священник освобождались от суда епископа и уплаты пошлин в епископскую казну и одновременно подчинялись судебной власти князя.

Таким образом, несмотря на важные перемены в их положении, ни светские землевладельцы, ни церковь в XIV—XIV вв. не могли стать самостоятельной политической силой, способной диктовать государственной власти свои условия, ограничивать ее компетенцию в своих интересах, как это имело место в таких странах — западных соседях Древней Руси, как Польша, Чехия или Венгрия XIV—XV вв.

Горожане в обществе XIV—XV вв. Важную часть общества Северо-Восточной Руси составляли «городские люди» — население русских городов. Середина XIV—XV в. — время сильного оживления городской жизни в этом регионе. Не только увеличилась численность городского населения в старых городских центрах, но и стали городами многие поселения сельского типа. Однако и к XVI в. сеть городов оставалась достаточно редкой (в отличие от стран Западной Европы, где к этому времени расстояние от одного города до другого составляло 15—20 км).

Основную массу городского населения образовывала посадская община. В ее состав входили жившие на ее территории торговцы и ремесленники. В отличие от городов стран Западной Европы, обладавших своим самоуправлением и уплачивавших государству лишь денежные суммы определенного размера, посадская община русского города подчинялась административно-судебной власти княжеского наместника и должна была нести на себе многие налоги и повинности, накладывавшиеся на нее государственной властью (посадское «тягло»). Малый объем прибавочного продукта, произврдившегося в сельском хозяйстве, был определенным тормозом для интенсивного отделения ремесла от сельского хозяйства и углубления разделения труда. Этим вызывалась и определенная хозяйственная слабость древнерусского города, который не мог выступать в роли серьезной самостоятельной политической силы, способной добиться административной автономии. В свою очередь и государство в России было

кровно заинтересовано в эксплуатации города (и фискальной и натуральной). Для выполнения своих обязанностей перед государством население посада делилось на сотни.

Сотенным делением формы организации посадского населения не исчерпывались. Большую часть жителей посада составляли ремесленники, которые сами или с помощью учеников изготовляли те или иные предметы и продавали их на рынке. Развитие ремесла в эти столетия находило свое выражение в увеличении количества ремесленных специальностей, когда мастера начинали заниматься изготовлением изделий одного определенного типа (так, из числа ремесленников, изготовлявших одежду, выделились терличники, сарафанники, свитники, кафтанники и др.). Развитие ремесла еще не поднялось до такого уровня, чтобы разные этапы производственного процесса осуществлялись ремесленниками разных специальностей.

На торгу ремесленники, производившие одинаковые или близкие по характеру изделия, продавали их в лавках, расположенных в одном определенном ряду. Владельцы лавок одного ряда — рядовичи составляли определенные объединения во главе с рядовским старостой. Объединения рядовичей составляли определенный аналог на русской почве торгово-ремесленным объединениям в странах Западной Европы. От последних объединения рядовичей отличались отсутствием письменных правил, определявших их права и обязанности и утвержденных городской или государственной властью.

Особую часть городского населения составляло богатое купечество, именовавшееся в источниках XIV—XV вв. «гостями». По своему статусу на лестнице социальной иерархии «гости» стояли гораздо выше основной массы рядовых горожан. По Судебнику 1550 г. штраф за оскорбление — «бесчестье» — рядового горожанина составлял 5 руб., штраф за бесчестье «гостя» — 50 руб., т.е. в 10 раз больше. В то время при благоприятной ситуации те или иные «гости» могли войти в состав самых верхних слоев боярства. Владимир Григорьевич Ховрин, сын «гостя» Григория Ховры, обозначенный в летописи как «гость да болярин великого князя» Василия II, стал родоначальником одного из московских боярских родов (Ховриных-Г оловиных).

Само наименование богатых купцов «гостями» указывает на то, что они вели далекую заморскую торговлю. Наибольшее количество сведений сохранилось о заморской торговле московских гостей. Их другое название — сурожане — говорит о торговых поездках в Сурож (Судак), город на восточном побережье Крыма, находившийся в XIV—XV вв. в руках

генуэзцев. В обмен на меха и изделия из них сурожане везли домой шелковые и шерстяные ткани, драгоценные камни, пряности. Дорогие заморские товары продавались в «Сурожском ряду» московского торга. Добывая дорогие товары, созданные мастерами Востока и ренессансной Италии, московские гости из Сурожа совершали путешествия в города Малой Азии. В середине XV в. тверской купец Афанасий Никитин добрался до Индии. В XIV—XV вв. именно далекая «заморская» торговля мехами и предметами роскоши, в которых нуждалась социальная верхушка русского общества, более всего способствовала благодаря разнице цен накоплению торгового капитала, который пока не использовался в других сферах деятельности. С «далекой» торговлей была связана деятельность и другой организации московского купечества — суконников, которые доставляли в Москву флайдрские и итальянские сукна (продававшиеся в «Суконном ряду») — продукт зарождающегося на Западе Европы раннекапиталистического производства. Существование такой торговли говорит о неразвитости местного текстильного производства, способного в то время снабжать общество лишь домотканым «сермяжными» тканями. Именно связь с далекой торговлей, удобное расположение на торговых путях способствовало выделению из числа русских городов наиболее крупных и богатых центров.

Иной характер носила начинавшаяся в то время торговля по Волге с Ираном. Туда везли сырье — различные виды кож, а также кожевенные изделия (конскую сбрую, обувь), изделия из металла (гвозди, ножи) и дерева (древки для стрел, ларцы, посуда). Такая торговля способствовала развитию русского ремесла, но широкий размах она приобрела лишь в XIV столетии.

Хотя посадская община была подчинена власти княжеских наместников, она обладала своими органами самоуправления, решавшими вопросы ее внутренней жизни. Свои выборные власти были в посадских сотнях, в крупных городах купеческие организации, такие, как московские «гости» и суконники, также имели своих выборных старост. Выборный староста гостей, «купеческий староста» в крупном городе был одновременно и главой всей посадской общины. Он взаимодействовал с княжеской администрацией при решении касавшихся всей общины вопросов.

«Служебное» население в обществе XIV—XV вв. В жизни русского общества XIV—XV вв. достаточно заметное место продолжало занимать население, входившее в состав «служебной организации», хотя историческая судьба ее отдельных групп оказалась весьма различной. С

превращением дружинников в феодалов-землевладельцев, имевших свои земли, несвободную челядь и подданных, отпала нужда в тех, кто обслуживал дружинников на городских дворах. По мере земледельческого освоения территории переставало выполнять свою роль и «служилое население», занимавшееся охотой и промыслами. Эти группы населения в сельской местности вливались в состав крестьян, живущих на «черных» землях, в городе — посадской общины. Вместе с тем сохранялись группы «служилого» населения, занятого обслуживанием княжеского двора, а княжеская власть удерживала под своей властью и многочисленных мастеров-ремесленников, работавших на нужды двора, а когда это было необходимо, и на нужды княжества в целом (например, изготовляя оружие). Нужных им мастеров князья уже в XIV в. «вынимали» из находившихся на территории их княжеств посадских общин, в чем нельзя не видеть еще одного свидетельства сильного подчинения городского населения Северо-Восточной Руси княжеской власти. На территории города «служилое население» жило в особых слободах, не входивших в состав посадской общины и освобожденных от посадского «тягла».

Холопы в обществе XIV—XV вв. Важное место в жизни русского общества XIV—XV вв. продолжала занимать и такая появившаяся уже в домонгольской Руси социальная группа, как холопы. Их юридический статус по сравнению с домонгольским временем не изменился, в правовых текстах XIV—XV вв. они продолжали рассматриваться как часть имущества господина, наравне с его скотом. Более того, в это время круг лиц, на которых распространялись подобные отношения, значительно расширился. В домонгольской Руси бедный человек, взявший у богатого человека ссуду и погашавший ее своим трудом в господском хозяйстве («закуп»), еще сохранял в своем статусе ряд элементов первоначальной свободы. Его исторический преемник — кабальный холоп (человек, ставший холопом в результате кабалы — долговой сделки) отличался от «полного» холопа, принадлежавшего господину по наследству, только тем, что мог получить свободу после выплаты долга. Род занятий холопов претерпел определенные изменения с превращением холоповладельцев в бояр — земельных собственников. Если часть одних холопов, как и ранее, жила на дворе господина, то других стали привлекать для обработки пашни в организовывавшемся землевладельцами собственном хозяйстве («страдники» — от слова «страда», т.е. работа на пашне). При этом одним выделялись земельные наделы, за счет урожая с которых они жили, других поселяли на особых «челядинных» дворах, где они получали содержание — «месячину».

Состав этой социальной группы уже во времена Древней Руси был неоднородным. Неоднородным он был и в XIV—XV вв. Наряду с людьми, работавшими на пашне или в домашнем хозяйстве, у господина были холопы, которые помогали ему в управлении хозяйством (приказчики и ключники), ходили с господином на войну (военная свита), помогали господину при исполнении его административных обязанностей (неоднократно бывало, что слуги-холопы знатного господина вершили от его имени суд).

Русское крестьянство в XIV—XV вв. Каковы же были в XIV—XV вв. условия жизни основной массы населения региона — крестьянства в период формирования светского и церковного землевладения?

Внешние условия, в которых пришлось действовать крестьянину, стали более благоприятными, чем ранее. С ослаблением, а затем распадом Золотой Орды уменьшилась опасность ордынских набегов. К середине XV в. на Оке был создан рубеж обороны, закрывавший ордынцам доступ во внутренние районы страны. Сокращались размеры ордынского «выхода», да и он стал выплачиваться нерегулярно. Утверждение политической гегемонии Москвы в регионе способствовало прекращению междоусобных войн. В этих условиях наметившееся в середине XIV в. оживление хозяйственной жизни продолжалось вплоть до середины XVI столетия. Оно находило свое выражение прежде всего в освоении все новых и ранее запустевших и нераспаханных земель. Государственная власть способствовала расширению ареала пахотных земель, предоставляя взявшим на себя освоение новых территорий освобождение от налогов на длительные сроки. О значительном росте хозяйственного освоения территории Северо-Восточной Руси к концу

XV в. говорят такие признаки, как исчезновение здесь ценных пород пушного зверя и резкий рост земельных конфликтов. К середине XVI в. ареал пахотных земель достиг размеров, которые были превышены лишь на рубеже XVII—XVIII вв. Следует подчеркнуть, что столь большая площадь пашни создавалась в основном за счет низкого качества обработки земли: путем рыхления небольшого верхнего слоя почвы. Именно это, при низкой урожайности, и вело к существенному увеличению общего объема прибавочного продукта, производимого в сельском хозяйстве.

Несмотря на то что к XV в. паровая система земледелия с трехпольным севооборотом, видимо, стала ведущей на полях регулярной пашни, неблагоприятные природно-климатические факторы способствовали тому, что в условиях России эта система земледелия, господствовавшая в русской деревне вплоть до XX в., не дала таких

результатов, как в других европейских странах. Малое плодородие почв, невозможность для крестьянина тщательно обработать свой надел за краткий период земледельческих работ, отсутствие или нехватка удобрений — все это вело к тому, что даже в условиях трехполья земли через некоторое время выпахивались, и крестьянин забрасывал свой надел и распахивал другой участок земли, не обрабатывавшийся длительное время. Там, где почвы были «худые», пашня забрасывалась быстро, и большая площадь земель была пашней, «отдыхающей» много лет. На ней мог вырасти лес толщиной «в руку», а иногда и «в бревно». Классического трехполья (без выхода на «свежие» земли) на Руси практически не было вплоть до конца XVIII — начала XIX в. Эта особенность русского земледелия резко увеличивала затраты труда, особенно тогда, когда появились в лесах временные «росчисти» на 1—2—3 года. Пока было достаточное количество свободной земли, такая практика была возможна.

Все эти факторы, а также неблагоприятные погодные условия способствовали тому, что введение трехполья, в отличие от других европейских стран, не привело в России к значительному повышению продуктивности сельского хозяйства. При общем увеличении объема продукции за счет освоения новых площадей урожайность сельскохозяйственных культур продолжала оставаться низкой: сам-2 — сам-3 для ржи, сам-2,5 для овса.

В этих условиях процесс колонизации не вел в течение длительного времени к росту плотности населения, что создавало бы благоприятные условия для роста разделения труда и притока людей в город. По различным подсчетам, плотность населения России к середине XVI в. колебалась в пределах 3—5 человек на 1 кв. км, для Польши того же времени она составляла 21 человек на кв. км, для Франции — почти 30 человек. Миграции во многом были связаны с тем, что увеличивавшееся по численности население не могло прокормиться на традиционном месте проживания.

Положение крестьянского хозяйства продолжало оставаться неустойчивым, и в этих условиях, как и прежде, крестьянин нуждался в поддержке общины, которая оставалась в XIV— XV вв. такой же сплоченной, как и ранее. В Центре России на государственных землях соседская община совпадала с административной единицей — волостью, на частновладельческих землях она могла охватывать земли ряда собственников. Как и ранее, на территории общины-волости располагалось большое количество мелких поселений, состоявших обычно из нескольких крестьянских дворов. В личном владении хозяев крестьянских дворов,

помимо самих построек, находились располагавшиеся близ двора огороды, распаханные ими участки земли, сенокосные угодья. Эти личные владения крестьян могли быть предметом разнообразных имущественных сделок между волощанами (обмен, продажа, заклад, сдача в аренду). Остальная территория волости — неосвоенная, необработанная земля, леса, водные источники — находилась в общем владении дворохозяев и использовалась ими на равных основаниях. Поселения — деревни, «починки» (деревни, поставленные на только что распаханной, освоенной земле) — «тянули» к являвшемуся центром волости более крупному поселению — «селу», где сосредотачивалась общественная жизнь волощан. Здесь же находилась обычно приходская церковь. Община на государственных землях имела свои выборные власти — сотских в одних волостях, в других — старост, которых избирали на крестьянских сходах, а также свою кассу на общие расходы («столец»).

Выборные власти, «поговоря с людьми добрыми», регулировали внутренний распорядок хозяйственной жизни, выделяли, в частности, новым членам коллектива земельные наделы под контролем княжеской администрации, осуществляли разверстку между своими членами и расходов на общие нужды, и тягла в пользу государства. Под коллективным патронатом жителей волости находился приходской храм, в котором обычно все «строенье» (утварь, книги, иконы) было «мирское», а землей и другим имуществом, выделенным на содержание причта, распоряжались выборные крестьянские власти. На церковной паперти собирались крестьянские сходы, здесь же устраивались по большим церковным праздникам общинные пиры — братчины. Котлы, в которых варилась брага для этих пиров, хранились в храме вместе с церковной утварью. О сплоченности и организованности общины красноречиво говорят активные и солидарные действия общинников, защищавших территорию волости от посягательств светских и церковных собственников во время судебных процессов последних десятилетий XV в.

На крестьянах, сидевших на государственных — «черносошных» — землях, лежали многообразные и многочисленные обязанности по отношению к государству. Тексты жалованных грамот князей XIV—XV вв., содержавших формулы об освобождении от поборов и повинностей владений привилегированных церковных собственников, позволили исследователям составить перечень поборов и повинностей, которые должно было вносить и выполнять непривилегированное, «черное» население крестьянских волостей. Исследование показало, что набор налогов и повинностей в разных княжествах Северо-Восточной Руси XIV

—XV вв. был практически одинаков. Это позволило сделать вывод, что данная система обложения в своих основных чертах сложилась еще в то время, когда земли Северо-Восточной Руси составляли единое политическое целое.

Как и в домонгольской Руси, главным налогом, взимавшимся с членов крестьянских общин, была «дань». Дань исчислялась в деньгах и могла уплачиваться два раза в год. К ней добавлялись пошлины, которые уплачивались сборщикам дани. В ряде случаев дань мог заменять оброк — постоянный фиксированный побор, взимавшийся деньгами или продуктами.

Помимо этих и некоторых других уплат на крестьянском населении лежал целый ряд отработочных повинностей. Из них наиболее важными были «городовое дело» — участие в постройке и ремонте городских укреплений и транспортные повинности — обязанность давать подводы на ям или стоять на яму с подводами. «Ямы» были своего рода почтовыми станциями, остановками, на которых получали лошадей и подводы широкий круг людей — от воевод великого князя до судебных приставов, выполнявших те или иные поручения государственной власти. Этих же людей следовало снабжать пищей.

Ряд повинностей был связан с деятельностью княжеского хозяйства: крестьяне были обязаны «ставить» княжеский двор, давать пищу княжеским коням, которых к ним поставят на «корм», косить сено на княжеских лугах. Крестьяне обязаны были также бить лед и устраивать «езы» при ловле рыбы для князя. Важной их обязанностью было «ставить» дворы наместникам и волостелям и снабжать этих должностных лиц кормами. Даже при сборе жителей волости на «братчину» волостелю полагалось ведро меда или пива. Кроме того, крестьяне должны были предоставлять ночлег и пищу и оказывать помощь княжеским бобровникам, бортникам, псарям. При ведении войны крестьян мобилизовывали с подводами в «посоху» в качестве вспомогательного войска.

На выборные крестьянские власти возлагалась ответственность за исправный сбор налогов и несение повинностей, а «столец» был не только мирской кассой, но и местом, где первоначально собирались денежные взносы в пользу государства.

Налагая на общину многочисленные и тяжелые обязанности, осуществляя контроль за некоторыми сторонами ее деятельности, государственная власть не вмешивалась во внутреннюю жизнь общины.

Крестьяне и землевладельцы. Зарождение господского хозяйства.

Положение крестьянских общин на частновладельческих землях отличалось прежде всего тем, что частновладельческие крестьяне были свободны от ряда повинностей в пользу государства. Наиболее благоприятным было положение на землях церковных землевладельцев. Их население освобождалось от большей части повинностей (кроме «городового дела» и «посохи»), а дань в ряде случаев могла заменяться фиксированным оброком. Владения светских феодалов освобождались от транспортной повинности и работ в княжеском хозяйстве, но все остальное их население должно было выполнять. И те и другие владения часто освобождались от уплаты кормов наместникам и волостелям. Светским и церковным собственникам крестьяне, живущие в их владениях, уплачивали денежный и продуктовый (разнообразный по составу) оброк, они также должны были косить сено на лугах землевладельца, «бить езы» в рыбных угодьях. На крестьянах лежала также носившая старинное название «повоз» обязанность отвозить к землевладельцу собранные продукты. Таким образом, отношения землевладельца и крестьян первоначально были схожи с взаимоотношениями крестьян и государства. И землевладелец, и государство ограничивались изъятием продукта, мало вмешиваясь во внутреннюю жизнь общины. Однако уже к концу XV в. наметилось начало важных перемен во взаимоотношениях частновладельческих крестьян с их господами.

Перемены были связаны с первыми попытками организации землевладельцами собственного хозяйства, к работе в котором пытались привлечь крестьян.

Если собственник стремился увеличить свои доходы, а такая задача становилась все более настоятельной в условиях развития, хотя и слабого, товарно-денежных отношений, то в условиях России XV в. создание владельческого хозяйства, основанного на принудительном труде зависимых людей, становилось для него необходимостью. Низкая продуктивность крестьянского хозяйства ставила очевидные границы возможности роста доходов за счет значительного увеличения оброка. Более того, сам натуральный оброк нередко состоял из качественно неприемлемых продуктов. Владельческое хозяйство, в котором в течение ограниченного периода времени можно было использовать большое количество рабочей силы, давало возможность ослабить в его рамках воздействие тех факторов, которые мешали росту продуктивности крестьянского хозяйства, и резко повысить уровень агрикультуры барского хозяйства. Однако в своих действиях землевладелец наталкивался на сопротивление сильной и сплоченной крестьянской общины. Поэтому в

XIV—XV вв. господская пашня в хозяйстве светских землевладельцев обрабатывалась, главным образом, трудом холопов. Первые попытки привлечь крестьян к работе во владельческом хозяйстве были предприняты еще в XIV в. во владениях церкви, которая не имела своих холопов. Однако и в XV в. такие действия были довольно безуспешными.

Если в XIV—XV вв. собственник еще не был в состоянии принудить крестьянскую общину в целом к работе в его собственном хозяйстве, то он очень активно пытался привлечь к таким работам тех ее членов, которые в силу тех или иных обстоятельств оказались в более тесной зависимости от него. При неустойчивости крестьянского хозяйства неблагоприятные погодные условия неоднократно ставили крестьянина в такое положение, когда он нуждался в поддержке, чтобы иметь возможность дальше вести хозяйство. Такую поддержку он получал от землевладельца, заинтересованного в том, чтобы хозяйство держателя было в исправном состоянии. Землевладелец давал крестьянину ссуду («серебро»), поэтому в источниках XIV—XV вв. этих крестьян называли «серебряниками». Такая помощь помогала крестьянину сохранить хозяйство, но у нее была и другая сторона — должник оказывался в более прочной зависимости от господина, чем другие крестьяне. Не уплатив долг, он не мог покинуть его владение, часто должен был отдавать господину половину урожая (такие крестьяне назывались в Северо-Восточной Руси «половниками»). Кроме того, проценты от выданной ссуды (а это 20% от суммы долга) такой крестьянин должен был погашать трудом в господском хозяйстве («дело доделывать за то серебро»). Он косил луга и пахал пашню в господском хозяйстве. Именно так зарождалась полевая барщина, которую крестьянин вынужден был выполнять помимо обычных повинностей, отрабатывая «изделье» проценты долга. Такая практика получила в XV в. достаточно широкое распространение, но все же этого оказалось недостаточно, чтобы завести достаточно большую барскую запашку. «Серебряники» составляли сравнительно небольшую прослойку среди сельского населения, к тому же хуже обеспеченную рабочим скотом и упряжью. При отсутствии сильной и единой государственной власти предпринять более решительные шаги, затрагивавшие основную массу крестьян-общинников, было невозможно.

Эти шаги великие и удельные князья стали предпринимать, вводя вышеупомянутые запреты на переходы крестьян от одних вотчинников к другим. Прежде всего это коснулось черносошных (казенных) крестьян. Еще в 30-е годы XIV в. в грамоте Ивана Калиты новгородскому Юрьеву монастырю архимандриту четко запрещалось принимать в юрьевские земли «тяглых людей Волоцких». Этот запрет дополнялся и указанием: «и

из отчины князя великого из Москвы люди не принимати». Аналогичные запреты учащаются во второй половине XV в**.**

Следовательно, в силу специфики природно-климатических условий Северо-Восточной Руси общий характер экономической политики государства, даже с учетом расхождений с устремлениями землевладельцев-льготников, заинтересованных в переходах крестьян, постоянно включал в себя компонент насильственного удержания черных тяглых крестьян на освоенных землях. Но выпахивание земель и стихийные потрясения вынуждали государство вновь и вновь прибегать к созданию льготных условий для перезыва крестьян и восстановления запустевших территорий. В качестве своего внутреннего стимула эта политика имела стремление к созданию оптимального режима эксплуатации крестьян и сохранению общины. Поэтому издавна в льготных и тарханных грамотах иногда «прорывались» откровенные «всеохватывающие» запретительные формулировки: «а тутошних людей волостных... не принимать», но если «принимать», то «не из моее вотчины великого княжения».

Обобщенно обозначенные здесь процессы, охватывающие огромный период XIV — начала XVI в., можно охарактеризовать как политику укрепления феодальной собственности на землю, т. е. создание условий повышения продуктивности сельского хозяйства.

Примерно с середины XV в. эта политика в княжеских актах стала принимать конкретные формы регулирования движения крестьянства и на частновладельческих землях. Речь идет об ограничении крестьянских переходов неделями, ближайшими к Юрьеву дню осеннему (26 ноября). Такой порядок давал возможность властям контролировать и резко сокращать этот процесс, а для крестьян теоретически он был удобен, таг как приходился на период получения урожая и наличия подросшего приплода скота, что давало возможность выручить деньги » не залезая в крупные долги, осуществить намеченный переезд к другому владельцу. Практика установлений Юрьева дня для отдельных вотчин и княжений завершилась общегосударственным установлением перехода крестьян от одного вотчинника к другому за неделю до Юрьева дня и неделю после него (статья 57 Судебника 1497 г. и статья 88 Судебника 1550 г.).

Практика «изделья серебряников» в конце XV в. эпизодически распространялась вотчинниками, затевавшими господское изделье, и на рядовых крестьян. Но никакого барского поля, отделенного от крестьянских полей, не было, ни собственник, ни его слуги не руководили хозяйственными полевыми работами. Практически дело сводилось к тому,

что крестьянин должен был отдавать собственнику урожай с определенной доли (обычно 1/6) земельного надела, т. е. в пропорции, аналогичной ростовщическому проценту. В этой зачаточной форме работа на господина мало чем отличалась от уплаты оброка хлебом. Первые попытки выделения барских полей из общего комплекса земельных участков во владениях церкви были предприняты в самом конце XV в.

Таковы были основные социальные структуры русского общества Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв. Политическое объединение русских земель во второй половине XV в. не изменило коренным образом их характер, но внесло серьезные коррективы в их положение в обществе, в характер взаимоотношений между собой и с государственной властью.

§ 2. НОВГОРОД И ПСКОВ В XIV—XV вв.

В отличие от Северо-Восточной Руси развитие общества на Северо-Западе шло своим, особым путем.

В истории Новгородского государства период XIV—XV вв. занимает особое место. Если формы политического строя, выработанные в XII—XIII вв., оставались во многом традиционными, то **существенно** изменилась социальная структура общества и характер отношений между его отдельными частями.

Формирование крупного феодального землевладения в Новгородской земле. Рубеж XIII—XIV вв. стал важной гранью в социальной истории новгородского общества потому, что с этого времени стал быстро развиваться, а к концу XIV столетия завершился процесс перехода фонда государственных — «черных» — земель, являвшихся объектом коллективной эксплуатации со стороны новгородской городской общины, в руки отдельных собственников. Почти не сохранилось свидетельств о том, как, в каких формах протекал этот процесс. Сохранилось несколько актов, фиксировавших покупки новгородскими боярами крупных земельных комплексов у местных общин, но трудно сказать, можно ли считать их типичными. Итоги этого процесса ко второй половине XV в. для основного ядра Новгородского государства — так называемых новгородских пятин (в их состав не входили владения Новгорода на севере) характеризуют следующие цифры: к этому времени 66% всех земель принадлежали отдельным светским владельцам, 20% — церквям и монастырям, 5% — новгородскому архиепископу, 9% составляли

«черные» — государственные земли.

Таким образом, фонд государственных земель уменьшился до незначительных размеров, две трети земель перешли в руки светских собственников, четвертая часть оказалась в руках церковных учреждений. Отношения этих собственников с проживавшим на их землях сельским населением носили принципиально тот же характер, что и отношения «боярских детей» и крестьян на землях Северо-Восточной Руси. К концу XIV в. на землях Северо-Запада завершился процесс формирования феодального общества с его главными характерными типами — землевладельцем-феодалом и зависимым крестьянином. Светское феодальное землевладение стало здесь ведущим системообразующим укладом даже в большей мере, чем на землях Северо-Восточной Руси, где сохранялся очень значительный по своим размерам фонд «черных земель».

В отличие от порядков в Северо-Восточной Руси земли, перешедшие в руки светских владельцев, представляли собой исключительно «вотчины» — наследственную родовую собственность, которой владельцы могли свободно распоряжаться по своему усмотрению. Важной особенностью структуры новгородского землевладения была высокая степень концентрации земли в руках узкого круга лиц — половина земель, принадлежавших светским лицам, находилась во второй половине XV в. в руках 60 человек. Подавляющая часть этих наиболее богатых новгородских землевладельцев относилась к узкому кругу новгородских боярских родов. Таким образом, переход государственных земель во владение отдельных лиц обогатил прежде всего новгородское боярство. Тем самым было окончательно закреплено его положение как господствующей социальной группы новгородского общества, опиравшейся теперь не только на свое особое положение в аппарате власти, но и на свои большие земельные владения. Во владениях отдельных представителей этого слоя, таких, как боярин Богдан Есипов или вдова посадника Марфа Борецкая, насчитывалось свыше 1000 крестьянских дворов. Реальная степень могущества бояр была в действительности еще больше, так как они могли также распоряжаться доходами основанных ими и находившихся под их патронатом монастырей.

Наряду с боярами в «приватизации» государственных земель приняли участие и рядовые члены новгородской городской общины. Хотя некоторые из них сумели добиться немалых успехов на этом поприще, став более состоятельными, чем некоторые из бояр, это не открыло им доступ в ряды боярства, которое до самого конца существования Новгородского государства сохранило монопольное право на занятие важнейших

государственных должностей. Рядовые новгородцы, превратившиеся в феодалов-землевладельцев, образовали к концу XIV в. в составе новгородской городской общины особый слой так называемых житьих людей.

Рост противоречий между верхами и низами новгородской городской общины. Первым последствием перемен стало усложнение структуры новгородской городской общины. Если в XIII в. она делилась на «старейших» (т.е. бояр) и «меньших» (остальных новгородцев), то в XIV—XV вв. эта община была разделена уже на три слоя — «бояр», «житьих людей» и «черных людей» — с разным социальным статусом. Различия были закреплены в нормах права, устанавливавших для членов этих социальных групп разные размеры штрафов за одинаковые проступки — за наезд и грабеж с боярина взимали 50 руб., с «житьего» — 20 руб., с «молодшего» — черного человека — 10 руб. При рассмотрении дел в высшей судебной инстанции — совместном суде посадника и княжеского наместника — участвовали по одному боярину и «житьему» от каждого «конца», а представителей черных людей не было. Все это было свидетельством растущего сословного неполноправия «черных людей» — торгово-ремесленного населения Новгорода.

Наиболее важным последствием происшедших перемен стало появление у разных слоев новгородской городской общины не только различных, но и противоположных интересов. Если ранее вся городская община была заинтересована в исправном сборе с подвластного Новгороду населения дани, которая потом делилась между новгородцами, то теперь, когда это подчиненное Новгороду население превратилось в подданных «бояр» и «житьих», эти господствующие слои новгородского общества были заинтересованы в том, чтобы доходы с их владений поступали к ним в казну, а не в казну Новгорода. «Черные люди» были заинтересованы в обратном: в сохранении прежнего порядка отношений, при котором часть собиравшихся Новгородом доходов поступала в их пользу и распределялась между ними.

Все это свидетельствовало о далеко зашедшем процессе разложения единой общины «города-государства» — структуры, характерной для раннеклассового общества, на смену которой приходило характерное для феодализма сословное общество.

Нарастание напряженности в отношениях между верхами и низами новгородского общества нашло свое проявление в волнениях, вспыхнувших в Новгороде в 1418 г. Волнения начались с нападения простых людей на своего «злодея» — боярина Данила Божина, в нападении

участвовали даже обиженные им женщины. Избитого боярина сбросили с моста. Во время волнений их участники «много разграбиша дворов боярскых», был разграблен и монастырь Св. Николы на поле со словами: «Зде житнице боярьскыи».

Реформы государственных институтов. Установление режима боярской олигархии. Именно нарастание такого внутреннего антагонизма побудило новгородское боярство в XIV—XV вв. принять меры к укреплению своих позиций в органах управления Новгородским государством и его населением. С 60-х гг. XIV **В.** высшим органом власти в Новгородском государстве стал коллективный орган — собрание посадников, в котором в определенной пропорции были представлены боярские кланы, стоявшие во главе отдельных новгородских концов. Размеры этого коллективного органа постоянно увеличивались, так что в конце существования Новгородской республики все боярские семьи участвовали в коллективном управлении этим государством. Конфликты между отдельными концами в борьбе за власть над городом и государством прекратились. Так в условиях растущей напряженности в отношениях между верхами и низами населения Новгорода произошла консолидация новгородского боярства. Не случайно одновременно с созданием коллективного посадничества сотенная организация торгово-ремесленйого населения Новгорода была также подчинена коллективной коллегии тысяцких отдельных концов, которые в отличие от более раннего времени также назначались из числа новгородских бояр. Тем самым все высшие органы государственной власти Новгорода теперь полностью контролировались боярством. В таких условиях заинтересованность «черных людей», устраненных от влияния на органы власти и лишенных своей доли в государственных доходах, в сохранении особого политического строя Новгородского государства должна была серьезно ослабеть.

Происходившие перемены наложили свой отпечаток на характер новгородского войска XIV—XV вв. Оно состояло из двух разнородных частей. Одну из них по традиции образовывало городское ополчение, боеспособность которого оставляла желать лучшего. Входившие в его состав «черные люди» не горели желанием воевать за интересы бояр, да и не могли как следует снарядиться на войну, не получая денежной помощи — «покруты» со стороны государства. «Аз — человек молодыи, испротеряхся конем и доспехом», — говорили такие рядовые новгородцы накануне столкновения с войсками Ивана III. Другая часть войска состояла из военных отрядов, выведенных на войну крупными светскими и

церковными землевладельцами. Такие отряды были хорошо вооружены, но каждый из них привык слушать своего господина. Добиться взаимодействия между ними и с городским ополчением было трудной задачей, и несогласованность действий отрицательно сказывалась на способности новгородского войска вести войну.

Утрата Новгородом его федеративной структуры. Сепаратистские движения. Происходившие перемены привели и к изменению внутренней структуры Новгородского государства. В нем вплоть до конца XIII в. сохранялись черты федеративного объединения, где на разных территориях новгородцы осуществляли сбор дани по соглашению с местной верхушкой. Однако, когда большая часть земельного фонда не только на территории основного ядра Новгородского государства, но и на землях угро-финских племен — союзников Новгорода перешла в руки новгородских бояр и житьих людей, эта федеративная структура стала фикцией.

Реакцией на эти перемены стали ранее неизвестные Новгороду сепаратистские движения. Так, в 20-х гг. XIV в. от Новгорода отделилась Псковская земля, которая стала приглашать на свой княжеский стол князей без его участия. Позднее Псков самостоятельно установил отношения с Москвой, и великий князь московский стал присылать туда своих наместников. В дальнейшем по заключенным в 40-х гг. XIV в. соглашениям Псков был признан «младшим братом» Новгорода. Псковская земля в определенной мере зависела от него в решении внешнеполитических проблем, но обрела полную самостоятельность в своих внутренних делах. Стали выступать против новгородской власти карелы, в прошлом наиболее надежные союзники Новгорода. В 1314 г., а затем в 1337 г. карелы уничтожили новгородский гарнизон, расположенный в центре земли — Карельском городке.

В конце XIV в. на Двине произошел резкий конфликт между новгородским боярством и местной верхушкой — двинскими боярами, которые также успешно формировали свои владения за счет государственных земель и хотели быть полными хозяевами на своей территории. Отложившись в 1397 г. от Новгорода и перейдя под власть Москвы, двинские бояре «волости новгородскыи и бояр новгородских поделиша собе на части». Восстание было подавлено новгородским войском, но это не принесло стабильности. В 1435 г., когда на Русский Север прибыл претендент на московский великокняжеский стол Ва-силий Юрьевич Косой, двиняне снова «задашася за него... а от Новагорода отъяшася». Растущий сепаратизм окраин стал еще одним важным источником внутренней слабости Новгородского государства. Возможно,

именно этими причинами объясняется то, что уже в начале XV в. московская великокняжеская власть сумела отобрать у него ряд пограничных волостей — Бежецкий Верх, Волок Ламский, Вологду.

Изменение взаимоотношений Новгорода и княжеской власти. С переходом государственных земель Новгорода в руки житьих людей и бояр уменьшился не только размер доходов, поступавших с этих земель в новгородскую казну, но и размер доходов, поступавших с этих земель новгородскому князю, которым с конца XIII в. был обычно великий князь владимирский, а после слияния земель великого княжения с Московским княжеством — великий князь московский. Формально на содержание княжеского двора в Новгороде выделялись те же волости, что и раньше, но размер поступавших с них доходов резко сократился. С 60-х гг. XIV в. в отношениях между великокняжеской властью и Новгородом выдвинулся вопрос о «княжщинах», которые «залегли» у новгородцев. Великие князья неоднократно предпринимали походы на Новгород, и под угрозой войны новгородцы неоднократно обязывались «княжщин не таити», но затем все снова шло по-старому. Доходы, которые шли на содержание представителей князя в Новгороде, сокращались, и это содействовало упадку их роли и значения в политической жизни Новгорода. Этому упадку способствовало и то обстоятельство, что одна из главных функций княжеской администрации в Новгороде — участвовать вместе с посадником в распределении волостей «в кормление» новгородским боярам — утратила свое значение с образованием на территориях этих волостей боярских вотчин.

В Новгороде XIV—XV вв. княжеская власть, которую теперь представляли почти исключительно княжеские наместники (приезды великого князя в Новгород были большой редкостью), постепенно утрачивала свою роль арбитра в спорах между разными частями новгородского населения. Новгородское боярство перестало нуждаться в таком арбитре после создания коллективного посадничества. С XIV в. новгородские власти начинают самостоятельно решать вопросы, которые ранее относились к совместной компетенции князя и Новгорода, отдавая новгородские пригороды в кормление литовским и другим приглашенным на новгородскую службу князьям.

Кризис правопорядка в Новгородском государстве. С упадком роли княжеской власти как верховного арбитра следует связывать рост жалоб (в источниках XV в.) на отсутствие в Новгороде правосудия. Под 1445 г. новгородский владычный летописец записал: «не бе в Новегороде правде и праваго суда... вопль и клятва всеми людми на старейшины наша... зане не

бе в нас милости и суда права».

По-видимому, созданию такой ситуации способствовал рост отчуждения между верхами и низами новгородского общества, когда для бояр стало психологически возможно диктовать нижестоящим, в поддержке которых они теперь так сильно не нуждались, свою волю, опираясь на свои военные отряды.

Статьи «Новгородской судной грамоты» — новгородского свода законов второй половины XV в., — которые устанавливали высокие наказания за вооруженное нападение («наезд») и грабеж, свидетельствуют о росте насилия в новгородском обществе. Объектом насилия могли стать и судьи, даже если они принадлежали к числу высших магистратов Новгородского государства.

Общество добивалось принятия мер для установления правопорядка. Под 1469 г. новгородский владычный летописец записал: «...возмутившемся хрестьяном о неправде в Великом Новеграде, написаша грамоту, и крест на ней целоваша». Повидимому, именно тогда на вече была принята «Новгородская судная грамота». Однако, как отметил летописец, меры эти не помогли, и в Новгороде снова «в ту ж неправду внидоша».

Взаимоотношения землевладельцев и крестьян в Новгородской земле. Недостатки в отправлении правосудия серьезно затрагивали, вероятно, не только жителей Новгорода, но и сельское население. Большая часть живущих на государственных землях и уплачивающих дань государству превратилась в зависимых крестьян на землях духовных и светских землевладельцев. Ухудшилось ли их хозяйственное положение с этими переменами, сказать трудно, так как о государственных налогах в Новгороде известно очень мало. В социальном плане перемены были значительны. Как и в Северо-Восточной Руси, землевладелец был для крестьян не только хозяином земли, но и их «государем», обладавшим судебно-административной властью. Он был «господином», а крестьяне — «сиротами».

Составленные после присоединения Новгорода писцовые книги содержат многочисленные сведения о положении крестьян под властью бояр и житьих людей. Хотя ко второй половине XV в. во многих владениях были устроены боярские дворы, значительного владельческого хозяйства не существовало ни на землях светских землевладельцев, ни во владениях церкви. В состав такого хозяйства входили почти исключительно луга и рыболовные угодья: крестьяне должны были косить сено и делать запруды на реках. Но в целом в их хозяйственную деятельность землевладельцы

вмешивались мало.

Главной обязанностью крестьян была уплата оброка, сбором которого занимался управляющий землевладельца — ключник. Оброк мог быть как натуральным (в составе поступлений, как правило, преобладал), так и денежным. Основную часть оброка составлял хлеб — крестьянин должен был отдавать землевладельцу от 1/5 до 1/2 урожая (так называемое издолье), либо заранее определенное количество зерна. Преобладающей мерой издолья, как показали исследования, являлась четверть от урожая. Фиксированная норма была для крестьянина выгоднее, но нормы не могли радикально отличаться от тех, которые получал землевладелец при «издолье». Таким образом, хлебный оброк был достаточно ощутимой тяжестью для крестьянского хозяйства. Среди зерновых культур в составе оброка первое место принадлежало ржи и овсу, в меньших количествах взимали пшеницу и ячмень, который в ряде случаев могли заменять бочки с пивом. Состав оброка был разнообразным: помимо зерновых, в его состав входили не только различные продукты (мясо, рыба, масло, яйца и др.), но и продукты технических культур (конопляное семя, лен, хмель) и изделия крестьянских промыслов — полотно, железные крицы (там, где крестьяне занимались добычей железа), шкурки белки и др. Состав оброка говорит о стремлении землевладельца эксплуатировать в свою пользу разные виды хозяйственной деятельности крестьянина. К аналогичному выводу приводят исследователей наблюдения над размерами денежного оброка, где не обнаруживается соответствия между этими размерами и размерами запашки отдельных крестьянских хозяйств. Все это говорит о достаточно далеко зашедшем развитии феодальных отношений в Новгородской земле.

К сожалению, сохранилось мало данных о взаимоотношениях землевладельцев и крестьян на землях Русского Севера, к тому времени достаточно прочно освоенных восточнославянским населением. Здесь в общей системе хозяйствования земледелие имело подчиненное значение, ведущими отраслями хозяйства были охота, рыболовство и промыслы. Вероятно, и состав ренты здесь был другой, чем на основных землях Новгородской республики, и зависимость от сидевшего в далеком Новгороде господина была более слабой.

Вместе с тем следует отметить, что землевладелец в своих попытках как можно сильнее подчинить себе крестьян сталкивался с сопротивлением со стороны общины, которая сплоченно выступала в защиту своих интересов. Сохранившиеся среди берестяных грамот крестьянские челобитные содержат требования убрать неугодного ключника или отказ принять в ряды общины неугодного человека, посаженного господином. В

случае невыполнения их требований крестьяне угрожали покинуть владение господина и в некоторых случаях приводили угрозы в исполнение. Сами известные нам нормы оброка были результатом определенной договоренности между крестьянами и их господами. Тексты договоров сохранились среди берестяных грамот.

Более тесной была зависимость от господина «половников». Как и в Северо-Восточной Руси, это были малоимущие однолошадные или даже безлошадные крестьяне, которые без поддержки со стороны господина не могли вести хозяйство. Такие люди, взявшие ссуду у господина, и в Новгородской земле становились «непохожими людьми», т.е. до погашения обязательств не могли покидать владение господина. Для них была нормой передача господину половины урожая, откуда и их название. В писцовых книгах надел такого человека рассматривался как часть господской, а не крестьянской земли. Однако «половники» составляли сравнительно небольшую часть сельского населения, и отношения между «господином» и «половником» нельзя считать типичными для отношений господина и крестьянина в Новгородской земле XIV—XV вв.

Государственные институты и общественные структуры Пскова. Что касается отделившейся от Новгорода Псковской земли, то изменение социальной структуры ее общества шло в том же направлении, как и в Новгороде, но более замедленными темпами. Ко второй половине XV в. псковская городская община разделилась на «бояр, купцов, житьих людей и весь Псков». Различия состояли в том, что на ограниченной территории Пскова не могли образоваться такие многочисленные и крупные земельные владения светских собственников, как в Новгороде, поэтому они не смогли приобрести здесь такой силы и влияния. На лестнице социальной иерархии псковские «житьи люди» оказались ниже купцов. Стремясь подчинить своему влиянию низы общества, псковское боярство, так же как и боярство Новгорода, стремилось консолидировать свои ряды. И здесь в конце XIV—XV вв. сложился коллективный высший орган власти — «господа», состоявший во второй половине XV в. из 14—16 посадников, принадлежавших к узкому кругу боярских семей. Однако согласованность действий не могла возместить недостатка ресурсов. Слабость позиций боярства в городе показали события 80-х гг. XV в., связанные с так называемой бранью о смердах. В эти годы псковские посадники, не ставя в известность вече, составили грамоту, по которой смерды, жившие на государственных землях, освобождались от повинностей в пользу Пскова. Освобождение должно было предшествовать освоению этого комплекса земель псковским боярством. Когда в результате смерды «не потягнуша на

свои работы», во Пскове в июне 1484 г. вспыхнуло восстание. Инициатор создания грамоты посадник Гаврила был убит «всем Псковом на вечи», трое других посадников бежали и были заочно приговорены к смертной казни и конфискации имущества. Одновременно были арестованы предводители смердов и опечатано их имущество. Власть в городе фактически оказалась в руках «черных людей», которые добивались подчинения смердов, не считаясь с иным мнением псковских бояр и житьих людей. Волнения продолжались в течение трех лет, и псковским боярам удалось вернуть себе руководящую роль в псковском обществе лишь при поддержке верховного сюзерена — великого князя московского.

Для сложившегося во Пскове соотношения сил можно считать показательным, что в отличие от положения, существовавшего в Новгороде, различия в социальной структуре псковской городской общины не были закреплены в особых нормах права. Свод законов средневекового Пскова «Псковская Судная Грамота» во всех своих статьях знает только «псковитина» без каких-либо дальнейших обозначений его социальной принадлежности.

О положении основной массы населения Псковской земли — крестьян — в распоряжении исследователей нет такого богатого материала, который содержат Новгородские писцовые книги. О положении крестьянина в псковском обществе нам позволяют судить лишь сравнительно немногочисленные нормы «Псковской Судной Грамоты». Крестьянин-изорник выступает в них как человек, который заводит свое хозяйство на чужой земле — земле, принадлежащей «государю», у которого изорник берет ссуду — «покруту» — хлебом или деньгами. Ему изорник должен был отдавать четвертую часть своего урожая и «возы вести на государя». Изорник мог уйти от «государя», но для этого устанавливался определенный срок — «Филиппов день» (14 ноября), и изорник должен был вернуть полученную им ссуду. Все это достаточно определенно характеризует псковское общество как общество феодальное, в котором противостоят друг другу феодал-землевладелец и зависимый крестьянин. Однако формирование власти господина над крестьянином находилось еще на начальной стадии. Так, в *случае* бегства изорника, не вернувшего ссуду, «государь» не мог добиваться его возвращения, и даже получить возмещение за убыток из имущества беглого он мог лишь по решению суда, которому был должен представить свидетелей выдачи ссуды, после оценки имущества беглого изорника при участии «сторонних людей». Все это дает дополнительные свидетельства того, что формирование феодальных отношений в Псковской земле XIV—XV вв. шло более

медленными темпами, чем в Новгороде.

Глава 10. КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ В XIII—XV вв.

В истории культуры Древней Руси важным событием, наложившим отпечаток на разные стороны духовной жизни русского общества, стало монгольское завоевание и последовавшее за ним установление ордынского ига. Гибли люди, разрушались города и храмы, горели рукописи и иконы, угоняли в неволю мастеров, знатоков тайн средневекового ремесла. Именно в XIII в. прервалось развитие целого ряда отраслей художественного ремесла. Примером может служить заимствованное в свое время из Византии искусство изготовления тончайшей перегородчатой эмали. На ряд десятилетий из-за отсутствия мае\ теров и средств прекратилось каменное строительство.

Наметился упадок и в духовной жизни общества. В XIII в. резко ослабли традиционные связи с византийским и южнославянским миром. Летописание в отдельных землях (там, где оно сохранилось) замыкается в круге местных интересов и становится бедным по содержанию. Русских людей, воспринимавших нашествие и иго как наказание Божье за грехи, охватывал страх и неверие в свои силы.

Древнерусские литературные памятники **XIII** в. С этими настроениями стремились бороться авторы немногих литературных памятников, созданных в это тяжелое время. Во второй половине XIII в. в Ростове была создана древнейшая редакция жития Михаила Черниговского. Черниговский князь, убитый в Орде за отказ поклониться изваяниям языческих богов, должен был служить примером стойкости, мужества и преданности своей вере. Одним из самых своеобразных памятников русской агиографии стало написанное во второй половине XIII в. во Владимирском Рождественском монастыре «Житие Александра Невского». Князь выступает на его страницах как могучий воитель, не уступающий прославленным героям древности по своей силе и храбрости. Он прекрасен, как Иосиф, силен, как Самсон, мудр, как Соломон. Деяния, ставшие основанием для его прославления, — его победы над врагами Русской земли — немцами, шведами и литовцами, с ним вынуждены считаться и сами завоеватели, оказавшие князю почести при посещении им Орды. Автор рассказывает, что матери ордынцев пугали своих детей словами «Александр едет», а когда он прибыл в Орду, то сам Батый «подивися и рече вельможам своим: «Истинну ми сказасте, яко нест

подобна сему князя»». На страницах «Жития» есть и рассказы о подвигах воинов Александра в Невской битве, что сближает этот памятник с появившимися в древнерусской литературе в более позднее время воинскими повестями. Рассказы о подвигах Александра Невского и его воинов должны были стать для русских людей этого времени светлым лучом в общей мрачной картине настоящего.

Размышления о тяжелых бедствиях, постигших Русскую землю, — главная тема третьего значительного памятника второй половины XIII в. — «Поучений» владимирского епископа Серапиона. Резко порицая разные недостатки русской жизни, которые стали причиной Божьего гнева и нашествия завоевателей, епископ вместе с тем давал людям надежду на избавление от ига. Исправление грехов и покаяние вернут русскому народу милость Бога, «и мы с радостью будем жить на земле нашей».

И в это тяжелое время предпринимались усилия для восстановления контактов с южнославянским миром. Киевский митрополит Кирилл II приложил усилия к тому, чтобы на Русь была доставлена новая редакция кормчей — сборника установлений церковных соборов и законов византийских императоров, касавшихся церкви. В этой редакции тексты установлений сопровождались комментариями византийских юристов

XII в. В 1262 г. рукопись кормчей по просьбе митрополита была переписана в Болгарии по приказу деспота Якова-Святослава, родственника болгарского царя Константина. Важно отметить, что сербская кормчая не удовлетворила русских книжников, так как тексты церковных канонов там были даны в сокращенном изложении. Поэтому на Руси комментарии византийских юристов соединили с имевшимся переводом полных текстов. Древнейшая сохранившаяся рукопись так называемой Синодальной кормчей была переписана в Новгороде в 1282 г. При переписке текст был пополнен памятниками права, возникшими на Руси. В их числе — старейший список Пространной Русской Правды. Так русские книжники в тяжелых условиях страшных разрушений, нанесенных нашествием, стремились сохранить и возродить свое письменное наследие.

С XIV в. одновременно с экономическим подъемом и ростом активной деятельности общества наметилось и очевидное оживление культурной жизни.

Традиционная народная культура. В своих основах эта культура оставалась такой же, как и в эпоху домонгольской Руси, представляя собой пеструю смесь христианских и языческих обычаев, в которой постепенно усиливался христианский компонент за счет того, что забывалась связь многих традиционных обычаев с породившим их языческим

мировоззрением. Однако были некоторые сферы сознания, где языческие представления сохранялись особенно долго. Это прежде всего сфера аграрной магии. Как видно из «Поучений» Серапиона, и во второй половине XIII в. волхвы пользовались в обществе немалым авторитетом — их добрым заклинаниям приписывали хороший урожай, а со злыми деяниями связывали голод, и тогда волхвов убивали. Сообщение Новгородской Первой летописи под 1227 г. о публичном сожжении четырех волхвов на Ярославовом дворище в Новгороде показывает, что языческих воззрений придерживались не только общественные низы.

Участники Собора 70-х гг. XIII в. во Владимире с огорчением отмечали, что «божественные праздники» паства отмечает, следуя старым языческим обычаям: «с свистанием и с кличем и воплем», с боями на палках «до самыя смерти». В созданной в Новгороде во второй половине XIII в. Синодальной редакции «Устава Владимира» осуждаются те, кто «молится под овином или в рощеньи или у воды», т.е. в традиционных местах языческого культа. Участники владимирского Собора также осуждали обычай, когда «невесты водят к воде». Вместе с тем в традиционном характере народной культуры заметны некоторые важные изменения. Так, со второй половины XIII в. основная масса населения страны начинает систематически обозначаться термином «крестьяне» (производное от «христиане»), который выступает и в народной среде как самоназвание. Это говорит о том, что не только социальные верхи или церковь, но все общество в целом воспринимало свой народ как христианский, в отличие от язычников (а затем — мусульман) ордынцев и язычников-литовцев.

Развитие героического эпоса в XIV—XV вв. Другие перемены заметны при наблюдении за развитием русского героического эпоса, который в известной нам форме сформировался именно в XIV—XV вв. Изучение записей былин XVIII—XX вв. дает возможность различать в их составе разные хронологические пласты. С более ранней традицией, восходящей, возможно, к домонгольскому времени, можно связывать такие былины, как о женитьбе Владимира, для которого добывает невесту в чужой стране богатырь Добрыня, или о поединке Добрыни со змеем. Вероятно, к этой эпохе относится и появление эпических песен, в которых рассказывалось, как богатыри стоят на «заставах богатырских», защищая Русскую землю от врагов.

Вместе с тем можно выделить и такие сюжеты, которые появились в обстановке страшного монгольского нашествия и борьбы русского народа против ордынского ига. Таковы сюжеты былин «Илья Муромец и

Идолище», «Алеша Попович и Тугарин», когда «поганый» царь распоряжается в самом Киеве, притесняя киевского князя и вельмож. По-видимому, именно в былинах, создававшихся в это время, образ традиционного противника русских воинов приобретает черты жестокого надменного завоевателя, который приводит к русским городам несметную силу. Как говорится в былине «Илья Муромец и Калин царь», русский богатырь, глядя с высокой горы на татарское войско, «конца-краю силы и рассмотреть не мог». В ордынском стане «от пара кониного» не видно солнца, «от скрипу телег» не слышно голоса человеческого, но эту несметную силу, этого грозного противника обращает в бегство русский богатырь Илья Муромец.

Возможно, именно в эту эпоху Илья Иванович, крестьянский сын из Мурома, стал главным героем русского эпоса, главным защитником Русской земли от врагов. В конце XVI в австрийскому дипломату Э. Лясоте показывали пользующуюся особым почитанием гробницу Ильи Муромца в Киево-Печёрском монастыре.

О важных переменах в народном сознании говорит и такая особенность развития русского героического эпоса, как происшедшее именно в эту эпоху объединение отдельных сюжетов, которые связывались первоначально с разными историческими периодами и разными центрами, вокруг одного центра и одного правителя — Киева во время правления в нем Владимира Святославича — Владимира Красное Солнышко. Сохранившиеся в ряде летописных текстов рассказы об одном из главных персонажей русского эпоса — богатыре Александре (Алеше Поповиче) позволяют наглядно проследить, как происходили эти перемены. Рассказы о подвигах Алеши Поповича в войнах между князьями довольно рано получили финал, которого более ранняя традиция не знала: собравшись у Александра, богатыри приняли решение не участвовать больше в войнах между князьями и «ряд положившее, яко служите им единому великому князю в матери градом Киеве». Отправившись служить киевскому князю Мстиславу Романовичу, богатыри погибли, защищая Русскую землю в битве на Калке. Предание это сложилось достаточно рано, так как сообщения о гибели Александра и других богатырей в битве на Калке встречаются уже в летописных сводах первой половины XV в. Для этой традиции Александр Попович — еще персонаж XIII в., но в тексте Никоновской летописи — памятника 20-х гг. XVI в. — он уже упоминается как один из богатырей Владимира Киевского. В былинах этот богатырь Владимира освобождает Киев от хана Тугарина Змеевича.

В этих переменах отразились осуждение народом раздоров и войн

между князьями и его поддержка начавшегося объединения русских земель вокруг Москвы. То, что в эпосе главным центром, вокруг которого объединились его герои-богатыри, стал Киев, говорит, что самые широкие круги русского общества воспринимали формировавшееся Русское государство как исторического преемника Древнерусского государства времен Владимира.

Так как для этого времени героический эпос можно рассматривать как традицию, создававшуюся усилиями всего русского общества в целом, то происходившие перемены можно считать отражающими и перемены в сознании всего русского общества XIV—XV вв.

Сведения о культуре городского населения. Наряду с сельским значительную часть общества составляло торгово-ремесленное население русских городов. В отличие от стран Западной Европы нам неизвестны литературные памятники XIV—XV вв., в которых бы отразились особые вкусы и интересы этого слоя общества. Тексты этого времени, связанные с городской средой, вообще очень немногочисленны. Из них наибольший интерес представляет «Хожение за три моря» — записки тверского купца Афанасия Никитина о его путешествии в Индию, где он находился в 1471—1474 гг. Никитин, занимавшийся заморской торговлей, принадлежал к наиболее предприимчивой и наиболее состоятельной части формирующегося городского сословия. В своем «Хожении» он выступает как внимательный наблюдатель жизни далекой и чужой страны. Привязанность к своей стране и своей вере сочеталась в нем с отсутствием нетерпимости к другой религии, что позволило ему сблизиться с последователями индуизма в мусульманском государстве Бахманидов. Они, по его признанию, «не учали от меня крыти ни о чем, ни о естве, ни о торговле... ни жон своих не учали крыти». Он порицает раздоры между князьями, скорбит о том, что в Русской земле «мало справедливости». Никитин размышляет о том, каковы признаки истинной, «правой» веры. Он — убежденный христианин, когда «пропали книги», страдает от того, что утратил возможность отмечать в нужные сроки праздники и соблюдать посты. И все же в далекой чужой стране Афанасий пытается делать и то, и другое, ориентируясь на мусульманский календарь. Этот пример, хотя и относящийся к экстремальной ситуации, говорит о достаточно высокой религиозности верхушки городского населения.

О достаточно глубоком проникновении христианских верований в среду городского населения говорят известия о появлении в Новгороде и во Пскове во второй половине XIV в. ереси стригольников. В 1375 г. основатель ереси дьякон Карп был казнен с двумя товарищами по

приговору новгородского веча. Известия о сторонниках этой ереси встречаются в источниках вплоть до конца 20-х гг. XV в. Еретики не признавали власти над собой «всего чина священнического», поставленного «по мзде», т. е. вносившего плату при поставлении и взимавшего плату за совершение обрядов. Они отказывались подчиняться таким священнослужителям и принимать от них причастие. Ими были написаны и некие «писания на помощь ереси своей», они настаивали на том, что апостол Павел «и простому человеку повелел учити». Нет возможности установить, каковы были конкретные причины, которые привели стригольников к выступлению против всего формирующегося духовного сословия, однако очевидно, что само появление ереси говорит о существовании среди русских горожан из центров Северо-Запада людей, погруженных в религиозные искания, самостоятельно рассуждающих об истинах христианского учения. Сам характер ереси говорит о достаточно широком круге чтения еретиков, в который входили не только тексты Писания, но и постановления церковных соборов, осуждавших «симонию».

Образ жизни и взгляды элиты. Как и ранее, в нашем распоряжении нет достаточных данных, характеризующих образ жизни и взгляды верхов светского общества, даже великого князя московского и его окружения. Разумеется, образ жизни великого князя как воина и правителя заметно отличался от образа жизни большинства его подданных, но в его «частной» жизни обнаруживается много общего с их жизнью. Подробные описания чина великокняжеской, затем царской свадьбы показывают, что во многом она не отличалась от того, что происходило на обычной крестьянской свадьбе. И там и тут жениха и невесту осыпали хмелем, их постель стелили в холодном сеннике на тридевяти ржаных снопах, в головах у постели ставили свечи в кадь с пшеницей. Все это — языческие обычаи, связь которых с языческим мировоззрением уже забылась. Вместе с тем христианскую образованность Ивана Калиты и его потомков не следует преувеличивать. Даже в специальной похвале

Дмитрию Донскому упоминается, что этот правитель «книгам не учен сы добре».

Важные сведения о взглядах и стремлениях этого круга лиц содержатся в памятниках летописания XIV—XV вв. Хотя летописные тексты писались, как правило, духовными лицами, но часто они работали по заказу светской власти, и поэтому закономерно искать в летописных текстах мысли и представления их заказчиков. В XIV в. вместе с общим оживлением жизни русского общества наступило и общее оживление летописной работы — свои центры возникают в XIV в. в Твери, Москве,

Нижнем Новгороде, Ростове, Пскове. Книжники, работавшие по заказу правителей, переносили на страницы своих текстов их притязания и приемы агитации. Московские книжники подчеркивали блага длительного мира, который принесла Русской земле политика Ивана Калиты, а тверские говорили о мученичестве, гибели за веру тверских князей — Михаила Ярославича и его сына Александра, убитых татарами, и обвиняли «Ивана московского» в сотрудничестве с ними. Но для изучения взглядов светских верхов древнерусского общества важно, за что книжники хвалили главных героев повествования — правителей, в чем видели их достоинство, так как в этих оценках отразилось общее представление верхов светского общества о том, каков должен быть идеальный носитель верховной власти. В облике правителя на страницах летописей доминируют традиционные черты воина — предводителя дружины, который одерживает победы, приносит мир стране и щедро награждает воинов. В уста умирающего Дмитрия Донского автор похвалы вкладывает такие слова, обращенные к боярам: «...мужествовах с вами на многы страны и противным страшен бысть в бранех». В похвале его сопернику Михаилу Александровичу Тверскому также читаем: «...муж борець бе и не страшив ко брани». В тех же текстах подчеркивается близость между князем и боярами, тесное переплетение их интересов. В старых, традиционных формах автор похвалы Михаилу Тверскому говорит, что он «сладок беаше дружине своей... вся, елико имеаше... подав дружине своей». Автор похвалы Дмитрию Донскому вкладывает в уста князя слова, обращенные к боярам: «...всех любих и в чести держах и веселихся с вами и с вами скорбех; вы же не нарекостасе у меня бояре, но князи земли моей».

Воинские повести. Еще один вид источника, важный для освещения взглядов и вкусов верхов светского общества — это частично также дошедшие в составе летописных текстов воинские повести — рассказы о крупнейших битвах современной истории, прежде всего о битве на Куликовом поле. Одним из ранних произведений,'посвященных этому самому значительному событию русской истории XIV—XV вв., стала обширная повесть, помещавшаяся в составе летописных сводов первой половины XV в. Автор подчеркивает грандиозное значение происходивших событий: «от начала миру» не собиралось такого большого русского войска, и «от начала миру сеча не бывала такова», как Куликовская битва, завершившаяся победой русского войска. Автор повести воздает должное храбрости и мужеству вождя войска Дмитрия, который, несмотря на уговоры бояр, «бьяшеся с татары тогда, став напреди всех». Единству русских князей, соединившихся для борьбы со страшным врагом, автор

противопоставляет вступившего в сговор с Мамаем рязанского князя Олега, «кровопивца крестьянского, нового Иуду предателя». Куликовская битва в этом сочинении — это не только победа русских людей над агрессором, но и победа «христиан» над «погаными», достигнутая благодаря вмешательству божественных сил: двое воевод видели ангелов, мечущих огненные стрелы на татар. В повествовании своеобразно сочетаются черты воинской повести о мужестве и подвигах русских воинов с повествованием о божественном заступничестве, с языком и фразеологией, характерными для «учительной» церковной литературы.

Ближе к традициям светской воинской поэзии стоит «Задонщина» — поэтическое повествование о событии, созданное вскоре после Куликовской битвы. Образцом для создании «Задонщины» послужило «Слово о полку Игореве». Обращение к этому памятнику позволило автору «Задонщины» увидеть происходящее в большой исторической перспективе. Не случайно автор призывает слушателя подняться «на горы киевския», вспоминает о Бояне, воспевавшем первых русских князей, говорит, что русские князья — его современники — потомки Владимира Киевского. Древние времена славы и величия отошли в прошлое, когда Батый разорил русские земли: «и оттоле Русская земля седить невесела... тугою и печалью покрышася». Мамай пытался пойти по стопам Батыя, но русские князья во главе с Дмитрием выступили против него, «помянувшее прадеда своего великого князя Владимира Киевского». Их победа привела к возрождению славы и величия Руси, к крушению власти Орды над русскими землями. Бегущие с поля битвы ордынцы восклицают: «Уже нам, брате, в земли своей не бывать, а в Русь ратью нам не хаживать, а выхода нам у русских людей не прашивать». Как и в «Слове о полку Игореве», в «Задонщине» широко используется образность, свойственная русской воинской поэзии с характерным для нее образом битвы-пира. К «Слову о полку Игореве» с его грустным лиризмом восходят те части «Задонщины», где автор оплакивает погибших, в этих плачах отчетливо слышны отголоски народных причитаний. Но в картине мира, характерной для этого памятника, при сравнении со «Словом» вырисовываются важные изменения — стихии природы, как и ранее, вторят действиям героев, но за ними уже не выступают образы языческих богов, а в ход событий вмешиваются христианские святые. В «Задонщине» отразились и новые реалии в жизни московской знати, только начинавшие складываться в эпоху Дмитрия Донского. Во время битвы великий князь, обращаясь к боярам, вспоминает «московскыя сластныа меды и великия места», которые они могут добыть себе своей храбростью на поле боя.

Летописи о перемене в общественном сознании. Наблюдения над летописными памятниками позволяют выявить и некоторые важные изменения в общественном сознании, которые можно считать характерными для значительной части общества, а не только для кругов духовенства. Первая половина XV в. в истории русского летописания стала временем создания сводов — сложных текстов, в которых были соединены в единое целое летописные записи, сделанные в разных политических центрах Руси. Так, в конце первого десятилетия XV в. при митрополичьей кафедре был создан свод, в котором соединились записи, созданные не только в разных центрах СевероВосточной Руси, но и в Новгороде. Позднее был создан один еще более обширный свод — общий источник Новгородской IV и Софийской I летописей, в котором, помимо материалов из местных центров, были использованы записи южнорусского домонгольского летописания. Это были общерусские своды, создание которых связано с Москвой и митрополичьей кафедрой. Новгородское летописание долгое время развивалось своим особым путем, редко заимствуя материал из исторической традиции Северо-Востока. В XV в. наступили значительные перемены. При создании одного из главных памятников новгородского летописания этого времени — Новгородской IV летописи материал северо-восточных летописей был уже широко использован. Составителям сводов не всегда удавалось примирить разные трактовки одних и тех же событий, которые они находили в своих источниках, да они и не всегда ставили перед собой такую цель. Но благодаря их усилиям создавалась память об общем прошлом русских земель, которая была продолжением исторической традиции о Древнерусском государстве. Появление в разных землях Древней Руси летописных сводов, основанных во многом на сходном материале, позволяет утверждать, что русские земли стали в определенной мере жить общей идейно-культурной жизнью еще до их объединения в едином государстве.

Обращение к памятникам летописания показывает также, какое большое место в сознании русского общества занимала борьба за освобождение русских земель от власти Орды. В рамках рассматриваемого периода наиболее глубокому осмыслению роль этого события в судьбах Северо-Восточной Руси подверглась в произведении под названием «О житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича царя Рускаго», дошедшем до нас в составе летописных сводов первой половины XV в. Уже в заголовке великий князь назван «царем», так, как ранее называли византийского императора, а затем — татарского хана. В этом

произведении Дмитрий Иванович выступает как «царь» — суверенный правитель Русской земли, своей «вотчины», а все князья Русской земли повинуются его власти, именуя великого князя своим «господином». Он внук Ивана Даниловича, «собирателя Рускои земли». Он не только законный и признанный глава Русской земли, но и ее заслуженный защитник, сражавшийся «с нечестивыми агаряны и поганою литвою». Особенно страшная опасность исходила от Мамая, не желавшего примириться с тем, что «Дмитрии московский себе именует Рускои земли царя». Он хотел истребить русских князей, разорить христианские храмы и отдать русских людей под власть баскаков, но эта опасность была устранена благодаря Дмитрию, собравшему для отпора поганым войско «всей Русской земли». Так утверждалось представление о «Русской земле» как о независимом государстве и о московском князе как ее главе, объединившем ее силы для отпора завоевателям.

Изменения в духовной жизни древнерусского монашества. Вторая половина XIV — начало XV в. стали временем серьезных изменений «ученой» христианской культуры русского духовенства. В отечественной филологии этот период получил название эпохи «второго южнославянского влияния». Действительно, в это время именно из южнославянского мира на древнерусскую почву были перенесены тексты многих ранее неизвестных литературных произведений, оказавших сильное воздействие на всю жизнь русского монашества. Однако в подавляющей своей части это были переводы греческих оригиналов, отражавших интенсивные духовные искания в среде поздневизантийского монашества, связанные с духовным течением «исихазма» (т.е. «молчальничества»). В эту эпоху резко активизировались поиски путей к достижению давно провозглашенного, но трудно достижимого идеала соединения человека (прежде всего, конечно, монаха) с высшим, божественным началом.

Тексты эти, как созданные в XIV—XV вв., так и произведения более раннего времени, интерес к которым обострился именно в поздневизантийскую эпоху, содержали описания глубоко продуманных и тщательно разработанных духовных упражнений, которые должны были привести к очищению души монаха от страстей, привязывающих его к грешному миру, с тем чтобы, придя в состояние постоянной внутренней («умной») молитвы, она оказалась способной восприять исходящий от высшего начала божественный свет. Классическим примером здесь может служить «Лествица» Иоанна Лествичника — византийский памятник XI в., приобретший огромную популярность в русском обществе на рубеже XIV —XV вв. Вместе с этими текстами на русскую почву переносились нормы

организации жизни монашеской общины, которая общими усилиями должна была создать условия для духовного совершенствования своих членов.

Монастыри в домонгольской Руси, как правило, располагались в городах или близлежащей городской округе и далеко не всегда были важными центрами духовной деятельности. Характерно, что большая часть известных нам немногочисленных рукописей этого времени была переписана лицами из среды белого духовенства — священниками или дьяконами. Монах, принявший постриг, жил в монастыре на средства принесенного им вклада, продолжая зачастую управлять приобретенным в миру имуществом. Между собой монахов соединяло лишь общее участие в церковной службе.

В среде русского монашества давно назревало недовольство таким положением, отсюда сильная реакция в этой среде на влияния, идущие из внешнего мира. Реакция наиболее наглядно проявилась в изменении внешних форм монастырской жизни. Монастыри с XIV в. стали основываться, как правило, вдали от городов, в пустынных, мало заселенных местах, изменился и сам уклад монастырской жизни. Монастырь этого времени был уже общежитийным, где все принесенное в него имущество становилось общей собственностью коллектива монахов, а вся их жизнь подчинялась строгому общему распорядку, который должен был создать условия для поисков пути к высшему божественному началу. Одним из первых монастырей такого типа стал Троице-Сергиев монастырь, основанный в середине XIV в. Сергием Радонежским. Позднее многие такие монастыри были основаны самим Сергием и его учениками во второй половине XIV — начале XV в.: Симонов, Андроников, Голутвинский Коломенский, Высоцкий Серпуховский, Борисоглебский Ростовский, Савво-Сторожевский Звенигородский, Пешношский Дмитровский. Некоторые монастыри (как, например, Павлов Обнорский) были заложены на покрытых лесами землях Русского Севера. Благодаря характерной для монашества нового типа строгой аскетической практике, его престиж в глазах общества сильно возрос. Об авторитете, которым пользовались наиболее выдающиеся подвижники, говорит тот факт, что к их содействию и помощи обращаются правители в критических и трудных ситуациях. Примерами могут служить благословение Сергием Дмитрия Донского перед битвой на Воже или его поездка в Рязань в 1385 г., когда он добился заключения мира между Москвой и Рязанью.

Поскольку одним из важных компонентов монастырского распорядка стало создание в монастырях скрипториев, то общежитийные монастыри

превратились в важные центры духовного просвещения, где репродуцировалась и распространялась духовная литература предшествующего времени и новые создававшиеся в этой среде памятники. Подавляющая часть памятников, созданных в эпоху Киевской Руси и пришедших в ту же эпоху от южных славян, дошла до нас в списках второй половины XIV—XV в. Усиление контактов с византийским и южнославянским миром наложило свой отпечаток не только на устройство монастырской жизни, но и на разные стороны духовной жизни русского общества того времени.

Древнерусская и поздневизантийская культура. Рецепция древнерусским обществом наследия поздневизантийского мира по своему характеру была во многом схожа с тем, что имело место на первом этапе освоения византийского культурного наследия в эпоху Киевской Руси.

В истории Византии поздний период ее существования был отмечен резкой вспышкой интереса греков к своему античному наследию. Именно в эту эпоху образованные византийцы стали называть себя «эллинами», хотя ранее в классической Византии этот термин имел сугубо пейоративное значение — «язычник». Эти течения в византийском обществе не встретили никакого отзвука на русской почве. Соответственно и в этот период не перешли в Россию традиции византийской системы образования, основанной на изучении текстов античных авторов. XIV—XV вв. в истории Византии были временем расцвета религиозно-философской мысли, дававшей теоретическое обоснование «умному деланию» византийского монашества (учение Григория Паламы о «божественных энергиях», доказывавшее возможность приобщения человеческой личности к божественному началу). Проявив огромный интерес к духовным упражнениям, которые должны были приблизить человека к Богу, древнерусское общество осталось равнодушным их теоретическому обоснованию. «Триады» Григория Паламы не были переведены и остались неизвестны древнерусскому читателю. Контакты с поздневизантийским миром ограничились реакцией на те стороны византийского культурного наследия, которые вызывали интерес у древнерусских людей уже в эпоху Киевской Руси.

Внимание русских книжников и на этот раз привлекли к себе такие сочинения, в которых провозглашенный идеал характеризовался яркими конкретными примерами. Особенно плодотворными оказались контакты между памятниками византийской и древнерусской агиографии. С конца XIV в. начался расцвет этого жанра в древнерусской литературе. В XV—XV вв. были созданы десятки житий русских святых. Первые памятники

новой агиографии заметно отличались от более ранних образцов этого жанра. Если для героев Киево-Печерского патерика мир был обиталищем дьявольских сил, с искушениями которых следовало бороться, то для современников Сергия было очевидно присутствие в этом мире прежде всего божественного начала, встречи с которым следовало искать. Если в патерике к затворнику Исаакию явился дьявол в образе Христа, то Сергию явилась сама Богоматерь в сопровождении апостолов. Описание движения героя по пути поисков божественного начала, передача его различных эмоциональных состояний требовали выработки новых художественных средств, экспрессивного эмоционального стиля, получившего в научной литературе из-за характерных для него сложных словесных сочетаний наименование «плетения словес». Мастером, владевшим этим стилем с наибольшим искусством, был монах Троице-Сергиева монастыря Епифаний Премудрый, завершивший к 1418 г. «Житие Сергия Радонежского», которое стало образцом для более поздних памятников этого жанра, в которых в разных вариантах воспроизводился созданный Епифанием образ настоятеля — организатора монашеской общины, который властной рукой ведет ее по пути к Богу.

За рамки памятников этого типа выходит другое замечательное произведение Епифания — «Житие» Стефана Пермского. Это жизнеописание христианского миссионера, обратившего в христианство коми-зырян и создавшего для них письменность, роднит с другими сочинениями этого времени взволнованный, эмоциональный стиль изложения, но и сюжет, и характер описания событий уже не находят никаких аналогий в памятниках византийской литературы. Примечательно то, что Стефан обращает пермян исключительно силой своего слова, а не с помощью «чудес» и «знамений», обычных для житий миссионеров.

Живопись и архитектура. Контакты с византийским миром в XIV—XV вв. оказали сильное воздействие и на памятники древнерусского сакрального искусства, хотя это влияние было неравномерным и коснулось не всех его областей.

Наиболее сильный отпечаток контакты наложили на развитие древнерусской живописи, хотя в своих реакциях на внешние влияния русские мастера обнаружили большую самостоятельность. Одно из главных направлений в поздневизантийском искусстве получило наиболее яркое выражение в творчестве нашедшего приют на Руси замечательного художника Феофана Грека. О деятельности на Руси этого мастера, приехавшего из самого центра византийского мира — Константинополя, сообщает в письме Кириллу Тверскому Епифаний Премудрый. Проживший

на Руси несколько десятилетий Феофан расписывал храмы в Москве, Новгороде Великом и Нижнем Новгороде. В Москве он расписал также терем великого князя, а у князя Владимира изобразил на стене «саму Москву». Не только искусство, но и личность Феофана производила сильное впечатление на москвичей. Такой высокообразованный книжник, как Епифаний, называл его «преславным» мудрецом и «хитрым» философом. При работе, в отличие от других, художник не смотрел на образцы и, не прекращая работы, беседовал с приходящими. Из выполненных им на Руси фресковых росписей сохранилась лишь одна из ранних работ — выполненные в 1378 г. фрески церкви Спаса на Ильине в Новгороде. Творчество Феофана было связано со стремлением передать драматизм переживаний человеческой личности на пути, ведущем к встрече с Богом, ее потрясение при встрече с божественным светом. Эмоциональное напряжение в его образах находит свое выражение в нервном ритме композиций, резких контрастах света и тени, когда темная основа вступает в противоречие с брошенными на нее сверху бликами — ударами света. Искусство Феофана Грека произвело сильное впечатление на новгородских и псковских мастеров, создателей фресковых циклов в новгородских церквях Федора Стратилата и Успения на Болотове и ряда псковских икон. Новгородским мастерам, использовавшим экспрессивный язык византийского мастера для создания проникнутых движением композиций, оказалось чуждым его стремление передать потрясение человеческой личности при встрече с божественным началом. К московскому периоду творчества Феофана относятся иконы, находящиеся в деисусном ряду Благовещенского собора в Московском Кремле.

Согласно летописному свидетельству, Феофан Грек в 1405 г. расписал этот храм вместе с русским иконописцем Андреем Рублевым. В дальнейшем именно Андрей Рублев стал главной фигурой художественной жизни Москвы первой четверти XV в. В 1408 г. он вместе со своим другом Даниилом Черным по приказу великого князя расписал Успенский собор во Владимире— в то время первый по значению храм в Северо-Восточной Руси. Сохранилась часть икон из иконостаса и фрагменты фресок. Позднее Андрей Рублев вместе с учениками украсил «подписанием чюдным» Спасский собор Андроникова монастыря, постриженикомкоторого он был. Последней работой, выполненной совместно Андреем, Даниилом и их учениками, стала роспись построенного к осени 1426 г. каменного Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря. Сохранился написанный в это время иконостас, в состав которого входит икона «Троица» — лучшее произведение Рублева. Вскоре после выполнения этой работы Андрей

Рублев умер.

По общей оценке исследователей, Андрей Рублев был не только главной фшурой художественной жизни Москвы первой четверти XV в., но и одним из наиболее крупных мастеров всего европейского искусства развитого Средневековья и самым крупным художником русского Средневековья. Хотя ему приходилось работать совместно с Феофаном Греком, драматическое искусство Феофана не оказало на него влияния. Андрею Рублеву, как и другим московским мастерам его времени, гораздо более импонировало другое направление в поздневизантийском искусстве, стремившееся изображать своего героя как гармоническую личность, богатство духовной жизни которой передавалось с помощью определенной пространственной композиции, скульптурности изображения, оживленного мотивами движения, и классической, восходящей к античному наследию системы пропорций. На древнерусской почве этот стиль подвергся определенной трансформации. Русские мастера сохранили классическую систему пропорций, но устранили скульптурность изображения, замкнув его рамками круговых движений. Нервную византийскую красочную лепку сменила гладь ровных красочных пятен, на смену византийскому вибрирующему контуру пришел ясный очерк фигуры. Так, в соответствии с духовными исканиями эпохи создавался образ прекрасной, совершенной личности, отделенной от мира и погруженной в общение с божественным началом. Наиболее яркое выражение этот стиль нашел в произведениях Андрея Рублева, его фресках в Успенском соборе во Владимире, выполненных в 1408 г., а также в иконе «Троица». Классическим образам византийского искусства подчас была присуща известная холодность. Образы Рублева согреты теплым чувством их создателя, в них звучит очень чистая, чуть печальная лирическая интонация, столь характерная для наиболее ярких образов древнерусской культуры. Высочайшим уровнем исполнения отличаются иконы «Звенигородского чина», найденные в XX в. в пристройке к одному из звенигородских храмов. Созданное Андреем Рублевым изображение Христа — благородной, духовно богатой, полной любви к людям личности — принадлежит к числу наиболее ярких в средневековом искусстве. Для людей последующих поколений искусство Рублева оставалось высшим эталоном, образцом, на который следовало равняться. В решениях церковного собора 1551 г. иконописцам предписывалось изображать Троицу так, как писал Андрей Рублев. Уже поколением учеников Рублева был выполнен в конце 20-х гг. XV в. отражающий полное утверждение его стиля в московском искусстве XV в. цикл образов для иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры.

В отличие от живописи внешние влияния почти не сказались на развитии древнерусской архитектуры. Как уже отмечалось, после монгольского нашествия каменное строительство на русских землях прервалось и возобновилось лишь в конце XIII в. Каменные постройки, воздвигавшиеся в XIV в. во многих центрах Северо-Восточной Руси, были достаточно скромными по своим размерам и не сохранились до нашего времени. Первые сохранившиеся памятники раннемосковской архитектуры относятся к началу XV столетия — Успенский собор в Звенигороде и собор Рождества Богородицы Савво-Сторожевского монастыря. Изучение этих памятников и остатков более ранних не сохранившихся построек показало, что мастера XIV—XV вв. развивали традиции, начало которым было положено в памятниках архитектуры первых десятилетий XIII в. Основным типом культового здания оставался традиционный четырехстолпный одноглавый храм, но усилия зодчих были направлены на создание его ярусной динамической композиции, когда нарушалась замкнутость формы, тяготевшей к своему объему, и в композиции здания находили выражение мотивы сильного вертикального движения, своеобразной параллелью к которому может служить эмоциональная взволнованность современных памятников древнерусской литературы. Эти традиции получили развитие в московской архитектуре второй половины XV в. В отличие от Северо-Восточной Руси на ее северо-западе сохранилось большее количество храмов не только XV, но и XIV в. С построения в 1292 г. церкви Николы на Липне начинается ряд памятников, изучение которых позволяет подробно проследить, как развивалось новгородское храмовое зодчество. Уже в этом памятнике вытянутость пропорций, трехлопастное завершение фасадов говорят о стремлении придать динамику традиционной композиции крестово-купольного храма. Процесс формирования нового стиля получил свое завершение при создании новгородских храмов 60—80-х гг. XIII в., как бы пронизанных мощным направленным вверх движением, таких, как церковь Федора Стратилата (1360),

Спаса на Ильине (1374), Иоанна Богослова в Радоковицах (1384). Это позволяет с еще большей уверенностью говорить о последовательном стремлении древнерусских мастеров придать большую динамичность традиционному облику храма, но достигалось это с помощью иных, чем на северо-востоке Руси, средств выражения. Отсюда контраст между мощной напряженностью новгородских построек и стройными, изящными раннемосковскими храмами.

Политическая раздробленность русских земель в XIII—XIII вв. накладывала свой отпечаток и на их культурную жизнь. При сходстве

некоторых общих тенденций развития культурная жизнь развивалась по своим особым путям, что в особенности касается достаточно глубоких различий в культурной жизни северо-востока и северо-запада Руси.

Если в жизни монашества Северо-Восточной Руси стало очень важной вехой создание общежитийных монастырей, то в Новгородской и Псковской землях это не получило значительного распространения. Переход новгородских монастырей на общежитийный устав произошел лишь в 1528 г. В соответствии с этим в новгородской литературе XIV—XV вв. нельзя обнаружить аналогичных сочинениям Епифания Премудрого и его продолжателей памятников. Лишь в середине XV в. стиль «плетения словес» принес на новгородскую почву нашедший приют на Руси сербский книжник Пахомий Логофет. Святые, прославленные в Великом княжестве Московском, далеко не сразу получали признание в Новгороде, а новгородские святые патроны не пользовались признанием в Москве. Лишь в 1460 г. в Новгороде был построен храм в честь Сергия Радонежского.

Общие тенденции в развитии не только архитектуры, но и живописи на северо-западе и северо-востоке Руси были сходными. После увлечений творчеством Феофана Грека в Новгороде на рубеже XIV—XV вв. утвердился живописный стиль, типологически сходный с памятниками московской школы, направленный на решение аналогичных задач. Первыми примерами нового стиля могут служить краснофонные иконы пророка Ильи (Государственная Третьяковская галерея) и Георгия (Государственный Русский музей). Но набор приемов для построения художественной формы в обоих регионах был совершенно самостоятельным, поэтому новгородские иконы отличаются от московских яркостью колорита и особой четкостью композиционных схем.

Глава 11. НАРОДЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И СИБИРИ В ЭПОХУ ГОСПОДСТВА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (XIII СЕРЕДИНА XV в.)

Золотая Орда в XIII—XIV **вв.** После монгольского нашествия на территории Восточной Европы утвердилось господство Золотой Орды или, по терминологии восточных источников, «улуса Джучи» — владения потомков Джучи, старшего сына Чингисхана. Границы этого огромного государства простирались на западе и юго-западе до Дуная и границ Венгерского королевства, на востоке в его состав входила западная часть Сибири и северные районы Казахстана и Средней Азии (Хорезм). Как и организация монгольского войска, «улус Джучи» делился на левое и правое крыло. Правое крыло — улус потомков Бату (Батыя) занимал восточноевропейские степи, лежавшие к западу от Яика (Урала), земли левого крыла составляли улус потомков брата Бату — Орду. Правители правого крыла занимали главное место в «улусе Джучи», и правители левого крыла были от них в вассальной зависимости.

В первые десятилетия своего существования Золотая Орда была частью огромной Монгольской империи, первоначально делившейся на четыре улуса: великого хана, улус Хулагу, Чагатаев улус и улус Джучи. Входившие в состав улуса Джучи земли с оседлым населением первоначально находились в зависимости от главы Монгольской империи — великого хана, сидевшего в Каракоруме (Монголия). Приезжавшие от великого хана чиновники вели перепись сидевшего на этих землях населения и облагали его данью, которая затем распределялась великим ханом между правителями отдельных «улусов» Монгольской империи. По-видимому, благодаря их усилиям это население было поделено на сотни, пятидесятки и десятки, и на глав этих групп была возложена ответственность за сбор дани.

На ряде территорий сбор дани был возложен на сохранившуюся местную верхушку. Под прямой властью правителей улуса Джучи находилось в первые десятилетия лишь кочевое население восточноевропейских, казахстанских и сибирских степей.

Монгольское завоевание внесло большие перемены в жизнь большей части обитателей восточноевропейских степей — половцев-кипчаков. Традиционные объединения половцев на этой территории были разбиты,

местная знать истреблена или увезена в Монголию. Основная масса оставшихся была подчинена власти монгольской аристократии, выделявшей места для кочевания и определявшей их маршруты, не считаясь с прежними порядками. Разбита была и традиционная родовая структура половецкого общества, и части разных родов и племен включались в состав одних и тех же единиц создававшейся правителями Золотой Орды военно-административной организации кочевого населения, делившейся на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч (тумены). Такое разделение населения, противоречившее традиционным родовым связям, закреплялось строгим запретом перехода из одного подразделения в другое. Так как половцы-кипчаки составляли подавляющую часть обитателей «улуса Бату», то постепенно стоявшая во главе его монгольская аристократия и ее окружение усвоили их язык и обычаи.

Кочевники восточноевропейских степей должны были присматривать за стадами, принадлежавшими этой аристократии, давать ей подношения скотом и продуктами скотоводческого хозяйства, но размер этих подношений был разительно ниже дани, взимавшейся с оседлого населения. Так, если дань с оседлого населения могла достигать 1/10 имущества, то кочевник должен был отдавать хану одну из ста голов своего скота. Поэтому для правителей улуса Джучи имело особое значение то, что с ослаблением связей между отдельными частями Монгольской империи, а затем ее распадом им удалось установить свою прямую, непосредственную власть над территориями с оседлым населением, и дань с них стала поступать не в Каракорум, а в их собственную казну. На этих землях находился и ряд городских центров, сохранившихся от прежнего времени (как, например, г. Болгар). Видя в таких центрах важный источник доходов, правители Золотой Орды прилагали усилия для их развития, переселяя туда ремесленников и торговцев с покоренных территорий. Благодаря их политике образовались и новые богатые города в районе зимних кочевий ханской ставки в нижнем течении Волги. Главными среди них, своеобразными «столицами» Орды, были расположенные в этом районе Сарай (около Астрахани) и Новый Сарай (на рукаве Волги, Ахтубе, недалеко от Волгограда). Ханы принимали суровые меры для обеспечения безопасности торговых путей. С начала XIV в. на территории улуса Джучи получила хождение единообразная серебряная монета. Многие представители господствующей верхушки стали селиться в городах, и расходы на их содержание обогащали городское население. Здесь образовалась богатая верхушка, которая стала одной из опор власти хана. В городах находилось уже достаточно многочисленное чиновничество во

главе с везиром, в руках которого концентрировался сбор доходов в ханскую казну с оседлого земледельческого населения и городов. К сбору доходов не имели отношения правители отдельных «улусов» с кочевым населением, которые могли рассчитывать лишь на приношения со стороны их кочевых жителей. Между правителями улусов и населением не было прочной связи. Улусы периодически перераспределялись между представителями знати, перекраивалась неоднократно и их территория и состав населения. Правители улусов разного ранга не пользовались административно-судебными или податными привилегиями.

Все это способствовало укреплению власти хана. Если первоначально Ордынское государство рассматривалось как общее достояние всего ханского рода и важные решения принимались на курултаях — собраниях родичей, то теперь глава государства — хан принимал решения, советуясь только с везиром и верховными военачальниками. Престол стал переходить теперь от отца к сыну.

Уже во второй половине XIII в. некоторые ханы и многие представители знати приняли ислам. Как господствующая религия ислам утвердился в Золотой Орде во втором десятилетии XIV в. Мусульманское духовенство стало получать владения, свободные от уплаты налогов. Суд начали вершить мусульманские судьи — кадии по законам мусульманского права — шариата. Ислам приняло прежде всего население городов и аристократия, в среде рядовых кочевников ислам распространялся медленно.

Временем наивысшей силы и могущества Золотой Орды была первая половина XIV в. — время правления ханов Узбека (1312—1342) и Джанибека (1342—1357). В эти годы правители Золотой Орды вели активную внешнюю политику на юге, стремясь укрепить свое влияние на Кавказе и, в частности, овладеть богатым Азербайджаном, который удалось захватить к середине XIV в. В условиях обильного притока ресурсов и ремесленников из покоренных стран под опекой ханской власти наступил расцвет главных центров Ордынского государства. Столица государства — Новый Сарай — превратилась в огромный город. В нем обитали не только купцы и ремесленники из земель, подчинявшихся верховной власти хана, но и купцы из Ирана, Сирии и Египта. В городе было 13 только соборных мечетей.

Распад Золотой **Орды.** Уже в эти времена наивысшего могущества Орды были заложены предпосылки для будущего ' кризиса. Стабилизация положения в стране привела к стабилизации положения в улусах, в ряде которых появились свои наследственные династии правителей,

стабилизировались грани; цы улусов и маршруты перекочевок. Появились такие понятия, как «суюргал» — наследственное ленное владение и «тархан» — владение, свободное от уплаты налогов. Аристократия стала добиваться не только закрепления за собой территорий с кочевым населением и их освобождения от налогов, но и доступа к доходам с территорий с оседлым населением и к управлению ими. При отсутствии прочных хозяйственных связей между отдельными частями огромного государства такое положение должно было привести правителей улусов в отдельных регионах к борьбе с центром и между собой. Начавшиеся в 60-х гг. XIV в. смуты сопровождались попытками многих представителей ордынской аристократии подчинить своей власти население на земледельческих окраинах Ордынского государства. Стали возникать крупные владения, включавшие в свой состав и кочевое и земледельческое население и освобожденные от налогов и повинностей в пользу хана.

Одним из первых результатов смут стало сокращение аферы влияния Орды: от нее отпали Хорезм (1361) и придунайские земли (60-е гг. XIV в.). Другим результатом стал начавшийся с этого времени упадок золотоордынских городов Нижнего Поволжья, так как особые условия, обеспечившие их процветание в предшествующие десятилетия, перестали действовать. Вокруг них стали срочно возводить укрепления. Одним из зримых проявлений начавшегося распада единой державы стало прекращение чеканки единого для всей страны дирхема и появление монеты, чеканившейся в разных городах по разным весовым нормам.

Новые процессы нашли свое полное выражение в западной части улуса Джучи и слабо затронули восточную. Ханы левого крыла, некогда вассалы ханов правого крыла — улуса Бату, сохранили гораздо больший объем власти над подвластным населением (в частности, такой тип пожалования, как «суюргал», во второй половине XIV в. здесь еще не был известен). Поэтому во время смут именно ханы левого крыла стали предпринимать попытки подчинить своей власти всю территорию Ордынского государства. Один из них, Тохтамыш, опираясь на союз с Тимуром, сумел этого добиться в начале 80-х гг. XIV в.

Тохтамыш в новых условиях старался продолжать политику ордынских правителей первой половины XIV в. Подчинив города своей власти, он, чтобы оживить городскую жизнь, предпринял попытку восстановить обращение единообразной монеты на всей территории государства. Одновременно Тохтамыш стал вымогать тяжелые поборы с подчиненных Ордынской державе земель. Наконец, он обновил великодержавную политику Узбека и Джанибека, снова выступив с

притязаниями на Азербайджан. Однако его власть зиждилась на непрочной основе: желая обеспечить себе поддержку местной знати, он продолжал раздавать ей ленные пожалования с освобождением от повинностей и налогов, а притязания на Азербайджан привели его к конфликту с его союзником и покровителем Тимуром. В этом конфликте Тохтамыш к середине 90-х гг. XIV в. потерпел полное поражение. Вторгшиеся на земли Золотой Орды войска Тимура разгромили золотоордынские города в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе. В некоторых из них, к примеру, в столице Орды Новом Сарае, жизнь после этого вообще не возобновилась. Тем самым с исторической сцены сошла значительная часть сил, которые были объективно заинтересованы в сохранении единства Ордынского государства.

После поражения в борьбе с Тимуром Тохтамыш потерял авторитет, и его отстранил могущественный «делатель ханов» эмир Едигей, также опиравшийся на поддержку знати левого крыла. В 1398 г. Тохтамыш был вынужден бежать в Литву. Едигей добился значительных успехов, он сумел собрать под своей властью большую часть улусов, но прочно подчинить своей власти всю территорию Ордынского государства ему не удалось. Кризис и на этом этапе осложнился вмешательством внешних сил — сыновья Тохтамыша нашли поддержку у великого князя литовского Витовта. В 1412 г. власть в Орде захватил сын Тохтамыша Джелаль-ад-дин. Со второго десятилетия XV в. на территории Орды начался долгий период непрерывных смут, когда лишь на сравнительно короткое время то одному, то другому из претендентов удавалось овладеть главными центрами Ордынского государства. К середине XV в. Золотая Орда окончательно распалась на ряд враждебных друг другу политических образований-ханств во главе с ханами — потомками Джучи; между Волгой и Яиком, как особое целое, сложилась Ногайская орда во главе с потомками Едигея.

Большая часть этих образований представляла собой объединения кочевников, в которых возрождались формы патриархальных отношений, характерные для более ранней стадии развития: главная единица военно-административного деления, улус, превратился в них в родовое владение, во главе которого становился старший в роде.

Существование Ордынского государства наложило глубокий отпечаток на историю не только русского, но и многих других народов Восточной Европы.

Народы севера Западной Сибири. Иностранные путешественники, посещавшие Орду в XIII в., сообщают, что в своих походах на север ордынские войска доходили до «самоеди» — ненцев, живущих в

приполярной тундре. Вряд ли, однако, такие походы привели к включению этих территории в состав Ордынского государства. Ненцы-оленеводы, которые в суровых природных условиях вели тяжелую борьбу за существование, не были подходящим объектом для эксплуатаций да и проживали слишком далеко от ордынских кочевий.

Дело обстояло иначе с племенами хантов и манси, заселявшими бассейн нижнего течения Оби и ее притоков. Существование у ряда племен манси в XV—XVI вв. деления на сотни, во главе которых стояли наследственные сотники из местной верхушки, говорит за то, что эти племена были когда-то подчинены Орде, установившей здесь сотенную организацию для сбора дани, а сотниками стали представители местной верхушки, на которых была возложена ответственность за сбор дани. Наиболее тесными были связи с Сибирским улусом Орды той части манси, которая жила на реке Тавде, впадавшей в Тобол. Здесь не только существовала сотенная организация, но и «лучшие люди» назывались мурзами и носили тюркские имена.

Ханты и манси жили в более благоприятных природных условиях, чем те, которые были в приполярной тундре. На Оби и других реках главным занятием населения было рыболовство, дававшее местному населению не только пищу, но и одежду из рыбьей кожи. В лесных районах главными занятиями населения были охота и бортничество. Повсеместным занятием была охота на пушных зверей, шкурками которых выплачивалась дань — ясак, кроме того, на них можно было выменять железные изделия.

Получавшегося в этих условиях прибавочного продукта оказалось достаточно уже в домонгольский период для выделения из состава населения господствующей верхушки. «Югорский князь» упоминается в Новгородской I летописи под 1193 г. О характере социальной дифференциации в этом обществе можно судить по источникам более позднего времени, что вполне правомерно, учитывая его крайне медленное развитие. В отдельных племенах господствующее положение занимал княжеский род, опиравшийся на группу «служилых» соплеменников, которые при участии в военных походах получали от князя оружие и собак и должны были за это отдавать ему большую часть военной добычи. Основная масса соплеменников должна была ходить в походы по приказу князя и давать ему добровольные приношения — «поминки» — шкурками пушных зверей. В племени были также и обедневшие члены, которые не были в состоянии давать «поминки» и работавшие на князя. В племени были и рабы из числа проданных в рабство родителями. Подавляющая часть рабов принадлежала князю и членам его семьи. Имевшийся в их

распоряжении достаточно ограниченный прибавочный продукт князья стремились увеличить, предпринимая нападения на соседние племена и на поселения ненцев. Довольно рано объектом набегов со стороны племен манси стали и земли коми. Не случайно в их языке манси назывались вогулами («вогул» — дикий). Первые известия о таких нападениях в русских источниках относятся к концу XIV в. Особой активностью в нападениях отличались правители Пелымского княжества. В 1455 г. во время набега пелымского князя Асыки был убит пермский епископ Питирим.

Земли коми. Земли, заселенные племенами коми, в русских источниках носили общее название «Пермь» — «задняя земля» («перя маа»), так называли землю коми их южные соседи — вепсы (летописная «весь»). На землях коми природные условия позволили к XII в. перейти от подсечного земледелия с ручной обработкой земли к пашенному с использованием тягловой силы скота (о чем говорят, в частности, находки металлических сошников и наральников), однако при существующих природных условиях — долгих холодных зимах и бедности почв — земледелие не смогло стать ведущей отраслью хозяйства. Главными занятиями населения продолжали оставаться рыболовство и охота, в особенности охота на пушного зверя, на шкурки которого можно было многое выменять. Не случайно местный «волхв» Пан, убеждая жителей сохранить верность старым богам, говорил, что именно они приносили успех на охоте. Переход к пашенному земледелию способствовал социальной дифференциации общества, появлению укрепленных городищ и могил, более богатых инвентарем. Как наиболее влиятельные представители местной верхушки в земле коми выступали старейшины, носившие название «сотников». Очевидно, их появление следует также связывать с подчинением земель коми власти Орды, создавшей здесь сотенную организацию для сбора дани и возложившей ответственность за сбор на представителей местной верхушки.

Ко второй половине XIV в., когда сведения о землях коми появляются в русских источниках, сбор дани с них находился уже в руках московских великих князей. Из Москвы приходили «дани тяжкие и насилства, и тивуни, и доводщици, и приставници».

Важным событием в истории земель коми в конце XIV — первой половине XV в. стало принятие их населением христианства. В 80-х гг. XIV в. присланный из Москвы миссионер Стефан обратил в христианство жителей «Перми» — коми-зырян в бассейне рек Вычегды и Выми. Стефан создал для них особую азбуку и перевел на язык зырян богослужебные

тексты. Зимой 1383/1384 г. он был поставлен епископом — первым главой новой, созданной специально для земель коми Пермской епархии. Резиденцией пермских епископов стал владычный городок на Усть-Выми (при впадении реки Выми в Вычегду). Часть зырян не приняла новой веры и вместе с вогуличами предпринимала нападения на новообращенных. Христианизация Пермского края все же постепенно продолжалась. В 40-х гг. XV в. приняли христианство пермяне удорские на реке Вашке, в 50 — начале 60-х гг. XV в. христианство приняла «Великая Пермь» — коми-пермяки, заселявшие верховья Камы. Пермский епископ стал играть важную роль в жизни земель коми, в частности препятствуя насилиям московских сборщиков дани. В «плаче» пермских людей в житии их первого епископа Стефана читаем: «...был нам заступник тепл, избавляя ны от насильа и работы, и тивунскиа продажа и тяжкыя дани облегчая ны».

Земледельческие народы Среднего Поволжья. По сравнению с племенами коми в гораздо более благоприятных природных условиях жили их южные соседи — народы Среднего Поволжья: мордва, марийцы, удмурты, чуваши. Эти условия давали им возможность развивать многоотраслевое хозяйство, в котором важную роль играли и пашенное земледелие, и мясо-молочное животноводство; в лесных районах, где обитала большая часть населения, не меньшее значение имели охота, дававшая мясо и меха, и бортничество. Уже в домонгольский период здесь имело место отделение ремесла от сельского хозяйства, появление ремесленных поселений — центров железоделательного производства. Тогда же наметился и процесс выделения местной правящей верхушки, который в домонгольский период наиболее далеко зашел у мордвы.

Монголо-татарское нашествие жестоко разорило мордовские земли. Ордынские войска «взяша... Мордовскую землю» зимой 1239/1240 г., затем ордынцы снова разорили их после возвращения из похода на Запад. Перед лицом завоевателей местная верхушка раскололась. Если один из мордовских князей «с немногими людьми направился в весьма укрепленное место, чтобы защищаться, если хватит сил», то другой, один из правителей племени мокша, подчинился их власти и принял участие в походе на Запад. Поэтому часть мордовских земель осталась под властью местных князей, которые должны были выплачивать дань в Орду и участвовать в военных походах, а другая была прямо включена в состав Ордынского государства. Центром ордынской власти на мордовских землях стал город Мухши (летописный «Наручадь» у г. Наровчат Пензенской области). Здесь чеканилась монета, сохранились остатки бань и кирпичных мавзолеев с захоронениями ордынской знати. По-видимому, как и другие

территории с оседлым населением, мордовские земли подчинялись непосредственной власти хана и уплачивали дань в его казну.

Положение изменилось во время смут 60-х гг., когда ордынская знать стала захватывать земледельческие земли на окраинах. Ордынский «князь» Тагай захватил город Мухши и даже чеканил там свою монету. Другой ордынский вельможа Секиз-бий захватил земли, прилегающие к реке Пьяне, и поставил там себе крепость. По-видимому, в эти же годы смут подчинил себе земли с мордовским и татарским населением в районе будущего города Темникова еще один представитель ордынской знати — Бежан (возможно, «темник» — предводитель отряда из 10 тыс. воинов). Все эти захваты производились вопреки воле ханов, верховную власть которых захватчики не признавали. Тем самым у правителей соседних русских княжеств появилась возможность, не вступая в конфликт с Ордой, распространить свою власть на эти земли.

Одним из правителей, сумевших включить в состав своего княжества достаточно обширные мордовские земли, был нижегородский князь Дмитрий Константинович. Еще в 60-х гг. XIV в. земли на притоке Волги реке Сундовить, сравнительно недалеко от Нижнего Новгорода, были владением мордовского князя Муранчика, но затем перешли к нижегородским князьям, а к концу XIV в. в состав Нижегородского княжества вошли земли мордвы-эрзи по рекам Кудьме, Пьяне, Теше. Вместе с Нижним Новгородом в 90-х гг. XIV в. эти мордовские земли вошли в состав Великого княжества Московского. Тогда же вместе с городом Муромом вошла в его состав муромская мордва. Сумел добиться определенных успехов и рязанский князь Олег Иванович, который в 1365 г. нанес поражение Тагаю, напавшему на Переяславль Рязанский. Вероятно, именно в это время, во второй половине XIV в. в состав Рязанского княжества вошли земли другого мордовского племени — эрзи по реке Уне. В более поздних договорах рязанских князей эта мордва фигурирует как бортники, уплачивающие князьям медовый оброк. Еще одна большая территория с мордовским и татарским населением — Мещера — вошла в состав Великого княжества Московского как «купля» Дмитрия Донского. Документы XV в. упоминают на этой территории вассалов великого князя московского — «мещерских князей».

Это продвижение границ русских княжеств на мордовские земли встретилось с враждебной реакцией сидевших на землях верхнего течения Суры мордовских князей. В 1377 г. они навели «в таю» рать из Мамаевой Орды на русское войско на реке Пьяне, нападали на нижегородские земли. В ответ нижегородская и московская рати ходили на Мордовскую землю и

разорили «села их и погосты их и зимници». Позднее «мордва» вместе с «болгарской силой» участвовала в 1408 г. в походе на Нижний Новгород, а в 1410 г. болгарские и мордовские князья участвовали в битве с московской ратью нижегородских князей Даниила и Ивана Борисовичей. Позднее вместе с болгарскими землями эта часть мордовских земель вошла в состав Казанского ханства.

По сравнению с мордвой о таких соседних с ней народах, как марийцы или удмурты, в письменных источниках этого периода сведений почти не сохранилось. Трудности создает и этническая терминология главных источников — русских летописей, где разные народы Среднего Поволжья обозначаются одним общим названием «черемиса». Лишь специальные исследования позволили выяснить, что в этих источниках название «горная черемиса» относится к чувашскому населению на землях к югу от Волги, а название «луговая черемиса» обозначает живущих на север от Волги марийцев. Сохранившиеся в более поздних источниках упоминания «сотенных князей» «луговой черемисы» говорят о том, что при включении марийских племен в состав Ордынского государства здесь также было введено деление населения на сотни и десятки, на глав которых была возложена ответственность за сбор дани — «ясака». Как и в ряде других случаев, эти люди, несмотря на их «княжеский» титул, были по существу представителями племенной верхушки. Их положение на лестнице социальной иерархии ордынского общества было весьма невысоким. Они стояли ниже не только князей и мурз, но и обычных воинов ордынского войска. С распадом Золотой Орды земли, заселенные марийцами, вошли в состав Казанского ханства.

Более сложными были в этот период исторические судьбы другого народа Среднего Поволжья — удмуртов. Наиболее раннее упоминание о землях южных удмуртов — «ару» — содержится в записках арабского путешественника XII в. Абу Хамида ал Гарнати. Он упоминает страну «ару», откуда приходят в Болгар самые лучшие меха. Подобно другим народам, связанным в своем историческом развитии с Волжской Болгарией, южные удмурты оказались под властью Орды. Уже в

XIII в. центром ордынской власти на этой территории был Арский городок. Позднее Арская земля образовала особый округ в составе Казанского ханства.

Иной оказалась судьба северных удмуртов — «ватка», земли которых вошли в состав Вятской земли, политического новообразования, возникшего к концу XIV в. на окраинах Новгородского государства. Образование Вятской земли было одним из результатов древнерусской

колонизации края, начавшейся в конце домонгольского периода. На территории Вятской земли стали складываться разнообразные связи между ее удмуртским и русским крестьянским населением.

Племена башкир. В отличие от этих народов Среднего Поволжья обитатели южного Урала — башкиры вели кочевой образ жизни. Они были подчинены власти Орды вместе с другими народами севера Восточной Европы после возвращения войск Бату из похода на запад. В рамках Ордынского государства земли, занятые башкирами, оказались поделены между двумя улусами: в улус потомков Бату вошли земли к западу от Уральского хребта, в улус потомков Шибана —земли к востоку. Образование Ордынского государства оказало важное влияние на образ жизни башкир. В более раннее время они откочевывали на зиму в долину реки Яик (Урал) и южнее, в прикаспийские и приаральские степи. После образования Золотой Орды они вынуждены были перейти к постоянным зимовкам в лесных и горно-лесных районах Урала. Хотя их хозяйство продолжало оставаться скотоводческим (главные отрасли — коневодство и овцеводство), в новых условиях заметно возросла роль охоты и промыслов, и тем самым образ жизни башкир приблизился к образу жизни других народов лесной зоны. В составе «ясака» — дани — видное место занимали мед и шкурки пушных зверей.

Главной социальной ячейкой у башкир был род, в совместном владении его членов находились родовые земли. Роды объединялись в племена и союзы, в целом ряде случаев состоявшие из родов, не связанных единством происхождения. Высший слой в башкирском обществе образовьгоали родовые вожди — «бии» и «батыры» — удачливые военные предводители. Во время вхождения башкирских племен в состав Ордынского государства в их среде, хотя достаточно медленно и постепенно, стал распространяться ислам.

Судьбы населения Волжской Болгарии. Особенно сложными оказались во время ордынского господства судьбы населения Волжской Болгарии. После страшного разорения в ходе монгольского нашествия в середине — второй половине XIII в. здесь произошли важные перемены. Стремясь пополнить свою казну, ханы прилагали усилия к развитию городской жизни на территории Среднего Поволжья. Отстроенный после разорения Болгар стал во второй половине XIII в. одним из главных центров Ордынского государства, именно здесь ханы начали чеканить свою монету. XIV в. был временем расцвета города. Он стал важным центром ремесленного производства и международной торговли, здесь строились каменные бани, мечети, минареты. Видными центрами городской жизни

стали в XIII-—XV вв. разрушенный ранее монголами Джукетау, Кременчук, Старая Казань. Как и города Нижнего Поволжья, эти города стали местом пребывания ордынского чиновничества и ордынской знати, здесь должны были возникнуть контакты между этими группами ордынского общества и местной верхушкой, с помощью которой Орда управляла городами и их земледельческой округой. Углублению этих контактов, несомненно, содействовало принятие язычниками-кипчаками ислама в первой половине XIV в. Облегчались контакты и языковой близостью тюркских языков жителей Волжской Болгарии и кипчаков. Контакты ордынского чиновничества и местной верхушки вели к их смешению и усвоению языка завоевателей. Процесс этот достаточно определенно прослеживается по языку надписей на надгробиях представителей местной верхушки, захороненных в городе Болгар и других центрах на территории Волжской Болгарии. Если в XIII—XIV вв. язык этих надписей отражает тюркский язык населения Волжской Болгарии, то.надписи более позднего времени выполнены уже на кипчакском языке.

Процесс смешения населения происходил и на иных уровнях в связи с поселением на этой территории подданных Золотой Орды — кипчаков, переходивших в природных условиях этого района к ведению земледельческого хозяйства. Процесс этот должен был усилиться с началом смут 60-х гг. XIV в., когда представители ордынской знати со своими улусами стали перемещаться на северные окраины Ордынского государства. В результате смешения пришельцев — кипчаков и местного населения — волжских болгар постепенно здесь сформировалась новая народность — казанские татары.

Происшедшие перемены затронули~ лишь часть населения Волжской Болгарии. Другая, также достаточно многочисленная, оставившая после падения Болгарского государства ислам, сохранила верность своему языку и языческим обычаям, положив начало современному чувашскому народу. Основная территория, занимаемая предками чувашей, находилась на запад от Волги на так называемой Горной стороне, где чуваши ассимилировали большую часть ранее проживавших на этой земле марийцев. Положение этого населения не отличалось от положения других земледельческих народов в составе Ордынского государства. Здесь также завоевателями была создана сотенная организация. Так называемые сотные и десятные князья были представителями местной верхушки, на которых была возложена ответственность за сбор дани. Они же должны были в случае необходимости выводить на войну отряды в соответствующем количестве. Центром ордынской власти на этой территории было, вероятно, поселение

на месте современных Чебоксар.

Во время начавшихся в 60-х гг. XIV в. смут представители ордынской аристократии стали захватывать города и земли с оседлым населением и на территории Среднего Поволжья. «Князь ордынский» Булат Темир захватил г. Болгар и поставил под свой контроль Волжский путь. Эту территорию он удерживал под своей властью до 1367 г. и даже чеканил там свою монету. В 1370 г. там сидел какой-то «князь» Хасан. После объединения земель Ордынского государства под властью Тохтамыша в состав его вошли и земли Среднего Поволжья вместе с Болгаром. Однако с началом на рубеже XIV—XV вв. новых смут самостоятельность правителей, сидевших в городах Среднего Поволжья, заметно возросла. В 1409—1410 гг. «князи», сидевшие в Болгаре и в Джукетау, самостоятельно воевали с новгородскими ушкуйниками, а затем поддерживали нижегородских князей в борьбе с великим князем московским Василием Дмитриевичем. Вероятно, уже в эти годы было положено начало формированию здесь земельных владений и ордынской знати, и местной верхушки, которые слились в единую господствующую социальную группу на землях Среднего Поволжья. С конца XIV в. в жизни региона все большую роль начинает играть Казань, которая оттесняет на второй план приходящий в упадок Болгар. Постепенное обособление, отделение земель Среднего Поволжья от Ордынского государства получило свое завершение, когда на эти земли ушел в середине 40-х гг. со своим улусом потерпевший поражение в борьбе за власть над Золотой Ордой хан Улу-Мухаммед. С этого времени здесь образовалось особое государство — Казанское ханство, в котором правили его потомки. Приход на север с этим ханом большого количества кипчаков закрепил начавшиеся уже ранее перемены в этническом составе населения региона. Образование Казанского ханства положило начало новому этапу в историческом развитии Среднего Поволжья и населяющих его народов.

Народы Северного Кавказа. Установление ордынского господства означало большие перемены и в жизни народов Северного Кавказа. В первую очередь речь должна идти об аланах. Правда, еще до прихода монголов Аланское государство вступило в стадию упадка, но монголо-татарское вторжение привело к его окончательному распаду. Многие города и поселения были разрушены, и жизнь в них не возобновилась. Остатки населения были вынуждены оставить предкавказские степи и отойти в горы. Попытки ордынских войск проникнуть в горы привели к большим потерям. Между ушедшими в горы аланами и Ордынским государством шла война: правители Орды были вынуждены ставить караулы у горных

ущелий, чтобы помешать аланам нападать ночью на пасущиеся в равнинах стада. Еще в конце 70-х гг. XIII в. русские князья по приказу хана Менгу-Тимура ходили походом на алан. Подчинить алан власти Золотой Орды не удалось, но в замкнутых горных районах с трудными условиями хозяйства, при напряженной конфронтации с внешним миром произошел возврат алан от развитого феодального строя к отношениям, характерным для родоплеменного общества, и от православной религии к язычеству. Не подчинились власти монголов лезгины, в горных районах Дагестана сохранялись княжества, сформировавшиеся еще до монгольского нашествия, — шамхальство на землях кумыков, нусальство в Аварии, владения уцмия кайтагского. Адыгские племена («черкесы») упоминаются в числе народов, покоренных Ордой, но зависимость эта не была прочной, и с началом смут в Орде прекратилась.

Если овладеть горными районами Северного Кавказа правителям Орды не удалось, то на предкавказских степях их власть утвердилась прочно. Золотоордынские ханы неоднократно находились там, подготавливая походы в Азербайджан. Во второй половине XIV в. в долине Кубани располагались кочевья мангитов, которых их глава Едигей в конце XIV в. увел за Яик (Урал). Центрами ордынской власти в Предкавказье были города Верхний Джулат на берегу Терека, Нижний Джулат (летописный город Дедяков, отобранный у алан в конце XIII в.), Маджар на р. Куме, где чеканилась монета. Эти города, как и власть Орды в Предкавказье, пришли в упадок после вторжения на земли региона войск Тимура в 1395 г. На покинутых ордынцами землях стали расселяться адыгские племена.

Раздел IV. Русское государство во второй половине XV — начале XVII в.

Глава 12. РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV — XVI в.

§ 1. ОБЪЕДИНЕНИЕ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В ЕДИНОМ РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ И ИЗМЕНЕНИЯ В ОТНОШЕНИЯХ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА

С середины XV в. начался и в начале 1520-х гг. завершился процесс подчинения отдельных земель и княжеств Северо-Восточной и Северо-Западной Руси власти великого князя московского, присоединения этих земель к его непосредственным владениям. К 1520 г. под властью великого князя московского объединились княжества Северо-Восточной Руси, Новгородская и Псковская земли на северо-западе Руси, значительная часть Смоленской земли с ее главным центром — Смоленском, Рязанская земля и большая часть Черниговской земли — так называемые верховские княжества черниговских князей в верхнем течении реки Оки и лежавшая к югу от них Северская земля с главными центрами в Новгороде Северском и Чернигове.

Присоединение этих территорий к владениям великого князя московского осуществлялось разными методами и имело поэтому различные последствия для их населения, прежде всего для верхушки местных землевладельцев.

Присоединение княжеств Северо-Восточной Руси к владениям Москвы. Если в конце XIV — начале XV в. Василию Дмитриевичу пришлось вести упорную борьбу за присоединение Нижнего Новгорода к своим владениям, то во второй половине XV — начале XVI в. присоединение княжеств Северо-Восточной Руси к владениям московских великих князей Ивана III (1462—1505 гг.) и его сына Василиям III (1505—1533 гг.) происходило в основном мирным путем, и московские князья в своей политике не сталкивались с серьезным сопротивлением. В начале 60-х гг. XV в. ярославский князь Александр Федорович «продал Ярославль» Ивану III. Еще раньше, в правление Василия II, такие влиятельные в княжестве обители, как Толгский и Спасо-Каменный монастыри, разорвав свои связи со своими ярославскими патронами, перешли под

покровительство великого князя московского. В 1474 г. примеру Александра Федоровича последовали ростовские князья, которые продали Ивану III свою половину Ростова. Последний великий князь тверской Михаил Борисович (1461—1485) в правление Ивана III из самостоятельного правителя фактически превратился в вассала московского государя, посылавшего войска в походы по его приказу. Ради сохранения самостоятельности Михаил Борисович в 1484 г. попытался заключить договор о союзе с литовским князем Казимиром, дополнив его браком с родственницей великого князя литовского. Однако Иван III послал в Тверскую землю свое войско, и Михаил Борисович был вынужден заключить договор, по которому он уже и формально признал себя «братом молодшим» Ивана III и обязался прервать всякие сношения с Литвой. Когда после этого в руки великого князя московского попали грамоты тверского князя Казимиру, на Тверь двинулся с войском сам Иван III. Попытки сопротивления тверского князя не встретили поддержки населения, и в сентябре 1485 г. Михаил Борисович бежал в Литву. Важно подчеркнуть, что еще до присоединения Твери сначала в 1476 г., а затем в начале 1485 г. многие тверские бояре и некоторые удельные князья уже перешли на службу к Ивану III. Последние рязанские князья, братья Иван и Федор Васильевичи, поделившие между собой Рязанское княжество после смерти их отца в 1483 г., уже были вассалами Ивана III, послушно ходившими в походы по его приказу. В 1503 г. бездетный князь Федор, умирая, передал свой удел Ивану III. В другой части княжества сидел в первых десятилетиях XVI в. сын второго брата — Ивана Васильевича, Иван. Когда в Москву пришли сведения о каких-то его переговорах с крымским ханом, в 1520 г. его вызвали в Москву и арестовали, а население княжества без какого-либо сопротивления подчинилось власти Василия III. Все это позволяет сделать вывод, что в сознании феодалов-землевладельцев Северо-Восточной Руси на протяжении XV столетия произошли важные перемены: они больше не были заинтересованы в сохранении самостоятельности-своих княжеств.

С присоединением к Москве этого круга земель не произошло значительной ломки существующих социальных структур. Правда, главные центры отдельных земель и значительная часть территорий перешли под управление великокняжеских наместников, но местные князья сохранили за собой обширные владения на территориях своих бывших княжеств. Они первоначально оставались настоящими «государями», не уплачивавшими налогов и обладавшими всей полнотой административносудебной власти над зависимым населением. Однако постепенно князья стали входить в

состав правящей элиты Русского государства, получая от великого князя военные и административные назначения: князья суздальские и ярославские стали назначаться на посты наместников в городах в 70—90-х гг. XIV в., тверские князья — в первом десятилетии XVI в. Положение их владений постепенно приближалось к положению обычных крупных вотчин, но произошло это далеко не сразу. Бояре и дети боярские — вассалы местных князей — стали вассалами великого князя московского. Их верхушка к середине XVI в. вошла в состав великокняжеского двора, что давало им право на получение военных назначений и кормлений на всей территории Русского государства. Что касается местных монастырей и соборов, то теперь их ктитором-патроном со всеми вытекающими отсюда правами становился великий князь московский.

При присоединении этих территорий государственная власть сделала местным землевладельцам серьезную уступку: «уложение» Ивана III устанавливало, что в этих землях «мимо тех городов людем вотчин не продавати», т. е. люди из других уездов не могли приобретать здесь вотчин; земельные сделки с такой землей могли производиться только в кругу землевладельцев соответствующего административного округа; владения членов княжеских родов также могли продаваться лишь в семейном кругу. Конечно, дело не обошлось без конфискации земель у отдельных бояр и детей боярских, но эти действия явно не достигали такого размаха, чтобы изменить судьбу целых социальных слоев. В частности, о таких мерах власти говорится в рассказе Ермолинской летописи о присоединении Ярославского княжества.

Еще более осторожный характер носила политика великокняжеской власти по отношению к правителям «верховских княжеств», которые с началом русско-литовских войн на рубеже XV—XVI вв., порвав свою зависимость от Литвы, перешли на сторону Ивана III. Хотя «верховские князья» уже в 20— 30-х гг. стали входить в состав Боярской думы московского князя, в своих владениях они пользовались всей полнотой власти вплоть до середины XVI в.

Присоединение Новгорода и Пскова к единому государству. По-иному складывались отношения великих князей московских с Новгородом. Новгородское боярство, привыкшее быть полным хозяином в своем государстве, не проявляло никакого желания подчиняться их власти. В 50-х гг. XV в. новгородское боярство, дав приют Дмитрию Шемяке, вообще разорвало свои связи с Великим княжеством Московским. После поражения новгородского войска под Старой Руссой в 1456 г. Новгородское государство оказалось вынуждено выплатить Василию Темному большую

контрибуцию «за истому», обязалось отдать спорные территории на севере и вернуть княжеской власти ее традиционное положение в системе государственных институтов. Поездка Василия II в Новгород в 1460 г. свидетельствовала о том, что великий князь намерен добиваться реального выполнения своих требований. Однако новгородское боярство не желало ни уступать спорных территорий на Севере, ни возвращать княжеской власти традиционно принадлежавшие ей земли и доходы в Новгороде.

Сохранить свои позиции новгородское боярство пыталось путем сближения с Литвой. Первая попытка серьезных переговоров о новгородско-литовском союзе была предпринята в начале 60-х гг. XV в. В конце 60-х гг. в Новгород как служилый князь был приглашен один из представителей литовской аристократии Михаил Олелькович, а позднее был составлен проект договора о признании новгородским князем великого князя литовского Казимира. Планы новгородско-литовского союза были сорваны благодаря энергичным действиям Ивана III, в 1471 г. объявившего войну Новгороду.

Ход военной кампании обнажил внутренние противоречия Новгородского государства. На поле боя не удалось добиться взаимодействия между военными отрядами бояр и ополчением «молодших людей», которые не желали умирать за интересы боярской олигархии. К тому же они и не смогли как следует снарядиться на войну, не имея, как ранее, государственной поддержки. Не поддержал сторонников пролитовской ориентации и новгородский архиепископ, запретивший своему полку «на великого князя руку подымут». Все это привело к поражению новгородского войска в сражении на реке Шелони 14 июля 1471 г. Обнаружившиеся противоречия старалась использовать великокняжеская власть. Приказав казнить новгородских бояр — инициаторов договора с Казимиром, Иван III одновременно освободил без выкупа попавших в плен «молодших людей». Потерпело поражение и другое новгородское войско на Северной Двине, так как «двиняне не тягнуша» к нему на помощь.

По миру 1471 г. Новгородское государство выплатило огромную контрибуцию 16 тыс. руб., утратило ряд территорий на севере, обязалось не заключать никаких соглашений с Литвой. Особой статьей устанавливалось, что великому князю должен быть представлен на утверждение новгородский свод законов — Новгородская судная грамота, в его пользу должна была поступать половина установленных в нем судебных штрафов.

Своими правами верховного судьи Иван III воспользовался, чтобы еще более ослабить враждебное ему новгородское боярство. Зимой 1475/1476 г.

он прибыл в Новгород, чтобы рассмотреть жалобы «молодших людей» на насилия со стороны бояр. В результате ряд наиболее упорных противников великого князя из числа новгородского боярства был осужден; одни осужденные были арестованы и увезены в Москву, а их земли конфискованы, другие приговорены к крупным денежным штрафам.

Когда осенью 1477 г. началась новая военная кампания, московское войско, двигаясь к Новгороду, не столкнулось по пути с каким-либо сопротивлением, а многие новгородские бояре поспешили «приказаться в службу» великому князю. Оказавшийся в осаде Новгород капитулировал в январе 1478 г. Вече перестало созываться, вечевой колокол был отправлен в Москву, население города было подчинено власти великокняжеских наместников, поселившихся на «Ярославле дворище». Новгородские бояре стали вассалами великого князя. Им было сделано несколько уступок: великий князь обещал, что они останутся в Новгороде и сохранят за собой свои вотчины, их не будут вызывать на суд в Москву и заставлять нести военную службу за пределами Новгородской земли. Все это было актом «пожалования» со стороны великого князя, но он категорически отказался скрепить свои обещания присягой.

Установленный порядок просуществовал, однако, недолго. Уже при капитуляции Новгорода Иван III конфисковал земли ряда новгородских бояр, обвиненных в «измене», и отобрал значительную часть земель у архиепископской кафедры, Юрьева монастыря и пяти кончанских монастырей. В великокняжеском летописании эти меры в отношении церкви сопровождались пояснением: «быша бо те волости первое великих же князей, ино они их освоиша».

В 80-х гг. XV в. наступили еще более значительные изменения. В 1484 г. «поймал князь великии больших бояр новгородскых и боярынь, а казны их и села все велел отписать на себя, а им подавал поместья в Москве и по городом», а затем в 1487/1488 г. Иван III «приведе из Новгорода из Великого многых бояр и житиих людей и гостей, всех голов болши тысячи... и жаловал их, на Москве давал поместья... а в Новгород Великий... послал московских многих лутших гостей и детей боярских». Исследование писцовых описаний Новгородской земли конца XV в. показало, что эти летописные свидетельства полностью соответствуют действительности. Оно выявило, что и новгородская церковь утратила большую часть своих земель.

Таким образом, присоединение Новгорода не ограничилось ликвидацией политических институтов Новгородского государства. Из Новгородской земли была выселена подавляющая часть светских

землевладельцев (не только бояре, но и житьи люди), их земельная собственность была конфискована и частично роздана поселенным на этой территории детям боярским из Северо-Восточной Руси. Вместо своих вотчин бывшие новгородские землевладельцы получили новые земли, несравнимые по размерам с теми, которые были утрачены, и к тому же как «поместья» — условные владения без права распоряжения и передачи по наследству. В элиту формирующегося дворянского сословия никто из них не вошел. Однако и вассалам великого князя земли в Новгороде также раздавались как условные владения.

Все это привело к коренным переменам в отношениях собственности в Новгородской земле. Если до конфискаций Ивана III 66% земельного фонда составляли земли светских вотчинников, 25% принадлежало церкви, а 9% составляли государственные — «черные» земли, то к концу XV в. светским вотчинникам принадлежало 4% земельного фонда, церкви — 5%, а все остальные земли были собственностью государства.

К этому следует добавить, что из Новгорода был выселен наиболее зажиточный и влиятельный слой торгово-ремесленного населения — новгородское купечество. Организация новгородских купцов — «Иванское купечество» была уничтожена, как и другие институты Новгородского государства. Весы и мерила, находившиеся в их руках, перешли в руки великокняжеских таможенников. На их место в Новгород были переселены купцы из Москвы и других городов Северо-Восточной Руси.

Все это позволяет сделать вывод, что с присоединением Новгорода к Москве особый путь развития Новгородского государства и общества был насильственно прерван, а социаль\ ный облик населения очень существенно изменился.

Аналогичный комплекс мер был осуществлен московским правительством и в Псковской земле, хотя ее присоединение в 1510 г. произошло мирным путем. Так же действовала власть и на Смоленщине, присоединенной в ходе русско-литовских войн XV—XVI вв. Местные землевладельцы, переселенные в центральные уезды Русского государства и включенные здесь в состав великокняжеского двора, получили в нем наименование «дворовая Литва».

Подобные меры, не имеющие аналогий в историческом опыте процессов политического объединения в других европейских странах, заставляют задуматься о факторах, действие которых сделало возможным проведение подобной политики. Происшедшее в Новгородской земле является веским аргументом в пользу сравнительно позднего времени образования феодального землевладения в русских землях. Очевидно,

поэтому здесь еще не сложилось закрепленное правом представление о собственности лиц, принадлежащих к социальной элите, как одной из основ общественного порядка. Характерно, что действия, предпринятые московской властью в Новгороде, не вызвали какого-либо осуждения даже в тех летописных памятниках неофициального происхождения, в которых подвергались подчас довольно резкой критике некоторые стороны государственной политики. Имело значение и длительное изолированное развитие социальных элит Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, при котором между ними не возникло ни прочных связей, ни чувства корпоративной солидарности. Как показал последующий исторический опыт, методы, выработанные при присоединении Новгорода, государственная власть использовала для решения разных проблем, возникавших в ее отношениях с формирующимся сословием феодалов-землевладельцев.

Столь жестокие меры, по всей вероятности, диктовались и геополитическими интересами. Со времен Древнерусского государства социум Северо-Восточной Руси был запрятан в бесперспективную глубину континента, лишившись возможности доступа к морю. При малейших благоприятных моментах московские князья всегда стремились к упрочению своего влияния в Новгороде, а набрав силу, немедленно решили этот вопрос.

Не последнюю роль играла и возможность с приобретением новгородской территории резко увеличить налоговую составляющую, что для социума с ограниченными возможностями роста совокупного прибавочного продукта имело огромное значение.

Реформы системы управления. Создание единого законодательства. Объединение под властью великого князя московского обширных территорий на северо-востоке, северо-западе и юго-востоке Руси ставило перед этой властью вопрос об организации управления всем этим комплексом земель, об установлении связи между органами управления на местах и центром государства — Москвой. Обособленность отдельных земель, подчиненных власти великого князя, в определенной мере сохранялась до середины XVI в. Для управления ими создавались особые органы: для Тверской земли — «Тверской дворец», для Рязанской земли — «Рязанский дворец». Дворецкие осуществляли управление находившимся на этих землях обширным фондом «дворцовых» земель, доходы с которых шли на содержание великокняжеского двора. Для местного населения и администрации дворецкий являлся высшей судебной инстанцией. Дворецкие назначались из числа бояр, издавна служивших

великим князьям московским, и вершили свой суд в Москве. Управление отдельными городами и волостями оставалось традиционным, их по-прежнему отдавали в «кормление» присылавшимся наместникам и волостелям, но состав кормленщиков существенно изменился.

В упорядочении и унификации работы органов управления на местах и их связи с центром большую роль сыграло принятие Судебника 1497 г., который не только распространил действие ряда правовых норм (например, о порядке крестьянских переходов) на всю территорию государства, положив тем самым начало унификации права, но и определил общий порядок судопроизводства (прежде всего по уголовным делам) и единые размеры судебных пошлин. В 30-й статье памятника определялись размеры расходов судебного пристава по доставке в Москву обвиняемых из Одоева, Холмогор, Нижнего Новгорода и многих других русских городов — ощутимое доказательство того, что Москва уже к концу XV в. стала реальным центром управления всей территорией России.

Ликвидация особых княжеских «дворов» в отдельных землях и образование единого великокняжеского двора вели к тому, что дети боярские из разных ранее разобщенных земель стали получать административные назначения и «кормления» на разных территориях Русского государства. Местом, где делались такие назначения, также стала Москва. В новых условиях оказалась совершенно недостаточной традиционная система управления, восходившая к порядкам домонгольской Руси.

Формирование чиновничества. Установление системы связей между центром и местными органами управления, осуществление контроля за их деятельностью, практика «доклада» наиболее важных дел в Москву — все это вызвало объективную необходимость уже в последние десятилетия XV в. вести обширную письменную документацию, что послужило толчком для расширения размеров и увеличения значимости в общественной жизни такой группы древнерусского общества, как чиновничество. Появление первых чиновников — служащих княжеской канцелярии, изготовлявших выходившие из нее документы, относится еще к эпохе раннего Средневековья. Везде в Европе такими первыми сотрудниками княжеской канцелярии были, как правило, духовные лица, как .люди наиболее грамотные и владевшие искусством письма. Наименование древнерусского чиновника XIV—XVI вв. термином «дьяк» (соответственно его подчиненный — подьячий), обозначавшим обычно низшего церковного служителя, говорит о том, что первоначально так же обстояло дело и на Руси. Еще в XIII в. «печатником» (главой княжеской канцелярии, который

скреплял печатью выходившие оттуда документы) Дмитрия Донского был священник Михаил-Митяй. В то время круг лиц, работавших в канцелярии, был невелик, многие дела решались устно, без составления документов. К XV в. и облик чиновников, и их место в обществе заметно изменились. К этому времени в великокняжеской канцелярии уже не было никаких духовных лиц. Дьяки XV в. (и более позднего времени) — это светские лица, чаще всего — выходцы из «добрых» семей детей боярских (лишь финансовое ведомство — Казна — по понятным причинам пополнялась членами купеческих фамилий). Дьяки XV в. уже не только выдавали жалованные грамоты, но и вели записи судебных разбирательств и судебных решений, часто посылавшихся на рассмотрение в более высокие инстанции, в их руках находилась и обширная переписка между провинцией и центром. Главной фигурой в аппарате управления, от которой зависело принятие решений, был светский сановник — боярин, наместник или воевода, но оформление этих решений и их передача на места были делом дьяков и подьячих.

Реформы налогообложения. Усилению роли чиновничества в общественной жизни способствовал и ряд преобразований, осуществленных государственной властью во второй половине XV в. От своих предшественников великие князья московские унаследовали системы обложения, сильно отличавшиеся в разных землях; сам сбор налогов основывался на весьма приблизительной общей оценке объектов обложения — проводившиеся описания были связаны с необходимостью уплаты «выхода» в Орду и представляли собой поголовную перепись населения («царев выход по описи по людем»). Уже в середине XV в. великокняжеская власть стала проводить такие описания, руководствуясь собственными целями.

О широком распространении этой практики уже в княжение Василия II говорят постоянные упоминания «писменных людей» в жалованных грамотах этого правителя. Известны и упоминания в источниках рубежа XV—XVI вв. податного описания Костромского уезда 1464/1465 гг. Из упоминаний следует, что объектом обложения были теперь не люди, а земля. Окончательное установление новой системы обложения было связано с проведением так называемых писцовых описаний, охвативших в 80—90-х гг. XV в. основную часть территории Русского государства. Проведение описаний сопровождалось прежде всего унификацией системы обложения. В летописной записи о посылке в 1491 г. писцов для описания Тверской земли отмечено, что они были отправлены «Тферские земли писати по-московски в сохи». Кроме того, описание сопровождалось

определением размеров пахотной земли и сенокосов, от чего зависела величина налоговых ставок. Установленная в это время система обложения без больших изменений действовала до середины XVI в. В системе обложения денежные поступления еще не занимали главного места; не меньшее значение имели натуральные поставки и отработочные повинности разного рода. Описания сопровождались проверкой прав на землю и установлением точных границ владений, что сопровождалось разбирательством многочисленных поземельных споров. Все это требовало составления обширной и многообразной документации, что было делом сопровождавших писцов дьяков и подьячих.

Проведение описаний, точный учет размеров обработанной земли, облагавшейся налогами, способствовали притоку средств в великокняжескую казну. Увеличению источников поступлений способствовали и некоторые другие меры, проведенные великокняжеской властью в конце XV в. Так, к концу XV в. были фактически отменены податные привилегии (и до этого достаточно скромные) основной массы светских землевладельцев. Они сохранили судебно-административную власть над зависимыми крестьянами, но освобождения от налогов их владениям перестали предоставляться. Нельзя исключить, что некоторые представители правящей верхушки продолжали пользоваться освобождениями от налогов, но таких не могло быть много, так как даже владения бывших самостоятельных «государей» стали привлекаться к уплате налогов и отбыванию повинностей: так, крестьяне во владениях князей Пенковых — потомков последнего ярославского князя Александра Федоровича — уже в 20-х гг. XVI в. привлекались к отбыванию ямской повинности. Были сильно урезаны и податные привилегии церкви (за исключением некоторых почитаемых обителей). Например, владения митрополичьего дома, в конце XIV в. свободные от уплаты каких-либо налогов, после выдачи Иваном III жалованных грамот в 1504 г. утратили почти все свои податные привилегии. Все эти факты свидетельствовали не только о росте государственных доходов, но и об усилении позиции государственной власти по отношению и к духовенству, и к сословию светских феодалов.

Создание системы условного (поместного) землевладения. Усиление зависимости светских землевладельцев от великокняжеской власти было связано также с появлением и распространением именно в конце XV в. новой формы землевладения бояр и детей боярских. Именно в это время Иван III раздал своим детям боярским значительную часть конфискованных в Новгороде земель (около 36% всего земельного фонда),

но как условные владения, получившие именно в это время название «поместий». Переданным помещику владением с крестьянами он мог пользоваться лишь до тех пор, пока исправно нес военную службу великому князю, в случае неявки на службу или неспособности ее выполнять (по старости или по болезни) поместье могло быть у него отобрано. Поместье было собственностью государства, а не помещика, помещик не мог передать его своим наследникам, продать или дать вкладом в монастырь. Переданную ему государственную собственность он должен был содержать в хорошем состоянии и за нанесенный ей ущерб мог понести наказание («а доспеет пусто... от великого князя в том быть ему в опале»). В писцовых книгах подробно перечислялись повинности крестьян по отношению к помещику, очевидно, помещик не имел права изменять их по своему усмотрению.

К этому следует добавить, что, хотя поместья могли получать (и получали) и представители знати, государственная власть сознательно стремилась создавать прежде всего поместья средних и малых размеров. Зависимость таких землевладельцев от государственной власти была гораздо более сильной, чем зависимость землевладельцев-вотчинников. Там, где государство обладало полной свободой действий, как в Новгородской земле, такой тип землевладения абсолютно преобладал. По другим районам России сохранились лишь отрывочные сведения, но они не оставляют сомнений, что в первой половине XVI в. поместья появились по всей территории страны. Так, в Тверском уезде в 40-х гг. XVI в. сотни землевладельцев «держали» государственные земли на указанных условиях. Для образования все новых и новых поместий великокняжеская власть использовала находившийся в ее руках обширный фонд «черных» земель.

Действуя так, государственная власть добивалась решения двух задач: ..увеличения размеров дворянского ополчения — главной_врennой сйльь,государства и увеличения в формирующемся дворянском сосдовии_прослойки людей, находящихся в особенно жесткой зависимости от власти.

Государственная власть и церковь. В руках государственной власти к рубежу XV—XVI вв. продолжал находиться обширный фонд «черных» земель, увеличившийся за счет конфискаций в Новгороде, Пскове и на Смоленщине, который использовался для наделения помещиков. Однако великому князю и его окружению важно было не терять доходы с «черных» земель, которые поступали в государственную казну, так как часть из них в случае раздачи пошла бы, конечно, на содержание помещиков. Поэтому

внимание власти закономерно привлек к себе обширный фонд земель, находившийся во владении церкви, который можно было бы использовать для создания новых поместий, не трогая «черные» земли.

Уже при присоединении Новгорода государственная власть наложила руку на владения архиепископской кафедры и монастырей. Дело не ограничилось конфискациями 70— 80-х гг., часть земель была отобрана у новгородских церковных учреждений еще и в 1499/1500 г. В результате церковь в Новгородской земле утратила 3/4 своих владений. Великий князь хотел бы осуществить подобные и даже заходящие значительно далее перемены в масштабе всей страны. На церковном соборе, созванном в 1503 г., Иван III, предвосхищая действия государей XVIII в., «восхоте у митрополита и у всех владык и у всех монастырей села поимати», а на свое содержание они должны были получать средства из великокняжеской казны. Это были бы механизмы выживания социума с ограниченным прибавочным продуктом. Хотя целью царя и его советников было при этом не только приобретение новых земель для поместных раздач, но и подчинение церкви светской власти, от которой церковные учреждения оказались бы в полной зависимости. Таким путем, по-видимому, хотели найти также решение конфликтных ситуаций, возникших в отношениях между государством и церковью в последние десятилетия XV в.

В борьбе за объединение русских земель великокняжеская власть и церковь действовали совместно (митрополит Филипп всем своим авторитетом поддерживал действия Ивана III, направленные против Новгорода), но, когда процесс объединения был в основном завершен, в отношениях высшей светской и церковной власти наметились перемены.

В 1478 г. великий князь нашел ошибочным практиковавшееся издревле высшим духовенством Московской митрополии хождение «посолонь» (т.е. в соответствии с движением солнца) при освящении церквей и запретил освящать таким образом построенные им храмы. Вмешательство великого князя в вопросы, традиционно относившиеся исключительно к компетенции духовной иерархии, показывало, что он желал бы быть в церкви таким же полным хозяином, как и в светской части общества.

О желании Ивана III решать самостоятельно вопросы церковной жизни, не считаясь с мнением митрополита и епископов, говорит его покровительство новгородским еретикам — так называемым жидовствующим. О самой этой ереси, как особом явлении духовной жизни русского общества, речь пойдет в разделе о русской культуре этого времени, здесь же важно отметить, что Иван III не только пригласил главных еретиков — Алексея и Дениса в Москву, но и поставил их во главе

клира кремлевских соборов — Успенского и Архангельского, что было сделано, конечно, вопреки желанию митрополита и епископов. Великий князь со «многими своими бояры и диаки» стал активно участвовать в работе созывавшихся на рубеже XV—XVI вв. церковных соборов.

Попытки Ивана III поставить церковь в полную и всестороннюю зависимость от светской власти натолкнулись на сопротивление духовенства, сплотившегося перед лицом опасности. В итоге он был вынужден отказаться и от покровительства еретикам, которых в 1504 г. сожгли по решению церковного собора, и от своих планов относительно церковной собственности. Обе стороны, однако, объективно нуждались друг в друге. Церковь хотела опираться на поддержку могущественной светской власти перед лицом экспансии католицизма и ислама, обретшего новую силу с превращением Османской империи в одну из главных мировых держав. Правители нуждались в поддержке со стороны церкви своей политики укрепления государственной власти.

Определенный modus vivendi был достигнут, хотя и не сразу, в годы правления преемника Ивана III — Василия III. Светская власть взяла на себя негласные обязательства блюсти чистоту веры и преследовать еретиков, использовать свои внешнеполитические действия для упрочения и расширения позиции православия в Восточной Европе, отказаться от посягательств на церковную собственность, а церковь проявила готовность оказывать всемерную поддержку укреплению власти тех правителей, которые придерживались таких норм отношений с церковью.

Политика тесного сотрудничества государства и церкви в первой половине XVI в. получила наиболее яркое выражение в деятельности митрополита Даниила, занимавшего митрополичью кафедру в 1522—1539 гг. Добившись осуждения духовных лиц, несогласных с позицией высшей церковной иерархии, в решении политических вопросов он был готов идти в достаточной мере навстречу желаниям великого князя (он насильственно постриг в монахини неугодную Василию III жену, дал грамоту, гарантировавшую безопасность одному из лиц, с точки зрения великого князя опасных, и не протестовал против ее нарушения, отказывался ходатайствовать за «опальных»). Епископами и настоятелями становились люди, угодные великому князю. Избранный митрополичьей кафедрой курс на тесное сотрудничество государства и церкви получил отражение не только в политической деятельности митрополита, но и в Никоновской летописи — обширном летописном своде, составленном в 20-х гг. XVI в. в митрополичьей канцелярии.

Смена норм отношений в московском княжеском доме. Укрепление

государства. Последняя четверть XV в. ознаменовалась и важными переменами внутриполитического устройства исторического ядра Русского государства — Великого княжества Московского. В середине XV в., когда Василий II составлял свое завещание, Великое княжество Московское рассматривалось еще традиционно как общее владение всех членов княжеского рода, что находило свое выражение, в частности, в том, что все они совместно владели столицей государства — Москвой. Традиционные нормы отношений предусматривали, что в случае смерти одного из членов рода удел покойного должен быть поделен между остальными его членами, и каждый из них имел право претендовать на свою долю в «примыслах» — присоединенных к великому княжеству землях. В своих владениях удельные князья были самостоятельными «государями», но их связывала с великим князем общая внешняя политика, которая была их совместным делом.

В правление Ивана III эти традиционные нормы отношений были решительно пересмотрены. Так, когда в 1472 г. скончался второй сын Василия II Юрий, его удел был целиком присоединен к владениям великого князя. При присоединении Новгорода братья тоже не получили ничего. «Новгород великий взял с ними, ему ся все подостало, а им жеребья не дал», — жаловались друг другу младшие братья Ивана III. В 1479 г., недовольные таким положением дел, его братья Иван и Борис, выступив против великого князя, «отъехали» в Литву. Иван III пошел на уступки. Братья получили некоторые земли, но о возвращении к прежним нормам речи не было. Земли были даны как «пожалования» великого князя, и никакого семейного передела не произошло. Удельные князья перестают быть участниками принятия важных политических решений, они все больше превращаются в вассалов великого князя, обязанных посылать войска в поход по его приказу. Когда в 1491 г. брат Ивана III Андрей не прислал воевод для участия в походе против татар, он был арестован и умер в тюрьме.

Пересмотр традиционных норм был закреплен завещанием Ивана III 1504 г. Василий III не только получил львиную долю земель, собранных отцом. Совладение Москвой было фактически ликвидировано. Удельным князьям запрещалось чеканить монету, своего старшего брата они должны были слушать «во всем» и по его приказу в походы «поити без ослушанья».

Новые представления о власти. Одним из главных результатов перемен второй половины XV в. стало резкое усиление роли государственной власти в разных сферах жизни древнерусского общества. Осмысление общественным сознанием происходивших перемен вело к

выработке новых представлений о характере института государственной власти и личности самого государя.

Отходили в прошлое восходившие еще к дружинным временам отношения правителя и его вассалов, основанные на неписаном контракте, взаимных обязательствах, на смену им шли отношения правителя и привилегированной части его подданных, основанные на господстве и подчинении. Эти перемены находили свое выражение в характерных изменениях терминов, обозначавших новые отношения. С последних десятилетий

XIII в. даже члены Боярской думы, обращаясь к Ивану III, стали называть себя его «холопами». Это, конечно, не означает, что они стали холопами великого князя в буквальном смысле. Но это была очевидная попытка зафиксировать перемены в характере отношений с помощью традиционной социальной терминологии, подчеркнуть, что бояре и дети боярские являются уже не вассалами, а подданными правителя.

Появлению дополнительных идеологических санкций для усиления великокняжеской власти способствовали перемены в православном мире, частью которого были русские земли со времени крещения Руси. Центром этого мира была Византийская империя, а главой — византийский император. Считалось, что на императора самим Богом возложена миссия по поддержанию порядка в мире, утверждению и распространению в нем истинной веры, и власть его, как своего рода наместника Бога на земле, была всесторонней и неограниченной. В середине

XIV в. Византийская империя пала под натиском османов, и византийский император перестал быть главой мирового христианского порядка. Были завоеваны османами или подчинены их верховной власти и другие православные государства. Единственной самостоятельной православной державой стало Русское государство.

Осмысление происшедших событий в кругах православного духовенства привело к заключению, получившему одобрение и светской политической элиты, что Русское государство стало теперь центром христианского мира, в организации мирового христианского порядка великий князь московский должен занять место византийского императора. В этой связи и власть великого князя стала рассматриваться как такая же неограниченная и всесторонняя, какой была власть византийского императора. «Царь оубо естеством подобен человеку, властию же подобен есть вышнему Богу», — писал византийский книжник VI в. Агапит о характере власти византийского императора. В начале XVI в. русский церковный деятель Иосиф Волоцкий повторил эти слова, определяя

характер власти Василия III.

Политическое объединение ранее раздробленных земель и княжеств не было уникальной особенностью русской истории. XIV—XV вв. — время формирования крупных национальных государств во многих европейских странах. Процесс этот протекал в условиях, когда развитие товарно-денежных отношений (в том числе и в сельском хозяйстве — с распространением денежной ренты), рост городов как центров товарного обращения вели к возникновению определенной общности экономической жизни, что делало подавляющее большинство населения заинтересованным в установлении политического единства. Однако говорить о существовании такой общности экономической жизни по отношению к русским землям XIV—XV вв. нет серьезных оснований. Сельское хозяйство оставалось натуральным. Сеть городов оставалась редкой, и многие из них вовсе не были сколько-нибудь крупными центрами ремесла и торговли. В торговле главное место занимало приобретение предметов роскоши для социальной верхушки, отсутствовала и крупная торговля предметами массового спроса и вложение накопленного в торговле капитала в производство... Исследователи давно обратили своё внимание на эти особенности русского исторического процесса, объясняли быстрое политическое объединение русских земель при отсутствии определенной общности экономической жизни тем, что все русское / общество в целом было заинтересовано в освобождении от золотоордынского ига. Однако при этом остается неясным, почему рост опасности со стороны османов не привел к сплочению господствующих классов Византии и балканских государств, с ростом успехов османов раздоры в их среде, наоборот, все более усиливались.

Важная особенность русского исторического процесса, отличающая его от положения в других европейских странах в XIII—XV вв., состоит-В том, что если в европейских странах ко времени образования национальных государств основным земельным фондом уже давно обладало господствующее сословие средневекового общества — дворянство;, то в Северо-Восточной Руси землевладение бояр и детей боярских находилось только на стадии формирования, охватывая сравнительно небольшую часть земельного фонда. Расширение землевладения, попытки землевладельцев изменить отношения с крестьянами в свою пользу стали наталкиваться на сопротивление сильных и сплоченных крестьянских общин.

На каком-то этапе землевладельцы в стихийном порядке стремились избавиться от влияния общины путем освоения новых земель, призывая на

них крестьян, уже не объединенных в общину. Такой вотчинник полагал, что теперь его возможность нажима на землепашца резко увеличивалась. Не последнюю роль в усилении власти землевладельца играло и ущемление в льготах возвращающихся на старое местожительство крестьян, когда-то ушедших из этих мест. При льготном освобождении от налогов государству (а нередко и повинностей в пользу вотчинника) всех новоприбывших крестьян, льготы «старожильцев»-возвращенцев по своей длительности оказывались в 1,5, 2 и даже в 5 раз меньше, чем для пришедших вместе с ними крестьян, но из других краев. Подлинный смысл этого неравноправия заключался, по мнению ряда исследователей, в том, что старожилец понимал, что он вернулся уже не на свою землю, а на землю вотчинника, диктующего свои жесткие условия. Однако рано или поздно, но крестьянская община с неизбежностью вновь возникала. Ее сплоченность, как уже отмечалось, была связана с необходимостью самых напряженных усилий, чтобы обеспечить воспроизводство и получение прибавочного продукта, очень ограниченного в своем объеме. Неудивительно, что попытки его изъятия должны были встречаться с упорным сопротивлением. Когда нажим вотчинника усугублялся сильным неурожаем или выпаханностью земель (что было часто взаимосвязано), крестьяне целыми деревнями, а нередко и десятками деревень, уходили в иные края. Иногда становились «подвижными» и сами поселения, так как подходящие земли располагались лишь вдалеке от насиженных мест. Подобные обстоятельства имели далеко идущие последствия социального и политического характера.

Развитие массовых стихийных передвижений крестьян и на частновладельческих и на государственных землях несло прямую угрозу для столь необходимого и реально развивающегося оживления хозяйственной жизни страны. Усилия самих вотчинников в конечном счете успехов не имели. Формирующееся дворянское сословие объективно нуждалось в поддержке сильной центральной власти, которая могла бы оказать мощную поддержку боярам и детям боярским в укреплении и развитии собственности на землю и обеспечении ее продуктивности. Немалую роль играли и стремления поднимающегося дворянского сословия расширить свои владения за счет «черных земель». Скорее всего именно в этих процессах следует искать причину того, что бояре и дети боярские не оказали никакого серьезного противодействия не только политическому объединению русских земель, но и той политике всемерного укрепления государственной власти, которую великокняжеское правительство стало проводить сразу после объединения. Многие из них

активно участвовали в установлении новых порядков.

Имело большое значение и другое обстоятельство. Ограниченный объем прибавочного продукта приводил к тому, что землевладелец не мог существовать только на доходы от собственного хозяйства, и поэтому нуждался во внешней поддержке, которую могла оказать ему государственная власть, перераспределяя в его пользу накопления, созданные в результате деятельности торгово-ремесленного населения города и в секторе экономики, контролировавшемся государственной властью в целом. Решения такой задачи могла добиться только сильная государственная власть.

§ 2. ФОРМИРОВАНИЕ В РОССИИ СОСЛОВИЙ И ОПРИЧНИНА ИВАНА ГРОЗНОГО

В результате централизаторской политики, последовательно проводившейся Иваном III, а затем Василием III, к началу 20-х гг. XVI в. было завершено объединение русских земель в единое государство. Теперь они представляли собой политическое целое, с единым законодательством, с аппаратом управления, подчиненным единому центру. Политика эта оказывала важное воздействие на разные социальные слои русского общества. Одни перемены происходили сразу, другие выявлялись лишь по истечении достаточно длительного промежутка времени. Это касается прежде всего объективного воздействия такой политики на внутреннюю структуру русского общества.

Социальная структура русского общества XIV—XV вв. Уже между положением отдельных социальных слоев в древнерусском обществе XIV—XV вв. существовали глубокие различия, закрепленные в соответствующих нормах права.

Эти различия давали бы возможность определять социальные слои как «сословия», главные социальные общности, на которые делилось население европейских стран в период развитого и позднего Средневековья. Однако в XIV—XV вв. эти слои распадались на большое количество мелких групп, отличавшихся друг от друга по положению и не связанных между собой. Различались по своему статусу «бояре» — владельцы вотчин и «слуги» — обладатели условных владений. Воины-землевладельцы служили многим государям и их приближенным. Положение каждого из них имело свои индивидуальные особенности,

связанные с характером его отношений со своим «государем» и местом этого «государя» в системе феодальной иерархии. Отсюда наличие у каждой из этих групп своих особых интересов. Духовные лица зависели одни от церковных иерархов, как это предусматривали нормы канонического права, другие — от своих светских патронов. Большие различия существовали в положении разных групп городского населения. Города делились на части («дельницы») между князьями, в них существовали многочисленные слободы, население которых не входило в состав посадской общины. В одних жило «служилое население», работавшее на нужды княжеского хозяйства, в других — торговцы и ремесленники, подданные крупных светских и церковных землевладельцев.

Централизация власти и консолидация сословий. Централизаторская политика великих князей московских, объединивших под своей властью разные города и земли, вела к ликвидации локальных особенностей, к сближению положения локальных и разрозненных групп, к выработке норм права, определявших положение отдельных социальных слоев в общегосударственном масштабе. Дети боярские (так со второй половины XV в. стал называться господствующий социальный слой древнерусского общества) служили теперь одному государю — великому князю московскому, и служба ему определялась общими для всех нормами. Правда, существовали различия между наследственным владением — вотчиной и условным владением — поместьем, но постепенно все более широким становился круг лиц, которые одновременно владели и вотчинами, и поместьями. Возросла социальная однородность городского населения. Население бывшей служебной организации прежних государей, в услугах которого великие князья московские не нуждались, стало включаться в состав черной посадской общины. Кроме того, с конца XV в. великие князья, заинтересованные в росте числа налогоплательщиков, стали осуществлять так называемое посадское строение, ограничив размеры свободных от тягла частных владений в городе и даже включив в состав посада ряд слобод, принадлежавших частным лицам.

Такая политика великих князей, направленная на укрепление их власти и увеличение доходов, привела к важным, не предвиденным ими последствиям. Нивелировка положения людей, принадлежавших к определенным социальным слоям, стала объективной предпосылкой для формирования сословий. Общие черты в положении людей, принадлежавших к одному социальному слою, способствовали осознанию ими общих интересов, появлению у них представлений о необходимости объединения для защиты этих интересов. Первоначально такие

представления складывались на локальном уровне, в рамках города или уезда. Толчком к тому, чтобы такие локальные группы детей боярских или горожан стали выступать в защиту своих сословных интересов, стали события, происходившие в Русском государстве в 30—40-е гг. XVI в.

Сословия и кризис традиционной системы управления. К этому времени на территории Русского государства сохранялась традиционная архаическая система управления с помощью раздачи городов и волостей в кормление советникам князя — боярам и вассалам меньшего ранга — детям боярским. Такая система управления была тягостна для населения, так как временщик-кормленщик рассматривал свою должность наместника или волостеля как источник доходов. Ее отрицательные стороны были усилены в конце XV — первой половине XVI в. политикой правительства. В небольшом княжестве кормленщик был лицом, хорошо известным местному населению, его владения находились неподалеку, здесь жили его соседи и знакомые. С объединением русских земель правительство, заинтересованное в том, чтобы его представители на местах проводили его политику и не были связаны с местным обществом давало кормление, как правило, не в тех местах, где находились владения кормленщика. В этих условиях у кормленщика не было никакого желания щадить незнакомых ему людей. Правда, одновременно правительство, как отмечалось выше, принимало ряд мер, которые должны были ограничить возможность злоупотреблений со стороны кормленщиков. В частности, кормление давалось, как правило, на краткий срок (1—2 года), и по окончании срока можно было жаловаться на кормленщика в великокняжеский суд. Однако в обстановке, сложившейся в России в конце 30—40-х гг. XVI в., этих мер оказалось недостаточно.

Когда в 1533 г. на престоле оказался малолетний Иван IV — 8-летний ребенок, власть в стране стала объектом борьбы боярских кланов. Захватив власть, тот или иной клан раздавал кормления своим приверженцам, и те могли не беспокоиться, что им придется отвечать за свои действия. В результате поборы с населения в пользу наместников и волостелей резко увеличились. Псковский летописец записал об одном из наместников Пскова этих лет: «... князь Андрей Михаилович Шуйский... а он был злодеи, в Пскове мастеровые люди все делали для него даром, а болшии люди подаваша ему з дары». Особенно усилились злоупотребления наместников своей судебной властью. Покровительством наместников пользовались «поклепцы» — люди, которые по их наущению возбуждали дела против богатых людей. Одним из излюбленных приемов выколачивания денег было подбрасывание в богатые дома краденых вещей

или трупов, а обвиненные в воровстве или убийстве должны были платить высокие штрафы. Кормленщики не гнушались и сотрудничеством с уголовными элементами, которые делилась с ними своей добычей. Не следует думать, что злоупотребления касались только крестьян й посадских людей. Известно, что в годы боярского правления и «детем боярским чинилися силы и продажи и обиды великие в землях и в холопех».

Реакцией на злоупотребления стали требования уездных объединений детей боярских, посадских людей в городах и крестьянских волостей передать проведение судебных расследований и самого суда из рук волостелей и наместников в руки их выборных представителей. Уже в конце 30-х гг. население отдельных уездов сумело добиться того, что расследование дел о разбойниках и их наказание стало делом выборных представителей местного населения — губных старост (в обычных уездах это были выборные дети боярские, в городах — выборные посадские люди, на черносошных землях — выборные «лучшие» крестьяне). Как отметил псковский летописец, во Пскове «бысть крестьяном радость и лгота велика от лихих людей и от поклепец и от наместников» после того, как псковичи получили право «лихих людей обыскивати».

Вынужденные делать уступки требованиям населения, стоящие у власти боярские кланы стремились все-таки вернуть их. Так, во Пскове «бысть тишина и не на много и паки наместницы премогоша». Такой образ действий власти только содействовал росту напряженности. Между населением и кормленщиками началась своего рода «малая война». Как отмечалось в официальной летописи царствования Ивана IV, в ответ на злоупотребления кормленщиков «градов и волостей мужичья (!) многие коварства содеяша и убийства их людем». Кульминацией кризиса стало восстание населения Москвы в июне 1547 г. Один из главных руководителей государства, дядя царя князь Ю. Глинский, признанный ответственным за злоупотребления, по приговору «мира» был убит, и тело его брошено на торгу, как поступали с осужденными преступниками.

Реформы 50-х гг. XVI в. Переход власти на местах к представителям сословий. Эти драматические события способствовали тому, что к концу 40-х гг. XVI в. произошла консолидация правящей элиты вокруг тех сил, которые понимали необходимость реформ, связанных с учетом требований населения. Первые важные решения были приняты на созванном в феврале 1549 г. так называемом соборе примирения. Озабоченный положением молодой правитель призывал обе стороны, кормленщиков и население, не прибегать к насилию и обещал лично рассматривать все поступающие жалобы. Было объявлено о подготовке

нового свода законов — «Судебника», что должно было обеспечить населению справедливый суд. При этом имелись в виду прежде всего интересы господствующего социального слоя — детей боярских. Указом, изданным сразу после созыва собора, они были освобождены от суда наместников. В остальном государственная власть еще пыталась (сохранить традиционную систему управления, ограничиваюсь лишь новыми мерами против злоупотреблений наместников. Устанавливались строгие санкции за неправедный суд и взятки: возмещение ущерба пострадавшему, тройное (или двойное) возмещение судебных издержек, заключение в тюрьму. Тщательно регламентировались размеры всех судебных пошлин. Снова подчеркивалось, что в суде наместника в обязательном порядке должны участвовать «лучшие мужи» из местного населения. Составители «Судебника», изданного в 1550 г., требовали письменной записи всех этапов судебного дела, при этом запись должна была делаться в двух экземплярах: один должен был храниться у наместника, а другой — у земского дьяка, представителя местного населения. Даже задержанных по обвинению людей слуги наместника не имели права «к собе ...сводити» и заключать в оковы, не «явив» их предварительно «лучшим мужам», которые «в суде сидят». Однако удержать реформу в намеченных рамках не удалось. Уже в 1551— 1552 гг. в отдельных черных волостях и Центра и Севера власть на местах стала передаваться выборным представителям местного населения. Эти перемены встретились с сильным сопротивлением. После взятия Казани Иван IV, по свидетельству официальной летописи, «кормлении пожаловал всю землю», т.е. раздал города и волости в кормление отличившимся при взятии Казани боярам и детям боярским. Население, однако, не желало подчиняться наместникам, постоянно вспыхивали конфликты, и в 1555— 1556 гг. государственная власть приступила к проведению так называемой земской реформы. Старая система управления была ликвидирована на основной территории государства, она сохранилась лишь в пограничных районах и на землях только что присоединенного Среднего и Нижнего Поволжья. Суд и управление населением на черносошных землях и в городах перешли в руки земских старост и земских судей, выбиравшихся сельскими и городскими общинами. Именно эти выборные представители населения стали с середины 50-х гг. XVI в. органами власти на местах.

На землях, где преобладало землевладение детей боярских, расширилась компетенция выборных представителей местных землевладельцев — губных старост, круг их обязанностей заметно расширился, выйдя за рамки собственно полицейских функций. Например,

в августе 1556 г. на них была возложена обязанность «беречи накрепко, чтоб у них пустых мест и насилства християном от силных людей не было». Так и выборные представители детей боярских постепенно становились представителями власти на местах.

Все эти перемены были следствием того, что разные социальные слои русского общества к середине XVI в. представляли собой общности людей не только с одинаковыми условиями существования, но и осознающие свои особые интересы и способные заставить власть с этими интересами считаться.

Консолидации городского — посадского — населения способствовало фактическое признание государственной властью монопольного права посадской общины на занятия торговлей и ремеслом на территории города. Владения светских собственников и церкви в городе сохранялись, но в них не должны были жить торговцы и ремесленники. 91-я статья «Судебника» 1550 г. устанавливала: «А торговым людем городским в монастырех не жити, а жити им в городских дворех, а которые торговые люди учнут жити на монастырех, и тех с монастырей сводите». Посадские люди при этом получили право «людей ис тех дворов вывозити да сажати в свои старые дворы». Осуществить полностью эти постановления не удалось, но само их появление было, несомненно, результатом активной борьбы посадского населения, отстаивавшего свои интересы. Тогда же произошло освобождение горожан от военной службы. В 1550-х гг. на смену военным ополчениям, выставлявшимся городами в случае войны, пришло стрелецкое войско — пехота, вооруженная огнестрельным оружием, которая постоянно несла военную службу. Стрельцы жили на территории городов, но в состав городской посадской общины не входили.

Формирование органов сословного самоуправления духовенства. Происходившие перемены нашли свое отражение в жизни духовенства. Решениями церковного собора 1551 г., «Стоглава», была осуждена практика выдачи «несудимых грамот», и все приходское духовенство и монастыри были починены административно-судебной власти епископов, что содействовало консолидации духовенства в единую социальную общность и обеспечивало церкви определенную автономию перед лицом государственной власти. Раньше епископы управляли подчиненными им духовными лицами через своих чиновников — бояр и десятинников, «кормившихся» за счет приходских священников. После решений собора 1551 г. ряд важных функций внутрицерковного управления перешел в руки выборных представителей приходского духовенства — «поповских старост». Они должны были наблюдать за образом жизни священников и

правильностью совершения обрядов, собирать с них налоги в епископскую казну, участвовать в суде архиерейских чиновников и получили право обжаловать их неправильные решения. Таким образом, и в среде духовенства ряд важных функций местного управления перешел в руки выборных представителей.

Особенности формирования сословного общества. Все это говорит о том, что в 50-е гг. XVI в. в России был сделан важный шаг по пути к образованию «сословного общества». Отдельные социальные слои русского общества стали превращаться в сословия — общности людей, соединенных не только общими условиями существования, но и сознанием общих интересов, которые они активно отстаивали. В социальной структуре общества четко обозначились сословие воинов-землевладельцев — дворянское, городское сословие — посадские люди, сословие духовных лиц — духовенство и, наконец, крестьянское сословие. Они обладали своей организацией и своими органами самоуправления, к которым перешел в 50-е гг. XVI в. ряд важных функций местного управления. Такие явления в жизни русского общества имеют очевидное сходство с процессом формирования сословий в других странах средневековой Европы, где аналогичные процессы протекали в более раннее время.

Вместе с тем процесс зарождения сословного общества протекал здесь в иных исторических и природно-климатических условиях, чем в других европейских странах. В ряде европейских стран (например, у западных соседей Древней Руси — в Польше, Чехии, Венгрии) формирование сословного общества вело к тому, что с расширением функций органов сословного самоуправления происходило сокращение или замораживание размеров государственного аппарата, сокращалось количество постоянных налогов, а для сбора всех других требовалось согласие выборных представителей сословий, дворяне освобождались от ряда обязанностей, связанных с несением военной службы.

Рост государственных налогов и реформа налогообложения. В России середины XVI в. картина была существенно иной. Реформы 50-х гг. сопровождались не сокращением, а ростом государственных налогов. Уже под 1547 г. новгородский летописец отметил: «Царь и великий князь велел дань имати с сохи 12 рублев, и от того крестьяном тягота была великая». «Судебник» 1550 г. прокламировал отмену жалованных грамот, дававших владениям церкви и светских землевладельцев освобождение от главных государственных налогов («тарханов»). Это установление было проведено в жизнь при пересмотре жалованных грамот в 1551 г. Были увеличены размеры одной из главных повинностей («ямских денег»), а ряд

повинностей заменен денежными платежами, что привело к резкому увеличению денежных поступлений в пользу государства. По расчетам исследователей, размер денежных выплат в 50-е гг. увеличился в 4,5 раза.

Особенно увеличился налоговый гнет после отмены кормлений. За освобождение от власти наместников и волостелей население волостей и посадов было обложено новым налогом — «кормленым окупом», т.е. своеобразным выкупом за отмену кормлений. Собранные средства действительно в значительной своей части выплачивались кормленщикам как своеобразная компенсация за потерянные ими доходы. Выплаты эти производились из особых приказов — «четвертей» по распоряжениям власти, и это ставило в зависимость от нее ту верхушку формирующегося дворянского сословия, которая ранее получала кормления.

Была проведена перестройка и унификация системы налогообложения с повсеместным введением новой единицы поземельного обложения — «большой московской сохи». В состав «большой московской сохи» входило определенное количество четвертей земли, разное для земель разного качества. Вся земля делилась по качеству (в зависимости от плодородия) на «добрую», «середнюю» и «худую». Так, на «черносошных» землях в состав «большой сохи» входило 500 четвертей «доброй», 600 четвертей «середней» и 700 четвертей «худой» земли. Тем самым тяжесть налогообложения приводилась в определенное соответствие с хозяйственными возможностями налогоплательщиков. Вместе с тем для разных видов собственности был установлен разный размер «большой сохи». Так, в «большую соху» должно было входить на поместных и вотчинных землях 800 четвертей «доброй» земли, на монастырских землях — 600 четвертей, на «черных» землях, как уже отмечалось, 500 четвертей. Таким образом, все виды земли должны были вносить налоги в государственную казну, но один и тот же по величине налог платили с разной площади пашни: например, монастыри и дети боярские уплачивали налоги с большего количества пашни (и населения), а черные крестьяне — с меньшей пашни и населения.

Укрепление центрального государственного аппарата. В ходе реформ 50-х гг. XVI в. произошло также значительное расширение и укрепление центральных органов государственного управления. Уже в конце XV — первой половине XVI в. в ходе практической деятельности стали складываться группы чиновников, постоянно занятых рассмотрением определенного круга дел.

К середине 50-х гг. XVI в. был сделан новый большой шаг по пути развития центрального государственного аппарата — были созданы

специальные органы управления отдельными видами деятельности, называвшиеся первоначально «избами» (от названия построек, специально поставленных для них в Кремле), а затем — приказами. Так, в 1549 г. был организован Посольский приказ — ведомство иностранных дел Русского государства.

К середине 50-х гг. XVI в. образовались два ведомства, занимавшиеся организацией и обеспечением военной службы: Разрядная изба (Разрядный приказ), ведавшая учетом военных назначений и организацией вооруженных сил Русского государства, и Поместная изба, заседавшие в которой дьяки наделяли поместьями тех, кто исправно нес военную службу, и лишали поместий нерадивых. Поместный приказ вел работу по организации писцового описания земель для последующего их обложения налогами.

Наряду с ними возникли и новые финансовые органы, ведавшие сбором налогов, как, например, Приказ Большого Прихода. В него постепенно стала поступать и им распределялась большая часть поступлений в государственную казну. Особые учреждения — «четверти» занимались сбором «кормленого окупа» и надзором за органами местного сословного самоуправления. Тогда же, в середине 50-х гг., начинает впервые упоминаться Разбойная изба, которой подчинялись занимавшиеся борьбой с разбойниками губные старосты.

Эти органы должны были осуществлять надзор над органами самоуправления на местах. Так, сведения о выборах губных старост должны были направляться в Разбойную избу, откуда им посылали наказы, подробно регламентировавшие их деятельность. Старосты должны были постоянно сообщать в избу о своей деятельности, в частности отправлять сведения о судьбе имущества казненных разбойников. Население прямо побуждалось жаловаться в Москву на бездеятельность старост и их дурные поступки. Если бы жалобы подтвердились, старосту обещали «казнити без милости». Подробными наказами из «четвертей» должны были руководствоваться и выборные люди из числа посадских людей и крестьян — земские старосты и земские судьи. За недобросовестное исполнение обязанностей им угрожали еще более суровые наказания — смертная казнь и конфискация имущества. На земских старост, кроме того, возлагалась ответственность за исправный сбор государственных налогов.

«Уложение о службе». Не произошло и никакого облегчения служебных обязанностей дворянства. Сын боярский, как и ранее, должен был являться на службу по получении приказа, а за неявку или недобросовестное исполнение службы мог утратить поместье. Более того,

было установлено, что не только помещик, но и вотчинник должен в обязательном порядке нести службу. Правда, были приняты меры к тому, чтобы служба находилась в определенном соответствии с материальными возможностями светских землевладельцев. Цель эта была достигнута после проведения в 50-х гг. новых писцовых описаний, сопровождавшихся точным измерением размеров владений и определением степени ихлозяйственной освоенности. В середине 50-х гг. XVI в. было принято «Уложение о службе», в котором устанавливалось, что каждый сын боярский, независимо от того, владеет он вотчиной или поместьем, должен был выставить «со ста четвертей (50 десятин) добрые утожей земли человек на коне и в доспесе полном, а в далной поход о дву конь». В 1556 г. в полках, собранных на Оке, был проведен целый ряд смотров, чтобы выяснить готовность и способность детей боярских нести службу по этим нормам. Сам царь Иван IV в Серпухове «смотрил свой полк, бояр и княжат, и детей боярьскых, людей их всех, да уведает государь свое войско, хто ему служит». В официальной летописи с удовлетворением было отмечено, что после этого численность дворянского ополчения сильно возросла, так как ранее «многие бо крышася, от службы избываше», но царь заставил их служить.

Противоречивый характер реформ 50-х гг. Результаты реформ 50-х гг. XVI в. оказались противоречивыми. С одной стороны, был сделан важный шаг по пути формирования «сословий» как общественных структур со своими органами самоуправления, которые стали фактически органами власти на местах. Это означало определенное ограничение государственной власти в пользу сословных органов. С другой стороны, одновременно были сделаны важные шаги для увеличения материальных ресурсов, находящихся в распоряжении государственной власти, расширен и укреплен центральный аппарат, стремившийся подчинить своему контролю органы местного самоуправления. Сохранялась сильная служебная зависимость дворянства от государственной власти. Русское государство оказалось на своего рода историческом перекресте/Развитие могло пойти по пути европейского типа, пути дальнейшего расширения прав сословий, возникновения вдополнение **к** органам сословного самоуправления на местах органов сословного представительства в общегосударственном масштабе и превращения России в сословно-представительную монархию, где власть монарха была бы серьезно ограничена сословиями. Но развитие могло пойти и по иному пути — по пути дальнейшего усиления центральной власти и полного и всестороннего подчинения формирующихся сословий власти государства и его аппарата.

Историческое значение деятельности Ивана IV состояло в том, что с помощью жестоких, насильственных мер он направил развитие страны по, второму пути.

Иван IV: политические взгляды и русская действительность. Иван IV стал правителем России в трехлетнем возрасте, после смерти отца, Василия III, и, по его собственным словам, «возрос на государстве». Воспитанный в духе представлений об особой миссии, возложенной самим Богом на русского правителя, о его власти — всесторонней и ничем не ограниченной, молодой правитель стал горячим приверженцем такого представления о власти и доказывал в написанных им сочинениях, что только при сильной единоличной власти правителя государство может развиваться и бороться с внешней опасностью. Такому развитию его взглядов содействовало то, что в 1547 г. он, в отличие от своих предшественников, великих князей, был коронован царским венцом как глава всего христианского мира, задачей которого является освобождение православных и утверждение православия.

Важность задачи, возложенной на царя, по убеждению его и современников, самим Богом, была дополнительным основанием для того, чтобы требовать от подданных абсолютного повиновения. Царя поэтому не могли устроить ни старые полупатриархальные нормы отношений правителя с кругом его советников, основанные на своего рода неписаном контракте, ни новые отношения, складывавшиеся с формированием политически активных сословий, когда пришлось бы запрашивать их мнение при решении важных политических вопросов и считаться с ним.

Отречение Ивана IV от царства. Опричный режим. Раскол дворянского сословия. Стремясь к укреплению своей единоличной власти, Иван IV зимой 1564/1565 г. осуществил в стране своего рода политический переворот. Забрав с собой царскую казну, Иван IV выехал в свою летнюю резиденцию — Александрову слободу (ныне г. Александров Владимиркой области). Оттуда он прислал в Москву грамоты с заявлением, что отрекается от царства, так как его духовные и светские советники не желают добросовестно помогать ему в управлении государством и не позволяют наказывать виновных, поэтому он не может успешно защищать «православное христианство» от внешних врагов. За спиной царя стояли выехавшие с ним в Александрову слободу многочисленные дети боярские — его сторонники; в его поддержку выступили посадские люди Москвы, выражая готовность «потребить» царских «лиходеев» и «изменников». Растерявшиеся советники были вынуждены поехать в слободу и просить царя вернуться на царство и править им так, как он считает нужным.

С этого времени в стране установился новый политический порядок. За царем было официально признано право наказывать «непослушников» (вплоть до смертной казни и конфискации имущества), не считаясь с мнением советников, по своему произвольному решению. Казни начались вскоре после возвращения царя в Москву.

Страна разделилась на две части — своего рода личные владения царя, получившие название «опричнина», и остальная территория, названная «земщиной». Раздел страны сопровождался разделением на две части и дворянского сословия. Одна часть его, которую царь удостоил своим доверием, должна была поселиться на его личных землях, образуя личное войско. Если удел царя назывался опричниной, то эти бояре и дети боярские стали называться опричниками. Они ходили в черной одежде, к седлам их коней были приторочены песьи головы и метла в знак того, что они должны выслеживать и «выметать» из* страны изменников. Царь наделил их особыми правами и привилегиями, выделявшими опричников из массы остальных бояр и детей боярских, которые должны были поселиться в земщине. Какое-либо общение между опричниками и земскими запрещалось.

Раскол дворянского сословия был необходим Ивану IV, чтобы обеспечить опору для проведения своей политики. С точки зрения царя, такое решение наиболее отвечало его интересам. Привилегированный статус опричников приводил к возникновению противоречий между ними и основной массой дворянства, привилегий не имевшей. Обязанные своим возвышением власти монарха, опричники оказывались заинтересованными в ее сохранении и укреплении. Вряд ли такие действия царя могли привести к успеху, если бы в России к середине XVI в. сложилось единое дворянское сословие с четким сознанием общности своих интересов. Тогда его предложения, вероятно, не нашли бы сторонников в рядах дворянства, но в России середины XV в. дворянское сословие находилось на начальной стадии своего формирования.

Переселяясь на территорию царского «удела», опричники должны были оставить свои поместья в земских уездах, но могли сохранить за собой вотчины. Что касается бояр и детей боярских, которые оставались в земщине, то при переселении из взятых в опричнину уездов они теряли все свои прежние владения — и поместья, и вотчины, а вместо них должны были получить другие на новом месте. Массовое переселение землевладельцев с одной территории на другую («вывод») широко использовалось великими князьями московскими для подавления оппозиции при объединении русских земель. Теперь эта мера была

использована Иваном IV по отношению к дворянству исторического ядра Русского государства — его Центра.

Царь отдавал себе отчет, что его действия, наносящие ущерб многим сотням людей, вынужденных покидать насиженные места и отправляться в далекие и незнакомые края, могут вызвать массовое недовольство детей боярских — вооруженных и организованных людей. Поэтому с самого начала неотъемлемой частью опричного порядка стал херрqр, который должен был в зародыше подавить возможное недовольство. Установление опричного порядка сопровождалось открытой ликвидацией тех неписаных норм, которые долгое время определяли отношения царя и его высокопоставленных вассалов. Разумеется, и ранее за измену карали смертной казнью и конфискацией имущества, но такое решение могло приниматься только после открытого расследования, во время которого обвиняемый мог сказать все, что считает нужным в свое оправдание. Кроме того, церковные иерархи обладали правом «печаловаться» за виновных и добиваться их помилования. Теперь же царь единоличным решением устанавливал, кто является изменником, и казни происходили без суда и следствия. Со временем репрессии все усиливались. Вместе с «изменниками» стали казнить членов их семей и слуг.

Установленный порядок давал царю возможность лишать родовой собственности и отправлять в новые владения в незнакомые места тех отдельных людей или целые их группы, кого Иван IV считал опасным для своей власти.

Какая же часть дворянского сословия вызывала наибольшие опасения царя, против кого в первую очередь был направлен опричный режим?

Борьба Ивана IV против княжеских родов. Главным объектом опричной политики стали члены княжеских родов — потомков Рюрика, исторически образовывавшие самый верхний, наиболее привилегированный слой в составе дворянского сословия России.

Еще до начала опричнины Иван IV отобрал владения у «верховских князей» — Воротынских и Одоевских, сидевших в своих городках на верхней Оке как полусамостоятельные «государи», затем ряд этих городков он включил в состав своего опричного «удела».

При образовании опричного удела он включил в его состав и Суздаль, и суздальские князья должны были оставить свои родовые вотчины. Уже в первый год опричнины (1565) царь приказал сослать на земли недавно завоеванного Поволжья — в Казанский, Свияжский и Чебоксарский уезды — ростовских, ярославских и большое количество стародубских князей. Их родовые земли начали «отписывать на государя». Правда, в следующем,

1566 г. царь возвратил князей из ссылки и вернул им часть их вотчин, но владели они ими недолго. В январе 1569 г. «взял царь и государь князь великий Иван Васильевич Ростов град и Ярославль в опричнину», и родовые владения ростовских и ярославских князей были у них окончательно отобраны.

Что было причиной конфликта между Иваном IV и этой частью знати? Царь обвинял потомков бывших государей в том, что они угрожают единству государства, желая восстановить прежние княжества. Про одного из них, князя Андрея Курбского, отъехавшего в Литву, он так прямо и писал, что тот хотел «в Ярославле государити». Вероятно, и сам царь не верил в справедливость этих обвинений. Само поведение княжат в годы «боярского правления», когда у них была реальная возможность попытаться осуществить такие планы, показывает, что они были далеки от чего-либо подобного.

Настоящие причины конфликта позволяют понять особенности положения этой группы знати в рамках формирующегося дворянского сословия. Члены княжеских родов — потомков Рюрика занимали самое высокое положение на лестнице сословной иерархии. В Московской Руси XVI—XVII вв. военные и административные назначения производились в соответствии с «породой» — благородством происхождения. В таких условиях происхождение князей от Рюрика, их родство с самим монархом давало им преимущественное право на занятие самых высоких военных и административных должностей.

Не меньшее значение имело и другое обстоятельство. Как уже отмечалось, землевладение московских боярских родов образовалось сравнительно недавно — в XIV—XV вв. Владения даже наиболее знатных лиц были разбросаны по многим уездам, не образуя крупных компактных комплексов. Напротив, родовые владения князей располагались компактно на территориях их бывших княжеств. Это делало их господствующей социальной группой на данных землях, превращало князей в центр притяжения для местных землевладельцев, которые и так по традиции смотрели на князей как на своих предводителей.

Кроме того, следует иметь в виду, что в глазах людей, принадлежавших к тому же роду, что и сам царь, личность монарха не была окружена таким ореолом, как в глазах других слоев дворянства. «История о великом князе московском» (своеобразная, резко критическая биография Ивана IV), написанная князем Андреем Курбским, принадлежавшим к роду ярославских князей, содержит целый ряд свидетельств того, что в этой среде сохранялось критическое отношение ко многим поступкам

московских государей, которые, объединяя русские земли, неоднократнскнарущали и нормы, принятые в отношениях между князьями, и даже нормы морали.

Эти особенности социального положения и сознания объективно способствовали тому, что княжеская аристократия могла стать ядром консолидации дворянского сословия в борьбе за упрочение и расширение его сословных прав. Меры, предпринятые Иваном IV, привели к резкому ослаблению ее силы и влияния и исключили возможность такого развития.

Политика «выводов» светских землевладельцев. Политика Ивана IV, направленная на разделение дворянского сословия на две части, вела к тому, что «выводы» светских землевладельцев с одних территорий на другие охватили широкий круг лиц далеко не только представителей знати, но и многие сотни рядовых детей боярских. Переселения происходили не только в первые годы опричнины, но и в последующие годы, когда Иван IV стал расширять территорию своего опричного «удела». Все это вело к неоднократным переменам традиционного состава землевладельцев на многих территориях. Помимо того, что с помощью переселений Иван IV «подбирал» детей боярских, которые должны были стать опорой его власти, они имели для него и его советников другое значение. Поселяя на одной и той же территории землевладельцев, ранее никак не связанных друг с другом, они ослабляли сплоченность уездных дворянских объединений, которые становились неспособными отстаивать свои интересы перед лицом власти. Не случайно переселения увеличились после того, как дети боярские из «земщины» подали в 1566 г. коллективную челобитную об отмене опричнины.

Переселения имели и другие важные объективные последствия, наложившие свой отпечаток на дальнейшее развитие отношений между дворянским сословием и государственной властью. «Выводившийся» из определенного уезда сын боярский, как говорилось выше, терял все свои владения. На новом месте он мог рассчитывать на получение соответствующего его положению поместья вместо того, которое у него отобрали. Так, известно, что несколько сотен высланных из Костромского уезда детей боярских получили поместья в Новгородской земле. Царь вовсе не собирался в условиях, когда Русское государство во второй половине XVI в. вело постоянные войны, подрывать боеспособность главной военной силы страны — дворянского ополчения, а детей боярских нужно было обеспечить землей с крестьянами, чтобы они могли нести службу. Но с утраченной вотчиной дело обстояло иначе. Формально сын боярский и в этом случае мог рассчитывать на компенсацию, но государство об этом не

заботилось, поиск компенсации был делом самого бывшего вотчинника. Как читаем в одном из документов, царь «велел против тое вотчины в иных городех дата, где приищет».

В итоге во многих случаях бывшему владельцу так и не удавалось получить новую вотчину взамен утраченной. Таким образом, количество вотчин в руках светских землевладельцев стало уменьшаться. Кроме того, в условиях нестабильности и репрессий многие вотчинники стали передавать свои земли почитаемым монастырям, рассчитывая найти за их стенами приют и спасение. Государственная власть посягала на вотчинную собственность и там, где не было опричных «выводов». Так, в конце 60-х гг. XVI в. у вотчинников Рязанского уезда была отобрана половина их владений, чтобы раздать их в поместья переселенцам из взятых в опричнину уездов.

Террор как характерная черта опричного режима. Опасаясь мятежа детей боярских, царь проявлял особую заботу об укреплении своей безопасности. Его резиденции в разных местах страны были сильно укреплены, столица его опричного удела — Александрова слобода превращена в неприступную крепость. Одновременно царь использовал все более жестокие меры для подавления недовольных.

Террор особенно усилился с осени 1567 г., когда царь получил сведения, что недовольные земские бояре хотели бы видеть на троне его двоюродного брата, князя Владимира Андреевича. Главного среди недовольных, боярина Ивана Петровича Федорова, царь сам заколол И сентября 1568 г. Тело убитого было брошено в навозную яму. После этого Иван IV с опричниками объехал расположенные в разных уездах страны вотчины И. П. Федорова. Опричники убивали боярских слуг, истребляли скот, сжигали боярские дворы с находившимися там запасами хлеба. Против массовых казней десятков и сотен человек выступил глава русской церкви — митрополит Филипп, который во время торжественного богослужения в Успенском соборе потребовал справедливого суда над обвиненными и наказания клеветников, по доносам которых производились казни. По требованию царя 4 ноября 1568 г. собор епископов сместил Филиппа с митрополичьей кафедры, затем он подвергся публичному поруганию и был заточен в Тверском Огроче монастыре, где его позднее задушил главный палач царя Малюта Скуратов. Осенью 1569 г. царь приказал отравить князя Владимира Андреевича Старицкого вместе с его семьей.

Особенно жестокие меры были предприняты в отношении Новгорода и Новгородской земли, когда к царю поступили сведения, что новгородцы

якобы хотят перейти под власть великого князя литовского и польского короля Сигизмунда II Августа. Когда в начале января 1570 г. царь с опричным войском подошел к Новгороду, начавшиеся здесь преследования и казни далеко превзошли все, что было до этого. Приказной аппарат, управлявший Новгородской землей, был истреблен почти полностью. Вместе с приказными людьми подверглись казни многие приближенные новгородского архиепископа и новгородские дети боярские. По Новгородской земле ходили отряды опричников, сжигая усадьбы «изменников» вместе с находившимися там запасами хлеба и скотом. Иван IV наложил свою тяжелую руку и на новгородское духовенство. Казна новгородских монастырей была конфискована, а затем монастырских старцев поставили на правеж и били палками, требуя от них денег. Наконец, царь забрал себе все товары, находившиеся в амбарах и лавках на новгородском торге, а дома посадских людей были разграблены опричниками. Так, карая «изменников», царь одновременно добывал средства, необходимые для ведения Ливонской войны.

Причины отмены опричнины. Одной из важных черт опричного режима было то, что опричники были фактически поставлены над правом. Все судебные споры с земскими людьми автоматически решались в их пользу. Опричники вообще освобождались от ответственности за действия, совершенные по отношению к жителям «земщины». Все это вело к росту злоупотреблений и произвола. Так, не считаясь с установленными законом сроками и правилами крестьянских переходов, опричники силой увозили к себе крестьян из владений земских детей боярских. Со временем злоупотребления, грабежи и насилия опричников приобрели такой размах, что под угрозой оказалось сохранение элементарного порядка в стране. Царь был вынужден провести расследование, наглядно показавшее размер ущерба, нанесенного стране действиями опричников.

К этому следует добавить, что с конца 60-х гг. в опричном дворе начались раздоры между отдельными группами опричных приближенных Ивана IV, которые, стремясь взять верх над соперниками, обвиняли их в измене. В 1570—1571 гг. имели место казни многих видных деятелей опричного двора — одних как «изменников», других как повинных в злоупотреблениях. Все это подорвало убежденность царя в верности и надежности его опричных слуг. Осенью 1572 г. разделение страны на две части было ликвидировано. Был восстановлен единый государев двор. Однако полного возвращения к доопричным порядкам не произошло. Владельцы вотчин, утраченных в годы опричнины, получили право хлопотать об их возвращении. Но осуществить это право на практике было

непросто хотя бы потому, что новым владельцам следовало предоставить компенсацию. К тому же и время, когда можно было предпринимать такие хлопоты, оказалось недолгим. Осенью 1575 г. царь снова разделил страну на две части.

Восстановление в стране режима, подобного опричнине. Снова значительная часть страны была выделена в особый удел царя, получивший теперь название «двора», со своим особым двором, особым войском и особыми органами управления. Снова проводился набор детей боярских в особый «двор» и особое «войско». Заслужившие доверие царя переселялись на земли царского удела, а не заслуживших «выводили» в «земские» уезды. Таким образом, практика массовых переселений детей боярских во второй половине 70-х гг. XVI в. возобновилась. «На подъем» для нового особого царского войска «земщина» выплатила в 1576 г. 40 тыс. руб. В эти годы получила продолжение и политика, направленная против родового землевладения княжеской знати. В 1580 г. царь приказал «стародубским князем за их вотчины денги давати из нашие казны, а их вотчины в поместья раздавати». Все это дает основание охарактеризовать режим, установившийся в стране осенью 1575 г., как «новую опричнину». Этот порядок сохранялся до кончины Ивана IV, последовавшей 18 марта 1584 г.

Итоговое изменение характера отношений между властью и сословиями. К каким же важным объективным переменам в жизни общества и в сфере отношений общества с властью привела политика Ивана IV Грозного? Его политика привела к настоящему разгрому родового землевладения княжеской знати. В первой половине 'XVII в. в руках князей — потомков Рюрика в Суздале, Ростове, Ярославле и Стародубе сохранились лишь обломки их родового землевладения.

Другим, очень важным итогом всех этих перемен стал резкий рост удельного веса поместных земель в общем землевладении русского дворянства. Это землевладение безраздельно господствовало на окраинах, но даже на территориях Центра государства, где исстари существовало вотчинное землевладение, доля вотчин в общем фонде земель, находившихся во владении детей боярских, стала совсем незначительной: в Романовском уезде — 6%, в Малоярославецком — 5%. К концу XVI в. русский сын боярский превратился в помещика — владельца земли, принадлежавшей государству, которой он мог пользоваться лишь до тех пор, пока оно было довольно его службой. Все это означало превращение Дворянства в> «служилое» сословие, подчиненное контролю и руководству государственной власти/Так было разрешено противоречие, наметившееся

в историческом развитии России в результате реформ 50-х гг. XVI в,

Изменение характера отношений между государственной властью и сословиями закономерно вело к изменению характера местного управления, которое после реформ 50-х гг. перешло к органам сословного самоуправления. Старые органы самоуправления сохранялись, но с 70-х гг. XVI в. все более подчинялись руководству, представителей власти, снова назначавшихся в Москве и оттуда присылавшихся. Первоначально они носили разные названия — «приказных людей», «судей»и т.д. У «приказных людей» и «судей», присутствие которых постепенно становилось постоянным, со временем формировался и собственный аппарат из дьяков и подьячих. Все эти перемены подготавливали создание так называемой воеводской системы управления, когда судебно-административная власть на территории уезда была сосредоточена в руках «воеводы» — присылавшегося из Центра боярина или сына боярского, не связанного с местным населением и проводившего политику, угодную государственной власти.

Не осталась в стороне от происходивших перемен и церковь. В годы опричнины решения церковного собора 1551 г., обеспечивавшие определенную автономию церкви перед лицом государства, были фактически отменены: Иван IV снова стал выдавать «несудимые грамоты», подчинявшие отдельных духовных лиц и целые их группы его власти и одновременно освобождавшие их от судебно-административной власти епископов. В годы опричнины объектом террора стали и многие духовные лица. Царь не только смещал с кафедр, но и казнил вызвавших его недовольство церковных иерархов. Например, одного из высших церковных иерархов, новгородского архиепископа Леонида, зашив в медвежью шкуру, травили собаками. Царь налагал руку и на церковную казну: так, в 1574/1575 г. по его приказу из Троице-Сергиева монастыря были изъяты деньги и драгоценная утварь, пожертвованная обители его предшественниками, церковными иерархами и боярами. Хотя церковь сохранила свои земельные владения и даже умножила их за счет вкладов скрывавшихся от репрессий вотчинников, но, как и другие сословия русского общества, она оказалась подчиненной жесткому контролю и руководству со стороны государственной власти.

Отношение дворянства к политике Ивана IV и опричнине. Что же сделало возможным такой поворот в развитии страны? Почему политика Ивана IV, многочисленные казни и переселения не встретили организованного вооруженного сопротивления со стороны «земских» детей боярских, привыкших владеть оружием и обладавших своими органами

самоуправления?

Несомненно, важную роль сыграли представления о царе как главе всего христианского мира, облеченном самим Богом миссией утверждения и распространения в нем православной веры. В свете этих представлений выступление против царя воспринималось как преступление не только политическое, но и религиозное. Имело значение и то, что в сильной государственной власти дети боярские видели единственную защиту от опасности, исходившей от внешнего, враждебного мира.

Однако имели место и другие важные причины. Дети боярские нуждались в сильной государственной власти, которая могла бы превратить фонд государственных «черных» земель в их владениями помочь им подчинить своей власти крепкую и сплоченную крестьянскую общину) А в этом отношении правительство Ивана IV оправдывало их надежды. Так, оно продолжало практику раздачи в поместья «черных» земель, начатую предшественниками царя. Именно в годы опричных переселений производились массовые раздачи «черных» земель помещикам во многих уездах Центра.

Кроме того, малая продуктивность сельского хозяйства и небольшие размеры поместий сплошь и рядом создавали такую ситуацию, когда сын боярский нуждался для более или менее сносного существования в материальной поддержке. Такую поддержку ему могла оказать лишь сильная государственная власть, способная подчинить себе сектора народного хозяйства, лежащие за рамками поместных земель, и изымать из них средства, направлявшиеся затем на материальную поддержку дворянского сословия.

Действие всех этих факторов привело к тому, что за вычетом тех немногих людей, которые, как князь Андрей Курбский, не желая мириться с политикой царя, бежали в Литву, основная масса детей боярских мирилась с ограничением своих прав со стороны самовластного монарха.

Несомненно, Ивану IV удалось во многом пересмотреть нежелательные для него результаты реформ 50-х гг. XVI в. и значительно усилить свою власть, но удалось ли ему превратить все общество в массу людей, готовых покорно выполнять распоряжения царя и его преемников?

В том, что дело обстоит не так и терпение_дворянства имеет свои границы, сам Иван IV мог убедиться в конце своего правления, в последние годы Ливонской войны. Долголетняя война разорила страну, наряду с доходами других групп населения упали и доходы помещиков, многие из которых были вынуждены буквально" бороться за свое существование. В этих условиях стало нарастать пассивное сопротивление дворянства

политике царя, нашедшее свое выражение в массовом уклонении от военной службы. Практика эта приняла столь широкие размеры, что обычные меры (как, например, лишение сына боярского поместья за неявку на службу) оказались неприменимыми. В конце 1580 г. царь был вынужден созвать представителей сословий, чтобы решить, продолжать войну или заключать мир. Правда, такие совещания царь собирал и раньше. Так, в 1566 г. он уже призывал к себе представителей дворянства и московского купечества для решения вопроса о войне или мире с Великим княжеством Литовским. Но тогда речь шла о том, чтобы показать противнику — Сигизмунду II, что русские сословия поддерживают политику царя, и все совещание шло по заранее подготовленному сценарию. Однако в 1580 г. положение было иным. Представители дворянства заявили, что они не в состоянии нести службу с разоренных поместий, и ходатайствовали о заключении мира. И мир вскоре был заключен. Когда после смерти Ивана IV близкие к покойному царю люди пытались сохранить опричный порядок, в Москве вспыхнуло восстание. Находившиеся в городе дворянские отряды и горожане Москвы осадили Кремль, и разделение страны на две части было ликвидировано.

Другие итоги политики Ивана IV, однако, не были пересмотрены и наложили глубокий отпечаток на положение разных слоев русского общества на отношения с властью на рубеже XVI—XVII вв.

Глава 13. РУССКОЕ ОБЩЕСТВО ПЕРЕД СМУТОЙ

Многочисленные грамоты «Смутного времени», авторы которых то обращались к русскому обществу, то выступали от его имени, позволяют судить о том, как люди этого времени представляли себе структуру общества, его основные части.

Главным, основным делением общества, разграничивавшим его на две разные части, было деление на «служилых людей» и «жилецких людей». Таким образом, одна часть общества несла «службу» государству, а другая обеспечивала своим трудом возможность первой нести эту службу. Эта терминология вовсе не была случайной. В ней находил отражение характер русского общества конца XVI — начала XVII в. как общества «служилого», где права и привилегии той или иной социальной группы были связаны с той «службой», которую соответствующий «чин» нес в полбзу государства.

«Служилые люди» в свою очередь делились на «служилых людей по отечеству» и «служилых людей по прибору».

«Служилые люди по отечеству» — это совокупность бояр и детей боярских, дворянское сословие, господствующая социальная группа русского общества. Их наименование «служилыми людьми» говорит о том, что и дворянство окончательно после преобразований времени Ивана IV стало «служилым» сословием. Наименование «служилыми людьми по отечеству» означало, что дети боярские обладали наследственным правом на свою «службу», и это право признавалось государственной властью. Эта «служба» была военной службой в рядах дворянской конницы или службой на руководящих должностях в административном аппарате. За «службу» правитель наделял детей боярских и бояр землей с крестьянами. «Чин» «служилых людей по отечеству» имел сложную иерархическую структуру, постепенно сформировавшуюся на протяжении конца XV—XIV в.

Знать перед Смутой. Высший слой дворянского сословия образовывала знать — члены нескольких десятков княжеских и боярских семей, обладавших исключительным правом на занятие высших военных и административных должностей, в частности только принадлежавшие к этому кругу лица могли входить в состав высшего органа государственного управления — Боярской думы, где вырабатывались все важные политические решения. Иван IV, стремясь ослабить позиции знати, включил в состав Думы группу своих приближенных — худородных детей

боярских — как «думных дворян» и пытался опираться на них при управлении страной. Но после его смерти монопольное право знати на высшие государственные должности было восстановлено.

Вместе с тем после перемен, происходивших в годы опричнины, сам характер этой знати принципиально изменился. Родовое землевладение знати, бывшее традиционно опорой ее власти и влияния, было в значительной своей части уничтожено. Окружавшие царя вельможи оставались крупными землевладельцами, но родовые вотчины составляли лишь небольшую часть их земель. Их владения складывались главным образом из поместий и так называемых выслуженных вотчин, полученных от царя за службу и разбросанных по всей территории страны. Родовая знать тем самым превратилась в знать служилую.

Этим перемены в положении знати не ограничились. Еще в первой половине XVI в. знатные люди были связаны с местными дворянскими корпорациями в тех местах, где находились их владения. Молодые отпрыски аристократических семей обычно начинали службу в составе этих объединений. В правление Ивана IV эти связи были разорваны. Молодые аристократы начинали свою службу сразу с придворных должностей, и вся дальнейшая жизнь была тесно связана со столицей государства — Москвой и двором монарха. Власть брала на себя значительную часть расходов, связанных с пребыванием знати в столице (ее потребности обслуживали значительные группы «служилого» населения), но знатные лица должны были постоянно находиться в Москве и могли посещать свои владения лишь по специальному разрешению царя с обязательством вернуться к назначенному сроку, в случае нарушения виновного могло постигнуть суровое наказание. Таким образом, местное население (а в его числе и провинциальное дворянство) видело того или иного вельможу лишь тогда, когда он прибывал управлять уездом или городом как представитель центральной власти, проводник ее интересов, или когда, приехав в Москву для решения дел, сын боярский сталкивался с этим вельможей в одном из приказов, где приходилось терять время и давать взятки. Все это способствовало зарождению антагонизма между провинциальным дворянством и «сильными людьми», сидевшими в Москве. В таких условиях служилая знать была заинтересована в сильной центральной власти как гаранте сохранения за ней монопольного права на высшие государственные должности. Она хотела бы лишь прекращения беззаконных опал и репрессии, приобретения элементарных гарантии сохранения жизни и имущества.

Такая «служилая» аристократия, утратившая связи излияние на

местах, не могла выступать организатором каких-либо коллективных выступлений недовольного дворянства против центральной власти. Но у создавшейся ситуации была и другая сторона: не располагая связями и влиянием на местах, аристократия не могла выступать как амортизирующий элемент в случае возникновения волнений на периферии государства.

Провинциальное дворянство накануне Смуты. Происшедшее отделение верхушки дворянского сословия — знати от основной массы ее представителей — провинциального дворянства имело еще одно важное объективное последствие: консолидацию местных дворянских корпораций, объединений детей боярских — землевладельцев уезда, связанных общими хозяйственными интересами и совместно несущих военную службу. Эти дворянские объединения стали лучше осознавать свои интересы, когда в их состав стали входить люди сходного общественного положения — мелкие и средние землевладельцы.

В ряде отношений политика власти в XVI в. была благоприятной для провинциального дворянства. В раздачу помещикам постоянно давались и «черные» земли, и земли, заселенные «служилым» населением, в услугах которого больше не нуждались. На поместных землях, удельный вес которых все более увеличивался, государство поддерживало помещика в его борьбе с крестьянской общиной, строго предписывая крестьянам выполнять хозяйственные распоряжения землевладельца. Вместе с тем дворянство понесло серьезный ущерб от опричных репрессий и переселений. Еще больший ущерб нанесла дворянству политика власти, которая привела к хозяйственному разорению страны во второй половине XVI в. Разорение страны означало и уменьшение доходов детей боярских, которые в 80-х годах XVI в. сплошь и рядом оказывались неспособными нести службу с запустевшего поместья. Благодаря увеличению фонда запустевших земель во второй половине XVI в. обычным явлением стало несоответствие между «окладом» служилого человека, т.е. количеством земли с крестьянами, которое ему полагалось за его заслуги, и реальным размером поместья.

В последние десятилетия XVI в. государство принимало меры, чтобы помочь землевладельцу справиться с последствиями разорения. Одной из таких мер стал указ 1591 г. об освобождении от налогов барской запашки. Положение улучшилось, но оставалось неустойчивым и снова ухудшилось, когда в 1601— 1603 гг. разразился голод. Поскольку «сильные люди» в Москве перестали пользоваться авторитетом в глазах дворянской массы, перед провинциальным дворянством возникла необходимость

коллективных самостоятельных действий, чтобы добиться от верховной власти помощи прежде всего для улучшения материального положения.

Различия корпораций Центра и окраин. Положение отдельных дворянских корпораций в структуре общества было неодинаковым в разных регионах государства.

Следующий за знатью верхний слой дворянского сословия составляли члены «государева двора» — «дворяне» (в том значении, какое имело это слово в XVI в.). Если представители знати занимали главные военно-административные должности, то остальные, менее значимые (воевод в небольших городах, военачальников менее значительного ранга и др.) — члены «двора». Им же выплачивали из «четверти» жалованье из средств, взимавшихся с населения за отмену кормлений. Низший, наиболее многочисленный слой в составе «двора» образовывали «выборные дворяне» — дети боярские, принадлежавшие к верхушке местных дворянских корпораций и «выбиравшиеся» властью из их среды для несения служб в составе «двора». Институт «выборных дворян» был каналом связей между властью и провинциальным дворянством, особенно важным, когда эти связи между ним и знатью были разорваны.

Однако своих представителей в составе «двора» имели лишь дворянские корпорации исторического Центра государства. Дворянство окраин — Северо-Запада и Запада, Среднего и Нижнего Поволжья, южных уездов — своих представителей в составе «двора» не имело. Помимо общих, характерных для всей массы провинциального дворянства причин для недовольства, дворянство окраин было недовольно своим неравноправным положением, отстранением своих корпораций от какого-либо участия в осуществлявшемся в столице распределении благ и должностей.

Духовное сословие накануне Смуты. Формально оно занимало первое место на лестнице московских «чинов», что на самом деле не отвечало его действительному месту в обществе. Установившееся в годы опричнины подчинение церкви царской власти продолжало сохраняться и в последние десятилетия XVI в. Многолетний глава церкви, сначала московский митрополит, а затем патриарх Иов (1587—1605) был на этом посту послушным исполнителем предписаний власти. Здесь характерным является поведение Иова, когда в 1589 г. решался важный вопрос об учреждении московской патриархии, которая стала теперь полностью равноправной с патриархиями христианского Востока. Иов не принимал никакого участия в переговорах по этому вопросу с посетившим Москву константинопольским патриархом Иеремией, в них участвовали лишь

светские советники царя Федора, сына Ивана IV.

Церковь сохранила земельные владения, и богомольный царь Федор оказывал щедрую материальную помощь многим церковным учреждениям. Однако возможность расширения владений церкви была сильно затруднена решением собора 1580 г., запретившего церковным учреждениям покупать земли или получать их в качестве вкладов. Хотя по форме это было решение церковного собора, в действительности оно было продиктовано светской властью, стремившейся к тому, чтобы «земля из службы не выходила». Таким же образом было принято решение собора 1584 г. об отмене «тарханов» — грамот, освобождавших владения наиболее почитаемых монастырей от уплаты основных государственных налогов. Оба установления неоднократно нарушались, но все же само их появление означало изменение положения церкви к худшему. Хотя отдельные авторитетные настоятели монастырей и известные аскетическими подвигами старцы продолжали пользоваться высоким уважением, длительное и тесное сотрудничество церковной иерархии во главе с патриархом со светской властью вело к тому, что общество переставало воспринимать эту иерархию как авторитетную и самостоятельную силу.

Новый слой — «служилые люди по прибору». Помимо «служилых людей по отечеству» важный социальный слой русского общества составляли «служилые люди по прибору». Уже само название показывает, что эта социальная группа занимала на лестнице сословной иерархии гораздо более низкое место. О каком-либо их праве на службу речи не шло, это были люди, которых власть «выбрала» для несения нужных ей служб. Исторически «служилые люди по прибору» были преемниками «служилого населения» XIV—XV вв. Как и их предшественники, они не несли тягла и даже получали жалованье за свою службу. Однако состав этого социального слоя в конце XV—

XVI в. существенно изменился, что было связано с необходимостью решения новых задач, возникших перед Русским государством. При проведении активной внешней политики оно столкнулось с необходимостью реформировать свои военные силы для успешного противоборства с соседями.

К середине XV в. вооруженные силы великих князей московских состояли из дворянского ополчения и пехотных ополчений, выставлявшихся городами. Такие ополчения участвовали еще в походе русских войск на Казань в 1469 г. Опыт первых войн с западными соседями показал, что русской армии необходима пехота, вооруженная огнестрельным оружием. Поэтому с начала XVI в. на города была

возложена обязанность выставлять для участия в походах отряды «пищальников», вооруженных огнестрельным оружием — «пищалями». Подготовка городских жителей, которых от случая к случаю мобилизовывали для участия в походах, оставляла желать лучшего. В 50-х гг. XVI в. была проведена важная военная реформа: из состава городского населения были «прибраны» люди, образовавшие трехтысячное стрелецкое войско — вооруженную огнестрельным оружием пехоту, которая должна была бьщъ постоянно готова нести военную службу. Они были освобождены от посадского тягла и получали жалованье за «службу». Стрельцы ценили свой особый привилегированный статус, выделявший их из среды остального посадского населения. Вместе с тем в свободное от службы время стрельцы, как и ранее, занимались торговлей и ремеслом и должны были, как и посадские люди, уплачивать торговые пошлины при продаже своих товаров. Эти особенности положения стрельцов сближали их интересы с интересами остальных горожан.

Еще более остро в русской армии ощущалась необходимость в артиллерии, поэтому очень рано, уже во второй половине XV в. были созданы новые группы «служилого населения» — пушкари (положение их было близко к положению стрельцов) и мастера, занимавшиеся литьем пушек. В конце XV в. в Москве был создан Пушечный двор, где было налажено литье пушек в широких для того времени масштабах. Ряд пушек, отлитых мастерами Ивана III, сохранился до настоящего времени. Первоначально работой Пушечного двора руководили приглашенные из-за границы иноземцы, но постепенно их сменили русские мастера. Наиболее известным из них был Андрей Чохов, отливший в 1586 г. одно из наиболее крупных артиллерийских орудий своего времени — «Царь-пушку» весом в 38400 кг. Литье пушек было сложным производственным процессом, разделенным на ряд этапов, и требовало участия в нем на разных этапах мастеров разных специальностей. По организации производства Пушечный двор был схож с мануфактурами, возникавшими в XVI в. в передовых странах Западной Европы. Однако в отличие от последних Пушечный двор был казенным предприятием и целью производства не было получение прибыли. Для работавших на нем мастеров их занятие было «службой», за которую они, как и другие служилые люди, получали постоянное жалованье.

Рост роли артиллерийского огня в войнах с западными соседями ставил правителей России и перед решением другой важной задачи — необходимостью строительства каменных крепостей, способных этому огню противостоять. Для решения этой задачи было создано специальное

учреждение «Приказ каменных дел», которому были подчинены мастера каменных дел и кирпичники по всей территории государства. Они размещались в особых слободах и по получении задания отправлялись к месту, стройки на казенных подводах и обеспечивались на месте жильем и инструментами. В случае необходимости в одном месте могли быть собраны мастера со всей России. Так строился в конце XVI в. смоленский кремль. Каменных дел мастера стали еще одной группой «служилого населения». Так, сталкиваясь с новыми задачами и располагая ограниченными ресурсами, русская монархия решала их традиционным, привычным способом, создавая для удовлетворения новых нужд новые группы служилого населения, а земли, населявшиеся «ордынцами», которые обслуживали ранее татарских послов, или княжескими охотниками — «перевесниками» и «тетеревниками» раздавались той же властью в поместья.

Но каменщики или мастера Пушечного двора составляли лишь небольшую часть «служилых людей по прибору». Подавляющей частью населения этой категории был военно-служилый люд, составлявший повсеместно весомый компонент в составе населения русских городов. Особенно многочислен был военно-служилый люд на Юге, где необходимо было постоянно организовывать защиту от набегов татар. Здесь «служилые люди по прибору» составляли едва ли не основную массу городского населения и значительную часть населения сельского.

Другая, большая часть общества — «жилецкие люди» — делилась на жителей «посада» — торгово-ремесленного населения городов и крестьян.

Изменения в деятельности русского купечества в XVI в. Конец XV — первая половина XVI в. — время общего хозяйственного подъема было и благоприятным временем для развития русских городов. В этот период наметились важные изменения в сфере международной торговли, которые стали оказывать влияние и на развитие русской экономики. XVI столетие стало временем, когда у сильно урбанизированных стран Западной Европы появился растущий спрос на продукты сельского хозяйства из стран Восточной Европы. Из России в этом столетии вывозились на европейский рынок не только такие традиционные товары, как меха и воск, но также кожи, сало, лен, пенька — товары массового спроса. Навстречу с Запада шел наряду с драгоценными дорогостоящими тканями поток гораздо более дешевых сукон, также рассчитанных на массовое потребление и уже не являвшихся своего рода предметами роскоши. На Волжском пути в торговле с Ираном, помимо традиционных товаров — мехов и воска, все большее значение приобретал вывоз кож и изделий из дерева. На развитии

русской экономики расширение экономических связей сказалось прежде всего тем, что стимулировало развитие ряда ремесленных отраслей, в частности связанных с обработкой кож и льна. Благодаря этим сдвигам, а также развитию товарно-денежных отношений внутри страны (оно нашло свое выражение, в частности, в появлении значительного количества мелких торговых поселений — торжков); приобрела значение крупная торговля предметами массового потребления.

Богатый купец XVI в. торгует уже не только необходимыми социальной элите предметами роскоши, но и в крупных масштабах продает и Покупает товары массового потребления. Более того, он уже начинает прилагать усилия для установления контроля за производством некоторых из этих товаров. Примером такого богатого купца второй половины XVI в. может служить Аника Федорович Строганов. Одним из источников его богатства, как у его исторических предшественников — «гостей» XIV—XV вв., была скупка мехов у народов Севера. Такими мехами он, в частности, снабжал царский двор. Однако главным источником его богатства была торговля солью принадлежавших ему варниц в Сольвычегодске, Перми и на побережье Белого моря. Соль в больших размерах продавалась в Вологде, Казани и приокских городах. А. Ф. Строганов постоянно добивался увеличения количества принадлежавших ему варниц, скупая их даже по частям. Конечно, концентрация варниц в руках Строганова не вела к каким-либо переменам в характере производства, и главные доходы приносила ему не эксплуатация варивших соль работных людей, а торговля ею, но все же появление такого типа богатого купца было для русской экономики явлением новым.

Городское сословие и политика власти. Политика власти в середине XVI в. была благоприятной для городского сословия. Уже говорилось о выгодах, которые приобрели посадские городские общины с проведением земской реформы. Кроме того, государство вело даже войны, чтобы улучшить условия торговли для русских купцов по Волжскому и по Балтийскому пути. Эти положительные для посадских людей стороны государственной политики во второй половине XVI в. были в значительной степени сведены на нет из-за непомерного роста государственных налогов, что привело не только к обеднению горожан, но к началу 80-х гг. XVI в. и к их массовому бегству с традиционных мест обитания. Бегство приняло столь широкие размеры, что государственная власть, обладая крайне ограниченными ресурсами, установила запрет для переходов горожан с одного места на другое и пыталась использовать насильственные меры для возвращения тяглецов на старые места. В этих мерах государственной

власти ярко отразился ее взгляд на горожан как на неравноправное, подчиненное, «податное» сословие.

Очевидным ущемлением интересов горожан было и установление «воеводской» системы управления, что сопровождалось введением поборов в пользу этих представителей власти, злоупотреблениями воевод, смотревших на посадское население как на источник извлечения доходов, и упадком значения городских органов самоуправления.

Правда, интересам горожан отвечало проводившееся на рубеже XVI—XVII вв. «посадское строение», когда власть включала в состав посадской общины находившиеся на территории города слободы светских землевладельцев и церкви или переселяла их жителей на посад. Но власть поступала так не потому, что она считалась с интересами горожан, страдавших от конкуренции привилегированных частновладельческих ремесленников, а потому, что увеличение размеров посадской общины вело к росту числа налогоплательщиков-тяглецов, в чем так остро нуждалось государство.

Под воздействием государственной власти подверглась серьезным изменениям во второй половине XVI в. внутренняя структура городского сословия.

Изменение положения верхов городского сословия. В это время, в условиях постоянно идущей войны и начавшегося хозяйственного разорения, для государственной власти стала особенно острой проблемой мобилизация финансовых средств для решения различных вопросов внешней и внутренней политики.

Один из путей к решению проблемы был найден в 70-е гг. XV в. с созданием особого купеческого чина — «гостей» (эти «гости» отличались по своему положению от «гостей» XIV — первой половины XVI в.) и особых купеческих объединений — «гостиной сотни» и «суконной сотни». Путем различных мер (в том числе и принудительных переселений в Москву) в состав чина и объединений была включена наиболее состоятельная часть русского купечества со всей территории России — верхи городского сословия. Этот круг людей был освобожден от обязанности «тянуть тягло» вместе с остальным посадским населением и наделен рядом особых прав и привилегий (так за «гостями» было закреплено право владеть землей с крестьянами). Одновременно на «гостей» и членов «сотен» была возложена обязанность выполнять «службы», которые обеспечили бы исправное поступление государству необходимых для него финансовых ресурсов. Так, они должны были заниматься организацией исправного сбора торговых пошлин, продавать с

выгодой для государства «казенные товары», в частности меха, взимавшиеся в виде дани с занимавшихся охотничьим хозяйством народов Севера, Поволжья, а затем и Сибири. Сохранение или улучшение привилегированного статуса прямо зависело от того, какого размера «прибыль» сможет принести «гость» или член «гостиной сотни» государственной казне. Такая «мобилизация» купечества, продлившаяся на века и не имеющая аналогов в других европейских странах, вызывалась спецификой социума с ограниченным объемом совокупного прибавочного продукта, необходимостью сосредоточить в руках все имевшиеся в стране скромные ресурсы, чтобы иметь возможность противостоять внешним противникам.

Наделенный такими «службами» купец фактически становился достаточно высокопоставленным государственным чиновником по финансовым делам, интересы которого оказывались, по существу, противоположны интересам той посадской общины, к которой он ранее принадлежал. Так, если посадские люди были заинтересованы в уплате возможно меньших торговых пошлин, то «гость» или член «сотни» был, напротив, заинтересован, чтобы они были возможно более высокими, чтобы казна имела возможно более значительную прибыль. В этих условиях посадское население смотрело на «гостей» и членов «сотен» не как на верхушку своего сословия, а прежде всего как на служащих государственного аппарата.

Проведенная реформа удачно обеспечила финансовый аппарат монархии опытными кадрами, но одновременно влияние богатого купечества — верхов городского сословия — на посадское население резко упало. В случае возникновения волнений привилегированное купечество, несмотря на его хозяйственную состоятельность, оказалось бы не в состоянии оказать серьезное влияние на городское население. Таким образом, и в городской среде традиционный механизм социальной амортизации был серьезно ослаблен, и это в условиях, когда у посадского населения был ряд серьезных причин для недовольства своим положением.

Крестьянство России перед Смутой. Наиболее значительные перемены произошли на протяжении XVI в. в положении большинства населения страны — крестьянства. Вопервых, благодаря постоянным поместным раздачам большая часть обширного фонда «черных» земель и в Центре, и на Северо-Западе была роздана помещикам. Впервые в русской истории во второй половине XVI в. большая часть крестьян в этих регионах стала проживать на частновладельческих землях. Главными фигурами русского средневекового общества окончательно стали

землевладелец, боярин или сын боярский, и зависимый крестьянин, подчиненный его судебно-административной власти и обязанный вносить ему оброк и выполнять для него различные работы. Поместные раздачи совсем не коснулись крестьянских хозяйств Русского Севера, который оставался краем черносошного крестьянского землевладения. Здесь земледелие не было главной, господствующей отраслью хозяйства, не меньшую, если не большую роль играли охота и промыслы.* Природные условия не позволяли организовать здесь владельческое хозяйство, которое в XVI в. постепенно становилось важнейшей неотъемлемой частью каждого земельного владения сына боярского.

Возникновение барщины и отношения между землевладельцем и крестьянином. Во-вторых, на протяжении XVI в. по всей стране стало утверждаться владельческое хозяйство, основанное на принудительном труде не только холопов, но и крестьян. Немалую роль сыграли при этом статьи Судебников 1497 г. и 1550 г., вынуждавшие крестьян в течение года безотказно подчиняться воле господина. Работы в таком хозяйстве резко отличались от практиковавшейся ранее распашки «десятинной» пашни. Теперь барское поле было четко отделено от крестьянских полей; добротные семена и удобрения выдавались из господского хозяйства; обработка барского поля производилась гораздо более тщательно и в оптимальные сроки, указанные господином, и под надзором его служащих; наконец, с разверсткой барщинных работ в определенном размере на каждое крестьянское хозяйство. Примерно до середины XVI в. господская запашка составляла 14—17% от всей пашни. Действия 'землевладельцев по заведению барщинного хозяйства поддерживала на поместных землях своим авторитетом государственная власть. В «ввозных грамотах» — документах, в которых крестьян извещали о передаче их помещику и перечисляли их обязанности по отношению к новому владельцу, с середины XVI в. указывалось: «И вы б все крестьяне... пашню его пахали, где собе учинит». Во второй половине века барское поле уже достигало 25—50% всей пашни.

Введение господской барщины стало началом нового важного этапа во взаимоотношениях землевладельца и крестьянина. Это означало гораздо более сильное, чем ранее, подчинение крестьянина власти господина, его прямое вмешательство в хозяйственную деятельность крестьянина, что раньше не имело места. Создание основанного на крестьянском труде барщинного хозяйства было для землевладельца необходимостью, если он хотел повысить качество продукции и увеличить доходы своего хозяйства. Лишь концентрация большого количества рабочих рук в течение короткого

времени могла в известной мере ослабить влияние неблагоприятных климатических условий. Однако процесс заведения детьми боярскими барщинного хозяйства был ускорен под воздействием и некоторых других факторов.

«Хозяйственный кризис» и крестьянство. Становление барщинного хозяйства происходило во второй половине XVI в. в существенно иной ситуации, чем в первой половине столетия. Это были условия «хозяйственного разорения», или «экономического кризиса». Последнее название, хотя и часто встречающееся в научной литературе, является неверным. Хозяйственное разорение второй половины XVI в. было вызвано внешними причинами, не имевшими какого-либо отношения к самому состоянию сельского хозяйства.

Главной причиной хозяйственного разорения второй половины XVI в. стал резкий рост государственных налогов в условиях постоянных войн, которые вело в этот период Русское государство. На протяжении 50—60-х гг. XVI в. налоги, судя по писцовым описаниям Новгородской земли, увеличились в два раза. Суровые природные условия, в которых приходилось работать крестьянину, не позволяли ему делать значительные накопления. В таких условиях столь значительный рост налогов создавал для крестьянского хозяйства серьезные трудности, которые были усилены разразившейся в начале 1570-х гг. эпидемией чумы, в южных и западных районах к этому добавились бедствия войны. Не выплативших налоги крестьян ставили на «правеж», вымогая у них уплату недоимок с помощью ежедневных телесных наказаний. Крестьяне разорялись и бросали свои хозяйства. В условиях начавшегося запустения государство, желая возместить убыль доходов, стало увеличивать налоги с еще обрабатываемой земли. К 1582—1585 гг. государственные налоги повысились еще на 80%, в последние годы Ливонской войны к этому добавились чрезвычайные поборы, которые царские «посланники» вымогали с большой жестокостью. Все это закономерно вело к дальнейшему запустению.

Писцовые описания Новгородской земли начала 80-х гг. XVI в. рисуют страшную картину. Запустела большая часть земельного фонда, население составляло 9—10% от проживавших здесь в начале XVI в. Но и в других районах страны разорение было весьма значительным. Оно прямо сказывалось на доходах помещиков, тем более что большую часть производимого в крестьянском хозяйстве приходилось в виде налогов отдавать государству.

Формы сопротивления крестьян росту налогов. Отметим еще одно

немаловажное обстоятельство. Одной ид. форм сопротивления крестьян росту налогового гнета стало сокращение до минимума размеров земельных наделов — пахотной земли, которая облагалась налогами. Для этого был использован механизм деления при писцовых описаниях хозяйственных угодий на «живущее» и «пустое». В ряде случаев «живущее» сокращалось до размеров приусадебного участка. Помимо реального использования «пустого» крестьяне пытались обеспечить свое существование таиными распашками и покосами или арендой пашни, которая облагалась по пониженным налоговым ставкам. Эти действия крестьян наносили ущерб интересу не только государства, но и землевладельца, также взимавшего свой оброк с обрабатываемой крестьянами земли. В таких условиях привлечение крестьян к работе в барском хозяйстве становилось для землевладельца своеобразным способом выживания, который мог бы обеспечить ему, его семье и челяди минимальный уровень потребления.

Сокращение площади подотчетных тягловых земельных наделов было не единственным проявлением реакции крестьянства на резкое усиление налогового гнета. Будучи не в состоянии уплатить «царевы подати», крестьяне бросали свои наделы. Одни уходили на южные и восточные окраины государства — в пограничные районы, где власть, заинтересованная в притоке рабочей силы для их освоения, давала переселенцам налоговые льготы. За счет переселенцев умножались ряды военно-служилого люда на Диком поле. Другие, используя право крестьянских переходов, уходили во владения церкви и влиятельных вельмож, которые, пользуясь налоговыми льготами, могли обеспечить крестьянину лучшие условия существования. И то и другое вело к оскудению казны и разорению главной военной силы государства — дворянского ополчения.

В конце Ливонской войны, после насилий, с которыми царские «посланники» вымогали чрезвычайные поборы, уход крестьян с традиционных местоуюживания стал приобретать повсеместный и массовый характер. Поэтому уже в начале 80-х гг. государственная власть стала осуществлять ряд мер, которые должны были помешать нежелательным массовым перемещениям крестьян.

«Заповедные годы». Начало формирования крепостного права. С начала 80-х гг. стали проводиться новые писцовые описания отдельных уездов, продолжавшиеся до начала 90-х гг. Писцы осуществляли сыск беглых тяглецов и предпринимали попытки вернуть их на старые места. С глав крестьянских семей, записанных в писцовые книги, брали письменные

обязательства, что они не уйдут со своего места «до государева указа». Так на территории охваченного писцовым описанием уезда устанавливался временный запрет крестьянских переходов («заповедные годы» с 1581 г. и вплоть до 1592 г.). С завершением к началу 90-х гг. писцовых описаний временный запрет крестьянских переходов был установлен на основной территории Русского государства.

Установленный как временная мера, вызванная к жизни чрезвычайными обстоятельствами, запрет этот в дальнейшем так и не был отменен. Дело не только в том, что определенная хозяйственная стабилизация, достигнутая после окончания войны, в условиях сравнительно долгого мира была достаточно непрочной и большая часть запустевших в годы хозяйственного разорения земель оставалась необработанной. Еще большее значение имело то обстоятельство, что для развития барщинного хозяйства, полного раскрытия заложенных в нем возможностей было необходимо подчинение крестьянина власти землевладельца, гораздо более сильное, чем ранее. Отмена крестьянского перехода, лишившая крестьянина законной возможности добиваться улучшения своего положения путем смены владельца, несомненно содействовала укреплению этой власти. Пока запрет переходов касался только внесенного в писцовую книгу главы крестьянской семьи и сам он был «крепок» земле, а не господину, его движимое имущество было его собственностью, а не собственностью землевладельца. Вполне возможно, что при Федоре был издан указ, распространивший запрет переходов и на остальное население крестьянского двора (1592). Эта мера означала важный шаг по пути к формированию в России крепостного права — такой системы отношений, при которой и сам крестьянин, и “его имущество рассматриваются как собственность землевладельца.

В 1597 г. был установлен пятилетний срок, в течение которого землевладелец имел право разыскать и вернуть себе беглого крестьянина. Правда, такой розыск был делом самого землевладельца, и закон не устанавливал никаких санкций для нового владельца за прием беглого, но это установление было еще одной мерой, направленной на укрепление зависимости крестьянина от землевладельца. Само принятие такого установления яснее, чем что-либо другое, показывало, что к концу XVI в. запрет крестьянских переходов рассматривался уже как постоянная, а не временная мера. Таким образом, гипотеза о прикреплении крестьян к земле указом 1592 г. весьма вероятна.

Особенности формирования крепостнических отновцений в России. Раннее Новое время в истории восточной части Европы — это

время, когда везде на территории этого региона формировались крепостнические отношения с такими характерными для них чертами, как передача господину всей полноты судебно-административной власти над крестьянином, личная зависимость крестьянина от господина, запрет крестьянских переходов. Формирование крепостнических отношений в таких странах, как Польша, Чехия, восточная часть Германии и ряд других, было тесно связано с образованием здесь фольварка — основанного на принудительном барщинном труде хозяйства, производившего сельскохозяйственные продукты (прежде всего — зерно) для сбыта на западноевропейском рынке. В России XVI—XVII вв., с достаточно низким уровнем развития товарно-денежных отношений и господством натурального хозяйства, очень ограниченным объемом производившегося в сельском хозяйстве прибавочного продукта, для создания такого хозяйства не было условий, особенно — в последние десятилетия XVI в. во время хозяйственного разорения. Здесь формирование крепостнических отношений было также тесно связано с созданием барщинного хозяйства, но не для организации товарного сбыта продукции, а первоначально для выживания хозяйства землевладельца в условиях разорения, а затем для увеличения общего объема производившегося прибавочного продукта, что способствовало бы поступательному развитию страны. Установление новых порядков, приводивших к социальному принижению крестьянина, ограничению его хозяйственной самостоятельности, принудительному отрыву от работы в собственном хозяйстве, наталкивалось на сопротивление сильной и сплоченной крестьянской общины. Это сопротивление было сломлено в результате поддержки, которую оказывала землевладельцу сильная государственная власть.

Казачество и его место в русском обществе. Массовый отток крестьянского населения на окраины в поисках лучшей жизни имел еще одно важное последствие. Наиболее активная и недовольная складывавшимися в России порядками часть переселенцев искала свободной жизни на территории «Дикого поля», где им грозила постоянная опасность нападений татар, но не было ни государственных чиновников, ни налогов, ни бояр и детей боярских. Именно во второй половине XVI в. вдоль южных границ Русского государства на Дону, Тереке, Волге, Яике (совр. река Урал) образовались поселения казаков. Порядки в таких поселениях во многом воспроизводили порядки, существовавшие в самоуправляющихся крестьянских общинах. Высшим органом власти было общее собрание жителей поселения — казацкий круг, на котором, как на волостном сходе, казаки выбирали своих предводителей. Образ жизни

казаков, однако, резко отличался от крестьянского. В их хозяйстве промысловые занятия (как, например, ловля рыбы) играли гораздо большую роль, чем земледелие, а основным источником содержания была добыча, которую казаки захватывали во время морских и сухопутных набегов на лежавшие к югу от России мусульманские страны — Крым, Османскую империю, Иран, Ногайскую Орду.

Отношения казаков с русскими властями были достаточно сложными. С одной стороны, они были заинтересованы в поддержании мирных и даже дружественных отношений с русскими пограничными городами, чтобы иметь возможность продавать захваченную добычу и приобретать необходимые для жизни товары. Время от времени казаки ходили в походы по поручению русской власти и получали за это жалованье. Но в целом сидевших в Москве бояр казаки воспринимали как враждебную силу, которая заставила их бежать на далекие окраины, а теперь намеревалась вернуть их в прежнюю «неволю». Возникавшие время от времени в Москве планы поставить на Дону крепость вызывали в среде казаков резко враждебную реакцию.

Если в Москве действительно смотрели на казаков как на беглых подданных, с которыми необходимость заставляла поддерживать отношения, то самооценка казаков была совершенно иной. Они считали себя сообществом воинов, которые, нападая на соседние мусульманские страны, несут особо важную службу, защищая христианский мир. ;В средневековом обществе особое положение дворянства основывалось на том, что оно несет особо важную для общества военную службу, защищая его. Исходя из аналогичных соображений, казаки полагали, что их служба и заслуги дают им право претендовать на по мень шей мере равное с дворянством положение в обществе.

Глава 14 «СМУТНОЕ ВРЕМЯ»

Ряд обстоятельств способствовал тому, что постепенно созревавшие в русском обществе внутренние противоречия проявились с особой силой в середине первого десятилетия XVII в. Одним из них стало пресечение династии, правившей Московским княжеством, а затем Русским государством.

Конец династии и избрание нового царя. После смерти Ивана IV на престол вступил его сын Федор. Детей у него не было. Наследником престола был его младший брат Дмитрий, живший с матерью в Угличе. В 1591 г. он погиб при загадочных обстоятельствах. Присланная из Москвы следственная комиссия установила, что царевич случайно закололся ножом во время игры, когда с ним случился приступ эпилепсии. Когда 7 января 1598 г. царь Федор скончался, у него не оказалось законного наследника. Это заставило русское общество прибегнуть к небывалой и неизвестной ему ранее процедуре избрания правителя. Царь Федор не был способен к ведению государственных дел, и фактически правителем государства стал брат его жены боярин Борис Федорович Годунов. В годы, когда он управлял Россией, государство постепенно и медленно, но все же оправлялось от последствий внутренних конфликтов, связанных с установлением опричнины и долголетней разорительной войной. Достигнутые при этом успехи закономерно связывались с его именем. Неудивительно, что созванный с наступлением междуцарствия патриархом Иовом земский собор, включавший в себя Боярскую думу, высшее духовенство, выборных представителей дворянства, привилегированного купечества и московского посада, избрал именно его новым царем, который должен был положить начало новой династии. Приняв меры к тому, чтобы собор состоял из его сторонников, Борис одновременно упорно отказывался принять корону. К Борису, находившемуся у сестры — вдовой царицы в Новодевичьем монастыре, направились представители чинов во главе с патриархом с иконой Владимирской Богоматери просить его вступить на трон.

Хотя объем власти, которой располагал царь Борис, ничем не уступал власти его предшественников, в глазах общества он далеко не пользовался таким авторитетом, как прежние наследственные государи. Разумеется, выбор Бориса царем говорит о его поддержке, дворянством и богатым привилегированным купечеством, но в низах общества новый правитель популярностью не пользовался. Сразу после смерти царевича Дмитрия

распространились слухи, что он был убит по приказу Бориса, позднее к этому добавились обвинения в умерщвлении им царя Федора. В распространении подобных слухов находил отражение тот факт, что определенное улучшение, достигнутое после смерти Ивана IV, касалось в первую очередь верхов, а не низов общества. Недовольна была возвышением незнатного Годунова и аристократия, особенно родственники царя Федора по матери, царице Анастасии, его двоюродные братья — Романовы. Это сопротивление новый царь сумел подавить: осенью 1600 г. Романовы, обвиненные в заговоре с целью покушения на жизнь царя, были отправлены в ссылку, а глава рода Федор Никитич насильно пострижен в монахи под именем Филарета и отправлен на Север в Антониев-Сийский монастырь. Но брожение в низах подобными мерами прекратить было невозможно.

Другим фактором, способствовавшим обострению кризиса, стали неурожаи 1601—1603 гг., повлекшие за собой страшнадй щлод. Предпринимавшиеся попытки борьбы с голодом оказались малоэффективными, и ответственность за это, естественно, ложилась на правителя. Провинциальное дворянство было раздражено тем, что в тяжелых условиях царь разрешил переход крестьян, но только для «московских чинов» — верхушки дворянского сословия. У происходившего была и другая важная сторона. Для людей Средневековья такие бедствия, которые постигли Россию в эти годы, были свидетельством Божьего гнева. Не менее распространенным было представление, что Бог карает страну за грехи ее правителя. Поэтому происходившие бедствия убеждали людей в истинности слухов о преступлениях, в которых обвиняли Бориса.

Лжедмитрий I. Восстание населения южных окраин. Летом 1603 г. в Речи Посполитой появился самозванец, выдававший себя за чудесно спасшегося царевича Дмитрия, законного наследника русского престола. Самозванцем был галицкий сын боярский Григорий Отрепьев, бывший одно время монахом в кремлевском Чудовом монастыре. В Речи Посполитой он обратился за помощью для возвращения якобы принадлежавшего ему русского трона к польскому королю Сигизмунду III, польским и литовским магнатам, папе римскому. Королю он обещал передать спорные территории — Смоленщину и Северскую землю, папе — обращение России в католичество. Королю и близким к нему магнатам казалось неосторожным оказать самозванцу открытую поддержку, что могло бы привести к войне с Россией. Но все же король разрешил одному из магнатов, сандомирскому воеводе Юрию Мнишку, рассчитывавшему

женить Лжедмитрия на своей дочери и в случае его победы приобрести для себя разные блага в России, оказать претенденту на трон поддержку как бы на свой страх и риск.

К лету 1604 г. воевода и ряд близких к нему шляхтичей сумели собрать около 2 тыс. наемников. С этим отрядом Лжедмитрий вторгся на территорию Северской земли. Для скольконибудь серьезных действий этого было, конечно, недостаточно, тем более что после первых неудач в столкновениях с русскими войсками большая часть наемников во главе с Ю. Мнишком поспешила вернуться в Речь Посполитую. Однако в Северской земле самозванец сразу встретил широкую поддержку местного населения, у которого к этому времени появились серьезные основания для недовольства правлением Бориса Годунова.

Трехлетний голод способствовал усиленному притоку крестьянского населения на не знавшие этого бедствия южные окраины. Эти люди были недовольны царем, который не сумел принять эффективных мер для борьбы с голодом и которым, как показывало бедствие, был недоволен сам Бог. В годы голода на Юге появились представители еще одной прослойки русского общества. Оказавшись не в состоянии содержать во время голода свои многочисленные «дворы», вельможи выгоняли своих военных слуг, которые в поисках пропитания также направлялись на юг. Одни из них вливались в ряды местного военно-служилого люда, другие шли в казацкие поселения. Это были люди, хорошо владевшие оружием, привыкшие занимать, как слуги влиятельных людей, заметное положение в обществе и резко недовольные происшедшими с ними переменами. Так на Юге накапливался горючий материал.

Одновременно с этим правительство Бориса Годунова утратило поддержку военно-служилого люда окраин. Используя благоприятную международную ситуацию (уход крымского хана на войну с Габсбургами в Венгрию), русское правительство на рубеже XVI—XVII вв. сумело продвинуть свои опорные оборонительные пункты на Диком поле далеко на юг, вплоть до Северского Донца, где, как форпост русской обороны, была поставлена крепость Царев Борисов. В связи с этим встала задача, как обеспечить продовольствием гарнизоны в новопоставленных крепостях. Вопрос был решен таким образом, что на служилых людей по прибору тех уездов Юга, которые теперь оказались в тылу, была возложена обязанность пахать «государеву десятинную пашню», а полученное продовольствие следовало передавать гарнизонам передовых крепостей. Это было грубым нарушением привилегированного «статуса» служилых, которых несение «службы» освобождало от «тягла», тем более в форме отработочной

повинности.

К этому времени правительство Бориса Годунова вступило в серьезный конфликт и с казачеством. После того как крепость Царев Борисов была построена рядом с казацкими поселениями, власти в Москве попытались поставить их под свой контроль. Воеводам Царева Борисова предписывалось провести перепись казаков, живших на Донце и Осколе. Понятно, какую отрицательную реакцию такие шаги вызвали в казачьей среде. Кроме того, Борис Годунов запретил населению пограничных городов торговать с казаками.

Все это объясняет, почему с приходом небольшого отряда Лжедмитрия начался массовый переход населения Северской земли на его сторону. К его войску присоединились и большие отряды донских казаков. Лжедмитрия признали своим государем Чернигов, Путивль и многие другие крепости. Борис Годунов был вынужден послать в Северскую землю крупные военные силы. Так было положено начало «гражданской» войне: одна часть русского общества с оружием в руках выступала против другой. 20 января 1605 г. под Добрыничами царские воеводы разбили войско Лжедмитрия I, после чего польские наемники поспешили отъехать в Речь Посполитую, но это не привело к прекращению восстания. Лжедмитрий нашел приют в Путивле, где местные сословные объединения приняли решение о сборе чрезвычайного налога на жалование ратным людям. Царская армия задержалась под небольшой крепостью Кромами, в которой сел в осаду отряд донских казаков. Восстание тем временем разрасталось, охватывая все новые земли на южных окраинах России и достигнув Поволжья.

В разгар борьбы 13 апреля 1605 г. неожиданно умер царь Борис. Одним из ближайших последствий этого события стал переход на сторону самозванца армии, стоявшей под Кромами, в котором видную роль сыграли находившиеся в ней дети боярские из южных уездов. Вместе с ними от новой династии отступила и аристократия. 1 июня 1605 г. посланцы Лжедмитрия I подняли восстание в Москве, убив вдову Бориса Годунова и его сына Федора.

Лжедмитрий I у **власти.** Лжедмитрий вошел в Москву на гребне массового движения, в котором главную роль играли служилые люди-И. дворяне южных уездов. Поддержка наемников из Речи Посполитой имела второстепенное значение. Это дало самозванцу основание для того, чтобы уклониться от обещаний, которые он ранее давал папе и польскому королю. Вместе с тем он старался поддерживать с Речью Посполитой хорошие отношения, подтвердил свое желание жениться на дочери Юрия Мнишка, приглашал к себе на службу поляков и оказывал им покровительство. Из

этих иноземцев, обязанных ему своим возвышением, самозванец надеялся создать дополнительную опору своей власти. Он не без оснований сомневался в лояльности правящей элиты, представители которой в секретных переговорах с Сигизмундом III сетовали на то, что король помог вступить на трон недостойному человеку. Лже-Дмитрий принял ряд мер, чтобы изменить состав правящей элиты в свою пользу — наиболее верные сторонники царя Бориса были сосланы и возвращены из ссылки его противники (так вернулся в Москву Филарет Романов и стал ростовским митрополитом), кроме того, в состав Думы вошел ряд дворян южных уездов, отличившихся при приходе Лжедмитрия I к власти. Но все это мало изменило состав правящего слоя, а назначения, сделанные с нарушением местнических правил, только вызвали его раздражение.

Лжедмитрий I не жалел усилий, чтобы обеспечить себе поддержку тех сил, которые привели его к власти. Одним из его распоряжений население Северской земли было освобождено на 10 лет от уплаты налогов. Стремлением обеспечить себе поддержку определялись его планы большого похода на Азов летом 1606 г. Этот поход отвечал стремлениям служилых людей южных уездов и одновременно давал возможность направить во внешний мир накопившиеся в регионе «горючие» элементы. Победы должны были поднять авторитет АжеДмитрия, а сотрудничество во время похода — укрепить его связи с теми силами, которые служили опорой его власти.

Свержение Лжедмитрия I и приход к власти Василия Шуйского. Решение о походе заставило недовольную самозванцем политическую элиту, которую возглавил один из наиболее знатных аристократов, князь Василий Иванович Шуйский, поторопиться с выступлением против Лжедмитрия I до того, как он окажется на Юге в кругу своих приверженцев.

Бояре-заговорщики воспользовались тем, что дворянство в более северных областях России было недовольно ненужной для него войной, которая должна была начаться сразу после окончания военных кампаний 1604—1605 гг., а собиравшиеся на войну дворянские отряды весной 1606 г. стояли в окрестностях Москвы. Кроме того, сыграло свою роль высокомерное поведение шляхтичей, съехавшихся на свадьбу Лжедмитрия I с Мариной Мнишек в мае 1606 г. и пренебрегавших русскими обычаями и религиозными обрядами. Такие поступки поляков убеждали и горожан Москвы, и стоявшие в ее окрестностях дворянские отряды в справедливости утверждений бояр-заговорщиков, что самозванец хочет править Россией с помощью поляков и обратить русских людей в

католическую веру. Утром 17 мая 1606 г. в Москве вспыхнуло восстание. Под звон набата толпы восставших собрались на Красной площади и вошли в Кремль через Спасские ворота. Пытаясь спастись, Лжедмитрий выпрыгнул в окно, сломал ногу, был схвачен и убит. Одновременно москвичи напали на дворы, в которых находились поляки. Часть из них погибла, другие, взятые под защиту членами Боярской думы, оказались под арестом. Через несколько дней после переворота глава заговорщиков князь В. И. Шуйский был провозглашен царем на собрании, спешно созванном на Соборной площади Кремля. Многие современники не признавали его избрание законным, так как в нем не участвовали выборные представители «городов». Стремясь предотвратить появление новых самозванцев, царь Василий спешно организовал канонизацию царевича Дмитрия как мученика, невинно убитого по приказу Бориса Годунова.

Вступив на престол, Шуйский публично присягнул в том, что не будет слушать «ложных доводов», не приговорит никого к смертной казни, «не осудя истинным судом с бояры своими», и не будет отбирать имущество у родственников казненных, если они не были соучастниками. Хотя в тексте присяги обязательства касались «всякого человека», соответствующие гарантии предоставлялись прежде всего выдвинувшей нового царя знати, которая страдала от казней Ивана IV и опал и ссылок Бориса Годунова.

Царь Василий пришел к власти как ставленник той элиты, того узкого круга княжеских и боярских родов, который традиционно держал в своих руках главные нити управления государством. Однако на рубеже XVI—XVII вв. положение элиты определялось не ее реальными связями и влиянием, а тем, что ей обеспечивала сильная центральная власть. Сама по себе она не обладала возможностями, чтобы влиять на ситуацию на местах. События, последовавшие за воцарением Шуйского, это ясно показали.

Выступление южных окраин против нового царя. Восстание И. Болотникова. Переворот в Москве и убийство Лжедмитрия I вызвали резко отрицательную реакцию на южных окраинах страны. Здесь это было воспринято не только как потеря прав и привилегий, полученных от Лжедмитрия I, и утрата перспектив, которые открылись для служилых людей с его приходом к власти. Смена власти в Москве угрожала возвращением к тем порядкам, против которых местные служилые люди совсем недавно активно выступили. Распространившиеся слухи, что царь Дмитрий не погиб, а спасся и находится в Речи Посполитой, послужили толчком к восстанию в защиту интересов «законного» государя, против занявших Москву изменников.

Восстание, начавшееся летом 1606 г., охватило первоначально лишь

территорию Северской земли и соседние уезды, но стало разрастаться, когда посланные на его подавление войска потерпели неудачу под Кромами и Ельцом. Осенью 1606 г. восстанием была охвачена вся южная окраина государства, а также Поволжье, где восставшие осадили Нижний Новгород, ряд уездов, лежавших на пути из Москвы в Смоленск. Восставшими на территории Северской земли командовал Иван Исаевич Болотников, бывший холоп — военный слуга князя А. А. Телятевского. Освободясь из татарского плена, он проехал через Речь Посполитую, где в Самборе — владении Юрия Мнишка, — получил полномочия от самозванца командовать повстанческой армией. На этом посту он, очевидно, проявил военные и организаторские способности, так что его полномочия никто не оспаривал. Восставших, собравшихся на Верхней Оке, возглавил веневский сотник Истома Пашков. Рязанское ополчение возглавил местный помещик Прокопий Ляпунов. По разным направлениям войска восставших двигались к Москве. Правительство Василия Шуйского мобилизовало для отпора все бывшие в его распоряжении военные силы. В собранное войско были отправлены все члены «государева двора», находившиеся в Москве. 25 октября в сражении под селом Троицким войско было разбито. Путь к столице был открыт. Началась блокада Москвы, продолжавшаяся в течение полутора месяцев.

В грамотах, разосланных по стране правительством Шуйского, о восставших говорилось как о крестьянах и беглых холопах, которые хотят убить своих господ и овладеть их имуществом. В течение долгого времени эти утверждения пользовались доверием и дореволюционных исследователей, и исследователей советского времени, полагавших, что восстание было первой крестьянской войной в истории России. Правда, исследователи полагали, что в восстании первоначально выступили совместно служилые люди из южных уездов во главе с Истомой Пашковым и Прокопием Ляпуновым и восставшие холопы и крестьяне во главе с Иваном Болотниковым. Однако известные данные о войске Болотникова не подтверждают такой оценки. Характерно, что одним из воевод его армии был его бывший хозяин боярин князь А. А. Телятевский. В этом же войске военачальниками являлись несколько князей Мосальских. Ближайший сподвижник Болотникова Юрий Беззубцев был сыном боярским Новгород-Северского уезда. Среди городов, подчинившихся Болотникову и длительное время признававших его власть, был город Рославль. Сохранившиеся документы показывают, что и до, и во время, и после восстания управление уездом находилось в руках одного и того же круга лиц из местных влиятельных детей боярских. Влиятельные местные

помещики стояли и во главе войска, осаждавшего Нижний Новгород.

Все это позволяет сделать вывод, что главной силой разразившегося летом 1606 г. восстания были служилые люди и дети боярские южных уездов. Не крестьянские отряды, а опытные во владении оружием и хорошо организованные служилые люди и дети боярские нанесли поражение правительственным армиям и пришли под стены Москвы. Служилые люди стремились сохранить свой привилегированный статус, поставленный под сомнение правительством Годунова, дети боярские добивались своего уравнения с другими частями дворянского сословия, получения права голоса при принятии в Москве важных политических решений. Таким образом, восстание, начавшееся в 1606 г., есть основание рассматривать как своеобразный конфликт между Центром и окраинами, разделивший господствующее дворянское сословие.

В этом остром внутриполитическом кризисе позиция дворянства окраин не была однородной. В рядах некоторых крупных дворянских объединений, как, например, нижегородских детей боярских, произошел раскол. Часть дворянских корпораций окраин считала, что добиться уравнения в правах с дворянством Центра можно, не выступая против правительства Шуйского, а, напротив, оказывая ему поддержку. Так поступили дети боярские Смоленского уезда, которые прорвали блокаду Москвы и пришли на помощь царю Василию. В этих условиях в лагере восставших под Москвой начались трения. В середине ноября 1606 г. в правительственный лагерь перешли рязанские дворяне во главе с Прокопием Ляпуновым. В начале декабря, во время решающих боев под Москвой, их примеру последовали отряды детей боярских во главе с Истомой Пашковым. Повстанцы потерпели поражение. Иван Болотников отступил к Калуге, где позднее был осажден правительственными войсками.

Однако подавить восстание не удавалось. Осада Калуги в начале мая 1607 г. закончилась неудачей. В повстанческом лагере появился и занял видное место новый самозванец, сын посадского, а затем терской казак Илейка Муромец, выдававший себя за Петра, сына царя Федора. Он привел большие отряды терских и донских казаков, к которым присоединились запорожцы. Для нового военного похода на Тулу, которая к лету 1607 г. стала главным центром восставших, были мобилизованы огромные военные силы со всей территории государства. Армию возглавил сам царь. Город капитулировал лишь в сентябре 1607 г. после упорной четырехмесячной осады. Царю были выданы предводители восстания Иван Болотников и «царевич Петр» (Илейка Муромец был повешен на

Серпуховской дороге, Болотников был сослан в Каргополь и там утоплен), а все остальные отпущены. Царь Василий считал войну законченной. Но его надежды не сбылись — с лета 1607 г. начался новый этап гражданской войны, осложненный внешним вмешательством.

Выступление Лжедмитрия II. Раскол страны. Население Северской земли по-прежнему не желало подчиняться царю Василию. Летом 1607 г. в Стародубе появился новый самозванец, выдававший себя за спасшегося Дмитрия, — Лжедмитрий **II.** По свидетельству современников, он в отличие от Григория Отрепьева был уроженцем Речи Посполитой; вспоминали, что Лжедмитрий **II** был школьным учителем в не большом белорусском городке. Самозванец сразу же получил широкую поддержку. Вместе с тем почти с самого начала к нему стали из-за рубежа приходить на помощь военные отряды арльско-литовской шляхты. Наиболее крупные из отрядов возглавили такие представители знати, правда, второго ранга, как князь Роман Ружинский и Ян Петр Сапега, двоюродный брат литовского великого канцлера. К весне 1608 г. у Лжедмитрия II в Орле собралась целая армия из служилых людей и детей боярских Северской земли, русских и украинских казаков и польсколитовских военных отрядов. В бою под Волховом 30 апреля — 1 мая 1608 г. эта армия разбила войска Василия Шуйского, и для нее открылся путь на Москву. Через месяц Лжедмитрий II стал с войском в укрепленном лагере в подмосковном селе Тушине (отсюда прозвище «Тушинский вор»), откуда предпринимались попытки организовать блокаду столицы.

С приходом Лжедмитрия II под Москву территориальные рамки «гражданской» войны резко расширились, захватив уже не только южную, но и северную часть государства. Помимо южных окраин и Поволжья, где тушинцам противостояли только Нижний Новгород и некоторые рязанские города, власть Лжедмитрия II распространилась на большую часть городов запада и северо-запада России, включая такой крупный город, как Псков. Здесь лишь отдельные крупные центры, такие, как Новгород и Смоленск, сохранили верность царю Василию. Наконец, с вступлением на их земли войск Лжедмитрия II начало присягать на верность самозванцу население Центра, а затем севера. К концу 1608 г. его власть распространилась на большую часть территории Русского государства.

Главные политические силы в лагере Лжедмитрия II. О силах, поддерживавших Лжедмитрия II, и о том, что происходило на признавших его власть территориях, исследователи знают гораздо больше, чем о переменах, происходивших на территории, охваченной восстанием в 1606—1607 гг. Истоки прослеженных учеными перемен следует искать в

событиях восстания И. Болотникова. Главной силой русского общества, поддержавшей Лжедмитрия II, стало недовольное своим положением дворянство окраин. Присоединение к тушинскому лагерю принесло ему ряд существенных выгод. Прежде всего это были материальные выгоды в виде конфискованных владений сторонников царя Василия, которые были немалыми, так как дети боярские «государева двора» сохранили верность своему правителю и находились с ним в осаде в Москве. Но этим выгоды не ограничивались. В руки уездных дворянских корпораций стали фактически переходить органы власти на местах, так как наместниками и воеводами в городах, подчинившихся Лжедмитрию II, становились, как правило, авторитетные предводители местных землевладельцев. Вместе с тем в тушинском лагере была сломана практика назначений в состав «государева двора» и в Думу в соответствии с благородством происхождения. Провинциальные дворяне окраин стали входить в состав «государева двора», а их предводители получать думные чины. Примером может служить луцкий помещик Федор Плещеев, который стал боярином и наместником Лжедмитрия II в Великих Луках. Выгоды были столь значительны, что дети боярские Северо-Запада, Северской земли, Верховских городов и Среднего Поволжья упорно поддерживали Лжедмитрия II на протяжении всей его политической карьеры.

Другой важной силой в составе тушинского лагеря были казаки. Для управления ими было создано одно из главных учреждений тушинского лагеря — Казачий приказ, который возглавил выходец из Речи Посполитой Иван Мартинович Заруцкий. Пришедшие к Лжедмитрию II отряды казаков с южных окраин России и из Речи Посполитой здесь заметно пополнились выходцами из разных социальных групп общества, утративших в годы волнений и переворотов свой социальный статус и рассчитывавших добиться положения, вступив в ряды казацкого войска. Эти люди уже не хотели вернуться с захваченной добычей в казацкие поселения, а хотели остаться в России и обеспечить себе существование, подобающее их заслугам. Как сообщество воинов, они считали себя свободными от тягла и требовали щедрого вознаграждения за свою военную службу. Они добивались не только регулярной выплаты жалованья, но и передачи им в «приставства» земель, с которых могли бы взимать корм на свое содержание. Тем самым они фактически претендовали на доходы, которые обычно поступали владельцам этих земель—детям боярским. Так возникали противоречия между интересами казаков и детей боярских тушинского лагеря.

Третьей, наиболее важной, силой тушинского лагеря было польско-

литовское войско. Значение его определялось не только тем, что оно было главной военной силой Лжедмитрия II. В отличие от детей боярских, которые периодически выезжали в свои владения, польско-литовские войска постоянно находились в Тушине и могли держать под всесторонним контролем и самого правителя, и его окружение. Никаких далеко идущих планов за движением в Россию этой шляхты не стояло. В Речи Посполитой многочисленное дворянство издавна поддерживало свое положение в обществе с помощью наемной военной службы. К лету 1607 г. внутриполитическое и международное положение сложилось таким образом, что наемники остались не у дел. Поэтому они направились в Россию, чтобы поправить свои дела. Ни военачальники, ни солдаты своих будущих планов с Россией не связывали. Они рассматривали себя как желавших дороже продать свою службу. Первоначально, пока войско надеялось быстро овладеть находящейся в Москве царской казной, оно удовлетворялось получением от самозванца долговых обязательств. Но к лету 1608 г. оно потребовало выплаты жалованья, и население владений Лжедмитрия **II** было обложено чрезвычайными поборами. Не удовлетворившись этим, литовское войско стало рассылать по стране отряды, чтобы выбить эти поборы из населения. Это касалось прежде всего территорий Центра, близких к главной стоянке польско-литовского войска в Тушине и к Троице-Сергиеву монастырю, который осадила другая часть войска во главе с Яном Сапегой, а также Поморья, не затронутого войной. Положение усугублялось тем, что по этим землям ходили одновременно отряды «загонных людей», самовольно отделившиеся от польско-литовского войска и казачьих отрядов и грабившие население. С начала 1609 г. здесь начались выступления населения против тушинских отрядов.

Север и Центр России против польско-литовских войск Лжедмитрия II. **М. В. Скопин-Шуйский.** Первоначально имели место стихийные акты самообороны со стороны волостных и посадских миров против поборов отрядов из **Ту**шина, но затем сопротивление приняло организованный характер. Постепенно к ним стали присоединяться и дети боярские Центра. Для них перемены, сопровождавшие утверждение власти Лжедмитрия II, не были столь важными, как для детей боярских других регионов. К тому же даже те из них, кто получил новые владения от самозванца, не могли воспользоваться доходами с них, так как все забирало себе польско-литовское войско и (частично) казачьи отряды.

Пытаясь найти внешнюю поддержку, царь Василий направил в Новгород осенью 1608 г. своего племянника М. В. Скопина» Шуйского, чтобы попытаться получить помощь из Швеции, правитель которой Карл

IX находился во враждебных отношениях со своим племянником Сигизмундом III. В феврале 1609 г. был заключен договор, по которому за уступку г. Корелы с уездом в распоряжение Скопина был передан шведский военный корпус, содержание которого должна была оплачивать русская сторона. В мае 1609 г. вместе с шведским корпусом Скопин-Шуйский выступил в поход из Новгорода. Армия его стала быстро увеличиваться за счет присоединения организовавшихся на территориях Центра и севера ополчений. Она медленно двигалась к Москве, постепенно вытесняя тушинцев с занимаемых ими территорий. Неоднократные попытки польско-литовских войск из Тушина остановить продвижение армии Скопина-Шуйского оказались безрезультатными. К концу 1609 г. весь Север и значительная часть Центра были очищены от тушинских войск. Армия Скопина-Шуйского стояла в районе Александровой слободы. Соотношение сил в стране менялось не в пользу тушинского лагеря. Правительство Василия Шуйского также предприняло ряд шагов, чтобы привлечь на свою сторону дворянство окраин. Верхушка доказавших свою верность дворянских корпораций окраин — нижегородская, смоленская — вошла в состав «государева двора». Местные предводители детей боярских также стали получать воеводские посты и думные чины. Так, предводитель рязанцев Прокопий Ляпунов стал рязанским воеводой и думным дворянином. Намечался определенный выход из кризиса. Однако осенью 1609 г. положение снова осложнилось, так как правящие круги Польско-Литовского государства приняли решение вмешаться в русские дела.

Начало польско-литовской интервенции. Здесь располагали подробной информацией о тех огромных потерях, которые понесла и сама Россия, и ее вооруженные силы во время продолжавшейся ряд лет междоусобной войны, и хотели использовать сложившееся положение в своих интересах. Программой» минимум было возвращение Речи Посполитой Смоленщины и Северской земли, программой-максимум — подчинение всего Русского государства своему влиянию. В своих планах политики Речи Посполитой учитывали и истощение России, и присутствие в центре страны большого польско-литовского войска. Возможность быстрого окончания гражданской войны заставила поторопиться с принятием решения о вмешательстве. Кроме того, имели значение сведения о настроениях дворянства северо-запада России, находившегося в тушинском лагере. Перед дворянской верхушкой этого региона возникла неприятная перспектива утратить с поражением Лжедмитрия II то положение в обществе, которое ей удалось завоевать. Избежать ее она рассчитывала избранием на русский трон королевича Владислава, старшего

сына Сигизмунда III.

Поддержка Речи Посполитой должна была помочь решению еще одной проблемы. Дворянство тушинского лагеря не могло в полной мере использовать блага, полученные от Лжедмитрия II из-за усилившейся активности посадских общин и «служилых людей по прибору». О переменах, происходивших в эти годы в тушинском лагере, можно судить по событиям во Пскове в 1608—1609 гг. Здесь традиционно связанная с правительством в Москве купеческая верхушка, утратив его поддержку, оказалась неспособной влиять на положение дел. Главным органом власти в городе стала «всегородная изба», в которой заседали выборные от посадской общины, среди них попадались лица достаточно низкого социального происхождения, как «трепец» (трепальщик льна) Тимофей Кудекуша, который «указывал» воеводам. Реальная власть в городе принадлежала этой избе, а не присылавшимся из Тушина воеводам. Это было связано с тем, что псковские стрельцы действовали заодно с посадом: в условиях, когда они годами не получали жалованья и их связь с властью ослабла, возобладали интересы, объединявшие их с посадскими людьми. Уже весной 1609 г. начались столкновения между псковской посадской общиной и местным дворянством, недовольным таким положением дел. Вступив в конфликт с посадом, псковские дети боярские поспешили вернуться под власть Василия Шуйского. Дети боярские других уездов тушинского лагеря рассчитывали на поддержку войск польского короля.

Начиная военную кампанию в сентябре 1609 г., Сигизмунд III рассчитывал, что местное дворянство само откроет ему ворота городов на западе России, но его расчеты оправдались лишь частично. Сильно укрепленный Смоленск отказался открыть ворота, и королевская армия надолго под ним задержалась. Одним из первых результатов вмешательства стал распад тушинского лагеря.

Распад лагеря Лжедмитрия II. Сигизмунд III направил в Тушино послов, предложив находившемуся там польско-литовскому войску перейти к нему на службу. Поскольку и офицеры, и солдаты связывали свое будущее не с Россией, а с Речью Посполитой, они не могли игнорировать королевские предложения и вступили в переговоры с послами. В декабре 1609 г., не дожидаясь конца переговоров, Лжедмитрий II бежал в Калугу, за ним последовали казачьи отряды и часть его двора. Северская земля, Верховские города и ряд городов на северо-западе России и в Поволжье продолжали его поддерживать. Польско-литовское войско в Тушине и остававшиеся там русские бояре и дети боярские стали искать соглашения с Сигизмундом III. Русские тушинцы направили под Смоленск посольство

с предложением возвести на русский трон сына Сигизмунда III королевича Владислава. Соответствующее соглашение было подписано в феврале 1610 г., но подписавшие его уже не представляли собой реальной политической силы. Раскол в тушинском лагере сделал невозможным успешное противодействие армии Скопина-Шуйского. Оставив свой подмосковный лагерь, его обитатели стали отступать на запад, ища соединения с королевской армией. В апреле 1610 г. армия Скопина торжественно вступила в Москву.

Русско-польская война и избрание на русский трон королевича Владислава. Теперь, когда большая часть территории страны объединилась под властью царя Василия, а Лжедмитрий II отступил на южные окраины, в Москве первоочередной задачей сочли борьбу с внешним врагом. Были приняты меры к тому, чтобы усилить армию большими отрядами иноземных наемников, которые своим огнем могли бы нейтрализовать высокие боевые качества польской конницы. Чтобы обеспечить поддержку детей боярских, царь Василий перед началом новой военной кампании издал указ, по которому помещики, доказавшие за прошедшие годы верность власти, получили возможность превратить пятую часть своих поместий в вотчины. Во исполнение этого указа весной-летом были сделаны многие десятки пожалований. В истории землевладения русского дворянства указ стал переломной вехой, с этого момента начался медленный, но постоянный рост вотчинйого землевладения детей боярских за счет поместного.

С наступлением лета большая армия направилась к Смоленску, чтобы, разбив королевские войска, снять осаду города.

Перед началом похода М. В. Скопин-Шуйский неожиданно скончался. У русских войск не оказалось хорошего военачальника, а отряды иностранных наемников, не получив вовремя жалованья, перешли на вражескую сторону. В результате в битве при Клушине русская армия была разбита, и польсколитовские войска во главе с гетманом С. Жолкевским двинулись к Москве. Узнав о происшедшем, к Москве одновременно двинулся с войском Лжедмитрий II. 17 июня 1610 г. царь Василий был низложен и насильно пострижен в монахи. Вопрос о том, что будет дальше, бывшим сторонникам Василия Шуйского — Боярской думе, детям боярским «государева двора», дворянским отрядам, вернувшимся в Москву после битвы при Клушине, московскому посаду — пришлось решать в условиях, когда к Москве почти одновременно подошли две вражеские армии; с одной из них приходилось договариваться.

Для бывших сторонников Василия Шуйского соглашение с

Лжедмитрием II было неприемлемо: тогда пришлось бы делиться с его приверженцами влиянием, властью и владениями. Кроме того, всех пугали сопровождавшие самозванца казачьи отряды, которые могли попытаться поправить свое материальное положение за счет жителей Москвы. Предпочтение было отдано соглашению с Сигизмундом III. Какие планы и расчеты связывались с таким соглашением, позволяет установить текст договора, который был заключен 7 августа 1610 г. с гетманом С. Жолкевским. Договор предусматривал избрание русским царем старшего сына Сигизмунда III королевича Владислава. Новый монарх должен был во всем сохранять традиционные русские порядки, все важные вопросы решать только совместно с Боярской думой, а новые законы принимать при участии представителей «всей земли», т.е. выборных представителей дворянского и городского сословий. Так в тексте договора было сформулировано положение, что монарх должен править, считаясь с их пожеланиями. Вместе с тем в договоре подчеркивалась необходимость восстановления традиционных общественных порядков, включая запрет крестьянских переходов, возвращение беглых холопов их господам, ограничение нежелательной активности казачества. Договор налагал ряд обязательств на отца будущего монарха — польского короля. Польско-литовское войско должно было отойти от Москвы и помочь русским воеводам в борьбе с Лжедмитрием II. После этого Сигизмунд III должен был вывести войска с русской территории, оставив Русское государство в тех границах, в каких оно существовало перед Смутой. На протяжении осени 1610 г. на землях, признававших к лету 1610 г. власть царя Василия, была принесена присяга новому монарху. Это означало, что сословные объединения на местах одобрили решения, принятые в Москве. Некоторые вопросы (например, о принятии будущим царем православия) остались нерешенными. Для их решения и выработки окончательного текста соглашения в королевский лагерь под Смоленском направилось огромное (более тысячи человек) посольство из представителей разных «чинов» русского общества во главе с митрополитом ростовским Филаретом.

Попытки Речи Посполитой подчинить Русское государство. Сигизмунд III и политики его окружения не захотели принять условия договора. Было принято решение, что русский трон должен занять сам Сигизмунд III, и тем самым Россия превратилась бы в неравноправный придаток Польско-Литовского государства. Достигнуть этой цели король рассчитывал, подчинив себе центр власти в Москве, а затем и все общество, действуя от его имени. Для этого он постарался от имени будущего монарха присвоить себе право раздавать чины и пожалования.

Эти шаги не встретили противодействия со стороны Боярской думы. Не способная влиять на ход событий, утратившая возможность контролировать положение на местах, она рассчитывала вернуть себе традиционное положение в обществе при поддержке иноземного монарха. Этим присвоенным правом король воспользовался, чтобы дать думные чины бывшим сторонникам Лжедмитрия II, с которыми он договаривался в феврале 1610 г., и поставить их во главе важнейших приказов. Эти люди, не сумевшие добиться в Москве признания чинов и пожалований, полученных от самозванца, рассчитывали достичь этого с помощью иноземного монарха и готовы были поддерживать его планы. Так было сформировано угодное Сигизмунду III правительство. Одновременно в Кремль было введено польское войско, чтобы осуществлять контроль за правительством. Все это привело к тому, что авторитет московского правительства упал и на него стали смотреть как на марионетку в руках короля.

Начало народно-освободительного движения. Первое ополчение. К концу **1610** г. стало ясно, что условия августовского договора не выполняются, и польско-литовская сторона не намерена их выполнять. Одним из первых оценил сложившееся положение глава русской церкви патриарх Гермоген, призвавший русских людей к вооруженной борьбе против польско-литовских войск и боярского правительства в Москве. Его призыв встретил живой отклик в целом ряде городов, но прежде всего в Рязани. Предводитель рязанских дворян Прокопий Ляпунов призвал областные «миры» к общему походу на Москву/ Объединению русского общества для борьбы с внешней угрозой способствовала смерть Лжедмитрия II в Калуге в декабрю **1610** г. В результате в походе на Москву приняли участие и бывшие сторонники царя Василия, и бывшие сторонники Лжедмитрия II. Сторонников Шуйского возглавил Прокопий Ляпунов; служивших Лжедмитрию II детей боярских — князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, а казачьи отряды — Иван Мартинович Заруцкий. Когда собранные войска по разным направлениям стали приближаться к Москве, там 19 марта 1611 г. вспыхнуло восстание. Чтобы одержать верх над восставшими, командующий польским гарнизоном А. Гонсевский поджег город. Москва выгорела, в огне погибла значительная часть ее населения.

С подходом к Москве военных отрядов, получивших в исторической традиции название Первого ополчения, Боярская дума и польский гарнизон укрылись за стенами московской крепости. Собравшиеся под Москвой создали здесь свое правительство — «Совет всей земли», во главе которого встали Д. Т. Трубецкой, И. М. Заруцкий, П. П. Ляпунов. Этому

правительству подчинялись восстанавливавшиеся приказы. 30 июня 1611 г. был принят приговор, который определял порядок жизни в России при новой власти. Приговор предусматривал ряд мер, направленных на консолидацию дворянского сословия и укрепление его имущественного и правового положения. В приговоре запрещались смертные казни иначе как «по земскому и всей земли приговору», подтверждалось установление Шуйского о превращении 1/5 поместных земель в вотчину за военные заслуги. Приговор отменял земельные пожалования «не по мере», сделанные как в Москве, так и в Тушине и в Калуге, а отобранные земли предлагалось использовать для испомещения разоренных детей боярских. Планировался и сыск беглых, укрывшихся в годы Смуты в чужих имениях и в городах. Казакам гарантировалась регулярная выплата жалованья и кормов, но категорически запрещался самостоятельный сбор кормов с населения. Совершавшим подобные действия приговор угрожал смертной казнью.

Попытки провести нормы приговора в жизнь вызвали резкое недовольство казачества, и дело закончилось убийством Прокопия Ляпунова на казачьем кругу. После этого начался массовый разъезд детей боярских из подмосковного лагеря, что сказалось на боеспособности ополчения. Возможно, из-за внутренних противоречий первое ополчение оказалось недостаточно эффективным и в борьбе с внешней опасностью. Руководители ополчения готовили помощь осажденному Смоленску, но она запоздала — в июне 1611 г. польско-литовские войска взяли штурмом город, находившийся в осаде почти два года. Серьезной ошибкой оказалась попытка, следуя примеру царя Василия, получить помощь из Швеции. Ополчение обещало королю Карлу IX избрать на русский трон одного из его сыновей. Шведский военачальник Я. Делагарди, воспользовавшись этим, захватил Новгород и прилегающие к нему земли. Не удалось первому ополчению обеспечить надежную блокаду польско-литовского гарнизона в Москве. Польско-литовские военачальники сумели ее прорвать и снабдить гарнизон продовольствием.

Выдвижение в подмосковном лагере на первый план казачьих отрядов во главе с И. М. Заруцким, рост поборов в их пользу, возвращение к практике самостоятельного сбора кормов казачьими станицами вызывали отрицательную реакцию. Поволжские города уже во второй половине 1611 г. договорились между собой не принимать воевод из-под Москвы, не впускать в города казаков, не принимать нового государя, если его изберут одни казаки, «не сослався со всею землею».

Организация второго ополчения. К. Минин и Д. Пожарский. В

октябре **1611** г. один из земских старост Нижнего Новгорода, Кузьма Минин, призвал нижегородскую посадскую общину к сбору пожертвований для снаряжения нового ополчения, которое освободило бы Москву от польско-литовского войска и установило порядок в стране. Этот призыв встретил поддержку не только посада, но и детей боярских и духовенства, сначала нижегородского, а затем и соседних уездов. Главной военной силой нового ополчения стали дети боярские Смоленщины, покинувшие свои поместья, чтобы не служить иноземной власти. Во главе собиравшегося в Нижнем Новгороде войска встал князь Дмитрий Михайлович Пожарский. В составе войска были также отряды казаков, но здесь они не выступали как самостоятельная сила. Благодаря чрезвычайным сборам с посадских общин, проводившимся под руководством Минина, собиравшееся войско было хорошо снаряжено и снабжено.

В грамотах, рассылавшихся по городам с начала 1612 г., излагались цели второго ополчения: объединение всех земских людей «в одном совете» для борьбы с интервентами, выбор государя и пресечение своеволия казаков. На сторону второго ополчения стали переходить поволжские города, и в их числе один из главных центров региона — Казань. Опасаясь захвата городов Верхнего Поволжья высланными из-под Москвы казачьими отрядами, руководители второго ополчения выступили не к Москве, а к Ярославлю, куда их войско прибыло 1 апреля 1612 г. К этому времени на сторону второго ополчения перешли земли Русского Севера и многие города Центра, среди них такие крупные, как Владимир и Суздаль. Здесь, в Ярославле, было создано правительство — «Совет всей земли», власть которого распространялась на всю территорию, контролировавшуюся вторым ополчением. В состав этого правительства, возглавлявшегося Д. М. Пожарским, входило духовенство во главе с бывшим ростовским митрополитом Кириллом, несколько членов Боярской думы, прибывших в Ярославль, и выборные представители разных «чинов» из подчинявшихся второму ополчению уездов. С созданием этого правительства в стране фактически установилось двоевластие. Между войсками второго ополчения и казачьими отрядами на территории Центра происходили вооруженные столкновения, переросшие под Угличем в настоящее сражение. Второе ополчение успешно расширяло сферу своей власти, опираясь на поддержку выступавшего против казаков местного населения. Благодаря удачной дипломатии руководителям второго ополчения удалось на время устранить возможную опасность со стороны занявших Новгородскую землю шведских войск.

Известия о приближении к Москве польско-литовского войска во главе с гетманом Я. Ходкевичем послужили толчком для выступления войск ополчения к столице. Приход первых отрядов из Ярославля привел к обострению внутренних противоречий в подмосковном лагере, к столкновениям между казаками и детьми боярскими из «украинных городов». В результате значительная часть казачьих отрядов во главе с И. М. Заруцким ушла на южные окраины, а другая вступила в переговоры с властями второго ополчения.

Объединение двух ополчений. Освобождение Москвы и избрание царя. В 20-х числах августа 1612 г. под Москвой развернулись бои армии Я. Ходкевича с войсками ополчения. Несмотря на разногласия, ополчения в итоге объединили свои силы, и гетман вынужден был отступить, не сумев прорвать их оборону. Это предрешило исход борьбы за столицу. 26 октября 1612 г. польско-литовский гарнизон, не получив снаряжения и продовольствия, капитулировал. Двигавшийся с войском на помощь гарнизону Сигизмунд III, узнав о его капитуляции, повернул от Волоколамска. Еще до освобождения Москвы произошло объединение двух ополчений и создание общего «Совета всей земли» во главе с Д. Т. Трубецким, Д. М. Пожарским и «выборным человеком» К. Мининым. «Совет» в конце осени 1612 г. выступил с инициативой созыва земского собора для выбора нового правителя. На собор были вызваны выборные представители разных «чинов» русского общества — не только детей боярских, «служилых людей по прибору» и посадских, но также дворцовых и черносошных крестьян. 21 февраля 1613 г. Земский собор избрал царем молодого Михаила Федоровича Романова, племянника по матери царя Федора Ивановича. Ко времени избрания нового царя в Москву вернулись члены Боярской думы, разосланные по городам после сдачи Москвы. Действия «Совета всей земли» на этом прекратились, и власть в стране традиционно оказалась в руках царя, правившего с Боярской думой, члены которой встали во главе главных органов центрального управления — приказов. Эти перемены положили начало восстановлению нарушенной Смутой системы управления.

Итоги Смутного времени для общества и государственной власти. Каковы же были основные итоги Смутного времени для разных слоев русского общества и государственной власти? Для правящей элиты, аристократии события Смуты были, развернутым доказательством ее беспомощности, того, что она *I* может сохранить свое положение в обществе и управлять стра-! ной, лишь опираясь на поддержку сильной центральной вла-1 сти. Не случайно источникам XVII в. неизвестны какие-

либо конфликты между аристократией и властью.

Серьезный ущерб понесла в годы Смуты церковь. Она поддерживала Василия Шуйского, считая его законным правителем, но оказалась не в состоянии серьезно воздействовать на ход событий. Ее владения, многие храмы и монастыри разорены польско-литовским войском и казачьими отрядами. На территории страны действовали войска иноверцев, в самой Москве появился их гарнизон, для нужд которого был устроен костел. Правда, авторитет церкви возрос, когда она выступила как активная сила освободительного движения, но из Смуты церковь выходила с еще большей, чем ранее, уверенностью в необходимости тесного сотрудничества с сильной государственной властью.

Для широких кругов провинциального дворянства годы Смуты были временем сплочения дворянских организаций на местах и роста их политической активности. Хотя не возникло дворянских объединений, выходивших за рамки уезда, уездные дворянские корпорации неоднократно проявляли способность к самостоятельным согласованным действиям. Консолидации этого сословия способствовала и произошедшая в годы Смуты ликвидация различий в положении дворянства разных регионов России. В эти же годы, в особенности на землях, принадлежавших Лжедмитрию II, получило свое выражение стремление дворянства к расширению своих сословных прав. После острых конфликтов с казачеством оно также выходило из Смуты с убеждением в необходимости сильной центральной власти, которая обеспечила бы ему первенствующее положение в обществе. Вместе с тем дворянство считало себя достаточно сильным и самостоятельным, чтобы предъявлять власти свои требования и настаивать на их удовлетворении.

«Служилые люди по прибору» выходили из Смуты также с убеждением в необходимости сильной центральной власти, которая, в частности, обеспечила бы их жалованьем, которое во время Смуты не выплачивалось или выплачивалось плохо. Но вместе с тем, по крайней мере на Юге, они помнили, что лишь благодаря своим активным выступлениям сохранили свой особый, привилегированный статус.

Посадские люди в годы Смуты добились того, что их органы самоуправления во многом превратились в органы власти на местах, как это было в 50—60-е гг. XVI в. Даже там, где имелись воеводы, они вынуждены были с ними считаться. В целом, однако, годы Смуты стали для них временем разрухи, когда из-за общего разорения ни торговля, ни ремесло не могли нормально функционировать, изделия и товары не находили сбыта и приходилось нести расходы на оборону. В этих условиях

государственная власть, стремившаяся восстановить традиционное воеводское управление, оказывалась меньшим злом. Однако, признавая необходимость такой власти и подчиняясь ей, сплотившиеся за годыСмуты посадские общины не скрывали, что они не удовлетворены некоторыми сторонами *существующих* порядков и готовы добиваться их изменения. Сказанное о посадских людях во многом можно отнести и к волостным крестьянским мирам на землях Русского Севера.

Главную тяжесть событий Смуты вынесла на себе русская деревня, не защищенные стенами сельские поселения. Дело не ограничивалось бесчисленными поборами: у крестьян отнимали утварь, угоняли скот, сжигали дома, а зачастую и их самих убивали. Запустела огромная часть еще обрабатывавшихся после «хозяйственного кризиса» второй половины XVI в. земельных площадей. Для переживших Смуту крестьян любой, даже несправедливый порядок был лучше этих бедствий.

Не вписывались в традиционный общественный строй, как он восстанавливался после избрания царя Михаила, сложившиеся за годы Смуты многочисленные отряды «вольного казачества», притязания которого на особое привилегированное положение не встречали признания со стороны государственной власти и дворянства. Вместе с тем казачество было Нужно как военная сила в условиях продолжавшейся войны с Речью Посполитой и Швецией. Отсюда колебания в отношениях сторон: казачество то идет на царскую службу, участвуя в военных походах, то оставляет ее и берет в «приставства» земли, облагая их поборами в свою пользу. В 1615 г. казаки во главе с атаманом Баловнем, чтобы добиться своего, предприняли даже поход на Москву, но потерпели поражение. После окончания войны казакам были выделены земельные наделы, и они влились в состав «служилых людей по прибору».

Для государственной власти итоги событий Смуты явились достаточно противоречивыми. С одной стороны, общество оказывалось заинтересованным в существовании сильной центральной власти, способной поддерживать в стране порядок и организовать ее защиту от внешней опасности. С другой стороны, было очевидно, что правители уже не могут обращаться с этим обществом так, как это делал Иван Грозный, и должны будут управлять им, принимая во внимание требования провинциального дворянства и посадов.

Глава 15. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РУССКОГО ГОСУДАРСТВА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XV НАЧАЛО XVII в.)

Объединение русских земель привело к тому, что иным стало и положение русских земель в системе международных отношений, и политический кругозор их правителей — великих князей московских.

Хотя со второй половины XIV в. великие князья московские играли видную роль в политической жизни Восточной Европы, круг их интересов в XIV — первой половине XV в. был достаточно узким, ограничиваясь контактами с Ордой, Великим княжеством Литовским и другими русскими княжествами. Этот круг интересов эпизодически расширялся на юге, благодаря контактам с Византией (важным в идейно-культурном плане) и итальянскими колониями в Крыму (важными с хозяйственной точки зрения), а на западе — спорадическому участию великих князей и их войск в конфликтах Новгорода и Пскова с западными соседями — Ливонским орденом и Швецией. Связи с этими западными соседями занимали преобладающее место в сфере интересов Новгородского государства. К ним следует отнести и союз германских городов — Ганзу и Данию, торговавших с Новгородом. Политика великих князей московских по отношению к соседям была подчинена задаче собирания русских земель. Что касается властей Новгорода, то в отношениях с западными соседями они стремились к сохранению существующего положения, не пытаясь изменить его в свою пользу.

С образованием Русского государства новая держава заняла важное место в системе международных отношении в центральной части Евразийского континента, а перед ее правителями сложились задачи, на решение которых направляли их усилия на протяжении конца XV—XVII вв.

Борьба за освобождение от ордынской зависимости. Во второй половине XV в. главной проблемой для формирующегося Русского государства были отношения с ордами на территории Восточной Европы.К середине XV в. Золотая Орда окончательно распалась на ряд враждующих между собой ханств. На территории Среднего Поволжья под властью потомков хана Улу-Мухаммеда сложилось Казанское ханство, на нижнем течении Волги — Астраханское ханство. В степях между Волгой и Яиком

под властью потомков Едигея также сложилось самостоятельное политическое образование — Ногайская Орда, формально подчинявшаяся власти какого-либо из ханов. В степях между Волгой и Днепром кочевала Большая Орда. Наконец, в Крыму и прилегающих к нему степях сложилось самостоятельное Крымское ханство. Правители Крыма и Казани — потомки Тохтамыша — враждовали с правителями Большой Орды, принадлежавшими к другой ветви потомков Чингисхана.

Наибольшее значение для Русского государства во второй половине XV в. имели сношения с Большой Ордой, которая претендовала на роль главного правопреемника Золотой Орды. Хотя Большая Орда (в отличие от Золотой Орды) уже не была в состоянии вмешиваться в отношения между русскими княжествами, Иван III в начале своего правления оставался вассалом хана Большой Орды, от которого он получил ярлык на великое княжение, а ей продолжал уплачиваться «выход».

Пытаясь удержать русские княжества под своей властью, хан Большой Орды Ахмат стал искать сближения с великим князем литовским Казимиром, поддерживая его притязания на Великий Новгород. Когда Иван III не посчитался с ханскими решениями, Ахмат в 1472 г. предпринял поход на Русь, но его войска были остановлены русскими ратями на Оке. После этого Иван III прекратил платить «выход» в Большую Орду, и соседи стали рассматривать Россию как самостоятельное государство. В 1480 г. Ахмат предпринял попытку восстановить прежние отношения. Рассчитывая на помощь литовского союзника, он пришел с войском к реке Угре, лежавшей на границе с великим княжеством, рассчитывая оттуда вторгнуться на русские земли с литовским войском. На Угре его встретили русские войска. Не получив помощи от Казимира, он все же попытался начать сражение, но попытки ордынских войск перейти Угру были отбиты («москвичи начаша на них стреляти и пищали пущати, и многих побиша татар стрелами и пищалями и отбиша их от берега»). Простояв несколько недель на Угре, 11 ноября 1480 г. Ахмат увел орду в степь.

События на Угре стали сильным ударом по престижу правителя Большой Орды и побудили к действиям его противников — ногайских мурз. Зимой 1481 г. они напали на Ахмата в придонских степях и убили его. В Большой Орде начались смуты. После этого никто из правителей ханств — наследников Золотой Орды не пытался восстановить ордынское господство над русскими землями.

Россия и татарские ханства в конце XV — начале XVI в. С этого времени отношения с татарскими ханствами перестали быть центральной, самой важной проблемой русской внешней политики. С Большой Ордой

отношения и после 1480 г. оставались враждебными. Иван III вступил в союз, направленный против сыновей Ахмата, с их врагом — крымским ханом Менгли-Гиреем. Благодаря их совместным действиям Большая Орда в начале XVI в. распалась и ушла с исторической сцены. Однако с еще одним наследником Золотой Орды — Казанским ханством — уже в 60-х гг. XV в. отношения стали напряженными. Правители Казани стремились укрепить и расширить свои позиции в Верхнем Поволжье (в частности, подчинить себе Вятку), и здесь их интересы сталкивались с интересами Москвы. В течение трех лет, в 1467—1469 гг., последовал ряд походов на Казань, в которых участвовали главные силы русского войска, и в 1469 г. был заключен мир «на всей воле великого князя». Попытки казанских правителей расширить свои границы на севере потерпели неудачу. На длительное время между Москвой и Казанью установился мир.

В 1487 г., воспользовавшись начавшейся борьбой за власть между сыновьями казанского хана Ибрагима, Иван III сумел посадить на казанский трон своего ставленника Мухаммед Эмина. Казанский хан стал фактически вассалом Ивана III, согласовывал с ним важные политические решения, ходил в походы по его приказу. Были установлены мирные и дружественные отношения с Ногайской Ордой, откуда регулярно свали приводить большое количество лошадей для продажи на русских торгах. Таким образом, во второй половине XV в. произошли значительные и благоприятные для Русского государства перемены в его отношениях с кочевым миром. Однако, как показал последующий ход событий, эти перемены не привели к установлению длительного мирного соседства между сторонами.

Россия и татарские ханства в первой половине — середине XVI в. Борьба за Казань. Закономерности, определявшие характер отношений между кочевым и земледельческим миром в Восточной Европе, продолжали действовать. Кочевое хозяйство не производило многих ценностей, создававшихся в земледельческом хозяйстве, и кочевники не могли полностью приобрести их с помощью торговли. В таких условиях они стремились добыть недостающее с помощью набегов на соседние земледельческие страны. Более того, их целью стала добыча главного товара, пользовавшегося спросом на невольничьих рынках Востока, — рабов. Основным носителем таких тенденций в жизни кочевого мира Восточной Европы стало Крымское ханство, очень усилившееся после падения Большой Орды, значительную часть которой оно и поглотило. Со второго десятилетия XVI в. набеги крымских татар на русские земли стали постоянными, и Русскому государству снова пришлось тратить огромные

материальные и людские ресурсы для организации обороны от крымских набегов. В первой половине XVI в. главным рубежом обороны была Ока, по северному берегу которой постоянно стояли, ожидая нападения, русские войска. Русские воеводы обычно не пропускали татар за Оку, но обеспечить защиту земель, расположенных южнее, удавалось далеко не всегда.

Крымское ханство, опираясь на поддержку могущественной Османской империи, вассалом которой оно стало в середине 70-х гг. XV в., стремилось объединить под своей властью, подчинить своему влиянию другие государства —• наследников

Золотой Орды. Значительных успехов крымским ханам удалось добиться во время смут в России в 30—40-е годы

XVI в. — в годы «боярского правления». Русское государство утратило контроль над Казанью, где утвердились крымские царевичи, возобновившие оттуда постоянные набеги на русские земли уже с востока. По свидетельству современника, «Галич и Устюг, Вятка и Пермь от Казанцев запусте». Казанский хан Сафа-Гирей требовал платить ему «выход». Поддержку ему оказывала Ногайская Орда. Возникла опасная перспектива объединения государств — наследников Золотой Орды вокруг Крыма и под покровительством султана, посылавшего крымским ханам отсутствовавшие у кочевников пехотные войска и артиллерию. Кроме того, объективно назревала и потребность общества с ограниченным прибавочным продуктом в колонизации плодородных земель к югу от реки Оки, чему препятствовала враждебная политика наследников Золотой Орды.

Ответом на эту ситуацию по окончании внутриполитического кризиса в России стали походы русских войск против Казанского ханства. Помимо походов, в которых участвовали основные силы русских войск во главе с царем Иваном IV, русским политикам удалось использовать противоречия между Казанским ханством и подчиненными ему народами Среднего Поволжья. В результате чуваши, живущие на правой стороне Волги, «горная черемиса», добровольно подчинились русской власти. На их земле как опорный пункт новой власти был поставлен Свияжск. В этих условиях в казанской верхушке взяли верх сторонники московской ориентации. Летом 1551 г. был заключен мир. Правобережная часть ханства отошла к России, на казанский трон был посажен московский ставленник Шах-Али.

К этому времени в московских правящих кругах сложились планы включения оставшейся территории ханства в состав Русского государства. В этом видели окончательную гарантию прекращения набегов с востока. Кроме того, русская церковь рассчитывала распространить на

присоединенных территориях православие. Купечество было заинтересовано в свободной торговле по Волжскому пути, помещики рассчитывали на получение новых владений на плодородных землях Поволжья.

В итоге Шах-Али покинул Казань, а с казанской знатью было достигнуто соглашение о вхождении ханства в состав Русского государства на условиях широкой автономии. Однако это соглашение не приняли более широкие круги населения, призвавшие на ханский трон Ядыгара из рода ханов, правивших в Астрахани. Летом 1552 г. к Казани снова направилось русское войско во главе с Иваном IV. Для участия в походе были собраны все силы, в нем участвовали даже новгородские помещики. Осада столицы Казанского ханства продолжалась более двух месяцев. После долгого и ожесточенного сопротивления Казань была взята штурмом 2 октября 1552 г., и Казанское ханство прекратило свое существование. Война на территории ханства продолжалась еще несколько лет, и только в 1556—1557 гг. началась раздача бывших владений хана и казанской знати русским помещикам. Во второй половине XVI в. контроль над завоеванным краем поддерживался благодаря постоянному присутствию значительных военных сил, тем не менее на восточных границах Русского государства был установлен мир. После занятия русскими войсками в 1556 г. Астрахани и ликвидации Астраханского ханства под властью русских правителей оказался весь бассейн Волги от истоков до устья. С Ногайской Ордой были установлены союзные отношения с элементами протектората. Ногайские мурзы участвовали в походах русских войск в Ливонию. Когда русские границы достигли Каспийского моря, перед русскими политиками встал целый ряд новых проблем. Надо было строить отношения с новыми соседями: Сибирским ханством, Казахской Ордой, государствами Средней Азии, Ираном, народами Северного Кавказа.

Борьба с набегами крымских татар. Создание «засечной черты». После завоевания Казани и Астрахани именно народы Северного Кавказа привлекли к себе особое внимание русских правящих кругов. О важности, которую придавали в Москве этому региону, свидетельствует женитьба Ивана IV в 1561 г. на Кученей, дочери кабардинского князя Темрюка. Сами связи были установлены в середине 50-х гг. XVI в. по инициативе адыгских и кабардинских князей, искавших в Москве защиты от крымского хана и готовых признать верховную власть царя. Для русских политиков эти князья представляли ценность как союзники в наступлении на Крым.

Завоевание Казани и Астрахани не решало вопроса об отношениях России с кочевым миром. Южным окраинам России по-прежнему угрожали

набеги крымских татар. Эти набеги, сопровождавшиеся разорением селений и угоном их жителей в рабство, создавали серьезные препятствия на пути хозяйственного освоения земель черноземного Центра, гораздо более плодородных, чем земли к северу от Оки. Уже в середине 50-х гг. XVI в. в Москве возникли планы похода на Крым, чтобы посадить на ханский трон своего ставленника. Во второй половине XVI в. русское правительство неоднократно обращалось к этим планам, но на пути их осуществления возник ряд серьезных препятствий. Поход сухопутных сил на Крым, отделенный от России огромными пространствами неосвоенного Дикого поля, столкнулся с большими трудностями даже в конце XVII в., когда южные границы России придвинулись совсем близко к Крымскому ханству. Правда, территория ханства была уязвима для морских походов, что показали в XVII в. удачные нападения донских и запорожских казаков, но направить на Крым по-настоящему большую «плавную рать» русское правительство могло лишь по одной водной артерии — Дону, но в его устье, закрывая выход в море, стояла османская крепость Азов. Если бы удалось преодолеть это препятствие, то тогда русские столкнулись бы с господствовавшим на Черном море османским флотом. Этот же флот обеспечил бы переброску в Крым османских войск. Серьезно пытаться осуществить планы завоевания Крыма можно было лишь в том случае, если бы два главных восточноевропейских государства — Россия и Великое княжество Литовское заключили между собой союз против Крыма и Османской империи, однако по причинам, о которых речь пойдет ниже, дело не только не дошло до заключения такого союза, но, напротив, Крым сумел использовать в своих интересах противоречия между своими северными соседями. Набеги крымских татар продолжали оставаться страшным бедствием для южных районов Русского государства — во время удачных набегов татарам удавалось угнать и продать в рабство десятки тысяч людей (по словам австрийского дипломата С. Герберштейна, в 1521 г. крымские татары угнали в рабство 80 тыс. человек), и трижды — в 1521, 1571 и 1591 гг. — крымские войска, прорвав линию обороны на Оке, дошли до самой Москвы.

В конце концов методом проб и ошибок русское правительство нашло путь решения проблемы, который требовал огромных усилий и долгого времени, но в итоге привел к достижению поставленной цели. Вдоль южных границ к югу от Оки во второй половине XVI в. была создана сплошная линия оборонительных сооружений из лесных завалов (засек), полевых укреплений и крепостей — так называемая засечная черта. Она протянулась на 500 км через Переяславль-Рязанский — Венев — Крапивну

— Одоев, прикрывая от татарских набегов Рязанщину и земли «верховских княжеств». Этот оборонительный рубеж стал серьезным препятствием на пути татарских набегов, и под его прикрытием началось земледельческое освоение распаханных земель на Диком поле. Создание оборонительной линии потребовало огромных материальных и людских усилий и могло быть осуществлено только сильной центральной властью. Польша и Литва, где такой власти нё~было, так и не смогли организовать эффективного противодействия татарским набегам. В 80—90-х гг. XVI в. началось строительство на Диком поле украинных городов — Воронежа, Ливен, Белгорода, на древнем городище был возобновлен Курск. Тем самым подготавливались условия для создания новой, расположенной южнее,. оборонительной линии, которая позволила бы начать земледельческое освоение еще одного куска плодородных восточноевропейских степей, что позволило бы существенно увеличить те скромные объемы прибавочного продукта, которые создавались в русской деревне XVI в. Смута начала XVII в. прервала этот процесс, но с ее окончанием движение русских оборонительных линий на юг возобновилось.

Россия и народы Кавказа во второй половине XVI — начале XVII в. В 60—70-х гг. XVI в., когда Русское государство втянулось в большую затяжную войну на Западе, его позиции на Северном Кавказе и в Прикаспии заметно ослабли. Связи с адыгами и кабардинцами оказались разорваны. Ногайская Орда стала участвовать в походах крымских татар на русские земли. Поставленную на Тереке крепость — опорный пункт русского влияния на Северном Кавказе — Иван IV вынужден был «снести» по требованию султана. Однако с середины 80-х гг. XVI в. началось постепенное восстановление и укрепление позиций России в регионе.

Так, возобновившиеся в конце 70-х гг. контакты с кабардинскими князьями завершились в 1588 г. их коллективной присягой, скреплявшей союз с Россией против Крыма и Османской империи. Князья обязались вместе с русскими воеводами защищать крепость, вновь поставленную в устье Терека. Вслед за строительством города на Тереке последовало строительство ряда других крепостей, поставивших под контроль русской власти пути, ведущие к Дербентскому проходу и далее в Закавказье. В Астрахани тогда же был поставлен каменный кремль. К середине 80-х гг. были восстановлены и традиционные мирные отношения с Ногайской Ордой. В середине 90-х гг. как опорный пункт русского влияния была поставлена и крепость на Яике.

Во второй половине 80-х гг. были установлены связи и с одним из грузинских царств — Кахетией. Царства, на которые к этому времени

разделилась Грузия, тяжело страдали от войн, которые вели между собой Османская империя и Иран, стремившиеся утвердить свою власть в Закавказье. В 1587 г. кахетинский царь Александр признал себя вассалом царя и просил у него защиты от войск султана. Тогда же установил контакты с Россией и ряд князей Дагестана. Однако с главным из этих князей — шамхалом, врагом кахетинского царя, отношения сложились враждебные. В конце 80—90-х гг. русские войска неоднократно предпринимали походы на земли шамхала, чтобы «очистить» дорогу в Кахетию. Особенно крупный поход был предпринят в 1604—1605 гг., но, не получив поддержки от кахетинского царя, русская рать была разбита пришедшими на помощь к шамхалу османскими войсками. Несмотря на неудачу, русские позиции в регионе оказались настолько прочными, что установленные связи уже не были разорваны даже в годы Смуты.

Россия и Сибирское ханство. Поход Ермака. После завоевания Казани и Астрахани восточным соседом России стало еще одно государство — наследник Золотой Орды — Сибирское ханство, расположенное в верховьях рек Тобола и Иртыша и облагавшее данью — «ясаком» — в свою пользу племена ханты и манси на Урале и в низовьях этих рек. Под впечатлением русских успехов 50-х гг. XVI в. сибирский хан Едигер признал себя вассалом царя Ивана IV и в 1557 г. выплатил ему дань — одну тысячу шкурок соболя. Свергнувший его хан Кучум в 1574 г. снова выплатил дань, но затем перестал соблюдать заключенные соглашения. С этого времени начались набеги сибирских татар на русские земли. Одновременно хан Кучум запрещал зависевшим от России племенам Приуралья давать «ясак» в царскую казну. Нападения на русские городки в бассейне Верхней Камы приняли особенно широкий размах в начале 80-х гг. XVI в. Кучум явно стремился использовать ситуацию, когда русские военные силы были заняты войной на западе. Интересы Кучума столкнулись в этом районе с интересами солепромышленников Строгановых, получивших от Ивана IV обширные привилегии для освоения Верхнего Прикамья и стремившихся расширить свои владения и по другую сторону Уральских гор. Для защиты своих владений Строгановы наняли отряд волжских казаков во главе с атаманом Ермаком. Решив, что лучший способ обороны — наступление, Ермак в сентябре 1582 г. предпринял поход во владения Кучума.

Поход Ермака привел к неожиданным для участников похода результатам. Они не только разбили войска Кучума, но и заняли столицу его ханства — Кашлык. В ханстве начались столкновения между Кучумом и его противниками из рядов татарской знати. Подчинявшиеся ранее

ханству племена ханты и манси принесли присягу царю и стали давать «ясак» новой власти. Летом 1583 г. казаки отправили собранный «ясак» в Москву, и в следующем году в Сибирь были отправлены воеводы с войсками. Хотя Ермак позднее погиб в бою с войсками Кучума и казаки его отряда вернулись за Урал, посылавшиеся из Москвы воеводы стали постепенно занимать территорию ханства и строить крепости — опорные пункты русского управления новым краем. В 1587 г. в 15 верстах от ханской столицы на реке Тобол был заложен Тобольск, который в дальнейшем стал главным центром русских владений в Сибири.

Борьба с Великим княжеством Литовским за объединение русских земель. Отношения Русского государства с его главным западным соседом — Великим княжеством Литовским определялись долголетним соперничеством московских и литовских правителей в борьбе за объединение под своей властью восточнославянских земель. В этой борьбе литовские правители, опираясь на поддержку Польши, к середине XV в. утвердили свою власть над большей частью территории современной Украины, территорией современной Белоруссии, Смоленской землей и Верховскими княжествами на Оке. Во второй половине XV в. великий князь литовский Казимир пытался использовать в своих интересах противоречия, возникавшие на заключительном этапе объединения русских земель вокруг Москвы, и для этого постарался получить в 70-х гг. XV в. у ордынских правителей ярлыки на Великий Новгород и Переяславль Рязанский.

С конца XV в. в русско-литовских отношениях обозначились важные перемены. Начиная с Ивана III московские правители провозгласили своей главной внешнеполитической целью объединение всех восточнославянских земель под эгидой московских правителей — потомков Владимира Киевского и его законных наследников. В проведении этой политики московские правители опирались на поддержку всего русского общества, воспринимавшего образовавшееся Русское государство как исторического преемника, продолжение Древнерусского государства. Достижение такой цели означало бы конец существования Великого княжества Литовского как великой державы. Осуществление этой программы должно было затронуть и интересы Польского королевства, завладевшего землями современной Западной Украины.

Русские правители обнаружили большое упорство в борьбе за достижение своей цели. Одной из характерных черт русколитовских отношений в XVI в. стало заключение с Литвой лишь краткосрочных перемирий — заключение мира означало бы признание прав потомков

великого князя литовского Ягайлы — Ягеллонов на власть над восточнославянскими землями, на что правящие круги в Москве не желали пойти.

Серию русско-литовских войн открыла в конце 80-х гг. XVI в. «пограничная война», когда обе стороны поддерживали своих сторонников на территории Верховских княжеств. С 1492 г. военные действия со стороны России перешли в открытую войну, которая завершилась вхождением в состав Русского государства не только Верховских княжеств, но и значительной части Смоленской земли (Вязьма и ряд других городов). Еще более неудачной для Литвы оказалась новая война, начавшаяся в 1500 г. В июле этого года армия Великого княжества Литовского была разбита в сражении на реке Ведроше, в плен попал сам главнокомандующий князь Константин Острожский. По миру, заключенному в 1503 г., в состав Русского государства вошла Северская земля с ее основными центрами — Новгородом-Северским и Черниговом. Успех военных кампаний был связан не только с удачными военными действиями русских войск. Не меньшее значение имел переход на русскую сторону большей части сидевших на этих землях князей вместе с их населением. Достигнутые успехи были столь значительными, что на мирных переговорах 1503 г. Иван III выступил с притязаниями на Киев — историческую столицу Древнерусского государства.

В дальнейшем, однако, на пути к осуществлению московских планов возникли серьезные трудности. Восточные области Великого княжества Литовского, население которых в конце XV — начале XVI в. перешло на сторону Москвы, были сравнительно слабо связаны с этим государством, в них во многом сохранялись традиционные для древнерусского общества институты. Иное положение сложилось на основных территориях Великого княжества Литовского. Правда, к началу XVI в. восточных славян объединял общий язык, сознание единства происхождения, общие культурно-исторические традиции, у них сохранялось представление о принадлежности к одному «русскому» народу, лишь временно разделенному политическими границами. Однако к тому же времени в результате длительного самостоятельного развития в Русском государстве и на восточнославянских землях Великого княжества Литовского сложилось два существенно отличавшихся друг от друга общества. Конец XIV—XV в. стали временем больших перемен в жизни населения Великого княжества Литовского. Именно в это время на его территории быстрыми темпами стало формироваться крупное феодальное землевладение. В руки феодалов-землевладельцев перешла большая часть ранее очень

значительного фонда государственных земель не только на белорусских и украинских землях, но и на территории этнической Литвы. К началу XVI в. образовались большие магнатские латифундии, находившиеся в руках литовской католической знати и сидевших на Волыни православных потомков Гедимина. По данным «пописа» войска Великого княжества Литовского 1529 г., вооруженные отряды литовских магнатов и князей Волыни составляли большую часть войска этого государства. Меньшая часть фонда государственных земель перешла в руки местного литовского и «русского» боярства в отдельных землях Великого княжества. Образовавшийся слой мелких и средних землевладельцев получил название «шляхта», как обозначались представители дворянского сословия в соседней Польше.

Формирующееся дворянское сословие в Великом княжестве Литовском стремилось к установлению в нем таких порядков, которые существовали в соседнем Польском королевстве, где власть монарха была ограничена, сам монарх — польский король — избирался и за свое избрание вынужден был предоставлять дворянству все новые податные и судебные привилегии. В этом отношении феодалам-землевладельцам Великого княжества Литовского удалось многого добиться. Переломными стали события 1447 г., когда по привилею, выданному великим князем Казимиром, земли, розданные магнатам и местному дворянству — шляхте, превратились в их полную наследственную собственность и были освобождены от всех налогов и повинностей, кроме работ по укреплению городов; тогда же знать и шляхта получили и полноту судебной власти над подданными.

К началу XVI в. здесь сложилась сословно представитель ная монархия, где шляхта приобрела широкие сословные права (в частности, главный государственный налог — «серебщину» здесь можно было собирать, лишь получив согласие выборных представителен дворянства на заседаниях сейма — парламента). Наиболее крупные городские центры Великого княжества Литовского к началу XVI в. пользовались самоуправление на магдебургском праве. Это означало, что городская община освобождалась от судебно-административной власти великокняжеского наместника, а разные налоги и повинности заменялись единым денежным взносом в великокняжескую казну. Позднее магдебургское право было распространено на менее значительные города. Опасаясь утратить свои права в случае присоединения к России, местные бояре и городское население — мещанство — оказывали упорное сопротивление попыткам русских государей подчинить их своей власти.

С таким явлением русская власть впервые столкнулась, когда началась борьба за Смоленск. Если на рубеже XIV—XV вв. жители Смоленска и Смоленской земли в течение ряда лет давали упорный отпор попыткам великого князя литовского Витовта включить Смоленскую землю в состав Великого княжества Литовского, то в XVI в. лишь после трех военных походов, предпринятых в 1512—1514 гг. с напряжением всех военных сил государства, Василию III удалось сломить сопротивление этого города. Последовавший вслед за сдачей Смоленска массовый «вывод» — переселение смоленских бояр и мещан во внутренние районы Русского государства — показывает, что у правящих кругов не было никаких иллюзий по поводу их отношения к русско-литовскому спору. Вместе с тем сам факт взятия Смоленска означал, что, несмотря на возникшие трудности в борьбе за восточнославянские земли, московская власть может добиваться реальных успехов. Ход последующих военных кампаний указывал на то, что, хотя русские войска подчас терпели серьезные неудачи (примером может служить поражение под Оршей в 1514 г.), военный перевес в целом был на их стороне, и военные действия разворачивались, по преимуществу, на территории Великого княжества Литовского. Главной военной силой в Великом княжестве Литовском, как и в России, было дворянское ополчение, близкими были и нормы, определявшие правила военной службы. За неявку на смотр или на пункт сбора для участия в походе литовский шляхтич мог, как и русский сын боярский, потерять владение, но в условиях роста сословных привилегий дворянства эти правила перестали строго соблюдаться. Русское дворянское ополчение оказывалось в итоге более многочисленным и более дисциплинированным, и поэтому ему чаще сопутствовал успех.

Русское наступление на запад и образование ПольскоЛитовского государства. В середине XVI в. внимание русских политиков было привлечено к решению восточной проблемы, отсюда — длительная мирная пауза в русско-литовских отношениях. Но в начале 60-х гг. XVI в. военная борьба двух государств, осложненная, как увидим далее, спором из-за Ливонии, возобновилась. Русским войскам сопутствовал успех: в феврале 1563 г. капитулировал Полоцк — один из главных центров на территории современной Восточной Белоруссии, отсюда открывался прямой путь к столице Великого княжества Литовского — Вильно. Этот успех имел, однако, непредвиденные для русских правящих кругов последствия.

В конце XIV в. Великое княжество Литовское сумело сохранить свою власть над «русскими» землями благодаря поддержке Польши, с которой оно оказалось соединено династической унией (так называемая Кревская

уния 1385 г.) под властью великого князя литовского Ягайлы и его потомков — Ягеллонов. Но под властью одной династии (и часто одного правителя) Польша и Литва оставались самостоятельными государствами, и когда Литва вела войну с Россией, Польша в ней не участвовала, лишь иногда оказывая помощь отрядами наемников. Возобновление русского наступления на запад, которое ставило под угрозу и польские владения на Украине, стало одной из причин для объединения по так называемой Люблинской унии 1569 г. Польши и Литвы в единое государство — Речь Посполитую. Теперь в случае возобновления войны в ней должно было всеми своими силами принять участие и Польское королевство. В возобновившейся в конце 70-х гг. войне с объединенными силами противников русское войско стало терпеть неудачи. В 1579 г. был потерян Полоцк, и польско-литовское войско перенесло войну на русскую территорию. Целью войны правящие круги Речи Посполитой ставили завоевание Новгорода и Пскова. Героическая оборона Пскова в 1581 г. от войск польского короля Стефана Батория привела к неудаче этих планов, и Русскому государству удалось выйти из войны, не потеряв своих территорий, но в этих условиях московские правящие круги были вынуждены отложить на Длительный срок возобновление борьбы за объединение восточнославянских земель вокруг Москвы.

Балтийское направление русской внешней политики. На еще одном направлении русской внешней политики — балтийском — Русское государство унаследовало вставшие здесь перед ним задачи от Великого Новгорода. Балтийское море было тем главным путем, который соединял русские земли со странами Западной Европы. Еще в период раннего Средневековья новгородские купцы свободно ходили на судах по этому морю, добираясь до Дании. С захватом Прибалтики немецкими орденами и формированием Ганзейского союза немецких городов русские купцы оказались вытеснены с Балтийского моря, и вся торговля на нем сосредоточилась в руках ганзейских купцов. На территории Новгорода образовался Ганзейский двор, поселившиеся на нем немецкие купцы получили ряд привилегий от правительства Новгородского государства.

К концу XV в. в балтийской торговле наметились серьезные перемены. Немецкое купечество утратило контроль за торговыми путями, связывавшими восток и запад Европы, торговля продукцией, идущей из стран Западной Европы на Восток, перешла в руки голландских купцов. Серьезно изменился и характер самой торговли. С развитием в ряде стран Западной Европы промышленного производства и ростом городов здесь появился спрос на различные продукты сельского хозяйства Восточной

Европы: хлеб, «лесные товары» (лес и поташ), кожи, сало, лен, пенька. В обмен на них предлагалась разнообразная ремесленная продукция и товары, идущие с Востока. Менялся не только ассортимент товаров, расширялся и общий объем торговли, приобретавшей все большие значение для стран Восточной Европы. Не осталась в стороне от происшедших перемен и Россия. Если в торговле хлебом в XVI в. она не участвовала, то продажа на западные рынки таких товаров, как сало, лен, пенька, приобретала все большие размеры. С ростом спроса на товары с Востока в Западной Европе для стран Восточной Европы создавались благоприятные условия для выгодной торговли, но в полной мере использовать их они не могли. Купцы немецких городов Прибалтики, контролировавшие ключевые пункты на путях, связывавших Восточную и Западную Европу, не допускали до непосредственных контактов между голландским (и другим западноевропейским) и местным купечеством, навязав свое посредничество при заключении торговых сделок: западные и русские купцы могли продавать свой товар только немецким купцам, а те перепродавали его дальше с выгодой для себя. Эти действия наносили прямой ущерб и русскому купечеству, и Русскому государству, лишая его казну доходов.

В сложившемся положении вещей были и другие, неблагоприятные именно для Русского государства стороны. В XVI в. на территории Русского государства не было месторождений цветных металлов, необходимых, в частности, для производства вооружения, и их можно было получить лишь благодаря международной торговле. Однако сосед России, Ливонский орден, владевший территорией Восточной Прибалтики, не желая усиления России, установил запрет на ввоз в нее цветных металлов и оружия. Орден препятствовал и проезду в Россию мастеров, которых нанимали русские агенты в разных странах.

Правда, в 50-х гг. XVI в. эта блокада Русского государства была прорвана, когда английские купцы, искавшие морской путь в Китай, прибыли к устью Северной Двины. Благодаря установившимся связям Русское государство получило возможность получать цветные металлы из Англии, для чего «Московской компании» — объединению торговавших с Россией английских купцов были предоставлены значительные привилегии. В 1583 г. в устье Северной Двины был основан Архангельск, город, где купцы из Англии и других стран Европы без посредников могли торговать с русскими купцами. Однако путь на Двину был долгим и трудным, а навигация на рано замерзавшем Белом море была возможна лишь 2—3 месяца в году. Поэтому необходимо было добиваться изменения

условий торговли на Балтике.

Борьба за изменение условий торговли на Балтике. Ливонская война. В 50-х гг. XVI в. русские политики прилагали большие усилия, чтобы дипломатическим путем добиться отмены запретов, установленных властями Ливонского ордена и немецкими купцами. Соответствующие соглашения были заключены, но на практике не соблюдались. Тогда была предпринята попытка силой сломать барьер. В 1558 г. началась война России с Ливонским орденом, которая положила начало Ливонской войне — крупному международному конфликту на севере Европы. В войне войска Ьрдена быстро потерпели поражение, а ливонские замки не смогли противостоять русской артиллерии. Значительная часть территории ордена была занята русскими войсками, ее земли были розданы русским помещикам.

В Юрьеве (Тарту) было основано православное епископство. Перешедшая под русскую власть Нарва стала крупным центром, где русские купцы торговали с купцами из стран Западной Европы. Тем самым одна из целей войны была достигнута. Однако русское войско не смогло подчинить главных портов на побережье Прибалтики — Риги и Таллинна, купечество которых чинило препятствия «нарвскому плаванию». Не располагая флотом, подчинить эти города было невозможно. Кроме того, они нашли поддержку у других претендентов на наследство Ливонского ордена. В роли главного претендента выступило Великое княжество Литовское.

Превращение войны с **Ливонией в международный конфликт.** Политика немецких городов и ордена наносила Великому княжеству также значительный ущерб, даже больший, чем России, так как его связи с европейским рынком в XVI в. были гораздо более обширными. Оба государства могли бы совместно выступать против Ливонского ордена, тем более что каждое из этих государств экспортировало в страны Западной Европы разные товары и между ними не было в XVI в. никакой экономической конкуренции. Однако на отношения двух государств накладывал глубокий отпечаток их многолетний спор из-за восточнославянских земель. Поэтому каждая из сторон опасалась, что, заняв Прибалтику, соперник поставит под свой контроль ведущие в его страну торговые пути, и, наоборот, сама стремилась занять эту выгодную позицию по отношению к сопернику.

В ноябре 1561 г. власти ордена заключили с великим князем литовским Сигизмундом II Августом договор о присоединении ордена к Великому княжеству Литовскому, и он предъявил претензии на все ливонское

наследство. В том же 1561 г. рыцарство Северной Эстонии и город Таллинн принесли присягу шведскому королю Эрику XIV. Шведское королевство также хотело захватить выгодные позиции на торговых путях, обладание которыми позволило бы обогатить шведскую казну. Началась затяжная борьба за Ливонию, в которую вмешалась и Дания. Соперничающие державы не только послали в Ливонию войска, но и пытались организовать блокаду Нарвы. Военные действия шли с переменным успехом. Россия воевала то с Великим княжеством Литовским, то со Швецией. Понимая, что исход борьбы в немалой мере зависит от позиции жителей главных городов Ливонии, Иван IV в 1570 г. создал на части занятых русскими войсками земель вассальное Ливонское королевство во главе с братом датского короля принцем Магнусом. Жителям ливонских городов, если они подчинятся власти Магнуса, Иван IV обещал дать привилегии на свободную и беспошлинную торговлю по всей территории России, но предпринятые шаги не привели к результатам, на которые он рассчитывал. Ценою больших усилий Иван IV к 1577 г. сумел овладеть всеми владениями ордена на север от Западной Двины, но Рига и Таллинн ему так и не подчинились.

К концу 70-х гг. XVI в. сложилась неблагоприятная международная обстановка, когда России фактически противостояли одновременно военные силы соединенного ПольскоЛитовского государства, Швеции и Крыма, и Иван IV был вынужден вести войну одновременно на нескольких фронтах. Многолетняя тяжелая война завершилась двумя мирными соглашениями — в 1582 г. в Яме Запольском с Речью Посполитой, в 1583 г. на реке Плюсе со Швецией. Были потеряны не только все русские завоевания в Ливонии, но и Карелия и новгородские пригороды в устье Невы, захваченные шведами. Таким образом, добиться выхода к Балтийскому морю не удалось. Русское правительство не хотело мириться с таким поражением. Одной из главных целей войны со Швецией, которая началась в 1590 г., было вернуть под русскую власть Нарву. Удалось вернуть Русскому государству новгородские пригороды и Карелию, но Нарва осталась под шведской властью. Попытки Бориса Годунова на рубеже XVI—XVII вв. добиться выхода к Балтийскому морю, используя в своих целях конфликт между Речью Посполитой и Швецией из-за бывших владений Ливонского ордена, также оказались безрезультатными.

Таким образом, к началу XVII в. значительный прогресс был достигнут лишь на восточном направлении русской внешней политики. Международные условия, в которых действовало в XVI в. Русское государство, не создавали благоприятной обстановки для решения

стоявших перед Русским государством и обществом сложных внутренних проблем.

Ареал внешних связей Русского государства в конце XV— начале XVII в. Круг проблем, стоявших перед русской внешней политикой, определил и ареал внешнеполитических связей Русского государства в конце XV — начале XVII в. Помимо связей со своими непосредственными соседями — Крымом и Османской империей, Ираном (на Каспийском море), Великим княжеством Литовским (а затем — ПольскоЛитовским государством), Ливонским орденом и Швецией, русское правительство поддерживало более или менее регулярные контакты лишь с Данией и державами австрийских Габсбургов. Раннее установление контактов с Данией было связано с совместными действиями обоих государств против господства немецкого купечества на Балтийском море. Позднее оба государства были вовлечены в события Ливонской войны, что также требовало поддержания между ними регулярных контактов. На разных этапах русской внешней политики разные мотивы побуждали русских политиков искать контактов с Габсбургами. Первоначально речь шла о планах союза с Габсбургами против правивших в Польше и в Литве Ягеллонов, с которыми Габсбурги соперничали в борьбе за влияние в Чехии и Венгрии. Когда эта борьба в 20-х гг. XVI в. завершилась победой Габсбургов, их контакты с Россией надолго прервались, возобновившись лишь в годы Ливонской войны. В это время и позже оживление этих контактов было связано с общей заинтересованностью сторон в борьбе с Османской империей. В 90-х г. XV в., когда шла «Долгая война» Габсбургов с османами, русское правительство оказало им денежную помощь и содействовало установлению их контактов с врагом османов — иранским шахом. Что касается таких могущественных держав, как Испания или Франция, с ними у России в XVI в. не было каких-либо серьезных связей.

Такая ограниченность ареала русских внешнеполитических связей в Европе объяснялась не только тем, что русская внешняя политика ограничивалась пока, главным образом, рамками Восточной Европы. Не менее важную роль играло то объективное обстоятельство, что во второй половине XV—XVI в. общеевропейская система международных отношений еще не сложилась. Даже наиболее крупные международные конфликты, такие, как Ливонская война, носили локальный характер.

Идеология конфликтов между Россией и ее соседями в конце XV — XVI в. Конфликты Русского государства с его соседями во второй половине XV—XVI в. были по своему характеру конфликтами политическими, результатом столкновения различных государственных интересов, но в

сознании и русской власти и русского общества они имели и идеологическую окраску. Окружающий Россию внешний мир на основании исторического опыта воспринимался русским обществом как чуждый, инославный и иноверный, источник постоянной опасности. Это был мир, в котором православное население страдало под властью инославных и иноверных правителей, а на Русское государство, как центр христианского мира, ложилась обязанность его освободить. Антагонизм с миром ислама, выступавшим перед русским обществом в облике восточноевропейских кочевников, оставался острым из-за постоянных набегов крымских татар на южные окраины государства. Обострению сложившегося ранее антагонизма с латинским миром способствовало распространение в соседних латинских странах — Польше и Литве, Ливонии, Швеции — Реформации, главным внешним признаком которой для русских людей стало иконоборчество — уничтожение памятников сакрального искусства. Для русского общества иконы были одним из главных воплощений христианского учения, и их уничтожение воспринималось как свидетельство полного разрыва латинского мира с христианством. В этих условиях военный поход против одного из соседей приобретал характер «священной войны», а отвоеванная земля подвергалась процедуре «освящения». Понятно, что походы на Казань мотивировались необходимостью отстаивать интересы православия в борьбе с исламом, но и поход Ивана IV на Полоцк в 1563 г. имел своей целью освобождение живущих здесь православных от власти «християнских врагов иконоборцев, люторские прелести еретиков». Такое восприятие внешнего мира накладывало свой отпечаток и на отношение к тому, что происходило внутри страны. Сильная центральная власть воспринималась единственной защитой перед лицом внешних враждебных сил.

Глава 16. РУССКАЯ КУЛЬТУРА КОНЦА XV—XVI в.

Языческие обычаи и христианские верования в жизни населения. И в этот хронологический период культура сельского населения России оставалась во многом такой же, как и в предшествующие столетия. Многочисленные обычаи с их пестрой смесью христианства и язычества продолжали сохраняться. Участники собравшегося в 1551 г. церковного собора с осуждением писали о том, как их паства справляет поминки по умершим: «В Троецкую субботу по селом и по погостам сходятца мужи и жены по жальниках и плачутца по гробам с великим кричанием, и егда начнут играти гудцы и пригудницы, и они же, от плача преставше, начнут скакати и плясати и песни сотонинские пети». Все приурочено к церковному празднику, но то, что происходит, мало отличается от тризны по покойникам в еще языческой Руси. Их возмущало и то, что и на свадьбах перед священником с крестом идут «смехотворцы и гусельники и бесовские песни поют». По стране ходили носители этой традиционной народной культуры — скоморохи «ватагами многими до штидесяти и до семидесяти и до ста человек». Все, однако, ограничивалось резким осуждением этих явлений и предписаниями священникам не допускать ничего подобного, что те явно были не в состоянии сделать.

Вместе с тем решения собора говорят о том, что длительная деятельность церкви по воспитанию населения в духе христианских заповедей не осталась безрезультатной. Царь Иван IV с тревогой обращал внимание отцов собора на то, что «по погостом и по селом ходят лживые пророки, мужики, и жонки, и девки, и старые бабы, и наги и босы и бороды отрастив и роспустя, трясутся и убиваютца и сказывают, что им являетца святая Пятница и святая Анастасия, они же заповедают Христианом в среду и в пятницу ручного дела не делати, и женам не прясти и платья не мыти». Очевидно, что речь идет о людях из самых низов общества, не только мужчинах, но и женщинах, а их высказывания и действия, хотя и не соответствующие тому, чему учит церковь, представляют собой результат самостоятельных размышлений над истинами христианского учения.

«Домострой» — памятник культуры городского населения. В конце XV—XVI в., как и в предшествующий период, не появилось литературных памятников, отражавших особые интересы городского торгово-ремесленного населения. Однако сохранился памятник, который

позволяет ближе познакомиться с некоторыми взглядами и образом жизни верхов городского населения. Это «Домострой» — свод наставлений и советов по ведению дома и хозяйства. Они адресованы владельцу большой городской усадьбы, на территории которой могут жить зависимые от него ремесленники. Как видно из наставлений и советов, жизнь русского средневекового горожанина на его усадьбе — деревянном дворе, окруженном огородами и другими угодьями, была в гораздо большей степени, чем в других европейских странах, близка к жизни сельского жителя и во многом строилась по аналогичным нормам жизни, характерным для патриархальной семьи. От европейских памятников подобного типа «Домострой» отличается отсутствием советов и наставлений, как приумножить находящееся в руках владельца богатство. Все советы создателя «Домостроя» направлены на то, как сберегать и экономить, избегая ненужных расходов. Среди его наставлений находим и совет вовремя уплачивать государевы подати во избежание многих тяжелых последствий.

Формы исторической памяти в устной культуре: героический эпос и исторические песни. Воинские повести. Духовной пищей и городского, и сельского населения России, и значительной части светской знати продолжал оставаться народный героический эпос. Новым стало появление в это время первых литературных обработок эпических сюжетов, таких, как «Повесть о Сухане» или «Сказание о киевских богатырях». Как представляется, в городской и дворянской среде должны были продолжать пользоваться признанием «воинские повести», в которых сочетались традиции религиозной книжности с традициями народной героической поэзии. Выдающимся памятником такого рода стало наиболее распространенное повествование о Куликовской битве, веками формировавшее представления русских людей об этом событии — «Сказание о Мамаевом побоище», созданное в начале XVI столетия. К XVI в. относится окончательное оформление и повестей о страшных событиях монгольского нашествия, как, например, «Повесть о разорении Рязани Батыем»; в вошедшем в ее состав рассказе о богатыре Евпатии Коловрате, нанесшем большой урон татарскому войску, особенно ясно ощущается влияние народной героической поэзии.

Если «воинские повести» XVI в. продолжали традиции предшествующего времени, то совершенно новыми памятниками стали «исторические песни», отражавшие отношение людей к лицам и событиям современной истории: о взятии Казани, о Иване Г розном, приказывающем убить своего сына, и др. В этих песнях персонажи выступают уже как

обычные люди, без признаков героической гиперболизации, характерной для былин.

«Ученая» культура в жизни светского общества. В жизнь социальных верхов светского общества, прежде всего московской аристократии и чиновничества, конец XV—XVI в. внес существенные перемены, связанные с активным приобщением представителей этих кругов к «ученой» культуре, которая ранее в древнерусском обществе была почти исключительно продуктом деятельности духовных лиц. Когда в конце второго десятилетия XVI в. в Москве поселился приехавший с Афона Максим Грек, постоянными обитателями его кельи стал целый ряд молодых аристократов, хотевших с его помощью приобщиться к традициям византийской образованности. Позднее один из них, В. М. Тучков, по просьбе новгородского архиепископа создал новую редакцию жития новгородского святого Михаила Клопского, использовав при переделке текста, написанного «простым» языком, весь арсенал приемов византийской риторики. Он не был исключением. В конце XVI столетия старший сын Ивана IV царевич Иван Иванович по просьбе ряда духовных лиц произвел аналогичную переделку жития Антония Сийского и написал службу этому святому. В середине XVI в. первый начальник Посольского приказа дьяк Иван Михайлович Висковатый проявил незаурядные познания в богословии, критикуя иконографию образов, написанных для кремлевских соборов после пожара Москвы в 1547 г. Наиболее полно этот новый для древнерусской культуры тип представителя светской элиты, профессионально владеющего разными формами деятельности, связанными с функционированием «ученой» культуры, воплотился в личности Ивана IV, автора духовных песнопений и антипротестантской полемики, получившего у младших современников почетное прозвище — «словесной мудрости ритор».

Внецерковное знание в духовной жизни светской элиты. Другим важным явлением в духовной жизни светской элиты русского общества конца XV—XVI в. стал ее интерес к внецерковному и даже прямо осуждавшемуся церковью знанию.

Первые проявления таких стремлений могут быть отмечены в связи с интересом, который проявил сам Иван III и ряд лиц из его окружения (в том числе влиятельные дьяки братья Иван-Волк и Федор Курицыны) к приверженцам появившейся в России в конце XV в. ереси «жидовствующих». В самих еретиках православное духовенство видело приверженцев иудаизма, но из сочинений главного обличителя еретиков Иосифа Волоцкого видно, что интерес великого князя к ним вызывало не

их вероучение, а «тайное знание», которым они обладали: «звездозаконию бо прилежаху... и астрологы и чародейству и чернокнижию». Это были неизвестные ранее Древней Руси виды «тайного» знания, осуждавшиеся церковью, но сулившие успехи в мирских делах, благодаря предвидению будущего, что и привлекло к ним внимание Ивана III.

Хотя еретики (а в их числе и Иван-Волк Курицын) в начале XVI в. были осуждены и сожжены на кострах, увлечение светской элиты «тайным» знанием на этом отнюдь не прекратилось. Оружничий Василия III Федор Иванович Карпов во втором десятилетии XVI в. доказывал в полемике с Максимом Греком, что, хотя астрология и осуждается церковью, она «нужна царям», так как благодаря советам астрологов они достигают успеха в государственных делах. В решениях церковного собора 1551 г. перечислялся целый перечень сочинений по астрологии, которые христианам запрещалось читать и держать у себя: «Шестокрыл, Альманах, Звездочет, Аристотелевы врата». Этот устойчивый интерес к «тайному» знанию говорил о появлении у части светской верхушки общества таких духовных потребностей, которые не могло удовлетворить предлагавшееся церковью традиционное знание.

О появлении в этой среде новых духовных потребностей говорит и отзвук, который получили здесь веяния Реформации, к середине XVI в. широко распространившейся на соседивших с Россией белорусских и украинских землях. Под влиянием приехавших в Москву «ляхов» сын боярский великокняжеского двора Матвей Башкин стал самостоятельно читать Апостол и Евангелие и в результате отпустил на волю своих холопов, решив, что их несвобода противоречит учению Евангелия. Размах новых явлений не следует преувеличивать, они охватывали лишь небольшую часть светской верхушки русского общества, связанную с великокняжеским двором и Москвой, но их появление — симптом перемен, которые более ярко обозначатся в следующем, XVII столетии.

Роль России в мире в памятниках государственной идеологии. Большой и важный пласт древнерусской культуры конца XV—XVI в. был связан с осмыслением перемен, происшедших в мире с образованием Российского государства. Это было, по большей части, результатом деятельности духовных лиц, но часто — связанных с государственной властью и идущих навстречу ее потребностям.

Здесь следует назвать такой памятник, созданный в первых десятилетиях XVI в., как «Сказание о князьях Владимирских». Легендарный рассказ о происхождении Рюриковичей от Пруса — брата императора Августа — обосновывал право русских монархов на видное и

почетное место в семье европейских государей, а сообщение о присылке византийским императором знаков власти предку московских государей — Владимиру Мономаху — говорило о том, что уже в глубокой древности мировая христианская держава — Византия признала независимый, суверенный характер («вольное самодержавство») Древнерусского государства.

Важной темой для размышлений стало осмысление перемен в жизни России и православного мира на протяжении XV в. В то время как русские земли объединились в единое сильное государство, другие православные царства и сам центр христианского мира — Византийская империя — были либо покорены османами, либо подчинились их верховной власти. Осмысливая эти почти одновременно происшедшие перемены, русские книжники приходили к выводу, что теперь к России перешла та роль, которую ранее в христианском мире играла Византия. Уже в «Слове на латину», написанном в последний год правления Василия Темного, византийскому императору Иоанну VIII, который отступил от веры, подчинившись «латинянам», и погубил «царствующий град», взятый османскими войсками, противопоставлен великий князь Василий Васильевич, который не только сохранил в чистоте православную веру в собственной стране, но и распространяет ее в окружающем мире. В 1492 г. было написано «Изложение пасхалии на осмую тысящу лет». В том году кончался по традиционному летосчислению 7000 год от сотворения мира. Многие в Европе и России ожидали в связи с этой датой конца света. Он не наступил, и следовало составить определение дат празднования Пасхи на следующую тысячу лет, которая воспринималась как «последние времена» — заключительная эпоха мировой истории. В «Изложении» было указано, что в эти последние времена Москва стала «новым градом Константина». Наиболее глубокое осмысление тема получила в написанных в 20-х гг. XVI в. посланиях инока псковского Елеазарова монастыря Филофея. Филофей писал, что некогда духовным центром христианского мира был Рим, но жители Рима — «латиняне» — впали в ересь, и хотя Римская империя продолжала существовать, Рим таким духовным центром быть перестал. Вторым Римом стала столица Византийской империи — Константинополь. Но жители Византийской империи — греки — отступили от веры, соединившись с «латинянами», и их империя была завоевана османами. Новым центром христианского мира, «Третьим Римом» стала Москва, «а четвертому не быти».

Усилия русской церкви сохранить наследие христианского мира. Воззрения Филофея получили официальное одобрение высшей церковной

и светской власти лишь в конце XV в., но само представление о том, что Россия является теперь центром христианского мира и несет особую ответственность за его судьбы, получило широкое распространение и легло у истоков ряда важных культурных инициатив, предпринятых в XVI в. Уже в Киевской Руси были известны славянские переводы византийских хроник, но они существовали отдельно от древнерусских летописей. Теперь древнерусская история начинает восприниматься как заключительный раздел всемирной истории. В 20-х гг. XVI в. в Иосифо-Волоколамском монастыре был создан «Русский хронограф», в котором впервые тексты византийских исторических сочинений оказались соединены в одно целое с русской летописью. В еще большем масштабе такой замысел был повторен во второй половине XVI в. при создании по заказу царя Ивана IV «Лицевого свода» — многотомного иллюстрированного изложения всемирной (а затем — древнерусской) истории.

Сознание ответственности за будущие судьбы христианского мира побудило правящие круги русского духовенства собирать и сохранять его духовное наследие. Так, в конце XV в. по инициативе новгородского архиепископа Геннадия был создан первый полный славянский перевод Библии. Не все библейские тексты удалось отыскать в доступных славянских рукописях, недостающие были специально переведены с латинского перевода Библии, выполненного в IV в. ев. Иеронимом, так называемой Вульгаты.

В 30-х гг. XVI в. другой православный иерарх, новгородский архиепископ Макарий, поставил своей целью собрать в составе одной энциклопедии все «душеполезные книги», известные древнерусской письменной традиции. Итогом многолетних трудов стали «Великие Четьи минеи» — 12-томный свод таких текстов, расположенных в рамках годового, 12-месячного круга чтения. Передавая свое собрание текстов Успенскому собору в Москве, Макарий с гордостью отметил, что в этом своде «все святыя книги собраны и написаны, которые в Рускои земле обретаются». Еще более обширным по объему было составленное для Ивана IV собрание Четьих миней, от которого сохранилось десять томов.

Вопрос об «исправлении» книг. Появление книгопечатания. Когда была осознана необходимость собирания православного наследия, начались споры о способах его передачи и сохранения. Перед русским обществом эту проблему обозначил в 20-х гг. XVI в. Максим Грек, приглашенный в Москву для перевода греческих текстов. Ученый грек поднял вопрос об ошибках в переводах с греческих книг, вызванных

неумением переводчиков правильно передать особенности греческого оригинала, и об умножении допущенных ошибок при переписке текстов неумелыми писцами.

Русское духовенство не обладало кадрами для решения первого из поднятых вопросов и не было психологически готово к его постановке. Дело кончилось тем, что «похуливший» русские книги Максим Грек был сам обвинен в ошибках при переводе текстов догматического содержания. Что касается второго вопроса, то для его решения высшая церковная и светская власти России прибегли к такому новшеству, как книгопечатание, которое давало возможность воспроизведения большого количества идентичных текстов.

Первые печатные издания богослужебных книг (Евангелие-апракос, Триодь постная) появились в 50-х гг. XVI в., но первой точно датированной книгой, напечатанной с санкции царя и митрополита на Печатном дворе, стал шедевр древнерусского книгопечатания — «Апостол» Ивана Федорова (1564), отличавшийся от изданий 50-х гг. более совершенным способом печатания и прекрасным художественным оформлением. Вскоре после выхода его второго издания — «Часовника» (1565) Иван Федоров покинул Москву. Позднее он жаловался на «гонения» «от многих начальник, и священноначальник, и учитель, которые зависти ради многия ереси умышляли». Иваном Федоровым были созданы первые славянские типографии на землях Украины и Белоруссии. В Москве дело Ивана Федорова продолжали мастера Никифор Тарасиев и Невежа Тимофеев. Печатный двор был государственным предприятием, работавшие здесь мастера получали жалованье из казны. В XVI в. типография печатала богослужебные книги, которые рассылались по стране священникам приходских и монастырских храмов либо бесплатно, либо по себестоимости.

Споры о характере власти. Проекты реформ. Зарождение публицистики. Усиление роли и значения государственной власти в жизни общества, расширение и усложнение функций государства, уход в прошлое привычных норм отношений государя и подданных и смена их новыми — все это делало в глазах общества актуальным вопрос о характере власти правителя, о целях, которые должна преследовать его политика. Для духовных лиц, придерживавшихся точки зрения на Москву как духовный центр христианского мира, было характерно перенесение на особу русского государя комплекса взглядов и представлений, связанных с образом византийского императора как главы всего христианского мира. Русский государь был для них правителем, на которого Богом возложена миссия

утверждения и распространения в мире православия. Власть такого правителя рассматривалась как абсолютная и всесторонняя, как несовершенное земное подобие власти Бога. Такой правитель, если он ни в чем не отступает от православной веры, может требовать от подданных беспрекословного повиновения.

Иного представления держался образованный оружничий Василия III Федор Иванович Карпов. В своем послании митрополиту Даниилу он настаивал на том, что церковная и светская власти имеют разные задачи и добиваются их решения разными средствами. Обосновывая свои взгляды, оружничий ссылался на «Этику» Аристотеля — и это первое обращение к подлинным сочинениям греческого мыслителя в истории русской общественной мысли. К сожалению, наметившееся в сочинениях Карпова направление общественной мысли в дальнейшем не получило своего продолжения.

Яркая вспышка политической активности в русском обществе пришлась на конец 40-х гг. XVI в. — время глубокого внутриполитического кризиса и начала реформ. В это время лица разных взглядов и разного общественного положения стали обращаться к молодому царю со своими проектами преобразований. Ермолай (позднее в монашестве — Еразм), переселившийся в Москву псковский священник, изложил свои предложения в адресованном царю сочинении «Благохотящим царем правительница и землемерие». Обращая внимание на тяжелое положение крестьян, вынужденных добывать деньги для уплаты оброка и отбывать тяжелую ямскую повинность, он предлагал ограничить все их обязанности по отношению к государству уплатой натурального оброка, составлявшего 1/5 урожая, а отбывание ямской повинности возложить на горожан, получающих большие доходы от торговли. Он советовал также ввести новую единицу Измерения земли, что способствовало бы ускорению работы писцов, содержание которых также ложилось тяжелым бременем на плечи крестьян.

Совсем иные проекты преобразований выдвинул выезжий иноземец Иван Семенович Пересветов. Резко критикуя положение, сложившееся в России в 40-е гг. XVI в., злоупотребления знати в годы «боярского правления», он предлагал царю в качестве образца порядки, сложившиеся в Османской империи под властью Мехмеда II, завоевателя Константинополя. Ивану Пересветову, профессиональному военному, долгое время служившему в наемных войсках, импонировали такие черты османского строя, как постоянная готовность всего государства к ведению наступательной войны, использование всех государственных доходов на

ведение войны, возможность для простого воина, благодаря военным заслугам, достичь самых высоких государственных постов. Путь к утверждению таких порядков Пересветов видел в расправе со знатью, «ленивыми богатыми», которые не хотят вести войну, предпочитая спокойную жизнь в своих владениях. «Без грозы, — писал он, — не мочно в царство правды ввести... не мочно царю без грозы бытии, как конь под царем без узды, так царство без грозы». Эта сторона взглядов Пересветова несомненно оказала влияние на Ивана Грозного. В сочинениях Пересветова читатели находили противопоставление России, где господствует истинная «вера», но нет «правды» — справедливости, и Османской империи, где нет истинной веры, но зато — справедливое общественное устройство. Такое противопоставление было новым, небывалым явлением для русского общественного сознания.

Появление таких произведений означало зарождение нового литературного жанра — публицистики, обсуждавшей вопросы государственного устройства страны.

Спор между Иваном Грозным и князем А. Курбским. С приближением опричнины на первый план стал выдвигаться вопрос о взаимоотношениях монарха и подданных (прежде всего — круга его советников). Действия монарха по отношению к своим советникам, нарушение им традиционных принятых норм подверг резкой критике один из членов Боярской думы, князь Андрей Курбский, бежавший в Литву от Ивана Грозного и обратившийся оттуда к царю с обличительным письмом. В своем ответе, адресованном фактически русскому обществу, царь Иван IV выступил с развернутым обоснованием своего права на неограниченную власть и безусловное повиновение подданных. Царь подробно перечислял все доводы в пользу того, что его власть должна быть неограниченной, которые вошли в общественное сознание с представлениями о Москве как о новом центре христианского мира. Но этим он не ограничился, прибегая для обоснования своих взглядов и к чисто рациональным доводам (правление многих не может быть успешным, так как они не смогут действовать согласованно), и к аргументам от истории (он рассказывал о гибели Византийской империи из-за раздоров среди знати и о смутах, потрясавших Россию в годы боярского правления). Так подробно обосновывалась необходимость неограниченной власти единоличного правителя для самого существования государства.

Памятники исторической мысли XVI в. С полемикой о роли и назначении государственной власти, о характере ее отношений с подданными было связано создание в начале 1560-х гг. двух важных

памятников русской исторической мысли. Один из них — «Казанская история», рассказ об отношениях Руси с Золотой Ордой, а затем — Казанским ханством и о покорении Казани Иваном IV. Прославляя царя как завоевателя враждебного России «бусурманского» царства, автор «Истории» противопоставлял главного героя своего повествования боярам, которые, «обленевающеся служите», сначала не хотели вести войну с казанскими татарами, а затем советовали прекратить осаду Казани. По прямому заказу царя была создана в Чудове монастыре «Степенная книга» — изложение истории Древней Руси, а затем России как ряда последовательно помещенных биографий древнерусских, а затем российских государей. Здесь на огромном историческом материале создатели «Степенной книги» последовательно показывали, что процветание и благополучие русских земель было связано с сильной самодержавной властью, а разорение и упадок — с ослаблением этой власти.

Перемены, связанные с объединением русских земель и централизаторской политикой государственной власти, наложили свой отпечаток и на развитие русского летописания. Вторая половина XV в. принесла появление первых летописных сводов, создание которых было связано с великокняжеским двором. В них всесторонне обосновывалась и поддерживалась великокняжеская политика, в частности по отношению к Новгороду. При этом составители сводов не останавливались перед тем, чтобы переделывать в нужном духе известия, относящиеся подчас к весьма далекому прошлому, что ранее для летописной традиции не было характерно. Официальное летописание в гораздо большей мере, чем ранее, становилось орудием политики. Так, известно, что в походе на Новгород в 1471 г. Ивана III сопровождал дьяк Степан Бородатый, который, обращаясь к «летописцам русским», должен был из них вычитывать «давние измены» новгородцев. Вместе с тем в это время не только в центрах некоторых земель, но и в самой Москве еще создавались общерусские своды, составители которых занимали самостоятельную позицию по отношению к великокняжеской власти и ее действиям. Поддерживая политику объединения русских земель в едином государстве, они подчас подвергали резкой критике те методы, с помощью которых Иван III добивался этой цели. Примером может служить рассказ Ермолинской летописи о действиях наместника, присланного великим князем в только что присоединенный Ярославль: «у кого село добро, ин отнял, а у кого деревня добра, ин отнял да отписал на великого князя, а кто будет сам добр, боярин или сын боярьской, ин его самого записал... во плоти суще дьявол».

XV век принес важные перемены. В ряде центров, например во Пскове или Устюге, летописи продолжают составляться, но это уже не общерусские своды, а памятники местного летописания, кругозор их создателей ограничивается событиями, происходившими в данном городе или близком к нему районе. Общерусским остается только великокняжеское, затем — царское летописание, излагающее одну, официальную версию событий. Чем дальше, тем больше такая летопись приобретает характер развернутой хроники событий политической, военной и придворной жизни, при написании которой широко используются документы великокняжеской (затем — царской) канцелярии. Такой характер носил составленный при Иване IV в середине 50-х гг. XVI в. «Летописец начала царства» и его более позднее продолжение.

Церковь и еретические движения. Большой интенсивностью отличалась в конце XV — первой половине XVI в. духовная жизнь верхов русского клира, которая далеко не ограничивалась заботами о сохранении традиционного наследия. Церковь этого времени столкнулась с двумя новыми для нее проблемами — развитием еретического движения и серьезными разногласиями в собственных рядах. Правда, в XIV — начале XV в. церковь уже сталкивалась с еретическим движением стригольников, но это было локальное явление, да и высказывания стригольников касались прежде всего обвинений в «симонии» — взимании платы за поставление на церковные должности. Новая ересь, получившая в научной литературе условное название «жидовствующих», не ограничивалась пределами Новгорода, где она первоначально зародилась, но проникла и в сам центр страны — Москву. В своей критике еретики, опираясь на весьма обширный круг чтения, затрагивали многие фундаментальные положения христианского вероучения: ставили под сомнение учение о Троице, выступали против поклонения иконам, отвергали институт монашества. Объектом их специальных изысканий были вопросы, связанные с летосчислением и предсказаниями будущего. Еретики пользовались симпатией влиятельных лиц из окружения самого великого князя. Само появление такого еретического течения говорит о достаточно интенсивной духовной жизни русского общества в последних десятилетиях XV в.

Необходимость борьбы с получившими широкое распространение взглядами еретиков вызвала к жизни появление на русской почве первых памятников собственно полемической литературы. Главным защитником церкви выступил Иосиф Волоцкий (основатель Успенского монастыря под Волоколамском). Ряд своих полемических сочинений, написанных в последние десятилетия XV в. и направленных против еретиков, в начале

XVI в., он объединил в книгу, получившую название «Просветитель». В своих практических рекомендациях Иосиф Волоцкий был жестким и бескомпромиссным, в борьбе с еретиками он допускал применение самых разных методов, вплоть до использования провокации («богопремудростное коварство»), чтобы узнать об их замыслах, и добивался не только осуждения, но и самых жестоких наказаний для приверженцев ереси. Вместе с тем появление его сочинений означало начало в русской церковной среде серьезной самостоятельной работы по осмыслению и раскрытию содержания многих главных положений традиционного православного вероучения. Стремясь убедить в своей правоте читателя и опровергнуть доводы еретиков, Иосиф Волоцкий не ограничился пересказом того, что он мог почерпнуть из сочинений Отцов Церкви, но дополнил их утверждения многими самостоятельными аргументами, обосновывавшими правильность их позиции.

Эта сторона деятельности Иосифа Волоцкого получила дальнейшее развитие в полемических сочинениях Максима Грека. Максим Грек (светское имя — Михаил Триволис) прошел сложный жизненный путь. Он родился около 1470 г. в греческой семье в г. Арта (на территории современной Албании) и, спасаясь от наступавших османов, переселился в Италию. Здесь он свел знакомство с рядом итальянских гуманистов, переписывал сочинения античных авторов. Затем М. Грек разошелся с гуманистами, примкнув к кругу сторонников религиозного реформатора Джироламо Савонаролы. В начале XVI в. он порвал с «латинским» миром и постригся в монахи на Афоне, откуда в 1518 г. выехал в Россию. Сложности жизненного пути наложили отпечаток на его творчество. В своих сочинениях М. Грек последовательно доказывал превосходство православного вероучения над другими воззрениями. Вместе с тем он стремился очистить православное духовное наследие от наслоений и искажений. В ряде своих сочинений М. Грек, в частности, стремился отделить подлинные памятники христианского наследия от «апокрифов» — сочинений, авторство которых ложно приписывалось персонажам священной истории или Отцам Церкви. При определении принадлежности этих текстов М. Грек использовал нарождающиеся приемы научной критики, с которыми он познакомился в ренессансной Италии.

Радикальная ересь в середине XVI в. Новая вспышка еретических движений имела место в 50-х гг. XVI в. Их оживлению способствовали веяния Реформации, широко распространившейся к этому времени на территории Польско-Литовского государства, но по отношению к этому периоду можно говорить о появлении в древнерусском обществе

серьезного недовольства как порядками в официальной церкви, так и общественными отношениями. Наиболее яркое выражение общественное недовольство нашло в «новом учении» беглого холопа Феодосия Косого. Взгляды Феодосия Косого, сформировавшиеся в основном на местной почве, носили радикальный характер, приближаясь к наиболее левым направлениям Реформации. Признавая авторитетными только Апостол и Евангелие и немногие сочинения Отцов Церкви и считая ложной всю остальную церковную традицию, Феодосий отвергал необходимость существования церковной иерархии, храмов, обрядов. Церковь была для него только союзом верующих, руководствующихся «духовным разумом» и вступающих в связь с Богом благодаря «духовной молитве». В истинно христианском обществе, по его мнению, не должно было быть «властей», которым учат повиноваться «попы». В середине 1550-х гг. Косой бежал в Литву. После знакомства с местными сторонниками Реформации он отверг учение о Троице и стал считать Христа простым человеком. «Новое учение» продолжало распространяться и после бегства Косого в Литву, достаточно обширный круг его приверженцев появился в районах, граничивших с Польско-Литовским государством. Не случайно в 60-х гг. XVI в. появилось два больших полемических сочинения, направленных против «нового учения» — «Истины показание» Зиновия Отенского и «Послание многословное» неизвестного автора. Такое широкое воздействие радикальных взглядов Косого отражает недовольство состоянием религиозной жизни в русском обществе XVI в. Одновременно представители церкви оттачивали в спорах с еретиками свои полемические приемы. Сочинение Зиновия Отенского было написано в форме диалога между автором и приверженцами учения Косого — жителями Старой Руссы.

Реформы школьного образования. В условиях появления еретических движений и одновременного роста образованности светских людей стала восприниматься как все более нетерпимое явление слабая образованность приходского духовенства, знания которого часто не шли далее элементарной грамотности. Архиепископ новгородский Геннадий после проверки кандидатов на священство писал: «А се приведут ко мне мужика, и аз велю ему апостол дати честь, и он не умеет ни ступить, и яз ему велю псалтырю дати, и он по тому едва бредет».

В 1551 г. церковный собор принял решение организовать во всех «градах» училища в домах священников и дьяконов, которых бы для организации школьных занятий специально избирало все духовенство города. В таких училищах должны были учить не только грамоте, но и

церковному пению. Сохранился и ряд пособий, предназначавшихся для обучения в этих училищах. Такие пособия, включавшие в себя азбуку, тексты для чтения и некоторые элементы грамматики, были напечатаны Иваном Федоровым во Львове в 1574 г. и в Остроге в 1580 г. Сохранились и краткие пособия по арифметике, а в конце XVI в. была составлена «Книга, глаголемая простословие, некнижное учение грамоте», содержавшая уже краткий свод сведений по грамматике.

Споры о наказании еретиков. Церковь боролась против еретиков с помощью не только пропаганды, но и карательных мер. По решению собравшегося в декабре 1504 г. церковного собора часть еретиков — «жидовствующих» — была сожжена на кострах в Москве и в Новгороде, другие заключены в тюрьму. Однако эти казни привели к серьезным разногласиям в самих церковных кругах. Уже в послании о соблюдении церков

ного приговора Иосиф Волоцкий опровергал доводы тех, кто утверждал, что следовало бы простить покаявшихся еретиков. Против Иосифа Волоцкого во втором десятилетии XVI в. резко выступил влиятельный в монашеских кругах Русского Севера старец Вассиан Патрикеев, утверждавший, что раскаявшиеся еретики должны быть прощены и возвращены в лоно церкви. В своем сочинении «Слово на еретики» он писал, что святые отцы «с молитвою обращали ко Христу, а не оружием убивали». В середине XVI в. эти взгляды получили дальнейшее развитие в произведениях последователя Вассиана, старца Артемия, который пришел к выводу, что люди, следующие заповедям Христа, вообще не должны прибегать к мерам принуждения по отношению к инакомыслящим.

Кризисные явления в русском монашестве. Иосифляне и нестяжатели. Еще более серьезные разногласия обнаружились в церковных кругах по вопросу о земельных владениях монастырей. После проведения в конце XIV в. общежитийной реформы и превращения многих монастырей в видные центры аскетической практики и духовного просвещения их престиж в глазах светского общества резко возрос. Одним из его проявлений стал приток в монастыри обильных денежных и земельных вкладов, и на протяжении XV в. наиболее почитаемые обители стали богатыми землевладельцами. Если в первые годы после основания обители монахам Троице-Сергиева монастыря часто приходилось ложиться спать голодными, то к концу XV в. ему принадлежали уже десятки владений во многих уездах страны. Оказавшись вынужденными управлять обширным и разнообразным имуществом, монахи сплошь и рядом должны

были погружаться в жизнь того полного страстей мира, с которым они, казалось, порвали, приняв монашеский постриг. Сама жизнь в достатке способствовала ослаблению суровых норм монашеской жизни. В итоге монахи все чаще оказывались не в состоянии достичь провозглашенного идеала.

Признаки кризиса четко обозначились в конце XV в., и тогда же обозначились два возможных пути выхода из него. Иосиф Волоцкий искал выхода на путях выработки все более строгих уставов, определявших распорядок монастырской жизни. Гораздо более радикальное решение предложил его современник Нил Сорский, глубокий приверженец провозглашенного поздневизантийскими мистиками идеала поисков соединения с Богом благодаря «умной молитве». Чтобы монах мог идти по этому пути, он должен был очистить свою душу от страстей, а для этого полностью порвать с миром. Монастыри, по его убеждению, должны были отказаться от своих земельных владений, привязывающих их к миру. Наилучшим типом монашеского общежития должен был стать «скит» — разновидность общежитийного монастыря, в котором монахи не имели своего имущества и подчинялись воле настоятеля и общему распорядку жизни. Но в отличие от обычного общежитийного монастыря, контакты между обитателями скита резко ограничивались, они должны были встречаться между собой лишь во время общей службы, в остальное время в безмолвии погружаться в «умную молитву». Все это показывает, как глубоко переживались в кругах монашества Русского Севера аскетические идеалы монашества православного Востока.

Уже на церковном соборе 1503 г. Нил Сорский предложил, чтобы «у монастырей сел не было, а жили бы черньцы по пустыням и кормились своим рукоделием». После смерти Нила в 1508 г. его взгляды стал отстаивать его ученик Вассиан Патрикеев. В ряде сочинений, адресованных не только духовенству, но и светскому обществу, он доказывал, что заповедь «нестяжания», которой должны следовать монахи, принимая постриг, не позволяет им владеть землями и взимать доходы с живущих на них людей. В связи с этим Вассиан и его сторонники получили в научной литературе название «нестяжатели». Обосновывая свои утверждения, Вассиан даже подготовил свою редакцию Номоканона — собрания правил и постановлений церковных соборов, что должно было подкрепить его позицию историко-правовыми доводами. При составлении Номоканона ему оказывал помощь разделявший его взгляды Максим Грек.

В своих сочинениях Вассиан и Максим Грек подвергли также резкой критике деятельность братии многих современных им монастырей,

старавшейся об умножении своих владений, облагавшей тяжелыми поборами зависимых крестьян и дававшей им ссуды под проценты, чтобы завладеть их имуществом.

Выступления «нестяжателей» столкнулись с сопротивлением учеников и последователей Иосифа Волоцкого — «иосифлян» во главе с митрополитом Даниилом. Они в полемике же обратились к созданию Номоканона, который обосновывал право монастырей обладать земельной собственностью. 20-е гг. XVI в. были заполнены полемикой между двумя течениями в среде русского духовенства.

Василий III в течение некоторого времени приближал к себе «нестяжателей», возможно, рассчитывая с их помощью наложить руку на владения монастырей. Однако «нестяжатели» не предлагали передать земли монастырей государству. К тому же они не принимали активного участия в выработке идеологии, освящавшей особую миссию верховного носителя светской власти и подчинение церкви его руководству. Это определило окончательный выбор власти в пользу «иосифлян». На соборе, созванном в 1531 г., «нестяжательские» взгляды были осуждены. Такие настроения продолжали жить в некоторых кругах монашества на Севере России, но вопрос о собственности монастырей перестал находиться в центре внимания церкви и общества. Возобладала линия на преодоление недостатков монастырской жизни с помощью дисциплинарных мер. Она нашла свое отражение в решениях собора 1551 г.

Установление опричного режима, грозившего жестокими карами за всякое инакомыслие, привело к тому, что во второй половине XVI в. надолго прервались серьезные споры не только в церкви, но и в обществе в целом. Новое их возрождение произошло в бурные годы Смуты и сразу после нее.

Изобразительное искусство и архитектура во второй половине XV в. Для изобразительного искусства и архитектуры вторая половина XV в. была временем, когда продолжалось развитие традиций, заложенных в предшествующие десятилетия. Продолжателем традиций Рублева во второй половине XV в. стал Дионисий. Он пользовался в русском обществе почетом и признанием. В 1481 г. именно ему было доверено написать несохранившийся иконостас для нового здания Успенского собора в Москве. Ему адресовал свои «слова» о почитании икон Иосиф Волоцкий. Помимо ряда написанных им икон, сохранился иконостас и цикл фресок, написанных Дионисием и его сыновьями в Ферапонтове монастыре на Русском Севере, в конце жизни художника, в первые годы XVI в. Под кистью этого мастера характерные для древнерусского искусства XV в.

образы персонажей, погруженных в состояние «умной молитвы», становятся изящными и утонченными, колорит стал светлым и праздничным, черты объемности формы окончательно исчезают, и плоскостная форма замыкается в плавных круговых движениях. Своеобразной параллелью к стройным удлиненным образам Дионисия явился ряд памятников московской архитектуры второй половины XV в., и прежде всего наиболее совершенный среди них — Духовская церковь Троице-Сергиева монастыря, построенная в 1476 г.

Строительство Кремля в Москве. Новым явлением в русской жизни последних десятилетий XV — начала XVI в. стала деятельность в Москве приглашенных Иваном III итальянских мастеров, которые построили новый, кирпичный Кремль, ставший одной из наиболее крупных каменных крепостей страны. Работы были начаты постройкой в 1485 г. Тайнинской башни Кремля и продолжались всю вторую половину 80-х и начало 90-х гг., когда в 1491 г. были поставлены выходившие на Красную площадь Никольская и Спасская башни. Тогда же итальянцы начали и строительство светских построек — «палаты большой великого князя на площади» (Грановитая палата) и каменного дворца Ивана III, разобранного в XVIII в. Строительство Кремля завершилось в 1516 г., когда была поставлена предмостная Кутафья башня и возведены вторые строительные стены со стороны Красной площади. Итальянскими мастерами были также построены новые здания Успенского (1479) и Архангельского (1509) соборов на соборной площади Кремля.

Строители кремлевской крепости оказали сильное влияние на каменное крепостное строительство в России. Строительство каменных крепостей приобретает в XVI в. большой размах. Каменные крепости были построены во многих русских городах, таких, как Тула (1514—1521), Коломна (1525—1531), Серпухов (1556), мощная псковская крепость, а также в целом ряде монастырей — Троице-Сергиеве (1540—1550-е гг.), Кирилло-Белозерском (1580-е гг.), Соловецком (1584— 1594). Наиболее крупным и совершенным памятником русского крепостного зодчества стал построенный усилиями русских каменщиков со всей территории страны под руководством мастера Федора Коня Смоленский кремль (1595—1602).

На развитие русской архитектуры храмы, построенные итальянцами, не оказали большого воздействия: русские зодчие заимствовали у них отдельные приемы орнаментального украшения фасадов, но не приемы организации пространства. Определенным исключением в этом плане стал построенный итальянским мастером Аристотелем Фиораванти во второй половине 70-х гг. XV в. главный храм русской столицы — Успенский собор

Московского Кремля. Следуя полученному заказу, мастер создал большое величественное здание, каким и подобало быть главному храму большого государства. Благодаря замечательному синтезу традиций домонгольской архитектуры (Успенского собора во Владимире XII в., который был указан мастеру как образец) и архитектуры итальянского Возрождения, мастер добился такого результата, что большое торжественное здание не подавляло зрителя своими размерами, а, напротив, радовало его гармонией своих пропорций. В XVI в. храм, построенный Аристотелем Фиораванти, послужил образцом для больших соборов, строившихся в разных русских городах.

Новые тенденции в развитии русского искусства XVI в.

Общие тенденции, характерные для развития русской культуры XVI в., проявились и в эволюции изобразительного искусства. Возросший интерес общества к «ученому», богословскому знанию вел в XVI в. к обновлению и усложнению иконографии, предметом изображения все чаще становились, наряду с событиями Священной истории, сложные богословские аллегории. Стремление к полноте знания, «энциклопедичности» приводило к созданию икон, на которых соединялись в единое целое ряд таких композиций. Характерным для положения, сложившегося в XVI в., можно считать и то, что изобразительное искусство широко использовал правитель для упрочения своей власти. Трон Ивана IV был украшен изображениями сцен из «Сказания о великих князьях владимирских». Те же сцены были изображены и в росписях Золотой палаты Кремля, выполненных по заказу царя после пожара Москвы в 1547 г. Сохранившееся описание утраченных фресок позволяет видеть в них выполненную средствами изобразительного искусства параллель к той картине всемирной и русской истории, которая была обрисована в русском Хронографе и «Степенной книге». Созданная в эти же годы огромная икона «Церковь воинствующая» (ее более древнее название — «Благословенно воинство небесное») соединяет в одной композиции изображение небесного воинства во главе с архангелом Михаилом и русскими святыми и выступающего в поход под их защитой Ивана IV с его войском. В тесной связи с этими памятниками стоит огромный цикл иллюстраций к «Лицевому своду» — выполненному по заказу царя изложению всемирной и русской истории.

Большое, могучее государство, сильная власть нуждались и в создании монументальных памятников архитектуры, которые были бы зримой демонстрацией их мощи. С этой целью строились большие соборы в разных городах страны по образцу храма, построенного Фиораванти. В

них, однако, была нарушена присущая Успенскому храму соразмерность. Такие соборы стали воплощением возвышающегося над человеком и подавляющего его могущества.

Кругу памятников, тесно связанных с решением важных для церкви и государства задач, можно противопоставить такое явление, как иконы так называемой «строгановской школы», создававшиеся на рубеже XVI—XVII вв. Небольшого размера, выполненные с ювелирной тщательностью, они явно должны были служить установлению личной, интимной связи между образом и его владельцем.

Древнерусская шатровая архитектура. Вторая половина XV—XVI в. — это время, когда древнерусское искусство развивалось вне художественных контактов с поствизантийским миром. Именно в эту эпоху были созданы архитектурные памятники, которые следует оценить как совершенно самостоятельный вклад в развитие средневековой архитектуры. Речь идет о памятниках шатрового зодчества. В появлении шатровых храмов нашли свое завершение поиски древнерусских мастеров, направленные на передачу могучего, устремленного ввысь движения. Наиболее замечательные памятники шатрового зодчества в России XVI в. —это церковь Вознесения в селе Коломенском, построенная в 1532 г., и Покровский собор на Красной площади (храм Василия Блаженного), поставленный в честь победы после взятия русскими Казани (1554— 1560 гг.). J

Музыка. Начиная с XVI в. можно составить конкретное представление и о развитии русского хорового пения. Использовавшаяся в это время; система нотных крюковых записей расшифрована исследователями и, несмотря на ее определенное несовершенство (отсутствие точной фиксации высоты звука и указаний на его длительность), позволяет составить представление о характере творчества работавших в то время мастеров. Исследователи установили, что в это время существовал целый ряд хоровых распевов и разные музыкальные школы (в частности, новгородская и московская). Наиболее известный мастер этого времени, сочинения которого сохранились, — это новгородец Федор Христианин, переселенный Иваном IV в Александрову слободу. Сохранились музыкальные сочинения и самого царя. Во второй половине XVI в. система записи была заметно усовершенствована благодаря появлению дополнительных помет, обозначавших высоту звука. Очевидно, старая система перестала удовлетворять русских мастеров хорового пения.

Глава 17. НАРОДЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV—XVI в.

На протяжении рассматриваемого периода в жизни народов Восточной Европы произошли большие перемены. Наступил дальнейший упадок государств, созданных на территории этого региона кочевниками, и началось земледельческое освоение огромных пространств восточноевропейских степей. Главной политической силой в регионе стало Русское государство, вокруг которого объединились княжества Северо-Восточной, Северо-Западной и Юго-Восточной Руси. Начался процесс постепенного включения в состав Русского государства территорий народов, которые ранее подчинялись Золотой Орде. Этот процесс, чем дальше, тем больше, сопровождался расселением на них русского крестьянства, вступавшего с этим населением в многообразные контакты.

Ханства — наследники Золотой Орды. К середине XV в. Золотая Орда окончательно распалась на ряд ханств. Степи между Доном и Волгой оказались под властью Большой Орды во главе с ханом Кичи-Мухаммедом, а затем его сыном Ахматом. На Среднем Поволжье под властью потомков хана Улуг-Мухаммеда образовалось Казанское ханство, в состав которого вошли земли ряда подчинявшихся ранее Золотой Орде народов Поволжья, чувашей, марийцев, удмуртов, башкир. В южном течении Волги образовалось небольшое Астраханское ханство — симбиоз земледельческого района вокруг крупного торгового центра Хаджи Тархана (будущая Астрахань) с кочевым населением. Степи за Волгой и на Яике оказались во власти Ногайской Орды, возглавлявшейся потомками эмира Едигея. Подобно Большой Орде, это было объединение кочевников, в котором не было ни земледельческих поселений, ни городов. В южной части Сибири царевич Хаджи Мухаммед, из потомков брата Бату — Шибана, положил начало особому Сибирскому ханству. Это было также объединение кочевников, стремившееся обложить данью — «ясаком» лежавшие к северу от него народы Сибири. Особое ханство образовалось на Крымском полуострове и прилегавших к нему степях под властью хана Хаджи-Гирея и его потомков.

Среди этих правителей наиболее могущественными были во второй половине XV в. правители Большой Орды, пытавшиеся объединить под

своей властью кочевников восточноевропейских степей. Определенных успехов в этом плане добился хан Ахмат. Он подчинил своей власти астраханского хана, вел успешные военные действия в Средней Азии против узбекского хана Шейх-Хайдара, переселив оттуда на территорию своих кочевий многие местные племена, пытался посадить в Крыму своего ставленника. Объединительная политика Ахмат-хана натолкнулась на сопротивление в самом кочевом мире. В январе 1481 г. его зимние кочевья подверглись совместному нападению сибирского хана Ибака и ногайских мурз, и Ахмат был убит. Между отдельными объединениями кочевников не было прочных связей, и они не были заинтересованы в объединении.

Смерть Ахмат-хана послужила толчком к внутренним раздорам, серьезно ослабившим Большую Орду. Преемники Ахмата вынуждены были отказаться от его широких планов. В начале XVI в. Большая Орда была разгромлена войсками крымского хана Менгли-Гирея, ее остатки были поглощены Крымским ханством и отчасти Ногайской Ордой. Происшедшие перемены означали появление в восточноевропейских степях вакуума, который так и не был никем заполнен. Кочевья крымских татар занимали сравнительно небольшую территорию на юге этих степей, Ногайская Орда кочевала за Волгой. Так возникали определенные условия для земледельческого освоения Дикого поля, хотя оно продолжало оставаться для земледельца опасным местом, где он мог подвергнуться нападению кочевников, и все же значительная часть Дикого поля кочевниками была оставлена.

Земли народа коми. Раньше всего от власти Золотой Орды освободились народы на севере Восточной Европы. Как уже отмечалось, земли коми во второй половине XIV в. подчинились верховной власти великого князя московского. В середине XV в. были предприняты важные шаги, чтобы теснее связать эти земли с Великим княжеством Московским. В 1450 г. Василий Темный прислал своими наместниками на Вычегду Ермолая и его сына Василия, а в Великую Пермь другого его сына, Михаила. Их положение здесь определяла особая «уставная грамота». В известиях разных источников эти лица и их потомки называются вымскими князьями и «вотчичами», и управление этими землями передавалось по наследству. Очевидно, они были выбраны для управления землями коми-зырян и коми-пермяков из числа представителей местной верхушки. Резиденцией великопермских князей был город Чердынь на Каме, резиденцией вымских князей — Княж погост на реке Выми. Князья эти считались «слугами» — вассалами великого князя и по его приказу должны были участвовать в походах во главе местного ополчения. Несмотря на

княжеские титулы, власть их над местным населением была достаточно непрочной. Когда в 1480 г. один из вымских князей, Василий, стал строить «город на Выме на Туре», местным жителям это не понравилось, и «посекли вымичи Василья князя насмерть». В Москве следили за тем, чтобы местные князья исправно несли службу, сурово карая за ослушание. Когда в Москве стало известно, что жители Великой Перми во время войны с Казанским ханством «за казанцов норовили, гостем казанским почести воздавали», в 1472 г. на Великую Пермь была послана московская рать, которая заняла пермские «горотки», а князь Михаил Ермолич и «сотники» были арестованы и отвезены в Москву.

В начале 80-х гг. XV в. было проведено писцовое описание земель коми. При этом единицей обложения был избран «лук», что говорит о преобладании в крае охотничьего и промыслового хозяйства. Жалованная грамота Пермской земле 1484/1485 г. содержит богатый материал об общественных отношениях на землях коми и характере хозяйства. Население должно было платить дань в великокняжескую казну — по соболю с «лука» за право пользоваться для промысла рыбными ловлями и лесными угодьями. Воды и угодья находились в общем владении волостных общин. Во главе волостей стояли сотники, которых вымские князья не имели права «переменять». Небольшие владения князей состояли из рыбных угодий, пожалованных им великим князем. Кроме того, им полагался корм, который они не могли собирать сами, им его доставляли сотники. Не мог вмешиваться в волостные дела и сам собирать на территории волостей церковные дани и пермский епископ. По жалобам пермских людей в 1490 г. у пермской кафедры были отобраны и возвращены волостям земли, незаконно занятые епископами. Таким образом, требуя от населения Пермской земли исправного несения службы, великокняжеская власть осторожно относилась к местным традиционным порядкам и серьезно считалась с пожеланиями населения. Когда в начале XVI в. местные князья были отстранены от управления землями коми и сюда стали присылаться из Москвы обычные наместники, никаких серьезных конфликтов это не вызвало, так как определенная сумма прав местному населению была еще до этого обеспечена.

В 1564 г. было проведено новое писцовое описание Пермской земли, когда уже «луки и знамени не писали», а «людей в сошки развели», что, возможно, свидетельствует о росте означения земледелия в хозяйственной жизни края.

Земли ханты и манси. Укрепление позиций московской великокняжеской власти в земле коми открыло возможности для

распространения ее влияния на земли, лежащие за Уралом. В 1465 г. рать из Устюга и вымские князья были посланы в поход на «Югру» — земли хантов в нижнем течении Оби. В Москву привели пленных князей Калпака и Течика. В конечном счете Иван III отпустил их назад, «а на них дань возложил и на всю землю Югорскую». Однако это подчинение Югры великому княжеству Московскому было столь же непрочным, как ее подчинение Новгороду в более ранние времена. К тому же все это не касалось владений одного из самых сильных правителей на землях манси, пелымского князя Асыки, постоянно нападавшего на земли коми. В 1467 г. пермичи предприняли поход против Асыки, но ничего не добились. В 1481 г. Асыка напал на Пермь Великую. Город Чердынь был разорен, князь Михаил Ермолич убит.

В 1483 г. Иван III послал рать во главе с князем Федором Курбским «на Асыку на вогульского князя да и в Югру на Обь». После сражения с воинами Асыки «на усть Пелыма» войска прошли оттуда через земли Пелымского княжества «в Сибирскую землю» и, выйдя к Иртышу, спустились затем вниз по Оби и разорили «Югорскую землю». В плен попал главный среди югорских князей — Молдан.

В 1484 г. князья хантов и манси объявили о своем подчинении власти великого князя и снова обязались платить дань. Сын Асыки, Юмшан, посетил Москву, «и с тех пор почал Юмшан дань давать великому князю». Было заключено и специальное соглашение о мире между землей коми-зырян во главе с вымскими князьями и Молданом, правителем Коды, наиболее крупного из княжеств хантов в нижнем течении Оби.

Однако и эти соглашения не оказались прочными, так как в 1499 г. на земли ханты и манси была послана «лыжная рать» из северных русских уездов во главе с князем Семеном Федоровичем Курбским. После военных действий на землях манси войско перешло через «Камень» — Уральский хребет и продолжало дальше свой путь на отобранных у встреченных ненцев оленях. Когда войско вышло к реке Сылве, на которой было расположено Ляпинское княжество, местные «князи» встретили войско «с дары на оленях» и тем спасли княжество от разорения. Войско взяло в землях хантов города, увело в плен 1000 человек «лутчих людей» и 50 «князей». Население было приведено к присяге великому князю. Хотя уже в 80-х гг. XV в. титул Ивана III был дополнен эпитетом «югорский», о какомлибо прочном подчинении его власти земель Приуралья и Зауралья не приходится говорить. В 1531 г. пелымский князь снова напал на Великую Пермь.

В XVI в. положение стало меняться с ростом активности на Севере

сибирских татар. Уже в начале столетия сибирские татары разорили Усолье на Каме и даже подступали к Устюгу. В этих условиях князья племен Севера стали нуждаться в защите со стороны Русского государства. В 50-х гг. XVI в. югорские князья во главе с Певгеем обещали платить царю дань в размере по соболю с человека, а царь Иван IV обещал их «жаловать и от сторон беречь». Используя трудное положение, в котором оказалась Россия в годы Ливонской войны, сибирский хан Кучум попытался подчинить народы Севера своей власти. Он налагал дань на племена ханты и манси и требовал от них высылать войско для участия в его походах. В итоге признал себя вассалом Кучума самый влиятельный среди хантов «князь» Коды. Стал вассалом Кучума и пелымский князь, который в начале 80-х гг. XVI в. вместе с сибирскими татарами предпринимал нападения на земли Великой Перми и пытался взять Чердынь. После падения Сибирского ханства земли хантов и манси были уже прочно подчинены русской власти.

Мордовские земли. Особенности отдельных земель. Уже в конце XIV в. в состав русских княжеств вошли значительные территории с мордовским населением. В завещании Ивана III упоминается мордва, которая «потягла» к Мурому и Нижнему Новгороду. На этих территориях положение мордовских племен было сходным. В Нижегородском уезде в начале XVII в. мордва запьянская, вадская, терюшевская и бакшеевская давала в царскую казну медовый оброк, платила белками и деньгами за пользование рыбными ловлями и бобровыми гонами. В случае необходимости нижегородская мордва высылала в состав русской армии военные отряды. Как и другие земли государственного фонда, мордовские земли в XV — первой половине XVI в. могли даваться в кормление русским детям боярским. По мере земледельческого освоения тех лесных районов, где жило мордовское население, и с образованием на этих землях поместий положение мордвы осложнилось, так как помещики часто получали право рубить лес «в дубровах мордовских в вотчинах, в бортных ухожеях, которые блиско к их поместью». Аналогичным было положение других групп мордовского населения — муромской и алатырской мордвы.

Серьезными особенностями отличалось положение в Мещере. Вместе с Мещерой Иваном III были переданы старшему сыну «князи мордовские все и з своими вотчинами». Источники фиксируют здесь существование целых групп мордовского населения на условиях определенного «беляка». «Беляк» — искаженная передача татарского «билик», обозначающего ленное владение татарских беков и мурз, т.е. когда-то это были ленные владения представителей татарской знати. В первых десятилетиях XVI в. эти владения с правом сбора «ясака» — дани «по старине» и с правом суда

передавались татарским мурзам и князьям — потомкам Бехана, которые, по-видимому, и названы в завещании Ивана III «мордовскими князьями». Наиболее видное положение среди них занимала старшая ветвь потомков Бехана, владевшая Темниковым. Хотя к этому времени в Мещере были уже наместники великого князя, власть над нерусским населением города полностью находилась в их руках. Князь, сидевший в Темникове, должен был собирать для участия Ъ военных походах князей, мурз, простых татарских воинов — «казаков» и темниковскую мордву. Сигизмунд Герберштейн, австрийский дипломат, посетивший Россию в годы правления Василия III, отмечал, что мордвины — «пехотинцы, замечательные своими длинными луками и отличаются опытностью в стрельбе». Во время похода Ивана IV на Казань его встретил на реке Алатыре «Еникей князь темников ский со всеми темниковскими татары и мордвою».

Все это показывает, что в течение долгого времени после того, как Мещера вошла в состав Великого княжества Московского, здесь сохранялись традиционные порядки, в которые лишь медленно и постепенно вносились изменения.

Важные перемены произошли в 30-х гг. XVI в., когда на территории Мещеры был поставлен целый ряд крепостей: Кадом, Мокшанск, Елатьма, на новое место перенесен Темников. Эти крепости становились опорными пунктами русской власти в Мещерском крае. В 1565 г. было проведено писцовое описание края, в ходе которого были установлены точные размеры ясака, поступавшего с отдельных групп мордовского населения в пользу князей и мурз, и за соблюдением этих норм стал следить Нижегородский и Мещерский дворец. Постепенно мордовское население стало освобождаться и от их судебной власти: ясак увеличивался, чтобы компенсировать потерю дохода от «судебных пошлин». Одновременно мурзы и князья стали получать поместья, которыми они владели на тех же правах, что и русские дети боярские. И все же целый ряд «княжений» на землях Мещеры сохранялся еще в начале XVII в.

Сходное положение существовало и в северной части земель удмуртов-ара (по реке Чепце), которая вошла в состав Русского государства в годы княжения Ивана III. Здесь также долго сохранялись традиционные порядки. Грамотой 1548 г. Иван IV подтвердил владевшим этими землями представителям татарской знати — каринским князьям — их право судить «вотяков (т.е. удмуртов) и чувашу и пошлины на них имать».

Таким образом, на присоединенных территориях русское правительство вело осторожную взвешенную политику, лишь медленно и

постепенно внося изменения в существующие порядки. Разумеется, русское правительство стремилось теснее связать эти земли с Центром и включить их в общерусскую систему управления, однако делалось это достаточно осторожно и не сопровождалось социальной деградацией местного населения: положение крестьянских общин приближалось к положению русских крестьян на государственных землях, а подожение социальной верхушки приближалось к положению русских детей боярских.

Народы Поволжья в составе Казанского ханства. Целый ряд народов Восточной Европы вошел в состав образовавшегося в 30—40-х гг. XV в. Казанского ханства: казанские татары, удмурты-ара на землях вокруг Арского города, мордовские земли по реке Суре, чуваши и марийцы, западная часть земель, занимаемых башкирами. Структура управления, система обложения, организация общества были заимствованы Казанским ханством у своего предшественника на этой территории — Золотой Орды, в том числе была сохранена такая важная особенность, как соответствие между организацией общества и организацией войска.

Во главе государства стоял хан из рода потомков Чингисхана. По древнему тюркскому обычаю при возведении на трон ханов поднимали на кошме. Ближайшими советниками хана были эмиры — начальники войска. Эта верхушка правящего слоя ханства формировалась из представителей ордынской знати: представители рода Ширинов занимали высшие государственные посты при дворах ханов Казани, Крыма и Большой Орды. Ниже стояли правители отдельных «улусов» — беки и мурзы, состав этой части правящего слоя формировался из представителей местной и пришлой ордынской знати, позднее пополнялся выходцами из Крыма и Ногайской Орды. Ниже беков и мурз стояли огланы — начальники отдельных военных (конных) отрядов, им подчинялись рядовые воины — «казаки». В общественном строе Казанского ханства получили свое завершение тенденции развития, наметившиеся в жизни Золотой Орды XIV—XV вв. Правящая социальная группа окончательно превратилась в феодалов-землевладельцев: у эмиров, беков и мурз были значительные земельные владения, более скромные — у огланов, лишь у рядовых воинов-«казаков» были земельные участки, которые они сами обрабатывали. Владения не только крупных, но подчас и мелких землевладельцев освобождались от налогов и въезда государственных чиновников. Все это позволяет говорить о Казанском ханстве как государстве, в котором господствовали феодальные отношения. Вместе с тем главный вид феодального держания в ханстве — «суюргал» предоставлялся лишь при условии несения службы и не давал землевладельцу наследственных прав на переданные ему земли.

Хотя на практике владение многими землями было наследственным, у хана имелось право после смерти владельца передать его землю другому лицу.

Обладание земельными владениями делало казанскую знать самостоятельной и крупной политической силой. Все наиболее важные вопросы, касающиеся судеб ханства, решались на съездах знати. Вместе со знатью активное участие в съездах принимало и мусульманское духовенство, занимавшее в казанском обществе видное и почетное положение.

От других государств—преемников Золотой Орды Казанское ханство отличало то, что его основную территорию занимало оседлое население со старыми традициями земледелия, восходившими еще ко времени существования Волжской Болгарии. Можно говорить о существовании здесь парового земледелия с применением при вспашке деревянного плуга с железным лемехом и традиционным для лесной зоны Восточной Европы набором культур (рожь, овес, ячмень, полба). Наряду с земледелием в лесном крае важную роль играли промыслы (среди них — охота на пушных зверей и бортничество). К этому следует добавить существование на территории ханства старых центров городской жизни, лежавших на Волжском пути. Все это обеспечивало социальной элите Казанского ханства большие и разнообразные доходы, позволявшие поддерживать достаточно высокий жизненный стандарт. Вместе с тем для ханства как государства—наследника Золотой Орды было характерно противоречие между социально-экономическим характером общества и социальной психологией господствующего социального слоя, вышедшего из недр кочевого мира и смотревшего на соседние земледельческие страны как объект для набегов. Укреплению такой ориентации способствовало постоянное общение с вышедшими из недр Золотой Орды объединениями кочевников — Крымом и Ногайской Ордой, казанскую знать объединяли с их знатью самые разнообразные связи.

Имения хана и казанской знати располагались на освоенных земледельческих землях, прилегавших к Волге и Свияге. Вместе с трудом татарского и чувашского населения здесь широко использовался труд русских пленных, которых после шестилетнего пребывания в рабстве сажали на землю. Однако подобные владения охватывали не всю территорию государева. Их не было в отдаленных и малозаселенных лесных районах. В 1552 г., проехав через чувашские земли на запад от Волги, А. М. Курбский писал о «диких полях» и «лесах», среди которых находятся немногие укрытые и укрепленные поселения, которых нельзя обнаружить даже «поблизку ходящим». На этих землях все ограничивалось

сбором местной верхушкой «ясака» в ханскую казну.

Положение отдельных народов в составе ханства не было одинаковым. Наименее прочными были связи Казанского ханства с башкирами. Хотя казанские лравители направляли время от времени в центр башкирских кочевий на реку Уфу своих наместников, дело ограничивалось уплатой «ясака» и несением военной службы в ханском войске.

Иное положение было на входивших в состав ханства удмуртских землях, по-видимому, освоенных казанской знатью. В главном центре этой территории — Арском городке сидели татарские аристократы — «арские князья». Русские войска в 1552 г. обнаружили здесь не только плодородные поля, но и «дворы княжат их велможей зело прекрасны и воистинну удивлению достойни».

На «Горной стороне», где жили чуваши, преимущественно в районе реки Свияги, также имелись владения татарской знати, но большая часть населения лишь выплачивала «ясак», сбор которого с отдельных территорий хан мог передавать князьям и мурзам. Созданная монголами для сбора «ясака» сотеннодесятинная организация продолжала сохраняться и в Казанском ханстве. Стоявшие во главе отдельных объединений чувашского населения представители местной верхушки — «сотенные князи» по-прежнему отвечали перед властью за сбор «ясака» и собирали воинов для участия в походах казанских ханов.

Определенными особенностями отличалось положение земель марийцев на «Луговой стороне» Волги. Здесь вовсе не было владений казанской знати, и в систему платы «ясака» они были вовлечены лишь частично. Во главе местного населения здесь также стояли «сотенные князья». Ополчение луговых марийцев составляло значительную часть ханского войска при его походах на русские земли. А. М. Курбский, сталкивавшийся с марийцами во время и после взятия Казани, писал, что этот «язык не мал есть и зело кровопийствен» и может выставить для участия в походе больше 20 тыс. воинов.

Казанское ханство во второй половине XV — первой половине XVI в. Для Казанского ханства постепенно одной из главных проблем стали отношения с Россией. Уже довольно рано имели место попытки русского правительства подчинить Казанское ханство своему политическому влиянию. Так, в 1467 г. был предпринят поход с целью посадить на казанский стол служившего московскому великому князю царевича Касима. Однако на первый план выдвинулись на рубеже 60—70-х гг. XV в. столкновения интересов обоих государств в Верхнем Поволжье. Попытки казанских ханов распространить свою власть на Вятку, Великую Пермь

вызывали враждебную реакцию в Москве. Русскому правительству удалось удержать эти территории за собой, но добиться чего-либо большего ему не удалось.

Начало новому этапу русско-казанских отношений положили события 80-х гг. XV в. В эти годы во время борьбы за казанский трон русское правительство неоднократно посылало войска на Казань, чтобы посадить на трон своего кандидата. Казанская правящая верхушка раскололась, та ее часть, которая выступала против соглашения с Россией, искала поддержки в Ногайской Орде и Сибирском ханстве. В конце концов на казанском троне утвердился русский ставленник МухаммедЭмин. Это означало заключение соглашения о союзе между Россией и Казанским ханством, по которому хан обязывался оказывать помощь Ивану III против его «недругов» и согласовывать с ним важные решения, касающиеся отношений Казанского ханства с соседями. Так, он испрашивал у Ивана III согласия на брак с дочерью Мусы, одного из главных биев Ногайской Орды. Однако и этот довольно мирный период в истории русско-казанских отношений сопровождался столкновениями в правящей элите Казанского ханства, когда ряд казанских «князей» пытался посадить на ханский трон при поддержке ряда ногайских мурз и Сибирского ханства «царевича» из Тюмени. В 1500 г. с этой целью к Казани приходила вся Ногайская Орда. Большая часть казанской правящей элиты выступала в те годы за соглашение с Россией, тем более что Иван III относился с вниманием к пожеланиям казанской знати: по ее пожеланиям Мухаммед-Эмина сменил на ханском троне его брат Абдул-Латиф.

Предвестником перемен в русско-казанских отношениях стал конфликт 1505—1506 гг., когда Мухаммед-Эмин приказал перебить русских купцов в Казани и подступал с ногайским войском к Нижнему Новгороду, но конфликт не имел последствий, скоро были восстановлены мирные отношения, а в 1517 г. «вся земля Казанская» дала Василию III обязательство «без великого князя ведома на Казань царя и царевича никакова не взяти». В соответствии с этим в 1518 г. после смерти Мухаммед-Эмина Василий III послал на трон в Казань своего служилого царевича Шах-Али. Тогда же были составлены документы, проливающие свет на цели русской политики по отношению к Казанскому ханству. Новый хан обязывался перед великим князем «дела его беречи и неотступно ему быти... и до своего живота», казанские князья также дали аналогичные обязательства и, кроме того, повторили свое прежнее обязательство «ни царя, ни царевича без великого государя ведома никакова не взяти». Таким образом, цели русской политики по отношению к Казанскому ханству

ограничивались стремлением подчинить ханство своему влиянию.

С 1521 г. начинается новый период в истории русско-казанских отношений, связанный со все возрастающим вмешательством Крыма и Ногайской Орды в борьбу за казанский трон и ростом разногласий между разными группировками правящей элиты ханства. В этой борьбе русское правительство потерпело серьезные неудачи, так как в Казани с 1521 г. утвердились на троне крымские царевичи, сначала Сагиб-Гирей, а затем — Сафа-Гирей, которых поддерживала Ногайская Орда. Это означало, что казанская знать хочет стать независимой от России. Попытки силой добиться изменения положения дел, предпринимая походы на Казань, закончились безрезультатно. Вместе с тем, стремясь освободиться от зависимости, «вся земля Казанская» не желала постоянной войны с Русским государством. Это стало одной из причин столкновений казанской знати с ханом Сафа-Гиреем и его крымскими и ногайскими советниками. В результате весной 1531 г. хана с его советниками выслали из Казани, его сторонники среди казанской знати были казнены, а на казанский трон сел присланный из Москвы служилый царевич Джан-Али.

Воцарение Джан-Али сопровождалось восстановлением традиционных отношений между Казанским ханством и Россией, когда казанские князья и мурзы снова дали обязательство «царя... без великого князя велениа на Казань не взяти и во иные государства без ведома великого князя не посылати».

Новый этап в истории русско-казанских отношений начался в 1535 г., когда Джан-Али был убит, а на казанский трон сел снова Сафа-Гирей. Новое воцарение Сафа-Гирея стало началом постоянной войны с Россией, в которой казанского хана все время поддерживали отряды крымских татар и ногайцев. Войска хана систематически разоряли всю восточную окраину Русского государства, от Перми и Вятки на севере до Нижнего Новгорода и Мурома на юге. Русское правительство было вынуждено постоянно держать на границе крупные военные силы. Мирные переговоры шли все время, но не заканчивались, так как Сафа-Гирей требовал уплаты ему «выхода». Все это означало резкий поворот к традиционной для золотоордынского общества ориентации — обогащения путем набегов на соседние земледельческие страны. Поворот этот сопровождался попытками хана укрепить свою власть. Пользуясь тем, что «суюргалы» были временными пожалованиями, он после смерти владельцев передавал находившиеся в их держании земли не их детям или родственникам, а лицам, доказавшим ему свою верность. Это вызывало трения, подчас достаточно серьезные, в отношениях между ханом и правящей элитой, но в

течение долгого времени это не оказывало влияния на внешнюю политику ханства. Смена ориентации казанской знати была связана с ослаблением Русского государства в годы «боярского правления» и находит параллели в действиях других государств—наследников Золотой Орды в это время. Так, поддерживавшие Сафа-Гирея бии Ногайской Орды также стали требовать с Русского государства «выхода», ссылаясь на времена Ивана Калиты. В этих условиях в политике России по отношению к Казанскому ханству произошел перелом — от попыток включить Казанское ханство в зону своего политического влияния русские правящие круги перешли к попыткам включить территорию ханства в состав Русского государства. После двух больших походов русских войск на Казань и начала внутренних раздоров в ханстве после смерти Сафа-Гирея в 1551 г. был заключен мир, по которому ханство утратило территории на запад от Волги (так называемая «Горная сторона»), должно было возвести на трон московского ставленника Шах-Али и вернуть всех захваченных в предшествующие годы русских пленных (на русскую территорию тогда вернулось 60 тыс. человек). Правление Шах-Али в Казани русские правящие круги рассматривали как промежуточный этап, за которым должно было последовать вхождение Казанского княжества в состав России как особой, автономной области. По условиям соглашения, выработанного на переговорах с представителями казанской знати, в ханстве должны были сохраниться традиционные устройство и структура общества («лутчие люди» ханства должны были быть приравнены по своему положению к «лутчим людям» Русского государства), но управление «Казанской землей» должно было находиться в руках присланного из Москвы наместника. Таким образом, русское правительство предполагало проводить на территории ханства такую же осторожную политику, которую оно вело ранее на присоединенных территориях. Такое соглашение получило одобрение значительной части казанской знати, однако против выступила часть элиты, связанная с Ногайской Ордой, и влиятельное в казанском обществе мусульманское духовенство — сторонники жесткой и бескомпромиссной конфронтации с Россией. «Русских людей воевати и сечи и осилите уклонилися были есмя», — писали сторонники этой ориентации в Крым, прося о помощи крымского хана Сагиб-Гирея. Они выражали надежду, что в случае гибели на такой войне попадут в рай. Противникам соглашения удалось обеспечить себе поддержку более широких кругов населения, и война возобновилась.

Казанское ханетво в составе Русского государства. В октябре 1552 г. столица ханства Казань была взята штурмом, а приглашенный казанцами

на трон из Ногайской Орды царевич Ядигар попал в русский плен. Вслед за этим несколько лет ушло на подчинение русской власти остальной территории ханства. Потребовался целый ряд походов, чтобы сломить сопротивление казанских князей и мурз и поддерживавшего их татарского населения страны. В этой войне погибла большая часть казанской знати.

В этих условиях русская политика на территории Среднего Поволжья стала заметно отходить от практиковавшейся ранее модели отношений с присоединенными территориями. В завоеванном крае опорными пунктами власти становились крепости с русскими военными гарнизонами, на территорию которых местное население не допускалось. Так, в Казани местные жители могли жить лишь за пределами города, в так называемой Татарской слободе. В 1557 г. началась в широких масштабах раздача бывших владений хана и казанской знати русским служилым людям. Русский помещик-землевладелец становился господствующей фигурой в обществе Казанского края.

Вместе с тем следует отметить, что после взятия Казани в рядах татарского общества произошел раскол и часть князей и мурз перешла на русскую сторону. Так, в 1555 г. на враждебных России казанских князей ходили походом с московскими стрельцами «князи казанские» Еналей Чигасов и Еналей Маматов. Такие князья и мурзы сохранили за собой свои земли и социальный статус, были приняты на царскую службу. Они (правда, их было немного) получали от царя поместья с русскими крестьянами. Еще в начале XVII в. они продолжали собирать ясак с волостей, подчинявшихся им во время существования Казанского ханства.

Более многочисленную прослойку населения составляли «служилые татары» — мелкие землевладельцы, часто не имевшие зависимых крестьян, главной обязанностью которых была военная служба. Уже в 1558 г. отряды «казанских татар» участвовали в походе на Ливонию.

Основная масса населения — татарские и чувашские крестьяне образовывали слой «ясачных людей», уплачивавших дань — «ясак» в государственную казну. Ясак составлял в середине XVI в. 25 коп. со двора, к началу XVII в. его размер увеличился вдвое, но на практике имели место приношения в натуре (чаще всего медом). В среде местного татарского населения сохранялось недовольство русской властью, поддерживались контакты с крымским ханом и султаном, от которых ожидали освобождения. Однако массовых выступлений татарского населения Поволжья против русской власти во второй половине XV в. не было. Очевидно, оно все же сумело найти свою нишу в Русском государстве того времени. В годы падения Казайского ханства поведение разных народов,

входивших в его состав, было различным.

Непрочной оказалась связь с ханством чувашского населения на «Горной стороне» Волги. Уже в 1547 г. к царю Ивану IV приходили посланцы от «горной черемисы», «чтоб государь пожаловал, послал рать на Казань, а они с воеводами государю служить хотят». После построения в 1551 г. Свияжска к царю снова прибыли послы «от всее Горные стороны» и принесли присягу, что им «к Казани от Свияжского города никак не отложитися». От царя они получили «грамоту жаловалную з золотою печатаю», очевидно, закреплявшую права чувашского населения на занимаемые им земли и освобождение от ясака на три года. В июне 1551 г. они уже принимали участие в военных действиях под Казанью на русской стороне. Правда, после разрыва между Москвою и Казанью в 1552 г. на «Горной стороне» начались волнения, но они носили локальный характер и быстро прекратились. В дальнейшем «многие горные люди» пришли с русской армией под Казань и участвовали в осаде города. Они, в частности, ходили в поход к Арскому городку. В войне, начавшейся на территории ханства после взятия Казани, «горные люди» выступали постоянно на русской стороне. Они захватили и передали русским воеводам одного из главных предводителей противников русской власти Мамиш-Берди. В 1558 г. отряды «чебоксарской и свияжской черемисы» участвовали в походе на Ливонию.

Гораздо" более сложной оказалась позиция «арских людей» — удмуртов. Их центр — сильно укрепленный Арский городок был взят штурмом незадолго до взятия Казани, но в нем сидело в осаде пришедшее из Казани татарское войско. После взятия города племенам, платящим ясак, была обещана амнистия за участие в войне и предложено платить ясак, «якоже и прежним казанским царем». «Арские люди» принесли присягу, и им был установлен ясак, как при хане МухаммедЭмине. Ясак был затем собран и доставлен в Казань. Однако в следующем году «арские люди» присоединились к начавшемуся восстанию, и против них были посланы войска. После того как русские войска, двигаясь от Казани на север, дошли почти до Вятки, «арские люди» снова принесли присягу. В следующем году они приняли участие в походе на восставших, но возглавившие войско «казанские князи» изменили, и «тех арских людей черных, которые государю прямы, побили многих». Позднее «арские люди», засев в острогах, отбивались вместе с русскими стрельцами от нападений восставших, они же «переимали сами многих татар, которые не прямили государю». В 1555 г., однако, «арские люди» снова отпали, и русские войска вновь ходили войной на «арские места». В Лаишеве на Каме была

поставлена крепость — опорный пункт русской власти на этой территории.

Что касается еще одного народа на территории ханства, «луговой черемисы» — марийцев, то они заняли последовательно враждебную позицию по отношению к Русскому государству. Во время осады Казани «луговая черемиса» постоянно нападала на русские войска. Правда, после взятия города «луговые люди ... из многих мест» принесли присягу, но затем они перебили присланных из Казани сборщиков ясака и стали нападать на суда, плывущие по Волге, пограничные русские уезды, земли на «Горной стороне». Марийцев возглавил МамишБерди, «сотенный князь», стоявший во главе одной из марийских «волостей». Непрерывная война, в которой марийцы выступали против русской власти вместе с остатками казанской знати, продолжалась несколько лет. Мамиш-Берди даже привел из Ногайской Орды царевича, которого «луговые сотники» хотели посадить на ханский трон. Лишь в 1557 г. «луговые соцкие» принесли присягу царю, получив от него жалованную грамоту, «как им государю вперед служите». Вероятно, при этом им были предоставлены достаточно широкие права, так как на занимаемой марийцами территории крепость — опорный пункт русского влияния — Царево-Кокшайск была основана лишь в 1574 г.

В стороне от происходивших событий стояли племена Западной Башкирии, выплачивавшие ясак казанским ханам. В башкирских преданиях — «шежере» сохранились сведения, что, когда Иван IV разослал свои грамоты племенам, подчинявшимся власти казанских ханов, целый ряд племен направил посольства в Казань и получил жалованные грамоты, подтверждавшие их права на земли их кочевий и определявшие размер ясака. Позднее к ним присоединился ряд башкирских племен, подчинявшихся ранее Ногайской Орде, которые страдали от ненормированного взимания ясака и участия в междоусобных войнах ногайских мурз. В середине XVI в. связи башкирских земель с Русским государством ограничивались уплатой ясака. Положение стало меняться лишь с постройкой в 1586 г. крепости на реке Уфе — опорного пункта русского влияния.

Таким образом, по отношению к народам, входившим в состав Казанского ханства, русское правительство старалось вести ту же осторожную политику, что и на других присоединенных территориях, соглашаясь на сохранение традиционных порядков. Почему эта политика встретила столь острую реакцию со стороны марийцев, боровшихся против русской власти более последовательно, чем казанские татары, пока выяснить невозможно.

В последующие десятилетия в отношениях с народами Среднего Поволжья русское правительство придерживалось норм отношений, выработанных после падения Казанского ханства. Различные народы на территории «Казанской земли» должны были давать оброк медом, платить пошлины за пользование бортными ухожаями и охотничьими угодьями, нести военную службу во время войны. Особой повинностью было возить строевой лес для постройки крепостей — центров русской власти в Казанском крае.

Фактически, однако, эти отношения менялись под воздействием двух" важных факторов. Русские власти форсировали развитие в Казанском крае поместного землевладения. Это должно было закрепить его за Россией и одновременно содействовало бы увеличению размеров поместного ополчения, что было необходимо для власти в условиях непрерывных войн, которые вело Русское государство во второй половине XVI в.

Помещики, заводя земледельческое хозяйство, стремились расширить свои земли за счет соседних лесных угодий, что наносило ущерб традиционно использовавшему их населению. Сама автономия чувашских и марийских «волостей» была ограничена их подчинением «головам» из русских детей боярских, которые должны были вершить суд при участии местных «лучших людей» и водить население «волостей» на войну. В отличие от татар представители местной верхушки этих народов не были уравнены в правах с русским дворянством. К этому следует добавить, что постоянный рост расходов на войну побуждал русские власти повышать размер ясака. Реакцией на эти новые явления, а также на злоупотребления, которыми сопровождался сбор ясака, стали массовые восстания 70—80-х гг. XV в., во время которых против власти совместно выступали и чуваши, и марийцы.

Народы Северного Кавказа. В Северокавказском регионе со второй половины XV в. появилась новая сила, пришедшая на смену Золотой Орде и претендующая на господствующую роль, — Османская империя. После предпринятого в 1475 г. похода османского флота на Крым и подчинения Крымского ханства верховной власти султана на северо-восточном побережье Черного моря появились османские крепости — Азов, Темрюк, Копа и др. В 1479 г. был предпринят первый поход османских войск на адыгские племена. К этому времени адыгские племена разделились на две группы — западную и восточную (кабардинцы), на основе которых стали постепенно формироваться две родственные народности. Главными занятиями адыгов были скотоводство и земледелие, в Кабарде было больше развито скотоводство, а у западных адыгов большую роль играло

земледелие. Скотоводство было не кочевым, а отгонным, и в целом образ жизни адыгов был оседлым. В этом обществе уже выделилась господствующая верхушка — «князья» (пиш) и уздени, принадлежность к которой была наследственной. Образ жизни этого слоя достаточно резко отличался от образа жизни основной массы населения — крестьян. Вместе с тем феодальные отношения находились здесь еще в процессе формирования, сохранялись многие черты патриархально-родового строя, включая кровную месть.

За шагами, предпринятыми Османской империей, чтобы закрепиться на Черноморском побережье, не сразу последовали новые шаги для укрепления позиций на Северном Кавказе. В последние десятилетия XV в. для адыгских племен главной проблемой были отношения с Большой Ордой, которая постоянно пыталась кочевать в предкавказских степях. Удары, нанесенные Большой Орде адыгами, стали одной из причин ее распада в начале XVI в. Вместе с адыгами выступало против Большой Орды отделившееся от нее Тюменское ханство в долине Терека.

Через несколько лет после падения Большой Орды начались набеги крымских войск на адыгские земли, которые завершились тем, что к 1519 г. часть западных адыгских племен обязалась выплачивать дань крымскому хану. В том же 1519 г. по приказу султана были поставлены османские крепости в устье реки Кубани. К середине XVI в. внимание правящих кругов и Османской империи, и Крыма к северокавказскому региону резко усилилось, что было связано с укреплением позиций враждебного Османской империи Ирана в Закавказье (в частности, с утверждением власти шахов на севере Азербайджана). С 1539 г. начались походы на адыгские племена крымского хана Сахиб-Гирея при прямой поддержке османов: его войска перевозили османские суда, к нему присоединились отряды янычар с артиллерией. В середине 40-х гг. нападениям крымских татар подверглись и ряд западноадыгских племен и Кабарда. В составе ханского войска снова были отряды янычар и артиллерия. В 1547 г. Сахиб-Гирей захватил Астрахань и силой переселил в Крым жителей города. Затем Сахиб-Гирей предпринял поход на владения уцмия кайтагского на юге Дагестана, которые были вынуждены выплатить хану дань. Крымское войско дошло почти до Дербента. Тогда же уплатила дань хану и Кабарда. Таким образом, при поддержке османов были предприняты решительные шаги для утверждения верховной власти крымского хана над народами Северного Кавказа. Когда в 1551 г. адыги племени хатукай предприняли набег на османские земли под Азовом, ханское войско сожгло его селения. Утверждение Русского государства на Волге, приближение его границ к

Северному Кавказу способствовало созданию во всем регионе принципиально иной ситуации.

Раздел V. Российская монархия в XVII в.

Глава 18. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В XVII в.

§ 1. XVII ВЕК В ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И РОССИИ. ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И ЕГО ФАКТОРЫ

XV столетие завершило средневековый период истории России. И хотя в это время полностью сохранялись и укреплялись старые общественно-экономические отношения и формы политического устройства, однако возникло и немало нового в различных сферах исторического развития, а в конце этого века и начале следующего отчетливо проявилась необходимость масштабных преобразований в жизни общества и государства. Особенность XVII в. в историко-познавательном плане заключается в том, что для этого периода многие стороны жизни традиционного общества можно представить с полнотой, недоступной для предшествующего века) Происходит это благодаря резкому расширению круга сохранившихся источников и обретению известными и по более раннему времени историческими материалами качественно новых черт.

Например, наиболее ранние писцовые книги конца XV в. сохранились лишь по району Новгорода, а документы писцовых описаний конца XVI в. охватывают главным образом центр Русского государства. Дошедшие же до нас писцовые книги 20—30-х гг. XVII в., содержащие материал о населении, пашенных и иных угодьях, а также о налогообложении, охватывают большинство районов Русского государства и насчитывают сотни экземпляров. С середины XVII в. появились переписные книги, которые тщательно фиксировали мужское тяглое население описываемых территорий. Они являются важнейшим источником демографических процессов вплоть до начала XVIII в. Для характеристики торговли, ее направлений, масштаба, ассортимента, а также состава участников и условий торговой деятельности особое значение имеют материалы внутренних таможен. На таможнях регистрировалось движение товаров на внутреннем рынке и взимались пошлины. Однако самые ранние из дошедших До нас таможенных книг относятся лишь к 30 -м гг. XVII в.

В период окончательного оформления крепостного права возникли новые разновидности частноправовых документов, регулировавших

вопросы обмена и распределения крестьян без земли и холопов (поступные, купчие, отпускные, данные). В XVII в. распространились так называемые жилые записи, являвшиеся документами найма рабочей силы на полукабальных условиях, а также акты, оформлявшие совместную торговую деятельность (складные). Во второй половине столетия духовные завещания, бытовавшие ранее лишь в среде феодалов, начинают составляться и представителями других слоев населения, в том числе посадскими людьми и крестьянами. Важными источниками для изучения как сословных нужд и требований, так и характера взаимоотношения власти и сословий являются коллективные челобитные служилых и посадских людей, а также законодательные акты, поток которых по сравнению с предшествующим периодом неизмеримо возрос. Наконец, к XV в. относится основной массив документов архивных фондов большинства центральных и местных учреждений периода сословно-представительной монархии, а также частных архивов как дворян, так и представителей торговопромысловой среды.

Для западноевропейской историй XVII век имел особое, узловое и, можно сказать, эпохальное значение. В это время в большинстве стран Западной Европы происходил распад средневекового землепользования и феодальной системы эксплуатации в деревне. Это сопровождалось возникновением в земледелии форм крупного предпринимательского хозяйства, основанного на наемном труде, утверждением господства мануфактуры в промышленности. Формирование общеевропейского рынка обусловило разделение труда в континентальном маештабе. Одновременно возникали новые политические институты, сформировалась новая идеология — Просвещение, базирующаяся на новом естественно-научном мировоззрении.

Для того.чтобы лучше понять, почему для России XVII век не стал тем же самым, что и для Западной Европы, необходимо хотя бы вскользь остановиться на особенностях российского исторического процесса, связанных с природно-климатическими, географическими, геополитическими и историческими условиями.

Природно-климатические условия и географический фактор. Источники различных видов указывают, что в целом географическая среда феодального периода не отличалась коренным образом от современных природных условий. Летом на основной части Европейской России господствуют положительные температуры от 15 до 20 градусов. В Западной Европе летние температуры близки к ним. Зато зимние довольно резко отличаются в России и Западной Европе. Отдаленность от

Атлантического океана, течения Гольфстрим, теплого Средиземного моря вызывает сильное остывание поверхности и атмосферы. Поэтому зимой в России значительно холоднее, в среднем на 10 градусов (среднеянварские температуры некоторых западноевропейских столиц: Афины — +9°, Мадрид — +4°, Лондон — +3°, Париж — +2°, Берлин — —1°, Вена — —2°, Бухарест — —4°). Разница в зимних температурах приводит еще к одному важному различию. Если прибрежные страны Западной Европы совсем не имеют постоянного снегового покрова (он образуется при температуре не выше —3°) и лишь в восточной части Центральной Европы снег сохраняется в течение одного-двух месяцев, то в Европейской России снег лежит от трех-четырех (Среднее Поволжье) до шести-семи месяцев (Северо-Запад, Архангельск, Урал). Весна и осень в странах Западной Европы теплые и более растянуты по времени. Засухи в Западной Европе весьма редки. В итоге период сельскохозяйственных работ в Восточной Европе намного короче: вместо 8—10 месяцев, как это бывает в большинстве европейских стран, он длится всего 5—6 месяцев. Канада и Россия — две самые северные страны. Однако основное земледельческое население Канады живет на широте Крыма. Россия же получила возможность хозяйственного освоения плодородных земель Северного Причерноморья лишь в конце XVIII в. В итоге у русского крестьянина Центральной России — основной исторической территории страны — на земледельческие работы оставалось чрезвычайно мало времени (с мая по сентябрь). К этому добавлялось малое плодородие почв, обработка которых требовала внесения органических удобрений (отсюда необходимость содержания нескольких голов скота для удобрения одной десятины земли), вторичной и троичной вспашки. Однако выполнение этих условий упиралось в ограниченность во времени земледельческого цикла, а их нарушение приводило к низкой урожайности (сам-2 — сам-3) и как результат — к низкому объему общественно необходимых совокупных средств и ресурсов. По аргументированному выводу Л. В. Милова, объем совокупного прибавочного продукта обществ Восточной Европы был значительно меньше, а условия его создания хуже, чем в Западной Европу Подобные условия являлись объективной предпосылкой создания жесткой системы эксплуатации непосредственных производителей — великорусских крестьян, дабы социум в целом, в лице государства, имел перспективу в своем экономическом и политическом развитии.

Ограниченный во времени цикл земледельческих работ в совокупности с низким плодородием почвы крайне сужал возможности интенсификации земледельческого хозяйства. В России оно имело

экстенсивный характер, т. е. развивалось за счет прироста земледельческого населения и освоения новых пространств, что являлось жизненной необходимостью. Таким образом, колонизация — хозяйственное освоение новых территорий — выступала как характерная черта российского исторического процесса. Ее результатом была огромная протяженность территории. Площадь Европейской России (5,6 млн кв. км) составляла почти половину общей площади Европы (11,6 млн кв. км). Уже с конца XV в. Россия — самая большая страна Европы. По мере роста территории увеличивался разрыв между размером территории государства и численностью его населения. В Российском государстве конца XVII в. — от Днепра до Амура, от Белого моря до Крыма, Северного Кавказа и казахских степей — жило всего около 10,5 млн человек. К 1700 г.

на во много раз меньшей территории Франции проживало более 20 млн человек, Италии — 13 млн, Германии — 13,5 млн человек. При этом размещение населения было очень неравномерным. Сравнительно густо был заселен Центр Европейской России. Громадная Сибирь практически была почти пустой — там имелось всего 72 тыс. душ мужского пола коренного населения, к которым прибавилось к концу столетия около 170 тыс. душ мужского пола переселившихся сюда русских служилых людей, крестьян (последних было всего 11 тыс. семей на территории от Урала до Тихого океана). На протяжении столетий наблюдался медленный рост населения России (в середине XV в. в ряде районов его численность была меньше, чем в конце XVI в.; в 20-е гг. XVIII в. — 19,5 млн человек; в 60-е гг. — 23,5 млн человек; в 90-е гг. — 37,4 млн человек).

Помимо численности, важным фактором экономического развития является плотность населения. В 1500 г. в России плотность населения была примерно 2—3 человека на 1 кв. км., в Англии, Франции, Италии, Германии — 22—30 человек. В 1800 г. эти числа поднимаются до 8 человек в Европейской России и от 40 до 49 человек в Западной Европе.

Отличительная особенность геополитического положения России по сравнению с большинством европейских стран состояла в ее удаленности от морских торговых путей. Россия была континентальной страной, которая в течение долгого времени не могла воспользоваться выгодами Великих географических открытий XV—XVI вв. Обладание лишь Беломорским побережьем с его замерзающими гаванями, небольшими городками около Финского залива — Иван-город, Карела, Орешек, Копорье, в ходе Смуты перешедшими в руки шведов, отстраняло ее от участия в мировой торговле — важнейшем в ту эпоху источнике денежного накопления и экономического благополучия. Кроме того, море как средство

развития транспорта для России почти было недоступно: Северный Ледовитый океан не удобен (можно плавать 4—5 месяцев в году), на Балтийском море навигация прекращается в среднем на 5 месяцев, на Каспийском — на 3 месяца. К Черному морю Россия сумела выйти только в конце XVIII в. Но и здесь осенне-зимняя навигация также крайне затруднена. Что касается внутренних торговых путей и средств сообщения, то еще С. М. Соловьев подчеркивал важное значение «мороза и снега зимой и рек летом» в истории русской цивилизации. Однако следует заметить, что речная сеть, хотя и изрядно протяженная, в летние месяцы из-за неравномерности водных стоков и необходимости волоков не позволяла перебрасывать по ней большие массы грузов, что ограничивало движение товаров на внутреннем рынке.

Замедленный процесс общественного разделения труда. Континентальное положение, вялый характер торговли, низкая плотность населения, ограниченный объем совокупного прибавочного продукта определяли медлительность процесса общественного разделения труда. Следствием этого были земледельческий характер экономики и слабое развитие городов и городской жизни. По данным переписи 1678 г. насчитывалось 185 тыс. человек, могущих быть отнесенных к «городским сословиям», что составляло 2% всего населения. По сравнению с другими европейскими странами сеть городских поселений была чрезвычайно редкой. Даже в середине XIX в. среднее расстояние между городами в Европейской России равнялось 86 км (в Пруссии, Польше, Англии — 17, во Франции — 14). В XVII—XVIII вв. в России расстояния между городами были еще больше, напротив, в Западной и Центральной Европе уже в XV в. имелась густая сеть городов в среднем на расстоянии 20—30 км (в Италии и Англии — 10 км). То есть любое сельское поселение находилось от города не далее 10 км, или одного дня пути. А это влияло на быстроту сообщения и обмена — важное условие для промышленного и хозяйственного развития.

Немаловажным фактором экономического развития является состояние промышленных ресурсов. В период до XVIII в. отсутствие запасов руд цветных *и* благородных металлов тормозило развитие соответствующих отраслей экономики страны и производство вооружения. Согласно выводу крупного знатока денежного обращения И. Г. Спасского, в допетровский период «застойности денежного дела в Русском государстве способствовало длительное отсутствие собственной металлургической базы».. Золото, серебро и медь для монет приходилось привозить из-за границы, иностранные монеты, переплавляясь, чеканились заново, в

качестве сырья использовали золотой и серебряный лом. Особенно трудным делом даже в начале XV в. было обеспечение монетного дела серебром.

Наличие постоянной военной опасности. Монгольское иго и повторяющиеся набеги крымских татар наложили отпечаток на всю дальнейшую историю Русского государства, задержав его хозяйственное, политическое и культурное развитие. После распада в первой половине XV в. Золотой Орды на отдельные ханства (Сибирское, Казанское, Крымское, Большую Орду) вплоть до 1480 г. сохранялась зависимость Московского государства от Большой Орды. Крымское ханство в это время уже находилось под властью Турции и, имея внутриполитическую автономию, было обязано согласовывать свою внешнюю политику с политикой Оттоманской Порты, особенно в плане участия в ее завоевательных походах. В начале XVI в. после разгрома Большой Орды, основного противника Крымского ханства в Северном Причерноморье, установившиеся было еще в 60—70-х гг. XV в. регулярные дипломатические отношения Московского государства с Крымским ханством и заключенный в 1480 г. русско-крымский союз против Польши распались. Основной деятельностью крымских ханов стали набеги и походы на литовско-польские, украинские и русские земли для их грабежа, сбора дани и захвата пленников для продажи и получения выкупа. По словам С. М. Соловьева, с этих пор сношения Московского и Литовского государств с крымцами «принимают характер задаривания разбойников, которые не сдерживаются никаким договором, никакими клятвами». За вторую половину XVI в. на Московское государство было совершено 48 набегов крымских татар. Причем набеги осуществлялись не только ханом, но и крымскими мурзами по собственной инициативе. Опасность татарских набегов не прекращалась и в XVII в. Южнее Оки лежало Дикое поле с его богатыми черноземными почвами, ставшее ареной непрерывной борьбы с набегами крымских татар. Одних только пленных татары уводили за один набег от 5 до 50 тыс. человек. За первую половину XVII в. из русских земель татарами было угнано более 200 тыс. человек. Пленные продавались на невольничьих рынках в Крыму (Каффе, Карасубазаре, Бахчисарае и Гезлеве). За выкуп полона татары за это время получили около 10 млн руб. Мх выплата тяжелым грузом ложилась на население, обложенное специальной податью — «полоняничными деньгами». Но выкуплена была лишь небольшая часть пленных.

В целях обороны от набегов крымских татар Русское государство вынуждено было создавать лесные засеки и сторожевые посты, которые,

начиная со второй половины XVI в., организуются в виде засечных черт. Эти протянувшиеся на сотни километров непрерывные линии укреплений с засеками, городами, крепостями и острожками продвигались в глубь Дикого поля, отвоевывая у него плодородные земли. Первой строится так называемая Большая засечная черта протяженностью в 500 км. Она создается в лесной полосе, южнее реки Оки от Переславля-Рязанского через Венев, Тулу, Крапивну, Одоев до верховьев реки Жиздры. Во время Смуты эта южная оборонительная линия была разрушена.

События Смоленской войны, в ходе которой крымские татары дважды, легко преодолев слабую оборону южных границ, совершили опустошительные набеги на территорию южных и даже центральных уездов, побудили правительство срочно предпринять активные действия по укреплению южной границы. К тому же в 1634—1636 гг. двинувшиеся из-за Волги Ногайские Орды, Большая и Малая, перешли Дон и объединились с крымцами. В 1635 г. русское правительство приступило к коренному переустройству и усилению южных границ государства. В первую очередь была восстановлена Большая засечная черта (Заоцкая) с центром в Туле, где располагались главные силы прикрытия.

В 30—40-е гг. XVII в. сооружается Белгородская черта длиной 800 км, включающая в себя 28 городов, в том числе Курск, Обоянь, Белгород, Козлов, Тамбов, Оскол, Воронеж, систему острожков, валов, рвов, засек. В конце 40 — начале 50-х гг. она была продолжена до Симбирска на Волге. В 50-е гг. XVII в. от г. Белого Яра на луговой стороне Волги до Мензелинска была проведена Закамская укрепленная черта для защиты от калмыков. Третья в XVII в. засечная черта — Изюмская (400-верстная), прикрывавшая собой Слободскую Украину, построена в конце 70-х гг. Серьезные нападения татар были теперь возможны лишь во фланг через Украину.

Когда оборонительная система действовала, крымцам не удавалось глубоко проникнуть во внутренние области государства. В любом случае их натиск значительно ослабевал, население успевало спрятаться за стенами городов, а у правительства было время собрать дворянские полки. Строительство и поддержание южной системы обороны, обеспечение ее функционирования требовали больших людских и материальных затрат, мобилизация которых была под силу только государственной власти, выстроенной на самодержавной основе.

Помимо Юга, опасность грозила и с Запада, со стороны Швеции и Польши.

Весь комплекс факторов определял замедленность темпов экономического развития России, формировал тип российской

государственности особую роль государственной власти в историческом развитии. Это сказывалось в активном вмешательстве государства в сферу экономики, влияло на формы социальной организации — на устойчивость и длительность существования крестьянской общины, на складывание особенно жестких форм крепостничества, медленное вызревание сословного строя, проявлялось в чертах национального характера, в позднем развитии светской культуры и т.д.

§ 2. КРИЗИС ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И ЕГО ЗАТЯЖНОЙ ХАРАКТЕР

События Смутного времени еще долгие десятилетия сказывались в различных сферах жизни общества и государства. Особенно тяжелы их последствия как по глубине и масштабу проявления, так и по темпам преодоления были в хозяйственной сфере. Результатом разорения страны стал глубокий кризис в земледелии. Наиболее пострадали территории активных военных действий, уезды, лежащие к югу, западу, северо-западу от Москвы, так называемые заоцкие, рязанские, украинные города, и города от «немецкой украины». Запустевшая пашня во всех уездах России составила не менее 2 млн десятин. Во многих районах Замосковного края, исторического Центра государства, в 1614—1616 гг. по сравнению с концом XVI в., когда еще не были до конца преодолены последствия предшествовавшего хозяйственного запустения, размер пашни уменьшился более чем в 20 раз, а численность крестьян и бобылей более чем в 4 раза. В западных Верейском, Ржевском, Можайском, Старицком, Звенигородском, Рузском уездах обработавшая земля составляла от 0,05 до 4,8%. Вотчины Иосифо-Волоколамского монастыря, расположенные в этих уездах, даже много лет спустя «все до основания разорены и крестьянишка с женами и детьми посечены, а достольные в полон повыведены, и монастырь был за Литвою разорен совсем... а крестьянишков десятков 5—6 после литовского разорения полепились и те еще с разорения и хлебца себе не умеют завесть». Спустя 8 лет во всех вотчинах монастыря посевы ржи были в 16 раз меньше посевов 1595 г.

Создаваемые с целью учета и податной оценки земли писцовые, дозорные книги конца 10 — начала 20-х годов содержат немало примеров полного запустения и разорения целых уездов. Нередки в них и такие описания деревень: «...а в тех пустошах по книгам пашни лесом поросло в кол и в жердь и в бревно... в том поместье и во всей волости и около тое

волости верст по двадцети и по тридцати и по сороку и больше жильцов нет ни одного человека и тем поместьем ныне не владеет нихто, пусто, все лесом поросло».

Для этого периода характерно многократное увеличение перелога за счет сокращения пахотных угодий. Зафиксировано также резкое возрастание пашни «в наезд». Этим термином обычно обозначали полевые пашни запустевших деревень или починков. Подмеченные в источниках явления свидетельствовали о происходившей архаизации системы земледелия в районах, подвергшихся наибольшему разорению (например, поля иногда даже не боронили), а также отражали изменение структуры феодального хозяйства. При общем сокращении населения наблюдался также рост числа бобыльских дворов. В некоторых районах до 75—80% крестьян в силу хозяйственного разорения стали бобылями, поскольку уже не имели возможности выполнять натуральные повинности и платить подати. Показателем глубины аграрного кризиса этих лет является и медленный выход из него. В ряде районов к 20—40-м гг. населенность была ниже уровня XVI в., что препятствовало восстановлению прежних размеров обрабатываемой площади земли. Даже в середине столетия «живущая пашня» в Замосковном крае составляла лишь около половины всех учтенных писцовыми книгами земель.

Затяжной характер восстановительного процесса определялся отмеченными выше объективными условиями существования земледельческого хозяйства на основной хлебопроизводящей территории страны. Большая часть урожая по-прежнему выращивалась на бедных подзолистых почвах центральных и Замосковных уездов, урожайность которых не превышала сам-2 — сам-3. Это была зона рискованного земледелия, где природно-климатические условия не только препятствовали интенсификации земледельческого хозяйства, обрекая его на простое воспроизводство, но зачастую и вовсе сводили на нет титанические усилия крестьянина.

§ 3. ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА И НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА

Опустошение страны, упадок земледелия, резкое сокращение численности крестьян, стихийное перераспределение податного населения серьезно сказались на состоянии государственного хозяйства. 1Пустая казна и расстроенные финансы — вот с чем сразу же столкнулся

новоизбранный царь Михаил ФедоровичЛВ одном из выступлений на Земском соборе первых лет царствования Михаила нарисованная в нем общая картина выглядела удручающей: «...а в государеве казне денег и в житницах хлеба нет, потому иных городов посады и уезды и волости от полских и от литовских людей и от русских воров... разорены, и люди побиты, и денежных доходов в государеву казну взяти не с кого...» Между тем на все нужны были деньги: на усмирение не сложивших оружие отрядов казачьей вольницы, на борьбу с не желавшим отказываться от Московского царства польским королевичем Владиславом, жалованье служилым людям, усиление границ государства, укрепление центральной и местной власти, на сыск посадских закладчиков, беглых крестьян и многое другое.

Попытки сбора налогов по старым писцовым книгам для разоренных местностей оборачивалось непосильным бременем, что, впрочем, понимало и правительство, посылая в разные места дозорщиков в целях выяснения реальной картины состояния земельных угодий, их запашки и платежной способности населения. Правда, в 10-е гг. XVII в. в условиях катастрофического падения налоговых поступлений в казну центральные учреждения нередко игнорировали данные дозорных обследований, требуя платы податей с запустевших земель. При существовавшей тогда поземельной системе прямого налогового обложения, в основе которого лежало так называемое сошное письмо, решающим показателем тяглоспособности был размер действующей пашни, или «пашни паханой», «жилого». Однако учитывался также и резерв пашенных угодий, так называемого пустого, в виде запущенной в перелог земли и пашни, поросшей лесом. Зафиксированные в писцовых книгах площади хозяйственных угодий затем оценивались в единицах «сошного письма» — сохе, выти. «Соха» была фискальной единицей, содержащей количество зерна, требуемого для засева определенного участка пашни и измеряемого «четвертью бочки». Количество «четвертей» в «сохе» зависело от качества земли и категории владельцев этой земли. На служилых поместно-вотчинных землях со второй половины XVI в. «соха» содержала в себе 800 четвертей (400 десятин) доброй, или 1000 четвертей средней, либо 1200 четвертей худой земли. На церковных и монастырских землях норма «сохи» составляла 600 четвертей доброй земли, 700 средней и 800 худой. На землях, заселенных дворцовыми и черносошными (государственными) крестьянами, в «сохе» было 500 четвертей доброй земли, 600 средней и 700 худой. Очевидно, что наивысший размер податей падал на дворцовые и «черные» земли, а наименьший приходился на дворянско-боярские

владения — для них количество земли, положенное в «соху», было наивысшим.

В первое десятилетие после Смуты все прямые налоги взимались с земли, т. е. на основании «сошного письма». В их числе были «данные и оброчные деньги», объединявшие различные сборы, восходящие еще ко временам княжеской дани и поборам, заменившим в XVI в. наместнические кормы. Старинная ямская повинность, прежде отбываемая только в натуральном виде, теперь для владельческих крестьян и посадских людей была заменена денежными сборами — ямскими деньгами. Население дворцовых и «черных» земель по-прежнему несло ямскую гоньбу в натуре. В 1618 г. оклад ямских денег составлял 800 руб. с сохи. Продолжались взиматься введенные в XVI в. на выкуп пленных так называемые полоняничные деньги.

Во втором десятилетии XVII в. к прежним добавились новые подати и сборы. В 1614 г. впервые был объявлен сбор стрелецкого хлеба — налога, идущего на жалованье служилым людям. Он брался со всех категорий земель натурой или деньгами. При общей тенденции роста всех налогов особенно прогрессировала стрелецкая подать. С 1630 по 1663 г. стрелецкая подать выросла в 10 раз. Это было связано с увеличивающимися военными расходами государства и постоянным возрастанием численности стрелецкого войска.

Опора на постоянные налоги оказалась недостаточной, и правительство встало на путь чрезвычайных мер — введение запросных и пятинных денег. Если запрос был добровольным займом, к которому правительству в 1613 г. призвало крупные монастыри, именитых людей Строгановых, служилых людей, то пятина представляла собой чрезвычайный обязательный налог, равный пятой части движимого имущества и доходов тяглеца. Этот сбор, впервые введенный по решению Земского собора в 1614 г., возлагался главным образом на гостей, торговое и посадское население, а также черносошных крестьян. Сначала сборщиками являлись рассылаемые по городам пятинщики, а позднее местные выборные люди, хорошо знавшие «животы» своих земляков. Плательщикам за неверные сведения о доходах, а сборщикам за злоупотребления при определении оклада и при взимании пятинных денег грозили «великая опала» и «смертная казнь». В течение 1613—1619 гг. всего было семь сборов — один запрос и шесть пятин. Постепенно пятинные деньги превратились в дополнительный налог, падавший на «соху» в сумме от 120 до 150 руб.

Проводившиеся в разных районах дозоры подготовили новое общее

писцовое описание, осуществленное в 20-х гг. В него вносились сведения по всем населенным пунктам уезда с

данными о количестве тяглецов, принадлежавших им дворах, землях, угодьях, промысловых и торговых предприятиях. Следствием нового описания явилось значительное уменьшение сошных окладов с посадов и уездов в районах частного землевладения. Там же при составлении писцовых книг повсеместно реализовывался новый принцип исчисления оклада, за основу которого бралась не площадь «пашни паханной», зачисляемой писцами в тягло, а так называемая живущая, или дворовая, четверть, состоящая из определенного количества крестьянских и бобыльских дворов. Сумма дворов и их сочетание в «живущей четверти», а следовательно, итоговый сошный оклад (четверть доброй пашни составляла 1/800 часть «сохи» на землях светских феодалов и 1/600 часть на церковных и монастырских землях) определялись в Поместном приказе и утверждались царем. Они были различными для разных уездов и категорий землевладения, например на светских землях по 8— 12 дворов крестьянских и 4—8 бобыльских; на церковных землях по 6—9 крестьянских и 3—6 бобыльских дворов. Как правило, при определении налогоплатежности один крестьянский двор приравнивался к двум бобыльским. Таким образом, в нашем примере и 10—16 крестьянских дворов в светской вотчине, и 7,5—12 дворов у церкви платили одинаковый налог, т.е. в монастырской вотчине в расчете на двор налог был на 25% больше. Вместе с тем этот принцип позволил правительству найти способ привлечения в тягло бобыльской категории крестьянского населения, прежде традиционно исключаемой из системы «сошного» оклада (бобыли лишь платили фиксированный оброк). Отныне на бобылей возлагалась подать, хотя и в половинном по сравнению с крестьянами размере. В условиях массового перехода крестьян по всей разоренной стране на положение бобылей реформа системы налогообложения становилась жизненно необходимой.

Следующий этап в системе налогового обложения связан с проведением в 1646 г. новой общей переписи населения. На этот раз в ходе нее особое внимание было обращено не на земли, угодья и промыслы, а на население, причем вне зависимости от его возраста и отношения к тяглу. В итоге впервые учету подлежали все лица, не имевшие своего хозяйства, а жившие в

домах тяглецов, за их «хребтом» («захребетники» и «соседи и подсоседники»). В ответ на многочисленные челобитья служилых людей в переписные книги заносились также беглые крестьяне, ушедшие со своих

мест в течение действовавшего в это время 10-летнего срока урочных лет. Тем самым переписные книги, как и книги писцового описания 20-х гг., становились основанием их крепости и возврата прежним владельцам. В финансовом отношении правительство использовало переписные книги 1646 г. для подворного собирания «запросных денег» на военные нужды и «полоняничных» денег.

Осуществлявшийся на протяжении десятилетий постепенный переход к подворному обложению был завершен в 1679 г., когда двор стал окладной единицей при исчислении важнейшего из прямых налогов — стрелецкой подати. Единый налог, помимо собственно стрелецких денег, включил данные, оброчные, «полоняничные» и все мелкие сборы. Отныне двор становился счетной единицей при определении суммы оклада стрелецких денег, падавших на тот или иной посад, уезд или волость. Его величина устанавливалась по уточненным данным новой валовой переписи 1678—1679 гг. Разверстка же оклада по тяглецам осуществлялась, как и прежде, на основании мирской раскладки «по животам и по промыслам» при сохранении принципа коллективной ответственности мира за исправность платежей. Эти традиционные основы податных взаимоотношений власти и налогоплательщиков хоть как-то позволяли правительству собирать налоги, размер которых никак не ориентировался на тяглоспособность населения. Тяглые же общины в условиях возрастающего податного пресса использовали эти принципы в качестве защитного механизма от полного разорения. Тем не менее наличие хронических недоимок, несмотря на всю жестокость их выколачивания при помощи правежей, было неискоренимым явлением. Правительство время от времени вынуждено было их прощать, но недоимки накапливались вновь. Налоговая реформа сопровождалась списанием недоимок по старым окладам. Ставки стрелецких денег, падавших на двор как окладную единицу, как и при сошном обложении, были различны — рубль, полтора и выше.

§ 4. ФЕОДАЛЬНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ХОЗЯЙСТВО

Правительство первого Романова не только восприняло от своих предшественников, но и значительно усилило двщэянский характер налоговой политики.

В условиях хозяйственного запустения правительство, стремясь поддержать хозяйство служилых людей, т. е. дворян, поверстанных

поместьями и составлявших ядро военных сил Московского государства, осуществляет массовую раздачу земель. Поместья требовались служилым людям из уездов, отошедших к Польше по Деулинскому перемирию, а также особенно пострадавших во время военных действий. Массовыми земельные раздачи становятся сразу после освобождения Москвы от интервентов. Наиболее активно они шли в 20-х, а во второй половине столетия — в 80-х гг. Их фондом были черносошные, т. е. государственные земли, которые к началу

XVII в. еще оставались в Замосковном крае, в Новгородской и Псковской землях, господствовали в Поморье, в Вятском и Печорском краях, имелись в Заоцком, Тульском районах, Поволжье. К середине XVII в. землевладение «черных» волостей центральных уездов поглощается феодалами. В руки дворян, особенно приближенных к царскому дому, поступают также земельные фонды из дворцового ведомства. Показательны, например, темпы роста населенных земельных владений царского «дядьки» Бориса Ивановича Морозова, ставшего главой правительства с воцарением Алексея Михайловича (1645— 1676). Если в 1638 г. он владел 330 крестьянскими дворами, то в 1647 г. их число возросло до 6034, а в начале 50-х гг. значительно превысило 7 тыс., а число крестьян достигло 34 тыс. душ мужского пола. Его землеи дворовладение складывалось благодаря щедрым пожалованиям бывшего воспитанника. Но к концу века Морозовы владели лишь тремя тысячами душ мужского пола.

Важным моментом в географии феодального землевладения явилось проникновение дворянского землевладения в область Дикого поля, осваиваемого крестьянством и служилыми людьми по прибору, т. е. в украинные и польские города. Однако до 70—80-х годов XVII в. в этих районах не было большого дворянского землевладения. Это объясняется как отсутствием здесь достаточного крестьянского населения, так и политикой правительства. В целях защиты землевладения служилых «по прибору», игравших важную роль в обороне южных границ государства, правительство пресекало проникновение крупного феодального землевладения в южные, пограничные со степью уезды.

Земельная политика царя Михаила Федоровича (1613— 1645) ставила своей задачей стеснить свободное обращение земель между служилыми людьми. Пока основу вооруженных сил составляло дворянское ополчение и была потребность в сохранении городовой корпорации служилых людей как основы организации поместного войска, правительство издает указы, запрещавшие московским чинам приобретать земли на южной окраине государства (1637) и переход поместий и вотчин уездных служилых людей

к служилым людям думных и московских чинов (1639). В 40-х гг. правительство даже отписало все поместные и вотчинные владения столичных людей и монастырей, расположенные в южных пограничных уездах, компенсировав их потерю за счет земли в других местах.

В 70-80-х гг. с постепенной заменой поместной армии полками нового строя и обеспечением безопасности южных границ в вопросах землевладения прослеживаются новые тенденции: земля становится предметом купли-продажи и таким образом переходит из рук в руки, меняя владельцев, а затем и статус. Служилые люди столичных и других чинов «по отечеству» после появления засечных черт начинают приобретать в южных уездах «порозжие» земли, покупать и менять земли приборных служилых людей и захватывать их насильственно. Сюда они переводят из своих замосковных владений крестьян, испомещают беглых и закабаленных приборных служилых людей. Становление на южных землях крепостнического хозяйства было характерной чертой развития феодального землевладения во второй половине XVII в.

Эволюция форм земельной собственности. В XVII столетии существенные изменения происходят в структуре земельной собственности. Особенно ярко это проявлялось в превращении поместья как обусловленного службой землевладения в наследственное вотчинное владение. Поместный принцип владения землей, ограниченный сроком несения исправной службы, противоречил хозяйственным интересам землевладельцев, а следовательно, и фискальным запросам казны. На практике поместье сохранялось за служилым человеком не только до его смерти, но и в дальнейшем обычно передавалось его сыновьям.

Важным шагом на пути обретения поместьем статуса вотчины стали указы 1611—1618 гг., запрещавшие передачу освободившихся поместий кому-либо, кроме родственников прежнего владельца. В результате их практической реализации сформировался новый взгляд на поместье как владение родовое. В 1634 г. это прежде чуждое поместью понимание получило юридическое закрепление в новом термине «родовое поместье». Возникает право «прожиточного поместья», по которому вдова или дочь получала часть поместья в личное прожиточное пользование. Указ 1642 г. запрещал вдовам служилых людей передавать их «прожиточное» поместье в чужой род.

В XVI в. в целях уменьшения чересполосицы поместных владений и более эффективного их хозяйственного использования допускалась мена земельных участков, но при условии равенства их размеров и качества. Менять можно было «четь на четь», «жилое на жилое» или «пустое на

пустое». В XVII **В.** усилилась мена землей, причем уже без соблюдения ограничительных условий, и ее купля. В 1674 г. право продажи своих поместий получили отставные помещики и вдовы. Не отказываясь в принципе от поместной формы наделения землей, правительство уступало требованиям дворянства и предоставляло им большую свободу в распоряжении поместьями.

Одновременно закрепляются новые каналы приобретения вотчин. В разные годы правительство, награждая служилых людей за «осадное сиденье» 1610 и 1618 гг., по случаю завершения войн и заключения мирных договоров осуществляло массовые пожалования поместий в вотчины, а также, нуждаясь в деньгах, прибегало к продаже для поместных земель прав вотчины («продать в вотчину»). В итоге, помимо вотчин жалованных, появились выслуженные и купленные. В целом вотчинное землевладение по темпам роста намного опережало по-

местное: за 20—-70-е гг. XVII в. удельный вес поместий упал с 70 до 41%.

В то же время численность вотчинного фонда в эти годы мало изменилась. В 1627 г. общее количество вотчин достигло семи с небольшим тысяч. В 1646 г. их численность сократилась до 6,8 тыс. И только к 1678 г. массовые раздачи и перевод в вотчины увеличил этот фонд до 10 тыс. вотчин. Вместе с тем сильно изменялась населенность вотчин. Количество крестьянских дворов в вотчинах в 1627—1646 гг. возросло с 78 тыс. до 127 тыс., а к 1678 г. — до 154 тыс. крестьянских дворов. Динамика населенности самих дворов еще более резкая. В 1627—1646 гг. был рост с 94 тыс. душ мужского пола до 341 тыс., а в 1646—1678 гг. — до 586 тыс. душ мужского пола. Вместе с женским населением это составляло около 1,2 млн человек. Важно отметить, что в общем количестве вотчин в середине и конце столетия преобладали мелкие вотчины с ничтожным количеством крестьян. В 1646 г. число владений с населением от 1 до 10 дворов составляло 65%, а в 1678 — 72%. В среднем же в каждой вотчине было около 5 дворов, а мужского населения в 1646 г. — около 13 душ мужского пола, а в 1678 г. — около 20 душ мужского пола. Возможно, многие вотчинники имели еще и поместья. Число же крупных вотчин было сравнительно невелико. В 1646 г. их было около одной тысячи при среднем размере в 78 дворов (214 душ мужского пола). В 1678 г. количество их возросло почти до 1400 вотчин, каждая из которых имела в среднем 90 дворов (около 300 душ мужского пола). Однако крупнейшие землевладельцы имели вотчины во многих уездах и резко выделялись количеством своих крепостных. Ряд знатнейших родов с середины века

резко увеличили число своих крепостных (Голицыны: в 1646 г. — 3700 д.м.п., в 1678 г. — 12500 д.м.п.; Долгорукие, соответственно, 1300 и 14 тыс. д.м.п.; Хитрово: 583 и И тыс. д.м.п.; Пожарские: 3,9 тыс. и 6 тыс. д.м.п.; Пушкины: 4 тыс. и 8 тыс. д.м.п.; Прозоровские: 2 тыс. и 8 тыс. д.м.п.; Репнины: 1,7 тыс. и 6 тыс. д.м.п.; Ромодановские — 2 тыс. и 8,7 тыс. д.м.п.; Салтыковы: 5 тыс. и 12,6 тыс. д.м.п.; Шереметевы: 8,7 тыс. и 7,6 тыс. д.м.п.). Лишь немногие резко уменьшили число своих крепостных крестьян: Воротынские — с 14,6 тыс. до 5,4 тыс. д.м.п.; Одоевские — с 8,5 тыс* до 2,5 тыс. д.м.п.

Новейшее исследование обширного комплекса писцовых книг России 1620—1640-х гг. выявило существование не только юридических, но и хозяйственно-экономических различий между поместьем и вотчиной. Вотчина оказалась более устойчивым по сравнению с поместьем типом хозяйствования. В обстановке тяжелого аграрного кризиса Вотчины лучще противостояли запустению, быстрее восстанавливались, имели лучшие условия для развития крестьянского и владельческого хозяйства. Сказывались различия в организационно-хозяйственной роли вотчинника и помещика (в поместье она была почти незаметной), в уровне эксплуатации, который в поместье был выше, в обеспеченности рабочей силой. Феодал-вотчинник широко задействовал труд своих холопов и «деловых людей», активно использовал все возможные ресурсы своего хозяйства, включая систему патронирования. Более мелкие, чем поместные «дачи», вотчины были лучше населены, в них энергично расширялись пашни.

Поэтому не случайно во второй половине XVII в. происходил поворот господствующего класса к вотчинно-служилой форме феодального землевладения, дающей наибольший по сравнению с поместьем простор для хозяйственной деятельности. В то же время следует заметить, что, несмотря на явное стремление владельцев поместий превратить их в вотчины и избавиться от экономической неэффективности поместий как формы хозяйства, ярко обнаружившей себя в годы кризиса, буквально все правительства России, оберегая общество от новых потрясений, не форсировали обратного преобразования поместий в вотчины. Слишком важна была условная система землевладения для политического укрепления системы неограниченной самодержавной власти формирования дворянства как основы незыблемого государственного единства. В конечном счете обретение поместьями статуса вотчины растянулось на более чем столетний период. Во второй половине XVII в. вотчинное землевладение уже явно преобладало в центральных регионах государства. Из 10 тыс. вотчин в окраинном Черноземье к концу века было чуть более 2

тыс. В то же время огромнейшее количество поместий сосредоточивалось на периферии страны. Важно подчеркнуть, что к концу XVII в. до 80% крестьянских дворов и населения вотчинных владений числилось «по московскому списку», т. е. принадлежало столичной прослойке господствующего класса страны. (Для социума с ограниченным объемом совокупного прибавочного продукта характерна его концентрация в столице, в руках управленческой верхушки, и оттеснение провинции на третьи роли, что находило свое выражение и в особенностях структуры господствующего класса.

Формы ренты как показатель характера экономики.

Основными формами феодальной ренты были отработочная, продуктовая и денежная. Барщинные и оброчные повинности разнообразились в зависимости от природных условий, от масштаба и состава хозяйственной жизни владений. В XVII в. основными видами отработочной ренты («изделий» — барщины), как и в предшествующее время, была работа на владельческой пашне и сенокосе, в огородах и садах, по возведению и ремонту усадебных строений, мельниц, плотин, копанию и чистке прудов, сооружению приспособлений для рыбной ловли. Распространенной практикой было содержание крестьянами распределяемого между ними в принудительном порядке господского скота и птицы. Правда, подобный прием, обременяя крестьян, мало что давал для развития животноводства в хозяйстве феодала: обычными были низкая плодовитость и падеж скота. Основные барщинные работы выполнялись на крестьянских лошадях.

Как и в предыдущие столетия, в ряду разнообразных видов барщины особое место занимает полевая барщина. При очень коротком сезоне летних работ оторвать крестьянина для работы на господской пашне от его собственной пашни, с которой он едва успевал кое-как справляться, было поистине непосильной задачей. На ее решение ушло два с лишним века, но после Смуты она снова возникла в полной мере. Правда, теперь положение было кардинально иным — крестьяне стали крепостными, и проблемой был лишь вопрос о размерах пахоты на господина. В монастырских вотчинах к началу XVII в. полевая барщина прочно вошла в быт земледельцев и достигла ощутимой величины. В основной части селений Троице-Сергиева монастыря она была 1,5—2,4 десятины в трех полях на двор. В 30—40-х гг. XVII в. в селениях Покровского Суздальского монастыря господская пашня равнялась 1,4—1,5 десятины на двор в трех полях. По данным писцовых книг 20)— 30-х гг. XVII в. исследователями установлены среднеуездные размеры господской пашни в ряде районов

Центральной России — Замосковном крае. В расчете на двор она составляла от 2 до 3,5 десятины в трех полях, что для крестьянина было тяжелым бременем. Особенно если учесть, что сами крестьяне этих районов обрабатывали на себя в среднем на двор 2—2,3 десятины в трех полях что совершенно недостаточнодля нормального воспроизводства жизни крестьянской семьи. А был еще и оброк деньгами, и «столовые запасы».

Во владениях крупных феодалов (Б. И. Морозова, Я. К. Черкасского, И. Д. Милославского, Н. И. Одоевского, Ю. И. Ромодановского и др.), в хозяйстве которых земледелие сочеталось с промыслами (поташным, солеваренным, винокуренным), их обслуживание также входило в барщинные работы крестьян. В целом трудно перечислить все разнообразие работ и повинностей крестьян, составлявших «изделье»: из барского хлеба крестьяне изготовляли крупы, сухари, солод, вино, из пряжи ткали холсты, из сел и деревень на центральный двор доставляли на собственных подводах «столовые запасы», сено, дрова, строительные материалы.

Барщинные работы, заставлявшие крестьянина полностью отрываться от собственного хозяйства («в пространстве и во времени»), предполагали наличие принуждения в наиболее грубой форме. Существовали различные способы разверстки барщинных повинностей — по числу дней в неделю в зависимости от экономического состояния крестьян или по размеру барской пашни, обрабатываемой пропорционально количеству тяглой земли, которая имелась во владении крестьян. Последний способ, по вытям, был предпочтительнее для зажиточных и «семьянистых» крестьян.

Продуктовая рента, включающая в себя как продукты земледелия и скотоводства, так и изделия домашней промышленности, как никакая другая, способствовала консервации натурального характера экономики. Наиболее распространенной формой оброка был 5-й сноп, т. е. помещику отдавалась пятая часть урожая. Крестьяне поставляли также «столовый запас» (мясо, масло, яйца, битая и живая птица, грибы, ягоды, орехи) и изделия домашней промышленности (холст, сукно, деревянные изделия и др.). Кроме того, в состав оброка входили продукты крестьянских промыслов, развитых в той или иной местности. Например, крестьяне нижегородских и арзамасских вотчин Б. И. Морозова изготовляли удила и седельные пряжки, деревянные блюда, братины и ложки. Крестьяне воровских владений А. И. Безобразова поставляли оси, лопаты, оглобли, лыко; его же суздальские крестьяне вносили хомуты, рогожи, кули, а кашинские крестьяне — дуги, корыта, готовые срубы.

На фоне повсеместного распространения отработочной и продуктовой денежный оброк в XVII в. за редким исключением еще не играл самостоятельной роли и чаще всего сочетался с барщинными повинностями и натуральными платежами. Лишь в некоторых тверских, вологодских, нижегородских селениях промыслового хозяйственного направления (так называемых непашенных селах), принадлежавших все тем же Б. И. Морозову, Я. К. Черкасскому, А. И. Безобразову и другим феодалам, имевшим многочисленные владения в различных уездах, крестьяне в основном платили денежный оброк.

На протяжении всего XVII в. еще не было дифференциации владений по формам изъятия прибавочного продукта (феодальной ренты), что свидетельствовало об отсутствии серьезных изменений в системе общественного разделения труда. Обработанные Ю. А. Тихоновым данные о 365 имениях междуречья Оки и Волги показали, что не только в первой, но и во второй половине XVII в. в 80—90% имений наблюдалось сочетание разных форм ренты с непременным элементом барщины. Это является свидетельством того, что восстановление хозяйственной жизни и во второй половине XVII в. не привело к разрушению натурально-патриархального характера сельскохозяйственной экономики.

Организация вотчинного хозяйства. Характерней чертой владений светских и духовных феодалов XVII в. была их разбросанность по многим уездам. Например, боярин Б. И. Морозов имел земли в 19 уездах, боярин Н. И. Романов — в 15 уездах, Троице-Сергиев монастырь — в 40 уездах, а правящая династия — в 100 уездах. Даже у помещиков средней руки и вовсе мелких служилых людей редко когда их владения были сосредоточены в одном уезде. Это явление было результатом постепенного накопления земельных владений, сохранения в течение длительного времени ограничительных мер по мобилизации земли и распространенной практики чересполосного «испомещения» служилых людей. В этих условиях, а также в силу того, что занятые на службе помещики редко жили сами в своих владениях, особую роль в их управлении играли приказчики. В крупных хозяйствах приказчики, управлявшие отдельными селами и деревнями, подчинялись главной администрации, находившейся в Москве или на центральном дворе владельца. Полномочия сельских приказчиков определялись «наказами» и «памятями» владельца, инструкции которых следовало неукоснительно соблюдать. В круг обязанностей приказчиков входили хозяйственные дела, сбор ренты и государственных податей, суд и расправа над населением.

В монастырских вотчинах, корпоративным собственником которых

являлась вся братия, ближайшими помощниками игумена были келарь, заправлявший всем хозяйством, и казначей. Разными отраслями монастырского хозяйства ведали особые старцы. Отдельными селами и деревнями управляли посельские из монахов и приказчики и целовальники из «бельцов» (мирян) — монастырских *слуг.*

Взаимоотношения вотчинной администрации (светской и церковной) с крестьянами осуществлялось посредством органов мирского управления, организующих жизнь крестьянской общины на принципах круговой поруки. Неся перед государством податную ответственность, феодал получал от него право распоряжения трудом и личностью крестьян. Важным инструментом в осуществлении этого права был не только институт приказчиков, но и выбиравшиеся обычно из числа зажиточных крестьян старосты, целовальники, вытчики, сборщики оброка и другие представители общины.

В XVII в. в связи с господствующим родом занятия основного населения преобладали поселения сельского типа — крестьянские, сочетающиеся с господскими усадьбами. Исследователи в зависимости от разных природно-географических зон различают несколько последовательно сменявшихся систем расселения. Одна из древнейших систем была «погостная», при которой погост выступал административно-религиозным и торговым центром общины, по территории которой были разбросаны маленькие, нередко однодворные деревни. В XVII в. эта система сохранялась главным образом на севере лесной зоны Европейской России с преобладанием черносошного крестьянства. Другая система расселения, распространенная в крупных дворцовых, боярских и монастырских вотчинах южных частей лесной зоны, концентрировалась вокруг села, являвшегося центральным селением общины, погостом же оставалась только церковная усадьба с кладбищем. Третья система расселения складывается в районах мелкого помещичьего землевладения. Она характеризуется дробностью отдельных селений между несколькими владельцами и наличием многосемейных селений трех видов: деревня — без господской усадьбы и без церкви, сельцо — с господской усадьбой, но без церкви, и село — с церковью. Подобная картина расселения была типична для Волго-Окского междуречья.

Большое своеобразие имелось в поселениях служилых людей пограничных районов, а также в поселениях донских и други казаков.

Сельскохозяйственные орудия труда и система земледелия. Неизменными на протяжении столетий оставались “сельскохозяйственные орудия: соха, плуг, борона, серп. Основным орудием пахоты была соха. Ее

универсальность (возможность использования также для боронования), простота конструкции и эксплуатации определили ее повсеместное распространение и доступность любому крестьянскому хозяйству. Обладая неглубокой вспашкой, соха хорошо рыхлила и перемешивала почву, а соха с полицей оборачивала пласт земли. В XVII в. в ходу были традиционные двузубые сохи различных типов, появился усовершенствованный вид — сохи-косули. Для пахоты на Русском Севере, в Верхнем Поволжье на тяжелых глинистых и суглинистых почвах, а также подъема целины на плодородных окраинных землях применялся плуг с двухколесным передком, требовавший большей тягловой силы (обычно — пары лошадей). Наиболее распространенным типом земледелия было трехполье, хотя наличие озимого, ярового и парового полей не всегда означало применение правильного севооборота и навозного удобрения. На Юге, в Поволжье и Заволжье часто практиковалось «нестрополье» без правильного чередования полей и их удобрения.

Наряду с трехпольем по-прежнему применялись подсемноогневая и переложная системы земледелия. В наибольшей степени подсека с возможным использованием росчисти в течение ряда лет путем плодосмена была распространена на Севере, где к XVII столетию было свыше 22 тыс. поселений. В центральных и замосковных же уездах, за исключением периода хозяйственного разорения и упадка земледелия, к переложной форме земледелия прибегали для обновления и расширения площади пахотных угодий за счет лесных участков, которые затем включались в систему трехполья или использовались под сенокосы. Такое же вспомогательное назначение подсека и залежь имели в южных районах России при освоении новых земель при последующем заведении трехполья. Переложная система, при которой в течение нескольких лет новые земли использовались без внесения удобрений, а затем забрасывались, длительное время сохранялась в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири.

Природно-климатические условия определяли и традиционный для основной зоны земледелия набор сельскохозяйственных культур. Среди них преобладали серые хлеба. В отдельных районах на долю ржи и овса приходилось до 70—80% посевных площадей. Выращивались также пшеница, ячмень, просо, гречиха, горюх, из технических культур — лен и конопля.

Преобладающим в XVII в. был низкий урожай: в Ярославском уезде рожь от сам-1 до сам-2,2; овес от сам-1 до сам-2,7; ячмень от сам-1,6 до сам-4,4; в Костромском уезде рожь от сам-1 до сам-2,5. В наиболее

плодородном в пределах Нечерноземья Белозерском районе в 1604—1608 гг. урожайность ржи колебалась от сам-2,5 до сам-4,5; овса от сам-1,5 до сам2,6; ячменя от сам-4 до сам-4,3. В селениях Кирилло -Белозерского монастыря в 70—80-е гг. XVII в. за счет вовлечения подсечной пашни урожайность могла за ряд лет повышаться по ржи до сам-10, овса — сам-5, ячменя — сам-6 и более. В плодородных вкраплениях почв Севера урожай ржи достигал сам3,6, а овса — сам-2,7. В Новгородской и Псковской землях урожай ржи колебался от сам-2,4 до сам-5,3, овса — от $сам_г$; 1,8 до сам-8,2 и т.д.

Низкие урожаи земледельческих культур в Центральной России заставляли земледельцев постоянно искать новые земли, Земледельческое освоение южных территорий, Поволжья и Сибири стало характерной чертой истории сельского хозяйства В XVII в.. В южном направлении колонизация усиливалась по мере создания Белгородской (1635—1658), Симбирской (1648—1654) и Закамской (1652—1656) засечных черт. Районы, примыкавшие к ним, быстро обрастали земледельческим населением.

На протяжении XVII в. доля новых районов земледелия в совокупном производстве хлеба была невелика. Более того, вплоть до середины XVII в. в Сибири своего хлеба не хватало, и его ввозили из Центральной России. В конце XVII в. Сибирь уже полностью удовлетворяла свои потребности в хлебе и начала поставлять некоторое количество товарного хлеба в европейскую часть страны.

Практически во всех районах России земледелие сочеталось с продуктивным скотоводством. Связь скотоводства с земледелием обусловливалась бедностью почв, на которых занятие земледелием было возможным лишь при условии их удобрения. Необходимым элементом земледельческого хозяйства была и тягловая сила. Многомесячное стойловое содержание скота требовало больших запасов кормов. В то же время возможность их заготовки на основной зернопроизводящей территории России ограничивалась коротким сроком (до одного месяца) вторгающимся в напряженный земледельческий цикл. Все это в итоге определяло вспомогательное назначение скотоводства в большинстве районов страны.

§ 5. СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА

Служилые люди. По официальной терминологии того времени общество делилось на «чины» — сословные группы, отличавшиеся друг от друга особым статусом. Сами «чины», не считая духовенства, подразделялись на «служилых людей», тяглых людей и холопов. Наименование «служилые люди» говорит о статусном значении службы в пользу государства, о том, что именно она определяла привилегированное по сравнению с тяглыми людьми положение этой социальной группы. Наряду с общностью статуса служилых людей имелись и серьезные различия в положении их многочисленных категорий. Отличия принципиального характера лежали между служилыми людьми «по отечеству» и «по прибору».

Отличительными чертами первых из них было наследственное право владения населенными землями, свобода от податного тягла и пожизненная служба на различных административных и дворцовых должностях или в рядах конного дворянского ополчения. Все чины служилых людей «по отечеству», иерархически объединенные в три группы (чины думные, московские, городовые), организовывались в две служилые корпорации — «государев двор» и «служилый город». Первые места в составе «государева двора» занимали бояре, окольничие, думные дворяне — цвет московской знати. В разные десятилетия XVII в. их численность значительно колебалась, но в целом в совокупности не превышала 160 человек. Верхушку «государева двора» составляли также близкие к думным чинам представители высших придворных должностей (дворецкие, казначеи, кравчие, постельничие, ловчие, сокольничие, ясельничие). Они обслуживали разнообразные потребности царского двора, и их. численность в десятки раз превышала количество думных чинов.

Дворяне московские составляли следующую по знатности группу в составе «государева двора». К середине XVII в. в «московском списке» служилых людей состояло более тысячи, а к концу столетия около 6,5 тыс. человек. Они обычно имели придворные чины стольников, стряпчих, жильцов и составляли среднее руководящее звено в армии и государственном аппарате. Поместный оклад московских дворян в XVII в. составлял от 700 до 2500 десятин, а годовое жалованье было около 50 руб. Средняя вотчина столичного дворянина насчитывала около 40 дворов и более сотни крестьян.

Замыкал иерархию чинов «государева двора» «выбор из городов» — верхушка уездного дворянства. Выборные дворяне были представителями старых служилых фамилий некогда независимых княжеств и их уделов. Их земельное и денежное обеспечение было в два раза меньше по сравнению с

«московскими» дворянами. В XVII в. прекратилась практика предшествующего времени призыва выборных дворян на службу в Москву, и окончательно закрепилось их положение в качестве высшего чина городовых служилых людей. В уездах как представители наиболее влиятельных родов они участвовали в проведении смотров и «верстания» служилых людей, определяли размеры их земельных окладов, возглавляли местное дворянское ополчение и избирались в губные старосты.

В целом члены «государева двора» занимали высшие и средние командные должности в армии и обеспечивали функционирование основных государственных структур.

Отношение между чинами «государева двора» и их назначение на службу регламентировались определенным порядком. На протяжении XIV—XVI вв. этот порядок сложился в особую систему, получившую название «местничества». Согласно ему при назначении на службу учитывалось происхождение (знатность рода), личные заслуги и служебное положение других представителей рода. Родовая «честь» определялась не только происхождением, но и поддерживалась постоянной службой. Царская опала, наложенная на одного представителя семьи, могла сказаться на местническом положении всего рода. Система местничества несла в себе и своего рода воспитательную функцию. Через нее молодой дворянин учился умению отстаивать «честь» своего рода от разных внешних посягательств.

Уже в XVI в. сложились уездные («городовые») корпорации служилых людей, организуемые по территориальному принципу. Они объединяли основную массу дворян-помещиков. Входившие в состав «служилого города» дворяне и дети боярские получали поместные оклады в тех уездах, от городов которых служили. В соответствии с этим принципом территориальные общества уездных служилых людей обладали некоторыми элементами самоуправления. «Всем городом» такие «смоляне», «можаичи» или «тверичи» шли в поход, служили в одних и тех же «сотнях». Наличие организации уездных дворян («служилый город»), объединенных не только принципом землевладения, но и совместной службой в полку, способствовало сплочению провинциального дворянства и обеспечивало возможность совместных действий в целях давления на правительство. Периодически созываемые на военные смотры Москву городовые дворяне и дети боярские нередко пользовались случаем и обращались к правительству с коллективными челобитными. Например, летом 1641 г. во время такого смотра служилые люди «с большим шумом» ворвались во дворец и стали добиваться от царской власти удовлетворения ряда своих требований (об отмене «урочных лет» для сыска беглых

крестьян, о защите от «сильных людей» — бояр, о реформе суда и т.д.).

Служба складывалась из бесконечной череды походов, боев, караулов и разъездов. Для материального обеспечения служилого человека на время службы выдавался поместный оклад. Перед походом он обычно дополнялся денежным жалованьем в 5—12 руб. (лошадь или сабля стоили 3—4 руб., а вместе с обычным набором вооружения обходились при покупке в 8—10 руб.). Подобно денежному жалованью размер поместного оклада мог увеличиться в награду за долговременную исправную службу и особые служебные заслуги и уменьшиться, вплоть до полной потери, в случае нарушения служебного долга — неявки на службу, на смотры, бегства из полка и с поля битвы. Служба была пожизненной. Старые и увечные дворяне с трудом добивались отставки от нее. По Уложению 1649 г. они должны были служить вместо полковой более легкую «городовую, осадную службу».

Хозяйственная слабость поместий дворян и детей боярских особенно проявлялась во время голодных лет, эпидемий и экономических кризисов. Сокращение или полная потеря крестьян, запустение пашни побуждали таких «пустопоместных» дворян идти на службу рядовыми в «полки нового строя».

Таким образом, для XVII в. еще рано говорить о складывании единого класса-сословия дворян. Огромная дистанция разделяла находившихся на верху чиновной лестницы бояр и замыкавших ее дворовых и городовых детей боярских. Немалым было и расстояние между «дворянином московским» и знатнейшим боярином-Рюриковичем. Различия имелись и в происхождении рода, а соответственно характере службы его представителей, и в масштабе землевладения, и в числе населявших его крестьян, и в получаемом поместном и денежном окладе, и в укладе всей жизни.

Все перечисленные выше «чины» составляли группу служилых людей «по отечеству». Вторая группа — служилых «по прибору» — набиралась государством, главным образом из тяглых слоев для несения военно-гарнизонной (стрельцы, пушкари, затинщики, городовые казаки) и почтовой (ямщики) службы, а также для обслуживания городского хозяйства (записные ремесленники, рыбные ловцы, воротники и др.). Как правило, в разряд служилых «по прибору» попадали беглые пашенные крестьяне, боярские холопы, мелкие посадские люди или их родственники. В южных районах в отличие от поместья служилого человека «по отечеству» приборные служилые люди получали землю не индивидуально, а целыми группами, или товариществами, в общей меже. Их

землепользование устраивалось по крестьянскому принципу, а хозяйство за неимением у основной массы приборных людей крестьян велось собственными силами. Помимо службы по обороне границ, приборные служилые люди несли ряд натуральных повинностей, от которых были свободны служилые люди «по отечеству». В южных районах и в Сибири они обязаны были пахать десятинную пашню, выполнять «городовое», а в Поволжье и «струговое дело».

Хотя приборные чины обеспечивались хлебным и денежным жалованьем (иногда соляным и суконным), правительство, сокращая или удерживая его, поощряло их занятия торговлей и промыслами. Правда, по Уложению 1649 г. все приборные люди, за исключением стрельцов, сохраняли свои торговые и промысловые заведения в городах только при условии несения общепосадского тягла и платы пошлин, от которых они прежде были свободны. Таким образом, на протяжении XVII в. приборные служилые люди по своему экономическому и правовому положению все более сближались с тяглыми слоями населения.

На протяжении многих десятилетий XVII в. в среду служилых людей «по отечеству» еще был открыт доступ из приборных чинов, а следовательно, и из рекрутируемых в них тяглых слоев населения. При строительстве и заселении новых городов правительство вынуждено было разрешать переход из приборных чинов и прямое верстание в дети боярские. Лишь в 1675 г. подобные верстания из крестьян, холопов, посадских и приборных служилых людей были запрещены. Вплоть до 1642 г. не был закрыт и выход из служилых людей в тяцлые разряды и даже холопы. Существование подобной практики было вызвано массовым разорением мелкопоместных дворян в годы хозяйственного запустения. Запрет, наложенный указом в этом году, был подтвержден Уложением 1649 г. В итоге дворянство все более отмежевывалось от приборных служилых и тяглых людей. Этот процесс сопровождался обретением служилыми «по отечеству» сословных прав и привилегий. Важнейшие из них были связаны с правом владения населенными землями.

Дворянство, во всей мере ощутившее на себе последствия хозяйственного разорения и тяготы государевой службы, на протяжении первых десятилетий после Смуты добивалось облегчения служб и податей, а также более надежного закрепления за собой крестьянского труда.

В целях лучшего обеспечения службы дворян правительство осуществляло массовые раздачи поместий, принимало меры по укреплению земельных прав дворянства, по превращению поместья в вотчинное владение, о чем речь уже шла ранее. В правление Михаила

Федоровича был проведен массовый пересмотр жалованных грамот и других владельческих документов, выданных законными и лжеправителями Смутного времени. При этом вотчинные земли, полученные служилыми людьми от Лжедмитрия II, переводились в разряд поместных с соответствующим чину окладом. В целях учета и податной оценки земли правительство неоднократно осуществляло «дозоры» и описания частной земельной собственности.

Второе направление продворянской политики правительства проявилось в изменении сроков «урочных лет». В ответ на требования помещиков об их увеличении правительство первоначально удовлетворяет ходатайства отдельных феодалов. В их числе, как и при введении Юрьева дня, первым льготные права в 1614 г. получил Троице-Сергиев монастырь, которому в качестве награды за оборону в годы интервенции было разрешено сыскивать своих крестьян в течение 9 лет. В 1637 г. в ответ на коллективное челобитье дворян об отмене «урочных лет» правительство распространило действие частного указа на всех феодалов и продлило сыск беглых крестьян с 5 до 9 лет. В 1641 г. после нового коллективного челобитья дворян срок сыска беглых крестьян был увеличен до 10 лет. Усилилась ответственность за насильственно вывезенных крестьян: их возврат отныне осуществлялся в течение 15 лет, а новые владельцы подлежали штрафу в размере 5 руб. в год. Тот же указ запрещал принимать иски по ссудам и кабалам на беглых крестьян. И наконец, Соборное уложение 1649 г. провозгласило: «сыскивать беглых крестьян бессрочно». Отменой системы «урочных лет» утверждалась вечная и бессрочная потомственная крестьянская крепость.

Эта мера была важна и для консолидации всех слоев и групп служилых людей «по отечеству» в единое сословие. Отныне ни при каких условиях никто не мог удерживать за собой беглых крестьян, чем, по крайней мере юридически, снимались противоречия между рядовыми помещиками и крупными светскими и церковными феодалами, между служилой провинцией и столичными чинами. Длительное существование системы «урочных лет» и неспешное их изменение, несмотря на неоднократные коллективные челобитья рядовых служилых людей, объяснялось рядом причин. Одни из них определялись фискальными интересами государства и потребностью укрепления южных границ. Другие вытекали из разной степени заинтересованности различных слоев дворянства в наличии юридического равенства между ними по отношению к закрепощаемому крестьянству. Крупные вотчинники обладали различными рычагами привлечения в свои владения и удержания в них

крестьян. На укрывательство в вотчинах московских чинов беглых крестьян, «заживавших» в них «урочные годы», неоднократно жаловались представители провинциального дворянства. И только острый социальный взрыв, прокатившийся в 1648— 1649 гг. по многим городам Московского государства, а в столице сопровождавшийся совместными действиями посадских и служилых людей, обеспечил принятие соответствующих норм

Уложения. Они завершили длившийся более полутора столетий процесс формирования крепостного права.

Крестьяне и утверждение крепостного права. В Соборном уложении крестьянам посвящена особая XI глава. Ее название — «Суд о крестьянах» — точно отражает основное содержание ее статей: в них речь идет не о правовом статусе крестьян, а о судебных спорах феодалов о них. В качестве объекта права крестьяне рассматриваются в 111 статьях 17 глав Уложения. Только в одном случае крестьянин выступал в качестве субъекта права — в статье, определявшей плату за увечье и бесчестье. Причем, согласно шкале штрафов, прямо зависевшей от социального статуса оскорбленного и потерпевшего, крестьяне всех категорий занимали низшую ступень правовой лестницы. За оскорбление крестьянина словом или действием налагался штраф в 1 руб., за побои — 2 руб., за увечье («глаз выколет, или руку, или ногу переломит») — 10 руб. Для сравнения — за словесное оскорбление («бесчестье») высших служилых чинов тяглецом или приборным служилым человеком полагалось битье кнутом и тюремное заключение.

Помимо бессрочного сыска беглых крестьян, Соборное уложение определило условия возврата их прежнему владельцу со всей семьей и имуществом, что обеспечивало возможность их феодальной эксплуатации по возвращении на старое место. Основанием крестьянской крепости признавались не только недавно составленные переписные книги 1646 г., но и документы писцового описания 1626 г., что позволяло потерявшим было надежду помещикам вернуть давно ушедших от них крестьян.

В качестве меры ответственности за прием беглых устанавливалась плата по 10 руб. в год за человека, что, по мысли законодателя, должно было сузить для беглых возможность устройства на новом месте, а следовательно, удержать их от побега. Как и в указе 1641 г., запрещалось кабалить и давать ссуды беглым крестьянам, с помощью которых новый владелец стремился закрепить беглых за собой.

Крепостная зависимость объявлялась наследственной. Принцип закрепления крестьян за феодалом был по земле и по личности. Показателем усиления личной зависимости крестьянина от феодала была

закрепленная в Уложении судебная неправомочность крестьянина: за него на суде, кроме убийства, татьбы и разбоя, отвечал и предъявлял иски феодал. Внутри своих владений он сам судил своих крестьян, подвергая их наказаниям и пыткам. За убийство помещиком крестьянина другого владельца в драке или в пьяном виде убийца не отвечал, а лишь возмещал убыток потерпевшему владельцу выдачей ему своего лучшего крестьянина с семьей и имуществом. Имущественные права крестьян не были обеспечены законом. Помещик мог располагать имуществом крестьян для покрытия своих личных долгов. Заключение браков, семейные разделы крестьян, передача по наследству крестьянского имущества могло происходить только с разрешения помещика. В Уложении введением твердой цены на крестьянина и его имущество: «за всякую голову» по 4 руб., за «глухие» животы — 5 руб. — закрепился взгляд на крестьянина как на вещь. Уложение отняло у крестьян возможность по суду защититься от помещичьего произвола, поскольку все челобитные крестьян на господ объявлялись ложными. Исключение было сделано только для изветов по «слову и делу».

Крепостнические меры в равной степени распространялись как на владельческих (помещичьих, монастырских, дворцовых), так и государственных (черносошных) крестьян. Это означало стирание граней между отдельными разрядами крестьянства, хотя полностью и не уравнивало их в правовом положении. Собственниками церковных и монастырских владений, в отличие от помещичьих и дворцовых, являлись не отдельные лица, а епархиальные дворцовые приказы либо монастырская братия во главе с игуменом, но это не меняло существа феодальной эксплуатации. Сохранялись различия в праве распоряжения крестьянами. Помещик обладал полной свободой: мог их продавать, обменивать и т.д.; дворцовые и черносошные крестьяне могли сменить владельца только в результате пожалования земли; монастырские же и церковные вотчины не подлежали отчуждению.

Перепись 1678 г. отразила рост численности закрепощенного населения. В своей совокупности владельческие крестьяне составляли 9/10 всего тяглого населения страны. Светским феодалам принадлежало 67% всех тяглых дворов (595 тыс.).

Во владении церковных учреждений (патриарха, епископов, монастырей и церквей) находилось более 13% дворов (118 тыс.); дворца — свыше 9% дворов (83 тыс.).

Черносошным крестьянам вместе с посадскими людьми принадлежало 10,4% всех тяглых дворов (92 тыс.). Черносошные крестьяне, т. е. живущие

на «черных сохах» — государственных землях, сохранялись главным образом на севере страны, в Поморье, в Печерском крае, в Пермских и Вятских землях. Владельческие вотчины здесь имели лишь некоторые монастыри и Строгановы.

Юридически черносошные крестьяне не считались собственниками земли, но владели и распоряжались ею (могли продавать, закладывать, передавать по наследству). Государство следило лишь за тем, чтобы она не выходила из тягла и оставалась в его руках. Новые владельцы вместе с землей принимали на себя и тяглые обязательства по приобретенному участку. Феодальная рента с черносошных крестьян совпадала с государственным налогом, поскольку их феодальным собственником выступало государство. Кроме денежных платежей в состав тягла черносошных крестьян входили различные службы. Они (подобно посадским людям) обязаны были бесплатно работать на различных государственных выборных должностях: таможенных голов и целовальников, ямских старост и др. Вместо ямских денег черносошные крестьяне Поморья отбывали ямскую гоньбу в натуре. В целом черносошный крестьянин платил государевы подати в 7—10 раз больше, чем владельческий, на котором лежало бремя повинностей и платежей своему господину.

Таков был комплекс мер по созданию крепостнической системы изъятия прибавочного продукта, предназначенной компенсировать исторически ниспосланные России неблагоприятные, а в ряде моментов просто ущербные условия природно-климатической и географической среды, в которых оказались восточные славяне и другие народы Европейской России.

После Соборного уложения 1649 г. основным направлением крепостнического законодательства стала борьба с побегами крестьян и организация их сыска. Принятые правительством Алексея Михайловича конкретные меры и серия указов 50—60-х гг. явились откликом на поток коллективных челобитных дворян, требовавших практической реализации норм Уложения об отмене «урочных лет» и крестьянского закрепощения. С конца 1650-х гг. сыск беглых из частной заботы помещика превратился в важное государственное дело, а побеги стали приравниваться к «воровству», за которое полагалось наказание. Теперь систематически посылаемые в разные уезды специальные «сыщики» организовывали массовые поимки беглых крестьян. Указ 1661 г. усилил ответственность помещика за прием беглого. Отныне ему следовало платить не только «зажилые деньги», но и отдавать в качестве дополнительного наказания

собственного «наддаточного» крестьянина. В целом на протяжении второй половины XVII в. крепостное право ужесточалось, и крестьяне в своем бесправии приближались к холопскому состоянию.

Город и городское население. В отличие от Западной Европы русский город не имел самоуправления городских коммун, а был объектом налогообложения и несения разнообразных натуральных повинностей.

Тяжелыми были последствия Смуты и для русских городов, подвергшихся разрушениям и разорению, особенно в западных, южных и центральных районах. К тому же глубокий упадок земледелия и резкое уменьшение земледельческого населения страны не могли не сказаться на уровне и темпах развития городов в последующие после Смуты десятилетия. В литературе давно дискутируется вопрос о том, какие поселения в России в XVII—XVIII вв. считать городами и в какой мере официальная терминология источников может быть использована при подсчете количества городов, определении численности и состава городского населения. Одни историки, стремясь сохранить историческую перспективу и понять, какие поселения в ту или иную эпоху относились к городам, объектом изучения делают поселения, названные городами в источниках. Для других характерно определение города как социально-экономической категории, как центра ремесла и торговли, средоточиями которых были посады (для XVI—XVII вв. — посадская община). В соответствии с предложенным научным критерием рождалось стремление составить список «истинных городов», «городов в экономическом смысле» в отличие от официальных списков, основанных на юридическом принципе. Третьи справедливо обращают внимание на то, что в феодальную эпоху юридический статус городского поселения имел неформальное значение: он определял права жителей на торговопромышленные занятия, обретение поселением административных функций и общий его облик. К тому же городская экономика не сводилась к сугубо торгово-ремесленным занятиям жителей, поскольку в XVII—XVIII вв. в русских городах широкое развитие получили торговое огородничество и садоводство, содержание скота и даже земледелие, а преобладающим типом города был аграрный. Важно также и то, что отличие городского и сельского поселения не ограничивалось сферой хозяйственной жизни, а дополнялось спецификой уклада жизни. Наконец, четвертые исследователи заняты поиском универсальной сущности города, неизменной для всех эпох и стран. Она видится в интегрирующей роли города как центра различных социальных, политических, хозяйственных, административных, идеологических и культурных связей.

По некоторым подсчетам, в Европейской России в середине XVII в. имелось 226 городов, вместе с Сибирью и казачьими городками во второй половине столетия в источниках упоминается более 360 городов. В это число входят как собственно города и казачьи городки, так и поселения, упомянутые в источниках как крепости и остроги. Большинство крупных городов (с числом посадских дворов более 500) располагалось в Центральном районе (Ярославль, Кострома, Нижний Новгород, Калуга, Балахна, Коломна, Переяславль-Залесский), в Поморье (Вологда, Устюг Великий, Галич), на северо-западе — Новгород, Псков. Среди городов своими размерами и численностью населения резко выделялась столица государства Москва. По подсчетам П. П. Смирнова, в ней концентрировалась треть городского населения — около 200 тыс. человек. По средневековым масштабам это был громадный город, уступавший лишь Парижу и Константинополю. Такая малочисленность и неравномерность распределения городских жителей по территории страны отражала слабость аграрного сектора экономики, развитие которого в российских природно-климатических условиях предполагало не только сохранение, но и увеличение количества земледельческого населения, что в совокупности с другими факторами приводило к медлительности и незавершенности процесса общественного разделения труда.

В XVII в. сохранилось некоторое число владельческих городов. Таковыми были патриарший город Осташков, принадлежавшие боярам Романовым города Скопин и Романово городище, князю А. Н. Трубецкому — Трубчевск, именитым купцам Строгановым — Орел-городок, Верхний и Нижний Чусовские, тихвинскому Успенскому монастырю — Тихвин, Горицкому монастырю — посад Соль Большая. В середине столетия на Валдайском озере во владении патриаршего Иверского монастыря возник г. Валдай, а в устье Яика «гостем» Михаилом Гурьевым был построен г. Гурьев. Имелись и другие, менее заметные владельческие города и городки, сохранявшиеся как некие рудименты.

Состав городского населения был пестрый. В первой половине XVII в. из 107,4 тыс. дворов в 226 городах 60,1% дворов принадлежали служилым «по прибору», 8,2% — вотчинникам и лишь 31,7% — тяглецам. При этом дворы собственно посадских людей имелись только в 73 городах, да и в них они были окружены множеством служилых слобод и дворов беломестцев, расположенных в черте посадской территории или вблизи нее и принадлежавших отдельным светским и духовным феодалам и монастырям. Крупные земельные владения в городах с правом феодального иммунитета имели бояре Черкасские, Стрешневы, Мосальские, Салтыковы,

Лыковы и др. Родственники царя — Романовы в 29 городах владели 1707 дворами. В Москве в середине XVII в. в черте Земляного города было 15 владельческих слобод крестьян и бобылей патриарха, ростовского митрополита, бояр и монастырей. Во владении патриарха состояло 7 слобод с 710 дворами.

Эти владельческие слободы исключались из управления государственной администрации и освобождались (обелялись — отсюда название «белых» слобод и дворов, отсюда и название жителей их: беломестцы) от тягла. Устроенные на посадской земле белые слободы были заселены собственными «старинными» крестьянами их владельцев и так называемыми закладчиками, которые путем личнои зависимости от «сильных людей» получали освобождение от крестьянского или посадского тягла. При общей малочисленности жителей городов собственно к городским сословиям принадлежали только посадские люди и лица, входившие в привилегированные корпорации гостей, гостиной и суконной сотни. Они составляли менее трети всего городского населения.

Важно отметить, что в XVII в., как и прежде, отсутствовало правовое определение понятия «городские жители», поэтому словосочетание «городские сословия» для этого периода является условным. Посадские люди были приписаны не к городу, а к тяглой общине, расположенной в городской черте, и их статус, законодательно оформленный Уложением 1649 г., определялся тяглым состоянием, а не проживанием в городе. В еще меньшей степени формально в разряд городского населения могут быть включены дворяне-землевладельцы, имевшие в городах дворы и наезжавшие в них от случая к случаю, или священнои церковнослужители, чье положение определялось не проживанием их в городе, а состоянием при определенном церковном приходе. Городским населением по факту проживания в городе по месту службы были и служители государственных учреждений, и различного рода приборные служилые люди, а также пришедшие в город и работавшие по найму или занимавшиеся ремеслом и торговлей, а то и нищенствовавшие крестьяне, «вольные» и «гулящие» люди.

Слой «вольных» или «гулящих» людей формировался из не имевших своего хозяйства родственников и захребетников посадских и уездных тяглецов; детей священнои церковнослужителей, не имевших приходов; детей боярских, оказавшихся вне службы; вышедших на волю холопов и не давших на себя новой крепости. Все такие люди, живя в селе, не имели земельного надела и не несли поземельного тягла, а обитая в городе, промышляли, но не отбывали городских повинностей.

Все группы городских жителей, различаясь сословным статусом и подлежа ведению в различных учреждениях, не составляли единую городскую организацию. В то же время, фактически обретаясь в городе, они своим существованием и занятиями создавали особую, отличную от сельской местности атмосферу и уклад жизни. Пространственная структура и внешний облик городов XVII в. отражали присущие им функции и характер занятия жителей. В типичных русских городах этого времени по-прежнему районы сплошной застройки городскими домами и усадьбами чередовались с большими пространствами «аграрного назначения», где располагались огороды, сады, выпасы для скота . Хаотичность застройки во многом определялась органичной привязкой к рельефу местности — руслу речек и ручьев, оврагам и пр. Это приводило к тому, что даже главные улицы не были прямыми и широкими, а между ними преобладали кривые, запутанные переулки и тупики. В то же время эта тесная связь с ландшафтом, обилие зелени и воздуха придавали всему облику русского города неповторимое очарование и делали его столь не похожим на современные западноевропейские города, ограниченные в пространстве и закованные в камень.

Гости, гостиная и суконная сотни. Частью городского населения являлись гости, торговые люди гостиной и суконной сотен, рекрутировавшиеся властью из верхушки купечества. Они были организованы в привилегированные корпорации, возникшие еще в XVI в. Между этими корпорациями имелись различия в объеме прав и привилегий их членов, в характере возлагаемых на них служб, в источниках формирования. Общим же было закрепление за гостями, торговыми людьми гостиной и суконной сотен особого правового статуса, данного им в связи с важностью возложенных на них государственной властью служебных функций. Фактически эти корпорации были еще одной формой не имевшей аналогов в Западной Европе традиционной «служебной организации», создаваемой государством как компенсационный механизм выживания социума с ограниченным объемом совокупного прибавочного продукта Гости и торговые люди сотен выполняли особые «гостиные» службы, которые были весьма обременительны. На гостей возлагалось руководство таможенной службой в наиболее крупных городах и портах страны, управление рыбными, соляными и другими казенными промыслами, организация казенной внешней и внутренней торговли. Гости управляли Денежным двором, служили в государственных учреждениях в качестве денежных счетчиков, оценщиков мехов и товаров, призывались царем и правительствам для совета по вопросам, касающимся организации

дворцового хозяйства и казенных домыслов. Члены гостиной сотни несли такие же службы, что и гости, но в меньших по рангу городах, а в таких, как Москва и Архангельск, были помощниками гостей в таможнях.

Звание гостя имело личный, а гостиной и суконной сотни — наследственный характер. До недавнего времени отсутствовали достоверные сведения об их численности. В результате поименного учета Н. Б. Голиковой удалось установить, что в начале XVII в. гостей в разные годы было от 30 до 56 человек, в середине столетия — 76—77 человек, а в 1676— 1699 гг. максимальная их численность достигала 80 человек. За XVII — первую четверть XVIII в. в составе гостиной сотни выявлено свыше 2,1 тыс. чел. Звание гостя, как правило, жаловалось лицам, уже состоявшим в гостиной сотне, в которую переводилась наиболее капиталистая часть посадского населения. В этом случае интересы торговых корпораций сталкивались с интересами посадских миров, которые тоже были заинтересованы в сохранении в своей среде экономически сильных тяглецов. В юго-западных городах, где посады вплоть до конца XVII в. были немногочисленны или отсутствовали вовсе, гостиная сотня в последней четверти столетия формировалась за счет служилых людей «по прибору», активно занимавшихся торгами и промыслами.

Для получения звания гостя одного обладания крупным капиталом было недостаточно. Во внимание принимались значительные услуги государству. К таким заслугам относились удачное выполнение хозяйственных, финансовых и административных поручений, сопровождавшееся существенным пополнением царской казны, успехи на дипломатическом поприще, верность правительству при разного рода внутренних осложнениях, различные услуги во время городских волнений и военных действий или при подготовке к войне.

Важность для государственной власти служб, выполняемых купеческой верхушкой, при понимании значимости для экономики и финансов страны ее торгово-промысловой деятельности побуждала верховную власть прислушиваться к запросам и интересам основных носителей российского торгового капитала, во многом организующим движение товаров и торговый оборот на внутреннем рынке и выступавшим партнерами иностранных купцов на внешнем. Эти же соображения определяли и предоставление купеческим корпорациям податных, пошлинных и судебных льгот.

Все привилегированные корпорации получали от царя жалованные грамоты, а гости к тому же и персональные, в которых фиксировались их

права и льготы. Важнейшими среди них была свобода от посадского тягла, постоев и подводной повинности, от мелких таможенных сборов; подсудность только центральной, а не местной, как у посадских людей, власти. Гостям разрешалось варить для собственного употребления вино, беспрепятственно выезжать для торговли за границу. Им разрешалось топить летом избы и бани, что категорически воспрещалось всем другим горожанам из-за пожарной опасности. Наконец, гости имели право покупать на вотчинном праве земли.

Члены высшей привилегированной корпорации пользовались значительным политическим влиянием и занимали достаточно высокое положение в обществе. Их представители участвовали в деятельности Земских соборов, привлекались к участию во встречах, приемах и проводах иностранных послов и дворцовых церемониях. Для таких случаев, по наблюдению А. Олеария, из царской сокровищницы им выдавали богатые одеяния. С обидчика «за бесчестье» гости могли взыскивать штраф в 50 руб., а торговые люди гостиной сотни — от 20 **До** 10 руб., суконной сотни — от 15 до 5 руб. в зависимости от разряда.

При всей привилегированности положения гости и торговые люди сотен платили в казну все основные таможенные пошлины и оброчные сборы за дворы, лавки и прочие промысловые заведения, вносили разные чрезвычайные казенные платежи (пятинные и запросные деньги, взносы за даточных людей).

Посадские люди. Посадские люди, жившие на государевых (черных) землях, несли тягло, которое состояло из денежных, а также натуральных платежей и повинностей. Подати были те же, что у крестьян, в пользу государства. Но в отличие от крестьян, плативших подать в основном с земли (с «сохи»), посадский человек платил подать «с двора». Писцы, производя обложение посада налогами, считали в «сохе» определенное количество посадских дворов. Причем для состоятельной части посадских людей это количество было меньше, для беднейшей части посада количество дворов в «сохе» увеличивалась. К примеру, в 1623 г. в «соху» клали 30—40 лучших дворов, 50—60 «средних», 70—80 «молодших» и 100—120 «худых» дворов. У разных городов нормы обложения могли быть различными. Приходящаяся на «соху» сумма разверстывалась по дворам самим посадским миром (общиной) с учетом экономического положения каждого плательщика. Правда, поскольку разверсткой податей ведали «лучшие» люди, то они имели возможность облегчить для себя бремя налогов, переложив его тяжесть на «средних» и «молодших» посадских людей. Имущественное расслоение посада, эксплуатация его социальных

низов посадской верхушкой давали о себе знать во время социальных взрывов. В ходе восстаний 1648 г. в Москве и Устюге Великом, в 1650 г. во Пскове и в Новгороде пострадали не только представители местной власти, но и «лучшие» посадские люди.

Особенно тяжелыми в начале века для городских тяглецов были непрерывные чрезвычайные сборы в виде «пятой, десятой деньги» (деньга — 1/2 копейки) с торгов и промыслов. Тягостными для них были и натуральные поставки (хлебом, крупой, сухарями). Их выполнение было сопряжено с закупкой в складчину на рынке требуемых продуктов. Общий рост государственных налогов, проявившийся в увеличении каждого из них, непосредственно коснулся и посадских людей. Обременительными были городовые и ямские повинности, поставка лошадей и подвод, различного рода выборные службы (государственные и мирские). Фактически на посадских людей была распространена служебная организация, существование которой обеспечивало функционирование разнообразных ветвей государственного хозяйства. В качестве ларечных, целовальников городские тяглецы служили у различных сборов от продажи казенных товаров (вина, соли, «мягкой рухляди», пороха, ревеня); в таможнях, у казенных мостов; у оброчных казенных заведений (торговых бань, мельниц, постоялых дворов) и «государевых промыслов» (рыбном, соляном, поташном, селитряном). Население посадов использовалось на различных службах не только по своему городу, но и в уезде. Особенно тяжелыми были дальние, «отъезжие», службы. Городских тяглецов могли привлекать для сопровождения царских грузов или для обеспечения различных мероприятий строительного, писцового или сыскного характера. По наблюдениям М. Б. Булгакова, ежегодно посадских выборных людей на разных должностях было занято до 20—25%, а с учетом временных служб их число в отдельных городах доходило до трети тяглого населения.

В итоге низовые звенья государственного финансово-хозяйственного аппарата управления во многом функционировали за счет безвозмездных служб посадских людей на основе феодальных повинностей. Порядок несения этих повинностей обеспечивался традициями посадского мирского самоуправления с его принципами выборности, очередности, поручительства и т.д. Казенные службы, часто и надолго отрывавшие посадских людей от торгово-промысловых занятий и к тому же нередко сопровождавшиеся значительными материальными издержками, наносили урон их хозяйству, тормозили развитие русского города.

Тяжесть посадского тягла возрастала не только в связи с абсолютным ростом податей, но и в силу развития закладничества черных тяглых людей

за беломестцами, в результате которого они освобождались от податей и повинностей. В числе закладчиков были лица, владевшие различными ремеслами и ведущие мелкий торг. В еще большей степени освободиться от государственной и мирской неволи путем потери личной свободы стремилась хозяйственно не обеспеченная часть городского населения.

Посадская община должна была платить и за выбывших членов, что усиливало податное давление на оставшихся посадских тяглецов, доводя их до полного разорения. На протяжении первой половины XVII в. на посадах велась упорная борьба тяглых людей с беломестцами, осложненная борьбой внутри самого посадского мира. Эта борьба, в частности, проявлялась в настойчивых челобитьях посадов о сыске посадских закладчиков. Заинтересованное в сохранении тяглоспособности посадской общины, правительство эпизодически организовывало сыск «избывающих» тягла посадских людей. Причем наряду с продолжавшейся начатой еще в XVI в. практикой сыска закладчиков по инициативе отдельных посадов и силами приказов, в ведении которых находились эти посады, в первой половине XVII столетия дважды был организован общий сыск посадских людей, вышедших из тягла. Оба раза для осуществления его создавались особые приказы Сыскных дел. Первый общий сыск был организован по решению Земского собора 1619 г. и прямо был связан с поиском мер по ликвидации хозяйственного разорения страны и пополнения казны. Второй раз общий сыск сходцев—посадских людей был предпринят в конце 30 — середине 40-х гг. Однако сохранение в неприкосновенности белых слобод в городах делало борьбу за возвращение в тягло посадских людей и прекращение их перехода в закладчики неэффективной.

Одна из особенностей социально-экономической жизни русского феодального города состояла в том, что принадлежность к городским сословиям определялась не столько родом занятий (торги и промыслы), сколько тяглым состоянием или обязанностью службы. Вплоть до середины XVII в. ни посадские люди, ни гости, ни торговые люди гостиной и суконной сотен не обладали исключительным правом на занятие торговлей и промыслами. Практически все пестрое по социальному составу население городов, включая приборных людей, владельческих крестьян и население белых слобод, в большей или меньшей степени занималось теми же промыслами, что и посадские люди, соперничая с последними на городском рынке. Особую конкуренцию посадским людям составляли близкие к ним по своему экономическому положению низшие слои служилых людей «по прибору», а также казенные и записные ремесленники (кузнецы, плотники, каменщики, кирпичники и пр.).

Последние, будучи свободными от тягла, обязаны были выполнять казенные работы по своей специальности. По неполным данным, в 1650 г. в 150 городах насчитывалось более 60 тыс. служилых «по прибору». До 30-х гг. служилые люди, жившие в городе, могли торговать беспошлинно. В дальнейшем их розничная торговля постепенно ограничивалась, но вплоть до Уложения 1649 г. не запрещалась. Немалое беспокойство посадских людей вызывала возросшая хозяйственная деятельность пришлых крестьян, владевших в Москве и в других городах лавками, погребами, соляными варницами и другими промысловыми заведениями.

Тяглый характер посадской общины, тяжесть государевых податей и служб, экономическая слабость посадских людей и их малочисленность обусловливали борьбу посадских людей за торгово-промысловую монополию в целях защиты от конкуренции со стороны иночинцев. В этой борьбе проявилось стремление посадских людей к правовому размежеванию с крестьянами и закреплению за собой сословных привилегий.

Соборное уложение 1649 г. о посадских людях. Восстание в Москве в июне 1648 г., отозвавшееся в Сольвычегодске, Устюге Великом, Воронеже, Курске и других городах, заставило правительство обратить внимание на социальные противоречия, существовавшие в городе, на положение городских тяглецов. Требования посадских людей нашли разрешение в Уложении 1649 г., принятом на Земском соборе, на созыве которого в совместной челобитной, поданной в разгар восстания в Москве, настаивали городовые дворяне и «лучшие» посадские люди.

Источниками главы XIX Соборного уложения «О посадских людях» послужило предшествующее законодательство, в частности Указная книга Приказа сыскных дел, содержащая указы о возврате на посад закладчиков, а также челобитные посадских людей.

В главе получили законодательное определение ряд норм, которые непосредственно затрагивали отношения посада с классом феодалов. К ним относились статьи о ликвидации в городах белых слобод («впредь, опричь государевых слобод, ничьим слободам на Москве и в городех не быть»), о возвращении закладчиков, вывезенных в уезды, села и деревни, запрещении закладывать дворы не посадским людям. Все люди, проживавшие во владельческих слободах, приписывались в посадское тягло «безлетно и бесповоротно». За прежними владельцами оставались лишь их старинные кабальные люди и дворовые патриарха, находившиеся на жалованье. Ряд статей касался возможностей роста городской территории и численности посадских людей. Помимо населения белых слобод,

происходило это за счет приписки к Москве владельческих слобод с торговоремесленным населением, расположенных вблизи нее, и вотчин и поместий, окружавших посады других городов, а также за счет возвращения старинных посадских людей из владений частных феодалов, расположенных «неблиско» к городу. Интересы феодалов затрагивались и при предусмотренном в ряде статей возвращении городам прежних выгонных земель — «животинных выпасов» — и определении их размеров (вокруг Москвы полосою шириной в две версты — более 4 км).

Большинство статей XIX главы в том или ином ракурсе касалось утверждения монополии посадских людей на городские торги и промыслы. В общем виде это заветное стремление городских тяглецов выразилось в положении «впредь лавок и погребов и варниц, опричь государевых тяглых людей, никому не держати». Закреплялась также монополия местных посадских людей на лавочные торги и промыслы в своем городе. Иногородние торговцы получали к ним доступ только при включении в еще одно тяглол Отныне крестьянам запрещалось иметь в городах торговые и промысловые заведения. Нарушителей ждала торговая казнь и безденежная конфискация заведений. Городская торговля крестьян разрешалась лишь на гостином дворе, с возов и стругов, т. е. оптовая. Приборные чины и вольные люди также могли заниматься торгами и промыслами только при условии несения тягла. Исключение составляли стрельцы, казаки и драгуны, а в Москве все приборные чины, кроме стрельцов, обязаны были платить подати, но освобождались от посадских служб.

Важнейшее изменение правового положения посадских людей, закрепленное Соборным уложением, определялось распространением крепостничества на город. Это проявилось в статьях, посвященных прикреплению посадских людей к тяглу и бессрочному сыску их. Предусматривалось наказание беглых — кнутом «по торгам» и ссылка в Сибирь — и наказание приемщиков беглых — конфискация земель. Заметим, что Уложение не предусматривало наказания крестьян за побег, а держателей подвергали лишь штрафу. В этом Уложение следовало практике предшествующих лет, поскольку и раньше крепостническое законодательство о сыске и прикреплении посадских людей опережало аналогичное законодательство о беглых крестьянах. В писцовом наказе 1585 г. был введен в ряде уездов сыск беглых с посада и отдача их на поруки «до государева указа». В 1619 г. был установлен 10-летний срок сыска посадских тяглецов, по отношению же к владельческим крестьянам действовал 5-летний срок, 10-летний же был введен в 1641 г., когда срок сыска посадских людей составлял уже 25 лет. Этот момент в совокупности

с тем фактом, что статьи об отмене «урочных лет» по отношению к крестьянам начинаются с государственных и дворцовых вотчин, свидетельствуют о приоритете в это время государственного и царского интереса над частновладельческим, что соответствовало общей тенденции на усиление самодержавной формы правления. Идя навстречу хозяйственной и фискальной целесообразности, Уложение не требовало возвращения тех посадских людей, которые уже «ожилися» в посадах других городов.

Сословный статус посадских людей определился платой за бесчестие от 5 до 7 руб. в зависимости от хозяйственной «статьи». В целом Соборное уложение законодательно оформило особое сословие («чин») посадских людей. Причем их хозяйственная сила укреплялась на сугубо феодальной основе монополий и привилегий.

Для исполнения постановлений Уложения был создан особый Приказ сыскных дел во главе с князем Ю. А. Долгоруковым. В 1649—1652 гг. он осуществил «строение посадов», в ходе которого к посадам было приписано более 10 тыс. дворов и значительное количество земель. Число тяглых дворов в городах возросло на треть. Наибольшие потери понесла церковь. Отобранные у нее дворы составили 59% всех отписанных к посадам дворов, в Москве — почти 82,5%. Патриарх, представители знати (боярин Н. И. Романов, князь Я. К. Черкасский и др.) и крупнейшие монастыри сумели сохранить за собой часть городских земель и дворов, добившись отступлений от норм Уложения в свою пользу. Тем не менее посадское строение, увеличив численность торгово-промышленного населения посадов, укрепило города.

Вопреки нормам Уложения в последующие после их принятия десятилетия нелегальный переход крестьян в города для занятия постоянной в них торговлей продолжался. В итоге в 60—80-е гг. правительство частными решениями вынуждено было осуществлять новую приписку торгово-промышленных крестьян к посадам разных городов, главным образом в Москве. Указ 1688 г. обобщил эту практику в виде общей нормы, предписав записать в посад всех, кто поселился на нем до конца 1684 г. Причем запись в посад таких крестьян не требовала санкции их владельцев.

В конце XVII в., по приблизительным расчетам, в городах (без Украины) проживало около 370 тыс. человек. Из них посадские люди, число которых возросло до 270 тыс. человек, составляли уже примерно 63%.

§ 6. НЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ СФЕРА ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

В учебной литературе традиционно неземледельческая сфера хозяйственной жизни России в XVII в. рассматривается главным образом в свете проблемы генезиса капитализма, появление первых элементов которого нередко относят к середине — второй половине этого столетия. Отсюда закономерно делается акцент на новые в экономике страны явления, такие, как превращение ремесла в мелкотоварное производство, развитие товарного обращения и начало складывания всероссийского рынка, появление крупного промышленного производства мануфактурного типа. Все эти процессы действительно имели место, однако важно не только констатировать их возникновение, но и постараться выяснить их природу и вызвавшие их факторы, а следовательно, ответить на вопрос, в какой степени новые явления были закономерным результатом развития производительных сил страны.

Специализация сельскохозяйственного и мелкотоварного производства. В XVII в. новым для сельского хозяйства явлением была его связь с промышленным и торговым предпринимательством. Некоторые крупные светские феодалы (боярин Б. И. Морозов, князья Я. К. Черкасский, Н. И. Одоевский, Ю. И. Ромодановский, стольники М. И. Еропкин, Ф. Я. Плещеев и др.) и монастыри одновременно с сельским хозяйством занимались производством поташа, смольчуга, винокурением, кожевенным делом, добычей и торговлей соли, скупкой и продажей пеньки. Особым размахом и разнообразием отличалось промысловое хозяйство Б. И. Морозова. Принадлежавшие ему огромные земельные владения давали избыток хлеба, были богаты лесом, что в совокупности с даровым трудом крепостных крестьян позволяло Морозову в широких масштабах заниматься хлебной торговлей, перерабатывать хлеб на винокурнях и квасснях, вырабатывать для поставки на экспорт поташ (его производство требовало огромного количества пережигаемого дерева разных пород). Только от продажи поташа Морозов получал 24 тыс. руб. в год, 40 тыс. руб. составлял доход Соловецкого монастыря от торговли солью. Солеварение Соловецкого и других северных монастырей (Пыскорского, Кирилло-Белозерского и Спасо-Прилуцкого) обусловливалось богатыми соляными рассолами Поморья. Промысловое хозяйство крупных феодалов базировалось на собственных ресурсах и было способом умножения доходов, извлекаемых из их вотчин. При этом получаемые доходы оставались в сфере феодального хозяйства, а рост товарности лишь

обслуживал потребности феодального государства.

Многоотраслевое промысловое хозяйство царя, которое при Алексее Михайловиче включало многочисленные винные заводы, пивоварни и медоварни, солодовни и маслобойни, мукомольные мельницы, кирпичные сараи, солеварни, а также железоделательные, стекольные, поташные, кожевенные заводы, вовсе не было связано с рынком, а обслуживало потребности царского двора. Более того, многочисленное население дворцовых и казенных слобод Москвы XVII в., обеспечивавшее различные нужды царского двора (садовники и огородники, ремесленники различных специальностей), так же как и мастера Денежного, Пушкарского двора, Оружейной палаты и многих других ведомств и отраслей, фактически обладали статусом служилого населения. Получая хлебное и кормовое жалованье, все эти ремесленники и мастера не могли добровольно оставить службу, отказаться от выполнения возложенных на них обязанностей. Составляя среди горожан особую группу населения, они управлялись специальными учреждениями и были свободными от посадского тягла ради исправного исполнения «службы». Подобное использование принципа служебной организации для обеспечения сугубо хозяйственных потребностей и функционирования целых отраслей государственного хозяйства отражало слабое развитие товарно-денежных отношений нереальные возможности экономики России в XVII в., [1] t

В целом продолжал сохраняться натуральный характер экономики. Но за счет освоения новых земель и специфики местных природных условий некоторые районы производили избыток хлеба и другую сельскохозяйственную продукцию, которая поступала как товар на внутренний рынок. В привозном хлебе нуждались северные районы Поморья, Нижнее Поволжье, часть смоленских, псковских, новгородских уездов с льноводческим уклоном сельскохозяйственного производства, казачьи области по Дону, Тереку и Яику, а до второй половины XVII в. и Сибирь. Основными хлебопроизводящими районами государства в это время были старинные районы: ВолгоКлязьминское междуречье с его опольями, Рязанская земля, южные приокские районы. На севере сложилось несколько хлебопроизводящих районов: Вологда, Устюжский уезд, Вятский край, которые снабжали хлебом северные районы Поморья. Начался процесс складывания льноводческих районов страны. Они включали псковские, некоторые новгородские земли, смоленские, тверские земли и верхневолжские уезды: Пошехонский, Угличский, Ярославский, Костромской.

При повсеместном распространении продуктивного скотоводства, развивать которое было необходимым условием занятия земледелием, появляются районы, где скотоводство имело особое развитие. Это были районы Верхнего и Среднего Поволжья — Угличский, Ярославский уезды и Нижегородский край, а также Печорский и Вятский края.

Районы сельскохозяйственной специализации в первую очередь становились центрами по переработке растительного и животного сырья — выработки из льна и конопли холста, выделке кож, производству сала, мяса. Территориальное размещение сырьевых ресурсов определяло и географию добывающих промыслов — солеварения, производства селитры, поташа, железа и др. Наиболее древний район добычи железа, извлекавмого из болотных руд, находился к югу от Москвы, около Тулы и Серпухова (Тульско-Серпуховской район). Здесь уже в

XV в. было развито железоделательное производство. В XVII в. это был основной район добычи железа и его обработки. Второй такой крупный центр находился на северо-западе страны, в районе Белоозера, Тихвина, Заонежья. Самым большим городом здесь была Устюжна-Железопольская. Кричное железо, получаемое в результате выплавки железной руды в мелких сыродутных домницах, производили местные крестьяне. Тихвинские мастера перерабатывали его путем перековки в уклад (низкосортная сталь). В свою очередь устюжане покупали уклад и изготовляли из него различные изделия. Еще два важных центра металлургии сложились в восточной части Замосковья — Галич и его пригороды, Нижний Новгород — и в восточном Поморье — Устюг Великий, Соль Вычегодская, Тотьма.

В железодобывающих промыслах, как и в тех отраслях производства, развитие которых прямо было связано с наличием богатых сырьевых ресурсов и давними традициями, в большей степени проявилась ориентация на рынок. В них отчетливо был выражен процесс превращения ремесла в мелкое товарное производство, а в отдельных районах они обнаруживают тенденцию к укрупнению и специализации. Однако этот процесс происходил неравномерно как в географическом разрезе, так и по отраслям промышленности.

Характерной чертой промышленного развития России в XVII в. являлось наличие всех форм дофабричной стадии. Первичной формой промыслов, непосредственно связанных с сельским хозяйством, была «домашняя промышленность». Она заключалась в переработке крестьянами главным образом растительного и животного сырья в своем хозяйстве. Изготовление нехитрых изделий домашнего обихода из дерева,

лыка, луба и бересты, ткачество, выделка кожи, шитье одежды и обуви, плотничье дело, являясь составной частью натурального хозяйства, были необходимым элементом каждой крестьянской семьи. Кроме того, изделия домашнего производства издавна входили в состав феодальной ренты и поставлялись крестьянами своим помещикам, а также монастырям и дворцу.

Российские природно-климатические условия, позволявшие заниматься земледелием лишь 6 и менее месяцев в году, при скудости дохода, извлекаемого из аграрной сферы, определили широкое распространение среди крестьян домашних промыслов. В условиях хозяйственного разорения начала XVII в. выход из натурализации всего хозяйства происходил крайне медленно. Правда, уже в 20-х гг. в районах, в меньшей степени пострадавших от разорения Смутного времени, активизировался процесс отделения промыслов от земледелия, на базе «домашней промышленности» развивалось мелкотоварное производство, формировались торгово-промысловые поселения, превращавшиеся в центры не только уездной, но и межуездной торговли. Заметное участие в этом процессе принимали беглые посадские ремесленники, оседавшие в «непашенных селах» (например, с. Павлово). Особенно заметными эти процессы были в Нижегородском и Казанском Поволжье. Однако даже в селах с устойчивой торгово-промысловой ориентацией, таких, как Павлово, Мурашкино, Лысково, Работки, Порецкое и другие, не существовало полного отрыва населения от земледелия. Торговым занятиям крестьян в этих селах способствовало расположение их на водных и сухопутных путях: с. Павлово — на реке Оке, недалеко от впадения ее в Волгу; с. Мурашкино — на пути из Нижнего Новгорода в Симбирск и из Арзамаса в Лысково; с. Лысково — на дороге к перевозу через Волгу на Макарьевскую ярмарку; с. Работки — на Волге между Нижним Новгородом и Макарьевским монастырем.

Первые мануфактуры и их особенности. Новым явлением в экономической жизни России XVII в. было появление и развитие крупного производства мануфактурного типа. Первые мануфактуры возникали спорадически, охватывали далеко не все отрасли, число их было невелико. К концу XVII в. в русской промышленности действовало около 30 мануфактур. Большинство крупных предприятий было создано в районах развитого мелкотоварного производства. Но это не означает, что их возникновение логически вытекало из поступательного развития мелкой промышленности. хотя в ряде случаев она и обнаруживала тенденцию к укрупнению производства. В целом общий уровень экономики страны

оставался .низким и не создавал условий, необходимых для появления мануфактур. К тому же требуемые для организации крупных предприятий материальные условия (капитал) на базе мелкотоварного производства накапливаются чрезвычайно трудно и медленно. Быстрым источником накопления является торговля, особенно морская. Именно на ее основе в конце XV — начале XVI в. создавались капиталы для промышленного производства в некоторых странах Западной Европы. В России таких условий не было. Для мелкотоварного же производства было характерно отсутствие непрерывного цикла и высокий уровень оплаты свободного наемного труда. Это обстоятельство определяло мизерность получаемой прибыли и затрудняло процесс накопления капитала, что в свою очередь препятствовало укрупнению ремесленных мастерских до уровня, требующего уже разделения труда внутри них. Для крупных купцов, владевших соляными варницами, солодовенными, салотопенными, свечными, кожевенными предприятиями, их производственная сфера являлась лишь придатком к основной торговой деятельности. Причем низкая прибыль в мелкотоварном производстве не стимулировала вложение в него торгового капитала. Не случайно первый опыт организации крупных предприятий единичными представителями отечественного торгового капитала относится лишь к самому концу XVII в. Вот почему первые предприятия мануфактурного типа создавались в России не в среде непосредственных производителей, а организовывались государственной властью, и прежде всего в тех отраслях, развитие которых определялось государственными потребностями, интересами казны или царского двора.

Удовлетворение военных нужд государства стало главной задачей металлургических заводов, основание которых относится к 30-м гг. XVII в. Отсутствие собственного производства чугуна — основного сырья для литья пушек — вело к увеличению экспорта дорогого шведского железа и готовых изделий. Роль казны заключалась не столько в расходовании собственных средств, сколько в привлечении иностранного капитала в промышленное строительство. Из 28 металлургических мануфактур, действовавших в разные десятилетия XVII в., на средства казны было основано 3, русских торговых людей — 3, феодальной знати — 2 и иностранным капиталом — 20.

Правовое положение большинства предприятии, владельцами которых были иностранные купцы, определяли царские жалованные грамоты, представлявшие собой своеобразные концессии, получаемые иноземцами от русского правительства. Владелец, выстроивший собственными средствами завод, в течение определенного срока (10, 15, 20 лет) обладал

монополией на производство изделий, правом беспошлинной закупки сырья и продажи товаров (тоже на ограниченное время — 5— 10 лет), мог получить от казны денежные ссуды. Вместе с тем на заводчика и его деятельность налагался ряд ограничений. Без разрешения царя он не мог свободно распорядиться предприятием: продать его или передать другим лицам. Владение заводом ограничивалось определенным сроком, по истечении которого государь решал, оставлять ли его в прежних руках, передавать другому владельцу или переводить в казну. Производимая на заводе продукция сдавалась по рыночным ценам в казну, и только излишки поступали на внутренний и внешний рынки. Таким образом, привлекая иностранный капитал в крупную промышленность, правительство ставило его под жесткий контроль, ограничивая его деятельность сугубо российскими государственно-хозяйственными потребностями. Одним из крупных центров металлургии был Тульско-Каширский район, где возникло 9 предприятий. Большинство заводов принадлежали иностранцам (голландцам А. Д. Виниусу и Ф. Акеме, датчанину П. Марселису). Три первых вододействующих чугуноплавильных и железоделательных завода в районе Тулы были построены Виниусом в 1637 г. Всего в центральном районе из 18 основанных здесь заводов до конца столетия сохранилось 15. В 70-х гг. XVII в. в Онежском крае были построены три завода, принадлежавших А. Бутенанту.

В середине 90-х гг. первый завод возник в районе Воронежа. Его владельцами были дьяк К. Борин и торговый человек гостиной сотни Н. Аристов. В дальнейшем здесь вырос Липецкий металлургический район, получивший известность уже в петровское время. Первыми русскими владельцами металлургических предприятий были представители знати — тесть

Алексея Михайловича боярин И. Д. Милославский и его свояк боярин Б. И. Морозов, обратившиеся к промышленной деятельности ради удовлетворения потребностей в железе своих вотчин. В 1690 г., когда умер последний представитель рода Марселисов, их тульско-каширские заводы перешли к боярину Л. К. Нарышкину.

На металлургических заводах использовался как вольнонаемный труд русских и иноземцев, так и принудительный труд дворцовых крестьян, которые целыми волостями приписывались к тульским заводам Виниуса, к каширским заводам Марселиса и Акемы, к олонецким заводам Бутенанта. Приписные крестьяне использовались на неквалифицированных, подсобных работах. Практика приписки к заводам крепостных крестьян свидетельствовала, что в условиях господства крепостнических отношений

не капиталистические, а феодальные методы пополнения рабочей силы на предприятиях были решающими, хотя наемный труд и находил применение в это время. Так, уже в начальный период существования русской мануфактуры определилась ее главная особенность — использование крепостного труда в промышленном производстве.

Новейшие исследования организации работ на тульско-каширских металлургических заводах. механизма_ извлечения, и присвоения прибавочной стоимости от эксплуатации наемного труда в речном транспорте, кожевенном производстве, винокурении показали отсутствие возможностей капиталистического накопления в отраслях, с которыми традиционно в отечественной науке связывали начало генезиса капитализма в промышленности.

Возникновение, мануфактур в других отраслях также диктовалось потребностями казны и царского двора и было инициировано правительством. Частью большого хозяйства, обслуживавшего нужды царского двора, были текстильные, кожевенные, стекольные предприятия. Возникновение бумажных мельниц также было вызвано правительственной деятельностью. Крупное полотняное производство сосредоточивалось в дворцовых слободах в Москве (Кадашевская, Хамовная) и селах Брейтово и Черкасово Ярославского уезда. В них производилось полотно и скатерти для царского двора. Дворцовая Кадашевская слобода еще в XVI в. была населена ремесленниками, которые обязаны были снабжать царский двор бельевыми тканями. В Москве находились первые шелковые и суконные предприятия, основанные казной или иноземными купцами (Бархатный двор, шелковая фабрика Паульсена, суконное заведение И. Тауберта).

Как уже отмечалось, одна из главных особенностей русской мануфактуры XVII в. заключалась в потребительском назначении производимой ею продукции. Изделия мануфактурного производства хотя и попадали на рынок, но составляли незначительную часть обращавшихся на нем товаров. Потребности населения в промышленных изделиях по-прежнему удовлетворялись ремеслом и мелкотоварным производством. В условиях отсутствия товарного характера промышленного производства не могли осуществляться ни увеличение предпринимательского капитала, ни расширенное воспроизводство, что определяло недолговечность самих промышленных заведений.

Подводя итоги, можно сказать, что российские мануфактуры в XVII в. не были органическим порождением процесса общественного разделения труда внутри общества. Их появление не было связано с общим уровнем

экономики страны, с логикой развития ее производительных сил. Относительно XVII в. еще рано говорить о начале мануфактурного периода в России.

Развитие товарного обращения. Внутренняя и внешняя торговля. Рост специализации сельскохозяйственного и мелкотоварного производства, углубление общественного разделения труда расширяли масштаб торговых связей между отдельными территориями и городскими центрами страны. Этот процесс активизировался во второй половине XVII в., а к концу столетия его развитие привело к зарождению устойчивых торговых связей между местными рынками. Во второй половине XIX в. он завершится созданием единого всероссийского рынка. В XVII столетии интенсивность этих связей питалась в первую очередь ростом товарности сельскохозяйственного производства и уже в силу этого была подвержена значительным колебаниям. Кроме того, оживление торговли хлебом и другими продуктами сельского хозяйства, наблюдавшееся, например, начиная с 20-х гг., не было связано собственно с ростом товарного производства, а было вызвано участием России в Тридцатилетней войне на стороне антигабсбургской коалиции. Это выражалось в поставках дешевого хлеба и других продуктов сельского хозяйства в Данию и Швецию. Правительственные агенты свозили скупленную внутри страны продукцию в Архангельск для вывоза за рубеж. Искусственно вызванное оживление внутренней торговли выявило нехватку денежной массы в государстве. В обращение попадали не только очень стертые монеты, но и явный брак с денежных дворов — гладкие заготовки, односторонние монеты, крохи. В русском денежном обращении широко распространились «воровские» русские копейки датской чеканки, так называемые деннинги, ярославские подделки и просто фальшивые монеты. Еще одним показателем слабого развития товарно-денежных отношений являлось массовое изымание денег из обращения в клады. От времени царствования Михаила Федоровича выявлено до трех сотен таких скрытых монетных комплексов. Судя по их составу и размерам (10—20 руб.), владельцами их были торгующие крестьяне, ремесленники, мелкие торговые и служилые люди. Это явление — яркое свидетельство слабости развития товарного производства, узости внутреннего рынка, В этих условиях обращение денег в «мертвое сокровище», в монетный резерв выступало главной формой сохранения капитала в целях его использования на будущие сиюминутные хозяйственные нужды. }Понятно, что хранение денег в кубышках никак не связано с первоначальным накоплением капиталистического толка. Крупнейшим центром наметившихся во второй половине XVII в. торговых

всероссийских связей являлась Москва. В ее многочисленных торговых рядах и рынках, насчитывавших на рубеже XVII—XVIII вв. около 4 тыс. различных торговых помещений, сосредоточивались товары практически всех отраслей сельского хозяйства и промышленности, как произведенные в стране, так и привезенные из стран Запада и Востока. Ассортимент товаров каждого областного рынка, поступавших на московский торг, оставался исключительно пестрым и разнообразным. В то же время в структуре товарной массы, обращавшейся на московском рынке, вполне отчетливо выделялись районы преобладающего привоза той или иной продукции, что отражало присущую им специализацию производства. Одновременно Москва была важнейшим распределительным центром, в котором товары, пройдя оборот на московском торге, развозились по ближним и дальним городам. Обширные торговые операции по всей стране вели московские торговые люди, особенно гости и члены гостиной и суконной сотен. Они торговали с иностранными купцами и были посредниками между ними и мелкими русскими торговцами.

Для XVII в. характерно оживление торговли Европейской России с Сибирью. Из центра страны в Сибирь поступали отечественные и иностранные промышленные изделия (ткани, топоры, ножи, обувь, одежда и др.) и хлеб, а из Сибири — продукты промыслов, и важнейший из них — пушнина. Через Сибирь налаживалась караванная торговля с Китаем.

Общерусскую известность приобрели несколько крупных ярмарок, игравших роль межобластных торговых центров. Крупнейшая из них, Макарьевская, располагалась под монастырем святого Макария Желтоводского близ Нижнего Новгорода. Она скрепляла торговые связи северных и центральных районов страны с Нижним Поволжьем, европейской части — с Сибирью. Главным посредником обмена между Украиной и центральными районами России была Свенская ярмарка под Брянском, а Ирбитская на Урале выполняла аналогичную функцию в связях Европейской России с Сибирью. Преобладающее значение Архангельского порта во внешней торговле России определяли обширность географии торговцев, съезжавшихся на Архангелогородскую ярмарку. Особым колоритом торговой жизни отличалась Астрахань, через которую при посредничестве армян, иранцев, бухарцев, индусов, крымских и ногайских татар шла торговля со странами Востока.

Основными торговыми партнерами России на Западе были Англия, Голландия, Швеция, Любек, Речь Посполитая. Морская торговля, на которую приходилось 3/4 внешнеторгового оборота страны, осуществлялась через единственный порт — Архангельск. В начале XVII в.

ежегодно на Архангельскую ярмарку приходило 20—30 иностранных кораблей, в середине — 40—50, а в конце столетия — 70—80. Несмотря на некоторый рост значения морской торговли, в целом Россия оставалась на периферии мирового рынка. Во второй половине

XVII в. ведущим торговым партнером Русского государства являлась Голландия. Между тем для самой Голландии ее торговля с Россией по сравнению с торговыми операциями с другими странами была «ничтожным эпизодом». В среднем около 20 голландских кораблей прибывало ежегодно в Архангельск, в то время как в Англию и Норвегию — 500, а в Испанию — 2000**.**

Сухопутным путем российские товары в европейские страны доставлялись через Новгород, Псков, Смоленск, Путивль, Свенскую ярмарку. Структура внешней торговли России отражала состояние ее экономики: в экспорте преобладали сырье и полуфабрикаты (сало, поташ, пенька, меха, кожа, икра, щетина, воск и др.), в ввозе — изделия западноевропейской мануфактурной промышленности (сукна, металлы, порох, оружие и т.д.) и колониальные товары (пряности, благовония, лимоны, чернослив и др.).

Участниками внешней торговли являлась казна, а также купцы. Причем представители привилегированных корпораций, выполняя возложенные на них службы в пользу государства, помимо ведения собственных торгов, одновременно были агентами казны по закупке товаров внутри страны и перепродаже их за границу. В отличие от промышленного производства, где русский торговый капитал принимал участие в очень слабой степени, на внутреннем рынке его позиции значительно окрепли. Русское купечество в лице «гостей», «гостиной» и «суконной» сотен, торговой верхушки посадских людей через челобитные в адрес правительства повели борьбу за овладение внутренним рынком и создание более благоприятных условий для своей торговли. Уже с конца 20-х гт. в их коллективных челобитных выражалось настойчивое требование ограничить торговлю иноземцев, ликвидировать имевшиеся у них пошлинные льготы и, наконец, полностью вытеснить иностранных купцов с внутреннего рынка. Причем выражалось это в прямолинейном требовании высылки иностранных торговых людей. Особое беспокойство у отечественных купцов вызывали действия наиболее «сильных и богатых» англичан и голландцев.

Правительство Михаила Федоровича не слишком спешило откликнуться на запросы торговых людей и даже с готовностью приняло предложение посольства шлезвиг-голштинского князя Фридерика,

обещавшего за дозволение голштинскому купечеству транзитной торговли через Россию в Персию и Индию платить ежегодно по 600 тыс. ефимков, или по 300 тыс. русских рублей. Иностранное купечество с помощью своих правительств не раз пыталось добиться права торговли со странами Востока через территорию, России. Ведение восточной торговли через владения Турции, взимавшей большие пошлины, было для западных купцов не слишком выгодным. Заинтересованность московского правительства в проекте питалась исключительно фискальным интересом. Заключенный было в 1634 г. договор по не зависевшим от российской стороны причинам реализован не был. Однако сама идея его осуществления сохранялась вплоть до начала 40-х гг., несмотря на новые челобитья русских торговых людей в 1635 и в 1637 гг. Но и в эти годы правительство все же прислушивалось к мнению челобитчиков. Во всяком случае, оно ни за что не соглашалось на включение в голщтинскую компанию голландцев и англичан, чья экономическая сила представляла угрозу интересам отечественных купцов. Еще раньше, в 1620 г., по той же причине было отвергнуто предложение об организации совместной с английскими купцами компании для торговли с Персией[1].

В правление Алексея Михайловича в ответ на новые коллективные челобитья 1646 г. и выступления русских торговых людей на Земском соборе 1648—1649 гг. был принят ряд законодательных актов, свидетельствующих об обретении политикой правительства второго Романова в отношении торговли некоторых черт меркантилизма и протекционизма.) Правда, значительным стимулом движения в этом направлении явилось сильное потрясение, испытанное царем и правительством во время московского восстания 1648 г. На его фоне особенно остро воспринимались и совместные выступления посада и служилого «города», и тревожные известия о кровавых событиях, связанных с революцией, в Англии. В итоге в появившемся в 1649 г. царском указе запрещалась внутри России торговля английских купцов, которые высылались из страны под предлогом, что они «государя своего Карлуса короля убили до смерти». Одновременно англичане лишались своего права беспошлинной пограничной торговли. Нельзя не видеть, что отмена привилегий английских купцов отражала не только интересы российских торговых людей, но и государственного фиска.

Развитию внутреннего торгового оборота и укреплению торговых связей препятствовала сохранявшаяся с периода феодальной раздробленности система таможенных пошлин. Их архаичное многообразие, характерное для периода вялой торговли, и неравномерность

взимания препятствовали движению товаров на внутреннем рынке. В 1653 г. в ответ на челобитную торговых людей разных городов во главе с именитым человеком Д. И. Строгановым был принят Таможенный устав. По нему все мелкие таможенные сборы, взимаемые с отъезжих торгов, с телег и саней, с судов, при взвешивании товаров и записи их в книги и многих других операциях (отвоз, мытовое, полозовое, посаженное и др.), отменялись и вводилась единая, так называемая рублевая пошлина по 10 денег с рубля, т. е. 5% (1 коп. = 2 деньгам) с цены продаваемого товара. Кроме нее сохранялись перекупная и конская («с пятна») пошлины, а из проезжих пошлин — сборы мостовщины и перевоза. Потери казны от отмены множества мелких сборов компенсировались за счет общего усиления торгового оборота. В Уставе имелись и отдельные элементы покровительственного отношения к отечественным купцам и внутренней торговле, так как иностранные купцы вместо 5% платили 6%, а при торговле внутри страны с них взималась дополнительная проезжая пошлина в 2%.

Таможенный устав 1653 г. в основном затронул вопросы пошлинного обложения внутренней торговли, оставив в стороне многообразную сферу торговли иностранных купцов и их контактов с российскими торговыми людьми. Эти вопросы были подробно разработаны в Новоторговом уставе 1667 г. На его появление непосредственное влияние оказали челобитные торговых людей, а составителем был А. Л. Ордин-Нащокин, один из наиболее выдающихся государственных деятелей времен Алексея Михайловича. Он являл собой редчайший пример достижения городовым дворянином боярского чина. Особую славу и успех Афанасий Лаврентьевич снискал на дипломатическом поприще. Будучи до назначения главой Посольского приказа псковским воеводой, он с середины 60-х гг. пытался провести во Пскове ряд преобразований, способствовавших укреплению позиций псковских торговцев и освобождению их из-под гнета приказной администрации, равно как и из-под диктата иностранных купцов.

Вводя Новоторговый устав, правительство стремилось достичь двух целей: усилить приток драгоценных металлов в страну и путем затруднения иностранной торговли внутри страны облегчить положение русских купцов в их конкурентной борьбе с иностранцами. Первая из этих целей была вполне в духе идей меркантилизма — экономической теории, признававшей деньги, выраженные в драгоценном металле, главным богатством и мерилом процветания государства, а главным рычагом привлечения денежного капитала — внешнюю торговлю. Вторая цель была проявлением протекционизма по отношению к национальному торговому

капиталу. Приток драгоценных металлов достигался тем, что таможенные пошлины с зарубежных купцов брались только иностранной монетой — золотыми и ефимками — серебряными талерами (иоахимсталерами — от названия города Иоахимсталь в Богемии). При этом на русские деньги золотой приравнивался к рублю, а ефимок — к полтине, т. е. 50 коп. Из одного ефимка в дальнейшем чеканилось русской серебряной монеты (достоинством в копейку, деньгу и полушку) на 64 коп., т. е. доход казны от перечеканки составлял 28%.

Защита отечественных торговцев от натиска иностранных конкурентов обеспечивалась резким повышением таможенных пошлин с иноземцев. Те из них, кто получал разрешение на провоз товаров во внутренние города, обязан был заплатить 10-процентную проезжую пошлину (в 5 раз больше по сравнению с Таможенным уставом 1653 г.!). При продаже товаров на месте (и только оптом) взималось еще 6% с цены, что в совокупности существенно снижало ожидаемую прибыль при торговле внутри страны и побуждало иноземцев ограничиваться портовым торгом. Русские купцы проезжих пошлин не платили, а при продаже с них в зависимости от рода товара взималось 4—5%. В итоге они выигрывали на разнице пограничных и внутренних цен, оптовых и розничных. На некоторые иностранные товары были введены, по существу, запретительные ставки таможенных пошлин. Например, ввозные пошлины на вино достигали 50—100% их стоимости, продажные равнялись 15%. При вывозе за границу русских товаров иноземцы платили вывозную 13-процентную пошлину.

Во второй половине XVII в. вполне отчетливо проявилось стремление крупного российского купечества к установлению своей монополии в посреднической торговле с иностранцами и оттеснении от прямых контактов с ними мелких торговцев. Достижение этой цели позволило бы верхушке купечества, возвысив цены на экспортные товары, получать большую прибыль. В 1667 г. крупные купцы, торговавшие на Архангелогородской ярмарке, предприняли попытку создать компанию, объединявшую торги и действия купцов разных рангов. Однако эта затея не удалась, так как «молотшие люди» самостоятельно распродали свои товары по более низкой цене.

Правительство в целом поддерживало стремление крупного купечества к монополии на внешнем рынке. Об этом свидетельствует введение к Новоторговому уставу. В нем высказывалось пожелание об организации «складной» торговли, при которой «маломочные» торговые люди не могли подряжаться самостоятельно у иностранцев, а должны были отдавать свои товары купцам «больших партий». Законодательно это

пожелание закреплено не было, и иностранные купцы по-прежнему в своей борьбе с русскими экспортерами не без успеха опирались на мелких торговцев. Используя их в качестве посредников и агентов, иноземцы сбивали цены на экспортные товары.

И все же наличие таких законодательных актов, каким былПоворторговый устав, свидетельствует о том, что в России, где формирование отечественного торгового капитала происходило трудно и медленно, а крупная промышленность практически не обслуживала..потребности населения, иностранный торговый и промышленный капитал вынужден был действовать в строго очерченных для него рамках, т. е. на тех же принципах, что и в других западных странах. И в этом, надо отдать должное, была немалая заслуга русского правительства, сумевшего найти правильное соотношение между стремлением к извлечению собственной финансовой выгоды от роста внешнеторгового оборота и интересами умножения капитала отечественных купцов.

Глава 19. ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVII в.

§ 1. СТРУКТУРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ

Царская власть и Земские соборы. События Смутного времени оставили глубокий и тяжелый след в политико-государственной сфере. Неоднократная и к тому же нередко насильственная смена государей, децентрализация власти и системы управления, расстройство всего государственного механизма, потеря отдельных городов и территорий — все это тяжело сказалось на состоянии российской государственности. Были моменты, когда казалось, что вырваться из порочного круга уже не удастся: ослабление государственности усиливало Смуту, а ее продолжение усугубляло политический кризис. В ходе Смуты, в которой приняли участие все слои и сословия русского общества, речь шла о самом существовании государства. В конкретных условиях начала XVII в. выход из Смуты был найден в осознании центром и провинцией самоценности государства, воплощенного в образе православного монарха. Избрание Михаила Романова на царство стало только началом движения по пути укрепления российской государственности. Первая половина XVII в., вернее, 1613—1640-е гг., было временем постепенного усиления власти русских государей, восстановления их прав, полномочий и реального властвования.

Одновременно это бьио время нанвысшего расцвета Земских соборов как органа сословного представительства, время наиболее тесного взаимодействия власти и общества во имя решения важных проблем, стоявших перед Русским государством после Смуты. (Закрепившийся в литературе термин «Русское государство» на самом деле не опирается на исторические реалии. Для XVII в. наиболее распространенными были термины «Россия», «Российская земля», впервые появившиеся в XV в. и утвердившиеся в царском титуле во второй половине XVI в. Впрочем, сохранялись и термины «Московское государство», «Русия»).

Имеются несколько разновременных свидетельств XVII— середины

XVIII в., принадлежавших отечественным и зарубежным авторам, о наличии какого-то договора, условия, заключенного, возможно, в виде устного соглашения Михаила с боярством, а может быть, и с земством, о характере его власти и полномочиях Боярской думы и Земского собора. Содержание этого соглашения передается по-разному: от условий пресечения произвола монарха (по примеру записи, данной Василием Шуйским) до ограничения прав монарха в решении вопросов войны и мира, введении новых налогов, распоряжении вотчинами и пр. В исторической литературе существуют различные мнения по данному вопросу. С. Ф. Платонов, например, полагал, что ни одному из свидетельств верить нельзя и что ни обстановка того времени, ни само правление первого Романова не говорят об ограничении его власти. Л. В. Черепнин, напротив, считал возможным допустить, что в условиях недавнего политического кризиса и развала структур управления могло возникнуть стремление к определению полномочий и места важнейших политических элементов и институтов в государственном устройстве.

В последующий после избрания нового царя период политическая структура власти и система управления в целом была та же, что и до Смуты. И все же имелись существенные отличия в характере этих структур, как и в самом строе политических понятий и отношений власти и общества. (Правда, этим новациям в исторической перспективе не суждено было сохраниться, а потому нет оснований полагать, что с избранием Михайла Федоровича началась новая эпоха в истории государственного развития России, как, впрочем, нельзя не видеть пусть и временных, но существенных перемен.

Идеологическим обоснованием законности власти избранного царя и ее последующей династической передачи служили традиционные для монархии XV—XVI вв. положения о божественном происхождении царской власти и ее наследственном характере. «Всенародное» избрание Михаила Романова через Земский собор трактовалось (например, в «Новом летописце») как проявление божественной воли, определившей утверждение в России новой династии. Обращалось также внимание на кровную связь (по женской линии) Романовых со старой династией (царь Михаил приходился внучатым племянником первой жене Ивана Грозного Анастасии Романовне). Это служило обоснованием преемственности царей новой династии от династии Рюриковичей. Идея божественного происхождения царской власти будет неизбежным компонентом определения ее характера и в дальнейшем. Особенно крепко усвоит ее второй Романов. Сам Алексей Михайлович на свое царское служение будет

смотреть как на служение Богу, а всякое неповиновение и нерадение оценивать как тяжкий грех. Искренне уверовав в священный характер своей власти, царь немало потрудится над закреплением этой идеи в общественном сознании. Наиболее сильное воздействие образа Царя Земного на народ оказывало пышное великолепие царских выходов, сопровождавших его участие в церковных и придворных церемониях.

Одним из значительных изменений, произведенных событиями Смуты в области политических понятий и отношений, было ясно оформившееся новое представление о «всей земле», олицетворяемой ее выборными представителями. Оно отразилось в разных по назначению и характеру документах Смутного времени и являлось следствием возросшей роли земского, «мирского» начала в общественной жизни. На областном уровне олицетворением этого начала были городовые советы в составе духовенства, дворянства, посадских людей, а иногда и волостных крестьян (черных и дворцовых). Они сыграли важную роль в организации и деятельности двух ополчений, в борьбе с интервентами за государственное и национальное возрождение. На государственном уровне понятия «Совета всех людей», «земли» находили реальное выражение в Земских соборах. Они существенно отличались от органов сословного представительства XVI в. по составу, по усилению выборного начала, по участию в решении вопросов «государева и земского дела». Сама эта формула, в которой вопросы обустройства «земли», внимание к ее нуждам и запросам были поставлены на один уровень с интересами власти, родилась в результате резко возросшей политической активности уездного дворянства, служилых людей «по прибору» (особенно казачества) и посадского населения.

Реставрация государственной власти усилиями общества, избрание нового царя на самом представительном из всех Земских соборов и по числу участников, и по их территориальному и социальному охвату, и по применению принципа реальных выборов дворянского и посадского населения открыли новый период в деятельности Земских соборов как органа сословного представительства. Они сыграли важную роль в преодолении тяжелых для экономики страны последствий Смутного времени, в завершении борьбы с интервентами и, как это ни парадоксально, в развитии самодержавных основ монархии.

В историографии существуют различные точки зрения относительно роли и характера Земских соборов. Одни историки, такие, как В. И. Сергеевич и В. Н. Латкин, сопоставляя Земские соборы с французскими Генеральными штатами и английским парламентом, а также с сословно-представительными органами в других странах Европы (Испании,

Швеции), находили между ними много близких черт. Напротив, В. О. Ключевский оценивал Земские соборы как особый институт народного представительства, отличный от западных представительных собраний. В советской историографии в связи с дискуссией о периодизации феодализма было обращено внимание на характеристику свойственных каждому из периодов государственных форм. При этом одни историки вслед за С. В. Юшковым утверждали, что в феодальный период Россия (как и другие страны Европы) прошла через три государственные формы: раннефеодальную монархию, сословно-представительную монархию и абсолютную монархию. В этой схеме Земские соборы выступали как форма сословного представительства, атрибут феодального централизованного государства, когда верховная власть для успешного проведения своей политики вынуждена прибегать к поддержке представителей духовенства, боярства, дворянства и горожан. Из признания необходимости Земских соборов делался вывод об ограничении ими власти царя. Другую точку зрения отстаивал К. В. Базилевич, определявший политическую форму Русского государства XVI—XVII вв. как сословную, но не представительную монархию, поскольку господствующие сословия в России не только не ограничивали царскую власть, но, наоборот, служили средством к ее усилению. История Земских соборов в связи с эволюцией самодержавия от сословно-представительной монархии к абсолютизму изучалась Л. В. Черепниным.

Место и роль Земских соборов на протяжении всей истории их существования не была неизменной. Более 30 из известных 57 соборов, действовавших с 1549 по 1684 г., созываются в 1610—1640-е гг. Земский собор 1613 г. не был распущен и продолжал свою работу до конца 1615 г. И позднее, вплоть до 1622 г., Земские соборы действовали почти непрерывно. В это время верховная власть нуждалась в постоянном содействии сословий при ликвидации последствий интервенции, подавлении продолжавшихся выступлений казаков и приведении их в покорность, восстановлении подорванного хозяйства и проведении налоговых мероприятий, укреплении военных сил и решении проблем внешней политики. Все эти вопросы поднимались на Земских соборах, а всякое «великое государево и земское дело» делалось тогда «по указу великого государя и по всея земли приговору». При этом государев указ прямо опирался на земский приговор, а земский приговор получал силу только по государеву указу. В итоге вплоть до наi чала 20-х гг. поддержка Земских соборов, формально остававшихся в это время совещательным учреждением, носила характер и форму соправительства с царем.

Такому положению во многом способствовала слабость правительства первых лет правления молодого царя, не отличавшегося ни силой характера, ни волей, ни остротой ума. Его окружение до возвращения в 1619 г. из польского плена Филарета формировалось матерью царя, инокиней Марфой (Ксенией Шестовой) и состояло из родственных ей фамилий, среди которых особое влияние приобрели Салтыковы. Ситуация изменилась с возвращением в Москву и поставлением в патриархи Филарета (Федора Никитича Романова). Взяв бразды правления в свои руки, он оттеснил и разогнал тех временщиков, кого выдвинуло родство с его бывшей женой, в том числе и Салтыковых, отправленных им в ссылку в свои вотчины по делу невесты царя Марии Хлоповой. Незадолго до свадьбы Салтыковы, опасаясь умаления их влияния, воспользовались легким недомоганием царской невесты и объявили ее «испорченной». Хлоповы были обвинены в обмане и сосланы в Тобольск. Когда интрига Салтыковых раскрылась, Марию из-за противодействия Марфы в Москву все же не вернули, но перевели в Нижний Новгород. Михаил Федорович долго не мог забыть свою невесту и женился только на 29-м году жизни на боярской дочери Марии Владимировне Долгоруковой, вскоре умершей, а затем на дочери можайского дворянина Евдокии Лукьяновне Стрешневой. От этого брака у царской четы было 10 детей, в живых осталось четверо: царевич Алексей и его три сестры, старшая -— царевна Ирина и младшие — царевны Анна и Татьяна. Будущий царь Алексей Михайлович был третьим по рождению ребенком и единственным выжившим из троих сыновей царя, что не позволило пресечься недавно утвердившейся династии Романовых.

Филарет благодаря незаурядным личным качествам и богатому опыту, приобретенному как в периоды взлетов, так и за годы гонений и невзгод, стал одним из крупнейших политиков первой трети XVII в. Вступив на патриарший престол, он до самой смерти в 1633 г. не только стоял во главе церковной организации, но и руководил правительством, фактически став соправителем своего сына с титулом «великий государь патриарх». Все грамоты писались от лица обоих великих государей. По словам Б. Ф. Поршнева, Филарет был «фактически первый царь династии Романовых, хотя из-за навязанного ему духовного сана он принужден был действовать в роли **соправите**ля своего почти бессловесного сына». Будучи фактическим правителем страны, Филарет стремился всячески соблюдать все внешние прерогативы царского сана. Имя Михаила во всех грамотах всегда стояло впереди имени патриарха, а сам он немало потрудился над укреплением царского трона. Его собственные самовластные устремления не

преследовали цели возвышения церкви за счёт государственного начала. Для Филарета укрепление позиций русской церкви, упрочение ее авторитета было связано с усилением государства и укреплением его структур. Полученный им титул «великого государя» он носил не как патриарх, а Как отец правящего монарха. Будущих патриархов Филарет не видел царскими соправителями, хотя, вероятно, не мог не осознавать опасность для царской власти созданного им прецедента. Не случайно, видимо, выбранный им перед кончиной преемник, архиепископ псковский Иоасаф, был «смирен и благочестив».

В начале своей государственной деятельности Филарет, как и прежнее правительство, при разработке и осуществлении мер по ликвидации разорения и запустения страны опирался на Земский собор. В своей совокупности эти меры были призваны усилить денежные поступления в казну, причем главным образом не за счет единовременных и чрезвычайных сборов, как это было раньше (в 1614—1619 гг. запросные и «пятинные» деньги собирались 7 раз), а в результате более прочного восстановления разрушенной экономики страны и государственных финансов. Однако скоро правительство, возглавляемое Филаретом, стало действовать независимо от «совета всей земли». В начале 20-х гг. на соборах уже не ставились вопросы внутренней политики. Они были посвящены сугубо внешнеполитическим вопросам, в разрешении которых правительство нуждалось в помощи Земского собора как общегосударственного органа. После 1622 г. Земский собор не собирался около 10 лет.'К этому времени стабилизировалась внутриполитическая ситуация в стране и укрепилось ее внешнеполитическое положение. Дворянство и посадские люди добились от правительства осуществления ряда своих требований: были приняты меры по упорядочению описания земель и налогового обложения. В таких условиях снизилась потребность власти в Земском соборе как постоянно функционирующей государственной структуре.

Его деятельность возобновилась в 1632 г., происходила от случая к случаю и в дальнейшем, как правило, уже не выходила за рамки совещательного органа. Главной проблемой, обсуждаемой на соборах в 30-е — начале 50-х гг., была внешнеполитическая — Смоленская война, отношения с Крымом, судьба взятой казаками турецкой крепости Азов, русско-польские отношения и вхождение в состав России Левобережной Украины. Решение их требовало ясной картины военно-финансовых возможностей, что определяло обсуждение на соборах положения служилых людей и других сословий, сбора информации об их нуждах,

принятия мер налогового характера. На соборе 1648—1649 гг. при участии выборных сословных представителей был составлен новый правовой кодекс. В этот период активизируются выступления служилых и торговых людей, помимо соборов, обращавшихся к правительству со своими запросами посредством коллективных челобитных.

В литературе высказаны различные мнения относительно участия Земского собора во вступлении Алексея Михайловича на царство в 1645 г. Учитывая, что уже в 1613 г. произошло утверждение не только собственно Михаила Федоровича, но и династии Романовых, Земский собор 1645 г., о котором сохранились лишь несколько разноречивых сведений, не избирал нового царя, а утверждал законного наследника в качестве главы государства. Это, по авторитетному мнению Л. В. Черепнина, прямо вытекало из идеологии и политической доктрины сословно-представительной монархии. В этом находили воплощение и признание законности династии, и освящение ее божественным промыслом.

Земский собор как орган сословного представительства в системе российской монархии не имел законодательного определения своего статуса и полномочий. В 1634 г. правительство отвергло предложенный стряпчим И. Бутурлиным проект превращения нерегулярно созываемых Земских соборов в постоянно действующий орган (с годичным сроком полномочий его выборных членов от московских и провинциальных служилых и черных людей). Согласно проекту он не только обсуждал бы предлагаемые правительством вопросы, но и обладал правом ставить перед последним свои собственные предложения. Осуществление этого проекта явилось бы шагом на пути превращения Земского собора в парламентарный орган, что шло вразрез с обнаружившейся тенденцией укрепления власти монарха на самодержавных принципах.

Состав участников Земских соборов также не был вполне определен, и полнота чиновно-сословного представительства зависела от внутриполитических условий, в которых происходил их созыв, характера и значения обсуждавшихся вопросов. Наиболее полный по сословному представительству Земский собор состоял из духовенства, боярства, дворянства, дьячества и приказных людей, купцов и служилых людей «по прибору». При этом в соборных актах и утвержденных грамотах обычно перечислялись не сословные группы, а «чины», сложившиеся к началу XVII в. В их числе бояре, окольничие, думные дворяне и думные дьяки, стольники, стряпчие, жильцы, дворяне и дети боярские из городов, гости и торговые люди гостиной и суконной сотен, сотские, старосты и тяглые люди черных сотен и слобод, казаки и стрельцы. Эти «чины» составляли

три основные категории: служилых людей «по отечеству», «по прибору» и тяглое население. Вместе с высшим духовенством они представляли Освященный собор, Боярскую думу и голос Земли. Такой состав имели соборы 1613—1615, 1618, 1621, 1632, 1634, 1639, 1642, 1648—1649 и 1653 гг. Тяглое черносошное крестьянство было представлено только на Земском соборе 1613 г. Экстренный созыв некоторых Земских соборов исключал возможность прибытия на них выборных представителей от служилых и посадских людей «из всех городов». Участниками таких соборов были находившиеся в Москве члены Боярской думы, высшие духовные архиереи (митрополит, архиепископы, епископы, архимандриты и игумены важнейших монастырей), составлявшие «Освященный собор» во главе с патриархом. Обычным было участие московских дворян разных «чинов» (стольников, стряпчих, дворян московских, жильцов), торговых людей и тяглецов московского посада, а также некоторых уездных дворян, оказавшихся в это время в столице.

Обсуждение вопросов, поставленных на заседаниях Земского собора от имени царя, происходило раздельно по сословным группам. Их число и состав не были постоянными. Результатом обсуждения становились оформляемые письменно «мнения». Они имели для правительства рекомендательный, но не обязательный характер и обычно предварялись или заключались трафаретными фразами: «а как то дело вершить, в том его государева воля», или «как его, государя, Бог известит». Правительство все же не могло не учитывать эти «мнения» в вопросах, при решении которых ему была необходима активная поддержка со стороны сословий.

Боярская дума. В XVII в. соправительствующим с царем представительным органом феодальной аристократии оставалась Боярская дума. Сам термин возник во второй половине XIX в. Со времени образования Московского государства в источниках для обозначения этого органа употреблялись термины «бояре», «думные люди», «палата боярская», реже — «Дума». Как и в XVI в,, Дума не была неким в привычном смысле учреждением. Это был социальный институт, осуществлявший свои функции через систему временных боярских комиссий и боярских собраний, дающих возможность чиновной элите (в иерархии «Государева двора») участвовать в высшем управлении и иметь высший социально-политический статус.

На протяжении XVII в. численное превосходство в Боярской думе сохранялось за боярами и окольничими. В разные годы они составляли от 70 до 90% всех «думных людей». Это были потомки удельных князей, а также князей литовских, Гедиминовичи, выехавшие на службу к

московскому князю в конце XV — начале XVI в. (князья Воротынские, Мстиславские, Голицыны, Куракины, Хованские и др.). Некоторые боярские фамилии принадлежали к старым московским боярским родам, ведущим свое происхождение с начала XIV в. (Шереметевы, Романовы, Сабуровы, Годуновы и др.). Укрепившийся в XVII в. обычай жаловать боярство отцу царицы, так называемое боярство «по кике» (головной убор замужней женщины) выдвинул в Думу представителей неродовитых фамилий (Стрешневы, Милославские, Нарышкины).

Думные дворяне и думные дьяки являлись неаристократической группой чиновной элиты, представляя ее бюрократический элемент. Думные дворяне происходили из рядового дворянства. Думными дьяками становились выслужившиеся приказные дьяки, а иногда и лица из других социальных групп. Так, думный дьяк Назарий Чистый, в 1640-е гг. входивший в управленческую верхушку московского правительства, происходил из среды высшего слоя торговых людей. В 30-е гг. помимо него из гостей в дьяки были переведены Г. Г. Панкратьев и племянник Н. Чистого Алмаз Иванов, а в 1645 г. — Аникей Чистый. Думные дьяки не только составляли своеобразную канцелярию Думы, но, как и высшие думные чины, возглавляли важнейшие московские приказы. В частности, они традиционно стояли во главе Поместного, Посольского и Разрядного приказов.

В первой половине XVII в. численность Боярской думы не превышала 40 человек (в 1617 г. — 40, 1627 г. — 25, в 1638 г. — 35). Пожалование думными и другими чинами было личной прерогативой царя и рассматривалось как царская «милость», повышение в служебно-местнической чести. Однако местничество и от царя требовало соблюдения определенных правил при «сказывании» высших думных чинов. В бояре и окольничие преимущественно жаловались представители древних аристократических родов, причем для членов некоторых знатнейших княжеских фамилий срок службы до получения боярства был минимальным. От воли царя в XVII в. зависело дать боярство выходцу из рядового дворянства. Одним из таких немногих стал происходивший из псковских дворян А. Л. Ордин-Нащокин, в 50—60-е гг. определявший внешнеполитический курс правительства Алексея Михайловича. Для большинства наиболее талантливых представителей дворянских родов венцом карьеры мог стать лишь чин думного дворянина. В то же время отпрыска известных аристократических родов, например Голицыных или Шереметевых, нельзя было назначить думным дворянином. Думный чин мог быть отнят за преступления политического характера. На практике

такое хотя и случалось, но происходило крайне редко.

Существовавшие в XVII в. каналы и принципы получения думных чинов приводили к тому, что в составе Думы могли быть как действительно крупные государственные деятели, незаурядные дипломаты, талантливые военачальники и опытные администраторы (Н. И. Одоевский, В. В. Голицын, Д. М. Пожарский, Г. Г. Ромодановский, Ю. Я. Сулешов, Ф. А. Головнин, А. Л. Ордин-Нащокин, А. С. Матвеев, Ф. М. Ртищев, думные дьяки Алмаз Иванов, Д. М. Башмаков. Ф. Ф. Лихачев и др.), так и лица ничем не примечательные, а то и вовсе, по замечанию Г. К. Котошихина[2], «не ученые и не студерованные».

Дума обладала прерогативами высшей власти, участвовала вместе с царем в законодательном процессе и других сторонах правительственной деятельности. Высокий политический статус и полномочия Думы, помимо Судебника 1550 г., были закреплены Уложением 1649 г. В статье 2 главы X записано: «А бояром и окольничим и думным людем сидети в палате, и по государеву указу государевы всякия дела делати всем вместе».

Хотя предложения бояр об изменениях или дополнениях, вносимых в законодательство, формально имели только рекомендательный характер («как государь о том укажет...»), через Думу с ее «приговорами» прошли все наиболее важные законодательные акты, касающиеся феодального землевладения, крепостнических отношений, права и судопроизводства, финансово-податной политики и экономики. Боярские комиссии назначались для ведения посольских переговоров, разбора судных дел, местнических споров, для осуществления управленческих функций на время отъезда царя из Москвы. Думные чины возглавляли ведущие московские приказы, служили воеводами в важнейших административных центрах страны. В целом сфера деятельности Думы охватывала высшее и центральное управление.

В царствование двух первых Романовых царь обычно присутствовал на заседаниях Думы, что отражалось в формуляре приговора: «царь уложил с бояры», «слушав с бояры царь указал и бояре приговорили». К «сидению» «в палате» царь готовился заранее. Он составлял передаваемые для обсуждения боярам вопросы, причем в одних случаях им предлагалось лишь своим приговором оформить уже принятое им решение, в других — вопрос передавался на самостоятельное рассмотрите и решение бояр. Но даже когда по распоряжению царя Дума действовала самостоятельно, царь непременно ставился в известность обо всех ее распоряжениях согласно присяге, приносимой думными чинами, «самовольством без государева ведома никаких дел не делати».

Из наиболее близких и доверенных лиц, в том числе и не имевших думных чинов, составлялся узкий круг личных «советников» царя — «Ближняя дума», в которой в случае необходимости осуществлялось предварительное обсуждение и решение тех или иных вопросов, что позволяло упростить и ускорить их обсуждение в Боярской думе.

Приказная система управления. Приказная система управления достигла в XVII в. наивысшего развития, охватив все звенья государственного и церковного аппарата: от центральных московских приказов до копировавших их структуру и делопроизводство воеводских приказных или, как их часто называли в официальных документах, «съезжих изб» в городах. Уже в первые годы правления Михаила Федоровича восстановили свою деятельность около 20 прежних центральных учреждений. Необходимость решения острейших хозяйственных и социально-политических задач, и в первую очередь финансовых вопросов, вызвала к жизни ряд новых приказов. Некоторые из них, именуясь четвертями (Владимирская, Галицкая, Костромская, Новгородская, Устюжская), собирали подати, осуществляли управление и суд на определенной территории. Другие, как например, Приказ Новой четверти (1619) или Приказ Большой казны (1621/1622), а также существовавший еще в XVI в. Приказ Большого прихода, имея общегосударственный масштаб деятельности, ведали различными статьями казенных доходов. Кроме того, Приказ Новой четверти вел борьбу с незаконной продажей вина и табака, Приказ Большой казны управлял казенной промышленностью и торговлей, денежными дворами, а Приказ Большого прихода наблюдал за правильностью мер длины и веса.

Подобная многофункциональность при наличии ведущего направления деятельности свойственна приказам как типу учреждений. Приказной системе в целом (как и в XVI в.) были присущи специфические черты, характеризующие ее как традиционную систему организации управления. Она была обычна для общества с незавершенной государственно-политической централизацией, дробностью социальной структуры. Отличительными особенностями этой системы было отсутствие четкого определения и разграничения ведомственных функций учреждений, соединение в них ведомственных принципов в управлении с административно-территориальными, административных функций с судебными и финансовыми. Отношения между приказами были сложными и запутанными и определялись служебно-местнической «честью» и личными деловыми качествами возглавлявших их судей, а не служебно-иерархическим статусом учреждений. Назначение приказных судей

осуществлялось на основе местнического принципа, что обусловливало отсутствие стабильного профессионального состава учреждения. Не было и четких правил их функционирования. Характерной чертой было также «столбцовое» делопроизводство (столбец — узкий лист бумаги. Столбцы по мере заполнения склеивались по нижнему краю и сворачивались в свиток длиною в несколько метров. Место склейки столбцов скреплялось подписью дьяка).

У Отмеченные особенности приказной организации управления мешали подчас оперативно вести важные государственные дела и создавали благоприятные условия для служебного произвола и коррупции со стороны приказных людей, «волочения» проводивших через их руки дел. В отдельных случаях разбор несложных судных дел затягивался на многие месяцы и даже годы. Пресловутая «московская волокита» — это не просто медлительность и неповоротливость приказного аппарата при решении дел, а и возможность использования определенных приемов «волочения» в целях либо «корыстования» — вымогания взяток, либо на «законных» основаниях «заволочивания» дела в интересах сильной стороны.

К важнейшим приказам с общегосударственной компетенцией, помимо упомянутой выше группы финансовых учреждений, относились Разрядный, Поместный, Посольский. Разрядный, или Разряд, осуществлял учет служилых людей «по «отечеству» и «верстание» их в службу (с 15 лет): военную и гражданскую. В военное время Разряд обеспечивал мобилизацию служилых людей и организацию их в полки. Он же руководил и боевыми операциями. В итоге, заведуя службой — статусным определением феодального класса, Разрядный приказ являлся важнейшим государственным учреждением центрального звена.

Все вопросы поместного и вотчинного землевладения, включая наделение служилых людей землей, оформление и регистрацию сделок на землю и крестьян, судебные земельные тяжбы, а также составление писцовых и переписных книг, организацию общих сысков беглых, рассматривались в Поместном приказе. Посольский приказ ведал сношениями с другими государствами, принимал и отправлял посольства, решал все дела с торговыми иноземцами, являлся хранителем большой и малой государственных печатей. В нем был сосредоточен сбор средств на выкуп пленных («полоняничных денег»), ему подчинялись приказы, создаваемые для управления вновь присоединенными территориями (Малороссийский, Княжества Смоленского и др.).

В группу военных приказов, помимо Разряда, входили Стрелецкий,

Иноземский, Рейтарский и Казачий. Они ведали отдельными родами войск: стрелецкими полками, служилыми иноземцами, полками нового строя. Изготовление холодного и ручного огнестрельного оружия было сосредоточено в Оружейной палате, а производством пороха, литьем пушек и ядер к ним заведовал Пушкарский приказ. Почти все приказы обладали судебными функциями по отношению к находившимся под их управлением группам населения. Но было несколько приказов, специально созданных для разбирательства судебных дел. В их числе Разбойный, возглавлявший борьбу с «лихими людьми» на всей территории государства, кроме Москвы, где уголовные дела находились в ведении Земского приказа; Челобитный, куда поступали апелляции на судебные решения других приказов и где судились дьяки и подьячие; Приказ Холопьего суда, где оформлялись служилые кабалы и жилые записи, разрешались споры о холопах. Судные дела между дворянами решались в особых Владимирском судном и Московском судном приказах.

Общегосударственный масштаб деятельности был присущ ряду приказов узковедомственного профиля. Таковыми были Ямской, обеспечивавший ямской гоньбой казенные надобности; Приказ Каменных дел, имевший под своим управлением записных ремесленников и организующий казенное каменное строительство; Монастырский приказ, созданный в 1650 г. и ведавший монастырскими землями и судебными делами населения духовных вотчин. Он просуществовал до 1677 г. и был восстановлен в 1701 г.

Несколько приказов имели областной характер. Помимо четвертных приказов, это были Приказ Казанского дворца, созданный для управления вошедшими в состав России в

XVI в. землями бывших царств Казанского, Астраханского и Сибирского, и Сибирский приказ, учрежденный в 1637 г. специально для управления значительно возросшей территорией Сибири.

Особую группу центральных учреждений составляли дворцовые приказы. Они заведовали обширным хозяйством царя, обслуживая царский двор. Важнейшим среди них был Приказ Большого дворца, управлявший дворцовыми землями и населением дворцовых вотчин. Продовольственным снабжением царского дворца заправляли находившиеся в ведении приказа дворы Хлебный, Кормовой, Житенный и Сытенный. Казенный приказ, или Казенный двор, являлся хранилищем царской вещевой казны, в том числе мехов («мягкой рухляди»). Царским выездом заведовал Конюшенный приказ. Под его началом находились дворцовые конюшни и мастерские по изготовлению карет, саней и упряжи.

Особые приказы занимались изготовлением царского платья (Царева и Царицына мастерские палаты), обеспечением и организацией царской охоты (Сокольничий и Ловчий), медицинской службой (Аптекарский).

При патриархе Филарете были созданы особые патриаршие приказы (Дворцовый, Казенный и Разрядный). Они сохранились до конца века и управляли всем патриаршим хозяйством. Подобные патриаршим приказам учреждения существовали во всех епархиях.

Приказы как центральное звено управления создавались на протяжении длительного времени, а не возникли как дельная система, базирующаяся на единых принципах. Наряду с постоянно действующими приказами (общегосударственной и областной компетенции) широкое распространение в XVII в. получили приказы, заведомо создаваемые как временные. По существу они являлись комиссиями-поручениями («приказами» в собственном смысле) для выполнения определенных задач текущего управления, после решения которых они упразднялись или же сливались с другими приказами. Обычно это были сыскные приказы разнообразной сферы деятельности. Они создавались для сыска и возвращения в посад вышедших из тягла закладчиков (впервые в 1619 г.), отписки частновладельческих слобод на посадах, организации сыска беглых крестьян, расследования политических преступлений. Целый ряд временных приказов возник в связи со Смоленской войной и началом строительства оборонительных линий на юге страны (Ратных дел, Литовских полоняничных дел, Сбора ратных людей, Городового дела и др.), для проведения межевания земель в разных городах, разбора служилых людей в 60—70-х гг. Широкое распространение временные учреждения получили во второй половине века. Их создание оказало сильное воздействие на состав государственного аппарата, обеспечив непосредственное проникновение кадров московских приказов в сферу местного управления. Эти приказы — «комиссии» были хотя и временными, но вполне оформившимися учреждениями: указ об их создании определял не только главу и функции приказа, но и его штат и бюджет. Свойственная им быстрота и оперативность деятельности позволяли правительству эффективно решать важнейшие вопросы управления страной, восполняя слабость, а порой, как это, например, было при организации сыска беглых крестьян, и прямой саботаж со стороны местных учреждений. Этим временные приказы XVII в. отличались от подобных приказов предыдущего столетия, но эти же черты сближали их с многочисленными и разнообразными комиссиями петровского времени.

На протяжении XVII в. общее число одновременно действующих

приказов изменялось мало (в 1626 и в 1698 гг. их было 36), поскольку наряду с возникновением новых приказов происходила их ликвидация или близкие по роду деятельности учреждения объединялись в одно. Некоторое увеличение числа приказов произошло в 1660—1670-х гг., когда их количество временно достигло 43. В эти же годы несколько возросло и число общегосударственных приказов: их стало 30 против 25 в 1626 г. и 26 в конце столетия.

При неизменности в целом количественного состава приказных учреждений разительные перемены к концу столетия произошли в численности управленческого аппарата и в его составе. На протяжении всех десятилетий наблюдался неуклонный рост приказных штатов: в 1626 г. — 623 человека, в 1646 г. — 837 человек, в 1677 г. — 1558 человек, в 1698 г. — 2739 человек. Он происходил за счет младших приказных чинов (подьячих), что отражало идущий процесс бюрократизации управления, усиление роли в нем сугубо канцелярской работы. В 90-х гг. подьячие составляли почти 97% всех приказных людей. Значительно выросли штаты всех приказов. Если в 20-х гг. в штате большинства приказов имелись один, реже два дьяка и не более 5—10 подьячих, а в крупнейших приказах (Поместном и Большого дворца) состояло 73 подьячих, то в конце 90-х гг. число дьяков в крупных приказах возросло до 7—8, а подьячих стало более 400. Наиболее типичными в это время были приказы, в которых сидели от 30 до 100 подьячих.

Эта группа приказных людей, обладавших большой мобильностью и широко использовавшихся правительством при комплектовании штата временных приказов, для выполнения различных заданий в городах, в полках и посольствах, охватила своей деятельностью всю страну. В литературе (Н. Ф. Демидова) обращено внимание на то, что сформированная в последней четверти XVII в. огромная армия московских подьячих послужила основой для организации государственного аппарата российского абсолютизма.

Уже при царе Михаиле Федоровиче практиковалось одновременное руководство двумя приказами одними и теми же дьяками. После смерти Филарета эта тенденция была продолжена в еще большей степени, причем дьяков заменили лида из ближайшего окружения царя. Так, Б. И. Морозов уже в первые годы царствования Алексея Михайловича (1645—lq76) являлся одновременно судьей пяти приказов (Большой казны, Стрелецкого, Иноземского, Новой Четверти, Аптекарского). Объединение нескольких приказов под началом одного из видных бояр стало характерным явлением государственного управления второй половины XVII в. Конечно, немалую

роль в этом играло личное влияние того или иного боярина, в том числе близость к царской фамилии. Однако объективно такое объединение приказов с близкой компетенцией усиливало централизацию ведомственного управления.

Стремление к централизации управления проявилось в создании в 1654 г. Приказа тайных дел, подчинявшегося в отличие от других приказов не Думе, а непосредственно царю. Приказ не имел четкого круга дел. Он управлял дворцовым хозяйством, осуществлял политический надзор, апелляцию по политическим преступлениям, обладал контролирующими по отношению к другим учреждениям функциями. Этот контроль мог быть гласным, но чаще всего негласным и осуществлялся посредством приказных подьячих, рассылаемых с секретными царскими наказами по учреждениям, в армию, в посольства. За финансовой деятельностью приказов наблюдал Счетный приказ, созданный в конце 1650-х гг. Особое место, занимаемое этими учреждениями в приказной системе, было осознано уже современниками. По словам Г. К. Котошихина, Тайный приказ был устроен «для того, чтоб его царская мысль и дела исполнялись все по его хотению, а бояре и думные люди о том ни о чем не ведали».

В **1680-Х** гг. была осуществлена новая перестройка ряда сфер управления, приведшая к дальнейшей его централизации. В частности, финансовые вопросы, которые прежде находились в ведении четвертных и различных приказов, отныне были сосредоточены в укрупненном Приказе Большой казны. Все вотчинные и поместные дела, а также дела о службе были изъяты из ведения территориальных приказов и сконцентрированы, первые — в Поместном приказе, вторые — в Разряде.

Рост территории. Административно-территориальное деление. В XVII в. территория России значительно выросла. В результате освободительной войны украинского и белорусского народов 1648—1654 гг. и последовавшей затем русскопольской войны, завершившейся в 1667 г. Андрусовским перемирием, России были возвращены все земли, отошедшие к Польше по Деулинскому перемирию. Польша признала вхождение Левобережной Украины в состав России. Позже, в 1686 г., по «Вечному миру» Польша признала Киев за Россией, получив взамен ряд западных городов с уездами (Себеж, Невель и Велиж). В результате русско-турецкой войны 1676—1681 гг., закончившейся Бахчисарайским договором 1681 г., Днепр стал границей между Россией и Турцией, которая признала подданство Запорожской Сечи России, присоединение Левобережной Украины и Киева. В XVII в. продолжается продвижение на восток в сибирские земли.

Основной административно-территориальной единицей в XVII в. оставался уезд. Его возникновение относится ко времени объединения отдельных княжеств в едином государстве. Территории этих княжеств и их уделов оформились в уезды как отдельные административные структуры. Это определило разномасштабность уездов как по размерам, так и по численности населения. Общее их число во второй половине XVII в. было свыше 250. Более мелкими административными единицами являлись станы и волости. Большинство уездов состояло из нескольких станов, которые делились на волости. Правда, в отдельных уездах волости выступали как единицы, равнозначные станам. В ряде районов государства во внутриуездном делении имелись значительные особенности. Например, огромный Новгородский уезд делился на 5 пятин, каждая из которых состояла из погостов. Почти в каждом северном уезде Поморья были собственные деления, единицами которых выступали то станы, то погосты, то волости, то различное их сочетание. Своя специфика административного деления была в Башкирском крае, вошедшем в состав России во второй половине XVI в. после присоединения Казанского ханства. Его территория составляла Уфимский уезд,. который делился на 4 «дороги». Вероятно, это название восходило к монгольскому слову «даруга». Им назывались административные округ, из которых состояла Монгольская империя и ее часть — Золотая Орда.

На Левобережной Украине начиная с 30-х гг. XVII в. в качестве административно-территориальной единицы были приняты полки. Прежде, в XVI в., они выполняли функции военных округов. После Андрусовского перемирия на территории Левобережной Украины было 10 полков, которые непосредственно подчинялись гетману Украины. Во главе полка стоял полковник, он командовал полком и управлял территорией, относящейся к полку; сотники имели в своем управлении территорию сотни, а городами и селами управляли войты и казацкие атаманы. Полковое деление вводится также и в Слободской Украине, сложившейся в XVII в. на территории от Харькова до Воронежа и Курска. Автономное самоуправление существовало в областях запорожских, донских, яицких и терских казаков. Военной, политической и социальной формой объединения вольных казаков было войско, высшая власть в котором принадлежала войсковому кругу. Подобное разнообразие низовых административных единиц отражало сохранявшиеся в XVII в. остатки исторически сложившихся особенностей в местном управлении отдельных территорий государства.

Русское централизованное государство образовалось как многонациональное. В XIV—XV вв. в его состав вошли мари, коми,

мордва, печора, карела; в XVI—XVII вв. присоединились народы Поволжья, Сибири, Левобережной Украины. Официальное приказное делопроизводство XVII в. Европейскую территорию России делило на области, получившие название «городов». «Замосковные города» составляла территория, лежащая «за Москвой», если обращаться к ней с южных и юго-западных рубежей. Река Ока от Коломны до Тарусы была южной границей края. Поморские города — это территория, *тянувшаяся* к Белому морю и Ледовитому океану и до Северного Урала. Города от «немецкой украины» располагались на северо-западе европейской территории (псковские и часть новгородских земель). Название области подчеркивало ее пограничное положение по отношению к «немецкой» земле, т.е. Ливонии. «Заоцкие города» включали земли верхней Оки; «Северские города» — бывшие земли Чернигово-Северского княжества, до конца XV в. находившиеся в составе Великого княжества Литовского. «Украинные города» находились к югу от Замосковного края на украинных (окраинных) землях государства. Дальнейшее продвижение в земли Дикого поля привело к появлению области, получившей название «Польских городов», т.е. городов, лежащих в Поле. Как отдельная область выделялись «Рязанские города», «Низовые города» (территория Средней Волги от Нижнего Новгорода до Камы), «Вятские города» и «Пермские города».

Освоение Восточной Сибири. В XVII в. продолжалось продвижение в Сибирь. Оно имело свои особенности по сравнению как с предшествующим временем, так и с процессом включения в состав России других регионов. B_LXVI в. условием присоединения Западной Сибири, начало которому было положено военной экспедицией отряда казаков во главе с атаманом Ермаком, был разгром Сибирского ханствад Немногочисленное население Сибири, разрозненное и пестрое в этническом отношении, после распада единственного государственного образования в крае не могло быть серьезной военной силой. Царившая во многих местах острая племенная вражда также облегчала продвижение русских./ Оно велось в форме правительственной (перевод за Урал пашенных крестьян и служилых людей) и вольной колонизации «охочих» людей, устремлявшихся в Сибирь за свободной «землицей» и драгоценной пушниной)

Большинство коренных жителей края находилось на разных стадиях патриархально-родового строя: от первобытности каменного века (народы Северо-Восточной Сибири: юкагиры, чукчи, коряки, ительмены) до развитых форм патриархальнородовых отношений (якуты, жившие в

долине реки Лены, и буряты, заселявшие бассейн Ангары и берега Байкала). У первых основными занятиями были рыбная ловля, охота на морского зверя и диких оленей. Хозяйственная жизнь более развитых якутов и бурят была связана со скотоводством. Родами и племенами жили эвенки (тунгусы). Они заселяли обширную территории от Енисея до Охотского моря. Среди них были как оседлые рыболовы и охотники, так и кочевые скотоводы. В бассейне Амура жили дауры, дючеры и другие племена. Помимо традиционных занятий народов Сибири, им было знакомо земледелие. У них, как и у сибирских татар, шел процесс феодализации.

Продвижение русских землепроходцев, служилых людей и промысловиков по Сибири осуществлялось двумя маршрутами. Один из них, морской, проходил из устья Оби в Обскую губу и Мангазейское море, потом вверх по реке Тазу и волоком в приток Енисея реку Турухан. Основной базой на этом пути до 50-х гг. XVII в. являлась Мангазея, основанная в низовьях реки Таза на рубеже XVI—XVII вв. Главным стимулом движения, на восток промышленных и служилых людей была пушнина. В первой половине XVII в. ежегодные сборы мангазейской таможни составляли до 10—17 тыс. руб. По мере Истребления соболя)и запустения Мангазеи русская колонизация Сибири все более устремлялась по другому, южному, направлению движения в бассейн Лены. Оно было продолжением пути по Каме и ее притокам к среднему течению Оби и далее от ее правого притока Кети волоком на Енисей.

Опорными пунктами для продвижения на восток и освоения долин сибирских рек становились остроги и зимовья. Так возникли Кетский острог (начало XVII в.), Енисейский острог (1619), Красноярский острог (1628), Братский острог (1631), Иркутское зимовье (1652) и др. Первый острог на Лене, Усть-Кутский, был построен в 1631 г., через год основан Якутск, и началось обследование восточной части северных берегов Азии. Оно продолжалось в бассейнах Алазеи и Колымы. В 1639 г. Иван Москвитин и его люди первыми из русских вышли к побережью Тихого океана. А в 1648 г. участники экспедиции, организованной холмогорцем Федотом Поповым, казак Семен Дежнев и купец Федот Алексеев впервые достигли северо-восточной оконечности Азии и открыли пролив, отделяющий Азию от Северной Америки. Открывателем новых земель стал Василий Поярков. В 1643—1646 гг. с небольшим отрядом он проплыл по Амуру в Охотское море, обогнул на речных судах его побережье и вернулся в Якутск. В середине XVII в. устюжский торговый человек Ерофей Хабаров во главе отряда «охочих» людей вновь прошел по Амуру, изучил

прилегающие земли и составил карту. Базой дальнейшего продвижения в Приамурье стал Нерчинский острог, построенный в 1658 г. при впадении реки Нерчи в реку Шилку. Так уже в первой половине XVII в. были определены границы русских владений, которые очерчивались северными и восточными рубежами Азиатского материка. В конце XVII в. сибирский казак В. В. Атласов обследовал Камчатку и Курильские острова.

Присоединение и освоение Сибири было для русских людей эпохой крупных географических открытий. Ими не только закрепились за Россией богатые природными ресурсами земли, но и был внесен большой вклад в развитие географических знаний. Многочисленные сведения природно-географического, хозяйственного и этнографического характера, зафиксированные в донесениях русских землепроходцев, послужили основой для составления сводных чертежей и географических обзоров отдельных районов и Сибири в целом («Роспись Сибирским городам и острогам», 1640 г.; «Годуновский чертеж» — по имени тобольского воеводы П. И. Годунова, 1667 г.). В конце столетия тобольский сын боярский Семен Ремезов составил первую карту Сибири —«Чертежную книгу».

Большую часть тайги и тундры русские отряды прошли без серьезного сопротивления, в отличие от американских колонистов-«пионеров». которые двигались с востока к западному побережью, подавляя и истребляя коренное население материка. К концу века в Сибири проживало уже около 150— 200 тысяч переселенцев — почти столько же, сколько аборигенов. Среди русских около половины являлись служилыми людьми. Началось «проведывание» месторождений руд цветных и драгоценных металлов. Однако прежде всего в то время русских купцов и правительство интересовало «мягкое золото» — драгоценная пушнина: в середине века из Сибири вывозили до 150 тыс. соболей в год. Из мехов в основном и состоял ясак — дань, которую платило местное население. Уплатой ясака выражалось оформление его подданства. Кроме того, сибирские народы должны были выполнять ямские повинности.

Управлением Сибирью сначала ведал Посольский приказ, затем Приказ Казанского дворца, а с 1637 г. — Сибирский приказ. Ему подчинялись размещаемые по уездным городам воеводы, при которых состояли гарнизоны из русских служилых приборных людей. Воеводы Тобольска осуществляли общее наблюдение за всем краем. Сбор ясака осуществлялся с помощью родовых тойонов, или «князьцов», которые стояли во главе ясачных волостей и судили местное население по нормам обычного права. Гарантией подчинения аборигенов служила система

«аманатства»: родственники и дети местной знати становились заложниками-«аманатами» и должны были жить в русских крепостях. Такая система позволяла немногочисленной русской администрации контролировать обширные территории. На всей Восточной Сибири во второй половине XVII в. проживало 600 человек, рассеянных по 40 постоянным и временным острогам, острожкам и ясачным зимовьям. Уровень эксплуатации местного населения на восточных окраинах был в целом сравнительно невысок. Хотя, разумеется, отношение воеводской администрации, промышленных и служилых людей к местному населению было далеко от идиллии. Неэквивалентный обмен, подкуп, произвольные поборы и всевозможные притеснения, как и прямое спаивание коренных жителей, были в числе обычных средств обогащения.

Сибирь, как и степные окраины, практически не знала помещичьего землевладения и крепостного права. Во второй половине XVII в. русские крестьяне осваивают Приуралье и Зауралье. В Западной Сибири крупный земледельческий район возник вдоль рек Тобола, Иртыша и их притоков. Здесь (Верхотурский, Тюменский, Туринский и Тобольский уезды) к концу XVII в. было сосредоточено 75% всех крестьянских дворов Сибири (8 280 из 11 тыс.). Они возделывали так называемую десятинную пашню, урожай с которой поступал государству. В отличие от Поволжья, народы которого издревле были знакомы с земледельческой культурой, в большинстве мест Сибири русским поселенцам пришлось внедрять земледелие впервые, причем на тяжелых подзолистых почвах таежной зоны. Систематические нападения кочевых народов — монголов и киргизов — препятствовали продвижению земледелия в область южных черноземов. Распространение земледелия на новые территории стало результатом титанических усилий русского крестьянина. К концу XVII в. потребности края в хлебе полностью обеспечивались сибирским земледелием.

Несмотря на все издержки, включение в состав России способствовало более быстрому общественному развитию народов Сибири. Оно сопровождалось приобщением их к более прогрессивной форме хозяйственной деятельности, знакомством с современными орудиями ремесленного производства, усвоением русского быта — жилища (избы), одежды. В результате присоединения и освоения новых земель усилился многоэтничный характер Российского государства.

Местное управление. Во время Смуты был разрушен не только центральный, но и местный аппарат власти. По мере освобождения территории государства от польско-литовских и шведских отрядов и усмирения казачьей вольницы правительство Михаила Федоровича

приступило к восстановлению воеводского управления, возникшего еще в конце XVI в. в ряде пограничных городов и уездов. К середине 20-х гг. XVII в. воеводское правление как организация местной власти действовало уже на всей территории государства. В его утверждении проявлялось усиление приказного начала на местах как выражение централизации управления сверху. Это была основная, хотя и не единственная, линия развития местных учреждений.

На протяжении XVII в. в руках воевод постепенно сосредоточилась вся административная, полицейская и судебная власть в уездах. Имея под своим началом городские гарнизоны, состоявшие из стрельцов и других служилых людей «по прибору», воеводы не только обязаны были обеспечивать безопасность вверенной им местности, но и пресекать возникавшие в ее пределах различные проявления социальной борьбы. Правда, не всегда это удавалось, что свидетельствовало не только об остроте социальных противоречий, но нередко являлось показателем слабости местной власти (или конкретной личности, ее воплощавшей), ее неспособности в экстремальных условиях к решительным и быстрым действиям. Характерный случай произошел в Великом Устюге в июне 1648 г. Недавно присланный туда воевода М. В. Милославский не только не смог справиться со стихийно вспыхнувшим в городе волнением, но и в отписке в Москву просил государя спасти и защитить его самого.

Расширение объема управленческих функций воевод сочеталось с ограничением их самостоятельности в принятии решений даже в пределах их компетенции. Без санкции приказов воеводы самостоятельно могли решать лишь мелкие, преимущественно бытового характера вопросы. Исключением являлись воеводы в пограничных или во вновь осваиваемых районах государства. Там, получив особые полномочия, воеводы обладали широкими судебно-административными и полицейскими правами, становились начальниками местных военных сил, могли верстать на военную службу детей боярских и приборных людей и наделять их окладным жалованьем. В Астрахани, Уфе, Тобольске, Томске воеводы имели право вести дипломатические сношения с соседними государствами, а астраханские воеводы к тому же должны были следить за Большой Ногайской Ордой.

Воеводами в города назначались преимущественно дворяне, служившие по московскому списку (стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы), значительно реже — из городовых дворян и детей боярских. Обычно на воеводство попадали уже не способные к ратной службе дворяне. Назначение воевод (сменяемых через 2—3 года службы)

осуществлял Разрядный приказ, но в служебно-административном отношении воеводы подчинялись тем приказам-четвертям, в ведении которых находились их города. Организация гражданской службы на бюрократических началах, исключавших «кормление» как одну из основ службы, с трудом усваивалась дворянством, по-прежнему относившимся к воеводской службе, исходя из кормленческих интересов. К тому же воеводы, как и приказные судьи, не входили в штаты учреждений и исполняли возложенные на них обязанности как временные сословные поручения. В отличие от наместников и волостелей XVI в. их содержание не возлагалось на население, а обеспечивалось поступавшим из четвертных приказов жалованьем. Верховная власть запрещала должностным лицам взимать с населения «кормы» и «посулы», но при этом разрешалось принятие всякого рода подношении («поминков») по церковным праздникам и торжественным дням. На практике узаконенные «поминки» превращались в разорительные поборы с населения. Они начинались с момента приезда нового воеводы к месту службы (он сопровождался поднесением ему, а также всем членам семьи и дворни «въезжего корма») и заканчивались лишь его отъездом, сопровождаемым прощальным «поминком». Воеводы в своем корыстолюбии тем более чувствовали себя свободно, что никак не были связаны с местным обществом и лишь стремились за свое кратковременное пребывание в должности извлечь из нее максимальную выгоду. Сохранение взгляда на воеводскую службу как на дополнительный источник дохода имело и свои объективные причины. Они заключались в ограниченных возможностях поместного земледельческого хозяйства, доходы с которого у основной массы служилых людей едва обеспечивали их служебные и личные потребности.

При всем этом иное воеводство, особенно для лица, приближенного к царю, было равносильно опале, поскольку означало удаление от Двора и падение политического влияния. Это был обычный способ придворной борьбы, с помощью которого лицо, входившее во власть, оттесняло своих соперников. Яркий пример тому действия Б. И. Морозова в первые месяцы правления Алексея Михайловича. По свидетельству австрийского посла Августина Мейерберга, наставник молодого царя «по обыкновенной предосторожности любимцев отправил всех бояр, особенно сильных во дворце расположением покойного царя, в почетную ссылку на выгодные воеводства».

При воеводах организовывались воеводские, или как их часто называли в официальных документах, «съезжие избы». Во второй половине XVII в. за ними повсеместно утвердился термин «приказная изба», что

соответствовало фактическому их положению в качестве местного учреждения центрального приказа. Не случайно их структура и делопроизводство были те же, что и в московских приказах. Характерно, что штат воеводских изб, состоявший из местных подьячих, постоянно обновлялся за счет присылаемых вместе с новым воеводой из Москвы временных приказных служителей (дьяков и подьячих «с приписью», т. е. с правом подписывать официальные документы). К концу века, как и в приказах, возросла численность подьячих приказных изб. Если в 40-е гг. наиболее типичными были избы со штатами от 2 до 5 человек, то в 90-е гг. — от 6 до 20 человек. Существование и развитие именно этой группы служителей, для которых единственным занятием была работа в государственных учреждениях, являлось показателем роста бюрократических тенденций и в центральном, и в местном управлении. Правда, на местах этот процесс происходил медленнее, чем в центре.

В первой половине XVII в., наряду с процессом бюрократизации местного управления, продолжало сохраняться, а в отдельных местах получило развитие выборное сословное начало, представленное губными и земскими учреждениями. В правление Михаила Федоровича функционирование съезжих изб осуществлялось при опоре на местные мирские общины. В частности, они формировали постоянный штат подьячих изб путем их найма и содержания. Выбирая из мирских людей судей, целовальников, счетчиков, таможенных и кабацких голов, органы мирского самоуправления принимали непосредственное участие в судебно-полицейских и финансовых функциях управления уездом. Однако в подобной системе была и еще одна сторона. Она проявлялась в том, что фактически низовые звенья государственного управления функционировали за счет обязательных и безвозмездных служб тяглого населения. Об обременительности подобных повинностей речь уже шла при характеристике положения посадских людей. Здесь же хотелось бы еще раз подчеркнуть обусловленность возникновения подобной системы скудостью совокупных средств и ресурсов аграрного социума, существовавшего в неблагоприятных для его развития природно-климатических условиях.

Губные органы уже во второй половине XVI в. стали важным звеном государственного аппарата. В их основную функцию входила борьба с разбоями и всякими «лихими» людьми. В XVII в. они действовали рядом с воеводой, но под его надзором или же с поставлением воеводы во главе губного суда переходили в его непосредственное подчинение. Правда, имела место и противоположная тенденция. В 1627 г. началось

повсеместное восстановление губных старост, выбираемых из дворян уезда. Эта мера ограничивала круг влияния воевод, т. е. означала умаление централизации местного управления в пользу органов самоуправления. В отдельных местах по просьбе городов воевод не посылали вовсе, а были только губные старосты. Там губной староста, сосредоточивая в своих руках не одни уголовные дела, а все областное управление, становился и земским судьей. В случае недовольства губными старостами назначались воеводы. В эти годы правительство, остро нуждавшееся в поддержке сословий, было готово идти навстречу местным требованиям, в том числе в плане развития сословно-представительного начала, воплощавшегося не только в деятельности Земского собора, но и в функционировании органов самоуправления на местах.

Во второй половине XVII в. воеводская власть повсеместно вытеснила земские сословно-выборные учреждения. Дольше всего мирские структуры как органы общинного самоуправления сохранялись в Поморье. Но и там их деятельность, особенно касающаяся раскладки государственных налогов и повинностей, находилась под контролем воевод.

Расширение границ государства и потребности организации обороны пограничных территорий привели к образованию крупных военно-административных округов — разрядов. Первый из них — Тульский — был создан еще в XVI в. для обеспечения защиты населения украинных, заоцких и рязанских городов. В XVII в. образуется до 10 новых разрядов. В 50 -Х гг. для обороны от Польши и Швеции организуются Смоленский и Новгородский разряды. В связи со строительством нового южного укрепленного рубежа — Белгородской черты — и массовым заселением свободных земель вдоль новой оборонительной линии в 60-х гг. возникают Белгородский и Севский разряды, объединившие под своим началом несколько десятков городов. Часть городов Казанского приказа, лежащих к северу от так называемой Симбирской черты, были включены в состав организованного в начале 1680-х гг. Казанского разряда с центром в Симбирске. Несколько разрядов (Томский, Енисейский, Ленский) при главенстве Тобольского существовало в Сибири. Во главе каждого из них ставился боярин, которому подчинялись городовые воеводы. Хотя возникновение разрядов в XVII в. диктовалось главным образом необходимостью мобилизации ресурсов и централизации полномочий в военно-оборонительных целях, однако естественным компонентом власти главного воеводы разряда становились административные и финансовые функции. Примечательно, что в последней четверти XVII в. несколько разрядов (Московский, Владимирский, Тамбовский) были созданы и в

центральных районах страны. Правда, они не получили такого значения, как пограничные разряды, и просуществовали недолго. В литературе образование разрядов единодушно оценивается как своеобразная предтеча петровских губерний, ставших связующим административным звеном между центром и уездом.

Войско. Важным условием укрепления российской государственности, преодоления тяжелых последствий иностранной интервенции, обеспечения безопасности страны и решения насущных внешнеполитических задач было наличие боеспособной армии, могущей в случае необходимости быть использованной и для подавления народных волнений и восстаний. В начальный период правления Михаила Федоровича постепенно восстанавливалась расстроенная за годы Смуты военная организация государства. \Этому способствовали: жесткая податная политика правительства по сбору основных и чрезвычайных налогов; широкая раздача поместий и укрепление земельных прав дворянства, при одновременной проверке прав землевладельцев на вотчины и поместья, приобретенные за Смутное время; упорядочение поместных окладов и дач дворянства; осуществление «дозоров» и новых описаний частной земельной собственности и, наконец, введение «живущей четверти» — нового принципа налогообложения, вызванного хозяйственным запустением.

Основой сложившейся еще в середине XVI в. структуры русского войска являлось конное ополчение служилых людей «по отечеству», комплектуемое на основе поместной системы. Другим компонентом военной организации были находившиеся на постоянной службе служилые люди «по прибору» (стрельцы, казаки, пушкари и затинщики). Как вооруженная конная сила использовались и нерусские народы — служилые татары, чуваши, марийцы, мордва, башкиры и др. В военное время к ратной службе привлекалось также тяглое сельское население (посошные и даточные люди), набираемое по особой разверстке. Они выполняли вспомогательные работы по обслуживанию армии, но могли принимать участие и в боевых действиях.

В военное время дворяне, получавшие поместное и денежное жалованье, обязаны были являться на службу на коне, с оружием и вооруженными людьми (холопами), число которых в соответствии с Уложением 1556 г. зависело от размера имевшейся у них «доброй угожей земли». Дворянские «люди» использовались не только в качестве обозной прислуги, но и входили в боевой состав конницы. В мирное время служилые люди «по отечеству» жили в своих поместьях и вотчинах.

Служилые люди «по прибору» рекрутировались из детей и родственников приборных же людей, а также из так называемых вольных, или гулящих, людей, находившихся в данный момент вне государева тягла. Важным резервом стрельцов, пушкарей и городовых казаков вплоть до Уложения 1649 г. были крестьяне и посадские. Верстание в городовую службу выходцев из тяглых слоев особенно было распространено при строительстве новых городов на Юге. Общее число ратных людей к началу 30-х гг. было доведено до численности ратников XVI в. и составляло около 100 тысяч.

Казаки служили на своих конях и со своим оружием. Наиболее обученной и лучше вооруженной частью воинов были стрельцы, оснащенные казенным оружием, холодным и огнестрельным (пищалями). Их численность постоянно возрастала и к 80-м гг. достигла 55 тыс. человек (из 165 тыс. ратных людей). Особенно многочисленными среди них были полки московских стрельцов, выросшие к этому времени до 20 тысяч. Столь сильный рост был связан с превращением стрелецкого войска по преимуществу во внутреннюю охрану государства. Основная часть стрельцов находилась в Москве либо была рассредоточена по многочисленным городам страны. В боевых же действиях русской армии принимало участие, как правило, не более четвертой части этого рода войск.

Во всех войнах, которые вела Россия на протяжении XVI в., участвовали отряды донских казаков. Их численность к середине столетия достигла 20 тыс. человек и значительно превышала численность яицких и волжских, терских и гребенских казаков. Вплоть до 1671 г., когда после подавления восстания под руководством С. Т. Разина донские казаки, чувствуя свою вину, вынуждены были впервые принести присягу на верность московскому царю, их участие в дальних походах русского войска или в сторожевой службе на южных рубежах Российского государства осуществлялось в рамках добровольного военно-политического союза, подкрепляемого более-менее регулярной присылкой из Москвы на Дон военного снаряжения, хлебного и денежного жалованья. С 1613 по 1700 г. в донские отпуска было отправлено 202 тыс. четвертей хлеба, 280 тыс. руб., 939 поставов сукна и более 16 тыс. ведер вина. В этом союзе были заинтересованы обе стороны. Московское правительство ценило боевую службу казаков, а казаки нуждались в постоянном пополнении людьми извне, в материальной поддержке со стороны экономически развитого государства. Московское правительство оказывало Дону военную помощь двумя способами. Первый заключался в посылке на Дон для обороны от

татарских набегов отрядов ратных людей во главе с московскими воеводами. Так было в начале 40-х гг., когда татары в отместку за взятие и многолетнее удержание турецкой крепости Азов неоднократно нападали на казачьи городки в низовьях Дона. Второй способ состоял в организации переселения вольных людей из пограничных городов на Дон. В 1646—1648 гг. таким образом было выслано 5 тыс. человек.

Однако отношения между Москвой и Доном порой серьезно разлаживались. Военные походы «за зипунами», в том числе царской и купеческой казной, прямо вытекавшие из специфики хозяйственной жизни казаков, а также их неконтролируемые действия против Крыма и Турции, нередко ставившие Москву в трудное положение, рождали стремление царского правительства превратить вольное казачество в служилое сословие, встроить его в социальную структуру общества. Решительные меры Бориса Годунова в этом направлении, как известно, вызвали против него чрезвычайное недовольство и озлобление казаков и обеспечили их активную поддержку «царевичу Дмитрию». В годы Смуты отчетливо проявилась претензия вольного казачества на получение особых привилегий, признания за ним высокого положения в обществе, право на которые, по его убеждению, ему давала важная для государства военная служба. В частности, казаки претендовали на передачу им в качестве «приставства» отдельных территорий, употребляя доходы с них в качестве своего «корма». Понятно, что подобные устремления казачества входили в противоречие с интересами и государственной власти, и дворянства, а потому по мере восстановления государственного порядка были пресечены.

В дальнейшем московское правительство не раз пыталось заставить Донское войско принести присягу на верность царю. Но только в августе 1671 г., после долгих споров на Кругу, казаки в присутствии московских послов «веру учинили». Впоследствии подобный акт повторялся при вступлении каждого нового царя на престол. В итоге вольное казачество из добровольных союзников московского царя было поставлено в положение его подданных наравне со всем остальным населением.

Бурные события начала XVII в. отчетливо выявили слабые стороны дворянского конного ополчения. Комплектуемая на основе поземельной службы поместная армия оказывалась малопригодной при затяжных военных действиях, неизменно сопровождавшихся деморализацией и массовым дезертирством служилых людей, устремлявшихся в свои поместья. Затяжной аграрный кризис и медленный выход из него сказывался на вооружении и боеспособности поместного ополчения. Половина дворян и детей боярских по своему материальному положению,

вооружению и снаряжению была пригодна лишь к городовой (гарнизонной) службе. В 20—30-е гг. XVII в. в среднем на каждую вотчину приходилось лишь по 8,3 крестьянского двора (считая населенность каждого в 2,8 души мужского пола это составит 23 души мужского пола) В то же время Земский собор 1641 г. пришел к заключению, что служилый дворянин мог за свой счет отправиться в поход, имея в вотчине не менее 50 душ мужского пола. Следовательно, все дворянское ополчение могло служить, лишь получая денежное жалованье. Поместье как форма жалованья теряло смысл. Упадок поместного войска побудил правительство обратиться к использованию иных принципов комплектования отдельных воинских подразделений. К тому же задача возвращения имевших важное стратегическое значение западных земель, и среди них Смоленска, предполагала ведение крепостной осадной войны, для него дворянская конница была не пригодна.

Накануне Смоленской войны в 1630 г. начинается формирование полков «нового строя», или «иноземный ратный строй». Первоначально на добровольной основе из беспоместных детей боярских, служилых татар и казаков, а позднее всяких «вольных охочих» людей были созданы шесть солдатских полков (более 10 тыс. человек), взятых государством на полное обеспечение и вооружение. Помимо жалованья и кормовых денег, солдат получал пищаль, порох и свинец. Большинство офицеров в полках составляли нанятые правительством иностранцы. В 1632 г. на тех же условиях, но с более высоким жалованьем был организован первый рейтарский (конный) полк. Вооружение рейтара состояло из карабина, двух пистолетов, лат и шишаков (головного убора). В регулярном войске М. Б. Шейна, устроенном по иноземному образцу, в 1632 г. под Смоленском было уже 15 тыс. чел., прошедших обучение. Вскоре правительство перешло к принудительному набору даточных людей из числа тяглого населения поместных и вотчинных земель. Помимо солдатских полков из них был сформирован первый драгунский (конный) полк. Нехватка средств определила роспуск полков «нового» строя в мирное время (после Смоленской войны). Позднее в связи с укреплением южной границы правительство стало производить ежегодные наборы вольных людей, из которых формировались полки «кормовых» солдат и драгун для сезонной пограничной службы. Во время летней службы в пограничных городах они обучались ратному делу, получая кормовое жалованье, оружие и лошадей, а осенью распускались по домам. В 40-х гг. формируются драгунские полки из крестьян южных пограничных уездов. Организованные в полки и проходившие военное обучение, крестьяне продолжали заниматься

сельским хозяйством и содержать себя, они освобождались лишь от налогов и повинностей. Поселенные драгуны (из крестьян) несли сторожевую пограничную службу и не требовали никаких материальных затрат на свое содержание. Они с успехом использовались для нужд местной обороны вплоть до 80-х гг., когда их стали посылать на службу в отдаленные города и включать в походное войско, что неминуемо разрушило основной принцип их содержания и службы.

Во второй половине XVII в. нерегулярные воинские формирования (дворянское конное ополчение, полки разного рода служилых людей) уступили определяющее место регулярным формированиям. Вовсе исчезли из полковой службы городовые казаки. Изменилось и соотношение конного и пешего войска: пехоты насчитывалось уже более 60% всех полков. Основную силу в русской армии 80-м гг. составляли полки «нового строя» (более 65%). Они формировались исключительно из даточных людей, принудительно набираемых с тяглых дворов. Принудительной также стала запись дворян и детей боярских в рейтарские полки! Солдатская служба даточных людей была пожизненной. За их семьями сохранялись земельные наделы, а в мирное время часть солдат распускалась по домам, но с обязательством возвратиться в полк приписки по первому требованию.

Таким образом, созданием солдатских, рейтарских и драгунских полков было положено начало организации армии на регулярной основе. Однако совершенно очевидно, что полки «нового строя» еще не обладали всеми признаками регулярного войска. Не все из них имели постоянную военную организацию в мирное и военное время. Сезонный и поселенный характер полков, связь рядового состава с земледельческим хозяйством лишали их возможности получать планомерную военную подготовку. К тому же правительство прибегало к различным способам, чтобы освободить государство от полного содержания новых формирований. Несмотря на очевидные преимущества этих полков перед ратными людьми старого строя переход к регулярной армии растянулся на многие десятилетия. В значительной степени это было связано с медленным выходом страны из тяжелого хозяйственного кризиса, с ограниченностью ресурсов аграрного социума, развивавшегося в крайне неблагоприятных для земледелия природно-климатических условиях. (Даже при наличии поместного войска и не полном содержании армии за счет государства военные расходы по росписи 1679/1680 г. составляли более 62% государственного бюджета, что является наглядным свидетельством его скудости.

§ 2. ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ МОНАРХИИ К АБСОЛЮТИЗМУ

Россия в XVII в. была унитарным государством, с формой правления в виде сословно-представительной монархии. В кто время царская власть, олицетворявшая собой высшее государственное начало, осуществляла свойственные верховной власти функции (главнейшие из них заключались в регулировании жизнеобеспечения социума и организации его защиты) при опоре на институты сословного представительства: Думу и Земские соборы. Характеру сословно-представительной монархии соответствовала незавершенность государственно-политической централизации, дробность социальной структуры господствующего класса и общества в целом. Функционирование всей системы государственных учреждений осуществлялось на основе местнического принципа. Во второй половине XVII в. в организации политической власти и системы управления все отчетливей вырисовываются существенные изменения, которые обычно осмысливаются как показатель постепенного обретения российской монархией абсолютистских черт.

Развитый абсолютизм — это политическая форма государства, характеризующаяся неограниченной властью монарха, опирающейся на централизованную систему бюрократического управления, регулярную армию, единую систему налогов, подчиненную государственному аппарату церковь, постоянные органы суда, полиции, контроля. Разумеется, ни одного из перечисленных элементов абсолютизма в России XVII в. не было. Однако для этого времени речь идет не об утверждении новой формы монархии, а об определенных абсолютистских тенденциях в ее эволюции, получивших завершение в Петровскую эпоху. Причины, вызвавшие изменение формы монархии, сопровождаемое перестройкой системы государственных учреждений и институтов, в литературе определяются по-разному.

О них речь еще впереди. Здесь же уместно заострить внимание на исторических факторах вызревания двух наиболее ярких проявлений эволюции сословно-представительной монархии к абсолютизму — усилении самодержавного характера власти царя и свертывании политической активности ведущих сословии, что в совокупности привело к постепенному затуханию, а затем и полному отмиранию Земских соборов.

Причины этих явлений, находившихся, выражаясь математическим языком, в обратно пропорциональной зависимости, во многом определялись исходными параметрами существования российского

социума, выдвигавшими государственное начало в качестве важнейшего фактора его развития. В середине — второй половине XVII в. в социально-экономической жизни России, ее внутриполитическом развитии и международном положении произошли существенные изменения. В этот период в результате длительной и тяжелой войны в состав России были возвращены утраченные в начале века земли; осуществлялось дальнейшее продвижение в Сибирь; была создана грандиозная оборонительная система на юге и юго-востоке страны, потребовавшая огромных материальных и трудовых затрат и не только защитившая центр страны от набегов крымских татар, но и позволившая продвинуться в глубь Дикого поля, начав его хозяйственное освоение; в это же время верховной властью предпринимаются усилия по созданию крупного промышленного производства; развертывается борьба с социальными и национальными движениями; организуются массовые сыски беглых крестьян, проведение подворной переписи; происходит реорганизация военной службы и многое другое. Масштабность задач внутренней и внешней политики в условиях ограниченности податных возможностей населения и других каналов бюджетных поступлений, а также частных накоплений («совокупного прибавочного продукта») требовала от правительства крайней мобилизации внутренних сил и ресурсов. Это не могло не сказаться как на организации политической власти и системы управления, так и на характере ее взаимоотношений с сословиями. Можно сказать, что общество, развитие которого требовало от большинства населения колоссального напряжения и отдачи, нуждалось в сильной государственной власти, обладающей мощной мобилизационной способностью. В феодальную эпоху носителем такой способности выступало самодержавие. В связи с этим обретение российской монархией при Алексее Михайловиче самодержавных черт было закономерным явлением, не связанным с личностью того или иного монарха. Разумеется, эта закономерность стала проявляться лишь при определенных условиях. Не случайно преждевременные амбициозные устремления Ивана Грозного к установлению «самодержавства» могли на какое-то время реализоваться только при помощи жесточайшего террора. Что касается личностных качеств и черт характера Алексея Михайловича, то они вовсе не соответствовали тому облику, который постепенно обретала при нем монархическая власть. Это стоило царю немалых душевных мук и большой внутренней работы.

Усиление царской власти протекало в специфических условиях развития сословного строя в России, характерными чертами которого

являлись слабость сословий, незавершенность их формирования и меняющаяся структура. К тому же сами сословия, осмыслив пагубность ослабления верховной власти в годы Смуты, не препятствовали в дальнейшем ее усилению на самодержавной основе. Кроме того, формирование сословий, как и многое другое, в России происходило при активном участии этой власти, укрепление которой обеспечивало ведущим в представительных учреждениях социальным силам осуществление их интересов и запросов. Уложение 1649 г., удовлетворив основные пожелания дворянства и верхушки посада, ослабило их политическую активность.

Основные тенденции эволюции социального и политического строя России уловило и закрепило уже Соборное уложение 1649 г.

Усиление самодержавной власти царя. В Соборном уложении нет специальных глав, характеризующих государственный строй России. Однако наличие монарха, Боярской думы, Земских соборов, приказов, местных органов управления и их основные черты достаточно хорошо характеризуются законом в разных главах.

Уложение закрепило процесс усиления царской власти. Впервые в русском законодательстве Уложение выделило специальную главу, посвященную уголовно правовой защите личности монарха. В главах II «О государьской чести и как его государьское здоровье оберегать» и III «О государеве дворе» в одном ряду с тягчайшими государственными, политическими преступлениями рассматривались действия, направленные против жизни и здоровья царя и членов его семьи, его личнои «чести» и «чести государева двора». Розыск по ним уже с 20-х гг. XVII в. вошел в судебную практику под общим понятием «слова и дела государева». Самые жестокие, вплоть до смертнои казни, наказания применялись в равной мере за участие в восстаниях и заговорах, за самозванство, измену, шпионаж, богохульство, а также за брань и обнажение оружия во время ссоры в царском дворце или близ него, за неосторожные, сказанные без какого-либо умысла слова, которые могли быть истолкованы как «воровские», «поносные» для «государевой чести». В этом проявлялось отождествление власти и личности царя с государством, что свидетельствовало о приобретении монархией с середины XVII в. абсолютистских черт.

В Уложении обращено внимание на правовую защиту всех уровней власти — высшую, центральную, местную. Особые статьи главы II предусматривают наказание за «скоп и заговор», понимаемые как враждебные массовые действия в отношении частных и должностных лиц. Причем если в первом случае наказанием была торговая казнь, то всякое «прихаживанье» толпой «для воровства» к государю или к представителям

власти каралось смертной казнью «безо всякия пощады». Введение этих норм прямо вытекало из «бунташной» обстановки конца 1640-х гг., затронувшей центральное правительство и приказных служителей, столицу и периферию. В Уложении особо выделяются преступления против порядка управления: изготовление поддельных грамот, печатей, приказных писем, наложение печати на подложные («воровские») документы, фальшивомонетничество. Все они также карались смертной казнью. В середине столетия еще жива была память о самозванцах начала века, о рассылаемых ими или от их имени различных грамотах. Отныне подобные акции и юридически определялись как преступные. Еще одним тяжким и особо опасным для государственных интересов преступлением признавался отъезд за рубеж без грамоты. В главе VI Уложенная специальное внимание уделено правовой защите государственной безопасности и регламентации выезда в другие страны.

Людям всех чинов вменялось в обязанность извещать царя, думных и приказных людей и воевод о совершенных или готовящихся государственных преступлениях. Впервые в законодательстве смертная казнь предусматривалась лишь за одно недоносительство. При этом за ложный извет полагалась «торговая казнь», т. е. битье кнутом на торговых площадях. Если ложный донос касался наиболее тяжких государственных преступлений, то изветчику полагалось то же наказание, которое должен был понести оговоренный. Расследование извета производилось в виде розыскного-процесса, обязательным элементом которого была пытка. Таким образом, в пяти главах Соборного уложения содержится детальная характеристика политических преступлений, которые впервые выделялись из разряда уголовных, что само по себе свидетельствовало о том, что государственная власть отныне провозглашала свою защиту делом первейшей важности. Причем высшей государственной ценностью и олицетворением государственного начала признавалась сама личность монарха, ограждаемая не только от направленных против нее действий, но и от злого умысла.

Об усилении самодержавного характера власти царя свидетельствовало и резкое возрастание количества «именных» указов, издававшихся им без предварительного обсуждения их в Думе. Так, из 618 указов законодательного характера, изданных после 1649 г., 518 уже были именными. Многие документы времени Алексея Михайловича несут на себе следы напряженной работы царя над ними. На их полях нередко встречаются пометки: «справитца», «подумать», «ведомо», «отписать». С годами для второго Романова все более становится характерным

стремление проверить исполнение указов и распоряжений, отступление от которых самим царем рассматривалось как тягчайший грех и преступление.

Степень личного вмешательства царя в управление резко возросла в связи с созданием Приказа тайных дел, стоявшего вне существующих органов управления и над ними. В этом смысле наличие подобной структуры станет характерным для политической организации российского абсолютизма в послепетровское время. Примечательно, что усилия Алексея Михайловича как непосредственного руководителя нового учреждения в первую очередь были направлены на усиление пригляда за служилыми людьми, на получение «независимой» от официальных источников информации об их служебном рвении и его \ соответствии царской воле. Не найдя продолжения у ближайших преемников Алексея Михайловича (приказ был ликвидирован вскоре после его смерти в 1676 г.), эта линия в деятельности Тайного приказа в петровское время разовьется в создании систем фискалитета и прокуратуры.

В пышном титуле, принятом царем Алексеем Михайловичем после вхождения Украины в состав России, окончательно закрепился термин «самодержец». Прежние слова «государь царь и великий князь вся Русии» были заменены выражением «Божией милостью великий государь, царь и великий князь всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец». Обязательным формулярным этикетным приемом в официально-деловых и частных челобитных на имя царя были уходящие в глубину веков уничижительно-пренебрежительные формулы имен писавших («пишет холопишка твой», «молит тебя рабишка твой» и т.д.). Причем если «рабами» были тяглые разряды населения, то «холопами» по отношению к царю выступал весь служилый люд, включая бояр и другие думные чины, что подчеркивало высочайший статус и могущество персоны самодержца. Однако внешний характер отношений между верховной властью и различными чинами далеко не всегда отражал их суть, как и реальный вес того или иного лица в окружении царя. Например, всесильный Б. И. Морозов даже в период его абсолютного лидерства в правительстве Алексея Михайловича до московского восстания 1648 г. внешне являлся всего лишь «государевым холопом», возглавлявшим правительство по воле морарха.

Усиление самодержавного начала проявлялось не только в сугубо политической сфере. Не менее показательным было наступление государственной власти на права и сферу влияния церкви, вызвавшее сопротивление высших духовных иерархов и лежавшее в основе острого конфликта Алексея Михайловича с патриархом Никоном. Значимой была и

радикальность ликвидации в городах «белых» слобод, принадлежавших отдельным светским и духовным лицам и монастырям. Проведенная в интересах усиления государева посада в целях укрепления финансов реформа по своей сути означала упрочение самодержавного строя. Приоритет государственного начала проявлялся даже в существовавшей на Архангельской ярмарке практике начала вольной торговли только после закупки привозимое на нее товаров царской казной.

О царе Алексее Михайловиче Г. Котошихин писал как о «самодержце», который «государство правит по своей воле», «что хочет, то учинити может». Это замечание справедливо лишь отчасти. Оно отражает скорее внешнюю сторону характера власти царя, ее деспотические черты. В глазах русских и иностранных современников они затмевали еще продолжавшееся разделение царем правительствующих функций с Боярской думой и патриархом, представлявшими две могущественные политические силы — феодальную знать и церковь.

Эволюция важнейших политических институтов. Перемены коснулись и Боярской думы. Следует подчеркнуть особо, что активность думных структур к концу XVII в. не падала, как не падало и значение думного чина, хотя оно и трансформировалось в условиях отмены местничества и борьбы политических группировок за власть. Не снижалось и участие думных чинов — этой традиционной властной элиты — в государственном управлении. Однако постепенно менялся характер деятельности Думы. Сокращалось ее значение как высшего законодательного органа, и расширялись непосредственно управленческо-исполнительные функции. Это выражалось, в частности, в численном росте ее членов. Если в первой половине XVII в. численность Боярской думы не превышала 40 человек, то в конце 1660-х гг. состав Думы возрос до 67 человек, достигнув к концу века более 150 человек. В составе Думы к концу века заметно возросла доля низших думных чинов (до 30%). Обычно этот известный факт интерпретируется как показатель «демократизации» и бюрократизации Думы и при этом меньше обращается внимания на сохранение аристократической группой (бояре и окольничьи) численного преобладания в составе думных чинов и в конце XVII в. Причем среди этой группы по-прежнему лидировали княжеские и боярские фамилии. Выводы новейших исследований не согласуются с высказанным ранее в историографии мнением о враждебности и оппозиционности боярской аристократии Петру I. Более половины думных чинов служили в высших и центральных учреждениях, в боярских комиссиях, Палате об Уложении 1700—1703 гг. Многие бояре входили в ближайшее окружение Петра I в

1690—1700 годах. Это не исключало примеры неповиновения и неприятия Петровских реформ среди бояр, в основном по личным мотивам, однако в целом традиционная чиновная элита составила одну из основных социальных сил преобразований петровского времени.

Перемены, происходившие в составе Думы, не препятствовали ее работе. (Имеющиеся данные опровергают сохраняющиеся в литературе представления о снижении активности Боярской думы в конце XVII в. С начала единовластия Петра I и до конца 1700 г. царь более 38 месяцев находился вне столицы, но боярские собрания стабильно функционировали (с царем в походных условиях и без него, в полном и частичном составе, в Москве и вне столицы). Причем с середины 90-х гг. резко возрастает число приговоров, принятых без пребывания в боярских собраниях царя, достигая максимума в 1698 г. — 95% от всех видов думских актов. Воеводы с думным чином по-прежнему назначались в крупные города. К 1680-м гг. думные люди возглавляли до 4/5 государственных приказов. Традиционными видами их нестоличной службы оставались экспедиционная, связанная с выполнением ответственных военноадминистративных поручений, и дипломатическая.

«Ближняя дума», возникшая еще при Михаиле Федоровиче и не имевшая тогда определенного состава, во второй половине XVII в. начала формироваться в учреждение: вошло в практику пожалование — назначение отдельных думных в «комнату». Таким образом, из членов Боярской думы и внедумных чинов постепенно складывался совет при царе, практически игравший роль своеобразного кабинета. В 1663 г. в него входили Я. К. Черкасский, И. Д. Милославский, С. Л. Стрешнев, П. М. Салтыков, Б. М. Хитрово, Ф. М. Ртищев, А. Л. Ордин-Нащокин, дьяки Ларион Лопухин и Дементий Башмаков.

В 1681 г. из Думы выделилась еще одна составная часть — Расправная палата в составе 15 членов. Она рассматривала апелляции на дела, уже решавшиеся в приказах или местных учреждениях. Расправная палата действовала при Федоре Алексеевиче, Софье и, возобновив работу сразу после свержения царевны в 1689 г., просуществовала до 1694 г. Она являлась постоянной комиссией Думы, имела законодательной закрепленные функции, процедуру решения дел и постоянное присутствие из думных людей во главе с председательствующим. В ней, кроме думных, были и простые дьяки, которые действовали постоянно и с подьячими составляли своеобразную канцелярию для делопроизводства. Эти черты свидетельствуют о происходившей трансформации традиционной системы организации власти и управления в сторону ее бюрократизации. Правда,

состав этой наиболее бюрократизированной боярской комиссии хотя и был стабилен, но ее члены по-прежнему занимали закрепленное место в традиционной иерархии Государева двора, согласно которому они и получали за службу поместные и денежные оклады.

Свидетельством трансформации высших органов власти в сторону их бюрократизации было возникновение в 1701 г. Ближней канцелярии, ставшей органом финансового контроля. Она располагала собственным штатом и присутствием во главе с Н. М. Зотовым, превратившись в канцелярию и место собрания «бояр», позднее названных Петром I «консилиями». Их участники, часть из которых не имела думного чина, именовались «министрами» или «боярами». Консилия министров использовала делопроизводство и штат Ближней канцелярии для оформления и исполнения своих решений. Однако это были различные структуры, соответственно высшего и центрального звеньев управления. Хотя деятельность Консилии развернулась уже после начала Северной войны и продолжалась вплоть до учреждения в 1711 г. Сената, однако типологически это высшее учреждение оставалось в рамках традиционной формы. Для него была характерна нестабильность личного состава, отсутствие правового определения обязанностей «министров», казуальный, а не регламентированный характер разграничения поручений между ними. Но имелись и некоторые черты рационально организованной системы управления: протоколирование дел и скрепление приговоров подписями членов присутствия как свидетельство их личной ответственности за принятые решения, тетрадная форма делопроизводства. К деятельности этого учреждения относится знаменитый указ Петра I 1707 г., предписывавший съезжавшимся в собрание «министрам» подписывать принимаемые ими решения, «что зело нужно... ибо сим всякого дурость явлена будет». Новейшие исследования по истории высших государственных учреждений конца XVII— начала XVIII в. позволяют сделать важный вывод о жизнеспособности и эффективности структур традиционной государственности, справлявшихся в наиболее тяжелый период Северной войны с решением сложных военно-финансовых и хозяйственных вопросов.

Важные перемены в политической жизни Русского государства во второй половине XVII в. были связаны с затуханием деятельности Земских соборов.

В это время созыв Земских соборов стал явлением редким, и их деятельность перестала быть важным фактором политической жизни. Из 57 соборов за более чем столетнюю историю их существования как

учреждения всего шесть приходится на это время. После соборов 1651 и 1653 гг. о русско-польских отношениях и вхождении Левобережной Украины в состав России наступил 30-летний перерыв в их деятельности. В дальнейшем уже никогда соборы не созывались в полном составе и более походили на совещания, в которых принимали участие представители тех сословий, во мнении которых правительство было заинтересовано. В 1681—1682 гг. были созваны 4 сословных совещания ограниченного состава с полномочиями собора по ряду военных и финансово-административных вопросов, отмены местничества, а также наследования престола (апрель

1681 г. — о признании Петра царем, май 1682 г. — Избирательный собор Ивана и Петра и оформление власти Софьи). В конце 1683 — начале 1684 г. был созван последний из известных Земский собор по поводу утверждения договора о мире с Польшей, переговоры о котором велись под Смоленском. Но так как переговоры были прерваны, то собор был распущен, не начав работы. Некоторые историки говорят еще о соборе 1698 г., который упоминается лишь у И. Корба («Дневник путешествия в Московию»). Возможно, Петр I собирался его созвать для следствия и суда над Софьей, но не собрал.

Деятельность этого важного института сословно-представительной монархии отныне пресеклась окончательно.

Отмена местничества. Важным этапом эволюции грсударственного аппарата стала отмена местничества в 1682 г. Этим была реорганизована система пожалований и производства в государственные чины, основанная на феодальном счете «мест» и прежней службе, в том числе других представителей рода, государям. Местничество было отменено, потому что к этому времени в нем перестали нуждаться и верховная власть, и различные служилые «чины». Более того, система местничества закрепляла разобщенность господствующего класса, сословные различия внутри него. Местничество вносило разногласия даже в среду родственников. В акте об отмене местничества («Соборном деянии») подчеркивалось, что распри между отдельными служилыми «чинами» наносят вред и тем, кто их ведет, и государству в целом. Областью, где местничество особенно мешало, была военная служба. Не случайно уже при Иване IV накануне военных походов объявлялся царский указ «быть без мест». Начавшаяся в XVII в. реорганизация армии вела к созданию нового, регулярного войска, руководство которым было невозможно при системе мест. На практике отмена местничества стала результатом деятельности комиссии В. В. Голицына «о ратных делах», незадолго до этого подготовившая проект военного устройства с делением полков не на сотни, а на роты во главе с

ротмистрами и поручиками. При составлении примерного списка командиров и натолкнулись на вопрос о местничестве.

Местничество являлось одной из помех на пути формирования послушной монарху чиновно-дворянской бюрократии, поскольку принципы местничества должен был учитывать и государь при назначении на государственные посты. Например, местническая иерархия лиц и чинов явно сказывалась при росписях дворян и детей боярских по полкам, нередко производимых лично Алексеем Михайловичем.

Местничество становилось неудобным вследствие перемен, происходивших в составе правящей верхушки. Старое боярство постепенно распадалось как за счет происходившего вымирания родов, так и их экономического упадка, а потому местничество теряло свою ценность для этого боярства. Для новой служебной аристократии счет мест не имел смысла. Это, разумеется, не означало, что само явление уже полностью отжило И не было его сторонников.

В 1682 г. на специально созванном «соборном» совещании выборных представителей от всех «чинов» служилого дворянства, членов Боярской думы и церковного собора во главе с патриархом царь Федор Алексеевич официально объявил об отмене местничества. По решению собора разрядные книги, содержащие местнические случаи, были сожжены. Сам факт их сожжения показывает, что институт этот был достаточно живуч, и правительство опасалось его возрождения.

Отмена местничества, бесспорно, облегчила главе государства, будь то Федор Алексеевич (1676—1682), царевна Софья (1682—1689) или правительство Натальи Кирилловны в годы детства Петра, возможность назначений угодных им лиц на различные государственные посты. Этой возможностью они пользовались в период активной придворной борьбы за власть. Пришедшие в 1689 г. к власти Нарышкины осуществили масштабные думные пожалования за счет своих сторонников, подняв их на уровень «властной элиты». С сентября 1689 г. по сентябрь 1693 г. думные чины пополнили 69 человек, т. е. примерно половина списочного состава. Но вместе с тем отмена местничества в течение почти двух последующих десятилетий имела практически очень незначительные последствия. Пожалование в чины шло по давно заведенному порядку, который продолжал почти неукоснительно соблюдаться. Отмена местничества фактически влияла на назначения и перемещения только в рамках отдельных сословных групп (т. е. можно было, например, назначить на какое-то место одного боярина в обход другого или одного думного дворянина вместо другого, не вызывая спора о «местах»). Возможностью

же назначения думного дворянина на место боярина или окольничего правительство до самостоятельного правления Петра почти не пользовалось.

Глава 20. ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО В XVII в.

Православие в XVII в. оставалось религиозной и духовной основой русского общества, определяло разные стороны бытия от государственной идеологии до семейного быта, проникая в повседневную жизнь и боярина, и посадского человека, и крестьянина. Церковь являлась важнейшим институтом феодального общества.

Во главе русской церкви с 1589 г. стоял патриарх. Первыми патриархами в России были Иов (1589—1605), Игнатий (1605—1606) и Гермоген (1606—1612). С 1619 по 1633 г. русскую церковь возглавлял Филарет, с 1634 по 1640 г. — Иоасаф I, с 1642 по 1652 г. — Иосиф, с 1652 по 1658 г. — Никон, с 1667 по 1672 г. — Иоасаф II, с 1672 по 1673 г. — Питирим, с 1674 по 1690 г. — Иоаким, с 1690 по 1700 г. — Адриан. В подчинении патриарха находились митрополиты, архиепископы, епископы, черное (монахи) и сельское и городское белое духовенство. Приходское духовенство по своему экономическому положению было близко к своим прихожанам, основным источником доходов была земля, которую приходилось обрабатывать своими силами. Священники находились в зависимости от епархиальных властей, которым были обязаны платить ежегодные налоги с прихода. Патриарх, монастыри и митрополичьи (епископские) кафедры имели обширные земельные владения, населенные крепостными крестьянами, отбывавшими разные виды повинностей (натуральные, отработочные и денежные) в пользу своих владельцев.

Светская власть пыталась регулировать рост церковного землевладения. Постановления церковных соборов 1580 и 1584 гг. ограничивали рост церковного землевладения, запрещая приобретать, принимать в заклад и получать «на помин души» родовые и выслуженные вотчины светских феодалов. Но сама государственная власть постоянно нарушала эти постановления, давала земельные вклады в монастыри. Церковное землевладение, хотя и гораздо медленнее, чем раньше, но продолжало расти. После Смутного времени правительство Михаила Романова, озабоченное пополнением казны и наделением землей дворянства, тем не менее поначалу подтвердило жалованные грамоты монастырям. Но в 1619 г. был создан Сыскной приказ, который производил пересмотр всех жалованных грамот и новое подтверждение их от имени царя Михаила Федоровича. Правительство не затронуло земельных владений церкви, но ограничило несколько податной иммунитет.

Население монастырских и архиерейских вотчин теперь не освобождалось от таких важных прямых налогов, как ямские и стрелецкие деньги, а также от городового и острожного дела. С церковных владений позднее стали собирать и «полоняничные» деньги, даточных людей или деньги на них; отныне при необходимости производились сборы на военные нужды.

Церковь сохраняла ряд феодальных привилегий, придававших ей определенную независимость от светской власти. Так, само духовенство и зависимые от него люди подлежали суду церкви по всем гражданским и уголовным делам, кроме «разбойных и татиных». Одной из важнейших привилегий церкви было право иметь своих служилых людей. Дворяне и дети боярские занимались управлением церковными имениями и судом. Патриаршие и архиерейские служилые люди получали соответствующее жалованье и земельное испомещение (от 100 до 500 четвертей). Патриарх имел свои приказы, своеобразные аналоги государственным царским учреждениям. Важным центром патриаршего управления был Разряд — приказ, который ведал патриаршими служилыми людьми, определял им денежное и поместное содержание, следил за отбыванием военной повинности с патриарших земель. В этом приказе было объединено все церковное управление, ему подчинялись местные церковные органы, он был во главе судебной системы. Приказы, аналогичные патриаршим, были и у некоторых архиереев. Крупные монастыри имели царские жалованные грамоты, освобождавшие их от платы налогов в архиерейскую казну и архиерейского суда и передававшие их суду царя, а точнее — Приказу Большого Дворца.

Судебная функция оставалась важнейшей прерогативой церкви. Ее юрисдикция касалась всего населения России по так называемым духовным делам. Эти дела включали преступления против религии и церкви, а также все гражданские дела, касающиеся семьи и брака.

Патриарх Филарет как государственный и церковный деятель. Начало укрепления русской церкви после Смугь* связано с именем патриарха Филарета (в миру Федор Ншрггич Романов). Он был не только отцом первого представителя династии Романовых, но и главой русской церкви и политическим деятелем. Двоюродный брат царя Федора Иоанновича Федор Никитич Романов родился около 1556 г., чин боярина он получил в 1587 г., а в 1593 г. стал псковским наместником. Еще при жизни царя Федора Иоанновича Федор Никитич стал реальным конкурентом в борьбе за власть с Борисом Годуновым. В 1600 г. Федор Романов с братьями был обвинен в попытке отравления царя Бориса, а в 1601 г. был пострижен в монахи под именем Филарета. Под именем старицы Марфы

была пострижена и его жена Ксения. При Лжедмитрии I Филарет стал митрополитом Ростовским и Ярославским, а в октябре 1608 г. после разгрома Ростова был захвачен «тушинцами» и оказался в лагере Лжедмитрия II, который сделал его патриархом в подвластных ему землях и городах. После падения Василия Шуйского Филарет оказался среди руководителей Великого посольства к Сигизмунду III, а затем фактически находился в польском плену до Деулинского перемирия. 14 июня 1619 г. митрополит Филарет был торжественно встречен в Москве, а 24 июня 1619 г. поставлен на патриаршество Иерусалимским патриархом Феофаном. Патриарху Филарету был присвоен, как и царю, титул «великого государя». В России сложилась ситуация, когда власть оказалась в руках двух соправителей — отца-патриарха и сына-царя. Патриарх Филарет с его жизненным опытом, умом и энергией играл в этом союзе ведущую роль, Михаил Федорович, даже если бы и захотел, вряд лй мог бы противостоять своему отцу. Это отмечают и современники, писавшие что Филарет «божественное писание отчасти разумел, нравом опальчив и мнителен, а владетелен таков был, яко и самому царю бояться его; бояр же всякого чина людей царского синклита зело томляше заключениями... и иными наказаниями; до духовного же чину милостлив был и не сребролюбив, всякими же царскими делами и ратными владел».

Во внешней политике правительства Филарета важнейшей задачей стала проблема возвращения Смоленска. Экономическое положение церкви в годы патриаршества Филарета неуклонно укреплялось. В 1622 г. был принят указ о закреплении за монастырями вотчин, купленных и данных им после 1580 г., но не позднее 1613 г. Вотчины, данные после этого срока, выкупались царской казной. В 1628 г. специальным указом был снят запрет на покупку вотчин. По приговору 1619 г. посадские люди, ушедшие из белых слобод, принадлежавших в том числе и монастырям, подлежали возвращению. Определенные льготы по налогообложению получили некоторые монастыри, пострадавшие в годы Смуты (например, Соловецкий монастырь). В 1625 г. Филарет получил несудимую грамоту на патриаршии владения, что означало исключительное право суда по всем делам, кроме тяжких уголовных преступлений, которому подлежало духовенство и все население патриарших вотчин. Функции управления ими при Филарете были возложены на вновь образованные патриаршие приказы — Дворцовый, Казенный и Разрядный. Не следует видеть в этом стремление к усилению самостоятельности церкви. Напротив, деятельность патриарха была направлена на то, чтобы создать единую систему управления, усиливающую царскую власть и государство.

Среди церковных дел, с которыми пришлось разбираться патриарху Филарету, было дело о книжных исправлениях, произведенных архимандритом Троице-Сергиева монастыря Дионисием Зобниновским (тем самым человеком, который руководил героической обороной монастыря), старцем Арсением Глухим и священником Иваном Наседкой. Им было поручено сверить русский текст Требника и других книг с греческими образцами и исправить погрешности в русских книгах. Ими и были выявлены ошибки в церковных книгах. Так, в чине великого освящения воды в молитве: «...и освети воду сию Духом Твоим святым» прибавлялось еще — «и огнем». Это прибавление было справщиками устранено с подробными обоснованиями. Однако Крутицкий митрополит Иона и его сторонники обвинили справщиков в еретичестве и подвергли церковным наказаниям. Патриарх Филарет на Церковном соборе после всестороннего рассмотрения оправдал архимандрита Дионисия и его сотрудников. В решении этого вопроса Филарет проявил большую осторожность. Не обладая фундаментальным богословским образованием, он передал рассмотрение спорного вопроса Иерусалимскому и Александрийскому патриархам. Последние не спешили с ответом. И только в 1625 году, заручившись их поддержкой, Филарет приказал вымарать в русских книгах фразу «и огнем».

В церковном вопросе о принятии в православие бывших католиков и униатов (повторном крещении), а также в разрешении ситуации, как поступать с православными из Белоруссии, Литвы, Малороссии и Польши, Филарет проявил себя решительным борцом против «латинства». Почти восьмилетнее пребывание его в польском плену сделало Филарета ярым противником польского влияния в любой форме.

Церковная деятельность патриарха Филарета была направлена и против пережитков язычества (игрищ и колядования), которые подрывали авторитет церкви. В 1629 г. Филарет издал указ, чтобы «с кобылками не ходити и на игрища мирские люди не сходились, тем бы смуты православным крестьянам не было». Неповиновение означало царскую опалу и наказание от церковных властей.

Большое внимание в годы патриаршества Филарета уделялось книжному делу; при нем было издано богослужебных книг больше, чем за всю предшествующую историю книгопечатания. Некоторые издания вызвали споры среди книжников из патриаршего окружения. В 1626 г. был напечатан Катехизис литовского протопопа Лаврентия Зизания (его брат Стефан был известным борцом против унии и католицизма в Вильно). «Прение» с игуменом Ильей и книжным справщиком Григорием

Анисимовым показало арианские заблуждения, антитринитарную сущность воззрений Лаврентия Зизания. Его Катехизис был отвергнут, а напечатанные экземпляры сожжены. Такая же судьба постигла и «Евангелие учительное» монаха из Киева Кирилла Транквиллиона, в котором московские ревнители старины, вслед за киевскими, усмотрели еретические «уклонения». По указу царя и патриарха в 1628 г. был введен запрет на ввоз в Россию книг «литовской печати» (типографий Львовской, Виленской, Супрасльской и др.) и проведена конфискация их у церквей и населения. При патриархе Филарете уже обозначились будущие противоречия и богословские споры середины столетия.

Филарет действовал в первую очередь как политический деятель, в интересах государства и династии Романовых, укрепляя церковь как часть государственного механизма. Но ему не удалось преодолеть рост антицерковных настроений и религиозного индифферентизма, проникших в разные слои общества еще в Смутное время. Так, с критикой религиозных обрядов и догм выступал князь Иван Хворостинин, дважды наказанный за это ссылкой в монастыри. К 30-м гг. относятся сведения о монахе Капитоне и его последователях, в основном из крестьянской среды, которые проповедовали приход в мир Антихриста и скорый конец света. Они отрицали православную церковь и ее таинства, призывали к уходу от мира, считали аскезу (вплоть до самоубийства) единственным способом приобщения к Богу и путем спасения. В XVII в. появляется секта «хлыстов», которые также не признавали церкви, обрядов и духовенства. По их учению «второе пришествие» уже свершилось: их общины («корабли») — ячейки «царства Божия»; Христос, Богородица, апостолы провозглашались ими из своей среды. Хлыстовщине характерно было противопоставление духа и плоти, отрицание внешнего материального мира как мира Антихриста, умерщвление плоти, углубление в самого себя. Мистико-дуалистическая секта «хлыстов» имела своих сторонников среди зажиточного крестьянства и купечества.

Внутренняя жизнь церкви в 30—40-е гг. XVII в. Вопрос об исправлении церковных книг и обрядов. Падение авторитета церкви осознавалось и некоторыми представителями духовенства. В 1636 г. девять нижегородских священников подали патриарху Иоасафу грамоту, в которой указывалось на церковные беспорядки и предлагались способы их исправления. Челобитчики обличали духовенство в невежестве и пьянстве, что, по их мнению, являлось основной причиной того, что службы велись без соблюдения правил и устава. Во время службы в целях ее сокращения читали и пели одновременно на несколько голосов, поэтому в церкви царил

невообразимый шум, что вело к дальнейшему падению благочестия в народе. Священники считали, что пережитки язычества, пьянство; безнравственность являлись результатом отсутствия христианского воспитания среди прихожан, которое они должны были получать во время литургии. Примечательно, что призыв к переменам в церковной жизни, обращенный к епископату, шел от провинциального приходского духовенства. Патриархом Иоасафом I в ответ на эту челобитную была разослана «память», в которой священникам указывалось на необходимость более внимательно относиться к церковной службе, литургию служить на два-три голоса.

В годы патриаршества Филарета и его ближайших преемников продолжалось развитие печатного дела: в 1620— 1640-х гг. московским Печатным двором было выпущено 190 изданий церковных книг. Тематика изданий расширилась, печатались не только богослужебные книги. Сложился и круг активных сотрудников, работавших на этом поприще: священник Иван Наседка, монах Арсений Глухой, протопоп Михаил Рогов, Шестак Мартемьянов, Захарий Афанасьев, инок Савватий. В 1640 г. вышло первое издание трудов Иоанна Златоуста «Маргарит». В развитии религиозных настроений, особенно эсхатологических ожиданий, большую роль сыграло издание «Сборника» 1644 г., известного под названием «Кирилловой книги». «Сборник» включал многочисленные статьи западнорусских и московских авторов, направленные в защиту православного учения от католичества и протестантизма. В сборнике развивалась тема критических дат в истории церкви, в том числе назывался и 1666 г. как время приближающегося церковного кризиса, который может увенчаться победой Антихриста.

Религиозные разногласия приобретали иногда политический резонанс. Именно религиозные споры помешали заключению брака царевны Ирины Михайловны с протестантом датским принцем Вальдемаром в 1644 г. Спор между пастором М. Фильхабером и русскими защитниками православия закончился полным разногласием сторон. Православные богословы были обвинены в незнании Священного Писания, греческого и латинского языков и вообще в недостатке образования. Не принимая подобных обвинений по существу, церковные и светские власти вынуждены были признать, что России необходимо глубокое усвоение православной греческой культуры, что невозможно без создания учебных заведений разного уровня.

В середине 40-х гг. в Москве образовался кружок «ревнителей благочестия», или «боголюбцев», во главе с царским духовником,

настоятелем кремлевского Благовещенского собора протопопом Стефаном Вонифатьевым. Среди «ревнителей благочестия» оказались лица духовные и светские, столичные и провинциальные. Из московских членов кружка наиболее видными были окольничий Ф. М. Ртищев, архимандрит Новоспасского монастыря Никон, протопоп Казанского собора Иван Неронов, дьякон кремлевского Благовещенского собора Федор. Из провинциальных «боголюбцев» выделялись протопопы Аввакум из Юрьевца Поволжского, Даниил из Костромы, Лазарь из Романова, Логгин из Мурома. Молодой царь Алексей Михайлович, находившийся под большим влиянием Стефана Вонифатьева, явно благоволил «ревнителям». Их церковная программа имела своей целью упрочение православных ценностей (единогласие, литургическое единообразие, церковная проповедь, исправление ошибок и разночтений в книгах), борьбу с языческими обычаями, повышение религиозно-нравственного уровня как черного и белого духовенства, так и прихожан за счет оцерковления всех сторон жизни. Эти идеи они рассматривали сквозь призму особой роли и ответственности Москвы за судьбы православия в соответствии с представлениями о Москве как Третьем Риме.

Патриарх Никон. Начало церковной реформы. Среди «боголюбцев» были сильные личности, истинные подвижники, способные за идею идти до конца. Одной из таких ярких фигур был будущий патриарх Никон. Его путь к патриаршей кафедре — удивительное переплетение случайностей и закономерностей. Никон (в миру Никита Минич) родился в 1605 г. в селе Вельдеманове в крестьянской семье. Рано узнав горечь сиротства, проведя отроческие годы в Макарьевом Желтоводском монастыре, он стал священником вначале в нижегородских местах, а с 1627 г. в Москве. Потеряв троих малолетних детей, он решил уйти из мира. Уговорив и жену постричься в монастырь, он отправился в Анзерский скит, расположенный на Белом море, близ Соловецкого монастыря. Здесь в тридцать лет он принял постриг. Наставником Никона стал старец Елиазар, известный своей суровостью подвижник, от которого Никон в 1639 г. уйдет и найдет новое пристанище около небольшого Кожеозерского монастыря. Вначале он будет вести жизнь пустынника на острове, а в 1643 г. станет во главе этой обители. Когда Никон в 1646 г. по монастырским делам приехал в Москву, он близко познакомился с Вонифатьевым и другими «ревнителями благочестия», их программу он принял целиком. Его ум, энергия, взгляды на роль церкви и пастыря произвели сильное впечатление на юного царя, который способствовал поставлению Никона архимандритом придворной обители Романовых Новоспасского монастыря,

одного из самых почитаемых в Москве. С этого времени Никон вступил на стезю учительства и наставничества в миру, что наиболее полно отвечало его характеру, темпераменту и желаниям. Дальнейшее восхождение по ступеням церковной иерархии будет стремительным: в 1649 г. он станет Новгородским митрополитом, а в 1652 г. «собинный друг» самого царя будет избран патриархом.

Никон относится к тем историческим фигурам, о которых невозможно писать беспристрастно. Таким примером может служить характеристика, данная Никону историком церкви Георгием Флоровским: «Никон принадлежит к числу тех странных людей, у которых словно нет лица, но только темперамент. А вместо лица идея или программа. Вся личная тайна Никона в его темпераменте. И отсюда всегдашняя узость его горизонта. У него не бьио не только исторической прозорливости, но часто даже простой житейской чуткости и осмотрительности. Но в'нем была историческая воля...» В. О. Ключевский оценивал Никона иначе: «... это — довольно сложный характер. В спокойное время, в ежедневном обиходе он был тяжел, капризен, вспыльчив и властолюбив, больше всего самолюбив. Он умел производить громадное нравственное впечатление. По своим умственным и нравственным силам он был большой делец, желавший и способный делать большие дела, но только большие...»

Во второй половине 40-х гг. были заложены основы разногласий, впоследствии потрясших разные слои русского общества. Поставив на церковном соборе 1649 г. вопрос о введении единогласия, Вонифатьев и его сторонники потерпели поражение. Не только патриарх Иосиф и большинство епископата, но и приходское духовенство опасались введения единогласия, считая, что эта мера оттолкнет верующих от церкви. С точки зрения современников, тому были причины. В записках дьякона Павла, сына Антиохийского патриарха, долгое время жившего в России, отмечалось, что патриаршие богослужения продолжались до семи часов кряду, выстоять их физически было невозможно. Такая служба, которая и в будний день занимала несколько часов в церкви, не считая чтения молитв дома, вряд ли могла быть доступна простым прихожанам, занятым заботой о хлебе насущном.

Используя свое влияние на Алексея Михайловича, «боголюбцы» добились от царя и патриарха ряда строгих указов, в которых обличалось скоморошество и другие «богомерзкие игры», запрещалось работать в воскресные и праздничные дни, требовалось неукоснительно соблюдать посты, исповедоваться и причащаться. Объединение усилий светской и церковной властей в деле воспитания благочестия у духовенства и

прихожан не могло дать немедленного положительного результата. В 1651 г. (после обращения к Константинопольскому патриарху) Церковный собор принял решение о запрещении многогласия и введении единогласия: «Пети во святых Божиих церквах чинно и безмятежно... единогласно, Псалтирь и псалмы говорить в один голос, неспешно и тихо». Успехи, одержанные «боголюбцами», не вызвали поддержки прихожан. В 1652 г. в Юрьевце против действий протопопа Аввакума вспыхнули беспорядки среди местного населения, включая администрацию, горожан и духовенство. Бунт, направленный против протопопа Даниила, произошел в Костроме; столкновения с паствой были у Логгина Муромского и Даниила Темниковского.

Взгляд «ревнителей благочестия» на «нестроения» в современном им состоянии русской церкви наталкивался на отсутствие системы богословского образования и вообще богословски образованных людей в России. Своими силами решить этот вопрос было трудно. Одним источником учености было греческое духовенство, регулярно приезжавшее в Москву за материальной помощью. Их радушно принимали и помогали им) но относились к ним настороженно, считая, что их православие пострадало от «латинства». Поэтому более закономерным было обращение к украинской православной церкви, которая в борьбе с католицизмом и униатством опиралась на православные «братские школы», а с 1632 г. и Киевскую духовную академию. В создавшейся ситуации заезжие греки и выходцы из Малороссии начинают активно привлекаться к литературной, переводческой и преподавательской работе. Стараниями Ф. М. Ртищева в Андреевском монастыре была открыта школа, где украинские монахи обучали славянской и греческой грамматике, риторике и другим наукам. Среди справщиков Печатного двора в 1649 г. появились ученые монахи Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский, Евфимий Чудовский, Дамаскин Птицкий, Арсений Грек.

Кружок «ревнителей благочестия» к концу 40-х гг. потерял былое единомыслие. Одни (Неронов, Аввакум) стояли за верность традициям и святорусскому православию, правке книг по древнерусским рукописям, другие (Вонифатьев, Никон, Ртищев), грекофилы, считали возможным через украинское посредничество обращение к греческим (но не новогреческим) образцам и уставам. Спор только на первый взгляд имел обрядово-догматический характер, за ним стоял вопрос о главенстве в православном мире. Никон признавал, что Россия, чтобы осуществить свою мировую миссию, должна усвоить как можно скорее ценности православной греческой культуры. Его противник Аввакум полагал, что

Россия — Третий Рим и не нуждается ни в каких внешних заимствованиях. Существо разногласий между прежними единомышленниками сводилось, по мнению историка русской церкви А. В. Карташова, к следующему: «Теократическая идеология «единого вселенского православного царя всех христиан» толкала московских царей на пути сближения с греками и всеми другими православными. А доморощенная Москва, загородившая свое православие стенами, не пускала своих царей на вселенское поприще». Вонифатьев и его сторонники в этом споре в конце концов одержали победу.

Поддерживая церковь, правительство тем не менее предпринимало решительные шаги по ликвидации ее феодальных привилегий. Во-первых, по Соборному уложению 1649 г. были конфискованы городские владения духовных феодалов, так называемые белые слободы, торгово-ремесленные слободы и дворы на посадах. Таких владений было не менее 3620 дворов, что составляло 80% всех городских владений крупных духовных вотчинников. Духовенству и церковным учреждениям было запрещено приобретение новых земельных владений, нарушение этого запрета влекло за собой конфискацию купленной или подаренной вотчины. Строго говоря, на практике это запрещение нарушалось. Рост церковного землевладения продолжался, в том числе и за счет царских пожалований. Соборное уложение лишило церковь привилегий в области суда и управления. Во-вторых, по Уложению только за патриархом в патриарших вотчинах сохранялись права управления и суда над патриаршими служилыми людьми и населением. Высшей апелляционной инстанцией по отношению к патриаршему суду был суд царя и Боярской думы. Патриаршие люди подлежали светскому суду только в том случае, если иск касался людей, живших не на патриарших землях. В-третьих, по Соборному уложению все церковные и монастырские земли были переданы в ведомство вновь созданного Монастырского приказа. В его ведение был отдан суд по гражданским делам над духовенством и зависимыми от него людьми. Кроме того, они должны были предъявлять свои иски к посторонним лицам в соответствующих приказах по подсудности ответчика, там же они отвечали на встречные иски. По мелким гражданским делам (до 20 руб.) эти люди были подсудны даже воеводскому суду. За церковью сохранялся суд по духовным делам и утверждение духовных завещаний. Монастырский приказ был государственным органом, независимым от церковных властей. Во главе приказа были поставлены царские окольничие и дьяки. Созданный как судебный орган, Монастырский приказ в дальнейшем сосредоточил и административные функции, касающиеся

внутрицерковной и монастырской жизни. Прямое вмешательство светской власти в дела церкви и наступление государства на привилегии крупных духовных собственников не могло не вызвать с их стороны недовольства.

Если экономически церковь понесла некоторые потер» то идеологически ее позиции в середине века укреплялись. В 1652 г. произошли события, в которых церковные и светские власти были заинтересованными участниками и организаторами. Речь идет об обретении мощей Саввы Сторожевского и перенесении в Успенский собор праха патриархов Иова и Гермогена, а также мощей митрополита Филиппа из Соловецкого монастыря. Особое значение Никон, который стоял за всем этим, придавал культу митрополита Филиппа. Как известно, митрополит не побоялся выступить против самого Ивана Грозного, отстаивая право на собственное мнение о делах светских правителей. Алексей Михайлович публично перед гробом митрополита просил прощения за вину своего прадеда. Покаяние светской власти было воспринято Никоном и его сторонниками как утверждение авторитета власти церковной.

После смерти патриарха Иосифа летом 1652 г. реальными кандидатами на патриаршую кафедру были Стефан Вонифатьев и новгородский митрополит Никон. Отказ Вонифатьева, поддержка «ревнителей благочестия», нескрываемое желание самого царя склонили чашу весов в пользу Никона. Новоизбранный патриарх поначалу отказывался, и только после того, как Алексей Михайлович просил его «быть в патриархах» в Успенском соборе, а все присутствующие, включая царя, пали на колени, Никон позволил себя уговорить. Но при этом он взял с просителей клятву слушаться его как главного архипастыря во всем, что касается «догматов Божиих» и дел церковных. Признание роли патриарха и в государственных делах отразилось в титуле «великий государь», которым он был наделен.

С патриархом Никоном связано начало реформирования церковной жизни, выразившееся в изменении обрядов и «книжной справе». Сам Никон воспринимал свою деятельность гораздо шире, как возвращение к основам христианского вероучения и утверждение истинного места священства в православном мире. Первые шаги Никона на патриаршем поприще были направлены на нравственное оздоровление общества. Патриарх выступил с инициативой издания указа, запрещающего продажу спиртных напитков в праздничные и постные дни в городах. Закрывались также питейные дома (разрешено было оставить лишь один питейный дом на весь город), строго воспрещалось продавать водку монахам и священникам. Никон обрушил свой гнев на иностранцев, видя в них носителей католицизма и протестантизма. Он добился выселения

иноверцев в специальную Немецкую слободу, построенную на берегу Яузы.

Необходимость проведения реформы церковных обрядов была связана с расхождениями в обрядах восточной и Русской православных церквей. Вопрос имел не только внутрицерковное значение, но в условиях начавшейся борьбы с Речью Посполитой за присоединение Украины и роли России в объединении всех православных христиан он приобретал и политическое звучание.

Причины расхождений между восточной и Русской православными церквями имели исторические корни. Восточная церковь знала два сильно отличавшихся между собой устава: Иерусалимский, составленный в V в., и Студийский (Константинопольский). Русь восприняла из Византии Студийский устав, который преобладал в X в. на момент принятия Русью христианства. В XII—XIII вв. в Византии утверждается Иерусалимский устав. Некоторые попытки следовать за происходящими изменениями в греческой церкви делались при митрополитах Фотии и Киприане, но обрядовая реформа не была завершена. После завоевания Константинополя турками Москва стала считать себя хранительницей истинного православия, продолжая жить по старым обрядам, записанным в богослужебных книгах и утвержденным решениями Церковных соборов. В XVII в. при ближайшем рассмотрении церковной службы и обряда выявились многочисленные расхождения между русской и греческой церквами. Они касались вопросов о том, как креститься — двумя перстами или тремя, обходить священникам амвон «посолонь» (по солнцу) или против, писать Исус или Иисус, класть земные или поясные поклоны, петь аллилуйю два или три раза и т.д. В споре по каким книгам править: древнерусским, на чем настаивали Аввакум и другие провинциальные «боголюбцы», или греческим — вопрос был решен в пользу последних. Такое решение было принято Церковным собором, созванным Никоном в 1654 г. И хотя церковные обряды, основанные на древнерусской рукописной традиции, были старше современных им греческих, книжная правка и введение изменений в церковной практике пошли по пути подчинения русского обряда греческому.

Начало церковной реформы принято связывать с февралем 1653 г., когда перед началом Великого поста патриарх Никон разослал по московским приходам «память», из которой следовало, что во время молитвы «Господи и владыко живота моего» (молитва святого Ефрема Сирина) вместо шестнадцати нужно класть только четыре земных поклона, а остальные поклоны должны быть поясными, также рекомендовалось

креститься не двумя, а тремя перстами. Изменения касались обрядовой стороны, но были восприняты многими верующими как посягательство на чистоту православия. Так, один, теперь уже из бывших сторонников Никона, протопоп Аввакум выразил настроение, охватившее многих «боголюбцев»: «Мы, сошедшиеся со отцы, задумалися; видим, яко зима хощет быть: сердце озябло и ноги задрожали». Выступления провинциальных «ревнителей благочестия» и протопопа Казанского собора Ивана Неронова против нововведений Никона привели к первым опалам и ссылкам. Так, был расстрижен и сослан Логгин из Мурома, отправлен в ссылку в Сибирь протопоп Аввакум, выслан в далекий Спасо-Каменный монастырь Неронов, принял постриг Стефан Вонифатьев, был лишен митрополичьей кафедры и замучен епископ Коломенский Павел.

Сопротивление, с которым столкнулся Никон, побуждало его к еще более решительным действиям. В 1654 г. патриарх приказал изъять из домов иконы, написанные на «фряжский манер», поступившие в Россию в основном через Украину и Литву. У таких икон патриаршие служители выкалывали глаза, а затем патриарх в Успенском соборе, назвав имя владельца, разбивал иконы о каменные плиты пола. Только вмешательство Алексея Михайловича спасло иконы от сожжения, их разрешено было зарыть (похоронить) в земле. В этом инциденте слились воедино, с одной стороны, особое иконопочитание, отношение к иконе как к живому существу, доходившее до фетишизации; с другой стороны, реакция церкви на начавшееся обмирщение культуры и желание Никона идти напролом, сметая все на своем пути. В 1656 г. решением Церковного собора было подтверждено отлучение от церкви всех, кто крестится двумя перстами. В церковный обиход вводился новый Служебник, в основание которого было положено греческое венецианское издание 1602 г., что вызвало множество разночтений по сравнению с прежними русскими богослужебными книгами. Итак, книжная «справа» на практике, несмотря на принятые рекомендации, не учитывала ни древнерусскую рукописную традицию, ни древние греческие рукописи, привезенные монахом Арсением Сухановым с Афона в начале 50-х годов. Объясняется это, по-видимому, тем, что штат редакторов Печатного двора, киевских монахов во главе с Епифанием Славинецким, просто не в состоянии был справиться с колоссальным объемом работы. Текстологическая сверка текстов в сотнях рукописей требовала многолетних трудов, а патриарх в условиях начавшейся реформы церкви требовал скорейшего результата. Из печатных предисловий видно, что справщики переводили сначала печатный греческий текст, беря его за основу, а затем пытались его сопоставлять с некоторыми древними

греческими и древнерусскими рукописями. При каждом новом переиздании привлекалась к сравнению новая группа текстов, поэтому появлялись новые разночтения в Служебниках. Правка по новогреческим книгам была заведомо неприемлема для борцов за сохранение истинного православия.

Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон: от союза к противостоянию. Никон и начатая им церковная реформа пользовались поддержкой Алексея Михайловича. Царя и патриарха долгое время связывали отношения полного доверия и глубокого уважения. Начало 50-х гг. можно назвать (хотя и с оговорками) возвращением к известному положению «симфонии властей», нарушенному Иваном IV. Считая себя наследницей Константинополя, Москва усвоила и некоторые представления о взаимоотношении власти с церковью. Божественное происхождение царской власти предполагало обожествление ее носителя. Царская власть должна была заботиться не только о государственных делах, но и о процветании православной веры и церкви. Московские государи в XVII в. продолжали следовать доктрине «Москва — Третий Рим», одной из основополагающих идей которой была особая миссия Москвы — создание единой православной державы, которая объединит все православные народы. Стремление помочь православному населению Украины и Белоруссии, а в перспективе объединить православные народы, оказавшиеся под игом Османской империи, определило позицию Алексея Михайловича в отношении начавшейся реформы церкви. В исправлении русских обрядов и замене их греческими Алексей Михайлович усматривал облегчение непростого процесса перехода православного мира под власть «Третьего Рима». Приезжавшие в Россию за «милостыней» восточные патриархи подогревали честолюбивые замыслы царя, сравнивали его с Моисеем, который освободит православные народы от плена «нечестивых».

Светскую и духовную власть патриарх Никон рассматривал как «богоизбранную и богомудрую двоицу». В первые годы русско-польской войны, в 1654—1656 гг., во время продолжительного отсутствия в Москве царя, вся полнота власти сосредоточилась в руках патриарха. Титул «великого государя» фактически давал право на соправительство, которым патриарх Никон пользовался, решая дела не только церковные, но и государственные. В приговорах Боярской думы по гражданским и военным делам появилась такая формулировка: «...святейший патриарх указал и бояре приговорили». Не чуждый роскоши, Никон постоянно пополнял патриаршую ризницу (один из его саккосов из венецианской парчи, усыпанный жемчугом и драгоценными камнями, весил полтора пуда). При

Никоне значительно расширились земельные владения патриаршей области, в которую входило 85 городов. Особым положением в патриаршем «домене» пользовались лично им созданные монастыри — Иверский, Крестный и Воскресенский (Новоиерусалимский).

В кругах, близких к патриарху, предпочтение отдавалось идее «Москва — Новый Иерусалим», в которой первое место принадлежало духовной власти. Сама идея была не нова, она появилась в общественной мысли еще в конце XV в., пользовалась популярностью при патриархе Филарете. Но Никон придал этой идее откровенно теократическое звучание. Если в концепции «Москва — Третий Рим» главенствующею роль принадлежала царской власти, имперской идее, то «Новый Иерусалим» выносился за пределы и царствующего града, и самодержавной власти. Рядом с Москвой по замыслу Никона создается новый центр святости, наделенный вселенским смыслом. Вся символика и архитектура Новоиерусалимского монастыря была пронизана идеей Вселенской церкви во главе с русским патриархом. Кроме копирования Иерусалимского храма Гроба Господня, алтарь в этом соборе имел пять приделов с пятью престолами для всех православных патриархов. Один из престолов Никон предназначил для себя — первого из вселенских патриархов. И хотя обе идеи «Москва — Третий Рим» и «Москва — Новый Иерусалим» имели общую цель создания православного царства, расхождения в вопросе о главенстве между светской и духовной властями вели не только к идейным разногласиям.

Конфликт между Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном, приведший к разрыву их отношений, назревал постепенно. Обращаясь к этому напряженному моменту взаимоотношений светской и духовной власти, исследователи обычно исходят из столкновения двух личностей, наделенных сильными характерами. Среди множества объективных причин можно отметить и неудачный совет патриарха начать войну со Швецией, и недовольство Никоном в среде боярства и высших церковных иерархов, и не скрываемое патриархом желание подчеркнуть автономию церкви и свою исключительную роль не только в делах священства. Напряженность в отношениях между царем и патриархом наметилась в 1656 году. Прежде доверительные отношения становятся холодными и сугубо официальными, Никона отстраняют от участия в государственных делах. Поводом для ссоры явился, казалось бы, незначительный факт. 6 июля 1658 г. в Кремле во время встречи грузинского царевича царский окольничий Богдан Хитрово ударил палкой патриаршего стряпчего князя Дмитрия Мещерского. Никон потребовал от Алексея Михайловича немедленно

разобраться и наказать виновного. Царь пообещал, но обещания не исполнил. Последней каплей стало объявление патриарху 10 июля князем Юрием Ромодановским о царском гневе. Никону запрещено было называть себя «великим государем», поскольку «у нас един великий государь — царь». В тот же день теле окончания службы в Успенском соборе Никон объявил о том, что он оставляет патриаршую кафедру. Сменив облачение патриарха на монашескую одежду, Никон покинул Москву и уехал в Новоиерусалимский монастырь. При этом он объявил, что оставляет патриаршую кафедру, а не архиерейство. В церкви на протяжении восьми с лишним лет существовала двусмысленная ситуация: формально патриархом оставался Никон, который фактически не исполнял патриаршие функции.

«Дело» патриарха Никона. Церковный собор 1666— 1667 гг. Выяснение отношений царя и патриарха затянулось, приняв форму ожесточенного идейного спора о месте церковной и светской власти. После разрыва с царем Никон обрушился с резкой критикой на Соборное уложение 1649 г., называя его «беззаконной книгой». Он призывал духовенство не признавать мирской суд. Он обвинял Алексея Михайловича во вмешательстве в церковные дела: «Егда глава есть церкви царь? Ни, но глава есть Христос... Царь не есть, не может быть глава церкви... Да где есть закон и воля Божия, еже царям или вельможам судити архиереев и прочий священный чин и достояние их?» В письме к Константинопольскому патриарху Дионисию, отправленном тайно в 1665 г., он обличал царя: «Когда повелит царь быть собору, то бывает, и кого велит избрать и поставить архиереями, избирают и поставляют, велит судить и осуждать — судят, осуждают и отлучают». Противостояние приобрело принципиальный характер. Никоном была высказана мысль, что священство выше царства: «Господь Бог всесильный, егда небо и землю сотворил, тогда два светила — солнце и месяц на нем ходяще, на земли светити повеле: солнце нам показа власть архиерейскую, месяц же показа власть царскую, ибо солнце вящи светит во дни, яко архиерей душам, меньшее же светило в нощи, еже есть телу». Теократическая позиция Никона в условиях становления абсолютизма не могла найти поддержки у светской власти. Амбициозность и «тиранство» Никона вызвали оппозицию ему и со стороны епископата.

Никон покинул патриарший престол с тайной надеждой, что царь позовет его в Москву. Но Алексей Михайлович поступил иначе. В 1660 г. по инициативе царя был собран Церковный собор, который вынес решение лишить Никона сана патриарха за безответственное оставление

святительского престола. Но решение это было подвергнуто сомнению таким церковным авторитетом, как Епифаний Славинецкий, который высказал мнение, что решить вопрос об архиерействе Никона может только собор с приглашенными на него восточными патриархами. В конце 1666 г. при участии восточных патриархов — Антиохийского Макария и Александрийского Паисия на Поместном соборе Никон был осужден за самовольное оставление патриаршей кафедры, низложен и простым монахом сослан в Ферапонтов монастырь. Только в 1681 г., уже при царе Федоре Алексеевиче, тяжело больному Никону было разрешено возвратиться в Новоиерусалимский (Воскресенский) монастырь. Но до своей любимой обители Никон не добрался, он умер в пути.

Суд над Никоном, его осуждение и удаление из Москвы не принесли Алексею Михайловичу окончательной победы над никоновскими идеями. На Церковном соборе в 1667 г. с положением о том, что «степень священства выше степени царства», выступили Крутицкий митрополит Павел и Рязанский архиепископ Иларион. В результате долгих споров, в которые были вовлечены восточные патриархи, пришли к решению, что царь имеет преимущество в делах гражданских, а патриарх — церковных. Собор избрал нового патриарха, им стал архимандрит Троице-Сергиева монастыря Иоасаф.

Решения собора 1667 г. закрепили принцип независимости духовной власти от светской. Церкви удалось вернуть некоторые из утерянных привилегий. Духовенство было освобождено от светского суда: от суда светских учреждений и от суда светских чиновников архиереев. Из патриаршего Разрядного приказа выделили Духовный приказ, который занимался судом над духовенством по всем делам; приказ возглавляли духовные лица, назначаемые патриархом. Фактически Монастырский приказ был лишен судебной функции (окончательно он был упразднен в 1677 г., а его функции переданы приказу Большого дворца). Наступление государства на позиции церкви было пока приостановлено. В то же время церковь не возражала против вмешательства государства в преследование антицерковных движений. Собор 1666—1667 гг. отменил ряд церковных правил, принятых еще Стоглавым собором 1551 г., осудил старообрядцев как людей, отказывающихся повиноваться авторитету официальной церкви, отлучив от церкви и предав их светскому суду. Старообрядческое движение сильно ослабляло церковь, поэтому поддержка государства была ей необходима.

Раскол Русской православной церкви и старообрядчество. Официально раскол как религиозно-общественное движение существует со

времени принятия решений собором 1667 г., фактически — с начала проведения церковной реформы. В научных трудах по истории раскола исследователи поразному определяют причины, идейное содержание и значение этого явления. Одни понимают раскол как движение исключительно церковное, отстаивающее «старину»; другие видят в нем сложное социокультурное явление в форме церковного протеста, в котором наряду с традиционными были идеи, обусловленные временем. Оценка раскола и старообрядчества не может быть однозначной. В этом движении сплелись воедино обряд и идеи, религиозное и социальное, поступки и эмоции людей. Трагизм происходившего был связан не только с тем, что раскололась церковь, но с тем, что раскололось русское общество. Создалась ситуация, когда идеи разделили народ.

Старообрядцы (так стали называть сторонников древнерусской церковной традиции) включали представителей разных групп населения: белого и черного духовенства, боярства, посадских людей, стрельцов, казачества, крестьянства. По разным оценкам, в раскол ушло от одной четверти до одной трети населения. Старообрядчество дало русскому обществу новый тип личности: страдальца за веру, подвижника и мученика.

Крупнейшим представителем раннего старообрядчества был протопоп Аввакум Петров, вся жизнь которого была служением идее. Он родился в 1620 г. в селе Григорово под Нижним Новгородом. Став священником, в 1642 году был рукоположен в дьяконы, в 1652 г. был возведен в протопопы. Сблизившись с «ревнителями благочестия», он из Юрьевца Поволжского перебирается в Москву, где служит в Казанском соборе. Аввакум оказался в числе самых первых противников никоновской реформы, проявивших неповиновение авторитету церкви. В 1653 г. он и его семья были отправлены в ссылку в Сибирь, вначале в Тобольск, а затем в Енисейск, Братский острог, Даурию. В Сибири Аввакум претерпел жестокие лишения и страдания за веру, но несломленным был возвращен в Москву в 1664 году. Царь поначалу встретил ласково Аввакума, видя в нем в первую очередь противника патриарха Никона. Но Аввакум вскоре обнаружил, что реформы никто не собирается отменять, и снова выступил за старую веру. Его гонения продолжились, с семьей его сослали на север, на Мезень. В 1666 г. он был привезен на Церковный собор, на котором Аввакума и его сподвижников расстригли, предали анафеме и сослали в Пустозерск. Место ссылки стало идейным центром старообрядчества, откуда послания пустозерских старцев рассылались в разные уголки России. 14 апреля 1682 г. протопоп Аввакум и его соузники — дьякон Федор, протопоп Лазарь и инок Епифаний — были казнены, их сожгли в срубе.

Религиозно-философские взгляды протопопа Аввакума отразились в его многочисленных произведениях: «Книге бесед», «Книге толкований и нравоучений», «Книге обличений», посланиях, автобиографическом «Житии». Секрет необычайной популярности Аввакума таился в том, что он выразил многое из того, что волновало всех, особенно людей зависимых, униженных, тех, кто видел в церковных новшествах причину своих бед и страданий. Причем выразил страстно, простым народным языком, показав всей своей жизнью, что значит пострадать за веру.

Вторая половина XVII в. дала целый ряд ярких личностей расколоучителей — Спиридон Потемкин, Иван Неронов, Федор Иванов, Лазарь, Епифаний, Евфросин, Авраамий, Никита Пустосвят. Особое место среди них занимают женские фигуры, в первую очередь боярыня Федосья Прокопьевна Морозова. Она происходила из рода Соковниных, вышла замуж за Глеба Ивановича Морозова, родного брата всесильного Бориса Морозова. Наследовав после смерти мужа и его брата огромное богатство, придворная боярыня не просто осталась верна «старой вере», но сделала свой дом в Москве оплотом старообрядчества. Ее духовный поединок с царем продолжался в течение нескольких лет и завершился трагически. В 1671 г. Морозова была заключена в земляную тюрьму в городе Боровске, где после долгих страданий умерла в 1675 году. Вместе с Морозовой уморили голодом ее сестру княгиню Е. П. Урусову и жену стрелецкого полковника Марию Данилову. Сохранившаяся переписка Ф. П. Морозовой с духовным отцом протопопом Аввакумом и письма Е. П. Урусовой к ее детям позволяют представить духовный подвиг этих женщин, их нравственную высоту. Вообще путь и патетика мученичества и подвижничества характерны для деятелей раннего старообрядчества.

В основе старообрядческой идеологии лежали учение о «Третьем Риме» и «Повесть о Белом Клобуке», осужденная собором 1666—1667 гг. Поскольку никоновская реформа уничтожила, по мнению старообрядцев, истинное православие, «Третий Рим» оказался на пороге гибели, прихода Антихриста и конца света. В раннем старообрядчестве апокалиптические настроения занимают значительное место. Обсуждался вопрос о точной дате конца мира — 1666, 1669, 1674, 1691, 1699, 1702 год. Существовало несколько толкований о явлении Антихриста: по одним он уже пришел в мир, его видели в патриархе Никоне; по другим — Никон только его предтеча (патриарх и царь — два «рога Антихристова»), и, наконец, утверждали, что существует «мысленный» Антихрист, который властвует в мире. Дальнейшая логика старообрядцев была проста. Если «Третий Рим» пал (или падет), а четвертому Риму не бывать, то священная история

окончилась, мир оказался богооставленным, и поэтому сторонники «старой веры» должны уходить из этого мира, бежать в «пустыню». Такими местами стали Нижегородский край в районе Керженца, Пошехонье, Выга (Поморье), Стародубье, Приуралье, Дон, Зауралье.

Важным звеном старообрядческих учений было утверждение о незыблемости обряда. Религиозным сознанием форма (а не только содержание) воспринималась как отражение божественного откровения и истины. Никоновские нововведения разрушали канон, основной принцип русской средневековой религиозности. Поэтому посягательство на форму означало уничтожение самой сущности, духа, истины. Приверженность обряду — тип русской религиозности и благочестия — определяла образ мыслей и действий старообрядцев. Дьякон Федор говорил, что следует умирать за «един аз», т. е. за букву «а». Дело в том, что в новой редакции исключили союз «а» из «Символа веры» (вместо «рожденна, а не сотворенна» было записано «рожденна, не сотворенна»). В такой позиции не просто фанатизм и начетничество. Федор, один из наиболее образованных и талантливых раскольничьих писателей, умер на костре в Пустозерске.

Идеологи раскола не признавали священства русской церкви, которая лишилась в результате реформ всякой благодати. В том, что Россия превратилась в «чужую землю», были виноваты Никон и Алексей Михайлович. Отношение к царю у Аввакума и его сподвижников было довольно противоречивым. Старообрядцы не сомневались в божественном происхождении царской власти и незыблемости самодержавия. Забрасывая царя своими челобитными, поначалу они надеялись, что он образумится. После 1670 г. критика Алексея Михайловича у того же Аввакума становится более резкой; он называет его тираном, гонителем, мучителем («безумный царишко», «царь отщепенец»), предрекает ему мучительную кончину и адские страдания. Приход к власти Федора Алексеевича снова вселил в старообрядцев мимолетную надежду на возвращение к «старой вере».

В сочинениях Аввакума встречается идея равенства, в основе которой лежит равенство каждого христианина перед Богом. От традиционного христианского противопоставления бедности и богатства Аввакум поднимался до обличения богатых «никониан»: «Посмотри-тко на рожу ту и на брюхо то, никониян окаянный, — толст ведь ты! Как в дверь небесную вместится хощешь?» Только **тот** войдет в рай, свое «отечество», у кого «лице и руце и нозе и вся чувства тончава и изможда́ла от поста и труда и всякия им находящия скорби». Социальный подтекст таких мыслей

очевиден, в определенной ситуации они могли быть использованы против тех, кто обладал властью и богатством.

Старообрядцы отстаивали традиционную систему культурных ценностей. Аввакум с возмущением восклицал: «Ох, ох, бедныя! Русь, чего-то тебе захотелося немецких поступав и обычаев!» Аввакум отрицал науки и в их числе философию: «Платон и Пифагор, Аристотель и Диоген, Иппократ и Галин: вси сии мудри быша и во ад угодиша». Основоположники раскола противились распространению светского образования: «К чему заводить латинские и польские школы? Прежде мы их не имели, а душу спасали». Крайне негативно отзывался Аввакум о новых явлениях в иконописи, считая это «плотским умыслом», заменой духовной красоты видимой. Аввакум выразил свое понимание принципа традиционализма: все, что «до нас положено: лежи оно так во веки веком!» В исторических условиях конца XVII в. сохранение национальной традиции в духе старообрядчества было чревато духовным консерватизмом, застоем, отрывом от общеевропейского историко-культурного процесса.

Широкое распространение эсхатологических настроений в старообрядческой среде воплотилось в крайней форме отрицания воцарившегося царства Антихриста — уходе из мира самосожжением. В ответ на гонения властей запылали многочисленные гари, приведшие к смерти к концу XVII в. более 20 тыс. человек. Протопоп Аввакум считал «огненное крещение» путем к вечному блаженству. Среди старообрядцев не было единого взгляда на самосожжения. Так, инок Евфросин в своем сочинении о «новоизобретенном пути самоубийственных смертей» (1691) выступал против самосожжений, называя коллективное самоубийство грехом и невежеством, пытаясь убедить единоверцев в бессмысленности этого поступка, представляя не в лучшем свете проповедников этой акции. Но в последние десятилетия XVII столетия преобладал взгляд не Евфросина, а Аввакума на спасение староверов «огненным очищением».

Соловецкое восстание 1668—1676 годов. В ранней истории старообрядческого движения особое место занимает Соловецкое восстание, в котором отразилась неоднозначность социального содержания раскола, а религиозное выступление вылилось в открытую борьбу с государственной властью. Соловецкий монастырь, расположенный на островах Белого моря, являлся крупнейшим феодальным собственником на Севере России. Монастырское население включало не только монахов. Отдаленность от центра привлекала сюда в ряды монастырских трудников беглых крестьян, посадских людей, казаков, стрельцов; использовался монастырь и как

место ссылки. Восстание объединило все слои монастырского населения.

Соловецкая братия во главе с архимандритом Ильей отказалась в 1657 г. принять новые богослужебные книги. Свое решение соловецкие монахи подтвердили при новом архимандрите Варфоломее в 1663 году. На Церковном соборе 1666— 1667 гг. специально разбирался вопрос о сложившейся в монастыре ситуации, после чего было принято решение послать туда нового архимандрита — Сергия. Братия его не приняла, и он был вынужден покинуть Соловки. Во главе монастыря стал бывший архимандрит Саввино-Сторожевского монастыря, сосланный сюда на покой, активный сторонник старообрядчества Никанор. Идейным вождем восстания с самого начала был монастырский казначей старец Геронтий (в миру Григорий Иванович Рязанцев), выходец из семьи чебоксарского подьячего. Монастырские иноки в 1667 г. послали в Москву Алексею Михайловичу челобитную с решительным отказом принять нововведения: «Отнюдь не будем прежней своей православной веры применить, и вели, государь, на нас свой меч прислать царьской и от сего мятежного жития преселити нас на оное безмятежное и вечное житие». В ответ по царскому указу за «непослушание» старцев были конфискованы вотчины и промыслы монастыря, расположенные на побережье. В мае 1668 г. на Соловки было послано стрелецкое войско и началась восьмилетняя осада монастыря. Соловецкая братия пользовалась поддержкой жителей Поморья, которые продолжали поставлять в монастырь припасы. Численность и состав осажденных в 1674 г., по воеводской отписке, определялся в четыреста с лишним мирян и триста монахов. Решающая роль в организации отпора правительственным войскам постепенно перешла от монахов к «бельцам». Сопротивление восставших было сломлено в результате предательства монаха-перебежчика, который провел в монастырь отряд стрельцов. Последовала жестокая расправа. По старообрядческим источникам, погибло от трехсот до пятисот человек.

Соловецкое восстание показало, что старообрядцы могут организованно выступать против правительства. Новый патриарх Иоаким, избранный в 1674 г., повел решительную борьбу с расколом. В 1682 г., во время стрелецкого восстания, старообрядцы попытались воспользоваться ситуацией и поднять вопрос об отмене новых обрядов и книг. Устроенное 5 июля 1682 г. «прение» о вере происходило в Грановитой палате Кремля в присутствии царской семьи, правительства, патриарха и Архиерейского собора. Во главе старообрядцев был протопоп Никита Добрынин (Пустосвят). Полемика превратилась в открытое рукоприкладство. Стрельцы выдали старообрядцев-зачинщиков властям. 11 июля Никиту

Пустосвята казнили на Красной площади. Патриарх Иоаким в борьбе с раскольниками постоянно прибегал к помощи государственной власти. По царскому указу 1685 г. раскольников надлежало жечь в срубе за хулу на церковь и уговоры к самосожжению; казнить смертью перекрещивающихся в старую веру; бить кнутом тайных раскольников и их укрывателей; имения казненных и ссыльных подлежали конфискации. Старообрядцы ответили на действия властей новыми массовыми «гарями» и бегством не только в родные леса, но и за границу: в Швецию (Лифляндия), Польшу (Ветка), Австрию (Белая Криница), Турцию.

В последние десятилетия XVII в. происходит разделение старообрядцев на поповцев, признающих институт священства и принимающих к себе раскаявшихся иереев православной церкви, и беспоповцев, отрицавших существующую церковную иерархию и сохранявших из таинств только крещение и исповедь. Поповцы и беспоповцы в свою очередь дали начало многочисленным согласиям и толкам (поморское согласие, христовщина, федосеевщина, филипповщина, нетовщина и т.д.), определявшим развитие старообрядчества в XVIII:—XIX вв.

Раскол русской церкви в XVII в. — одна из трагических страниц нашей истории. Последствия раскола не изжиты до сих пор. Противоречия между Московской патриархией и старообрядчеством были частично преодолены только Поместным собором 1971 г., когда Русская православная церковь сняла анафемы на старые обряды.

Церковь в конце XVII века. На протяжении всего XVII в., несмотря на государственную политику ограничения роста церковных вотчин, церковное землевладение увеличивалось. По переписным книгам 1646 г., в патриарших домовых вотчинах было 6432 двора, в монастырских вотчинах — 87 907 дворов. По переписным книгам 1678 г., в городах и уездах, находившихся в ведении Поместного приказа, за патриархом числилось 7128 дворов, за епархиальными архиереями — И 661 двор, за монастырями и церквами — 97 672 двора, а всего в церковных владениях находилось 116 461 двор. По сведениям патриаршего Дворцового приказа, по переписным книгам 1678 г., в патриарших вотчинах насчитывалось 8914 крестьянских и бобыльских дворов, число которых к началу XVII в. достигло 9326 дворов. Архиерейские дома имели от нескольких сотен до нескольких тысяч дворов. Так, в вотчинах ростовского митрополита в 1700 г. было 4398 дворов. Крупнейшие из монастырей имели по несколько тысяч дворов: ТроицеСергиев монастырь — 16 383 двора, Кирилло-Белозерский — 5530 дворов, ярославский Спасо-Преображенский — 3879 дворов, костромской

Ипатьевский — 3657 дворов. Вообще в вотчинах церковных феодалов в последней четверти XVII в. насчитывалось около 148 тыс. крестьянских дворов, в которых проживало примерно 700 тыс. человек мужского пола, что составляло 21% частновладельческих крестьян, или 16% от всего крестьянского населения России. Несмотря на разновременность и неполноту данных, они свидетельствуют о весьма крупных размерах церковных владений и их постоянном росте в XVII столетии.

Церковь имела разветвленную организацию, основой которой были храмы и монастыри, находившиеся по всей территории Российского государства. В 80-х гг. XVII в. было около

15 тыс. церквей, включая и монастырские церкви, из них на востоке страны, в Сибири, было всего около 150 церквей. Сельские и городские храмы являлись приходскими центрами местной православной общины. Число монастырей в этот период приблизилось к 650. Священнослужители и церковнослужители вместе с членами их семей мужского пола составляли примерно 100—110 тыс. человек. Монахов и монахинь в России насчитывалось около 10 тыс.

Во главе церковной организации стоял патриарх, опиравшийся на патриарший и архиерейские дома, которые ведали всем духовенством. На протяжении века рост территории России, за счет Сибири и присоединенных земель, приводил к увеличению количества епархий. Если во второй четверти XVII в. насчитывалось 12—13 епархий, то в 1670-х гг. их было 19—20. В 1686 г. в ведение московского патриарха перешла Киевская митрополия.

В 1681 г. правительство попыталось предложить проект, касавшийся изменений в управлении церковью: предусматривалось создать при 12 митрополиях 72 епископии по принципу строгого подчинения. На Церковном соборе 1681—1682 гг. архиереи отклонили боярский проект, согласившись только на образование четырех новых епархий (Устюжской, Холмогорской, Тамбовской и Воронежской). Это объяснялось тем, что создание такого числа новых епархий можно было осуществить только путем дробления прежних, что сократило бы доходы каждого из архиереев. Они не желали усиления централизации церковного управления, предпочитая оставаться под контролем патриарха без посредничества со стороны митрополитов.

Помимо борьбы со старообрядчеством, идеологическая деятельность русской церкви в последней четверти XVII в. определялась противоборством двух течений: «грекофилов» и «латинствующих». «Грекофильство» представляло официальную позицию церкви и

поддерживалось царской властью. Особым влиянием пользовались «грекофилы» при патриархе Иоакиме. Из отечественных «грекофилов» выделялись Епифаний Славинецкий, Евфимий Чудовский, Афанасий Холмогорский, а также приезжавшие в Россию греки — братья Ли худы, Арсений Грек и др. «Грекофилы», как переводчики и авторы собственных сочинений, выступали против рационалистических методов анализа вероучительных и богослужебных текстов. С «грекофилами» связано распространение греческой образованности, выразившееся в создании Типографской школы при Печатном дворе в 1681 г. и Славяно-греко-латинской академии в 1687 году.

Патриарх Иоаким выступал с осуждением культурных и бытовых западных заимствований, «латинства» и проявлял крайнюю нетерпимость к иноземцам. Например, он требовал, чтобы из русского войска были отозваны иностранные офицеры. Яркими представителями «латинства» из духовных лиц были Симеон Полоцкий и его ученик Сильвестр Медведев. Переехав из Полоцка в 1664 г. в Москву, Симеон Полоцкий развернул при поддержке Алексея Михайловича разностороннюю деятельность. Он был учителем царских детей Алексея, Федора и Софьи; преподавал в Богоявленской и Заиконоспасской школах; открыл в Кремле придворную типографию, в которой издавал богословскую и учебную литературу, а также собственные сочинения. Симеон Полоцкий считал «разумное» знание необходимой составляющей процесса познания; истинное познание Бога должно исходить из веры и «разумного» знания. Этот подход он воплощал в своей преподавательской деятельности, считая, что в России надо создавать систему светского образования для изучения «гражданских и духовных» наук. Патриарх Иоаким осуждал взгляды и деятельность Симеона Полоцкого, но открыто против него не выступал, поскольку Симеона поддерживали и Алексей Михайлович, и Федор Алексеевич. Только в 1680 г., после смерти Симеона Полоцкого, патриарх обвинил его в отклонении от истинного православия, назвав его сочинение «Венец веры» венцом «из терния, на западе прозябшего, сплетенным».

Трагично сложилась судьба переводчика, поэта и церковного писателя Сильвестра Медведева. Его столкновение с патриархом Иоакимом произошло по богословскому вопросу — о времени пресуществления Святых Даров. Согласно христианскому вероучению непостижимое для человеческого разума превращение хлеба и вина в тело и кровь Христа происходит во время совершения священником таинства евхаристии. Сильвестр в соответствии с католической традицией считал, что евхаристия совершается в момент произнесения на литургии «Христовых

словес» — «Приимите, ядите...», а его оппоненты — после возглашения иереем молитвы «И сотвори убо...».

Мнение Сильвестра о моменте пресуществления Святых Даров было оспорено братьями Лихудами, которые обвинили противника в так называемой «хлебопоклонной ереси». В разгоревшейся полемике Сильвестр продемонстрировал не только блестящее знание греческой литературы, но и «рационалистическую методу» как способность человеческого разума к познанию мира. Собственные интересы Сильвестра Медведева захватывали и политическую сферу. В 1689 г., как сторонник царевны Софьи, он был арестован, а в 1691 г. казнен. Патриарх Иоаким в 1690 г. на Церковном соборе добился осуждения «латинствующих».

Последний, одиннадцатый в истории средневековой Руси патриарх Адриан (1690—1700) был сторонником и представителем «древлецерковного благочестия». Нельзя сказать, что, вступив во власть, Петр Алексеевич не считался с церковью. Это было просто невозможно в конце XVII века. Но по мере возмужания (особенно после смерти матери в 1694 г.) в его отношениях с патриархом Адрианом все резче обозначалось неприятие мнений и действий друг друга. В патриаршем «Увещании к пастве» звучала вера в незыблемость православия и надежда на традиционное отношение светской власти и церковной: «Царство убо власть имать точию на земли между людьми... Священство же власть иметь и на земли и на небеси». Свой долг патриарха он видел в том, чтобы свободно высказывать царю мнение по важным вопросам. Эту позицию Адриан отстаивал словом и делом, предавая осуждению петровские новшества: брадобритие, немецкое платье, курение табака. Он видел в этом падение нравов московских людей и наступление западных ересей. По отзывам современников, патриарх Адриан, не отличавшийся ни глубокой ученостью, ни большой смелостью, прежде всего заботился о сохранении для себя белого клобука и мантии. Но положение главы церкви обязывало его возвышать голос, просить светскую власть о милосердии. В 1698 г. Адриан выступил перед царем ходатаем за бунтовавших стрельцов. На мольбы патриарха о смягчении наказания Петр ответил предельно ясно: «Я не меньше тебя чту Бога и его Пречистую Матерь, но мой долг — казнить злодеев, умышлявших против общего блага». Фактически этими словами Петр определил и свои отношения с патриархом, и положение церкви в обществе.

С началом Петровских реформ церковь неуклонно теряла свои позиции. Православный изоляционизм был несовместим с разносторонним западным влиянием, светскостью, пронизывавшей разные стороны жизни,

с веротерпимостью. Государственные интересы требовали усвоения светских знаний, приходивших с Запада, что неизбежно подтачивало влияние церкви в духовной жизни общества. Церковь отстаивала традиционное, привычное; Петр, напротив, разрушал все это. В сложившейся ситуации церковь была обречена на реформирование со стороны светской власти. Церковная реформа станет одним из наиболее обдуманных и последовательных из многочисленных преобразований Петра I. Ему потребовались годы, чтобы кардинально изменить управление церковью: лишить ее самостоятельности и полностью подчинить государству. Но первые шаги на этом трудном пути были сделаны его предшественниками в XVII столетии.

Глава 21. СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

§ 1. ГОРОДСКИЕ ВОССТАНИЯ 40-Х гг. XVII в. СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ 1649 г.

XVII столетие вошло в историю как «бунташный век». Справедливость этого определения, данного уже современниками, подтверждают бурные и трагичные события Смутного времени с их острым противостоянием практически всех социальных групп. О том же свидетельствуют и известное под названием «Балашовщины» движение «вольницы» в армии А.И. Шейна периода Смоленской войны, и неоднократно вспыхивавшие в последующие годы городские восстания, а также массовое движение под руководством донского казака С.Т. Разина и серия стрелецких бунтов в конце века. Причем большинство волнений, бунтов и движений, как это ни покажется парадоксальным, происходило в годы царствования Алексея Михайловича, прозванного Тишайшим. Именно в его правление массовый характер приняли городские восстания, при этом два особенно мощных из них, в 1648 и 1662 гг. развернулись непосредственно в столице.

Городские восстания середины XVII в. были наиболее сильным проявлением внутреннего недовольства и социального напряжения, постоянно существовавшего в массе городского населения. В 30-х гг. иностранные дипломаты неоднократно отмечали взрывоопасность обстановки в Москве, возможность новых смут и мятежей. Усиление налогового гнета в период Смоленской войны и введение новых налоговых сборов ко времени заключения Поляновского мира создавали благоприятную почву для волнений. В марте 1636 г. сильный пожар в Китайгороде Москвы сопровождался массовыми беспорядками. Малоимущие жители столицы, среди которых были холопы, посадские люди и стрельцы, не только громили лавки и грабили отдельные дворы, но и выпускали из тюрем колодников, разбивали кабаки и даже вооружались. И все же эти беспорядки не идут ни в какое сравнение с теми событиями, которые начались в Москве в первых числах июня 1648 г. и, как полагают некоторые исследователи, продолжались, хотя и с разными степенью накала и составом участников, вплоть до принятия в конце января 1649 г. Соборного уложения.

Особенность московского восстания 1648 г. заключалась не только в том, что действия восставших были направлены против всей правительственной верхушки, что придавало им особый политический смысл, но и в том, что в нем соединились устремления различных социальных сил и слоев жителей Москвы и провинции: посадских людей, стрельцов и дворян. Уездные корпоративно-служилые объединения дворян и детей боярских, так называемые города, и в прошлые времена (в 1637 и 1641 гг.) через своих представителей, посылаемых в столицу с челобитными, пытались привлечь внимание царя к своим нуждам. Ареной острых социальных столкновений стал Земский собор 1642 г., в ходе которого провинциальные дворяне и дети боярские выступили против бояр, ближних людей и церковных землевладельцев. Предметом беспокойства рядовых дворян стало несение службы не в соответствии с реальным хозяйственным состоянием, которое, по их мнению, следовало измерять не только количеством земли, но и числом сидящих на ней крестьян. В связи с этим было предложено взимать различные подати и верстать в службу не по писцовым книгам, а в зависимости от того, сколько у кого крестьян, и, более того, определить, с какого числа крестьян следовало нести государеву службу без денежного жалованья. Досталось также дьякам и подьячим, которые помимо государева жалованья разбогатели «многим богатеством и неправедным своим мздоимством», накупили вотчины и построили палаты каменные, «такие, что неудобь-сказаемыя». Общим рефреном звучавших на соборе речей и подаваемых «сказок» была жалоба на разорение «пуще турских и крымских бусурманов московскою волокитою и от неправд и от неправедных судов». В целом это выступление уездного дворянства отражало общую скудость его хозяйственного положения.

Последнее по времени перед событиями 1648 г. челобитье от 44 «служилых городов» было подано в октябре 1645 г. с «большим невежеством». Эта ремарка источника — примечательное свидетельство нетерпения, которое стало выказывать уездное дворянство, не получая защиты от «сильных людей» и не имея возможности при сохранении режима «урочных лет» удерживать за собой крестьян. Однако при всем нетерпении уездное дворянство не переступало черты, отделявшей хотя и требовательное, но покорное обращение к власти от насильственных действий по отношению к ее представителям. Поэтому нет оснований полагать, что дворяне с самого начала принимали активное участие в восстании, как не следует и умалять влияние их позиции на последующие действия правительства.

С воцарением Алексея Михайловича в 1645 г. во главе правительства

встал его воспитатель, властолюбивый и умный боярин Б. И. Морозов. Он пользовался безграничным доверием юного царя, полностью полагавшегося на своего «дядьку» в государственных делах. Поощряя увлечение своего воспитанника охотой и бесконечными походами по ближним и дальним святым местам, Морозов все более упрочивал свое положение у власти. Одним из проверенных способов этого было удаление от Двора на почетные воеводства влиятельных лиц прежнего царствования. Первым потерял значение Ф. И. Шереметев, а большая часть подведомственных ему приказов отбила к Борису Ивановичу. В результате, возглавив приказы Большой казны и Новой четверти, он встал во главе финансовой системы страны, а как глава Аптекарского и Стрелецкого приказов отвечал за царское здоровье и охрану особы государя, равно и за обеспечение порядка в столице. В 1646 г. Б. И. Морозов возглавил важный в военном отношении Иноземский приказ. На место оттесняемой прежней политической элиты насаждались люди, нередко из родов второстепенных, но старательные и преданные новому правителю. Таким был пожалованный в думные дьяки и поставленный во главе Посольского приказа и Новгородской чети Назарий Чистый, происходивший из рода ярославских торговых людей.

Стремясь навсегда закрепить за собой высокое положение, Б. И. Морозов виртуозно осуществил брачную комбинацию, с помощью которой он стал свояком государя. В январе 1648 г. с интервалом в 10 дней были сыграны две свадьбы — 18-летнего Алексея Михайловича и 57-летнего Бориса Ивановича. Оба женились на дочерях московского дворянина Ильи Даниловича Милославского. Причем Морозову досталась младшая из сестер, Анна Ильинична, поскольку старшая, Мария Ильинична, приглянулась царю. В течение двух недель после свадьбы тесть царя и Морозова из стольников был пожалован сначала в окольничие, а затем в бояре. В дальнейшем он неизменно признавал первенство Морозова, которому всецело был обязан своим возвышением. Этой брачной комбинации предшествовало несостоявшееся венчание Алексея Михайловича на самостоятельно им выбранной невесте Афимье Всеволожской, объявленной «испорченной» и повторившей судьбу Марии Хлоповой. Не исключено, что расстроенная свадьба была делом рук Морозова, подобно тому, как в судьбе первой невесты Михаила Федоровича роковую роль сыграли Салтыковы.

Словом, вокруг молодого царя, как и при его отце и при следующих государях, кипели страсти, шла открытая и скрытая борьба различных придворных группировок и отдельных личностей за влияние, власть, за

возможность стяжания. Самой крупной оппозиционной по отношению к Морозову фигурой был Никита Иванович Романов, двоюродный дядя царя и один из самых богатых людей страны. Вокруг него, как и примкнувшего к нему боярина князя Я. К. Черкасского, также владевшего многолюдными вотчинами, объединились все оттесненные Морозовым лица. Им еще придется, правда, ненадолго выйти на первые роли. Пока же вся полнота правительственной власти сосредоточивалась в руках Бориса Ивановича, который должен был и отвечать за все, что исходило от лица этой власти. Его фигура заслоняла персону царя, в глазах подданных всегда окруженную божественным светом, и принимала на себя всю силу народной ненависти и гнева. К тому же недруги Морозова умело подогревали эту ненависть всевозможными слухами и толками о его всевластии, об оттеснении «доброго государя» от его «сирот» и «холопов», о неведении царя про их страдания. Слухи эти не были пустыми домыслами. Борис Иванович действительно старался держать своего бывшего воспитанника в стороне от дел, оберегая его от мирской докуки и жалоб. Но дело было не в объеме реальной власти, которой обладал царский любимец. Она вызывала раздражение лишь у той части политической элиты, которая по тем или иным причинам не сумела или не хотела оказаться под рукой Морозова. Для большинства жителей Москвы, служилого и податного населения в целом гораздо важнее бьио то, как он эту власть реализовывал и что конкретно предпринимал в тех или иных областях государственной политики.

Главным направлением усилий правительства был поиск денежных средств, которых постоянно не хватало. Условия жизнедеятельности российского общества, определявшие ограниченность добываемых им совокупных средств и ресурсов, неминуемо сказывались на доходной части государственного бюджета. В распоряжении всех правительств имелся ограниченный набор возможностей для увеличения потока денежных поступлений. Финансовые мероприятия, осуществленные в прежнее царствование и сопровождавшиеся ростом прямых налогов и непрерывными чрезвычайными сборами, не привели к оздоровлению казны. В этих условиях новое правительство стало пытаться пополнить ресурсы с помощью традиционных методов экономии — сокращения расходов, прежде всего на жалованье служителей низового аппарата и служилым «по прибору», и выколачивания недоимок. Новым были масштаб и жесткость осуществляемых мер. Одним категориям приказных и приборных чинов жалованье (денежное и хлебное) урезалось, другим отменялось вовсе. Так, были убавлены кормовые и денежные дачи

московским стрельцам, пушкарям и городовым стрельцам. Содержавшиеся казной городовые плотники и кузнецы переведены на поденный корм, который выдавался только в период городовых работ. Новые оклады с большой убавкой были объявлены подьячим воеводских изб, и отменено хлебное жалованье состоявших при них сторожей. Причем если приборным чинам по расчетам правительства убавку жалованья могли компенсировать имеющиеся у них доходы от занятия сельским хозяйством и торгово-промысловой деятельностью, то служителям воеводских изб ничего не оставалось, как искать утешения в знакомой им практике «кормления» от дел. Естественно, что оба «компенсационных» средства неминуемо усиливали социальную напряженность: первое — в результате роста недовольства посадских людей, стремившихся монополизировать городскую торговлю; второе — вызывая озлобление не только городского, но и уездного населения, доведенного до отчаяния безудержной алчностью подьячих.

Правительственная экономия коснулась и выплаты жалованья городовому дворянству. Хотя и раньше денежное жалованье дворянству, обеспеченному поместьями и вотчинами, выдавалось нерегулярно, но введенные Морозовым ограничения пришлись на период возросшей угрозы новых набегов крымских татар и укрепления в их ожидании засечной черты, а следовательно, необходимости несения служилыми людьми тяжелой «береговой службы». Это обстоятельство не могло не сказаться на популярности правительственного курса в их среде.

В поисках новых пополнений казны правительство прибегло также к пересмотру и ликвидации разного рода привилегий (проезжих, торговых), ранее полученных монастырями и иностранными купцами. Последнее направление финансовых поисков правительства совпадало с неоднократными жалобами русских купцов на конкурентов-иноземцев, особенно на «английских немцев».

Не успевавшая за постоянным ростом налогов платежеспособность податного населения оборачивалась хроническими недоимками. Для их взыскания издавна прибегали к универсальному средству — правежу. Он заключался в том, что злостного должника били палками по голым ногам, в прямом смысле выколачивая из него деньги. В плане взыскания недоимок начало нового царствования отличалось лишь тем, что это взыскание осуществлялось в соответствии с требованием «править нещадно», без отступлений и поблажек. В итоге, по образному замечанию современного исследователя, «свирепый посвист батогов оставался самой популярной мелодией начала царствования Алексея Михайловича».

Наряду с ужесточением взыскания недоимок правительство не могло не замечать запустения посадов в связи с бегством его населения в иные места или переходом из тяглых «черных» слобод в частновладельческие «белые» слободы. Уже на Земском соборе 1642 г. звучали жалобы сотских, старост и всех тяглых людей «черных» сотен и слобод на то, что от «государевых великих податей и от многих целовальничь служеб» многие тяглые люди «из сотен и из слобод розбрелися розно и дворишка свои мечут». Борьба с «закладничеством» прежними мерами с помощью сыска и возвращения в тягло посадских людей давала лишь временный эффект и не решала проблемы в целом.

Экономия на жалованье служилым людям и приказным, выбивание недоимок, не обеспечивая нужные поступления в казну, усилили недовольство и озлобление среди посадских и приборных людей. Огромные недоимки убеждали правительство в невозможности нового увеличения прямых налогов. Выход, как казалось, был найден в изменении соотношения между прямыми и косвенными налогами в пользу последних. Это должно было привести к более равномерному распределению податных тягостей среди всех категорий и слоев населения и позволяло сэкономить средства, шедшие на организацию правежа как составной части прямого обложения. Поиск новых источников доходов без увеличения размера прямых платежей определил введение в феврале 1646 г. повышенной пошлины на соль — продукт массового и повседневного потребления — в размере 2 гривен (20 коп.) с пуда, что в полтора раза было выше прежней пошлины. Тяжесть налога компенсировалась отменой главных прямых налогов — стрелецких и ямских денег.

Инициативу и реализацию соляной реформы народная молва накрепко связала с именем дьяка Назария Чистого, креатуры главы правительства Б. И. Морозова. В возглавляемый ими приказ Большой казны поступали сборы соляной пошлины.

В теории косвенные налоги по сравнению с прямыми являются более прогрессивной системой налогового обложения. Во второй половине XVII в. на них будет перенесен центр тяжести в сборе налогов в ведущих европейских странах. В России же только через столетие новая модель налогообложения реализует себя в проектах главы елизаветинского правительства П. И. Шувалова, когда на ином уровне окажется состояние внутреннего рынка и развитие товарно-денежных отношений. В середине же XVII в. смена акцентов — с привычного прямого налогообложения на косвенное — просто не сработает.

Немалое значение имел и выбор продукта, с которым правительство

связало свои финансовые расчеты. Соль была не просто одним из самых ходовых товаров, ее роль в домашнем хозяйстве и горожанина и сельского жителя была исключительна. Практически в каждом хозяйстве впрок делались запасы рыбы, овощей, грибов, что требовало больших запасов соли, по значимости приравнивавшейся к хлебу. Позднее, в 1650 г., резкое повышение цен на хлеб на псковском рынке вызовет волнения во Пскове и в Новгороде. В 1646 г. введение повышенной пошлины на соль взвинтило цены на нее в три и более раза. Из-за высоких цен население резко сократило покупку соли, что сразу сказалось на финансовых поступлениях в казну. Состоятельные слои населения, хозяйство которых действительно нуждалось в большом количестве соли и на которые правительство, видимо, рассчитывало как на ее покупателя по любой цене, смогли на какое-то время обходиться своими запасами. Для малоимущей части населения, у которой в процентном отношении соляной налог вырывал из средств большую долю, чем у состоятельных людей, ничего не оставалось, как сократить ее потребление, что неминуемо сказывалось на пропитании. Кроме того, если при мирской раскладке прямых податей неимущие тяглецы получали послабление или полное освобождение от их уплаты, то рост цен на соль затрагивал абсолютно всех. Итогом стал протест и решительное неприятие соляной реформы всеми слоями населения.

Не получив желаемого финансового результата, правительство 10 декабря 1647 г. отменило соляной налог. Но с его отменой, ревизуя собственное законодательство, оно приказало взыскать стрелецкие и ямские деньги за прежние годы. В результате в 1648 г. следовало, помимо недоимок, собрать прямые налоги за три года, что неминуемо означало ужесточение насилия по отношению к тяглецам. Это тяжелое следствие соляной реформы явилось одной из непосредственных причин восстания в Москве 1648 г., нередко называемого в исследовательской литературе Соляным бунтом. В целом же финансовоналоговые манипуляции правительства, вызванные напряженным поиском возможностей увеличения государственных доходов, и их мизерная результативность отражали глубину и масштаб хозяйственного разорения страны в годы Смуты, заторможенность восстановительных процессов в аграрной сфере экономики вплоть до середины XVII века. Это проявлялось и в медленных темпах восстановления численности крестьянского населения и размеров обрабатываемой площади земли, и в отсутствии условий для интенсификации земледельческого хозяйства, и, как следствие, в неизменно низкой тяглоспособности населения.

Другая причина, вызвавшая восстание, заключалась в

злоупотреблениях и алчности московской администрации. Об этом говорит тот факт, что гнев восставшего народа во время восстания, помимо центральной в правительстве фигуры Б. И. Морозова, был направлен против Л. С. Плещеева — главы Земского приказа, П. Т. Траханиотова — начальника Пушкарского приказа, дьяка Н. Чистого. В ходе восстания были разгромлены дворы А. М. Львова-Ярославского — управляющего дворцовыми приказами, Судным, Сытенным, Хлебным и Житенным дворами, Г. Г. Пушкина, ведавшего Оружейной палатой. Характерно, что среди разгромленных дворов источники не называют дворы и усадьбы владельцев «белых слобод» — Я. К. Черкасского и Н. И. Романова, а также богатых подмосковных монастырей. Это свидетельствует о том, что восставшие видели своих главных врагов не в беломестцах, а в лицах, стоявших у власти. Челобитная, составленная в разгар восстания 10 июня от лица «всенародного множества московского государства», содержала «всемирный плач», «стенание и вопль от сильных неправды и от земских воевод во градех, а в Москве от дьяков», жалобы на «мзду и на лукавство» приказных людей. «А всему великому мздоиманию Москва — корень», — резонно заключали челобитчики.

Особую ненависть московское посадское население питало к А. С. Плещееву, с именем которого в сознании современников соединились насилие, злоупотребление, беззаконие, мздоимство и своекорыстие. Не меньшее озлобление, но уже у приборных служилых людей вызывал их прямой начальник, шурин Морозова, П. Т. Траханиотов. В отличие от Плещеева он «не корыстовался» и не мздоимствовал, но в служении государеву делу проявлял неуемную жестокость и властность.

Восстание в Москве, как и большинство других волнений и выступлений, началось стихийно, когда степень негодования на произвол и притеснения властей, на безнаказанность их действий достигла высшего градуса. Правительство, привыкнув к вседозволенности, равно как и к покорности и терпению народа, не сумело правильно оценить обстановку в Москве и своими действиями вызвало взрыв, подтолкнув искавший у государя защиты посадский люд к насилию. Сначала все шло по обычному сценарию. 1 июня доведенные до предела приказными вымогательствами жители московских слобод и сотен окружили возвращавшийся с богомолья из Троице-Сергиева монастыря царский кортеж с громкими жалобами на насилия Л. С. Плещеева, требуя его замены. Но вручить челобитные царю, а также следовавшей за ним царице просителям не удалось, так как стрельцы грубо разогнали стоявших поблизости людей, арестовав наиболее настойчивых из них. Это вызвало взрыв возмущения и первые проявления

готовности к более решительным действиям. В свиту придворных, среди которых находился и Морозов, полетели камни и палки. Некоторые бояре получили ранения.

На другой день, 2 июня, вслед за царем, возвращавшимся с крестного хода в Сретенский монастырь, возбужденная толпа в несколько тысяч человек ворвалась в Кремль. Схваченных накануне челобитчиков освободили, и царь обещал рассмотреть жалобы и наказать виновных. Однако время было упущено и возбуждение нарастало. К тому же к посадским людям примкнули стрельцы, которые на этот раз отказались разгонять толпу. Лишившись вооруженной опоры, правительство начало переговоры с восставшими. Источники сообщают, что некоторые из придворных в ободранном платье едва сумели скрыться в государевом дворце, другие парламентеры были оставлены заложниками до выдачи требуемых восставшими лиц. Так в течение суток народ из просителя превратился в сторону, диктующую правительству условия замирения, а условия для правящих верхов стали пугающе кровавыми. Теперь уже не отставки управленческой верхушки добивался московский люд, а выдачи самых одиозных фигур — Морозова, Плещеева и Траханиотова. Серьезность намерений подкреплялась начавшимися уже 2 июня погромами в Кремле и за его пределами.

Отечественные и иностранные источники, расходясь в определении количества разгромленных дворов (от 19 до 70), единодушны в вопросе о социальной принадлежности их владельцев. Разгрому подверглись дворы бояр, дворян, крупных купцов и приказных служителей — дьяКов и подьячих. В числе первых из них были дворы членов правительственной группы — Морозова, Траханиотова, Плещеева, Чистого. Затем дошла очередь и до других представителей политической элиты. Так, разгрому подверглись дворы Н. И. Одоевского, М. М. Темкина-Ростовского, А. М. Львова-Ярославского, а также дворы московских дворян О. Ф. Болтина, В. И. Толстова, Г. И. Неронова и других, дворы приказной бюрократии, богатого «гостя» Василия Шорина. Иностранные свидетели мятежа сообщают, что при разгроме морозовских хором восставшие не грабили, а уничтожали золотые и серебряные изделия, рубили топорами и саблями драгоценные вещи и одежду, толкли в порошок жемчуг и под крики «то наша кровь!» бросали все в огонь. Эти действия должны были убедить всех в справедливости возмездия и бескорыстии тех, кто выступал его орудием. Сосуды, остатки боярской рухляди, развезенны участниками и свидетелями восстания по всей России как доказательство того, что в Москве свершился суд над боярами, позднее были обнаружены в различных городах и селах.

Спасаясь, Б. И. Морозов и Л. С. Плещеев скрылись в царском дворце, а П. Т. Траханиотов, получив грамоту на воеводство в Устюжну Железопольскую, спешно ускакал в Троице-Сергиев монастырь. Погромы, как уже не раз бывало, сопровождались пожарами. Начавшиеся в Белом городе, они быстро перекинулись за Никитские и Арбатские ворота на Земляной город, уничтожая без различия все строения. Даже расположенный на Никитской улице двор Н. И. Романова — главного противника Б. И. Морозова — выгорел без остатка. Виновником начавшейся огненной стихии молва тут же сделала Морозова и его окружение, что еще более распалило гнев против них. В такой обстановке погасить мятеж уже не могли ни увещевания высших духовных лиц, ни усилия участвовавших в переговорах с народом думных чинов. Восстание нарастало с каждым днем, втягивая в свой водоворот новые, различные по своему статусу разряды населения.

Проявлением беспомощности власти и отчаяния царского окружения была выдача восставшим сторонников Морозова. Первой жертвой стал Плещеев. 4 июня в сопровождении палача его вывели на Красную площадь, но, не дойдя до плахи, он был растерзан бросившейся на него толпой. Через день был казнен Траханиотов, возвращенный по приказу царя из Троице-Сергиева монастыря. Жизнь Морозова у восставших вымолил сам Алексей Михайлович. Царь клятвенно обещал удалить его из Москвы и навечно отлучить со всем родом от всех государевых дел. Но только после подачи челобитной, выработанной 10 июня на совещании представителей посадской верхушки, московских дворян и служилого «города», Борис Иванович под охраной в несколько сот человек спешно выехал в Кирилло-Белозерский монастырь.

Долгое время текст челобитной был известен лишь в виде шведского перевода, приложенного к донесению шведского резидента в Москве Поммеренинга королеве Христине от 6 июля 1648 года. Е. В. Чистякова доказала его идентичность подлиннику, хранящемуся в Эстонском архиве в Тарту. Обычно он ошибочно считался одной из челобитных, поданных царю в начале восстания 2 июня. Центральным требованием челобитной было упорядочение судопроизводства и законодательства и созыв в этих целях Земского собора. Составители челобитной настаивали на том, чтобы царь сместил воевод и судей «неправедных» и передал суд из рук приказных людей в руки «праведных и рассудительных» судей, выбранных «мирскими людьми». По сути, речь шла о широком привлечении к суду и управлению на местах выборных представителей от посадских и служилых людей. Совместное обращение к государю посада и служилого «города» не

могло не оказать на царя и его окружение сильного впечатления. Разумеется, оно усиливалось тревожной обстановкой продолжавшегося в Москве волнения.

Результатом стала смена правительства Морозова правительством Романова—Черкасского. Был отменен правеж недоимок с городского и уездного населения. Стрельцам и дворянам было выдано жалованье. В то же время на предложение челобитной о реформе суда реакции не последовало. Однако не было и резкой отповеди, какой спустя два года царь отреагировал на аналогичное предложение восставших псковичей.

Несколько притихшее волнение в Москве с большей силой распространилось в других городах государства. Уже авторы челобитной от 10 июня, выступая от лица «всенародного множества» государства, предупреждали царя о том, что «весь народ во всем Московском государстве... от неправды в шатость приходит» и «большая буря подымается в... стольном городе Москве и в иных многих местах, в городах и в уездах». В течение месяца, предшествовавшего созыву собора, вспыхнули восстания в Соли Вычегодской, Великом Устюге, Воронеже, Козлове, Курске, Челнавском и Талецком острогах. Наряду с посадскими людьми, стрельцами и другими приборными служилыми людьми в некоторых местах (например, в Курске, Соли Вычегодской, Устюге Великом) участниками волнений были и уездные крестьяне.

Во всех местах общей причиной волнений был усилившийся налоговый гнет и злоупотребления низовой администрации. Катализатором движения во многих случаях являлись привезенные из Москвы известия о том, что в столице «государевых бояр и служилых людей всех посекли». Как и в Москве, в Первую очередь они направлялись против особенно ненавистных лиц. В их числе были представители воеводской администрации, подьячие и часть «лутчих» людей посада, связанных с распределением податей. Малочисленные городовые стрельцы и их сотники перед лицом разбушевавшейся стихии народного бунта, число участников которого, например, в Великом Устюге исчислялось несколькими тысячами человек, обычно предпочитали не вмешиваться и отсиживаться в своих домах.

В дальнейшем присылаемые из Москвы сыскные команды проводили «розыск». В Устюге под руководством князя И. Г. Ромодановского он продолжался полгода, был массовым и особенно жестоким: были допрошены жители 19 волостей, 12 станов. Более 100 человек подверглись пыткам, из них 8 — напрасно. Четверо руководителей восстания были

казнены, пятеро умерли от пыток, 50 человек были наказаны кнутом, многие десятки семей устюжан и холмогорских стрельцов, примкнувших к восстанию, были сосланы на Симбирскую черту.

16 июля в Москве собрался Земский собор. На нем, кроме[7] патриарха, думных чинов и московских дворян, присутствовали городовые дети боярские, оказавшиеся в столице по пути к месту службы на юг, а также гости и «лучшие люди» гостиной и суконной сотен и разных слобод. Участники собора подали еще одну челобитную о составлении нового свода законов — «Уложенной книги». Для выработки его проекта была создана специальная комиссия («приказ бояр») в составе князей Н. И. Одоевского, С. В. Прозоровского, окольничего князя Ф. Ф. Волконского и дьяков Гаврилы Леонтьева и Федора Грибоедова/ Одновременно был решен вопрос о выборном представительстве на Земском соборе, открытие которого было назначено на 1 сентября: по два человека от каждого московского чина (стольников, стряпчих, дворян московских, жильцов), по одному или по два человека (в зависимости от размера города) от городовых дворян и детей боярских; от гостей — три человека, из гостиной и суконной сотен — по два человека, от посадских людей — по одному человеку от города.

К моменту открытия Земского собора, которому надлежало утвердить новое Уложение, еще не утихли восстания в провинции: ими были охвачены Чердынь, Соль Камская, Руза. Не спокойно было и в Москве, где царь и Милославский прилагали усилия по возвращению Б. И. Морозова в Москву. Посулами и подкупом им удалось добиться от стрельцов подписания челобитной с просьбой о возврате Морозова. В середине сентября боярин был вызван из ссылки, и Алексей Михайлович ездил в Троице-Сергиев монастырь для встречи с ним. Приближение Морозова к Москве радовало далеко не всех. Вновь поползли слухи о возможном в скором времени еще более сильном бунте. В преддверии его знатные люди стали свозить свое имущество на шведское подворье. Среди противников бывшего правителя раздавались угрозы в адрес тех, кто подписывался под челобитной о его возвращении. Тревожно чувствовала себя и политическая группировка Н. И. Романова — Я. К. Черкасского. В такой обстановке началась работа Земского собора.

По числу участников он уступал только Избирательному собору 1613 г. На нем присутствовало около 300 выборных, среди которых решительно преобладали представители уездного дворянства — более 170 человек. Городские посады прислали 89 выборных, московские сотни и слободы — 12, стрельцы — 15 человек. Состав собора, обстоятельства его созыва и

политическая обстановка, в которой протекала его работа, во многом определили уступчивость правительства главным требованиям рядового дворянства и посадского люда и оказали большое воздействие на принятие многих норм Уложения. Впоследствии патриарх Никон, недовольный ущемлением судебных и землевладельческих прав церкви, зафиксированным Уложением, отмечал: «И то всем ведомо, что собор был не по воле, боязни ради и междоусобия от всех черных людей, а не истинные правды ради».

Слушание проекта Уложения проходило на соборе в двух палатах: в одной был царь, Боярская дума и Освященный собор, в другой — выборные люди разных чинов. Многие выборные привезли с собой коллективные челобитные и наказы избирателей. Адресованные наверх, государю и боярам, они впервые зачитывались в нижней, «ответной палате» Земского собора. В октябре 1648 г. в ней была озвучена челобитная посадских выборных, поддержанная дворянами, о ликвидации закладничества и «белых мест» в городах. К этому времени Б. И. Морозов уже вернулся в Москву и появился в Кремле. Правительство Романова — Черкасского мало было пригодно для радикального решения этого наиболее острого в жизни города вопроса, поскольку его руководители являлись крупнейшими владельцами «белых» слобод. Напротив, огромные земельные владения Морозова и его окружения не распространялись на город, что давало им больше простора для политического маневра. Это и ряд других обстоятельств решили исход придворной борьбы. В конце октября произошла смена политического руководства. Номинально власть оказалась в руках И. Д. Милославского. После падения Черкасского и его сторонников царский тесть возглавил Стрелецкий, Иноземский, Рейтарский, Большой казны, Казенный и Аптекарский приказы. Некоторое время Морозов предпочитал держаться в тени, хотя его влияние на правительственный курс вновь стало решающим.

Помимо ликвидации в городах «белых» слобод, новое правительство пошло навстречу дворянским чаяниям об отмене «урочных лет» и восстановлении крепостнической силы документов писцового описания конца 20 — начала 30-х годов. Удовлетворены были также челобитья о «валовом разборе» служилых людей и выдаче жалованья. Причем, предотвращая нежелательный для власти приезд детей боярских за жалованьем в столицу, его велено было выдавать на местах. Одновременно удовлетворялись многочисленные индивидуальные и коллективные челобитья дворянских выборных о выдаче им жалованья за участие в Земском соборе. На фоне благоприятных для интересов дворянства мер

правительству удалось замять исполнение выдвинутого всеми выборными людьми предложения об отписке на государя церковных вотчин, оказавшихся во владениях монастырей и кафедр после 1580 года. Сама идея была не нова и, несомненно, исходила из среды служилых людей, рассчитывавших заполучить конфискованные земли. Однако, добившись бессрочного права на владение «крещеной собственностью», дворяне предпочли не настаивать на решении вопроса о церковном землевладении, которое неминуемо усложнило бы отношения правительства Морозова — Милославского с высшим духовенством.

В целом роль выборных участников Земского собора проявилась не только в слушании и утверждении нового законодательного кодекса, но и в подаче челобитных по конкретным вопросам. Часть из них оказала прямое воздействие на включенные в Уложение нормы, другие были реализованы в особых царских указах и боярских приговорах, появившихся уже после «свершения» Уложения. Так, поднятый на соборе вопрос о запрете иностранным купцам торговать во всех русских городах, кроме Архангельска, воплотился в июньском указе 1649 г. о выдворении англичан из внутренних пределов России и разрешении им торговать только у Архангельска при условии уплаты полагающихся пошлин.

В конце января 1649 г. Уложение было утверждено. Включающее в себя 25 глав и почти тысячу статей, внешне оно представляет собой свиток длиною более 300 м, состоящий из 959 узких бумажных столбцов. В конце шли подписи участников Земского собора (всего 315), а по склейкам столбцов — подписи дьяков. Среди подписавших Уложение думных чинов нет подписей Я. К. Черкасского и Н. И. Романова, но зато боярские рукоприкладства открывались именем Б. И. Морозова, еще полгода назад бывшего столь ненавистным служилым и посадским людям, которые теперь в лице своих выборных действовали с ним заодно. С этого подлинного свитка (хранится в Российском государственном архиве древних актов в Москве) была составлена копия в виде книги, с которой дважды в течение 1649 г. Уложение было напечатано по 1200 экземпляров в каждом тираже, став первым печатным памятником русского права. До него обнародование законов ограничивалось оглашением их на торговых площадях и в храмах. Появление печатного закона делало его публичным и в известной степени ограничивало возможности судебных злоупотреблений воевод и прикаЗных чинов.

Соборное уложение стало настоящим сводом законов, поскольку затрагивало важнейшие стороны жизни государства и общества. В нем законодательно закрепилось то, что определяло существо отечественного

исторического процесса: крепостничество и самодержавие. Этим объясняется удивительное долголетие Уложения. Именно с него начинается опубликованное в 1830 г. Полное собрание законов Российской империи.

§ 2. ВОССТАНИЯ ВО ПСКОВЕ И В НОВГОРОДЕ В 1650 г.

Прошло чуть больше года после окончания восстания в Москве и других городах (1648—1649), как в двух крупнейших городах северо-запада России, во Пскове и в Новгороде, почти одновременно начались социальные выступления. Их особенность по сравнению с другими городскими волнениями заключалась в том, что в обоих городах воеводская власть была не просто парализована или на время смещена, но заменена земскими выборными структурами, а между городами была установлена связь. Распространение движения на пригороды Пскова, а также массовые волнения крепостных крестьян по всей Псковской земле и соседним с ней областям заставили правительство для подавления движения использовать не только военную силу, но и авторитет Земского собора, послав его делегацию для переговоров с восставшими псковичами.

Восстание во Пскове началось в конце февраля 1650 г. Непосредственным толчком к нему послужила попытка правительства рассчитаться со Швецией за перебежчиков из областей, захваченных ею у России, хлебом, скупленным на псковском рынке. В условиях недостатка хлеба крупная закупка ржи, осуществленная по указу правительства гостем Федором Емельяновым, привела к резкому подъему цены на хлеб. Это вызвало массовое недовольство и протест псковских горожан. Они потребовали, чтобы псковский воевода Н. С. Собакин задержал вывоз хлеба, захватили и подвергли допросу шведского агента Логина Нумменса, разгромили двор Федора Емельянова, а также дворы некоторых «лучших» посадских людей, дворян и духовенства.

Выступление во Пскове и начавшееся в середине марта восстание в Новгороде с самого начала демонстрировали глубокое размежевание между верхами и низами городского населения. Социальной базой движения в обоих случаях были рядовые, «молодшие», посадские люди и приборные чины — малосостоятельные стрельцы, казаки, пушкари и воротники. В Новгороде, как и во Пскове, в первый же день восстания его участники разграбили дворы «лучших» посадских людей, арестовали, обыскали и допросили датского посланника Иверта Краббе. Новгородский воевода

князь Ф. А. Хилков, спасаясь от ворвавшихся к нему во двор людей, скрывался у митрополита Никона. Во Пскове прежний воевода Собакин и присланный на его место князь В. П. Львов содержались под стражей. Арестован также был посланный из Москвы для проведения сыска во Пскове князь Ф. Ф. Волконский.

С упразднением воеводской власти центром управления во Пскове и в Новгороде стали земские («всегородные») избы в составе земских старост и «выборных людей». Среди «выборных» преобладали «молодшие» и «средние» посадские люди, преимущественно ремесленники, и стрельцы, хотя были и представители дворян и духовенства. В Новгороде выборная власть проявить себя не успела, так как уже в середине апреля город был занят правительственными войсками под командованием князя И. Н. Хованского. Показательно, что в составе делегации, которая била Хованскому челом о прощении, были стрелецкие начальники и верхи посада, но не было «молодших» посадских людей. Вступив в город, Хованский начал расследование, арестовав многих новгородцев. Позднее часть из них была отпущена на поруки. Этому способствовало углубление восстания во Пскове, заставившее правительство идти на уступки.

Возглавлявшие псковскую «всегородную» избу двое земских старост хранили у себя ключи от города и от амбаров, выдавали наказы и памяти за печатями земской избы, распоряжались государевыми военными запасами (порохом, свинцом). Было конфисковано имущество некоторых дворян и зажиточных посадских людей, а из боярских житниц раздавался хлеб. Особым авторитетом во Пскове пользовался земский староста Гаврило Демидов. В наиболее важных случаях на площади перед земской избой по звону «всполошного» колокола собирался мирской сход. Это устройство восставшего Пскова, как отметил еще М. Н. Тихомиров, внешне сильно напоминало псковские порядки эпохи его самостоятельности. Видимо, на это обратило внимание и правительство, когда после восстания отправило «воровские» печати земских старост и всполошный колокол в Москву.

Получив известие о сдаче Новгорода, псковичи начали работы по укреплению города, наотрез отказавшись впустить отряд Хованского, который вынужден был ограничиться блокадой Пскова. Она затянулась почти на три месяца (июнь — август 1650 г.). О требованиях восставших известно из единственной сохранившейся коллективной челобитной государю, составленной в земской избе от имени «всего мира». В ходе дальнейшего расследования, правда, выяснилось, что рукоприкладства дворян и детей боярских были получены под принуждением и «весь де завод и воровской умысл» был от старосты, от стрельцов и от посадских

«мелких людей, а добрые нихто к ним не приставают».

В челобитной излагались многочисленные конкретные требования, собранные в виде «сказок» и обобщенные в коллективном тексте. Многие из них были вполне традиционны, например о выдаче служилым людям жалованья в срок и непосылке местных служилых людей в Москву и замосковные города, или о пресечении произвола воевод, дьяков и других приказных служителей. Вновь, как и в 20-е гг., актуальным для тяглого населения был поднятый в челобитной вопрос о взимании податей по дозорным, а не по писцовым книгам. Челобитчики требовали запретить вызывать в Москву жителей Пскова для суда, кроме «татьбы и разбоя с поличным», и включить в состав суда земских старост и выборных.

В ответной на псковскую челобитную царской грамоте, адресованной «всяким жилецким людем», отчетливо звучали идеи самодержавия, в принципе не допускавшие самовольные, без государева указа, какие бы то ни было действия подданных. «...А мы, великий государь, з божиею помощию ведаем, как нам, великому государю, государство свое оберегать и править»; «и нам, великому, государю, указывать не довелось, холопи наши и сироты нам, великим государем, николи не указывали».

Если вспомнить, что в июне 1648 г. царь в страхе и в смятении выполнял одно требование восставших москвичей за другим, скрепляя даваемые обещания крестоцелованием, то станет очевидным, какую эволюцию за неполные два года претерпела идеология самодержавия. Резкой отповедью ответило правительство на статьи челобитной, где речь шла об участии выборных в судах, заявив, что «николи не бывало, что мужиком з бояры и с окольничими и воеводы у росправных дел быть, и впред того не будет».

Царская грамота не успокоила мятежников. Уже в маеиюне движение охватило псковские пригороды Гдов, Изборск, Остров. Их воеводы были арестованы. Волнение затронуло и Печерский монастырь, где власть захватили монастырские служки, а архимандрит был задержан земскими старостами во Пскове. По всей Псковской земле развернулось крестьянское движение. Крестьяне совместно с псковскими стрельцами и казаками нападали на правительственные отряды, сжигали и разоряли дворянские усадьбы.

В этих условиях царское правительство, осудив действия мятежных псковичей, предпочло занять примирительную позицию по отношению к ним. Этому способствовали не только приходящие известия о все расширяющемся масштабе движения, но и тревожные сведения о каких-то сношениях Пскова с Речью Посполитой. Позднее псковичи решительно

отвергали обвинение в измене. В самом городе обострилась внутренняя борьба между «лучшими» и «молодшими» людьми. Дворяне и стрелецкие начальники тайно сносились с правительственными войсками. Уличенные в этих сношениях 10 дворян были казнены.

В начале июля в связи с псковскими событиями в Москве был созван Земский собор. Как уже случалось не раз, при решении острых, социально значимых вопросов, например при введении чрезвычайных сборов, правительство обратилось к авторитету и поддержке органа сословного представительства. Избранная на соборе и отправленная во Псков делегация во главе с коломенским епископом Рафаилом должна была призвать восставших к покорности и обещать им прощение при условии выдачи «заводчиков» и впуска в город отрядов И. Н. Хованского. Однако новые известия из Пскова о твердости восставших побудили правительство, созвав второе заседание Земского собора, пойти на дальнейшие уступки, не требуя выдачу и указания имен «заводчиков». Но переговоры делегаций с псковичами затянулись на несколько дней. Особые протесты вызывала статья в крестоцеловальной записи на верность царю, в которой псковичи обвинялись в желании перейти на сторону польского короля. Прекратить волнение во Пскове, приведя его жителей к присяге, «выборные» из Москвы смогли лишь после того, как им удалось установить союз с «выборными» псковской земской избы, в составе которых к этому времени уже преобладали ставленники «лучших» людей. Именно они первыми пошли к присяге, и к 24 августа 3 тыс. человек было приведено к крестному целованию. Тогда же воеводы и дворяне, сидевшие в заключении, были выпущены на свободу.

Известие об окончании восстания во Пскове было сообщено в Москве на третьем заседании Земского собора (3 октября), чем была поставлена точка в одном из самых острых движений XVII в. Правда, несмотря на обещание полной амнистии, во Пскове все же был проведен розыск, а руководители восстания во главе с Гаврилой Демидовым были арестованы и отосланы в Новгород. И все же действия правительства, сориентированные на посредническое участие Земского собора в переговорах с мятежным Псковом, в целом носили мирный характер. Как и в случае с московским восстанием 1648 г., это была вынужденная мера.

§ 3. ВОССТАНИЕ В МОСКВЕ В 1662 г.

Экономика России и возможности податной части населения, с трудом обеспечивавшие финансовые потребности государства в мирное время, не справлялись с резко возраставшей нуждой в деньгах во время войн. К тому же содержание армии, частично переведенной на казенное обеспечение в связи с созданием полков «нового строя», обходилось значительно дороже, чем раньше. При Алексее Михайловиче военные расходы по сравнению с началом XVII в. возросли в 3 раза. Русско-польская (1654—1667 гг.) и русско-шведская (1656— 1661 гг.) войны, явившиеся следствием воссоединения Украины с Россией, потребовали новых расходов и привели к крайнему истощению платежных сил населения. Учитывая соотношение источников доходов в бюджете страны, следует признать, что выбор у правительства был небольшой и в целом сводился к увеличению тяжести прямых и косвенных налогов для основной массы населения. Однако этот путь не всегда давал реальный результат и к тому же был сопряжен с угрозой социальных потрясений.

Был еще один способ извлечения финансовой выгоды — эксплуатация монетной регалии, т. е. манипуляция с чеканкой монет, находившейся в монополии казны. Этот путь также не был безупречен, поскольку в перспективе приводил к обесцениванию денег, к расстройству хозяйства страны и росту цен, обнищанию населения и в итоге — снова к серьезным социальным осложнениям. Однако зажатое в тиски ограниченных материальных возможностей и как следствие этого постоянного финансового голода, московское правительство вновь обращалось к традиционным источникам пополнения государственной казны — к налогам и монетной регалии.

Уже в первый год войны с Речью Посполитой, в 1654 г., дважды прибегали к чрезвычайным налогам — сбору десятой деньги, а также к специальному сбору на жалованье служилым людям. Срочная потребность в больших средствах побудила правительство использовать для этого порчу серебряной монеты, понижая ее реальную стоимость. На основании указа от 8 мая 1654 г. имевшиеся в казне запасы ефимков были перечеканены в рубли, а из четверти рублевого ефимка выпускались серебряные полуполтины или четвертаки. За счет повышения номинальной стоимости новых серебряных монет крупного достоинства правительство получало доход 100%. Одновременно начался выпуск медных денег также более крупного достоинства по сравнению со старыми серебряными монетами — полтинников, полуполтинников, гривенников и алтынников (3 коп.). При разнице в рыночной цене на серебро и медь почти в 60 раз малоценная медная монета выпускалась по курсу, равному курсу серебряных денег. Это

давало баснословную прибыль. Из одного фунта (400 г) меди стоимостью 12 коп. на Монетном дворе чеканили медных денег на сумму в 10 руб. По некоторым оценкам, только в первый год подобные денежные операции принесли прибыль в 5 млн руб.

Вводя новые номиналы, правительство предполагало сделать их полноценными средствами платежа, облегчив с их помощью денежные расчеты. Прежде средние и крупные номиналы существовали лишь как счетные единицы, а в обороте находились мелкие серебряные монеты достоинством в копейку, деньгу и полушку. Население, привыкнув к монетам мелкого достоинства, неохотно брало крупные медные деньги. Это побудило правительство уже осенью 1655 г. прекратить чеканку новых номиналов, но зато начать выпуск мелких медных монет. Они легко вошли в оборот и имели хождение наряду с серебряными монетами, так что в течение первых четырех лет от начала операции не было разницы в курсе серебряных и медных денег, а цены оставались на прежнем уровне.

Наличие в обороте медных монет само по себе не наносило ущерба денежному хозяйству при условии, если их масса не превышала находившейся в обращении массы серебряных денег. Однако стремление правительства к получению все большего дохода стимулировало выпуск медной монеты без всякого ограничения. Положение еще более ухудшилось в связи с тем, что к этой операции подключились и частные лица. Так, начальник Монетного двора, тесть царя боярин И. Милославский, скупая медь, начеканил до 100 тыс. рублей. Монеты стали чеканить все московские «медных дел мастера», используя в качестве сырья старые котлы, ендовы, ковши и прочую домашнюю медную утварь. Небывалый размах получило фальшивомонетничество. За 1654—1663 гг. наказанию подверглось 22 тыс. фальшивомонетчиков. В соответствии с нормами Уложения 1649 г. фальшивомонетчиков казнили, заливая горло расплавленным свинцом.

Неумеренный выпуск медных денег, л также появление «воровских» медных монет привели к их обесцениванию. Этому способствовали и меры правительства по выкачиванию серебряных денег у населения. Уже в 1656 г. таможенные пошлины велено было собирать на две трети серебряными деньгами. Уплата налогов и недоимок происходила только серебром.

Между тем жалованье служилым людям выплачивалось медной монетой. Указы о принудительном обмене новых серебряных денег на медные окончательно подорвали доверие населения к медным деньгам. Их курс стал стремительно падать, а серебро, изъятое в казну или спрятанное в закопанных в землю кубышках, почти исчезло из обращения. Следствием

стал рост цен главным образом на предметы первой необходимости и расстройство внутреннего торгового оборота. Глубокое расстройство хозяйства страны усугублялось сильными неурожаями 1660 и 1661 гг., охватившими значительные территории. «Великая нищета и гибель большая чинится хлебной цене и во всяких харчах дороговь великая», — писали челобитчики.

В этих условиях правительство еще более усилило фискальный гнет, выколачивая «немерным правежом» недоимки за прошлые годы и введя в 1662 г. сбор пятой деньги. Продолжалось падение курса медных денег (в начале 1662 г. соотношение между медным и серебряным рублем было 1:4). Понимание необходимости возврата к серебряному денежному обращению побудило правительство в том же году ввести монополию на шесть основных статей российского экспорта — пеньку, поташ, смольчуг, сало говяжье, юфть (сапожная кожа особой выделки) и соболя. Частная торговля этими товарами была запрещена, и они принудительно выкупались у торговцев на медные деньги. Эта мера позволила правительству тем же летом в результате продажи на Архангельской ярмарке «указных» товаров получить более 200 тыс. руб. серебром ц уже 1 сентября восстановить свободную торговлю ими. Но, как нередко бывало и прежде, государственная целесообразность введенной меры для населения обернулась новыми тяготами и разорением.-От реквизиции «указных» товаров особенно пострадали средние слои торгового населения. Произошел новый подъем цен и падение курса медных денег: 1 сентября 1662 г. серебряный рубль стоил уже 9 руб.

Все эти бедствия затронули широкие массы населения в городах, селах и даже в армии, голодавшей на театре войны с Польшей в 1661 —1662 гг. Гарнизоны дальних северных городов, питавшихся привозным хлебом, вымирали от голода. Повсеместно наблюдалось нарастание возбуждения среди мелких и средних посадских людей, служилых «по прибору» и крестьян. В столице вновь ощущалось приближение социального взрыва. Он произошел 25 июля 1662 г. и вошел в историю под названием «Медного бунта». Кратковременное, продолжавшееся полдня восстание по своей массовости и накалу борьбы стоит в ряду наиболее активных городских движений XVII в.

Как и в 1648 г., и на этот раз московский бедный люд, доведенный до отчаяния голодом, дороговизной, обесценением денег, видел причину своих несчастий в «изменниках» боярах и надеялся прямой апелляцией к государю добиться правды и справедливости. Поводом для такого обращения стали «воровские листы», обнаруженные утром 25 июля на

воротах и стенах домов и церквей в разных местах города. В них содержалось обвинение наиболее влиятельных лиц из состава правительства в измене — «бутто те бояре ссылаются листами с польским королем, хотя Московское государство погубить и поддать польскому королю». В условиях войны это было наиболее тяжкое и очевидное в глазах всего общества преступление. В листах назывались имена тестя и дяди царя И. Д. Милославского и С. Л. Стрешнева, начальника Приказа Большого дворца Ф. М. Ртищева и богатого московского гостя Василия Шорина, которых считали инициаторами выпуска медных денег. Упоминались также начальник Оружейной палаты Б. М. Хитрово, начальники Челобитного и Ямского приказов И. М. и И. А. Милославские.

Когда присланные к толпе из Земского приказа дьяк Афанасий Башмаков и дворянин Семен Ларионов попытались унести с собой одно из писем, их едва не растерзали. «Вы де то письмо везете к изменникам, а государя на Москве нет, а то де письмо надобно всему миру», — кричали им из толпы. Прочитанные при большом скоплении народа листы вызвали в нем сильное возбуждение и желание «стоять всем на изменников». На церковных колокольнях ударили в набат, а из торговых рядов стали выгонять торговцев, сидевших в лавках. Начались погромы дворов дворян и торговых людей, в том числе гостей Василия Шорина и Семена Задорина.

Большая толпа в четыре-пять тысяч человек, состоявшая из посадских людей, стрельцов и солдат разных московских полков, двинулась в село Коломенское, где находился царь. Появление их в царском селе было полной неожиданностью. Малочисленные стрельцы, охранявшие загородную царскую резиденцию, не могли помешать действиям восставших, так что Алексею Михайловичу, как и 14 лет назад, пришлось уговаривать толпу «тихим обычаем». Обступившие царя «гилевщики» требовали облегчения налогов и выдачи бояр «на убиение». Те, чьей крови жаждала толпа, в это время по приказу царя скрывались на женской половине дворца. Все царское семейство и ближние люди, по словам Г. К. Котошихина, «сидели в хоромах в великом страху и в боязни». Московский посадский человек Лука Жидкой вручил царю в качестве челобитной одно из поднятых в Москве писем. Находившийся тут же нижегородец Мартьян Жедринский настаивал, чтобы государь сразу вычел ее «перед миром» и велел привести «изменников». Говорившие с царем держали его за пуговицы платья и спрашивали: «чему де верить?». Алексей Михайлович клятвенно обещал, вернувшись в Москву, «учинить сыск и указ» и в том «дал им на своем слове руку», и один из говоривших даже бил с царем по рукам. Словом, челобитье, по определению тогдашнего делопроизводства,

вышло «с большим невежеством». И все же царю удалось успокоить толпу и выпроводить ее из села. В результате было выиграно время для того, чтобы поднятые по приказу стрелецкие полки и иноземцы Немецкой слободы смогли прийти в Коломенское.

Их появление произошло уже после того, как восставшие, участвовавшие в переговорах с царем, встретившись с новой, идущей из столицы возбужденной толпой, повернули назад. На этот раз перед государем предстало около 9 тыс. человек, решительно настроенных добиться выдачи бояр и готовых «по своему обычаю» употребить для этогр сш (ош. OCR - fb2). В этот затруднительный для Алексея Михайловича момент впущенные, через задние ворота стрельцы полков Артамона Матвеева и Семена Полтева вместе с придворными по сигналу царя набросились на многочисленную, но безоружную толпу и принялись «тех людей бити и рубити до смерти и живых ловитй».

В отличие-отсобытий 1648 г. московские стрельцы без колебания выполнили приказ царя, не поддержав выступление посада. Урок 14-летней давности для Алексея Михайловича не прошел бесследно. Он понял, что за московскими стрельцами как за главной охраной государя и порядка в столице надо прилежно ухаживать. Эта царская забота проявлялась в щедрых наградах и пожалованиях «корма», в регулярной выплате жалованья, в ограничении службы в степных и украинных городах. Результатом стала жестокаярасправа с московским черным людом. По сведениям Котошихина, пересечено и переловлено было более 7 тыс. человек и больше 100 человек утонуло, в Москве-реке. Розыск над участниками восстания 1662 г. осуществлялся несколькими сыскными комиссиями. Они действовали в Коломенском, Москве, Угрешском монастыре, в ряде приказов. По завершении розыска, сопровождавшегося пытками, в качестве наказания «отсекали руки и ноги, и у рук и у ног пальцы, а иных, бив кнутьем, и клали на лице на правой стороне» раскаленным железом на вечную память о мятеже «буки» — «б», что значило «бунтовщик». При подавлении восстания и в розыске, по некоторым данным, погибло около тысячи человек. На «вечное житье» в Астрахань и Сибирь с женами и детьми было сослано 1200 человек.

Столь кровавая расправа над участниками восстания (среди пострадавших и даже казненных немало было лиц, случайно подвернувшихся под руку) объясняется ясно выраженным размежеванием социальных сил московского населения. Расправы с боярской и приказной верхушкой требовали средние и низшие слои посадского люда и некоторая часть рейтар и солдат. Стрелецкие полки без колебания стали силой,

подавившей восстание. Не было и демарша дворян и детей боярских, которые, напротив, также находились в числе тех, кто расправлялся с восставшими.

Немаловажное значение для итога восстания имело и усиление самодержавного характера царской власти, обретение ею уверенности в собственной силе и закрепление взгляда на личность царя как на высшее государственное начало. Этому немало способствовало Уложение 1649 г. По словам беглого подьячего Посольского приказа, награждение московских бояр и стрелецких начальников производилось за то, «что они против тех воров стояли и здоровье царское оберегали». В целом при внешней схожести ряда моментов (стихийность возникновения, требования расправы с подозреваемыми виновниками тяжелого положения народа, непосредственное обращение восставших к царю) московские восстания 1648 и 1662 гг. отражали разную степень зрелости социального и политического строя Российского государства.

Весьма примечательны в этой связи изменения, которые к концу XVII в. произошли в положении служилых людей «по прибору» в целом и городских стрельцов в частности. Это изменения и статуса данной социальной группы, и самой природы их выступлений конца столетия. Хозяйственное положение и уровень материального достатка приборных чинов в середине века были близки посадскому населению, что порой делало их важной социальной силой городских движений, хотя степень активности и участия стрельцов в конкретных городских восстаниях была различной. Более того, от их позиции во многом зависела судьба происходивших волнений городских средних и низших слоев населения. Наибольшее влияние стрельцы, как уже отмечалось, оказали на ход московского восстания 1648 г. В последующие годы меры, принятые правительством Алексея Михайловича, способствовали превращению московских стрельцов в привилегированное войско и главную полицейскую силу государства, на которую, как казалось, власть вполне могла рассчитывать при подавлении антиправительственных движений в столице. События 1662 г. в целом подтвердили эту уверенность. Однако спустя 20 лет стрельцы сами подняли в столице мятеж, в ходе которого была уничтожена почти вся правительственная верхушка и близкие к ней лица, а через 16 лет после этих кровавых событий, подавив новое, на этот раз вне столицы, выступление четырех московских стрелецких полков, правительство Петра I вовсе расформировало их.

Таким образом, в конце XVII в. московские стрельцы как войсковая часть перестали существовать, а вскоре, с переходом к рекрутской системе

комплектования армии, были ликвидированы и другие структуры приборных служилых людей. Поэтому в целом их судьба во многом определялась постепенной утратой боевой силы стрелецкого войска и общими изменениями, происходившими в структуре армии. К концу столетия главную часть русской армии составляли полки нового строя, они не раз демонстрировали свои отличные боевые качества. Стрельцы, не желавшие отрываться от привычных занятий торгами и промыслами, всячески сопротивлялись попыткам обучить их новому солдатскому строю. Этот консерватизм стрельцов своими корнями уходил в условия их содержания, делавшие торговопромысловую сферу важным подспорьем к их скудному жалованью. Многие десятилетия делая ставку на частичное самообеспечение стрелецких полков, правительство теперь уже должно было согласовывать условия их обучения и несения службы с им же внедренным принципом содержания стрелецкого войска.

Занятие хозяйственной деятельностью не только сказывалось на боеспособности стрельцов, но и вело к расслоению в их среде. Причем, если зажиточная их часть и полковая верхушка в стремлении к улучшению своего положения ориентировались на ту или иную боярскую партию, то рядовым стрельцам были близки антибоярские лозунги в целом. В то же время сохранение по Уложению 1649 г. стрельцами, в отличие от других категорий служилых людей «по прибору» ряда привилегий в торгово-промысловой сфере усиливало размежевание между ними. По мере того как стрельцы, особенно в царствование Федора Алексеевича, лишались своих хозяйственных преимуществ, что неминуемо сказывалось на их доходах и затрагивало привилегированное положение, в выступлениях стрельцов становится все заметнее стремление к сохранению своего особого социального и военно-служилого статуса.

Особенность выступлений стрельцов конца XVII в. заключается еще в том, что они происходили в обстановке острой династической борьбы за власть двух придворных партий, Милославских и Нарышкиных. Это рождало стремление разных феодальных кругов использовать выступления стрельцов в своих целях. Все эти обстоятельства социально-политической борьбы периода правления царевны Софьи и начала царствования Петра I накладывали отпечаток на движение стрельцов, усложняя его природу. Обладая большой спецификой, выступления стрельцов последних десятилетий XVII в. вряд ли могут рассматриваться в общем ряду социальной борьбы «бунташного» столетия.

§ 4. ВОССТАНИЕ КАЗАКОВ И КРЕСТЬЯН ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ С. Т. РАЗИНА

Историки XIX в. называли движение казаков и крестьян на Дону и Волге в конце 60 — начале 70-х гг. XVII столетия «бунтом Стеньки Разина». Действия восставших считали антигосударственными (С. М. Соловьев), объясняя их причину столкновением удельно-вечевого и единодержавного укладов русской жизни (Н. И. Костомаров). В историографии советского времени народные движения рассматривались через призму классовой борьбы. Первый историк-марксист М. Н. Покровский называл выступление разинцев «народной революцией». Под крестьянскими войнами, которые в России связывали с движениями И. И. Болотникова, С. Т. Разина и Е. И. Пугачева, советская историография подразумевала крупные длительные массовые выступления крестьян, охватывавшие большие территории, где происходили военные действия правительственной и повстанческой армий, ставился вопрос о власти, вырабатывались антикрепостнические требования, подрывались устои феодального строя и государства. Крестьянские войны при феодализме — это гражданские войны Средневековья, выражавшие высшую степень антагонизма, когда стремление к разрушению господствующего строя являлось субъективным желанием восставших (Л. В. Милов).

В постсоветский период интерес к крестьянским войнам вообще, а к войне под предводительством Разина в частности, заметно угас. Большинство историков отказалось от употребления самого термина «крестьянская война» применительно к XVII в., чувствуя явные натяжки и преувеличения степени организованности этих социальных взрывов, заменяя его понятиями «движение» или «восстание». Что касается оценки происходившего, то все чаще звучит пушкинское выражение о «бунте бессмысленном и беспощадном». Природу крестьянских войн предлагают связывать не с классовым антагонизмом, а со сложным переплетением социальных, имущественных, национальных, религиозных противоречий и, .наконец, просто с «кипением человеческих страстей».

Установление режима крепостничества после принятия Со-

борного уложения 1649 г. носило объективно-исторический характер и в социуме с ограниченным совокупным прибавочным продуктом вполне закономерно способствовало усилению бегства крестьян от владельцев и их борьбы с властью. В 50—60-е гг. правительство организовало сыск беглых. Только из Тамбовского уезда было возвращено владельцам более 3

200 душ, а из Рязанского уезда — около 8 тыс. беглых крестьян и холопов. Бежали и на южные окраины Российского государства, в том числе туда, где были земли Войска Донского, в верховья Дона и его притоков Хопра, Медведицы, Северского Донца. Бежавшие в эти места не подлежали возврату, так как действовал казачий принцип: «С Дону выдачи нет».

На Дону был особый уклад жизни с элементами архаического демократизма: своя власть с войсковым кругом, выборными атаманами и казацкой старшиной. Всем заправляли «домовитые», имевшие собственность, давно укоренившиеся в этих местах «низовые» казаки. Недавние беглые пополняли ряды «голутвенных», или «верховых», казаков. Вольное казачество традиционно занималось рыбными ловлями, бортными и звериными промыслами, но не земледелием. Взяв на себя выполнение защитных функций от набегов, казаки кормились и присылкой хлеба из Москвы, получая также государево «свинцовое и зелейное жалованье». Важное место в жизнеобеспечении казаков играла и военная добыча, захваченная в походах «за зипунами» против враждебных России Крымского ханства и Турции. Но после 1660 г. эти походы потеряли свою привлекательность, так как турки выстроили под Азовом каменные башни и перегородили Дон цепями, закрыв выход в Азовское море. Оставалось *другое* направление — вниз по Дону на Волгу, где можно было пограбить торговые караваны, а затем в Каспийское море к прибрежным персидским городам.

К середине 60-х гг. донское казачество насчитывало примерно 20—30 тыс., среди которых было немало людей социально активных, готовых к походам в любом направлении.

В июне 1666 г. донской казак Василий Ус с отрядом в 700 человек выступил с намерением поступить на службу к царю. Казаков остановили у Тулы и послали в Москву от них посольство («станицу»). Пока казаки ожидали царского реше-

ния, их отряд пополнялся крестьянами и холопами. Казакам от имени царя и Боярской думы было предложено отправляться на Дон, предварительно переписав и вернув беглых. Казаки ушли, не выполнив этого требования, уведя с собой влившихся в их ряды беглых. Поход Василия Уса показывает, как много горючего материала скопилось на Дону, достаточно было искры, чтобы разгорелся пожар. Такой своего рода искрой стал атаман Степан Тимофеевич Разин.

Разин родился около 1630 г., по некоторым сведениям, его матерью была пленная турчанка. Отец Тимофей, по прозвищу Разя, был из «домовитых» казаков. Крестным отцом Степана был уважаемый на Дону

атаман Корнило Яковлев. Трагически сложилась судьба старшего брата Ивана. В 1665 г. во время русско-польской войны он ослушался воеводы Ю. А. Долгорукова и со своими казаками самовольно отправился на Дон, за что был казнен. Степан многое повидал: ходил на богомолье в Соловецкий монастырь, трижды побывал в Москве, участвовал в переговорах с московскими боярами и калмыцкими князьями — тайшами. К сорока годам, когда он оказался во главе голытьбы, это был человек с военным и дипломатическим опытом, знанием жизни, острым природным умом, кипучей энергией и неукротимым характером. Голландец Я. Стрейс, встречавшийся с ним в Астрахани, так описал его внешность: «Это был высокий и степенный мужчина, крепкого сложения, с высокомерным прямым лицом. Он держался скромно, с большой строгостью».

В мае 1667 г. отряд Разина, состоявший в основном из «верховых» казаков, численностью около тысячи человек, отправляется «за зипунами» на Волгу. Севернее Царицына, у урочища Каравайные горы, ими был ограблен богатый караван судов, принадлежавших царю, патриарху и гостю В. Шорину. Оказавшие сопротивление были жестоко убиты, остальные присоединились к победителям. Разинские струги спокойно прошли мимо Царицына, воевода А. Д. Унковский даже не попытался их задержать. Разбив несколько стрелецких отрядов, они обошли Астрахань и вышли в Каспийское море. Двигаясь на 35 стругах вдоль северного побережья, они подошли к Яицкому городку и хитростью взяли его. Разин попросил стрелецкого голову Яцына пропустить его с товарищами помолиться в церковь. Вошедшие в городок отворили ворота и впустили остальных. После кровавой резни (убито было 170 человек) отряд Разина остался в Яицком городке, где казаки зазимовали. Предпринимавшиеся осенью и зимой попытки астраханских воевод выбить казаков из Яицкого городка или уговорить их вернуться на Дон успеха не имели.

В марте 1668 г. Разин вышел в Каспийское море и вдоль западного берега направился в Персию. По пути под Терками к нему присоединился отряд донских казаков в 700 человек во главе с Сергеем Кривым. Каспийский поход был трудным, жестоким и кровавым. Казаки, которых в это время было около двух тысяч человек на 40 стругах, разорили городки и селения от Дербента и Баку до Решта. Под Рештом их ждало большое персидское войско. Разин снова прибег к обману, заявив, что казаки хотят перейти на службу к шаху и быть «в вечном холопстве». Но жители Решта не поверили, напали на разинцев и перебили 400 казаков. Мстя за это, Разин отправился в Фарабат якобы для торговли, через несколько дней разграбил город и сжег его дотла. Разгромив Астрабад, казаки зазимовали

на полуострове Миян-Кале. Весной 1669 г. они перешли на Свиной остров, южнее Баку, пробыли там десять недель. В июле сюда подошел шахский флот, состоявший из 50 судов и 3700 гребцов и воинов. Разин выиграл морской бой; от шахского флота осталось три корабля. В плен к казакам попал сын командующего Менед-хана и, по преданию, его сестра, персидская красавица княжна, которую Разин потом якобы бросил в Волгу.

В августе 1669 г. казацкие струги вошли в устье Волги. Астраханская крепость была серьезным препятствием на пути возвращения казаков в родные края. Астраханские власти во главе с воеводой И. С. Прозоровским согласились пропустить казаков при условии сдачи ими оружия, пленных и выдачи перешедших к ним стрельцов. 25 августа 1669 г. Разин сложил около астраханской приказной избы бунчук и знамена и выдал нескольких пленных, остальные условия не выполнил. Казаки до 4 сентября пребывали в Астрахани, имея прекрасную возможность ознакомиться с укреплениями города и расположить в свою пользу часть горожан, чем они впоследствии и воспользуются. Покинув 5 октября Царицын, где они чинили «всякое озорство», разинцы отправились на Дон. Так закончился поход на Каспий.

В советской историографии поход казаков 1667—1669 гг. рассматривался как первый этап крестьянской войны. Факты и события свидетельствуют о другом: поход «за зипунами» — удачное и безнаказанное действие казачьей вольницы.

В начале октября 1669 г. Разин вернулся на Дон. Он устроил свой лагерь в Кагальницком городке. Фактически на Дону установилось двоевластие: в Черкасске сидел атаман Корнило Яковлев, в Кагальнике — атаман Степан Разин, к которому стекался народ. К весне 1670 г. собралось 4—5 тыс. человек, готовых к самым рискованным действиям. Вскоре Разин всенародно заявил, что хочет «с боярами повидатца», «притти во град Москву и всех князей и бояр и знатных людей и все шляхетство российское побить». В мае Разин с пятитысячным войском двинулся на Волгу. 15 мая разинцы осадили Царицын. Жители отворили ворота, воевода Т. В. Тургенев, сменивший Унковского, с горсткой людей заперся в башне. Казаки приступом взяли башню, Тургенева привели к Волге, прокололи копьем и утопили. Под Царицыным войско Разина выросло до 10 тыс.

Власти послали на помощь Царицыну стрелецкий отряд в тысячу человек под командованием И. Лопатина (он шел по Волге сверху) и пятитысячное войско С. И. Львова из Астрахани. Вначале Разин внезапно напал на отряд Лопатина. С отрядом Львова фактически не было никакого боя — астраханские стрельцы перешли на сторону «батюшки» Степана Тимофеевича. Очевидец событий голландец Фабрициус вспоминал, что все

обнимались, целовались, клялись стоять заедино, «сбросив с себя ярмо рабства, стать вольными людьми». Львова Разин пощадил, он не забыл, что тот при возвращении разинцев из каспийского похода был к ним щедр и милостив.

Разин не рискнул идти в верхние волжские города и оставлять в тылу сильную астраханскую крепость, поэтому он с войском в 12 тыс. человек двинулся вниз по Волге на Астрахань. В городе был гарнизон с 400 пушками, в устье Волги стоял первый русский корабль «Орел» (был позднее потоплен восставшими). На стрельцов, хотя им срочно выдали жалованье на общую сумму 2600 руб., рассчитывать не приходилось. Разин послал к воеводе Й. С. Прозоровскому послов с требованием немедленной сдачи города, но послов казнили. 22 июня начался штурм крепости, в итоге которого астраханцы перешли на сторону казаков. Вскоре был взят собор, последний оплот оборонявшихся, где с раненым воеводой князем Прозоровским собрались дворяне, приказные люди и их жены с детьми. Утром следующего дня началась дикая расправа. До 500 человек было порублено. Прозоровский был сброшен с колокольни — «раската»¯: (В XVII в. раскатом называли всякое сооружение, которое служило еще и целям обзора: башни крепостных стен, лобные места, насыпи для размещения пушек.)

Разинцы ввели в Астрахани казацкое устройство: город был поделен на тысячи, сотни и десятки. Во главе их стояли атаманы Василий Ус, Иван Гладков, Михаил Самаренин. Имущество убитых было поделено («подуванено») между казаками и приставшими к ним астраханцами; бумаги из приказной палаты сожжены. Разин пробыл в Астрахани до 20 июля^ГИучения, кровь и смерть царили в городе. Скорый на расправу атаман творил под пьяную руку суди вершил наказания. Перед уходом Разин отнял у княгини Прозоровской сыновей 16 и 8 лет, приказал повесить их вниз головами на городской стене. На другой день старшего сбросили со стены, младшего, чуть живого, высекли и отдали обезумевшей от горя матери.

Оставив в Астрахани верного Василия Уса, Разин двинулся вверх по Волге. Саратов и Самара перешли на сторону восставших без боя. К разинскому войску, численностью около 10 тыс. человек, присоединялись бедные горожане, стрельцы, работные люди, крестьяне и холопы, вовлекались мордва, татары, чуваши, марийцы.

Разин of Царицына начал рассылать свои «прелестные грамоты», в которых призывал «постоять за великого государя», истреблять «кровопийцев» бояр-изменников и приказных людей. Из документов видно,

что на протяжении всего движения личность царя оставалась для восставших священной. Наивный монархизм исходил из сакрального понимания природы и характера царской власти. Защита царя от плохих бояр являлась нравственным обоснованием всего содеянного восставшими, придавала ему характер «законности». В подтверждение якобы справедливости борьбы восставших во флотилии Разина на обитой красным бархатом барке везли самозванца, «царевича Алексея» (настоящий царевич незадолго до этого умер). На другой барке, обшитой черным бархатом, с восставшими плыл якобы сам «патриарх Никон».

4 сентября 1670 г. Разин подошел к Симбирску. Отряд Ю. Н. Барятинского, пришедший из Казани, попытался задержать наступление Разина, но был разбит и с остатками войска отступил к Тетюшам. Жители Симбирска пустили разинцев в посад; воевода И. Б. Милославский с ратными людьми укрылся в кремле. Разин осаждал их почти месяц. Наконец на помощь к осажденным снова пришел Барятинский. 1 октября в двух верстах от города произошла битва. Разинцы оказали жесткое сопротивление, наиболее отчаянно бились донские казаки. Сам Разин был ранен в ногу и голову. В ночь на 4 октября Барятинскому удалось обмануть атамана, изобразив «подход» несуществовавшего подкрепления. Разин с донцами на стругах ушел из-под Симбирска, цинично бросив остальных повстанцев. Барятинский разгромил оставшихся без предводителя восставших и освободил симбирский гарнизон. Правительственные войска учинили расправу.

Разин ушел на Дон, в Кагальник. Но после поражения под Симбирском восстание не прекратилось, а продолжало распространяться, охватывая новые территории — Нижегородский край, Заволжье, Слободскую Украину, где действовали отряды атаманов Максима Осипова, Михаила Харитонова, Фрола Разина, бывшей монахини Алены. В сентябре восставшие захватили Алатырь и Саранск, в октябре — Козьмодемьянск, приблизились к Нижнему Новгороду. Города засечной черты Пенза, Нижний и Верхний Ломов, Керенск сдались восставшим. Волнения охватили Шацк, Темников, Кадом. Расправа с побежденными была ужасной. За три. месяца только в Арзамасе было казнено не менее 11 тыс. человек.

Тем временем Разин пытался собрать новые силы на Дону. Но казацкая старшина отмежевалась от мятежного атамана, особенно после того, как в Москве в неделю Православия Разин был предан анафеме. 14 февраля К. Яковлев с «домовитыми» казаками сжег Кагальник и захватил в плен своего крестника Степана Разина с братом Фролом. 4 июня братья были

привезены в Москву. После жестоких пыток Степана Разина приговорили к четвертованию. 6 июня 1670 г. он был казнен на Красной площади.

В Астрахани восставшие под началом атамана Федора Шелудяка продержались до 27 ноября 1671 г. После пленения восставших Я. Н. Одоевским и «розыска» летом следующего года зачинщики бунта были повешены.

Крестьянская война или русский бунт? Наивная мечта о равенстве, «земле и воле» или кровь и насилие? Подобная постановка вопроса, столь распространенная в литературе, не может дать однозначного ответа. В социуме с крайне ограниченным совокупным прибавочным продуктом жесткие механизмы извлечения средств жизнеобеспечения государства были объективно неизбежны. Поэтому неизбежны были и социальные кризисы. Восстание казаков и крестьян под предводительством Степана Разина, которое охватило тысячи людей (в момент наивысшего размаха в нем участвовало до 200 тыс. человек) и распространилось на огромные территории — крупное историческое событие XVII столетия, вызванное, социальноэкономическими причинами. Рожденный насилием протест порождал новое насилие. Но проявленная в жестоких формах способность народа к сопротивлению властям вынуждала последних к более осторожным действиям. Иначе у народа мог появиться новый заступник, память о котором сохранялась в народном сознании и фольклоре в образе «благородного разбойника» Степана Разина.

Глава 22. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В XVII в.

Борьба с последствиями интервенции. Для правительства царя Михаила после окончания Смуты главной задачей стала борьба с вторгшимися на территорию Русского государства врагами — Польско-Литовским государством, захватившим Смоленск, и Швецией, оккупировавшей Новгородскую землю. На первых порах главная опасность исходила от Швеции. Не удовлетворясь оккупацией Новгородской земли, шведский король Густав-Адольф попытался распространить свою власть на весь русский Северо-Запад. 30 июня 1615 г. шведские войска осадили Псков и несколько месяцев пытались его штурмовать. Однако под Псковом они потерпели неудачу, а в Новгородской земле стало нарастать движение населения против оккупантов. В этих условиях по миру, заключенному в Столбове (1617), шведы очистили большую часть занятых ими в годы Смуты территорий, но, используя трудное положение, в котором оказалось Русское государство после долголетней гражданской войны и интервенции, шведские правящие круги сумели удержать под своей властью новгородские пригороды на побережье Финского залива. Тем самым Россия оказалась полностью отрезанной от Балтийского моря, и ее развивающаяся торговля со странами Западной Европы должна была осуществляться, как и ранее, при принудительном посредничестве немецких купцов — шведских подданных.

Если шведские политики сумели понять причины своих неудач и отказаться от нереальных планов, то правящие круги Речи Посполитой, несмотря на все, что произошло, считали, что в русском обществе, особенно среди знати, много тайных сторонников Владислава, которые перейдут на его сторону, если на русскую территорию вступит польско-литовское войско. Поход Владислава за царской короной начался осенью 1617 г. По стране были разосланы многочисленные обращения и к русскому обществу в целом, и к отдельным «чинам» с призывами признать «законного» царя. Преодолевая сопротивление, польско-литовская армия, двигавшаяся по наиболее короткому западному направлению, в сентябре 1618 г. подошла к Москве, где с ней соединились казацкие полки во главе с гетманом Сагайдачным, разорившие южные районы страны,. 1 октября 1618 г. соединенное войско пыталось штурмовать Москву. Однако и в этой критической ситуации никаких сторонников Владислава не обнаружилось.

Вместе с тем разоренная долголетней гражданской войной и интервенцией страна не была в состоянии нанести поражение неприятельской армии. Заключения мира пришлось добиваться ценой уступок. По перемирию, заключенному в деревне Деулино под Троице-Сергиевым монастырем на 14 лет, к Речи Посполитой отошла Смоленщина и большая часть Северской земли с ее главными городами Новгородом Северским и Черниговом. Пограничными русскими крепостями стали Вязьма и Путивль. Речь Посполитая не признала Михаила Федоровича, и здесь продолжали считать «законным» русским царем Владислава. Между двумя государствами на длительный срок были разорваны нормальные дипломатические отношения.

На протяжении войны русская дипломатия настойчиво искала в Европе союзников против Речи Посполитой. Поиски эти определялись тем, что второе десятилетие XVII в. стало временем сближения Речи Посполитой с австрийскими и испанскими Габсбургами, сближение было закреплено союзными соглашениями. В этих условиях оживленные во второй половине XVI в. контакты с австрийскими Габсбургами прекратились, и русские политики стали искать поддержки государств антигабсбургского лагеря, прежде всего Англии и Голландии, у которых просили оружия, субсидий, дипломатической поддержки. Дипломатическая поддержка была оказана, когда при посредничестве голландских и английских дипломатов был заключен мир со Швецией в Столбове, но какой-либо другой помощи добиться не удалось. Внешнюю поддержку пытались получить и у соседей Речи Посполитой, недовольных ее чрезмерным усилением, Швеции и Османской империи, но оба эти государства запросили за свою помощь такую цену, что от нее решено было отказаться.

Борьба за возвращение русских земель. Смоленская война. После заключения Деулинского перемирия главной целью русской внешней политики стал возврат захваченных Речью Посполитой русских земель и отказ королевича Владислава от притязаний на русский трон. Фактический глава государства, отец царя Михаила патриарх Филарет понимал, что ослабленному Смутой Русскому государству трудно будет добиться своей цели без помощи союзников. Но при этом приходилось считаться с тем, что эти союзники, преследуя собственные планы, могут не выполнить свои обязательства. Такое положение сложилось в 1621 г., когда Османская империя начала большую войну с Речью Посполитой и предлагала Русскому государству военный союз. В октябре 1621 г. в Москве был созван Земский собор, который принял решение предъявить ультиматум Речи

Посполитой. Была проведена мобилизация дворянского ополчения, но Османская империя, столкнувшись в военной кампании с сильным сопротивлением, заключила мир и вышла из войны.

Похожая ситуация повторилась на рубеже 20—30-х гг. XVII в. В декабре 1627 г. после переговоров Филарета с османским послом Фомой Кантакузином был подготовлен проект договора о союзе, направленном против Речи Посполитой. К концу 20-х гг. была достигнута уже конкретная договоренность о совместном выступлении войск двух государств, но когда эти планы должны были вступить в стадию конкретной реализации, Османская империя снова заключила мирное соглашение с Польско-Литовским государством.

Все это побудило патриарха Филарета искать соглашение с другим противником Речи Посполитой — шведским королем Густавом-Адольфом, престиж которого в начале 30-х гг. XVII в. резко возрос после блестящих побед, одержанных им над войсками австрийских Габсбургов. Между сторонами была достигнута договоренность о том, что одновременно с выступлением русских войск с запада на территорию Речи Посполитой вступит шведская армия. Густав-Адольф также оказал содействие русским агентам за границей в закупке вооружения и наборе в странах Западной Европы солдат и офицеров для службы в русской армии. Нанятые иностранные офицеры приступили к обучению детей боярских и «вольных всяких людей» для новоорганизованных в русской армии полков «чужеземного строя». Окончательное решение о времени начала войны было принято, когда в апреле 1632 г. скончался Сигизмунд III и в Речи Посполитой началось «бескоролевье». Здесь рассчитывали, что в стране начнутся раздоры между сторонниками различных кандидатов на трон, и она окажется неспособной противостоять внешнему нападению. Кроме того, здесь рассчитывали, что на русскую сторону перейдет недовольное порядками в Речи Посполитой украинское казачество. Здесь также надеялись, что другой возможный союзник — Османская империя если и не вступит сама в войну, то обеспечу помощь России своего вассала — крымского хана.

Расчеты эти оказались нереальными. Швеция так и не оказала Русскому государству никакой военной помощи (возможно, в связи с гибелью Густава-Адольфа в битве при Лютцене в ноябре 1632 г.), а крымский хан сам напал на южные уезды Русского государства, что привело к массовому отъезду детей боярских из войска в самый разгар военных действий. Появление серьезной внешней опасности привело к тому, что главные группировки магнатов и шляхты быстро договорились об

избрании королем сына Сигизмунда III Владислава. Не произошло и казацкого восстания. Все это неблагоприятно сказалось на ходе войны.

К началу 1633 г. русские войска заняли большую часть земель, потерянных Русским государством в годы Смуты, но Смоленском овладеть не удалось. Когда Речь Посполитая после быстрого окончания «бескоролевья» провела мобилизацию своих сил, русская армия, осаждавшая Смоленск, оказалась в опасном положении. После долгих и упорных боев она в феврале 1634 г. попала в окружение и вынуждена была капитулировать. Однако в этих боях понесла серьезные потери и королевская армия, которая не смогла двинуться походом в глубь России, безуспешно осаждая в течение двух месяцев крепость Белую.

В этих условиях в июне 1634 г. на речке Поляновке было заключено мирное соглашение между Россией и Речью Посполитой, по которому Смоленщина и Северская земля оставались за Речью Посполитой. Тем самым главная цель войны не была достигнута. Правда, была достигнута другая цель, важная для династии, — Владислав IV отказался от притязаний на русский трон и обязался вернуть подлинник записи о своем избрании. Важно, что договор был соглашением не о перемирии, а о «вечном мире». Очевидно, что выяснившееся в ходе войны отсутствие надежных союзников и устарелая структура вооруженных сил, основную часть которых составляло недисциплинированное дворянское ополчение, привели русские правящие круги к отказу от внешнеполитических планов.

Русское государство и Крым в 30—40-х гг. XVII в. Люди, стоявшие после смерти Филарета в 1633 г. во главе русского правительства — Иван Борисович Черкасский, а затем Федор Иванович Шереметев, вели очень осторожную внешнюю политику. Когда в конце 30-х гг. донские казаки захватили османскую крепость Азов в устье Дона, русское правительство, первоначально посылавшее им оружие и продовольствие, отказало в помощи и заставило покинуть город, когда возникла угроза большой войны с Османской империей. Главные усилия в 30—40-х гг. XVII в. были направлены на укрепление оборонительных линий на южных окраинах государства. Была не только реконструирована старая линия обороны, засечная черта, но и начаты работы по строительству новой передовой линии обороны — Белгородской черты. Работы по созданию 800-километрового рубежа обороны, опиравшегося на 18 городов-крепостей, были завершены к 1653 г.

Переход к более активной внешней политике наметился после 1645 г., когда правительство нового царя Алексея Михайловича возглавил Б. И. Морозов. В 1645—1646 гг. шли переговоры о союзе между Россией и

Речью Посполитой, направленном против Крыма, обсуждался вопрос о завоевании этого очага грабительских набегов на земли Восточной Европы. На Дон и в Белгород были направлены крупные военные силы. Был созван Земский собор, участников которого подробно информировали о «неправдах» крымских ханов. Положение в Восточной Европе резко изменилось с началом казацкого восстания на Украине.

Кризис Польско-Литовского государства. Восстание Б. Хмельницкого и образование украинского гетманства. Жизнь на белорусско-украинских землях в составе ПольскоЛитовского государства определялась действием двух факторов: в социально-политическом плане — постепенным формированием режима магнатской олигархии, в социально-экономическом — формированием барщинно-фольварочной системы хозяйства.

Повышенный спрос на европейском рынке на сельскохозяйственные продукты привел к формированию в дворянских имениях на территории Польско-Литовского государства фольварка — значительной по размерам барской запашки, которая обрабатывалась принудительным трудом зависимых крестьян. Помимо утраты крестьянами части земель, отобранных для устройства фольварка, размер барщины был очень значительным, составляя уже в XVI в. несколько дней в неделю. На крестьянах лежали также работы по перевозке произведенных продуктов в морские порты, где они продавались иноземным купцам. Эти перемены сопровождались прикреплением крестьян к земле и предоставлением землевладельцам всей полноты судебно-административной власти над ними (вплоть до права смертной казни). В XVI — начале XVII в. дворянство Польско-Литовского государства получало от продажи зерна и «лесных товаров» значительные доходы. С началом XVII в. конъюнктура на европейском рынке стала ухудшаться, цены на хлеб упали. Стремясь сохранить доходы на прежнем уровне, дворянство стало увеличивать размеры барской запашки и организовывать фольварки в тех районах, где их раньше не было.

Пользуясь находившейся в его руках политической властью, дворянство поощряло ввоз в страну дешевых иностранных товаров из стран Западной Европы, что вело к упадку местного ремесла.

Свободный, не регулируемый государственной властью оборот земли вел к ее концентрации в руках немногочисленного круга представителей знати, к формированию магнатских латифундий. Одновременно низшие слои дворянства утрачивали свои владения, разорялись и либо шли на службу к магнатам, либо вынуждены были поддерживать свое

существование военной службой. По мере того как в руках магнатов сосредоточивалась земельная собственность и высшие военно-административные посты, а значительная часть шляхты оказывалась от них в зависимости, дворянское представительство в парламенте — сейме и дворянские собрания округов из органов, представляющих интересы дворянского сословия в целом, превращались в орудие боровшихся между собой за власть в стране группировок знати. Магнаты оказывались как бы «над правом» и фактически могли действовать в районах, где находились их владения, прибегая к открытому насилию. Наиболее крупные магнатские латифундии в Речи Посполитой сформировались во второй половине XVI — первой половине XVII в. на южных окраинах государства.

Возникавшие при этом противоречия проявились с особой силой на Украине в середине XVII в., вылившись в острое столкновение широких кругов местного населения с дворянским сословием и находившимися в его руках государственными институтами.

Главным был конфликт социальный. Местные магнаты и шляхта при поддержке государственных институтов стремились подчинить себе местное население (крестьян и близких к ним по образу жизни жителей городов — мещан), которое было вооружено и постоянно боролось с набегами татар. Более того, они намеревались распространить на него порядки, характерные для основных районов страны — барщину и другие принудительные работы. В борьбе с этими «новшествами» как ведущая сила выступало казачество. С утверждением на главных территориях Польско-Литовского государства барщиннофольварочной системы здесь также наметился отток населения в поисках лучшей жизни на южные окраины. (Во второй половине XVI в. на юге Украины, как и на южных окраинах России, образовались поселения живущего своим самоуправлением военного люда — казаков. Наиболее крупные из этих поселений находйлиогк-югу от днепровских порогов (за порогами), и их жители стали называться запорожскими казаками, а их объединение — войском Запорожским. Как и русские казаки, запорожцы считали себя особым военным сословием, несущим важную службу защиты христианского Мира от нападений мусульман; за это, по их убеждению, казаки должны были пользоваться самоуправлением, быть свободными от налогов, получать за службу жалованье и корм. Их притязания отвергались властями Речи Посполитой и шляхтой, которая видела в казаках своих беглых подданных, которых следовало вернуть к повиновению господам. В этих условиях борьба казаков против власти и землевладельцев сливалась с борьбой закрепощаемого крестьянства.

Этот социальный по своему характеру конфликт усиливался и осложнялся действием иных факторов. В первой половине XVII в. на украинских землях появились крупные владения польских магнатов, в их руках оказались и виднейшие административные посты в крае. Местная шляхта все более принимала католическую веру, усваивала польский язык и обычаи. В этих условиях социальное противостояние приобретало характер национального конфликта между украинскими казаками, мещанами и крестьянами и польскими помещиками. Дополнительному обострению конфликта способствовали религиозные противоречия. Дело было не только в том, что помещик часто был католиком, а мещанин или крестьянин держался веры отцов — православия. В 1596 г. при активном участии властей Польско-Литовского государства епископы православной Киевской митрополии на соборе в Бресте Литовском подчинились власти папы римского. Появилась особая униатская церковь, подчиненная папе. Она сохраняла православные обряды, но принимала католическое вероучение. После заключения унии власти Польско-Литовского государства стали принуждать православное население Украины последовать примеру своих пастырей. В местной среде это воспринималось как часть политики его угнетения со стороны «поляков», завладевших властью в Речи Посполитой. Все это способствовало тому, что социальное движение, возглавленное казачеством, приобрело одновременно черты национально-освободительного движения. На протяжении 20—30-х гг. XVII в. на украинских землях Речи Посполитой произошло несколько восстаний, в которых главной силой, организующей борьбу населения, выступало казачество, іОчередное восстание, разразившееся в 1648 г., возглавил казацкий сотник Богдан Хмельницкий. Представитель зажиточной казацкой верхушки, пытавшийся жить в ладу с властью, он стал жертвой неприкрытого насилия со стороны магната, захватившего его хутор Субботов. В поисках справедливости сотник дошел до самого короля, но все было бесполезно. Справедливости пришлось искать с помощью оружия.

Богдан Хмельницкий сумел добиться поддержки крымского хана, который, опасаясь совместного наступления русских и польских войск на Крым, выслал ему на помощь войска. Благодаря удачным совместным действиям казачьей пехоты и татарской конницы армия Речи Посполитой была разбита, ее командующие попали в плен. Большая часть украинских земель была охвачена массовым крестьянским восстанием. Восставшие захватили земли католической церкви. В огне восстания возникло новое государство — гетманство во главе с Богданом Хмельницким, в котором

господствующей социальной группой стало казачество. С этого времени началась война между гетманством, которое формально продолжало оставаться частью Польско-Литовского государства, и Речью Посполитой, которая хотела вооруженной рукой уничтожить это политическое новообразование. В ходе войны, растянувшейся на ряд лет и сопровождавшейся страшным разорением земель, охваченных военными действиями, сложилась ситуация, при которой ни гетманство не могло нанести решающее поражение Речи Посполитой, ни Речь Посполитая не могла уничтожить гетманство. Такая ситуация отвечала интересам Крыма, который всячески стремился ее сохранить, так как, выступая в роли арбитра в споре и не давая ни одной из сторон усилиться за счет другой, он удерживал их в определенной зависимости от себя.

Присоединение украинского гетманства к Русскому государству. У казацкой верхушки во главе с Хмельницким не было иллюзий относительно Крыма. Поэтому с самого начала она стала добиваться перехода гетманства под верховную власть царя. Прошло шесть лет, прежде чем русское правительство пошло навстречу этим предложениям. Одной причиной была неустойчивость внутреннего положения в России, где лишь к началу 1651 г. была достигнута определенная стабилизация. Другая была связана с тем, что после уроков Смоленской войны нужно было провести целый ряд преобразований в армии, чтобы она была готова к войне с Речью Посполитой, которая неизбежно должна была последовать за принятием Запорожского войска под покровительство царя, накопить необходимые для ведения войны средства. По оценке русского правительства, соответствующие условия полностью сложились к 1653 г. На созванном в Москве Земском соборе после длительного обсуждения 1 октября 1653 г. было принято решение «принять» Запорожское войско под верховную власть

Москвы и объявить войну Речи Посполитой. На Украине решение о переходе под власть царя было принято на казацкой раде в Переяславе в январе 1654 г. После этого население гетманства принесло присягу новому государю. На протяжении

1654 г. был выработан ряд документов, определявших положение гетманства как автономного политического образования в составе Русского государства. Ряд русских жалованных грамот санкционировал отношения, сложившиеся в украинском обществе в годы народно-освободительной войны, и роль в нем казачества как господствующей социальной группы. Тем самым русская власть, как гарант сложившихся отношений, оказывалась в роли арбитра в случае споров между разными частями

украинского общества. Автономия гетманства была достаточно широкой. Оно не должно было уплачивать налоги в государственную казну. Вся полнота власти в нем принадлежала гетману — выборному предводителю казаков. Хотя в Киеве уже в 1654 г. был размещен русский гарнизон, командовавшие им воеводы не должны были вмешиваться во внутреннюю жизнь украинского общества.

Русско-польская война 1654—1655 гг. Война России с Речью Посполитой началась весной 1654 г. и сразу ознаменовалась крупными успехами русского оружия. Уже во время кампании 1654 г. русские войска заняли не только Смоленщину, но и восточную часть современной Белоруссии с такими крупными центрами, как Полоцк, Витебск и Могилев. Еще более значительные успехи были достигнуты в военной кампании

1655 г. К лету 1655 г. русские войска заняли большую часть территории Великого княжества Литовского. 4 августа 1655 г. царь Алексей Михайлович въехал в его столицу — Вильно. Одновременно, благодаря действиям русских и казацких войск, власть гетмана Богдана Хмельницкого распространилась на большую часть украинских земель. В своем походе на запад соединенное русско-украинское войско дошло до Львова. В традиционную титулатуру русских монархов были внесены важные изменения: царь теперь именовался «Всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцем» и «великим князем Литовским». Русское государство как никогда близко подошло к решению стоявшей перед ним исторической задачи — собирания всех восточнославянских земель в границах Русского государства.

Успехи русского оружия в военных кампаниях 1654 и 1655 гг., резкое ослабление Польско-Литовского государства способствовали вмешательству в происходившие события правителя Швеции Карла Густава. Он стремился не допустить нежелательного чрезмерного усиления России и поставить под свой контроль устье Вислы. Овладев уже ранее опорными пунктами в устьях таких рек, как Западная Двина, Одер, Везер, шведские политики рассчитывали превратить Балтийское море в «шведское озеро». Летом 1655 г. шведские войска вступили на территорию Речи Посполитой и в течение нескольких месяцев, не встречая серьезного сопротивления, заняли территорию Польши, современной Западной Украины, западную часть Литвы. Соглашения, заключенные Карлом Густавом с магнатами и шляхтой разных земель Речи Посполитой, включали обязательство добиться возвращения утерянных территорий на востоке.

Мир с Польшей и война со Швецией. В этих условиях русская

внешняя политика резко изменилась. В Москве было принято решение начать войну со Швецией. Летом 1656 г. русская армия во главе с царем Алексеем Михайловичем выступила в поход на Ригу. Были начаты переговоры о союзе против шведов с Данией и другими европейскими государствами. Одной из целей русской внешней политики было не допустить подчинения польских земель шведам, утверждения там шведской власти. Вместе с тем в Москве рассчитывали использовать сложившуюся ситуацию, чтобы добиться выхода к Балтийскому морю. Одновременно были начаты переговоры с противниками шведов в самой Речи Посполитой, которые добивались возвращения в страну бежавшего от шведских войск короля Яна Казимира. Ко времени начала войны никакого соглашения между ними и Россией не было заключено, была достигнута лишь договоренность о проведении мирных переговоров.

Охватившее Польшу восстание поставило находившуюся здесь шведскую армию в трудное положение. Используя это, русские войска сумели добиться ряда успехов на территории шведских владений в Прибалтике: были заняты шведские крепости на Западной Двине, сдался русским войскам такой крупный центр, как Дерпт (Тарту). Однако осада Риги закончилась безрезультатно, и тем самым одна из главных целей войны не была достигнута.

Летом 1656 г. под Вильно начались переговоры о мирном соглашении между Россией и Речью Посполитой. На переговорах целью русских политиков было добиться подчинения всей Речи Посполитой русскому влиянию: Великое княжество Литовское должно было остаться в составе Русского государства, а Польша при жизни Яна Казимира избрать польским королем Алексея Михайловича, который после смерти Яна Казимира должен был занять его трон. На этих условиях Алексей Михайлович был готов заключить союз с Речью Посполитой против шведов и даже поддержать притязания Яна Казимира на шведский трон. Представители Речи Посполитой дали согласие на выбор Алексея Михайловича польским королем, но в обмен на это добивались возвращения утраченных в 1654—1655 гг. земель. По этому вопросу договоренности не было достигнуто, и решение было отложено до созыва сейма. Будущее русскопольских отношений оказывалось неопределенным.

Попытки шведов превратить Балтийское море в «шведское озеро», поставив под свой контроль всю торговлю между востоком и западом Европы, вызвали враждебную реакцию целого ряда европейских государств. К 1658 г. против Швеции, кроме Речи Посполитой, выступала коалиция Австрии, Дании, Бранденбурга и Голландии. В таких условиях

Швеция не могла серьезно пытаться вернуть себе утраченные земли, и по перемирию, заключенному в 1658 г. в Валиессари, они остались за Русским государством. Но русское правительство не смогло воспользоваться затруднительным положением Швеции, так как стали все более осложняться отношения с Речью Посполитой и положение на Украине.

Образование антишведской коалиции сильно улучшило международное положение Речи Посполитой, и ее правящие, круги стали терять интерес к соглашению с Россией. Правда, следуя своим формальным обязательствам, сейм в 1658 г. провозгласил Алексея Михайловича наследником польского трона, но при этом царь должен был принять католическую веру (или осуществить унию церквей) и вернуть Речи Посполитой все утраченные ею земли (в их числе и Украину). В конце 1658 г. на территории современной Белоруссии начались военные действия между русскими и польско-литовскими войсками. К этому времени у польских правящих кругов возникла надежда на возвращение в состав Речи Посполитой Украины независимо от соглашения с Россией.

Кризис в украинском гетманстве. После смерти Богдана Хмельницкого в августе 1657 г. на территории гетманства обострились внутренние противоречия, обострения которых в предшествующие годы он сумел не допускать благодаря своему чрезвычайно высокому личному авторитету.

Казацкая верхушка во главе с преемником Хмельницкого на посту гетмана Иваном Выговским, значительная часть которой состояла, как и сам новый гетман, из выходцев шляхты, стремилась занять в украинском обществе то место, которое в нем до освободительной войны занимала шляхта. Такие действия наталкивались на сопротивление широких кругов «показачившихся» в годы освободительной войны крестьян и мещан, добивавшихся признания за ними казацкого статуса, предполагавшего, в частности, освобождение от налогов. В борьбе со «своевольниками», находившими себе опору на Запорожье, казацкая верхушка ожидала поддержки и помощи от русского правительства. Русское правительство, однако, предпочло выступить в роли посредника. Недовольная этим казацкая верхушка решила искать соглашения с Речью Посполитой, которая, казалось, ослабленная долголетней войной, должна была пойти навстречу ее требованиям. Кроме того, гетманство в рамках Русского государства было периферийным политическим образованием, не способным серьезно влиять на принимавшиеся в Москве решения. Казацкие полковники рассчитывали, что гетманство войдет в состав Речи Посполитой как ее третий равноправный член — «Великое княжество

Русское» наряду с Польшей и Литвой. 16 сентября 1658 г. в Гадяче был заключен договор с представителями Речи Посполитой, в значительной мере учитывавший эти пожелания. После этого Выговский, подавив выступления «своевольников», объявил о разрыве с Россией, и Алексей Михайлович направил на Украину свою армию.

Выговский получил поддержку из Речи Посполитой, к нему также пришел на помощь с главными силами орды не желавший усиления России крымский хан Мехмед-Гирей. 18 июня 1659 г. под Конотопом русская армия потерпела серьезную неудачу (передовой полк попал в татарскую засаду и был уничтожен) и отступила к русским границам. Крымская Орда, обойдя Белгородскую черту, вторглась в южные уезды Русского государства.

Тем временем выработанный в Гадяче текст соглашения был представлен на рассмотрение сейма, где он подвергся серьезным изменениям. Гетманство должно было занимать лишь часть украинских земель, особого статуса третьего равноправного «члена» Речи Посполитой оно не получило. Кроме того, постановления сейма предусматривали восстановление на этих территориях традиционного административного аппарата и возвращение магнатам и шляхте их владений. В таком виде Гадячский договор был не нужен не только «показаченным» крестьянам и мещанам, но и казацкой верхушке, которая должна была превратиться и на территории гетманства во второстепенную социальную группу. В результате Выговский утратил всякую поддержку на Украине, вынужден был отказаться от гетманства и бежал в Польшу. Новым гетманом был избран сын Богдана Хмельницкого Юрий. На новой казацкой раде в Переяславе в октябре **1659** г. бьио заключено новое соглашение, определявшее положение гетманства в составе Русского государства. Автономия гетманства была ограничена по сравнению с соглашениями **1654** г., в частности, в целом ряде городов **(Пе**реяслав, Нежин и др.) были размещены русские гарнизоны. Однако, несмотря на эти ограничения, новое соглашение давало украинскому обществу, и в особенности казачеству как его социальной верхушке, несравненно больше, чем Гадячский договор.

Возобновление войны с Польшей. Мир со Швецией. Если кризис в отношениях с Украиной временно удалось урегулировать, то международная ситуация менялась в неблагоприятную для России сторону. Оказавшись в тяжелом положении перед лицом коалиции враждебных государств, Швеция была вынуждена в мае 1660 г. заключить мир с Речью Посполитой, отказавшись от всех своих захватов на ее территории.

Освободившиеся военные силы правящие круги Речи Посполитой направили на восток, чтобы силой вернуть утраченные в 1654—1655 гг. земли. В этой новой военной кампании они, как ранее Выговский, могли опираться на поддержку Крыма. В 1658—1659 гг. успех сопутствовал русской стороне (потерпел поражение и попал в плен гетман В. Госевский, русские войска заняли Брест), но в 1660 г. положение изменилось. К войскам Великого княжества Литовского присоединилась вся польская армия во главе с ее лучшими военачальниками С. Чарнецким и Е. Любомирским. В июне 1660 г. армия И. А. Хованского потерпела поражение на территории Белоруссии, в октябре 1660 г. другая русская армия во главе с В. Б. Шереметевым на Украине под Чудновом, не получив поддержки казацких полков, была окружена польско-литовским войском и татарами и капитулировала. С начала войны русское правительство прилагало большие усилия для замены традиционного дворянского ополчения полками нового строя — рейтарскими и солдатскими. Для пополнения солдатских полков в 1658—1660 гг. были проведены три общегосударственных набора даточных людей, но к 1660 г. все эти меры еще не могли привести к нужным результатам. Последствия этих военных неудач были очень серьезными. Были потеряны Литва и западная часть Белоруссии. В ноябре 1661 г. после полуторалетней осады польско-литовскими войсками была взята приступом крепость в Вильно, оказавшаяся в глубоком тылу после отступления русских войск в Восточную Белоруссию. На Украине казацкие полки во главе с Ю. Хмельницким принесли присягу польскому королю. Положительным было лишь то, что население Левобережной Украины, где был особенно высоким процент «показаченных», не признало этой присяги и принесло новую присягу царю. Здесь был выбран новый гетман, не подчинявшийся Ю. Хмельницкому.

России было необходимо сосредоточить все силы на борьбе с Польско-Литовским государством. В этих условиях в июне 1661 г. был заключен Кардисский мир со Швецией, по которому Швеция получила обратно земли в Прибалтике, занятые ранее русскими войсками. Такой тяжелой ценой соглашение о перемирии было превращено в мирный договор, по которому Швеция обязывалась не оказывать помощи Польско-Литовскому государству в его войне с Россией. Так была предотвращена опасность возникновения направленной против России польско-шведской коалиции.

Андрусовский договор. К концу 60-х гг. XVII в. страна была измотана многолетней войной. Войска несли сильные потери, которые все труднее было восполнять. Все больше не хватало средств на содержание армии,

размеры которой постепенно увеличивались. Попытка решить финансовые трудности с помощью выпуска «медных денег» не привела к успеху. В 1662 г. было принято решение о сборе чрезвычайного налога — «пятины» (пятой части стоимости имущества). В том же году была объявлена государственной монополией торговля некоторыми идущими на экспорт товарами (поташ, лен, сало, юфть, меха и др.). Рост налогов вызывал народные волнения. Приходилось искать мира с Польско-Литовским государством, но после достигнутых успехов правящие круги Речи Посполитой первоначально не были склонны к поискам компромисса. Зимой 1663/1664 г. польско-литовское войско во главе с самим королем Яном Казимиром предприняло поход на Левобережную Украину, чтобы подчинить и ее Речи Посполитой, но войско, понеся серьезные потери в борьбе с русскими воеводами и местным населением, вынуждено было отступить, ничего не добившись. На Правобережной Украине положение польской власти было непрочным, здесь постоянно вспыхивали волнения, жестоко подавлявшиеся. Одновременно обозначился конфликт между недавними союзниками — Речью Посполитой и Крымом. Крымские ханы стали побуждать казаков к выступлениям против поляков, рассчитывая подчинить их своей власти. Призывы эти встретили отклик казацкой верхушки на Правобережной Украине во главе с гетманом Петром Дорошенко. Придя к власти в конце 1665 г., он не только вступил в союз с татарами, но и стал искать покровительства турецкого султана. Перспектива османской экспансии в Восточной Европе пугала правящие круги и России, и Речи Посполитой, и это стало для обеих сторон дополнительным стимулом для поисков мирного соглашения.

В этих условиях в январе 1667 г. в деревне Андрусово было заключено соглашение о тринадцатилетнем перемирии, положившем конец русско-польской войне. По этому договору еще остававшаяся под русской властью Восточная Белоруссия возвращалась Речи Посполитой, но Смоленщина и Левобережная Украина признавались частью Русского государства. Киев с прилегающей территорией был передан России лишь на три года, но в дальнейшем русскому правительству удалось удержать за собой эту древнюю столицу Руси. Над Запорожской Сечью устанавливался совместный протекторат России и Речи Посполитой.

Андрусовский договор был не просто соглашением о перемирии, он был одновременно соглашением о совместной политике обоих государств по отношению к Османской империи и Крыму. В декабре 1667 г. договоренность была дополнена соглашением о военном сотрудничестве, предусматривавшим «случение сил» обоих государств для войны с этими

противниками. В Москве и в Варшаве рассчитывали, что таких соглашений будет достаточно, чтобы предотвратить вмешательство Османской империи в восточноевропейские дела.

Россия, Украина и Османская империя. Русско-османская война 1677—1681 гг. Вскоре после заключения этих соглашений осложнилось положение на Левобережной Украине. С середины 60 -х гг. XVII в., когда обозначилась перспектива скорого мира с Речью Посполитой, в Москве было принято решение ограничить автономию левобережного гетманства. Была проведена перепись крестьян и мещан, которые должны были выплачивать налоги в царскую казну, а налоги собирать воеводы — начальники русских гарнизонов, размещенных в украинских городах. Первой реакцией на эти меры стало массовое «показачивание» украинских крестьян и мещан, а в начале 1668 г. здесь началось восстание против русской власти, ряд русских гарнизонов в городах был перебит. На Левобережной Украине появились полки Петра Дорошенко и крымские татары. В этой сложной ситуации Речь Посполитая не оказала никакой помощи русским воеводам. Это показало Османской империи и Крыму, что русско-польские договоренности не действуют, и побудило их активизировать свои действия в Восточной Европе. Гетман Дорошенко был официально принят под покровительство султана и получил от него фирман на управление гетманством.

В Москве извлекли уроки из допущенных ошибок и объявили об отказе от преобразований. В марте 1669 г. между русским правительством и казацкой верхушкой Левобережной Украины было заключено соглашение, опиравшееся на традиционные нормы отношений России и гетманства. Оно оказалось устойчивым и с некоторыми изменениями действовало на протяжении нескольких десятилетий. Казацкая верхушка гарантировала русскому правительству свою лояльность, свое активное участие в его внешнеполитических акциях. Со своей стороны русское правительство гарантировало казацкой верхушке ее положение господствующей социальной группы в украинском обществе, всю полноту власти в нем, свою поддержку ее политике подчинения социальных низов, их превращения в зависимых людей нового формирующегося господствующего класса. Вместе с тем прочность соглашений определялась еще и тем, что они в определенной мере отвечали и интересам украинского общества в целом. Они обеспечивали защиту Левобережной Украины от нападений татар и османов, возможности для сохранения своих общественных порядков и развития культуры, которая во второй половине XVII в. оказывала все более сильное влияние на русскую

культуру.

Устойчивость положения, сложившегося в отношениях между Россией и Левобережной Украиной, была резким контрастом по отношению к тому, что происходило на Правобережье. На Правобережной Украине шла война между сторонниками и противниками проосманской ориентации. Положение дополнительно осложняли попытки польского правительства силой вернуть эту часть Украины под свою власть. Так как к концу 60-х гг. гетман Петр Дорошенко был уже вассалом султана, то эти действия поляков стали для османских политиков формальным основанием, чтобы в конце 1671 г. объявить войну Польско-Литовскому государству. Находившаяся в состоянии глубокого внутриполитического кризиса Речь Посполитая не

смогла оказать серьезного сопротивления османским войскам, и по миру в Бучаче от 16 октября 1672 г. Правобережная Украина стала частью Османской империи. Реакция русского правительства на происшедшее оказалась очень острой. Царь Алексей Михайлович потребовал от султана «войну велеть отставить и войска свои султановы от войны отвратить». На Дону начались военные действия донских казаков и русских регулярных войск против Азова и Крымского ханства. В октябре 1672 г. из Москвы в едва ли не во все крупные европейские государства были отправлены посольства с призывом прекратить внутренние конфликты и объединиться в единый союз для борьбы с наступлением османов. Это была первая крупная акция русской дипломатии, имевшая своей целью повлиять на политическую жизнь всей Европы.

Непосредственных практических результатов эта акция не имела, однако именно с этого времени наметились важные перемены в отношениях России с одним из наиболее крупных европейских государств того времени — державой австрийских Габсбургов. Прерванные в течение нескольких десятилетий, эти контакты возобновились в середине XVII в., но первоначально австрийская дипломатия использовала их, чтобы оказывать содействие Речи Посполитой. Польско-Литовское государство в Вене рассматривали как одного из главных союзников в борьбе против основного противника Габсбургов на Балканах — Османской империи. Однако с течением времени в антиосманских планах Габсбургов все большее место начинает занимать Россия. Именно в это время в последние десятилетия XVII в. зарождаются истоки более поздних русско-австрийских союзов, направленных против Османской империи.

Сложившуюся ситуацию русское правительство использовало, чтобы возобновить борьбу за Правобережную Украину. (При вступлении

османских войск на эту территорию в некоторых городах их угощали хлебом и мясом, однако знакомство с реальной политикой османов, облагавших население высокими налогами и забиравших за неуплату в рабство, быстро положило конец иллюзиям. Уже в 1673 г. некоторые полковники с Правобережья просили царя выслать войска за Днепр, чтобы взять население под защиту от «бусурман». Когда зимой 1674 г. русские войска и войска гетмана Левобережной Украины И. Самойловича перешли Днепр, большая часть казацких полков Правобережья перешла на их сторону, и на раде в Переяславе в марте 1674 г. И. Самойлович был избран гетманом казачества по обе стороны Днепра. Такое решение вызвало крайнее недовольство османов, направивших на Правобережную Украину крупные военные силы, и русско-украинские войска были вынуждены отступить за Днепр. Стремясь удержать Правобережную Украину под своей властью, османы не останавливались перед тем, чтобы уничтожать или обращать в рабство население целых городов (как, например, Умани). Объективным результатом этих действий стал полный упадок проосманской ориентации населения Правобережной Украины. Теперь уже не только рядовые казаки, но и многие представители казацкой верхушки стали уходить за Днепр. Дорошенко утратил всякую поддержку. Когда в 1676 г. русские войска и войска гетмана И. Самойловича снова перешли Днепр, он капитулировал и сдал без боя свою столицу Чигирин.

Эти события совпали с окончанием новой польско-турецкой войны. Сейм Речи Посполитой отказался утвердить условия Бучачского мира, и в 1673 г. военные действия между Османской империей и Речью Посполитой возобновились. Хотя в ходе войны польско-литовские войска во главе с королем Яном Собесским неоднократно одерживали победы над османскими войсками, перевес сил был на стороне Османской империи. В 1676 г. был заключен мир, по которому Речь Посполитая отказывалась от территории правобережного гетманства в пользу Османской империи. Теперь османы могли направить все свои силы против России, которая обладала реальной властью над этой территорией.

Для борьбы за Правобережную Украину русским правительством были направлены крупные военные силы, которые действовали здесь совместно с казацкими полками. К этому времени сказались в полной мере результаты военных реформ, проведенных в предшествующие десятилетия. Основную часть армии составляло теперь не дворянское ополчение, а рейтарские и солдатские полки. Армия эта оказалась для османов неудобным противником. Первый поход османов на Чигирин в 1677 г. закончился серьезным поражением османской армии: войска бежали, бросив оружие и

обоз. В следующем, 1678 г. Османская империя бросила на Правобережную Украину 80-тысячную армию, к которой присоединилась Крымская Орда. Во главе войск стал сам глава правительства великий везир Кара Мустафа. Под Чигирином в июле 1678 г. развернулись тяжелые бои. Османские войска понесли в них серьезные потери, но все же им удалось взять Чигирин и оттеснить русскоукраинские войска к Днепру. Хотя в османских правящих кругах перед походом были планы распространить власть султана на всю территорию Украины, после понесенных потерь эти планы были оставлены, тем более что в Москве принимали самые серьезные меры для защиты своих границ: в 1679 г. был собран чрезвычайный налог на содержание армии, по полтине с крестьянского двора и по десятой деньге с посадских людей, проведен новый рекрутский набор (набор «даточных людей»). Русские дипломаты предлагали Габсбургам совместное выступление против османов, но в Вене их предложения не встретили поддержки. Огромные новые военные расходы ложились на страну непомерной тяжестью, продолжать войну с Османской империей за Правобережную Украину без союзников было невозможно. В 1681 г. был заключен Бахчисарайский мир, по которому Османская империя признала присоединение Левобережной Украины к Русскому государству, но Правобережная Украина осталась под властью османов.

В годы длительной войны с Крымом и Османской империей выявилась надежность оборонительных линий, созданных в предшествующие десятилетия для обороны южных границ Русского государства. Крымские татары уже не могли совершать таких вторжений на русские земли, как в годы Смоленской войны. Серьезный ущерб русским землям они смогли нанести лишь в 1659 г., когда сумели обойти эти оборонительные линии со стороны Украины. В 1680 г., еще до заключения Бахчисарайского мира, было начато строительство Изюмской черты — южной оборонительной линии, которая должна была прикрыть многочисленные поселения, образовавшиеся к югу от Белгородской черты. Строительство Изюмской черты завершилось к 1685 г., она растянулась на 223 версты и включала в себя 11 крепостей. Тем самым южные русские границы все сильнее придвигались к Крыму, и создавались предпосылки для коренного перелома во взаимоотношениях между Русским государством и Крымским ханством.

Антиосманская коалиция и Россия. Формирование «черноморской» политики. В начале 80-х гг. XVII в. в системе международных отношений произошли важные перемены. Сложилась коалиция государств, выступивших против Османской империи. Под Веной

в 1683 г. соединенные войска Габсбургов и Речи Посполитой нанесли османам серьезное поражение. Однако воспользоваться плодами победы оказалось далеко не простым делом. Османы оказывали упорное сопротивление, не желая уступать ничего из завоеванных ранее позиций. Польско-Литовское государство, в котором во второй половине XVII в. усиливались процессы политической децентрализации, все более оказывалось неспособным вести длительные военные кампании. В этих условиях главный организатор коалиции — австрийские Габсбурги стали добиваться присоединения к этой коалиции Русского государства. Сложившееся положение русские политики использовали, чтобы добиться признания Речью Посполитой итогов русско-польской войны 1654—1667 гг. Под давлением союзников и в надежде на русскую помощь в войне с османами ее правящие круги согласились на то, что в 1686 г. соглашение о перемирии было заменено договором о «Вечном мире» и военном союзе против Османской империи и Крыма. Решен был и вопрос о Киеве, приобретение которого стоило России огромной суммы в 146 тыс. золотых рублей. Принимая решение о войне, в Москве выработали программу (первую в истории русской внешней политики) укрепления позиций России на Черноморском побережье. Подготовленные в 1689 г. условия для будущих мирных переговоров предусматривали включение в состав Русского государства Крыма, Азова, турецких" фортов в устье Днепра, Очакова. На выполнение этой программы ушло следующее, XVIII столетие.

Во исполнение обязательств русские войска дважды, в 1687 г., а затем в 1689 г., предпринимали большие походы на Крым. Для походов на Крым были мобилизованы очень крупные военные силы — более чем 100-тысячная армия. Впервые территория ханства стала объектом военных операций русских регулярных войск — еще одно свидетельство медленного, но постоянного укрепления позиций России на юге Восточной Европы на протяжении XVII в. В Москве учитывали возможные трудности походов через сухую безводную степь. У днепровских порогов, как возможная база военных действий, была заложена крепость Богородицкая. Однако здесь все же явно недооценили все препятствия, с какими должен был столкнуться поход огромной армии через сухую, безводную степь, и трудности, связанные со штурмом Перекопа — единственного узкого перешейка, по которому можно было пройти в Крым. Поэтому армия дважды была вынуждена вернуться, не добившись поставленных целей.

Россия и народы Кавказа. Территория Украины (а отчасти и Белоруссии) была той Частью Восточной Европы, где во второй половине XVII века происходили очень значительные перемены. Напротив, в

Северокавказском регионе в XVII в. в основном сохранялось положение, сложившееся к концу XVI столетия. В зону русского политического влияния входила Кабарда, главные князья которой постоянно ориентировались на Россию, но должны были все время вести борьбу со сторонниками крымско-османской ориентации. Войска кабардинских князей принимали участие в походах против крымских татар и османов. На территориях западной части Северного Кавказа, занятых адыгскими племенами, господствовало крымско-османское влияние. В крепостях по побережью Черного моря стояли османские войска. Ряд князей Дагестана, опасаясь чрезмерного усиления Ирана, в первых десятилетиях XVII в. изъявили готовность подчиниться верховной власти царя, но завязавшиеся контакты во второй половине XVII столетия не получили продолжения. Новым явлением в регионе стало оживление завязавшихся в конце XVI в. связей с грузинскими царствами. На протяжении XVII в. правители Кахетии, а затем Имеретин неоднократно обращались в Москву с просьбой о помощи против Османской империи и Ирана и приносили присягу на верность царю. Однако послать войска за Кавказский хребет русское правительство не могло, а попытки дипломатического вмешательства оказывались неэффективными.

В том же столетии противники османов и иранского шаха все чаще начинают искать приюта в Москве. К концу XVII столетия русская столица стала важным центром грузинской миграции, здесь возникла первая грузинская типография.

Россия и ее восточные соседи. Важные перемены Произошли на Нижней Волге и Яике. Здесь в первой половине XVII в. была вытеснена с территории своих кочевий и затем распалась Ногайская Орда. Ее земли заняло пришедшее из Центральной Азии объединение калмыцких племен. Это объединение после ряда трений удалось вовлечь в зону русского политического влияния. После заключения договора 1655 г. калмыки стали участвовать в войнах Русского государства с Османской империей.

XVII столетие стало временем развития торговли с Ираном и государствами Средней Азии. Крупным центром такой торговли стала Астрахань. Развитие торговли способствовало установлению постоянных дипломатических контактов. С 20-х гг. XVII в. в Астрахани появились индийские купцы. Однако предпринимавшиеся по инициативе русских торговых людей попытки установить связи с государством Великих Моголов оказались безрезультатными.

Новые внешнеполитические задачи возникли перед русской властью с включением в состав Русского государства обширных территорий в

Сибири. Здесь снова возникла проблема отношений с соседними объединениями кочевников — казахами, киргизами. При решении этого вопроса власть пошла по уже выработанному пути. В 30-х гг. XVII в. было начато строительство укрепленной линии, которая должна была прикрыть земли Западной Сибири от их набегов. Так как соседившие с новыми русскими территориями племена киргизов находились в определенной зависимости от государства алтын-ханов на территории современной Монголии, то довольно скоро были установлены дипломатические связи с этим государством. Отношения с ним были мирными, чего нельзя сказать об отношениях с крупнейшей дальневосточной державой — Китайской империей.

Россия и Китай. Вопрос о контактах с Китаем приобрел серьезное значение к середине XVII в. с выходом русских землепроходцев в Забайкалье, а затем и в долину Амура. Русская колонизация Приамурья встретилась с враждебной реакцией правящих кругов империи маньчжурской династии Цин, не желавшей появления поселений жителей чужой могущественной державы у своих северных границ и подчинения местного населения этого района русской власти.

Уже в 1652 г. нападением отряда маньчжур на русских казаков в этом районе начались военные действия. Затем последовал новый военный конфликт в 1655 г., и тогда же китайские власти стали переселять на свои земли местное население Приамурья. Новое военное столкновение произошло в 1658 г. Хотя затем военные действия на длительное время прекратились, начавшиеся в конце 60-х гг. дипломатические переговоры не привели к разрядке. Направленное в Китай для установления постоянных отношений с Цинской империей посольство Н. Спафария 1 сентября 1676 г. покинуло Пекин, не добившись никаких результатов.

С 1683 г. в Приамурье опять начались военные действия. Правители Цинской империи во второй половине XVII в. направили сюда крупные военные силы, которым не смогли противостоять скромные русские военные формирования в этом районе. В этих условиях при заключении в 1689 г. Нерчинского договора, устанавливавшего границы между Российским и Китайским государствами, русская сторона была вынуждена отказаться от территорий по левому берегу Амура, занятых к этому времени русскими переселенцами. Вместе с тем этот договор означал признание крупнейшей дальневосточной державой Русского государства как своего главного соседа на территории Сибири.

Глава 23. РУССКАЯ КУЛЬТУРА В XVII в.

XVII век — это время назревающих и происходящих в культуре русского общества перемен, когда, по словам современников, «старина и новизна перемешались». Содержание и динамика историко-культурного процесса связаны (хотя и не всегда напрямую) с экономическими и социальными процессами, происходящими в обществе. Экономический кризис начала века и упадок экономики, продолжавшийся до середины столетия, существенно замедлили культурное развитие. Падение экономического уровня отразилось на культурном потенциале страны: образованных людей катастрофически не хватало, их приходилось приглашать из Малороссии, Белоруссии и других стран. Россия оставалась, самодержавной монархией, которая эволюционировала в сторону абсолютной. Этот процесс опирался на оформившуюся систему крепостного права, закрепленную Соборным уложением 1649 г. В то же время стали явными новые тенденции в экономической сфере. Это прежде всего постепенное восстановление хозяйства в разоренных регионах и развитие его в более благополучных, где ремесленное производство постепенно ориентировалось на рынок, превращаясь в товарное производство. Это рост городов. Это, наконец, появление, сначала по инициативе государства, крупного производства в области металлургии в виде своеобразных иностранных концессий. Предприятия подобного рода имели производственную организацию труда по типу западноевропейских мануфактур.

Многие памятники культуры XVII в. наполнены глубоким социальным звучанием, что объясняется невиданным размахом народных выступлений. «Бунташный век» начинается Смутой и завершается стрелецким восстанием 1698 г., а между ними многочисленные городские восстания середины века, затем раскол, бунт Стеньки Разина, стрелецкие выступления. Конфликты наивысшего социального накала затрагивают десятки тысяч людей; напряженные духовные искания, связанные с расколом церкви, затрагивают каждого человека. Весь век проходит в крайнем напряжении, поисках, спорах, противостоянии людей и идей.

Историко-культурный процесс этого периода определяет соседство и противостояние традиционной культуры Средневековья и новой культуры, принадлежащей уже Новому времени. Соотношение их не в пользу последней. Но за ней было будущее. В социальном отношении

традиционная культура связана не только с народной культурой крестьянства и посадского населения, но и в значительной степени с культурой господствующей верхушки общества, боярства и дворянства. Традиции пронизывали все сферы жизни и деятельности человека: производство, быт, верования, обычаи; они формировали «картину мира» и ее восприятие человеком Средневековья. Однако в этот период появляется немало новаций в разных сферах культурной жизни общества. Особенно заметны новые явления в литературе, живописи, общественной мысли, образовании.

Ряд исследователей связывают усложнение экономического развития, социальной и культурной жизни в XVII столетии с начальным этапом формирования русской нации. В этот период Россия за счет присоединения и освоения новых земель значительно выросла территориально. На протяжении века в условиях феодально-крепостнического государства экономические связи между регионами неуклонно развивались. Медленно, но шел процесс интеграции местных культур в единую русскую культуру. Одним из показателей этого процесса было развитие русского языка как языка единой этнической общности. Хотя диалектные различия сохраняются еще долгое время, московский говор оказывает большое влияние на процесс формирования языка русской нации. Для XVII в., особенно в годы Смутного времени, характерен рост национального самосознания.

Государственные потребности вызывали расширение культурных контактов России со странами Западной Европы. Усвоение и использование достижений западноевропейской культуры элитой социума, разные формы общения с иностранцами стали в XVII в. одним из источников новых знаний, столь необходимых для преодоления замкнутости историко-культурного пространства России.

Русская культура в последний век Средневековья включала в себя как традиции, так и новации. В культуре начался процесс, который сами современники называли «обмирщение», т. е. разрушение всеобщности традиционного средневекового, религиозного мировоззрения, изменение восприятия сакрального. Начавшаяся частичная секуляризация культуры означала медленное освобождение культуры от всестороннего влияния церкви, распространение светских элементов, развитие личностного начала, демократизацию культуры. Именно процесс секуляризации определил основное направление историко-культурного процесса на рубеже перехода от Средневековья к Новому времени.

Школа и просвещение. В. О. Ключевский писал, что «по школе

всегда можно узнать, обладает ли общество установившимся взглядом на задачи образования». В XVII в. государственные и общественные потребности начинают формировать задачи в области просвещения и школы. Постепенно растет уровень грамотности населения. Занятия торговлей и ремеслом требовали от купца и посадского человека овладения грамотой, умения считать, вести деловую переписку. Растет число грамотных в среде дворянства, в первую очередь тех дворян, которые состояли на государственной службе. В XVII в. формируется служилая бюрократия. Так, по данным Н. Ф. Демидовой, в 90-е гг. в центральных учреждениях работало 2739 думных, приказных дьяков и подьячих, в местных учреждениях — 4657 человек. Кроме них были еще и так называемые площадные подьячие. Среди крестьян грамотные встречались преимущественно в среде черносошного крестьянства. Невысок был процент грамотности среди женщин. Известно, что женщины из известного семейства купцов Строгановых не знали грамоты. Судя по сохранившимся письмам, прекрасно выражали на бумаге свои мысли и чувства представительницы аристократии Ф. П. Морозова и ее сестра Е. П. Урусова, грамотными были жены, сестры и дочери царя Алексея Михайловича.

Вопросам воспитания были посвящены специальные труды. Известным трактатом по педагогике являлось «Гражданство обычаев детских», в его основе лежало сочинение Эразма Роттердамского, перевод которого, приспособленный к русским условиям, был сделан Епифанием Славинецким. Труд представлял собой 165 вопросов и ответов, касавшихся разных сторон воспитания: правил поведения, игр, нравственного и трудового воспитания детей. «Гражданство обычаев детских» оказало большое влияние на дальнейшее развитие русской педагогики. В сборниках XVII в. высказывался взгляд на ребенка как на «скрижаль ненаписанную» (точка зрения, близкая известному положению Д. Локка о tabula rasa). Необходимыми условиями домашнего воспитания считалось ограждение ребенка от дурного влияния и хороший пример родителей и воспитателей. Особое внимание уделялось телесным наказаниям — «розга», «сокрушение ребер», «жезл» фигурируют как необходимый элемент воспитания детей и подростков. Большое место предоставлялось нравственному воспитанию молодых людей, которое основывалось на нормах христианской этики: уважение старших, забота о больных и нуждающихся, трудолюбие, честность, доброта.

Педагогический трактат «Школьное благочиние» содержит целый ряд методических советов учителю. Так, учителю рекомендовалось одинаково

внимательно относиться ко всем ученикам, как успевающим, «борзоучащимся», так и неуспевающим, «грубоучащимся». Старательных учеников в порядке поощрения следовало сажать на лучшие места, учитывая их успехи в учебе, а не знатность происхождения. «Школьное благочиние» исходило из всесословного принципа организации начальной школы.

На этапе начального обучения преподавание велось теми же приемами буквослагательного метода, что и в прежние времена. Грамоте, письму и счету учили дома или у так называемых мастеров грамоты, которые в основном были из представителей низшего духовенства. Основными учебниками, по которым учились читать, были Псалтирь и Часовник. В 1634 г. вышло первое издание «Азбуки» Василия Бурцова-Протопопова (тираж 2400 экз.). Букварь Бурцова на протяжении XVII в. переиздавался несколько раз и стоил одну копейку. В 1679 г. был издан букварь Симеона Полоцкого, в 1694 г. — букварь Кариона Истомина с иллюстрациями. Во второй половине столетия Московский печатный двор выпустил более 300 тыс. букварей и около 150 тыс. учебных Псалтирей и Часовников. В 1648 г. была напечатана «Грамматика» Мелентия Смотрицкого, в 1682 г. — «Считание удобное» (таблица умножения). Для начального обучения использовались азбукипрописи, в которых содержались материалы для упражнения в скорописи, чтения и задачи по арифметике. Широкое распространение получили азбуковники, в которых в сокращенном виде излагалась грамматика. Азбуковники были своеобразными энциклопедиями, содержавшими свыше 600 статей, из которых можно было почерпнуть сведения по географии, биологии, античной мифологии, истории.

Для подготовки образованных людей нужны были школы. В 1621 г. в Москве в Немецкой слободе была открыта лютеранская школа, в которой латинскому и немецкому языкам учились и русские дети. В 1649 г. на средства Ф. М. Ртищева была создана школа при Андреевском монастыре на Воробьевых горах. Здесь украинские монахи во главе с Епифанием Славинецким преподавали славянский, греческий и латинский языки, риторику, философию. В 1650 г. Епифаний Славинецкий начал трудиться в школе при Чудовом монастыре, которая финансировалась из казны патриаршего двора. В 1667 г. посадские люди, прихожане церкви Иоанна Богослова, просили у церковных властей разрешения открыть школу («гимнасион») для преподавания славянского, греческого, латинского языков и «прочих свободных учений». С 1665 г. в школе при Заиконоспасском монастыре обучали подьячих Приказа тайных дел.

Организатором и преподавателем этой школы был Симеон Полоцкий, которого в 1669 г. сменил его ученик Сильвестр Медведев.

Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович (известен в России как Симеон Полоцкий, 1629—1680) приехал в Москву из Белоруссии в 1664 г. по приглашению Алексея Михайловича для преподавания наук царевичам. Поэт, писатель, переводчик, книгоиздатель, представитель «латинствующих», Симеон выступал с идеей о том, что светские знания не противоречат истинной вере, отстаивал необходимость развития светского образования, приобщения к европейской культуре через изучение латинского языка. «Грекофилы», пользовавшиеся покровительством патриарха Иоакима, оспаривали позицию «латинствующих», отстаивали ориентацию исключительно на греческую православную культуру и богословское направление в образовании. Примером такой школы стала открытая в 1681 г. школа при Печатном дворе (Типографская) для изучения «греческого чтения, языка и письма». Вначале там обучалось всего 30 учеников, а в 1686 г. было уже 233 ученика. По оценке В. О. Ключевского, греческое влияние, проводившееся церковью, «направлялось к религиозно-нравственным целям», а идущее от государства западное влияние «призвано было первоначально для удовлетворения его материальных потребностей, но не удержалось в этой сфере, как держалось греческое в своей».

Школы подготовили условия для открытия в 1687 г. в Заиконоспасском монастыре Славяно-греко-латинского училища (с 1701 г. — Славяно-греко-латинская академия), первого высшего учебного заведения в России. Первыми учителями стали греки — братья Софроний и Иоаникий Лихуды, окончившие Падуанский университет. Приглашение Лихудов было компромиссом между группировками «латинствующих» и «грекофилов». Не оправдав надежд «грекофилов», в 1694 г. братья Лихуды были отстранены от преподавания в училище.

Первые ученики, 104 человека, были набраны из Богоявленской и Типографской школ. Через два года число обучающихся возросло до 182 человек. Руководствуясь всесословным принципом, принимали учиться всех желающих «всякого чина, сана и возраста». Обучение было бесплатным. Изучали в училище богословие, славянский, греческий, латинский языки, риторику, диалектику, логику, физику, подготавливая образованных молодых людей для духовной и гражданской службы. Славяно-греко-латинское училище сыграло позитивную роль в становлении и развитии светского среднего и высшего образования в России в конце XVII — первой половине XVIII в.

Книжное дело. Распространение грамотности и развитие школьного образования вело к росту интереса к книге, к спросу на определенный круг изданий. В XVII в. книгопечатание сделало большие успехи: вышло 483 книги (в XVI в. их было всего 14). В основном печатались богослужебные книги (до 85% всех изданий). Книгопечатание находилось в ведении церковных властей и под государственным контролем. Печатным двором управляли два приказа: Приказ Большого дворца (до 1653 г.) и Патриарший приказ. Выбор книги и ее направление определяли церковные власти, а штат работников (165 человек) Печатного двора находился в ведении Приказа Большого дворца. В Москве работали две типографии — Печатный двор на Никольской улице и в Кремле — Верхняя типография, которая действовала в последней четверти XVII в. Есть сведения о кратковременном существовании типографий в Иверском Валдайском монастыре с 1658 по 1665 г. и Нижнем Новгороде в 1612 г.

Печатная книга в XVII в. способствовала просвещению. Издания букварей, азбуковников, «Грамматика» М. Смотрицкого, «Считание удобное» были необходимы в процессе обучения. Вышли в свет и другие книги светского содержания — «Соборное уложение» (1649), «Учение и хитрость ратного строения» Вальтхаузена (1647), поэтический сборник «Псалтирь рифмотворная» Симеона Полоцкого (1680), «Букварь» Кариона Истомина (1696). Высокий полиграфический уровень (шрифты, заставки, инициалы, лицевые гравюры) был присущ изданиям Верхней типографии, созданной по инициативе Симеона Полоцкого и печатавшей в основном его сочинения.

Весомый вклад в развитие книжного дела внесли украинские и белорусские ученые монахи Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский, Дамаскин Птицкий, Симеон Полоцкий, монахи Кутейнского монастыря, из которого типография была переведена на Валдай, и многие другие. Они проявили себя как справщики (редакторы), переводчики, авторы оригинальных сочинений. В России распространялись издания украинских и белорусских типографий, но в первой половине XVII в. церковные власти относились к ним с большим предубеждением, боязнью «латинства».

Печатная книга лишь частично удовлетворяла общественные запросы. Поэтому рукописная книга в XVII в. не только не потеряла, но укрепила свои позиции. Центром по созданию роскошных книг для царского двора был Посольский приказ. Здесь в 70-е гг. в мастерской изготовлялись массивные иллюстрированные книги — «Книга об избрании на царство Михаила Феодоровича», «Корень государей» (Титулярник) с портретами

русских великих князей, царей и патриархов, «Родословие великих князей и монархов».

В Посольском приказе развернулась работа по переводу иностранных книг. С 1621 г. для царя составляли из переводных материалов своеобразную рукописную газету «Вести-Куранты». За первую половину XVII в. было переведено 13 книг, а за вторую — 114 книг, большинство из них были светского содержания (литература по истории, географии, медицине, философии). Среди этих книг было «Артаксерксово действо» — первая пьеса, поставленная в первом русском театре.

Вдохновителем и руководителем издательской деятельности Посольского приказа был его глава боярин Артамон Матвеев, один из образованных людей своего времени. Над созданием книг в Посольском приказе работали переводчики Николай Спафарий-Милеску, Петр Долгово; художники-иллюстраторы и писцы Богдан Салтанов, Иван Максимов, Дмитрий Львов, Григорий Благушин, Иван Верещагин и др. Благодаря их усилиям Посольский приказ стал центром по созданию светской книги, предназначенной в основном для придворного окружения, в противовес Печатному двору, где печатались в основном богослужебные книги.

В XVII столетии распространяется демократическая рукописная книга. Ее содержание не определялось церковными и светскими властями, она создавалась самими читателями, отражала их потребности и вкусы. С этой книгой, вышедшей из посадской среды, связано возникновение демократической сатиры и бытовой повести. Скромные рукописные сборники, написанные непрофессиональными писцами, содержат «Повесть о Горе-Злочастии», «Повесть о Савве Грудцыне», «Повесть о Ерше Ершовиче» и другие столь любимые читателями произведения.

Особое место занимает старообрядческая книга, которая была не только проводником идей, но и сохранила старые традиции художественного оформления книги.

Крупнейшими книжными собраниями обладали монастыри: Соловецкий (1478 книг), Кирилло-Белозерский (1304 книги), Иосифо-Волоцкий (1150 книг). Среди библиотек по количеству книг выделялись патриаршая (около двух тысяч книг) и типографская (больше тысячи книг) библиотеки. Свои библиотеки были в Посольском, Аптекарском, Пушкарском приказах.

Частные книжные собрания, состоявшие от нескольких десятков до нескольких сотен книг, не были редкостью. Большими библиотеками обладали представители духовенства. Книжное собрание С. Полоцкого включало 651 книгу, Афанасия Холмогорского — 490, патриарха Филарета

— 261. Большие библиотеки были у членов царской семьи. Так, в библиотеке Федора Алексеевича было 280 книг. Известными любителями книг были В. В. Голицын (93 книги) и А. С. Матвеев (77 книг). Иностранные книги были на греческом, латинском, польском, немецком языках. Владельческие записи на книгах свидетельствуют, что их владельцами были дворяне, купцы, подьячие, посадские люди, представители низшего духовенства, крестьяне. Состав книжных собраний свидетельствует о растущем интересе к светской книге по истории (летописцы, хронографы, степенные книги), философии, географии, космографии, медицине (лечебники, травники).

Научные знания. Развитие ремесленного и мануфактурного производства, рост торговли, расширение связей с другими странами создавали предпосылки для накопления научных знаний. Знания, как правило, еще не были оформлены в научные системы, а имели прикладной, практический характер. Огромную роль в формировании и распространении знаний играла книга как отечественная, так и западноевропейская, переводная литература с рационалистическим подходом в объяснении явлений природы.

Русские списки учебника «Цифирной счетной мудрости» знакомили читателя с конкретными математическими задачами применительно к торговой практике, мерам и денежным единицам. В русском торговом обиходе в XVII в. повсеместно употреблялась не «цифирь» (арабские цифры), а средневековая «буквенная» нумерация. По отзывам иностранцев, русские люди производили вычисления с помощью сливовых косточек или прибора, похожего на будущие счеты («дощатый счет»). Практическим руководством являлась «Книга сошного письма 7137 года» (1629 г.), в которой были представлены знания в области геометрии и их применение при измерении земельных площадей. К концу века были составлены специальные таблицы по земельному обложению, в которых по горизонтали указывались «соха» и ее доли (И показателей), а по вертикали — данные о качестве земли, социальном положении владельцев и др. Таким же практическим руководством была «Роспись, как зачать делать новая труба на новом месте», написанная «трубным мастером» Семеном из Тотьмы. В «Росписи...» описывалось устройство деревянных рассолоподъемных труб, их установка и способы бурения скважин, т. е. то, что необходимо было для солеварения.

Представления о познаниях в области математики, физики и химии дает «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки», составленный Онисимом Михайловым (Родышевским) на

иностранных материалах и дополненный собственными наблюдениями. Руководство содержит практические рекомендации пушкарям, русским артиллеристам. В «Уставе...» приводятся сведения о связи дальнобойности с калибром орудия, о разнице удельного веса железа и свинца, о способах улавливания звука, рецепты варки селитры и приготовления пороха. Познания в области химии были обобщены в руководствах по приготовлению красок, левкаса, олифы, чернил.

Особое место в распространении медицинских знаний принадлежало Аптекарскому приказу. В обязанности штата Аптекарского приказа входило обеспечение медицинской помощью царя и его семьи. К середине века функции приказа существенно расширяются: он отвечал за создание медицинской службы в русской армии, приглашение иностранных врачей, подготовку отечественных лекарей, работу аптек и сбор лекарственных растений по всей России.

Русским лекарям было известно переводное сочинение «Аристотелевы врата», в котором имелись сведения по общей гигиене, хирургии, терапии, «фармации», врачебной этике. Русский лекарь Иван Венедиктов, начинавший свою карьеру врача учеником в Аптекарском приказе, на материалах иностранных источников и собственного опыта составил «Фармакопею». Ценные сведения в области ботаники и медицины содержались в русских и переводных «Травниках» и «Лечебниках». Холмогорский архиепископ Афанасий составил в 1696 г. свой «Лечебник», в котором привел описание ряда болезней и средства их лечения. Труд по научной анатомии ученого эпохи Возрождения А. Везалия «О строении человеческого тела» был переведен Епифанием Славинецким (перевод не сохранился).

Русские люди издавна интересовались астрономией. Это объясняется также практической необходимостью: нужно было определять точные даты церковных праздников, учитывать наблюдения за природой в цикле сельскохозяйственных работ. Большинство рукописей астрономического содержания представляло переводы или компиляции, основанные на геоцентрической системе Птолемея, положении о Земле как центре Вселенной. Представление о гелиоцентрической системе Н. Коперника можно было составить из сочинения В. и И. Блеу «Позорище (обозрение) всея вселенныя, или Атлас новый» в переводе Епифания Славинецкого. Другой книгой, в которой излагалась система Коперника, был перевод работы гданьского астронома Иоганна Гевелия «Селенография» («Описание Луны»). Эти переводы не повлияли на господствовавшие в обществе средневековые представления об устройстве мироздания.

В XVII в. географические представления русских людей о территории своей страны и других государств расширялись и уточнялись. Для России это была эпоха географических открытий русскими «землепроходцами» и мореходами, которая может быть сопоставима с открытием Нового Света, с той только разницей, что русские в отличие от англичан и испанцев не уничтожили ни один народ, присоединяя земли к России. Еще в начале века была создана общая карта страны («Большой чертеж»), которая не сохранилась. В 1627 г. в Разрядном приказе составили «Книгу Большому чертежу», которая служила комментарием к общей карте и содержала перечень городов с указанием расстояний между ними. Она широко использовалась и дошла в большом количестве списков. Географические сведения содержали «поверстные книги», составлявшиеся в Ямском приказе. В них указывались дороги, идущие от Москвы в разных направлениях, населенные пункты, расстояния между ними.

Экспедиции И. Перфильева, М. Стадухина, В. Пояркова, С. Дежнева, Е. Хабарова, В. Атласова, обследовавшие Сибирь, Забайкалье, побережье Тихого океана, не только присоединили к России новые земли, но и собрали разнообразные сведения о реках, полезных ископаемых, флоре и фауне, занятиях населения, языке и обычаях разных народов. Важнейшим научным результатом их трудов стали сводные карты и географические обзоры: «Роспись сибирским городам и острогам» (около 1640 г.), «Роспись» морского пути вдоль Охотского моря (конец 40-х — 50-е гг.), «Чертеж» Сибири тобольского воеводы П. И. Годунова (1667), «Чертеж Сибирской земли» (1672). Итогом в развитии географических знаний и картографической техники стала «Чертежная карта Сибири», составленная в 1701 г. С. У. Ремезовым.

Для познания соседних с Россией государств большое значение имели статейные списки, отчеты посольств. Особенно ценными в географическом плане оказались статейные списки посольств в Китай томского казака Ивана Петелина (1616— 1619) и Федора Байкова (1654). Ценнейшие материалы о Китае были собраны посольством, во главе которого был переводчик Посольского приказа Николай Спафарий-Мелеску (1675— 1678). Научным итогом этой экспедиции стали книги Спафария — «Описание первыя части Вселенныя, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство...» и «Сказание о великой реке Амуре».

Географические карты и описания русских авторов широко использовали в своих работах иностранцы. Из переводных сочинений в России знали труд Меркатора «Космография», в котором большое внимание уделялось политической и экономической характеристике разных

стран.

Общественная мысль. XVII век начинается Смутой в Московском государстве. Общественные потрясения были столь серьезны, что государственная, национальная и религиозная независимость России оказались под угрозой. В бурные события начала века были вовлечены различные социальные слои общества, которые в острой политической борьбе оказывались то союзниками, то противниками. Публицистика того времени, откликаясь на происходящие события, подчас становилась частью этой борьбы. С завершением Смуты поднятые в начале века вопросы продолжают обсуждаться, в событиях тех лет общественная мысль ищет ответы на жгучие вопросы — власть и общество, государство и церковь, природа, характер и ответственность царской власти.

Тяжелейший политический кризис, поставивший страну на грань катастрофы, вызвал подъем национального самосознания, понимание необходимости консолидироваться разным силам во имя спасения Отечества. Патриотические чувства нашли свое выражение в «Новой повести о преславном Российском царстве и великом государстве Московском», созданной в конце 1610-го или начале 1611-го г. неизвестным автором. Повесть написана в виде подметного письма: «Кто же письмо это возьмет и прочтет, пусть его не таит, а передаст, прочитавши и уразумев, братьям своим... для сведения». «Новая повесть...» обращена ко «всякого чина людям», всем, кому дорога судьба Московского государства. Перед угрозой потери национальной независимости автор призывает объединиться, взять дело освобождения от поляков в руки народа, не надеясь на боярправителей, «кривителей», «землеедцев». В «Новой повести...» ясно поставлена национальная задача: «Вооружимся на общих супостат наших и врагов и постоим вкупе крепостие за православную веру, и за святые божие церкви, и за свои души, и за свое отечество, и за достояние...». В этом призыве отразился высокий уровень национального самосознания, своего рода шкала общественных ценностей, в которой личное стоит на последнем месте.

В сочинении «Плач о пленении и конечном разорении превысокого и пресветлейшего Московского государства», созданном в церковной среде летом —осенью 1612 г., автор страдает, видя «конечное разорение», осуждает интервентов и их пособников, но к открытой борьбе против них не призывает. В «Плаче...» и других памятниках письменности ставится вопрос о причинах Смуты, поставивших Россию на грань гибели. Автор «Плача...» высказывал традиционный для Средневековья провиденциалистский взгляд, что «гнев Божий», обрушившийся на русских

людей, являлся наказанием за грехи, моральное несовершенство.

Келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий в своем «Сказании» (1620) назвал сложившуюся накануне Смуты ситуацию «безумным молчанием всего мира», т. е. пассивностью общества по отношению к преступлениям царя Бориса, за что оно было наказано Богом. Во «Временнике» (около 1619 г.) дьяка Ивана Тимофеева вопрос о власти и ее ответственности был поставлен с большей определенностью. Автор исходил из того, что царская власть является гарантом порядка в стране, поэтому первопричину бед надо искать в правителях и их ближайшем окружении, допустивших Смуту. Но виновато и, по выражению Ивана Тимофеева, «бессловесное молчание» народа, развращающее правителей. Ивану Тимофееву близка идея нерушимости феодальной иерархии: каждый должен занимать то место, которое ему на роду написано. Нарушение этого порядка привело страну к «самовластию», которое охватило и высшие и низшие слои населения.

В публицистике первых десятилетий XVII в. обличались корысть и себялюбие тех представителей высшей власти, которые поставили свои личные интересы выше государственных. Впервые со всей остротой был поднят вопрос о конкретных виновниках, о личной ответственности царей за случившееся с Русским государством. Вопрос о «законных» и «незаконных» царях был выдвинут самой политической жизнью Смутного времени. «Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов» (1606) обосновывала права на царский престол Василия Шуйского и связывала все беды с незаконным захватом власти Борисом Годуновым. В «Сказании, киих ради грех...», «Сказании» Авраамия Палицына и «Временнике» Ивана Тимофеева законными государями признавались только те, кто получил власть по наследству. Поэтому Борис Годунов, Лжедмитрии, Василий Шуйский являлись незаконными правителями, «лжецарями». В общественной мысли возрос интерес к личности и ее роли в исторических событиях. Интересные портретные и психологические характеристики царей, начиная от Ивана Грозного, содержатся в «Летописной книге» (1626), приписываемой князю И. М. Катыреву-Ростовскому.

Политическая практика в Смутное время показала значение «всей земли», местного самоуправления в решении государственных вопросов. В Смуту происходит противостояние Власти и Земли, которое приведет к их союзу. Именно действиям земских ополчений 1611—1612 гг. Москва была обязана своим освобождением от польских интервентов. Традиции земского самоуправления просматриваются в Приговоре 30 июня 1611 г.,

принятом Советом всей Земли, образованным первым ополчением.

Проблема выборности царя, как и вопрос об ограничении царской власти, в XVII в. стала реальностью. Самозванчество разрушало в общественном сознании идеал царской власти. Действующий царь объявлялся незаконным, ему на смену приходил другой, «лучший»,который снова оказывался «ненастоящим». Возвращение к государственной стабильности нуждалось в прочных идеологических обоснованиях царской власти, ее природы и характера. Критерием законности власти признавалось избрание царя «всей землей» Земским собором. Авраамий Палицын объяснял единодушное избрание Михаила Романова тем, что божественное предопределение было услышано народом, выбор Земского собора явился выражением воли Бога. Эта религиозно-политическая идея получила дальнейшее обоснование в созданном при патриаршем дворе Филарета «Новом летописце» (1630), в котором были заложены основы государственной идеологии династии Романовых.

Публицисты XVII столетия резко осуждают народные выступления против властей. Вместе с тем тот же Авраамий Палйцын обличал жестокость землевладельцев, приведшую холопов к восстанию, призывал власть имущих к компромиссу: «О, ненасытимии имением! Помяните сия и престаните от злых, научитеся добро творите. Видите общую погибель смертную? Гонзните (спасите. — *прим. автора)* сих, даже и вас самех — величавых — тая же не постигнет лютая смерть!»

Народные представления о событиях Смуты нашли отражение в двух псковских повестях, возникших в посадской среде. В этих памятниках заметен отход от провиденциализма. По мнению авторов, причины бед России исходят от боярской измены, а крестьянское выступление произошло от разорения народа.

Памятники общественной мысли («Казанское сказание», «Новый летописец», «Иное сказание», «Карамзинский хронограф» и др.) позволяют судить о конкретных событиях движения И. И. Болотникова, но не о программе социального переустройства. Стихийный протест против несправедливости, вера в «доброго» царя и ненависть к изменникам, «кровопивцам» как социальные чаяния восставших звучат в «прелестных грамотах» участников восстания С. Т. Разина. Самозванчество, сопровождавшее народные выступления, давало выход общественному недовольству. Стихийное «народовластие» на грани самоуправства и произвола казалось людям, доведенным своим положением до отчаяния, воплощением справедливости.

Смута, потрясшая до основания государственные устои, оказала

влияние и на дальнейшую духовную жизнь общества. Как тонко заметил Г. Флоровский, после испытаний начала века «народ выходит изменившимся, встревоженным и очень взволнованным, по-новому впечатлительным, очень недоверчивым, даже подозрительным». В этих условиях новая династия нуждалась в государственной идеологии, которая способствовала бы ее укреплению. Поэтому востребованной оказалась и старая идеологическая доктрина «Москва — Третий Рим» и новые идеи, ставшие основой идеологического обоснования абсолютистской тенденции.

С восстановлением устоев государственности идея о величии православного царства и его столицы приобрела былую значимость. В «Пискаревском летописце» (после 1615 г.) проводилось противопоставление России как сильного православного государства «латинству». Автор «Московского летописца» (вторая половина 30-х гг.) представлял идею борьбы с «латинянами и агарянами» важнейшим направлением внешней политики Русского государства. Идея «Москва — Третий Рим» претерпела некоторую трансформацию. Так, в «Повести о начале Москвы» (вторая четверть XVII в.) была высказана мысль, что Москва по-прежнему стоит в одном ряду с первым и вторым Римом. Признание Москвы последним, Третьим Римом не только возвышало ее до уровня первых двух, но и ставило Россию в исключительные условия. Идея «богоизбранности» Русской земли присутствует в публицистике и летописании, особенно она была распространена в годы патриаршества Филарета. В связи с внешнеполитическим курсом на защиту православия и противостояние Крымскому ханству и Турции идея «Москва — Третий Рим» переживает своего рода «ренессанс». В цикле повестей о взятии Азова казаками в 1637 г. действия казаков объясняются исполнением божественной воли, а захват Азова представлен и как избавление от набегов татар и турок, и как будущее освобождение Константинополя и Иерусалима.

Идеи о славянском этническом единстве, отличный от «Повести временных лет» взгляд на древнейшую историю русской государственности (разрыв с варяжской легендой), представление об особой роли России и Москвы в славянском мире были представлены в «Повести о Словене и Русе», вошедшей в летописный свод 1650 г. и патриарший свод 1652 г. Историческое обоснование единства восточных славян в ситуации неизбежной войны с Речью Посполитой было политически актуальным шагом, не менее значимой оставалась роль России как защитницы порабощенных турками православных народов. Внешнеполитические аспекты на протяжении всего XVII в. оставались в

кругу обсуждавшихся вопросов в русской общественной мысли. Так, осознание турецкой опасности в 1670— 1680-е гг. отразилось в произведениях таких разных авторов, как патриарх Иоаким («Поучение, возбуждающее люди до молитвы и поста, во время нахождения супостатов»), архимандрит Новоспасского монастыря Игнатий Римский-Корсаков («Слово к православному воинству»), сочинениях Симеона Полоцкого, Николая Спафария, протопопа Аввакума.

В государственной идеологии первых Романовых идея «Москва — Третий Рим», подразумевавшая создание единой православной державы, отражалась на внешнеполитическом курсе. Надежда на объединение православных народов под властью «Третьего Рима» определила позицию Алексея Михайловича в отношении церковной реформы патриарха Никона. Но концепция «Москва — Новый Иерусалим», в которой главенствующее место в создании православного царства отводилось духовной власти, сыграла свою роль в противостоянии царя и патриарха. Светская власть нуждалась в идеологическом обосновании наметившихся в политическом развитии тенденций к абсолютизму, что и было сделано *двумя* иностранцами Юрием Крижаничем и Симеоном Полоцким.

Юрий Крижанич (около 1617—1683 гг.), хорват по происхождению, католик, получивший образование в Риме, оказался в России в 1659 г. Через два года по подозрению в деятельности в пользу католической церкви он был выслан в Тобольск, где пробыл 15 лет и написал труд «Думы политичны» («Политика»). Белорусский ученый и поэт Симеон Полоцкий, приехав в Москву в 1664 г., связал с Россией свою жизнь и деятельность. Как учитель царских детей, он занимал высокое положение при дворе, его общественно-политические представления нашли выражение в многочисленных литературных произведениях.

Крижанич считал лучшей формой правления неограниченную монархию («самовладство»), в которой лучше соблюдается «всеобщая справедливость», порядок и «согласие в народе», защита от опасностей. «Самовладство» подобно власти Божией, поскольку Бог является первым «самовладцем» всего света, а монарх — Божий наместник на земле. Сравнивая царскую власть с солнцем, которое «едино мир озаряет», Полоцкий проводил патерналистский взгляд на отношения между царем и подданными («Не презирати, не за псы имети, Паче любити, яко своя дети»). Только сильная власть может добиться успехов во внешней политике и прекратить «мятежи» внутри страны. Такая позиция разделялась Алексеем Михайловичем. Его неофициальный титул «Тишайший» подчеркивал то, что государь любит и умеет наводить

порядок.

Абсолютистская доктрина исходит из идеи «общего блага». Абсолютная монархия является таким идеальным правлением, при котором «все подданные довольны и не хотят перемен» (Крижанич). С. Полоцкий реальное воплощение «общего блага» и «всеобщей справедливости» видел в царском правосудии. Провозглашенный им принцип равного суда был абсолютистским принципом равенства подданных перед монархом. Полоцкий высказывал мысли о внесословной значимости человека, призывал ценить человека не по происхождению, а по заслугам, вкладу в «общее благо» («аще и в худе доме кто родится... может бо чести набыти и славы»). В то же время Полоцкий и Крижанич выступали за укрепление сословного строя, но предлагали смягчить угнетение крестьян и холопов, чтобы избежать народных восстаний («глуподерзия черных людей»). Крижанич указывал на экономическую невыгодность чрезмерной эксплуатации, которая ведет к обнищанию податного населения и упадку земледелия, ремесла и торговли.

Превознося абсолютную власть монарха, Крижанич предостерегал от тирании («людодерства»), в которую может перерасти не ограниченная законами власть. С. Полоцкий в своих сочинениях создал идеальный образ «совершенного» монарха — мудрого, просвещенного, справедливого, стоящего на страже закона. Долг идеального монарха — заботиться о просвещении своих подданных. С. Полоцкий считал, что распространение в русском обществе просвещения является основой процветания государства и нравственности его жителей.

Перед общественной мыслью XVII в. встали вопросы, связанные с развитием экономики. Крижанич в «Политике» уделил особое внимание мерам, направленным на поощрение развития торговли, ремесла и земледелия. А. Л. Ордин-Нащокин (около 1605—1680 гг.), псковский дворянин, ставший главой Посольского приказа, предложил ряд мероприятий, поддерживающих русское купечество. Объективно его программа преобразований, выразившаяся в попытке проведения городской реформы в Пскове в 1665 г. и Новоторговом уставе

1667 г., была направлена на укрепление государственных интересов и преодоление отставания России от западноевропейских государств.

От общественной мысли неотделим процесс развития исторических знаний. Хронографы XVII в. содержат не только обзор всемирной истории, но и сведения о царствовании первых Романовых. На общем фоне затухания летописной традиции возникает сибирское летописание. Есиповская, Строгановская, Ремезовская и Кунгурская летописи сохранили

интересные материалы по истории Сибири. Появились специальные исторические сочинения, посвященные одной проблеме: «Созерцание краткое...» С. Медведева о стрелецком восстании 1682 г. и «Скифская история» (1692) Андрея Лызлова о борьбе Русского государства с татарами и турками. Краткий обзор русской истории от древности до 70-х гг. XVII столетия представлял «Синопсис» украинского автора Иннокентия Гизеля, опубликованный в Москве в 1678 г. и ставший своеобразным учебником истории.

XVII столетие для общественной мысли стало временем переосмысления старых идеологических теорий и поиска новых идей, которые обосновывали развитие абсолютизма и необходимость проведения реформ.

Литература. В XVII в. литература отразила в своем развитии переходный характер историко-культурного процесса в целом. При сохранении средневековой традиции с ее религиозно-символическим методом и авторитарностью мышления развивались новые явления, связанные с обмирщением и демократизацией литературы, возникновением новых жанров, усилением влияния фольклора, становлением личностного начала и появлением вымышленного героя.

Происходит расширение социального поля литературы, появляется так называемая демократическая литература. «Литература посада» пишется и читается в своей среде, которой она близка и по содержанию, и по разговорному языку. Широкое распространение получает бытовая повесть. Примером может служить «Повесть о Горе-Злочастии», дошедшая в единственном списке начала XVIII в. и вышедшая скорее всего из купеческой среды. Библейский сюжет о блудном сыне и старая как мир проблема отцов и детей оживлены в «Повести...» русской устной поэтической традицией. Герой повествования, молодой человек, покинувший отчий дом, пытается жить своим умом, но, преследуемый Горем-Злочастием, постоянно испытывает неудачи. Горе-Злочастие выступает как личная, индивидуальная судьба героя, судьба-фатум, от которой невозможно уйти. Горе неотделимо от самого молодца: эту судьбу он выбрал сам, она стала его alter ego. Молодой человек, нарушая привычные нравственные установки, мораль отцов, оказался обреченным на пьянство и бродяжничество. Единственный выход в духе средневекового мировосприятия, который выбрал в конце концов герой «Повести...», — уход в монастырь. Все беды и несчастья молодца происходят не по воле божественного провидения, а потому, что «человеческое сердце несмысленно и неумчиво». Человек имеет право на выбор, личную

инициативу, но при «неполном уме» и «несовершенном разуме» он пойдет по неверному пути. Перед читателем вырисовывался не просто образ вымышленного героя, но человека несчастливого, каких немало бродило по Руси. Поэтому авторское сочувствие и сострадание на стороне «доброго молодца», типическое выходит из частного, а социальное из обыденного.

Тематически «Повесть о Горе-Злочастии» близка «Довести о Савве Грудцыне». Ее герой, купеческий сын Савва Грудцын, уроженец Великого Устюга, оказавшись по торговым делам в Соли Камской, забыл родительские наказы и пустился в разгульную жизнь. И здесь не обходится без дьявола в образе «мнимого брата», которому Савва за мирские блага продает душу. Дальнейшая жизнь русского Фауста полна бурными событиями. Он предается разврату, попадает в солдаты, совершает с помощью дьявола подвиги во время Смоленской войны, тяжело заболев, одолеваемый бесами, он вымаливает перед образом Богородицы прощение, выздоравливает и становится монахом московского Чудова монастыря. «Повесть о Савве Грудцыне» захватывала читателя занимательностью сюжета, близкого к волшебной сказке, привлекала широким историческим и знакомым бытовым фоном. В истории молодого купца Саввы Грудцына отразилась пестрота жизни: любовьстрасть, переживания, несчастья, подвиги, покаяние, спасение. Сам автор осуждает нехристианское поведение героя, но подает происходящее с ним как реалии своего времени, когда молодые люди, оказавшись в ситуации выбора, не в силах были противостоять новым веяниям.

Поэтическая «Повесть об основании Тверского Отроча монастыря» тесно связана с народно-песенной свадебной символикой и фольклорной традицией. В «Повести...» рассказывается о житейской драме: невеста уходит от своего жениха и выходит замуж за другого. Ситуация обостряется еще и потому, что бывший жених отрок Григорий — слуга и друг молодого тверского князя Ярослава Ярославича, который и уводит его невесту из-под венца. Одержимый кручиною отрок уходит в глухие места и основывает монастырь. В классический любовный треугольник опять вмешивается линия судьбы: одному она приносит любовь земную, другому — небесную.

«История о российском дворянине Фроле Скобееве», созданная на рубеже XVII и XVIII вв., вышла из среды обедневшего дворянства или приказного чиновничества. Фрол Скобеев, бедный новгородский дворянин зарабатывает на жизнь «приказной ябедой», ходатайствами по чужим делам. Решив, что женитьба на богатой невесте, дочери стольника Нардина-Нащокина Аннушке, единственная для него возможность

поправить дела, он начинает действовать. В какие только ухищрения, далекие от христианской этики, не пускается авантюрист и плут Фрол Скобеев. Соблазнение, подкуп, обман, тайное венчание — все средства хороши для достижения желаемой цели. Интересно, что избранница девица Аннушка не только не сопротивляется безнравственным действиям Фрола, но активно в них участвует. В конце концов Фрол Скобеев добивается своего: суровый отец благославляет молодых и делает Фрола своим наследником. Автор «Повести» не осуждает своего героя, а скорее удивляется и восхищается его умом, житейской хваткой, энергией, ловкостью. В «Повести о Фроле Скобееве» отразился начавшийся на рубеже XVII—XVIII вв. процесс выдвижения новой знати, инициативных людей петровского времени.

Женский ум, порядочность и находчивость простой женщины, купеческой жены Татьяны превозносятся в «Повести о Карпе Сутулове». В основе лежит довольно популярный сюжет о ловкой и умной женщине, обманувшей незадачливых поклонников. Сходные ситуации неоднократно обыграны в мировой литературе от «Декамерона» Боккаччо до «Ночи перед Рождеством» Н. В. Гоголя. Автор, хорошо знающий купеческую среду, откровенно смеется над несостоявшимися соблазнителями: купцом, священником, архиепископом. В «Повести...» торжествует ум над глупостью, порядочность над корыстью, слабый над сильным.

Появление в XVII в. демократической сатиры отразило конфликт личности со средой, протест против беззакония и несправедливости общественных отношений. Произведения демократической сатиры в тематическом отношении многообразны. Сатирическому обличению подвергался неправедный суд, судебная волокита, взяточничество судей в «Повести о Шемякином суде» и «Повести о Ерше Ершовиче». В жанре пародии написана «Калязинская челобитная», высмеивающая далекие от праведности монастырские порядки и нравы. В «Службе кабаку» обличение государственной системы спаивания русского народа подается в форме пародии на церковную службу. Лицемерие духовенства показано в «Сказании о куре и львице». Объектом сатиры в «Повести о бражнике» стали святые, обитатели рая, которые на поверку оказались такими же грешниками, как и претендовавший на место в раю бражник. Было бы ошибкой видеть в этих произведениях осмеяние веры, но падение авторитета церковных властей, имевшее место в жизни, получило здесь сатирическое звучание.

Социальные мотивы отличают «Азбуку о голом и небогатом человеке», в которой форма старого древнерусского азбуковника

использована для того, чтобы показать бедность одних и корыстолюбие других. Демократическая сатира не обошла вниманием тунеядство и неспособность к труду отдельных представителей дворянства («Повесть о Фоме и Ереме»), негативное отношение к иностранцам («Лечебник како лечить иноземцев и их земель людей»), некоторые бытовые явления русской жизни («Слово о мужьях ревнивых», «Роспись о приданом»).

Демократическая сатира связана со «смеховой культурой», представляющей мир опрокинутым, «вывороченным наизнанку». В трагической обстановке «бунташного века» смеховая ситуация становилась часто реальностью, поэтому в обличающем смехе демократической сатиры присутствует и горькая усмешка над собой.

В XVII в. происходит становление биографического жанра, который наиболее ярко представлен выдающимся памятником эпохи — «Житием протопопа Аввакума, им самим написанное», первым опытом автобиографии в русской литературе. «Житие» идеолог старообрядчества протопоп Аввакум написал в Пустозерске в 1672—1674 гг. В нем Аввакум изложил свою биографию в хронологическом порядке, иногда обращаясь к нравоучениям или рассказам о других людях. Аввакум назвал свое сочинение «житием», потому что при жизни считал себя святым. Яростный сторонник старой веры и противник новаций в чем бы то ни было (живописи, образовании, быту), он проявил себя новатором в области литературной деятельности. Во-первых, из средневекового житийного жанра с его незыблемыми канонами Аввакум создал автобиографическую исповедь. Во-вторых, он написал ее народным языком, «просторечием», чему дал свое объяснение: «Аще что речено просто, и вы, Господа ради, чтущи и слышащи, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русский природный язык». Новизна «Жития» состояла в том, что через биографию конкретного исторического лица, его тяжелую судьбу и страдания представала жизнь России и ее народа. Аввакум страстно обличал социальную несправедливость и произвол светских и духовных властей, по воле которых Россия разделилась на страдальцев раскольников и благополучных «никониан». «Житие» насыщено массой приземленных бытовых подробностей, интересных личных характеристик встречавшихся на пути Аввакума людей, пейзажными зарисовками. Неразгаданная загадка «Жития» состоит в органичном сочетании в одном памятнике новаторской формы с консервативными идеями, изложенными народным разговорным языком.

Житийный жанр в XVII в. переживает определенную трансформацию в сторону повести. «Обмирщение» жития видно на примере «Повести о

Юлиании Лазаревской», написанной в начале века муромским дворянином Каллистратом Осорьиным, сыном Юлиании. Это своего рода семейная хроника, в которой сын описывает благочестивую жизнь своей матери в миру; в то же время это и первая в русской литературе биография женщины.

Новым явлением в литературе XVII в. было появление силлабического стихосложения, основанного на равном количестве слогов в строке, паузе в середине строки и ударении на предпоследнем слоге последнего слова. Расцвет силлабической поэзии в России связан с именем Симеона Полоцкого, автора стихотворных сборников «Рифмологион» и «Вертоград многоцветный», а также переложенной на стихи «Псалтири рифмованной». Вирши Симеона Полоцкого, прославлявшие членов царской семьи, имели панегирический характер. Творчество Симеона Полоцкого и его продолжателей Сильвестра Медведева и Кариона Истомина носило черты литературы барокко (аллегории, метафоры, языковые заимствования). Культура барокко через польское и украинско-белорусское посредничество проникала в Россию во второй половине XVII столетия. Поэзия, театр, переводная литература — каналы, по которым распространялась культура западноевропейского барокко, были доступны в основном придворному кругу, поэтому влияние его было ограниченным, а формирование русского барокко несколько затянулось.

В XVII в. возрастает интерес к переводным повестям приключенческого содержания. Широкое распространение получила «Повесть о Бове Королевиче». Родиной повести была Франция, откуда этот рыцарский роман попал в Италию и славянские земли. В основе русского текста лежал основательно переработанный перевод с белорусского языка из «Познанской рукописи». «Повесть о Еруслане Лазаревиче» пришла в русскую литературу с Востока и восходила к поэме Фирдоуси «Шахнаме». В России из французских рыцарских романов была известна «История о храбром рыцаре Петре Златых ключей и о прекрасной королевне неаполитанской Магилене», с четкого языка была переведена «Повесть о Василии Златовласом», с польского «Повесть об Оттоне цесаре римском и супруге его цесаревне Олунде». Эти повести, в которых рыцарские мотивы переплетались с любовно-авантюрными сюжетами, надолго нашли в России своего читателя.

Польша во второй половине XVII в. оставалась основным источником поступления иностранной светской литературы. Отсюда поступил сборник «Великое зерцало», который в свою очередь был переведен с латинского. Сборник в русском переводе содержал около 900 рассказов от западной и

византийской житийной и апокрифической литературы до светских историй на разные темы. Через Польшу попал и другой нравоучительный сборник с произведениями светского содержания — «Римские деяния», сложившийся в средневековой Англии. Из Польши через Белоруссию в Россию проникло древнеиндийское сказание «История о семи мудрецах», представлявшая цикл новелл, объединенных общим сюжетом. Среди переведенных с польского книг были сборники изречений, приписываемых античным философам, и анекдотов (фацеций) — «Апофегматы». Появление разнообразной по содержанию переводной литературы свидетельствует об интересе к светской книге.

Театр. В России до XVII в. не было театра. На протяжении веков эта культурная ниша заполнялась обрядами и народными праздниками, включавшими элементы театрализованного действия, и скоморохами, музыкантами, плясунами, кукольниками, медвежьими поводырями. Церковь, видя в народных игрищах проявление язычества, постоянно боролась со скоморошеством. Народное лицедейство испытывало гонения и со стороны светской власти. В указе Алексея Михайловича в 1648 г. предписывалось: «А где объявятся домры и сурны, и гудки, и гусли, и хари, и всякие гудебные бесовские сосуды... выимать и, изломав, те бесовские игры велеть сжечь...».

Трудно сказать, почему в начале 70-х гг. у Алексея Михайловича возник интерес к театру. Можно только предположить, что это было связано с влиянием ближайшего окружения в лице Артамона Матвеева и Симеона Полоцкого, рассказами послов о театральных постановках в западноевропейских странах или с интересом Алексея Михайловича ко всему новому, необычному, зрелищному. В 1672 г. пастору из Немецкой слободы Иоганну Готфриду Грегори была поручена организация русского придворного театра. 17 октября того же года состоялось первое представление пьесы на библейский сюжет «Артаксерксово действо». Пьеса очень понравилась царю, и хотя спектакль длился десять часов, царь просидел все это время, не вставая с места; другие зрители в присутствии царя стояли. Актеры были иноземцами, но вскоре труппа стала пополняться русскими актерами из молодых людей Мещанской слободы и московских подьячих (в 1673 г. их было 50 человек, а в 1676 г. — 78).

Придворный театр не имел постоянного помещения. Спектакли давали в специально построенной «хоромине» в Преображенском или в Москве в помещении над Аптекарскими палатами, или в доме Артамона Матвеева. Власти не скупились с расходами на костюмы актеров и декорации для театральных постановок, но экономили на оплате русским актерам,

которым платили две деньги в день. В репертуаре театра за время его существования было девять пьес: семь из них на библейские сюжеты и две («Комедия о Тамерлане и Баязете» и «Комедия о Бахусе с Венусом») — на светские. Большинство пьес принадлежало к репертуару так называемых английских комедий, представлявших обработанные библейские и исторические сюжеты, в которых трагическое и комическое изображалось в преувеличенных формах и сопровождалось театральными эффектами. Пьесы были написаны тяжеловесно-напыщенным языком, переполнены патетическими пассажами и примерами ораторского красноречия, но были и шутовские интермедии развлекательного характера, близкие к народной традиции. На спектаклях звучали инструментальная музыка и пение.

После смерти Алексея Михайловича в 1676 г. придворный театр был закрыт. Но он остался фактом культуры как своего времени, так и историко-культурного процесса в целом.

Музыка. XVII век, особенно его вторая половина, стал временем значительных перемен в русской музыке. Произошедшие изменения касались церковной музыки. Суть их состояла в том, что на смену унисонному пению, наиболее ярко представленному в знаменном распеве, пришло партесное, т. е. музыка на несколько голосов — партий, ориентированная на западноевропейские образцы. «Крюковую» нотацию, которая не фиксировала высоту и длительность тона, заменила заимствованная пятилинейная нотация. Современный историк музыки Т. Ф. Владышевская отмечает: «Старое монодическое знаменное пение, подобно древней иконописи, как бы плоскостное, одномерное, противопоставлялось новой, полной энергии и сил музыке барокко».

Становление нового музыкального стиля стало предметом обсуждения. Старой традиции придерживался известный мастер знаменного пения монах Савво-Сторожевского монастыря Александр Мезенец. Старообрядцы видели в партесном пении отход от «ангелоподобного» пения, уклонение в «латинство». Партесное пение, чьей родиной были Германия и Италия, было завезено в Россию из Польши через Украину и Белоруссию. Партесное пение утверждалось в двух направлениях — гармонизации распевов (знаменного, болгарского, киевского и др.) и свободных композиций. Новую певческую культуру, исполняя псалмы (духовные песни), канты и партесные концерты, распространяли киевские певчие.

Новый этап в развитии русского музыкального искусства был связан с Николаем Павловичем Дилецким, украинцем, учившимся в Вильно у лучших польских музыкантов и приехавшим в Москву в 70-е гг. Н. П.

Дилецкий издал первый учебник музыки «Грамматику мусикийскую» (русское издание вышло в 1679 г.), в котором в духе времени выразил свое понимание назначения музыки: «пением своим или играním сердца человеческие возбуждает ко веселию или сокрушению и плачю». Его русский единомышленник Иоанникий Коренев в обширном «Предисловии» к труду Н. П. Дилецкого ставил партесное пение выше практиковавшегося тогда унисонного, троестрочного и демественного пения. Кореневу были близки новые подходы («наука премудрости конца не имать»), которые он переносил на создание и исполнение музыки — «никак иначе не следует петь, как только умом и сердцем и вещать разумными устами».

На русской почве партесное многоголосие приобрело самобытные особенности. В духе барокко созданы концерты и целые службы таких композиторов конца XVII в., как В. Титов, Н. Дилецкий, Н. Калашников, Н. Бавыкин. Их музыка поражает полифоническим звучанием, «борением» восьми, двенадцати, двадцати четырех и даже сорока восьми голосов, характерной для барокко эмоциональной напряженностью, контрастностью и праздничностью.

Архитектура. В русском зодчестве XVII в. процесс «обмирщения» как усиление светского начала выразился наиболее зримо — в изменении форм, художественных приемов, стилей, причудливости декора и богатстве внутреннего убранства, нарядности и живописности построек, всего того, что сами современники называли «дивным узорочьем».

Каменное строительство после Смутного времени возобновилось в начале 20-х гг. Одной из первых построек была церковь Покрова в Рубцове (1619—1626), повторявшая своим обликом усадебные церкви времени Бориса Годунова в Хорошеве и Вяземах. Возрождается и шатровый тип храма, который получил в первой половине века широкое распространение. После построенной шатровой церкви в Деулине (начало 1620-х гг.) были воздвигнуты храм Покрова (1634—1635) в Медведкове в усадьбе Д. М. Пожарского, Успенская церковь (1628) Алексеевского монастыря в Угличе, получившая в народе название «Дивная», церковь Зосимы и Савватия в Троице-Сергиевом монастыре (1635—1638). Появляются двух-, трехи даже пятишатровые храмы. Одной из наиболее совершенных шатровых построек является московская церковь Рождества Богородицы в Путинках (1649—1652). Церковь отличается сложной композицией разных объемов, ее разные по высоте пять шатров, венчающих основное здание, придел и крыльцо объединены шатровой колокольней. Храм строился по заказу и на средства прихожан, по этому памятнику архитектуры можно судить о высоком художественном вкусе и материальных возможностях посадских

людей. Строительство обошлось в огромную сумму — 500 руб., и заказчикам пришлось обращаться к царю за помощью. В 1652 г. патриарх Никон запретил строить шатровые храмы, повелевалось строить «по правилам святых апостолов и отцов... о единой, о трех или пяти главах, а шатровой церкви отнюдь не строить». Но шатровые деревянные церкви продолжали строить вдали от столицы. Запрет не распространялся на шатровые колокольни, немалое их число было построено по всей России во второй половине столетия.

Церковь Троицы в Никитниках (30—50-е гг.) была построена в Москве по заказу и на средства богатого купца Григория Никитникова. Архитектура церкви представляет сложную, асимметричную, многосоставную композицию, которую дополняет пышное декоративное убранство с применением зеленых «муравленых» изразцов и богатой резьбой наличников главного южного фасада. Живописность церкви, выраженная во внешнем декоре соединенных крытой папертью — галереей пристроек, нарядном крыльце, свидетельствует о развивающихся новых тенденциях в архитектуре. Не случайно, что церковь Троицы в Никитниках стала образцом, на который в дальнейшем ориентировались русские зодчие как в Москве, так и в других городах.

В XVII столетии меняется облик Москвы. К 1635— 1637 гг. относится строительство царского Теремного дворца в Кремле артелью мастеров, среди которых были Антип Константинов, Важен Огурцов, Трефил Шарутинов и Илларион Ушаков. Зодчие воздвигли великолепное многоярусное здание, богато украшенное резными наличниками, золоченой кровлей. Под стать внешнему виду было и внутреннее убранство Теремного дворца. «Нужно представить себе в этих палатах русских бояр того времени в их долгополых ферезях из узорных тканей, чтобы понять, насколько архитектура гармонировала с их обликом», —писал известный искусствовед М. В. Алпатов. Теремной дворец — пример гражданской постройки, которая использовалась и как жилое помещение, и как представительное государственное здание.

Стремление к украшению сказалось и на развитии крепостной архитектуры Московского Кремля. В 1624—1625 гг. русский зодчий Важен Огурцов и англичанин Христофор Галловей надстроили верх Спасской башни — главной въездной башни Кремля. Надстройка была украшена белокаменными узорами, в нишах поставлены «болваны» (фигурки зверей), установлены часы-куранты. Во второй половине века появились шатры и на других башнях Кремля, что соответствовало общей тенденции декоративности в русском зодчестве.

Крепостная архитектура стен и башен монастырей, теряющих свое оборонительное значение, становилась более нарядной, не такой суровой, как раньше (Новодевичий, Донской, Данилов, Троице-Сергиев, Спасо-Евфимьев, Иосифо-Волоцкий и другие монастыри). Церковь, стремившаяся не выпустить изпод своего контроля зодчество, пыталась в 40—50-е гг. вернуться к строгому монументализму. Примером тому могут служить Патриаршие палаты Московского Кремля (1643—1655) с Крестовым залом, сводчатой палатой без столпов, одной из любимых конструкций зодчих XVI в. Палаты были построены мастером Аверкием Мокеевым, архитектором патриарха Никона, руководившим строительством патриарших Валдайского Иверского и Воскресенского Ново-Иерусалимского монастырей в 50-е гг. По замыслу грандиозного проекта патриарха

Никона в монастыре должны были повториться главные иерусалимские христианские святыни, с тем чтобы теория «Москва — Новый Иерусалим» получила не только идейное, но и материальное воплощение. Воскресенский храм строился по образцу Иерусалимского храма «над Гробом Господним». Строительство затянулось, заканчивал его в конце 80-х — начале 90-х гг. другой зодчий — Яков Бухвостов. Зодчие, пользуясь чертежами и описаниями; воспроизвели основную конструкцию и элементы иерусалимского храма, но придали ей типично русские черты, широко используя многоцветные поливные изразцы в обработке фасадов и интерьера. Создателями изразцов были белорусские мастера Петр Заборский и Степан Иванов, имевший прозвище Полубес.

Вслед за патриархом большими строительными проектами увлеклись и некоторые из церковных иерархов. В 60—80-е гг. при ростовском митрополите Ионе Сысоевиче развернулось бурное строительство митрополичьего двора (Ростовского кремля). На берегу озера Неро вырос сказочный «град Китеж», «вертоград Божий» на земле. Предполагают, что зодчим, воплотившим в камне замысел митрополита, был крестьянин Петр Досаев. Ансамбль Ростовского кремля поражает удивительной органичностью, цельностью архитектуры и фресковой росписи, покрывающей стены местных храмов. Архитекторы и живописцы достигли совершенства, познав чувство меры, выраженное в сочетании строгости и простоты с нарядностью и красочностью.

В XVII в. бурно развивается строительство в таких городах, как Ярославль, Кострома, Вологда, Рязань. Размах, красота, оригинальность, свой «творческий стиль» в архитектуре и живописи позволяют говорить о ярославской школе. Церковь Ильи Пророка (1647—1650), церковь Иоанна

Златоуста (1649—1654) в Коровницкой слободе, церковь Николы Мокрого (1665—1672), церковь Иоанна Предтечи в Толчковской слободе (1671—1687), церковь Богоявления (1684—1693) — таков далеко не полный перечень «вершинных», лучших памятников, для которых характерен особый ярославский колорит, неотделимый от редкостных по рисунку и цвету изразцов.

В Москве и в других городах строят для себя каменные дома богатые бояре, дворяне и купцы. В каменной гражданской застройке проявились отказ заказчиков от былой простоты и строгости и явно выраженное стремление к нарядности (резьба наличников, шатровые крыльца, крытые галереи-переходы и др.). Палаты думного дьяка Аверкия Кириллова на Берсеневке (1656—1657), палаты боярина Волкова в Большом Харитоньевском переулке (конец XVII в.), дом купца Коробова (конец XVII в.) в Калуге сильно отличаются от палат псковских купцов Поганкиных, построенных в старых традициях (мощные стены, маленькие «глазки» окон).

В последней четверти века в Москве идет интенсивное церковное строительство: посадские церкви Григория Неокесарийского (1657—1669) на Большой Полянке и Николы в Хамовниках (1676—1682), храм Николы в Пыжах (1657— 1670), построенный на стрелецкие деньги, Крутицкий теремок (1694) на подворье Крутицкого митрополита, усадебная церковь Троицы (1687—1688) в Останкине и др. В то же время строится немало зданий общественного назначения — Печатный (1679) и Монетный (1696) дворы, Аптекарский приказ на Красной площади (90-е гг.), *Сухарева*, башня (1692— 1701), построенная Михаилом Чоглоковым. Строительством государственных построек занимались мастера из Приказа каменных дел.

В последние десятилетия XVII в. получает распространение стиль, именуемый «московское барокко», или «нарышкинский» стиль (поскольку заказчиками большинства храмов были бояре Нарышкины, родственники второй жены Алексея Михайловича Натальи Кирилловны Нарышкиной). Но первые постройки, принадлежащие к этому стилю, появились во владениях князей Прозоровских (церковь Бориса и Глеба в Зюзине, 1688). «Нарышкинская» архитектура отразила, с одной стороны, дальнейшее развитие отечественного зодчества, с другой — интенсивные контакты с культурой белорусских и украинских земель. Характерными чертами нового стиля стали устремленность ввысь, многоярусность, симметричность композиции, высокий рельеф декоративной резьбы по белому камню, цветные изразцы, раскраска фасадов, высокие, украшенные богатой резьбой иконостасы и др.).

Выдающимся памятником «нарышкинского» барокко является церковь Покрова в Филях (1690—1693), построенная в вотчине брата царицы Льва Кирилловича Нарышкина. Возведенная на высоком арочном подклете, окруженная открытой папертью и лестничными всходами, церковь была органично вписана в окружающее пространство. Другими постройками этого же направления являются трапезная (1686—1682) Троице-Сергиева монастыря, колокольня (1690) и надвратная Преображенская церковь (1687—1689) Новодевичьего монастыря, Крутицкий теремок (1694), украшенный многоцветными изразцами, построенный Осипом Старцевым, Успенский собор (1693—1699) в Рязани работы Якова Бухвостова, церковь Знамения в Дубровицах (1690—1704) и др.

«Московское барокко» с его новыми формами и приемами, мощным светским зарядом завершает развитие русского зодчества в XVII в. и передает лучшие архитектурные идеи XVIII в.

Каменная архитектура XVII в. развивалась одновременно с деревянным зодчеством. Навыки деревянного строительства использовались в каменных постройках. Подавляющее большинство строений в России было из дерева. Деревянное жилище имело трехчастную конструкцию, в середине его были сени, разделявшие теплую избу и холодную летнюю клеть. К жилому помещению примыкали хозяйственные постройки. Жить в деревянных домах в климатических условиях России было во всех отношениях удобнее. К сожалению, пожары приводили к тому, что дома часто приходилось отстраивать заново. В Москве даже был рынок, где продавались готовые срубы.

Выдающимся образцом деревянного зодчества был знаменитый дворец царя Алексея Михайловича в Коломенском, построенный Ъ 1667—1668 гг. под руководством плотничьего старосты Семена Петрова и стрельца Ивана Михайлова. Дворец представлял сложный комплекс разных построек, связанных переходами; насчитывал 270 комнат и более трех тысяч окон. Дворец напоминал сказочный городок с причудливыми башенками, шатрами, крылечками, гульбищами, чешуйчатыми кровлями крыш. Судьба этого уникального памятника печальна: дворец пришел в ветхость и был разобран в 1768 г.

Деревянная храмовая архитектура сохранилась в основном на севере России. В культовом деревянном зодчестве были распространены шатровые храмы, построенные по принципу «восьмерик на четверике». Архитектурная композиция могла представлять довольно сложное сочетание форм и объемов. Вершиной деревянного зодчества стала двадцатидвухглавая Преображенская церковь (1714) в Кижах. Современные

исследователи признают, что деревянное зодчество оказывало влияние на каменную архитектуру, но и само обогащалось ее достижениями.

Живопись. Русская живопись в XVII в. развивалась сложным путем. С одной стороны, начавшийся процесс «обмирщения» ставил перед художниками новые задачи — отобразить мир и человека во всей их красоте, с другой — живопись была неотделима от религии и находилась под постоянным контролем церкви. Страстными спорами о «живоподобии» в искусстве заполнена вторая половина столетия.

В начале века существуют два художественных направления — «годуновское» и «строгановское». «Годуновский» стиль ориентируется на монументальные традиции, ему присущи дробность, повествовательность, перегруженность деталями. «Строгановская» школа, названная так по имени заказчиков купцов Строгановых, отличалась тщательностью и изысканностью иконного письма. В иконах «строгановского» письма, подобных миниатюрам, внешняя красота, тонкость работы как бы заслоняет внутреннее содержание композиции и персонажей. Наиболее значительными мастерами этой школы были Прокопий Чирин и Назарий Истомин. Работа русских иконописцев восхищала не только соотечественников, но и иностранцев. Павел Алеппский писал: «Иконописцы в этом городе (Москве. — *прим. авт.)* не имеют себе подобных на лице земли по своему искусству, тонкости кисти и навыку в мастерстве: они изготовляют образки, восхищающие сердце зрителя, где каждый святой или ангел бывают величиной с чечевичное зернышко...».

До 40-х гг. организацию и контроль за деятельностью царских изографов осуществлял Иконный приказ, а затем эти функции перешли к Оружейной палате, которую с 1655 г. возглавлял тонкий ценитель искусства боярин Б. М. Хитрово. В Оружейной палате трудились мастера со всей России и из других стран. В обязанности иконописцев входило не только писание икон и парсун, но и изготовление географических и архитектурных чертежей, планов, полковых знамен, оформление книг и другие художественные работы. У иконописцев была своя специализация: знаменщики, личники, доличники, златописцы, травщики, терщики красок.

На протяжении XVII в. фресковая живопись переживает невиданный подъем. В 30—40-е гг. производятся большие работы по возобновлению старых стенописей Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря (1635), Успенского (1642— 1643) и Архангельского (1652) соборов Московского Кремля. В Успенском соборе под руководством Ивана Паиссеина трудилась артель в 120 человек, собранных из разных городов России. Художниками были созданы 249 сложных композиций и 2066 отдельных лиц. Был

выработан метод быстрой работы, при котором различные части композиции писались разными художниками. Роспись Успенского собора стала образцом для стенописей многих других храмов России XVII столетия.

Временем расцвета школы русских иконописцев стали 50—80-е гг. XVII столетия. В этот период в Оружейной палате трудились такие мастера, как Степан Резанец, Иосиф Владимиров, Яков Казанец, Иван Филатьев, Григорий Зиновьев, Федор Козлов, Федор Зубов. Их признанным главой и руководителем с 1664 по 1686 г. был талантливый живописец Симон Ушаков (1626—1686). Именно в кругу Симона Ушакова зарождаются новые представления о живописи и ее предназначении. В 1664 г. Иосиф Владимиров написал «Послание» к Симону Ушакову, своего рода теоретический трактат. Он призывал правдиво следовать натуре, добиваться того, чтобы образ был «живоподобен», художник что «видит или слышит, то и начертывает в образах или лицах и согласно слуху или виденью уподобляет». Искусство должно радовать человека; для Владимирова лучше не иметь никакой иконы, чем иметь с художественной точки зрения «плохописаную», каких немало продавалось по дешевке на рынках. Владимиров одобрительно отзывался о западном искусстве и выступал против сербского архидиакона Иоанна Плешковича, осуждавшего новшества в живописи, в частности приемы светотеневой моделировки ликов, писанные светлыми красками. Художник не должен избегать красоты изображения, поскольку она основывается на изначальной красоте человека, каким его создал Бог. Поэтому библейскую Сусанну следует изображать прекрасной молодой женщиной, Марию в Благовещении — юной красивой девушкой, а младенца Христа — ребенком.

Симон Ушаков в «Слове к люботщателем иконного писания» (1667) изложил свои взгляды на задачи живописи. Он выдвигает в качестве основного критерия подлинности искусства соответствие действительности, «как в жизни бывает». Он считал, что подобно зеркалу, живопись должна отражать мир Божий во всей его красоте. Великая польза «иконотворения» состоит в том, что «образы суть живот памяти, память поживших времен свидетельство, вещание добродетелей, изъявление крепости, мертвых возживление, хвалы и славы безсмертие, живых к подражанию возбуждение, действ воспоминание». Ушаков высказывал намерение создать анатомический атлас для художников.

Позиция Владимирова, Ушакова и их единомышленников подвергалась осуждению со стороны традиционалистов. С особой иронией высказывал свое неприятие новых икон, написанных «по плотскому

умыслу», протопоп Аввакум: «...пишут Спасов образ Еммануила, лице одутловато, уста червонная, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, тако же брюхат и толст учинен, лишо сабли той при бедре не написано». Аввакум отстаивал старую иконописную традицию и с точки зрения средневекового мышления был прав. Его идеал — образ святого, которому свойственны «все чувства тончава и измождала от поста, и труда, и всякие им находящие скорби». Принципу «плотскости» Аввакум фактически стремился противопоставить духовную красоту.

Церковные и светские власти также внесли в этот спор свою лепту. Церковный собор 1667 г. строго регламентировал темы и образцы церковной живописи. Находившиеся в Москве патриархи Александрийский Паисий, Антиохийский Макарий и Иоасаф Московский в 1668 г. составили грамоту, в которой писали, что первым художником был сам Бог, художественный образ может быть только подражанием, а само искусство — зеркалом, отражающим дела провидения. В царской грамоте об иконописании 1669 г. рекомендовалось придерживаться старых традиций, ориентироваться на произведения мастеров высокого уровня. На практике соотношение в эстетическом идеале горнего и дольнего складывается не в пользу первого, достаточно сравнить «Троицу» Андрея Рублева и Симона Ушакова.

Время диктовало художникам свои задачи, выдвигая на первый план не божественное, а земное начало в человеке и окружающей его жизни. Определенный отход от старых правил, приближение к повседневности проявилось во фресках церкви Троицы в Никитниках (1652—1653). Предполагают, что в росписи стен принимали участие Симон Ушаков и Иосиф Владимиров. В 1657 г. Ушаков написал для этой церкви икону «Спас Великий архиерей». Особенно прославился художник своими «Нерукотворными Спасами», в которых он использовал светотень, подчеркивающую объемность классически правильного лица. В иконе «Древо Государства Московского — Похвала Богоматери Владимирской» (1668) он представил реалистическое изображение архитектуры Московского Кремля и достоверные портреты Алексея Михайловича и его жены Марии. В 1671 г. Ушаковым была написана икона «Троица», в которой воплотились новые эстетические идеалы. Художник попытался использовать перспективу, показать телесность ангелов, материальность окружающего их мира. Но «горнее», высокодуховное уступило «дольнему», земному, поэтому ушаковская «Троица» несопоставима с рублевской. И. Э. Грабарь назвал живопись Симона Ушакова «искусством компромисса», что еще раз подчеркивает переходный характер эпохи.

Больших успехов достигает искусство стенной росписи в Ярославле, Ростове Великом, Переславле-Залесском, Костроме, Вологде. Ярославские фрески отличает искренний интерес к человеку, его жизни. Росписи на сюжеты Священного Писания превращаются в бытовой жанр, понятный рассказ о жизни простых людей. В ярославской церкви Ильи Пророка (1681) работала артель из пятнадцати мастеров, во главе которых стояли Гурий Никитин и Сила Савин. Некоторые фрески навеяны гравюрами известного в России издания голландской Библии Яна Фишера-Пискатора. Но у ярославских художников они получили истинно русское понимание: в сцене жатвы запечатлен типично русский пейзаж и фигуры косцов в русских рубахах, Каин пашет русской сохой, жених и невеста в сцене «Брак в Кане» одеты в русские свадебные наряды. На стенах храма Иоанна Предтечи (1694—1695) в Ярославле Дмитрий Плеханов с товарищами изобразили на фресках танцующую Саломею, нагую Вирсавию. Фрески ростовских храмов дышат изяществом, легкостью, динамичностью, переливами красок чистых цветов. Стенописи XVII в. испытали влияние городской, посадской культуры с ее светскими, демократическими тенденциями.

Интерес к человеческой личности вызвал появление «парсуны» (от лат. persona — личность), портретное изображение реального лица. В первой половине столетия парсуны писались в иконописной манере на доске яичными красками (копенгагенский портрет Ивана Грозного, парсуна М. В. СкопинаШуйского). В последние десятилетия века изображения портретируемых становятся более реалистичными (парсуны Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, стольника Годунова, патриарха Никона, боярина Л. К. Нарышкина). Парсуны стали писать на холсте маслом. Парсуна является первым светским жанром в древнерусской живописи, отразившим традиции и новации в изобразительном искусстве рубежа веков.

Повседневная жизнь человека. Повседневность в XVII столетии основывалась на прочном фундаменте традиций и обычаев. Присущий средневековой культуре традиционализм, основанный на производственной деятельности, наложил свой отпечаток на духовную и повседневную жизнь человека. Новации проникали в верхние слои русского общества, не меняя в целом культурной системы, а только придавая ей особый колорит.

Многие стороны жизни человека, как и раньше, в XVII в. определялись христианским вероучением и церковью, которая следила за их исполнением. Человек с момента рождения был включен в семью со всем кругом отношений с родителями и родственниками. Крестьянин и

посадский человек были включены в такую социальную организацию, как община, с которой был связан весь спектр социокультурных связей: труд, отстаивание личных и общих интересов, праздники. Наряду с этими горизонтальными связями важнейшую роль в средневековом обществе играла сословная принадлежность человека. Вертикальная иерархическая лестница определяла не только сословный статус, права и обязанности, но общественное сознание и нормы поведения той или иной сословной группы. Средневековому человеку принадлежность к сословно-корпоративной группе придавала уверенность, давала возможность играть в обществе свою роль. От сословной принадлежности человека зависело, где и как он жил, с кем общался, на что мог претендовать. Крестьянин жил в избе, часто топившейся по-черному, довольствовался простой пищей и одеждой из домотканых тканей, в то время как боярин носил соболью шубу, кафтан из дорогой, «заморской» ткани, горлатную шапку, жил в просторных, иногда каменных палатах, его обед состоял из нескольких десятков блюд. Разницу в положении людей отмечали сами современники: «А в домех они своих живут против того, кто какой чести и чином», — писал Г. К. Котошихин.

Мир русского крестьянина определялся характером и условиями сельскохозяйственного цикла работ. Суровые природноклиматические условия требовали максимальной интенсивности труда в короткий промежуток времени. В повседневной жизни крестьяне выработали и использовали огромный опыт знаний о природе, который был приспособлен к местным условиям. Крестьянское мировосприятие неотделимо от православия в его народной понимании. Церковный месяцеслов и народный земледельческий календарь слились в сознании земледельца в единое целое. Установившееся в XVII в. крепостное право лишило крестьянина личной свободы, вмешивалось в имущественные и семейные отношения, попирало человеческое достоинство. Трудолюбие, доброта, взаимопомощь и терпение — эти черты русского национального характера вырабатывались на протяжении веков в трудных условиях. Произвол властей и помещиков, безысходность повседневного бытия приводили к социальным взрывам, и тогда русский крестьянин демонстрировал скопившийся разрушительный потенциал национального характера.

На уровне соблюдения обычаев социальные различия приглушались самой жизнью; рождение, крестины, свадьба, праздники, похороны имели общие для русских людей традиции. Источники сохранили подробное описание «чина» царских и боярских свадеб в XVII в. Г. Котошихин с

осуждением отмечал, что в России не существует обычая жениху самому «уговариваться» с невестой и видеть ее до венца, как в других государствах (на царя это правило, естественно, не распространялось). Свадьбе предшествовали сватовство и сговор, во время которого родственнице жениха показывали невесту, подчас обманывая заинтересованную сторону. На сговоре в письменной форме оформляли договор, в котором содержался перечень приданого, указывались срок свадьбы и сумма штрафа за нарушение одной из сторон брачного контракта. В XVII столетии сговорные записи заключались торговыми людьми и даже крестьянами с той только разницей, что «в поступках их и в платье с дворянским чином рознитца, сколько кого станет».

Церковь всесторонне регламентировала и контролировала семейно-брачные отношения. Только заключенный по православному обряду брак считался законным. Но в свадебных традициях сохранялись магические действия, уходящие своими корнями в языческое прошлое: расплетание косы и чесание волос, хождение с караваями, благословение хлебом и солью, осыпание молодых зерном, брачная постель на снопах. Все эти обычаи, призванные оградить молодую семью от злых сил и «дурного глаза», сопровождали свадебные церемонии независимо от социального статуса их участников.

Роды считались делом нечистым, и в Псалтири было записано: «се бо в беззакониих зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя». Поэтому роженицу следовало удалить из дома; местом, где происходили роды, часто становилась «мыльня» (баня). Рожали и в городе и в деревне с бабками-повитухами. Чтобы помочь роженице, прибегали как к обрядовой магии, так и к помощи церкви, когда при трудных родах открывали царские врата в храме. Роженица первые шесть недель после родово считалась «нечистой», ей запрещалось ходить в церковь; над ней и новорожденным совершались очистительные обряды от порчи.

Важнейшим христианским обрядом было крещение, которое происходило на сороковой день после рождения ребенка. Если ребенок рождался слабым,то его стремились поскорее окрестить. Церковь придает крещению значение второго рождения, так как происходит приобщение человека к Богу и божественному закону, которому он теперь будет следовать всю свою жизнь. В христианском вероучении крещение — это и включение человека в общество, и закрепление его статусного состояния: «каждый оставайся в том звании, в котором призван». Новорожденному давали имя того святого (или одного из них), празднование которого приходилось на день крестин. Крестины царевичей отмечались большими

праздниками, многочисленными подарками, при этом «будет кто подарил скудно, а место или человек богатые, и о том царь бывает гневен, понеже бутто тот человек не рад рождению того царевича». В день крестин отец младенца устраивал угощение: Алексей Михайлович выставлял до 600 ведер вина в кадях и «пива и меду против того вшестеро и всемеро», в других домах угощали неизмеримо скромнее.

Медиевисты давно пришли к наблюдению, что в Средние века отношение к детям было как к маленьким взрослым. Естественно, этО не означает, что у детей не было родительской любви и детства. Но в каждой социальной среде существовали свои цели и задачи воспитания, которые учитывали будущее предназначение царского, боярского или крестьянского сына. Иначе говоря, по рождению полагалось и воспитание. Царевича до года кормила кормилица, которая за это получала щедрое вознаграждение, до пяти лет он рос с мамками и няньками, затем к нему «для бережения и научения» определяли дядьку из бояр. Таким дядькой-воспитателем у Алексея Михайловича был боярин Б. И. Морозов, имевший на него большое влияние. Крестьянские мальчики и девочки с семи-восьми лет приучались к посильному сельскохозяйственному труду, с тем чтобы к пятнадцати-семнадцати годам стать в хозяйстве полноценными работниками. Царские дети воспитывались в изоляции от внешнего мира, никто, кроме приставленных к ним людей, не должен был их видеть. Дети посадских людей, стрельцов или крестьян росли в иных условиях, зная с юных лет посильный труд и «потехи» (например, игры в «свайку», бабки, городки, жмурки, кулачные бои и т.д.). Хотя родительские представления исходили из того, что нельзя давать детям «потачки» и не надо скупиться на наказания, источники сохранили примеры родительской любви и заботы. Письма из тюрьмы раскольницы Е. П. Урусовой к сыну и двум дочерям переполнены нежностью и тревогой за их будущее. Не меньшее беспокойство причиняли взрослые дети. Княгиня Т. И. Голицына регулярно писала письма с наставлениями своему сыну известному государственному деятелю В. В. Голицыну, находившемуся в походе. Большие огорчения доставил своему отцу-дипломату А. Л. Ордину-Нащокину его сын Воин, сбежавший в 1660 г. с дипломатическими документами и казною к полякам. Такой поступок наносил непоправимый удар по родовой чести, а это было хуже, чем смерть. Алексей Михайлович отклонил просьбу отца об отставке, но заметил, что «тебе, думному дворянину, больше этой беды вперед уже не будет: больше этой беды на свете не бывает».

Домашняя жизнь человека в XVII в. представляется довольно замкнутым миром. В записках иностранцев отмечалось «теремное

затворничество» жен и дочерей представителей феодальной знати и верхушки горожан. Затворничество не касалось женщин из других социальных кругов. Новые веяния затронули и царский двор. Царевна Софья не только получила образование и вышла из терема, но и стала соправительницей своих братьев.

Иностранцев восхищали ум и красота русских женщин: «с лица столь прекрасны, что превосходят многие нации», «стройны телом и высоки... одежды сидят на них очень красиво», но употребляют чрезмерно много румян и белил. Отношение к женщине оставалось противоречивым. Амбивалентность оценки женщины лежит в христианской доктрине. В Ветхом Завете грехопадение Адама связано с женщиной, в Новом Завете Мария, родив Христа, спасает человечество. Соборное уложение 1649 г. устанавливало разную меру наказания мужу и жене за одинаковое преступление: мужеубийцу обрекали на мучительную смерть, закопав по шею в землю, а женоубийце грозило церковное покаяние. В повседневной жизни власть главы семейства над женой и домочадцами могла быть деспотичной, чему яркий пример отношения в доме стольника А. И. Безобразова. «Домострой», который и в XVII в. оставался кодексом правил по домоустройству, рекомендовал жене со «страхом внимати мужу», покоряясь ему во всем, советуясь «и как в люди ходити, и к себе призвати, и с гостями что беседовати». Из многих глав «Домостроя» видно, что хозяйка одевает и кормит всех домашних, ни минуты не сидит без дела, «не угасает светильник ее во всю ночь». Добрая жена неустанными трудами собирает богатство дома и ценится дороже «камени многоценного».

В XVII столетии в быт верхушки общества входят новые предметы. Австрийского дипломата Августина Мейерберга, посетившего Россию в 1661—1662 гг., поразил московский рынок, где продавали по сходной цене вещи, необходимые «для жизни, удобства и роскоши». Ассортимент привозных товаров включал оловянную и стеклянную посуду, оружие, ткани, вина, пряности, фрукты, табак. Европеизация затронула и домашний быт некоторых вельмож. В доме В. В. Голицына, устроенным на «западный манер», были зеркала, картины, портреты русских и иностранных государей, географические карты, часы, обширная библиотека.

Не утихавшая в XVII в. борьба с «латинством» имела бытовой аспект. Церковь связывала бритье бороды и усов и короткую стрижку волос с влиянием «папистов». Еще при патриархе Филарете в «Требник» было включено «Проклятие брадобритию». Его внук Алексей Михайлович продолжал борьбу с заимствованиями, предупреждая своих придворных, чтобы «иноземских немецких и иных извычаев не перенимали, волосов у

себя на голове не подстригали, тако ж и платья, кафтанов и шапок с иноземских образцов не носили и людем своим потому ж носить не велели». Примечательно, что не пройдет и четверти века, как его сын Петр I начнет свои нововведения с бритья бород и введения западноевропейского платья. Правда, уже при Федоре при дворе можно было заметить иноземные костюмы.

XVII век во всех отношениях, в том числе и в культуре, носит переходный характер. Это не эпоха кризиса средневековой культуры, а время поиска и накопления тех составляющих, которые позволят осуществить переход к культуре «разума», культуре Нового времени. Но не следует преувеличивать роль новаций в историко-культурном процессе этого времени. Новое затрагивало незначительную часть общества, русская культура по сути своей оставалась традиционной.

Хронологическая таблица

III тысячелетие до н.э. — появление славян в Европе.

VIII—VII в. до н.э. — чернолесская культура.

VII в. до н.э. — VII в. н.э. — дьяковская культура.

V в. до н.э. — IV в. н.э. — Боспорское царство.

Конец V — вторая половина III в. до н.э. — протогосударство скифов.

III-II вв. до н.э. — вторжение сарматов на территорию скифского протогосударства.

III-II вв. до н.э. — культура подклошовых погребений.

II в. до н.э. — II в. н.э. — зарубинецкая культура.

Конец II в. до н.э. — начало V в. н.э. — пшеворская культура.

II—IV вв. — Черняховская культура.

III в. — нашествие гуннов в Причерноморье и Южном Приуралье.

III-VI вв. — «великое переселение народов».

III-VIII вв. — пеньковская культура.

VI-VII вв. — вторжения славян на территорию Восточной Римской империи.

Вторая половина VI—VII в. — Аварский каганат.

VI в. — появление протогородских центров у антов.

553 — образование Тюркского каганата.

603 — распад Тюркского каганата на Западный и Восточный.

VI-VIII вв. — расселение славян в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы; ассимиляция балтских и угро-финских племен; славянские объединения.

Середина VII в. — X в. — Хазарский каганат.

IX в. — образование славянских протогородских центров в Восточной Европе; первые крупные политические образования у восточных славян.

Середина IX в. — основание «Рюрикова городища». Призвание варягов.

860 г. — поход «русов» на Царьград (Константинополь).

882 г. — вокняжение Олега в Киеве. Начало образования Древнерусского государства.

911 г. — договор Олега с Византией.

941 г — неудачный поход князя Игоря на Константинополь.

944 г. — поход князя Игоря на Константинополь, договор с византийским императором Романом I Лакапином.

944 г. — восстание древлян, убийство князя Игоря.

945 — конец 50-х гг. X в. — правление в Киеве вдовы Игоря, княгини Ольги (в период младенчества Святослава).

957 г. — крещение княгини Ольги в Константинополе.

Конец 50-х годов X в. — 972 г. — правление князя Святослава Игоревича.

964—966 гг. — походы князя Святослава на хазар, камских болгар, ясов, касогов.

968 г. — победа Святослава над болгарами.

969—971 гг. — второй поход Святослава в Придунайскую Болгарию и война с Византией из-за болгарских земель.

978—1015 гг. — княжение Владимира I Святославича.

Конец IX — первая половина X в. — печенеги занимают междуречье Волги и Дуная.

985 г. — поход Владимира на Волжскую Болгарию.

989 г. — крещение Руси.

1019—1054 гг. — княжение Ярослава Мудрого в Киеве; создание «Русской Правды».

1068 г. — восстание в Киеве.

70-е гг. XI в. — восстания в Ростовской земле.

1097 г. — съезд князей в Любече.

1110-е гг. — создание в Киево-Печерском монастыре «Повести временных лет».

1113—1125 гг. — княжение Владимира Мономаха в Киеве.

Первая четверть XII в. — Создание «Пространной Русской Правды».

1125—1157 гг. — княжение Юрия Владимировича Долгорукого в Ростово-Суздальской земле.

1147 г. — первое упоминание Москвы в летописи.

1157—1174 гг. — княжение Андрея Боголюбского.

1169 г. — взятие Киева Андреем Боголюбским.

1176—1212 гг. — правление Всеволода III Большое Гнездо во Владимиро-Суздальском княжестве.

1185 г. — поход Новгород-Северского князя Игоря против половцев.

Конец XII в. (около 1188 г.) — создание «Слова о полку Игореве».

1199—1205 гг. — княжение Романа Мстиславича в Волынской и Галицкой землях.

1202 г. — учреждение ордена меченосцев (Ливонского ордена).

1206 г. — курултай монгольских племен на реке Онон, избрание правителем Темучина — Чингисхана.

1206—1227 гг. — правление Чингисхана.

1223, 31 мая — битва на реке Калке, поражение русских и половецких войск.

1236 г. — разгром монголами Волжской Болгарии.

1236 г. — начало вторжения монгольского войска в Северо-Восточную Русь.

1236 г., 4 марта — битва на реке Сити.

1240 г., 15 июля — разгром князем Александром Ярославичем (Невским) шведского десанта в устье реки Невы.

1240 г., осень — осада и захват монголами Киева.

1240 г. — поход армии Батыя на Запад.

1240 г., 5 апреля — «Ледовое побоище» на Чудском озере.

1240 г. — образование Золотой Орды.

1243—1255 гг. — правление первого хана Золотой Орды Бату (Батыя).

1243 г. — поездка Ярослава Всеволодовича в Золотую Орду за ярлыком на великое княжение.

1252—1263 гг. — великое княжение Александра Невского во Владимире.

Конец 1250-х гг. -— проведение монголами поголовной переписи населения («число») в русских землях.

1262 г. — восстания против монголов в Ростове, Владимире, Суздале, Ярославле, Устюге.

Середина XIII в. — образование в Литве государства Миндовга, набеги на русские земли.

1276—1303 гг. — правление первого московского князя Даниила Александровича.

1312—1342 гг. — правление хана Узбека в Золотой Орде.

1326 г. — перенос митрополичьей кафедры из Владимира в Москву.

1326 г. — восстание в Твери против ханского посла Чолхана.

1328—1340 гг. — князь Иван I Данилович Калита на Владимирском великом княжении.

40-е гг. XIV в. — захват Польшей Галицкой земли.

1345—1377 гг. — правление Ольгерда в Великом княжестве Литовском.

1359-1386 гг. — княжение Дмитрия Ивановича Донского в Москве.

60-е гг. XIV в. — начало распада Ордынского государства.

1367г. — строительство каменного Кремля в Москве.

1378 г. — победа русского войска над ордынцами на реке Воже.

1380 г., 8 сентября — Куликовская битва.

1382 г. — поход хана Тохтамыша на Русь; восстановление зависимости от Орды.

1385 г. — Кревская уния между Литвой и Польшей.

1395 г. — разгром Золотой Орды Тимуром.

1410 г. — Грюнвальдская битва.

1425—1462 гг. — княжение (с перерывами) Василия II Темного.

1425-1453 гг. — «феодальная война» московских князей за великокняжеский стол.

1439 г. — Флорентийская уния православной и католической церкви.

1448 г. — установление автокефалии Русской церкви.

1462-1505 гг. — правление великого князя московского Ивана III.

60 -е гг. XV в. — Новгородская судная грамота

1471 г., 14 июля — победа Москвы над новгородцами на реке Шелони.

1478 г. — потеря независимости Великим Новгородом.

1480 г. — «стояние» на реке Угре. Падение монголо-татарского ига.

1484-1505 гг. — строительство новой кремлевской крепости и соборов.

1485 г. — присоединение Твери к единому Русскому государству.

1497 г. — Судебник Ивана III.

1505-1533 гг. — правление великого князя московского Василия III.

1510 г. — присоединение к Русскому государству Псковской земли.

1514 г. — взятие Смоленска.

1521 г. — присоединение к Русскому государству Рязанского княжества.

1533-1584 гг. — великое княжение и (с 1547 г.) царствование Ивана IV Грозного.

1547 г., июнь — восстание в Москве.

1550 г. — Судебник Ивана IV.

1550 г. — принятие церковным собором «Стоглава».

1551 г. — взятие русскими войсками Казани. Присоединение Казанского ханства.

50-е г. XVI в. — военная реформа; создание стрелецкого войска.

1555-1556 гг. — земская реформа.

1556 г. — взятие русскими войсками Астрахани.

Вторая половина XVI в. — строительство Большой (Заоцкой) засечной черты.

1558-1583 гг. — Ливонская война.

1564 г. — издание Иваном Федоровым «Апостола» — первой датированной печатной книги в России.

1565—1572 гг. — опричнина.

1569 г. — Люблинская уния Польши и Литвы, создание Речи Посполитой.

1570 г. — разгром Новгорода опричным войском.

1575—1584 гг. — «новая опричнина».

1581—1592 гг. — «заповедные годы».

1582 г. — поход дружины Ермака в Сибирь.

1584—1598 гг. — царствование Федора Ивановича.

1589 г. — учреждение патриаршества в России.

1591 г. — гибель в Угличе царевича Дмитрия Ивановича.

1596 г. — Брест-Литовская уния.

1597 г. — указ о пятилетнем сыске беглых крестьян.

1598—1605 гг. — царствование Бориса Годунова.

1604 г., октябрь — вторжение Лжедмитрия I с польским вой¬ском в Северские земли.

1605 г., июнь — восстание в Москве; воцарение Лжедмитрия I.

1606 г., 17 мая — восстание в Москве против Лжедмитрия и по¬ляков, убийство Лжедмитрия I.

1606—1610 гг. — царствование Василия Шуйского.

1606 — 1607 гг. — восстание под предводительством И. Болотникова.

1607 — 1610 гг. — Лжедмитрий II («Тушинский вор»).

1609 г. — начало польско-литовской интервенции; осада Смоленска.

1610 г. — договор о призвании на русский престол королевича Владислава; вступление польских войск в Москву; подчинение боярского правительства интервентам.

1611 г., январь—март — формирование первого ополчения.

1611 г., 19 марта — восстание в Москве против интервентов.

1611 г., сентябрь—октябрь — формирование второго ополчения во главе с К. Мининым и князем Д. М. Пожарским в Нижнем Новгороде.

1612 г., август — поражение войск гетмана Ходкевича под Москвой; объединение двух ополчений.

1612 г., октябрь — капитуляция польско-литовского гарнизона в Москве.

1613, 21 февраля — избрание Земским собором на царство Михаила Федоровича Романова.

1613—1645 гг. — царствование Михаила Федоровича.

1617 г. — заключение Столбовского мира России со Швецией.

1618 г. — заключение Деулинского перемирия между Россией и Польшей.

1619—1633 гг. — патриаршество Филарета.

1632—1634 гг. — война с Польшей («Смоленская война»). Поляновский мир.

1635—1648 гг. — сооружение Белгородской засечной черты.

1645—1676 гг. — царствование Алексея Михайловича.

1648 г. — восстание в Москве («Соляной бунт»), Устюге и дру¬гих городах.

1648 г. — экспедиция С. Дежнева к Северному Ледовитому океану.

1648—1654 гг. — война украинского и белорусского народов против власти Польши.

1648 — 1654 гг. — сооружение Симбирской засечной черты.

1649 г. — новый свод законов — Соборное уложение царя Алексея Михайловича.

1649 г. — Зборовский договор.

1649 — 1652 гг. — походы отряда Е. Хабарова по Амуру.

1650 г. — восстания во Пскове и в Новгороде.

1652—1656 гг. — сооружение Закамской засечной черты.

1652—1658 гг. — патриаршество Никона.

1653 г. — начало церковной реформы патриарха Никона.

1653 г. — принятие Таможенного устава.

1653 г., октябрь — Земский собор по вопросу о принятии под царскую власть Запорожского войска и о войне с Польшей.

1654 г. — Переяславская рада. Воссоединение Украины с Рос¬сией.

1654 — 1667 гг. — война с Польшей.

1656—1658 гг. — война со Швецией. Валиессарское перемирие.

1661 г. — заключение Кардисского мира России со Швецией.

1662 г., 25 июля — «Медный бунт» в Москве.

1666—1667 гг. — церковный собор, лишение Никона патриар¬шего сана.

1667 г. — Новоторговый устав.

1667 г. — Андрусовское перемирие с Речью Посполитой.

1668—1676 гг. — Соловецкое восстание.

1670—1671 гг. — восстание под предводительством С. Т. Разина.

1676 — 1682 гг. — царствование Федора Алексеевича.

1677 — 1681 гг. русско-турецкая война.

1680—1685 гг. — сооружение Изюмской засечной черты.

1681 г. — Бахчисарайский мир.

1681 г. — открытие Типографской школы при Печатном дворе в Москве.

1682 г. — отмена местничества.

1682 г. — стрелецкое восстание в Москве.

1682—1689 гг. — правление царевны Софьи Алексеевны.

1682—1725 гг. — царствование Петра I (до 1689 г. — совмест¬но с Иваном V при регентстве царевны Софьи; до 1696 г. — совместно с Иваном V).

1686 г. — «Вечный мир» России с Польшей.

1687, 1689 гг. — крымские походы.

1687 г. — создание Славяно-греко-латинского училища (с 1701 г. — академия).

1689 г. — Нерчинский договор с Китаем.

---

notes

Примечания

1

Любопытно, что спустя ровно 100 лет, при Анне Иоанновне, после заключения русско-голштинского соглашения, по договору 1734 г. английские купцы все же получат долгожданное право выгодной торговли через территорию России с Ираном и Закавказьем.

2

Григорий Котошихин был подьячим Посольского приказа. В 1664 г. бежал в Польшу, а затем в Швецию и в Стокгольме написал свои знаменитые записки, ставшие первоклассным источником по истории разнообразных сторон жизни Русского государства времен Алексея Михайловича, в том числе структуры власти и управления.